РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2010 года

ТОМ XVI

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2010

ББК 63.4+63.5
П 781

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

Редакционная коллегия
А.В. Бауло, Е.И. Деревянко, О.И. Новикова,
С.П. Нестеров, И.В. Октябрьская, М.В. Шуньков

Исследования выполнены в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ – НШ-8175.2010.6 и НШ-5107.2010.6, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН, проектов Рособразования РНП 2.2.1.1.2183 и 1.17.08 (ЗН-17-08), проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» №02.740.11.0353 и № П363

Статьи публикуются в авторской редакции

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2010. – Т. XVI. – 616 с.
П 781

ISBN 978-5-7803-0203-2

ББК 63.4+63.5

© ИАЭТ СО РАН, 2010

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.А. Анойкин, М.А. Борисов

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2010 ГОДУ*

Стоянка Тинит-1 (41°55′01″с.ш., 48°02′01″в.д.; а.в. - 724 м) расположена в 1,5 км к северо-западу от с. Тинит (Табасаранский р-н Республики Дагестан).

Памятник был открыт в 2007 г. сотрудниками Дагестанского отряда экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН в ходе разведочных работ в верхнем течении р. Рубас [Деревянко и др., 2007]. Стационарное исследование объекта проводится с 2008 г., когда на стоянке был заложен раскоп 6х5 м. Толща рыхлых отложений вскрывалась по всей площади раскопа на глубину ≈ 3 м, а на участке 2х2 м - до 5 м. На объекте было выделено 8 слоев, содержащих 11 горизонтов залегания археологического материала. Раскопки памятника продолжались в 2009 г., когда к восточной стенке раскопа 2008 г. была сделана прирезка 4х8 м. Толща рыхлых отложений вскрывалась по всей площади раскопа на глубину ≈ 3 м, а на участке 3х2 м - до 5,5 м. В ходе работ выделено 9 литологических слоев, содержащих 10 горизонтов залегания археологического материала, в целом, повторяющих характер залегания находок в раскопе 2008 г. В 2010 г. к южной стенке раскопа 2009 г. была сделана прирезка 4х6 м, ориентированная по длинной оси в направлении С-Ю. Толща рыхлых отложений вскрыта по всей площади раскопа на глубину ≈ 3 м. В ходе работ выделено 8 литологических слоев, содержащих 9 горизонтов залегания археологического материала, в общем, повторяющих характер залегания находок в раскопах 2008-2009 гг.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз):

Слой 0. Техногенный слой, представляет собой остатки отвала 2008-2009 гг. Мощность - до 0,25 м.

Слой 1. Суглинок темный серо-коричневый, плотный, в кровле - включения современного мусора. Истинная мощность (и.м.) 0,2-0,4 м.

Слой 2. Суглинок темно-коричневый плотный, по-видимому, эолово-делювиального генезиса. В средней части встречаются редкие ходы землеройных животных. Содержит материалы а.г. 2. И.м. 0,2-0,5 м.

Слой 3. Супесь коричневато-серая (при высыхании - светлая, белесая) пористая, пылеватая, с массой древесного угля (фрагменты до 1 см). Ге-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а, 10-06-100015-к) и РГНФ (№ 10-01-00234-а).

незис, вероятно, делювиально-эоловый. Отложения сильно биотурбированы (множество нор) особенно в подошве. Содержит материалы а.г. 3. И.м. 0,15-0,35 м.

Слой 4. Отложения близки таковым слоя 2. Основные отличия: сильно биотурбированная кровля, вертикальная тонкая трещинноватость и табачный оттенок отложений. И.м. - 0,7-0,9 м. Содержит материалы а.г. 4-5.

Слой 5. Отложения близки таковым слоя 3, однако, невыдержанны по простиранию и также трещинноваты. Из-за постоянного подъема поровых вод местами отложения не высыхают и имеют темно-коричневый цвет. Содержит материалы а.г. 6. И.м. - 0,25-0,4 м.

Слой 6. Суглинок темно-коричневый (при высыхании - светло-коричневый) плотный, по-видимому, делювиального (с примесью эолового материала) генезиса. Отложения также разбиты многочисленными тонкими (1 мм), вероятно, гравитационными трещинами. Содержит материалы а.г. 7-8. И.м. - 0,45-0,7 м.

Слой 7. Суглинок делювиальный, близкий таковому слоя 4. Содержит материалы а.г. 9. И.м. - 0,15-0,3 м.

Слой 8. Темно-коричневая (при высыхании - коричневая) песчанистая глина делювиального генезиса. Отличается от слоя 7 уменьшением в составе песчаных зерен. Содержит материалы а.г. 10. Видимая мощность - до 0,4 м.

Все изделия из раскопа (554 экз.) изготовлены из кремня и сильно окремненных пород. Планиграфический анализ условий залегания археологического материала, наряду с данными стратиграфии, свидетельствуют о том, что он залегает in situ и претерпел минимальные пространственные перемещения. Практически все изделия имеют горизонтальную или близкую таковой ориентацию, небольшой вертикальный разброс внутри выделенных археологических горизонтов и согласное залегание относительно вмещающих геологических тел.

Остатки позвоночных в раскопе не обнаружены, что, видимо, связано с низкой скоростью седиментации и разрушением костей и зубов на дневной поверхности до их захоронения.

Работы 2010 г., позволили составить более точное представление о структуре памятника, а также уточнить особенности каменных индустрий основных археологических горизонтов (а.г.).

А.г. 2 (3 экз.): отщепы - 2, обломки, осколки - 1. Орудийных форм нет.

А.г. 3 (20 экз.): нуклевидные обломки - 1, пластины - 2, отщепы - 11, технические сколы - 2, обломки, осколки - 4. Орудийные формы (2 экз.) представлены угловым резцом и ножом.

А.г. 4 (25 экз.): нуклеусы - 1 (одноплощадочный бифронтальный для удлиненных заготовок, с сопряженными фронтами снятия), пластины - 2, отщепы - 12, технические сколы - 2, обломки, осколки - 8. Орудийные формы (2 экз.) представлены режущими изделиями (нож и скребло-нож (рис. 1,*4*)).

А.г. 5 (99 экз.): нуклевидные обломки - 1, пластины - 9, микропластины - 1, отщепы - 45, технические сколы - 4, обломки, осколки - 39. Орудийный набор (3 экз.) представлен атипичным концевым скребком, изделием с ретушированной выемкой и ножом.

А.г. 6 (353 экз.): нуклеусы - 3 (одноплощадочный бифронтальный для удлиненных заготовок, с сопряженными фронтами снятия - 1, монофронтальныей двухплощадочный для небольших отщепов, сильно истощенный - 1, радиальный монофронтальный - 1), нуклевидные обломки - 4, пластины - 19, микропластины - 1, отщепы - 165, технические сколы - 9, обломки, осколки - 152. Орудийный набор (10 экз) представлен ретушированными леваллуазскими заготовками (атипичный остроконечник (см. *рисунок, 1*) и дистальный фрагмент удлиненного скола), атипичным остроконечником, режущими формами (ножи (2 экз.) и скребло-нож (см. *рисунок* 1, *3*)), невыразительным мелким скребком, пластиной и отщепами (2 экз.) с ретушью.

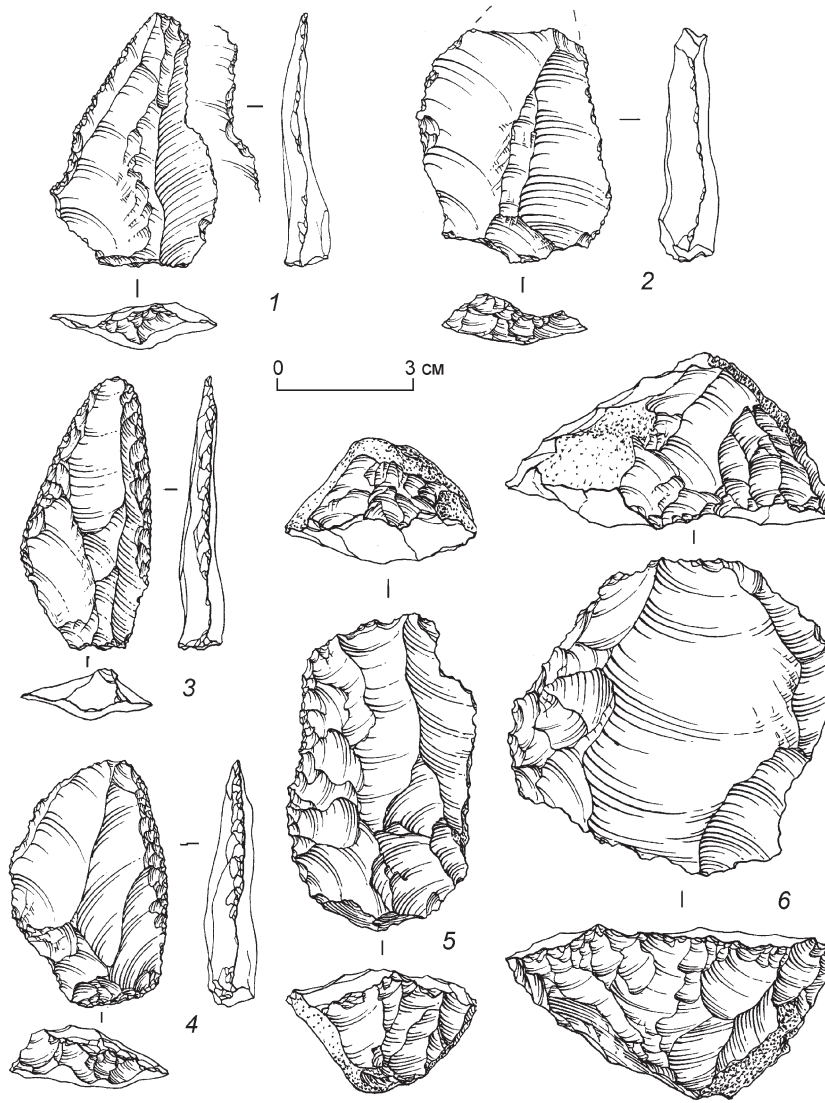
А.г. 7 (34 экз.): нуклеусы - 2 (монофронтальный двухплощадочный для удлиненных заготовок со снятием заготовок во встречных направлениях - 1 (рис. 1,*5*), торцовый монофронтальный одноплощадочный для удлиненных заготовок, со следами неоднократного переоформления - 1), пластины - 2, отщепы - 15, технические сколы - 4, обломки, осколки - 11. Орудийный набор (2 экз.) представлен ножом и отщепом с ретушью.

А.г. 8 (4 экз.): нуклеусы - 1 (монофронтальный двухплощадочный для удлиненных заготовок со снятием заготовок во встречных направлениях), отщепы - 1, технические сколы - 2. Орудийный набор (1 экз.) представлен небольшим выемчатым изделием.

А.г. 9 (12 экз.): нуклеусы - 1 (леваллуазский монофронтальный овальный для удлиненных заготовок с противолежащей вспомогательной ударной площадкой (см. *рисунок* 1, *6*)), нуклевидные обломки - 1, отщепы - 7 (см. *рисунок* 1, *2*). Орудийных форм нет.

А.г. 10 (4 экз.): отщепы - 4. Орудийных форм нет.

Анализ техники первичного расщепления, показывает, не смотря на малое количество нуклевидных форм, их достаточное разнообразие в нижних горизонтах (а.г. 5-10), где наряду с простыми одноплощадочными формами, присутствуют сложно организованные биполярные ядрища, с тщательной подготовкой как ударных площадок, так и фронта скалывания и следами осуществления нескольких циклов снятия заготовок, а также торцовые, радиальные и леваллуазские нуклеусы. Показательно, что все ядрища ориентированы на производство удлиненных сколов, хотя негативы снятий и не имеют геометрии правильных пластинчатых заготовок. Анализ сколов показывает доминирование изделий с параллельной и субпараллельной огранкой дорсалов, которые составляют 66,7% в группе верхних а.г. и 51,2% в группе нижних. Интересно, что более 10% в этой категории в группе нижних а.г. составляют сколы с субпараллельной бинаправленной огранкой дорсала. Сколов декортикации крайне мало (3 % и менее). Среди остаточных ударных площадок доминируют гладкие (68,0 % в верхних а.г. и 51,8 %



Тинит-1. Раскоп. Каменные артефакты. Художник А.В. Абдульманова.
4 – горизонт 4; *1, 3* – горизонт 6; *5* – горизонт 7; *2, 6* – горизонт 9.
1, 2 – леваллуазские сколы; *3, 4* – скребла-ножи; *5, 6* – нуклеусы.

в нижних), много линейных/точечных, особенно в нижних а.г. (20,7 %). Также там значителен процент двухгранных/фасетированных площадок - 17,6 %. Стоит отметить, что результаты статистического анализа сколов группы верхних а.г. коллекции 2010 г. могут рассматриваться с определен-

ными оговорками и только в совокупности с данными работ предыдущих лет, т.к. их количества недостаточно для статистически достоверной выборки (всего 33 экз.)

Анализ объединенной коллекции каменных артефактов 2007-2010 гг. позволяет предполагать, что первые четыре а.г. по технико-типологическим характеристикам соответствуют периоду позднего палеолита. Об этом свидетельствует применение верхнепалеолитической техники скола - прямое и обратное редуцирование края ударных площадок подтеской и пришлифовкой. В нижних горизонтах (с а.г. 5), напротив, фиксируется использование среднепалеолитических техник расщепления (фасетированные и двухгранные площадки у части заготовок; сколы оформления леваллуазских ядрищ; целевые заготовки, близкие леваллуазским формам, леваллуазские ядрища). Орудийный набор не многочислен, однако, отдельные яркие образцы орудий, в основном из нижних а.г. (скребла-ножи, остроконечники и др.), не противоречат делению коллекции, предложенному на основании технических параметров. Таким образом, в настоящий момент, можно соотносить археологический материал а.г. 1-4 с верхним палеолитом, а а.г. 5-11 - с финалом среднего палеолита и, возможно, более ранними его этапами.

Список литературы

Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит -1 (Южный Дагестан) в 2009 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 14. – С. 22–27.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Лещинский С.В., Зенин И.В. Исследования палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2008 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 13. – С. 36–41.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Кулик Н.А. Тинит-1 – новая многослойная палеолитическая стоянка в долине р. Рубас // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 12. – С. 72–77.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин, А.Ю. Юракова

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В 2010 ГОДУ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ)

В 2010 году Кузбасской археологической экспедицией было продолжено изучение комплекса артынской поздненеолитической культуры, связанного с северо-восточной планиграфической группой объектов поселения Автодром 2 (Венгеровский район Новосибирской области). На памятнике вскрыто 276 м^2, что позволило соединить воедино раскопы 1998, 2007-2009 гг. Изучены остатки двух конструкций (№15, 54), получен представительный комплекс керамической посуды и каменного инвентаря. Выявленная стратиграфия полностью соответствует ранее обозначенной и неоднократно описанной ситуации [Бобров, Марочкин, 2008; 2009].

Жилище №15. Расположено между жилищами №14 (раскоп 1998 г.) и №16 (раскоп №3 2007 г.). Его остатки представляли собой котлован, углубленный в материковый суглинок на глубину до 0,15 м. Форма котлована неправильная, с небольшим вытянутым выступом в восточной части. Длина по линии запад-восток составляет 6,6 м, по линии север-юг – 5,8 м. Дно относительно ровное. Крутизна стенок различна: от отвесных на западном, юго-восточном и северо-восточном участках, до пологих в других секторах.

Сооружение №54. Внешних признаков не имело, обнаружено по незначительному перепаду высот при инструментальной съемке рельефа современной дневной поверхности. Расположено к югу от жилища №16. Представляет собой округлый в плане котлован, углубленный в материк на глубину до 0,05 м. D ≈ 3,5 м. Ввиду малой глубины степень крутизны стенок не различима. Дно относительно ровное, за исключением восточной части, где фиксируются три ямы разного размера (возможно, следы корневой системы деревьев).

Керамический комплекс. Наиболее массовой категорией находок, представленной в слое и заполнении котлованов, являются фрагменты керамической посуды. В общей сложности, обнаружено 4811 одиночных фрагментов, и несколько обширных развалов. Культурно-хронологической атрибуции, исходя из сохранности орнамента, подлежат 1586 фр. Полученный комплекс не является монокультурным и одновременным, включая материалы средневековья, новочекинской культуры раннего железного века, байрыкского типа (ранний металл) и боборокинского облика (неолит). Доля в рассматриваемом массиве артынской керамики достигает 70%

(156 фр.венчика и 831 фр.тулова). Посуда данной группы представлена тонкостенными (7-8 мм) остродонными сосудами открытой баночной формы. Край венчика – прямой или волнистый. Ведущие техники орнаментации – прочерченная, отступающе – протащенная и накольчатая. Орнаментальная композиция на большинстве сосудов состоит из сочетания горизонтальных либо волнистых линий, и ямок округлой или овальной формы (рис. 1, *2*).

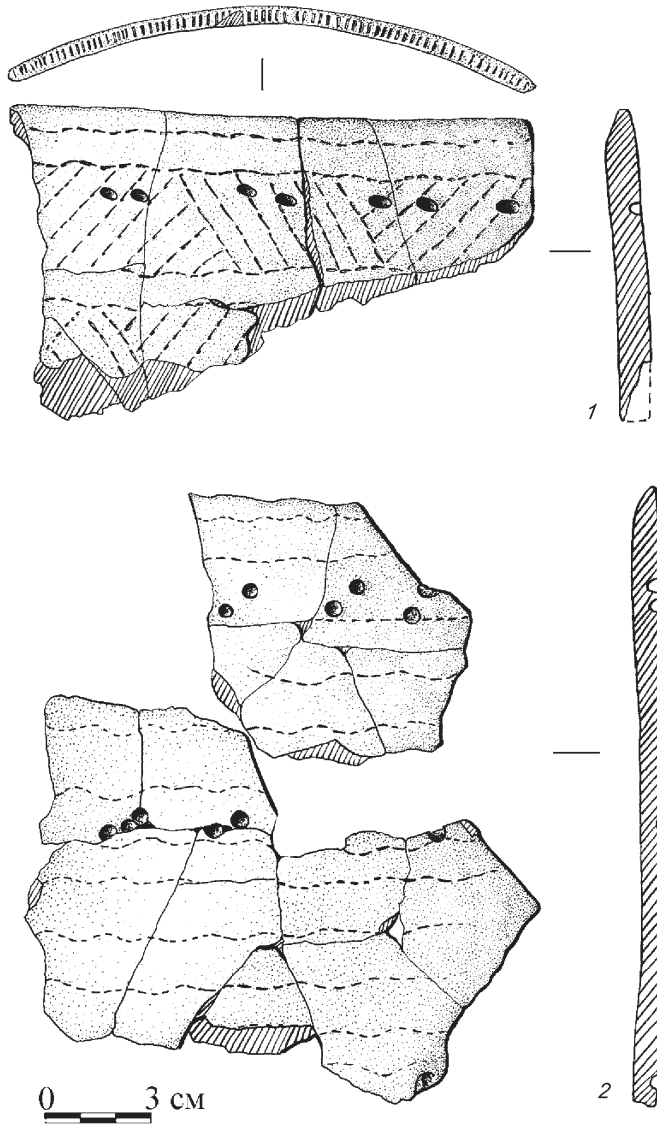


Рис. ы1. Керамика поселения Автодром-2.

Нюансы орнамента на разных сосудах могут варьироваться, не изменяя общего декоративного колорита [Бобров, Марочкин, Юракова, 2009].

Один сосуд, фрагменты которого зафиксированы на дне котлована №54 и к востоку от него, демонстрирует иную орнаментальную композицию (рис. 1, *1*). Её основу составляют «стандартные» горизонтальные линии, выполненные в отступающе-протащенной технике. Зона венчика свободна от других элементов, а на стенке пространство между линиями заполнено узором из взаимопроникающих треугольников, выполненным той же технике. С напуском на орнаментальное поле нанесен ряд овальных ямок, сгруппированных по две. Подобный орнамент, хотя и редко, встречается на артынской посуде в комплексах Среднего Прииртышья [Иващенко, Толпеко, 2005, рис. 2-*5,10*], и, по всей видимости, является устойчивым вариантом декора.

Помимо одиночных фрагментов артынской посуды, зафиксированы развалы нескольких сосудов, расположенные in situ на дне обоих котлованов. Особенно примечательны развалы №2 (20 фр. венчиков, 398 фр. тулова и 1 фр. дна), №3 (8 фр. венчиков и 243 фр. тулова) и №4 (270 фр.тулова), планиграфически приуроченные к северному сектору жилищного котлована №15. Есть основания предполагать, что размещение сосудов вдоль стены

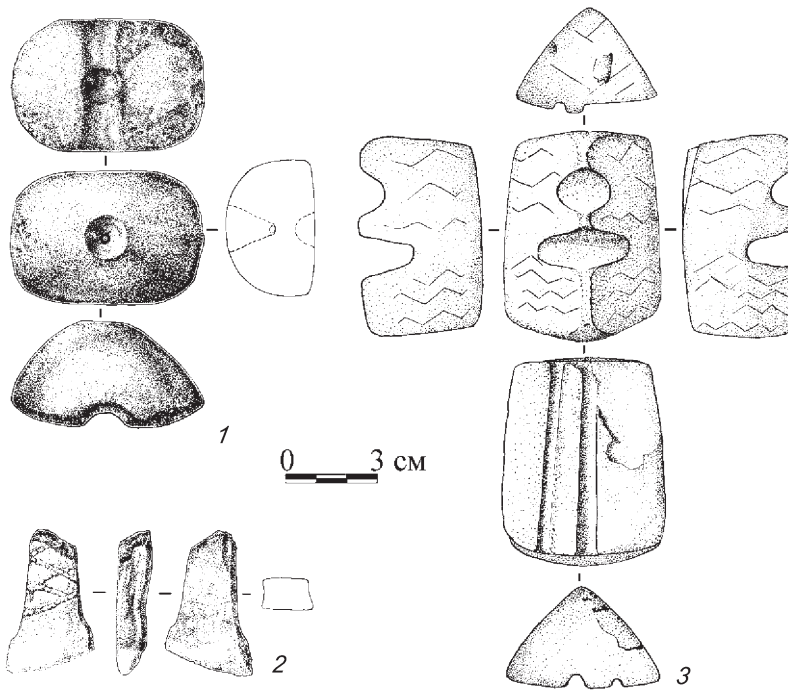


Рис. 2. Изделия из камня поселения Автодром-2.

только с одной стороны помещения не случайно, и отражает определенные принципы организации пространства.

Каменный инвентарь. В большом количестве обнаружены небольшие отщепы случайных форм, по всей видимости, являющиеся отходами производства – 139 экз. Признаки вторичной обработки в виде мелкой сплошной ретуши фиксируются лишь на 1 пластинчатом экз. Нуклеусы представлены 5 экз. Лишь один из них является призматическим, с выраженной площадкой и негативами пластинчатых снятий шириной до 5 мм. Остальные предметы аморфны, не имеют выраженной площадки и несут негативы разнонаправленных нерегулярных снятий – отщепов. Обнаруженные пластины представлены трапециевидными и треугольными формами шириной 7-18 мм. Часть из них не имеет признаков вторичной обработки (34 экз.): 1 целый предмет, 9 проксимальных фрагментов, 18 сечений и 6 дистальных фрагментов. На многих фиксируется утилитарная ретушь. В количестве 36 экз. обнаружены пластины с вторичной обработкой (2 – целые, 13 – проксимальные фрагменты, 15 – сечения, 6 – дистальные фрагменты). Ретушь преимущественно мелкая сплошная, нанесенная с дорсальной, реже вентральной стороны по одному маргиналу. Встречаются изделия, ретушированные по обоим маргиналам. Три пластины имеют скошенный торец, оформленный поперечным сколом. В ряде случаев отмечены небольшие резцовые сколы и боковые выемки. Наиболее многочисленной категорией изделий из камня являются скребки округлых, полукруглых, веерообразных, боковых и концевых форм – 60 экз. Большая часть предметов выполнена на отщепах (39 экз.), реже на пластинах (20 экз.). Один скребок оформлен на продольном сколе с нуклеуса. В подавляющем большинстве случаев рабочий край изделий оформлен крупной ретушью с дорсальной плоскости. На многих орудиях видны признаки сработанности. В количестве трех экземпляров обнаружены миниатюрные наконечники стрел, оформленные на пластинах покрывающей бифасиальной ретушью. Два из них листовидной формы с прямой базой (35×11×4 мм), третий имеет укороченные пропорции (20×12×4 мм) и слегка вогнутую базу. Отдельную категорию находок составили заготовки орудий разной степени законченности. Представлены заготовки: небольшого топорика трапециевидной формы (70×35×15 мм), миниатюрного тесла с выраженной ассиметрией профиля лезвия (46×31×15), крупного остроконечника (фрагмент - 66×38×8 мм), небольшого остроконечника лавролистной формы (50×30×12), наконечника стрелы с вогнутой базой (33×11×5 мм). В количестве 6 экз. зафиксированы случайные сколы с поверхности шлифованных орудий. Четырьмя экземплярами представлены абразивы из мелкозернистого песчаника. Два абразива выполнены на фрагментах ожелезненной керамики (?) – один с отверстием для подвешивания, другой имеет накольчатый орнамент в виде косой сетки (рис. 2, *2*). В единственном числе обнаружены основание проколки на пластине, нож на крупном пластинчатом отщепе, а также фрагмент каменного диска

с отверстием по центру (рис. 2, *1*). Подобные диски имели широкое географическое распространение и длительный период существования (мезолит - раннее железо). Ближайшие аналогии находки с поселения Автодром 2 известны в памятниках ботайской культуры. По данным В.Ф. Зайберта, перфорированных каменных дисков найдено более 1000 ед. Ссылаясь на результаты трассологического анализа, он указывает, что подобные предметы использовались в качестве утяжелителей для палок-копалок, ткацкого станка, напряслица, маховика для станкового сверления, наверший булавы и т.д. [Зайберт, 2009]. Сохранившуюся половину диска, вероятно, хотели использовать с той же целью. Для этого было начато, но не завершено продольное сверление с двух сторон.

Уникален предмет, являвшийся, по-видимому, абразивным инструментом для калибровки округлых в сечении предметов (древки стрел и др.) различного диаметра (рис. 2, *3*). Изделие представляет собой брусок размерами 69×51×35 мм, в сечении правильной треугольной формы. В верхней части инструмент имеет две перпендикулярные выемки d ≈ 13-17 мм, глубиной до 12 мм. Нижняя, «базовая» сторона предмета несет две узких продольных выемки d ≈ 4 – 6 мм, глубиной до 4 мм. На трех плоскостях инструмента имеется прочерченный орнамент из параллельных волн-зигзагов, что композиционно напоминает орнамент на артынской посуде. Говоря об аналогиях данному изделию, в первую очередь необходимо вспомнить т.н. «утюжки» - выпрямители древк, широко распространенные в культурах неолита и ранней бронзы Евразии [Усачева, 2005]. Впрочем, морфология находки с Автодрома 2 существенно отличается от всех известных типов подобных изделий.

Планиграфия распространения предметов из камня демонстрирует их концентрацию в заполнении котлована №54 и в непосредственной близости от него. Здесь были обнаружены все заготовки орудий, нуклеусы, большая часть абразивов и большое количество отщепов. Часть отщепов (18 шт.) зафиксирована на дне котлована в сопряжении с компактным скоплением артынской керамики. Данное обстоятельство, как и небольшие размеры котлована, позволяют предположить, что сооружение имело не жилой, а производственно-хозяйственный характер.

Таким образом, предварительные результаты исследований отражены несколькими позициями. *Первое*, объединение разновременных раскопов в сплошную площадь позволит в комплексе рассматривать материалы разных лет. *Второе*, полученная коллекция артефактов дополняет и уточняет данные о материальном комплексе артынской поздненеолитической культуры. *Третье*, впервые удалось обозначить функциональные различия в назначении сооружений древнего поселка. *Четвертое*, получены первые сведения о внутренней планиграфии жилищных сооружений.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Комплекс позднего неолита на поселении Автодром-2 в Центральной Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С.15–20.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Новые материалы позднего неолита лесостепной Барабы (по результатам раскопок поселения Автодром-2 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 44–49.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Юракова А.Ю. Керамика артынской поздненеолитической культуры (по материалам поселения Автодром-2) // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 113–116.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. – Алматы: КазАкпарат, 2009. – 576 с.

Иващенко С.Н., Толпеко И.В. Культурно-хронологическая атрибуция ранних памятников Усть-Тарского археологического микрорайона // Истор. ежегодник, 2005. – Омск, 2006. – С. 83–91.

Усачева И.В. «Утюжки» в культурах Евразии // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. – № 6. – С. 12–23.

С.К. Васильев, А.Н. Зенин

ОСТАТКИ МЕГАФАУНЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2009 ГОДУ)

По палеофаунистическому разнообразию пещера Страшная не имеет себе равных среди других палеолитических памятников Горного Алтая (Васильев, Зенин, 2009). В настоящей статье наряду с обзором материалов, полученных в результате раскопок 2009 г. подводятся некоторые предварительные итоги многолетних палетериологических исследований плейстоценовых отложений этой уникальной пещеры.

Раскопки 2009 г. затронули верхнюю пачку отложений – слои 1-5 в глубине пещеры. Они оказались необычайно продуктивными – за сезон было найдено более 53,3 тыс. костных остатков. Достаточно сказать, что за все предшествующие годы раскопок (1988-2004 и 2006-2008) получено лишь вдвое большее число (102 тыс.) остеологического материала. Исследованная коллекция включает костные остатки, задерживающиеся при промывке на 10 мм сетке. Количество костей, которые удалось определить до вида, рода, или же класса, составляет 16,6%, что меньше, чем в предшествующие годы раскопок (26,2%). В голоценовых и плейстоценовых слоях пещеры в 2009 г. отмечены остатки как минимум 52 видов диких и домашних млекопитающих, человека, а также рыб, амфибий и птиц (табл. 1). При этом 74,4% определимых костей относится к грызунам, зайцеобразным, рукокрылым, насекомоядным, птицам, рыбам и амфибиям.

Формирование тафоценоза Страшной пещеры происходило в результате пищевой активности хищных зверей, птиц и первобытного человека, а также норной деятельности сурков. Остатки крупных млекопитающих представлены преимущественно изолированными зубами, костями дистальных отделов конечностей, или их фрагментами (табл. 2). Обломки костей крупнее 5 см составляют всего около 4,1% (табл. 3). Значительное число костей несёт следы погрызов или растворения их поверхности кислотной коррозией при прохождении через желудочно-кишечный тракт крупных хищников (в первую очередь, таких как пещерная гиена). Причиной столь высокой фрагментации материала, помимо пищевой активности хищников, является чрезвычайно медленное (несколько см за одну тысячу лет) накопление слоёв в полости пещеры. Совершенно очевидно, что при таких условиях шанс перекрыться осадком и попасть в захоронение имели прежде всего мелкие обломки костей и зубов. Следует также отметить, что 27,3% определимых остатков принадлежит сурку, гибель которых происхо-

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков из отложений пещеры Страшная (раскопки 2009 г.).

Таксоны	Слои								
	1	2	3.1а	3.1б	3.3	4	5	отвал	всего
Homo sapiens		4	1	1	1				7
Canis familiaris	1								1
Equus caballus	2								2
Bos taurus	4	26	5					2	37
Capra-Ovis (дом.)	26	109	13					6	154
Erinaceus sp.					1				1
Asioscalops altaica	14	10	13	8	9	6	9	8	77
Chiropthera gen. indet.	28	30	23	1	1				83
Lepus timidus	20	37							57
Lepus tanaiticus			184	80	35	6	9	26	340
Lepus tolai		19	64	54	42	3	6	16	204
Ohotona sp.	1		3	4	1		4	1	14
Pteromys volans	2	2	4				1	2	11
Citellus sp.		6	46	47	35	17	38	11	201
Marmota baibacina	57	129	566	434	453	71	360	288	2358
Castor fiber		3	1	1	5	5	5	2	22
Hystrix sp.		1	1				2	1	5
Allactaga sp.	1*		3	1			1		6
Cricetulus sp.			2	2	2			4	10
Cricetus sp.	50	81	17				2	37	187
M. myospalax	22	32	70	30	35	12	28	21	250
Arvicola terrestris	18	7	11					7	43
Rodentia gen. indet.	117	175	233	138	82	25	55	86	911
Canis lupus		5	40	13	16	12	49	11	146
Vulpes vulpes	4	12	58	32	61	16	80	22	285
Vulpes corsak	1*	2	16	4	16	5	13	2	59
Cuon alpinus			4	4	13	2	2		25
Ursus arctos		5	3	5	3	3	19	3	41
U. (Spelaearctos) savini						1			1
Martes zibellina		3	1	1		4	3		12
Gulo gulo			1						1
Mustela erminea	1	5			2				8
Mustela nivalis	1		1	1					3
Mustela altaica				1		3	5		9
Mustela eversmanni		1	1	6	5		1	1	15
Meles meles		2							2
Crocuta spelaea			15	13	31	29	58	22	168

Panthera spelaea			1						1
Uncia uncia			1	2					3
Lynx lynx		1							1
Mammuthus primigenius			1	6	3	2	7	4	23
Equus (E.) ferus			4	5	5	3	11	2	30
E. ovodovi			7	4	5	4	7		27
E. ovodovi / ferus		3*	12	28	23	11	5	4	86
Coelodonta antiquitatis			10		10	3	9		32
Capreolus pygargus		2						2**	4
Cervus elaphus	3	1	7	2	2		12	5	32
Rangifer tarandus					5				5
Bison priscus	1*		5	15	27	28	35	17	128
Procapra gutturiza				5			4		9
Saiga borealis			6	2	2	2	3		15
Procapra / Saiga			16	20	28	12	9		85
Capra sibirica	2*	3*	45	70	119	78	84	32	433
Ovis ammon		1*	11	9	40	25	23	11	120
Capra / Ovis	2*		39	45	98	57	71	67	379
Spirocerus kiakhtensis				1					1
Pisces	8	53	26	5	3	5	2	16	118
Amphibia	2	1	2	1					6
Aves	238	418	341	140	101	21	111	190	1560
Неопределимые обломки	841	3082	7204	7136	10038	5133	6276	4766	44475
Всего костных остатков	1467	4270	9132	8377	11362	5604	7419	5695	53329

* Плейстоценовая сохранность.

дила преимущественно в норах во время зимней спячки, на что указывает большое количество целиком сохранившихся костей и черепов. Чрезвычайно активная норная деятельность сурков является причиной масштабных нарушений поверхности плейстоценовых слоёв, когда выбросы грунта из нижележащих слоёв оказывались на дневной поверхности, а более молодые остатки с затёками грунта, в свою очередь, попадали на уровень более древних горизонтов. Пещерные отложения, таким образом, оказались в значительной степени перемешаны.

Основная роль в накоплении остатков крупных млекопитающих принадлежала, несомненно, пещерным гиенам и волкам. На это указывает тот факт, что доля *Carnivora* в плейстоценовых слоях достигает 35,2%. Палеолитический человек, судя по всему, являлся эпизодическим обитателем

Таблица 2. Соотношение остатков видов крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений пещеры Страшная (раскопки 2009 г.), %

Элементы скелета	Виды									
	лисицы	волки	гиена	мамонт	носорог	лошади	марал	бизон	дзерен-сайгак	козлы-бараны
Изолированные зубы	52,5	57,5	79,7	87,0	93,8	90,9	46,4	52,4	70,6	54,1
Обломки черепа, нижней челюсти	7,4	2,4	7,8	-	-	0,7	-	1,6	2,8	3,1
Кости дистальных отделов конечностей	32,7	29,3	11,8	4,3	6,3	7,0	42,9	41,1	26,6	34,1
Обломки крупных трубчатых костей	4,0	7,2	0,7	8,7	-	1,4	10,7	4,0	-	5,6
Позвонки	3,4	1,8	-	-	-	-	-	0,8	-	3,1
Всего остатков	324	167	153	23	32	143	28	124	109	925

Таблица 3. Распределение фрагментов костей крупных млекопитающих из отложений пещеры Страшная (раскопки 2009 г.).

Слои	Размерный класс							
	1–2 см		2–5 см		5–10 см		> 10 см	
	экз.	в %	экз.	в %	экз.	в %	экз.	в %
1	568	64,8	281	32,1	26	3,0	1	0,1
2	2167	67,0	958	29,6	103	3,2	7	0,2
3.1а	4600	62,9	2472	33,8	238	3,3	9	0,01
3.1б	4718	64,6	2305	31,5	264	3,6	21	0,3
3.3	5921	57,2	4009	38,7	391	3,8	38	0,4
4	3044	56,4	2115	39,2	219	4,1	16	0,3
5	3729	55,9	2611	39,2	302	4,53	26	0,4
б/слоя	2830	57,8	1879	38,4	183	3,7	6	0,01
Всего	27577	59,9	16630	36,1	1726	3,7	124	0,3

Страшной пещеры, появляясь здесь лишь в определённые сезоны и далеко не каждый год подряд. Основными объектами его охоты являлись, надо полагать, наиболее многочисленные виды копытных – сибирские горные козлы, архары, лошади, бизоны и сайгаки. Большую часть времени пещера использовалась в качестве убежища или логова для выведения потомства пещерными гиенами, волками, лисицами, которым ничего не мешало также утилизировать или растаскивать накопившиеся отбросы охотничьей деятельности человека.

В материалах 2009 г. преобладают остатки сибирского горного козла и архара (42,1% в сумме), крупной и мелкой форм лошади (6,5%), бизона (5,8%), сайгака и дзерена (4,9% в сумме), шерстистого носорога (1,4%). Достаточно многочисленны остатки марала, мамонта, единичны – северного оленя и кяхтинского винторога. Хищники представлены пещерной гиеной (7,6%), лисицами (15,5%), серым волком (6,6%), бурым медведем (1,9%). Реже встречаются остатки красного волка, единично – снежного барса, пещерного льва, малого пещерного медведя.

Состав плейстоценовой мегафауны по отдельным слоям существенно не менялся, что свидетельствует об относительно стабильной экологической обстановке на протяжении всего периода осадконакопления, отсутствии крупных природно-климатических изменений. Лишь в каргинско-сартанском слое 3, как индикатор похолодания, появляется незначительное количество остатков северного оленя. На фоне открытых, степных пространств существовали более или менее крупные лесные участки, приуроченные к долинам рек, горным ущельям, или склонам определённой экспозиции, что создавало мозаичность ландшафтов. Преобладают виды открытых пространств, такие как бизон, лошади, дзерен, сайгак, шерстистый носорог, пещерная гиена. Особенно велико участие видов скальных биотопов – сибирского горного козла, и, отчасти, архара. Остатки дзерена и сайгака показывают, что уровень снежного покрова в позднем плейстоцене не превышал, скорее всего, 15-20 см. Плейстоценовые марал, лось и бурый медведь (считающиеся ныне исконными таёжно-лесными обитателями) не имели облигатной связи с лесными местообитаниями. Особенности морфологии этих видов свидетельствуют, что они находили вполне приемлемые для их себя условия в лесостепных, или даже степных ландшафтах.

В сезон 2009 г. был сделан целый ряд новых интересных находок.

В плейстоценовых слоях найдены следующие остатки человека: обломок верхней части диафиза бедренной кости (сл. 3.1а(2)), предкоренной зуб (сл. 3.1б), и обломок первого шейного позвонка (сл. 3.3). Кроме того, в голоценовом слое 2, помимо 3 третьих фаланг обнаружена средняя часть диафиза бедра человека. Данный фрагмент обращает на себя внимание необычайной для *Homo s. sapiens* массивностью и толщиной стенок диафиза.

Остатки бобра отмечены во всех плейстоценовых слоях. Преобладают обломки крупных костей конечностей (42,1%) и изолированные зубы

(36,8%). Найдены также обломок нижней челюсти с альвеолой от P_4 и 3 кости дистальных отделов конечностей.

В 2009 г. коллекция пополнилась новыми находками остатков дикобраза – четырьмя изолированными зубами (слои 3.1а(2), 5.1, 5.2) и плюсневой костью. Очень важно, что один зуб найден на ненарушенном норными перекопами участке слоя 3.1а. Обломок зуба был встречен и в голоценовом слое 2, но, скорее всего, он попал сюда в результате переотложения. Таким образом, установлено, что дикобраз непрерывно обитал в районе пещеры на протяжении всей второй половины позднего плейстоцена, включая его самый холодный – сартанский этап.

Остатки бурого медведя присутствуют по всей толще плейстоценовых слоёв 3-5. Наиболее представительны кости дистальных отделов конечностей – запястные, заплюсневые, фаланги, или их фрагменты, составляющие 43,3%, а также изолированные зубы и их обломки (33,3%). Находки позвонков, рёбер и фрагментов крупных костей конечностей единичны. В слое 5.3 обнаружена целая локтевая кость бурого медведя и обломок верхней челюсти с С – M^2. Размеры локтевой кости находятся на уровне, либо, по ряду признаков, за пределами изменчивости самых крупных голоценовых представителей *Ursus arctos* (Васильев, Гребнев, 2009).

К малому пещерному медведю относится левый M_3 из слоя 4.2.

От пещерного льва в 2009 г. обнаружена единственная кость – диафиз 1-ой фаланги, повреждённой кислотной коррозией (уровень слоя 3.1а(2)).

К найденному ранее верхнему клыку снежного барса в 2009 г. добавились 5-я пястная кость (сл. 3.1а(2), 4-я тарзальная кость и 1-я фаланга с неприросшим верхним эпифизом от другой, молодой особи (сл. 3.1б).

Изолированный левый P^2, судя по его размерам и морфологии, может быть отнесён к кяхтинскому винторогу. Длина коронки зуба 12 мм, ширина 9,3 мм. Остатки *Spirocerus kiakhtensis* нередко встречаются в позднеплейстоценовых отложениях Забайкалья, Монголии и Северного Китая (Оводов, 2009) однако на территории Алтая они отмечены впервые.

Список литературы

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (Ursus arctos L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. кр. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (северо-западный Алтай) по материалам раскопок 1988-2008 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 109–115.

Оводов Н.Д. Забайкальская винторогая антилопа. Научно-литературный парадокс // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. кр. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 136–145.

С.К. Васильев, М.В. Шуньков

ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ГОЛОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕЯХ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

На первом этапе раскопок в Денисовой пещере (1982–1986 гг.) из голоценовых отложений на предвходовой площадке и в центральном зале было получено около 37 тыс. фаунистических остатков крупных млекопитающих [Васильев, Гребнев, 1994]. Затем исследование голоценовых отложений проводилось в устьевой зоне южной (1999 г.) и восточной (2004, 2007 гг.) галерей [Деревянко и др., 1999, 2004, 2007]. В результате раскопочных работ было получено из южной галереи 2,7 тыс. костных остатков, а из восточной галереи – более 39,2 тыс. костей. Отложения голоцена в галереях насчитывают по девять литологических подразделений (слои 0–8). Кроме того, в голоценовой толще восточной галереи выделен горизонт с неясным стратиграфическим положением – «деформация», являющийся следствием перекопов и искусственных углублений.

По видовому разнообразию и сохранности костных остатков коллекции из южной галереи (ЮГ) и восточной галереи (ВГ) мало отличаются от материалов из ранее исследованных участков пещеры. Определимые остатки составляют в ЮГ 35%, в ВГ – 9% (в сборах 1982–1986 гг. – 17,5%). В ЮГ зафиксированы остатки шести домашних и 16 диких видов млекопитающих, в ВГ – шести домашних и 19 диких видов. Обе коллекции содержат также кости мелких млекопитающих, рыб, птиц и фрагменты костей человека (табл. 1, 2).

Распределение костных остатков по слоям неравномерно. В отложениях ЮГ их наибольшее количество содержится в слоях 0–3, в ВГ – в слоях 0–5. В нижележащих слоях количество костей резко уменьшается. Подавляющая часть костных остатков состоит из неопределимых осколков трубчатых и плоских костей животных среднего размерного класса, таких как косуля, или овцы/козы. Целиком сохранились только наиболее прочные кости дистальных отделов конечностей. Крупными фрагментами представлены верхние и нижние челюсти копытных; относительно много изолированных зубов. Фрагменты позвонков и рёбер составляют в коллекции из ЮГ 8%, из ВГ – 1,8%. В целом материал из голоценовых слоёв южной галереи, также как из её плейстоценовых слоёв [Васильев, Шуньков, 2009], отличается значительно лучшей сохранностью, чем кости из восточной галереи.

Тафоценоз голоценовых слоёв Денисовой пещеры формировался почти исключительно за счёт деятельности человека. Пещера в это время ис-

Табл. 1. Видовой состав костных остатков позвоночных из голоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры

Таксон	Слой											
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	деф.	осыпь	всего
Homo sapiens	8/1		7/2		2/1	1/1				3/1		21/6
Canis familiaris	5/1	1/1	5/1	2/1	3/1	5/1	5/1			1/1		27/8
Sus scrofa domesticus			1/1			1/1*				1/1	1/1	4/4
Equus caballus	13/2	1/1	11/1	1/1	13/2	10/1				4/1	4/1	57/10
Capra-Ovis	77/3	47/2	194/5	84/2	213/8	195/10	53/3	4/1	8/2	142/5	63/4	1080/45
Bos taurus	12/1	17/2	40/2	15/1	30/2	20/1	1/1			18/1	13/1	166/12
Asioscalops altaica			1/1									1/1
Chiropthera gen. indet.	8/3		3/1								1/1	12/5
Tamias sibiricus			1/1									1/1
Citellus sp.	4/1											4/1
Marmota baibacina	1/1		1/1	1/1	2/2					2/1		7/6
Castor fiber			2/1	6/1	6/1	4/2				1/1	2/1	21/7
C. cricetus	2/2		4/2	2/1		5/1	1/1				1/1	15/8
M. myospalax	4/1				1/1							5/2
Canis lupus	2/1		8/1		6/1	1/1				2/1	1/1	20/6
Vulpes vulpes	9/1		3/1		2/1	1/1				3/1		18/5
Ursus arctos	6/1		8/1	32/2	294/5	9/2				18/1	3/1	370/13
Martes zibellina			2/1									2/1
Mustela erminea	1/1			1/1								2/2
Mustela altaica			1/1									1/1
Lutra lutra	2/1									1/1		3/2
Capreolus pygargus	97/4	60/2	226/7	117/3	332/9	135/7	6/1	1/1	1/1	119/4	60/3	1154/42
Cervus elaphus	16/1	12/1	48/2	42/2	111/2	63/2				66/3	23/2	381/15
Capra sibirica	2/1		1/1			2/1						5/3
Pisces	1		2	7	3	6				1	1	21
Aves	28	9	44	3	9	9		1		9	4	116
Неопределимые	1234	2658	8551	6643	7167	3556	230	29	28	2725	2846	35667
Всего	1532	2805	9164	6956	8194	4023	296	35	38	3117	3023	39183

* Дикая форма *Sus scrofa.*

Табл. 2. Видовой состав костных остатков позвоночных из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры

Таксон	Слой										
	0	1	2	3	4	5	6	7	8	осыпь	всего
Homo sapiens			8/1								8/1
Canis familiaris				2/1						2/1	4/2
Sus scrofa domesticus		1/1	4/1								5/2
Equus caballus	2/1	17/2	12/2	8/1	1/1					3/2	43/9
Capra-Ovis	12/2	35/3	54/3	58/7	8/1	2/1		1/1	4/1	79/4	253/23
Bos taurus	3/1	7/2	32/2	28/2	4/1			1/1		15/1	90/10
Asioscalops altaica										2/1	2/1
Chiropthera gen. indet.			1/1							2/1	3/2
Lepus timidus			1/1								1/1
Castor fiber			1/1								1/1
C. cricetus										2/1	2/1
M. myospalax					1/1					1/1	2/2
Canis lupus			3/1								3/1
Vulpes vulpes										1/1	1/1
Ursus arctos			2/1								2/1
Martes zibellina	1/1										1/1
Mustela erminea			1/1							3/1	4/2
Lynx lynx			2/1	1/1							3/2
Capreolus pygargus	13/2	67/4	137/5	53/4	6/1	2/1	1/1	3/1	3/1	134/5	419/25
Cervus elaphus	3/1	7/1	31/1	21/2	2/1					11/2	75/8
Bos / Bison sp.				3/1							3/1
Capra sibirica							1/1				1/1
Aves										18	18
Неопределимые	40	73	221	211	9	2	9	5	10	1177	1757
Всего	74	207	510	385	31	6	11	10	17	1450	2701

пользовалась в качестве загона для мелкого рогатого скота [Деревянко, Молодин, 1994]. Кости со следами погрызов или кислотной коррозии, многочисленные в нижележащих слоях плейстоцена, в голоценовых слоях встречаются крайне редко. До 10% костей несут следы воздействия огня, отмечены частые следы порезов или рубящих ударов. Несколько астрагалов и дистальных отделов пястных и плюсневых костей коров и маралов сточены до субовального состояния, что ранее уже отмечалось для находок из голоценовых слоёв [Васильев, Гребнев, 1994]. Большинство костей птиц, рыб и мелких млекопитающих попадала в отложения пещеры в результате охотничьей деятельности хищных птиц – филинов и сов, устраивавшихся на днёвки под ее сводами в периоды отсутствия человека.

Наибольший интерес представляют находки следующих видов.

Человек *Homo sapiens*. Сохранились в основном мелкие кости дистальных отделов конечностей, их обломки и изолированные зубы. В ЮГ, в слое 2 найдено восемь останков – нижняя половина лучевой кости, обломок верхнего конца локтевой кости, неполная ключица, четыре метаподии и фаланга.

В голоценовых отложениях ВГ обнаружены:

– слой 0 – метаподия, четыре обломка первых фаланг (одна из них со следами обжига), две третьих фаланги, неполный поясничный позвонок;

– слой 2 – два изолированных зуба (в т.ч. молочный), обломок тазовой кости, метаподия, вторая и третья фаланги, обломок шейного позвонка;

– слой 4 – обломок диафиза малой берцовой, кость заплюсны;

– слой 5 – малая берцовая, обломок диафиза;

– деформация – изолированный коренной зуб и две вторых фаланги.

Бурый медведь *Ursus arctos*. в ЮГ отмечены единичные находки в слое 2. В отложениях ВГ наиболее многочисленное скопление костей медведя (294 экз.) обнаружено в слое 4. Оно состоит почти полностью из обломков метаподий, фаланг, костей запястья и заплюсны. Все метаподии разбиты на мелкие фрагменты (77 экз.). Из 93 первых фаланг только 17 костей (18,3%) сохранилось целиком, из 64 вторых фаланг – 20 (31,3%). Из 46 третьих (когтевых) фаланг 38 (82,6%) остались неповреждёнными. Среди 49 костей запястья и заплюсны целиком сохранились только 22 (44,9%) наиболее мелких. Подсчёты элементов скелета показали, что в слое 4 присутствуют остатки кистей и стоп как минимум от пяти особей медведя: двух взрослых, полувзрослого и двух медвежат. Находки других элементов скелета в голоценовых слоях малочисленны – шесть фрагментов крупных трубчатых костей, два обломка таза, фрагмент лопатки, обломок первого шейного позвонка, а также два изолированных клыка. Большинство костей разбито на мелкие фрагменты.

Выдра *Lutra lutra*. В отложениях слоя 0 ВГ обнаружены дистальная половина лопатки и астрагал. В пределах деформации найдена плюсневая кость.

Соболь *Martes zibellina*. В отложениях ЮГ в слое 0 зафиксирован обломок нижней челюсти без зубов, а в слое 2 – малая берцовая и пяточная кости.

Рысь *Lynx lynx*. В слоях 2 и 3 ЮГ найдены три кости от двух особей: обломок резцового отдела верхней челюсти без зубов, изолированный клык верхней челюсти и диафиз лучевой кости с отпавшими эпифизами, принадлежавший молодому животному.

Заяц-беляк *Lepus timidus*. В отложениях слоя 2 ЮГ найден дистальный отдел плечевой кости.

Сурок *Marmota baibacina*. В отложениях слоев 0–4 ВГ обнаружены три обломка резца, обломки локтевой и пяточной кости, метаподия. В настоящее время в районе Денисовой пещеры сурок не обитает.

Бобр *Castor fiber*. В слое 2 ЮГ найден проксимальный эпифиз берцовой кости. В отложениях слоев 2–5 ВГ обнаружены обломок резца и 20 фрагментов костей посткраниального скелета.

Бурундук *Tamias sibiricus*. В отложениях слоя 2 ВГ найдена бедренная кость без нижнего эпифиза.

Косуля *Capreolus pygargus*. Наиболее многочисленный промысловый вид, остатки которого в голоценовых слоях ЮГ составляют 46,2%, а в отложениях ВГ – 34,9%. Большинство находок (62,7%) составляют фаланги, кости запястья и заплюсны, обломки метаподий. Около 23% приходится на изолированные зубы, фрагменты нижней и верхней челюсти, черепа. Менее представлены (12,9%) обломки крупных костей конечностей. На долю фрагментов осевого скелета (таз, позвонки) приходится 1,3% костей косули.

Марал *Cervus elaphus sibiricus*. Второй по численности остатков промысловый вид. В отложениях ВГ и ЮГ его остатки составляют 11,5% и 8,3% соответственно. Преобладают (64,7%) кости дистальных отделов конечностей. Изолированные зубы и фрагменты нижней челюсти составляют 24,1%. На долю обломков крупных трубчатых костей приходится 9,5%. Фрагменты осевого скелета составляют 1,8% костей.

Крупный бык *Bos/Bison* sp. В отложениях слоя 3 ЮГ обнаружено три кости крупного быка, по размерам значительно превосходящие кости мелкой голоценовой коровы. Неполный суставной отросток нижней челюсти имеет ширину около 55 мм. У позднеплейстоценового бизона юга Западной Сибири этот показатель изменяется от 42 до 62 мм, в среднем – 52,7 мм (n = 23). Зуб верхней челюсти (M^{1-2}) имеет ширину – 33–28 мм. У *Bison priscus* она составляет 20,5-М 28,0-34,7 – 23-М 27,8-33 мм (n = 12). Кроме того обнаружен участок пяточной кости с маллеолярной фасеткой. Эти костные остатки относятся, скорее всего, к последним представителям *Bison priscus*, дожившим на северо-западе Алтая до позднего голоцена. Не исключена также их принадлежность к байкальскому яку *Poëphagus mutus baicalensis*, обитавшему на этой территории в верхнем плейстоцене.

Сибирский горный козёл *Capra sibirica*. В ЮГ в пределах слоя 6 найдена целая первая фаланга со следами обжига. В отложениях ВГ в слое 0 обнару-

жены нижний эпифиз лучевой кости и неполная кость запястья, в слое 2 – два обломка таза и в слое 5 – фрагмент лучевой кости.

Кабан *Sus scrofa ferus*. В отложениях слоя 5 ВГ найден крупный неполный верхний клык со следами обработки.

Свинья домашняя *Sus scrofa domesticus*. В отложениях слоя 1 ЮГ найден дистальный отдел малой берцовой кости. В слое 2 ВГ зафиксированы два обломка метаподий, фрагмент клыка, обломок верхнего конца лучевой кости и проксимальная половина бедренной кости. В пределах деформации обнаружены верхняя часть диафиза и дистальный отдел плечевой кости.

В целом в отложениях ЮГ число остатков промысловых видов изменяется по слоям от 44,8 до 63,6%, составляя в среднем 56,6%; домашних животных – от 36,4 до 55,2%, в среднем – 43,5%. В отложениях ВГ на долю костей диких животных приходится от 48,4 до 74,4% , в среднем – 59,7%; доля домашних животных изменяется от 25,6 до 51,6%, в среднем – 40,3%. В центральном зале и на предвходовой площадке пещеры удельный вес остатков диких животных составил от 32,6 до 71,4%, в среднем – 49,3%; домашних – от 28,6% до 67,4%, в среднем 50,7% [Васильев, Гребнев, 1994].

Таким образом данные по остеологическим материалам из голоценовых слоев Денисовой пещеры свидетельствуют о незначительном преобладании остатков охотничье-промысловых видов (54,8%) над домашними животными (45,2%). Изменение этого соотношения по слоям не существенно, и зависит в основном от величины выборки и других случайных обстоятельств. Во всех случаях, когда число остатков в слое достаточно велико (несколько сотен экз.) соотношение домашние – дикие животные приближается к указанным выше средним значениям. Эти показатели, в свою очередь, позволяют сделать вывод об относительной стабильности хозяйственного уклада древних обитателей долины Ануя, их гомеостатическом равновесии с окружающей средой на протяжении голоцена.

Список литературы

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – С. 167–180.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Крупные млекопитающие из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 63–69.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Анойкин А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых отложений Денисовой пещеры // Проблемы архе-

ологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. 5. – С. 354–359.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Черников И.С. Исследование голоценовых слоев в Денисовой пещере // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10. – С. 250–254.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А. Изучение голоценовых слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. 13. – С. 228–233.

С.К. Васильев, М.В. Шуньков, А.А. Цыбанков

ОСТАТКИ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ (МАТЕРИАЛЫ 2009–2010 ГОДОВ)

В результате исследований плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры в 2009–2010 гг. была существенно пополнена палеотериологическая коллекция и сделан ряд новых палеоантропологических находок. За два сезона раскопок из литологических горизонтов 11.2–11.4 получена почти 32 тыс. костных остатков, из числа которых только 5,6% поддаются определению до уровня вида, рода или класса. Зафиксированы остатки более 30 видов млекопитающих, в т.ч. человека, а также кости рыб, амфибий и птиц (табл. 1). Весь костный материал, как и в коллекции предыдущих раскопок [Васильев, Шуньков, Цыбанков, 2008], сильно фрагментирован – только 2,3% костей составляют обломки крупнее 5 см (табл. 2). Определимые остатки крупных млекопитающих представлены в основном обломками зубов, при этом наибольшее количество фрагментов принадлежит самым крупным зверям. Так, среди остатков шерстистого носорога фрагменты зубов составляют 96,5%, мамонта – 76,5%, бизона – 60%, лошадей – 87,1%, сибирского горного козла и архара – 46,5%, пещерной гиены – 79,7%, серого и красного волка – 45,2%, косули – 24,5%, дзерена и сайгака – 12,1%.

На фрагментах костей и зубов часто встречаются следы погрызов и повреждений кислотной коррозией в желудках крупных хищников, прежде всего пещерной гиены. Часть костного материала имеет признаки воздействия огня, а несколько костей – следы порезов каменными орудиями. Распределение костей хищников по горизонтам составляет приблизительно от четверти до трети всех определимых остатков. Эти данные свидетельствуют о формировании пещерного тафоценоза главным образом за счёт жизнедеятельности *Carnivora.* В целом соотношение фоновых видов мегафауны по горизонтам меняется мало, что указывает на относительную стабильность природно-экологической обстановки за период накопления этих осадков. Среди животных преобладали представители открытых пространств – степных, лесостепных и скальных биотопов.

Наиболее интересными являются находки следующих видов.

Человек *Homo.* В отложениях горизонта 11.3 обнаружены фрагмент черепной крышки, лингвальная половина нижнего резца и фрагмент первой фаланги; в пределах горизонта 11.4 найдены неполная первая фаланга и коронка резца; в подошве горизонта 11.4, на контакте со слоем 12 зафиксиро-

Таблица 1. Видовой состав костных остатков позвоночных из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (материалы 2009–2010 гг.)

Таксон	Слой					Всего
	11.2	11.3	11.4	11деф.	осыпь	
Homo		3	4			7
Asioscalops altaica	12	14	11	1		38
Lepus tanaiticus	6	8	8	2		24
Lepus tolai	8	3	2	1		14
Ohotona sp.	1	4	3	1		9
Pteromys volans	1					1
Citellus sp.	15	16	3		1	41
Marmota baibacina	6	32	18			56
Castor fiber	1	7	2			10
M. myospalax	62	114	44	6	1	227
Rodentia gen. indet.	34	42	14	8		98
Canis lupus	36	34	28	1		99
Vulpes vulpes	7	25	13			45
Vulpes corsak	2	12	8			22
Cuon alpinus	3	17	9	1		30
Ursus arctos	2	7		1		10
Mustela nivalis		1				1
Mustela altaica	1	1	3		1	6
Mustela eversmanni	1		1			2
C. crocuta spelaea	33	54	33			120
Panthera spelaea			1			1
U.uncia	1		1			2
Mammuthus primigenius	3	6	8			17
Equus (E.) ferus		3	1			4
E. (Sussemionus) ovodovi		19	6	2		27
E. ovodovi / ferus	13	55	29	2		99
Coelodonta antiquitatis	8	31	11	1	2	52
Cervus elaphus	7	18	15			41
Megaloceros giganteus			4			4
Capreolus pygargus	17	18	16	1		52
Rangifer tarandus	3	1				4
Bison priscus	32	33	27	9		101
Poëphagus mutus baicalensis		1	1			2
Saiga tatarica borealis	1	5				6
Procapra gutturosa	1	40	20	2		63
Procapra / Saiga	1	12	3			16
Capra sibirica	55	72	26	5		158
Ovis ammon	9	7	1	1		18
Capra / Ovis	12	40	18	8		78
Pisces	2	2	1			5
Amphibia		1				1
Aves	45	67	47	8	2	169
Неопределимые обломки	2698	13390	13087	287	458	29920
Всего	3139	14224	13527	354	465	31705

Таблица 2. Размеры костей крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (материалы 2009–2010 гг.).

Слой	Размерный класс							
	1-2 см		2-5 см		5-10 см		> 10 см	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
11.2	1371	46,8	1338	45,7	221	7,5	-	-
11.3	10150	73,0	3412	24,5	329	2,4	17	0,1
11.4	10355	77,4	2718	20,3	279	2,1	26	0,2
11 деф.	67	20,9	215	67,0	38	11,8	1	0,3
осыпь	371	80,7	84	18,3	5	1,1	-	-
Всего	22314	76,1	7767	21,6	872	2,2	44	0,1

ваны верхний моляр с обломанной корневой частью и нижний медиальный резец (определение Т.А. Чикишевой).

Серый и красный волк *Canis lupus* и *Cuon alpinus*. Представлены, в основном, изолированными зубами и их фрагментами; найдены также обломки метаподий, фаланги, кости запястья и заплюсны, мелкие фрагменты лучевых и локтевых костей.

Бурый медведь *Ursus arctos*. В отложениях горизонтов 11.2 и 11.3 обнаружены проксимальный отдел пястной кости, запястной добавочной кости, неполный поясничный позвонок и половая кость (baculum). В пределах деформации слоя 11 найден изолированный резец.

Пещерная гиена *Crocuta spelaea*. Наиболее многочисленный по количеству остатков вид среди хищников. Сохранились, главным образом, зубы и их обломки, реже встречаются фрагменты метаподий и фаланги. В отложениях горизонта 11.2 обнаружены два фрагмента диафизов лучевой и бедренной костей молодой особи, в горизонте 11.3 – целый копролит диаметром до 47,5 мм и толщиной 24 мм. Анализ костного материала из отложений Денисовой пещеры показал, что большинство мелких обломков происходит из распавшихся копролитов пещерной гиены [Природная среда…, 2003].

Пещерный лев *Panthera spelaea*. Представлен находкой неполного левого резца (длина коронки 29,3 мм) с обломанным корнем.

Снежный барс *Uncia uncia*. В отложениях горизонта 11.2 обнаружен правый премоляр с эмалью, растворённой кислотной коррозией, а в горизонте 11.4 – проксимальная треть третьей пястной кости также со следами пищевой утилизации. Ранее остатки снежного барса были найдены в отложениях южной галереи [Васильев, Шуньков, 2009] и центрального зала Денисовой пещеры [Оводов, Мартынович, 2008].

Бобр *Castor fiber*. В толще отложений горизонтов 11.2–11.4 обнаружены пять изолированных зубов, метаподия, фаланга, пяточная и запястная кости, а также дистальный отдел плечевой кости.

Мамонт *Mammuthus primigenius*. В отложениях горизонта 11.3 найден зуб первой смены (dp^2) мамонтёнка со следами воздействия желудочных ферментов. Длина зуба – 10,5 мм, ширина – 9 мм. Согласно материалам из

пещер Логово Гиены и Страшная, пещерные гиены приносили в своё логово и практически полностью утилизировали головы мамонтят первых лет жизни. Мелкие обломки пластинок зубов (dp 3–4) и бивней происходят, скорее всего, из распавшихся копролитов гиены. В пределах горизонта 11.4 обнаружено два крупных обломка диафиза бедренной кости взрослого мамонта. Судя по характеру сколов, кость сначала была разбита человеком, а затем частично погрызена хищниками.

Шерстистый носорог *Coelodonta antiquitatis*. Найдены, в основном, мелкие обломки зубов взрослых и молодых особей. В отложениях горизонта 11.3 обнаружены также вторая фаланга с отпавшим верхним эпифизом и отвалившийся нижний эпифиз малой берцовой кости молодой особи.

Гигантский олень *Megaloceros giganteus*. В пределах горизонта 11.4 найдены: обломок нижней челюсти с M_{2-3}, неполный левый M^3, обломок intermaxillaria и проксимальный отдел первой фаланги. Ранее остатки *M. giganteus* были зафиксированы в отложениях южной галереи [Васильев, Шуньков, 2009].

Северный олень *Rangifer tarandus*. В отложениях горизонтов 11.2 и 11.3 обнаружены два изолированных зуба и два неполных проксимальных отдела первой фаланги, повреждённые кислотной коррозией. Таким образом, этот вид, индикаторный для перегляциальных ландшафтов, отмечен единичными остатками в относительно тёплое каргинское время.

Байкальский як *Poëphagus mutus baicalensis*. В отложениях горизонта 11.3 найдена целая левая пястная кость старого самца. По размерам она сопоставима с наиболее крупными экземплярами яка, известными на юге Сибири (длина кости – 207,3 мм; ширина/поперечник верхнего конца – 89,2/51,4 мм, нижнего конца – 93,3/46,4 мм, диафиза посередине – 61,8/37,4 мм). Судя по тому, что кость не разбита для извлечения костного мозга, она принесена в пещеру, скорее всего, гиеной. Дистальные отделы конечностей крупных копытных, а также их головы обычно остаются после трапезы хищников и падальщиков. В пределах горизонта 11.4 найдена четвертая тарзальная кость, сильно повреждённая кислотной коррозией. Основные стации байкальского яка находились, видимо, в зоне гольцов и высокогорных плато Бащелакского хребта, а в долине Ануя он появлялся проходом. Поэтому в слоях Денисовой пещеры его костные остатки встречаются относительно редко.

Бизон *Bison priscus*. Почти 30% остатков бизона представлено обломками костей дистальных отделов конечностей, в том числе сесамовидные кости. На долю фрагментов крупных трубчатых костей приходится 4,7%, позвонков – 3,7%. В верхнем плейстоцене на Алтае обитал относительно крупный горно-степной подвид *Bison priscus* [Васильев, Оводов, 2009].

Дзерен и сайга *Procapra gutturosa* и *Saiga tatarica borealis*. Около половины (47,7%) остатков этих видов являются целыми фалангами, или их фрагментами, со следами сильной кислотной коррозии. Наибольшую часть

(21,5%) составляют третьи фаланги, которые, видимо, не растворялись полностью в желудке хищников, благодаря защитному действию копытного рогового чехла. Более чем семикратное преобладание остатков дзерена над сайгаком свидетельствует о широком развитии в районе пещеры участков дерновинно-злаковых степей, как наиболее предпочтительной стации обитания *Procapra gutturosa*. В отличие от дзерена, экологический оптимум сайгака находится в зоне сухих степей, в том числе перегляциальных, и полупустынь. Примечательно, что в сартанских слоях Каминной пещеры зафиксированы только костные остатки сайгака [Васильев, Деревянко, Маркин, 2006].

Список литературы

Васильев С.К., Деревянко А.П., Маркин С.В. Фауна крупных млекопитающих финала сартанского времени Северо-Западного Алтая (по материалам пещеры Каминной) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2. – С. 2–22.

Васильев С.К., Оводов Н.Д. Бизоны (*Bison priscus* Bojanus, 1827) позднего плейстоцена Алтая и юга Средней Сибири // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 77–90.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Крупные млекопитающие из плейстоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 63–69.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14. – С. 26–31.

Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Дикие кошки (*Mammalia, Felidae*) Алтая в плейстоцене и голоцене // Фауна и флора Северной Евразии в позднем кайнозое. – Екатеринбург; Челябинск: Рифей, 2008. – С. 165–171.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Г.А. Воробьева, Н.Е. Бердникова,
Н.В. Вашукевич, Х.А. Арсланов, Ю.В. Рыжов

КАРГИНСКИЙ МЕГАИНТЕРСТАДИАЛ ПРИБАЙКАЛЬЯ: ХАРАКТЕР ОТЛОЖЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ

С археологических позиций интерес к отложениям каргинского мегаинтерстадиала обусловлен значительной частотой встречаемости археологического и палеонтологического материала в Прибайкалье в верхах каргинского разреза. Особенности генезиса культуровмещающих отложений этого возраста указывают на актуальность проблемы переотложения культурных остатков [Воробьева, Бердникова, 2001], сложность их стратификации и интерпретации результатов датирования.

Летом 2010 г. на геоархеологических объектах Прибайкалья проводилось изучение почвенных комплексов казанцевского (МИС 5) и каргинского времени (МИС 3). В исследовании принимали участие сотрудники Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН, Иркутского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета и Института географии СО РАН. Основной задачей явилось обоснование абсолютной хронологии казанцевского межледниковья и каргинского мегаинтерстадиала с использованием усовершенствованных вариантов радиоуглеродного и уран-ториевого методов. Стратиграфические, геохронологические и педолитологические исследования проведены на геоархеологических разрезах Игетейский разрез, Большой Нарын-2, Мальта-Мост-1, Стрелка, а также на разрезе Усть-Одинский.

Каргинские отложения в разрезах Прибайкалья представлены генетически разными группами образований. Нижняя часть разрезов (kr^1) сложена лессовидными суглинками и супесями с несколькими (двумя-тремя) уровнями примитивного почвообразования в виде буроватых горизонтов мощностью 10–15 см, так называемые «горизонты выветривания». Верхняя часть разрезов (kr^2) в ненарушенном состоянии представлена сдвоенным осинским педокомплексом (kr^2os^{1-2}) или продуктами его переотложения.

Сохранность осинских почв в большинстве разрезов очень плохая, что обусловлено двумя этапами криогенных процессов (солифлюкция, мерзлотный крип, делювиально-солифлюкционные процессы, криотурбации). Первый этап приходится на позднекаргинское время ~33 тыс. л.н. (коноще́льское похолодание, по Н.В. Кинд [1974]), т.е. на рубеж раннеосинского и позднеосинского времени (os^1/os^2). Второй этап – на криогумидную фазу раннесартанского времени (sr^1 – 24–21 тыс. л.н.).

В связи с криогенными деформациями и активизацией склоновых процессов осинские почвы в разрезах Прибайкалья представлены преимущественно педоседиментами. Для изучения особенностей почвообразования в позднекаргинское время отбор проб производился путем препарирования фрагментов осинских почв и их педоседиментов. При этом устанавливалась принадлежность образцов нижне- и верхнеосинским почвам к их горизонтам А, В, Вса, С. Иногда в разрезах возможна идентификация педоседиментов как нижне-, так и верхнеосинских почв, но зачастую стратиграфическая принадлежность педоседиментов не определима.

Следы каргинского почвообразования обнаруживаются на глубине 2,2–1,5 м. Мощность отложений варьирует в пределах 1,5–0,1 м, с максимум в местах аккумуляции склоновых отложений – в логах и на вогнутых участках склонов. Эта часть разреза характеризуется полосчатым строением и наличием прерывистых гумусированных (серых, буро-серых) и бурых линз и прослоек, чередующихся со светлыми карбонатными прослойками. По своему вещественному составу она существенно отличается от подстилающей и вышележащей толщи повышенной плотностью, более тяжелым гранулометрическим составом и связанными с этим водно-физическими свойствами (повышенной влагоемкостью, пластичностью и др.).

Суглинисто-глинистая кровле каргинско-раннесартанской толщи является водоупором и к ней приурочен уровень верховодки. Отмечается повышенная влажность и пластичность этой части разреза, что может рассматриваться как аргумент в пользу представлений о возможности современного сплошного и блокового сползания вниз по склонам каргинско-раннесартанских суглинисто-глинистых образований. Подобное состояние грунта в настоящем и в прошлом могло существенно влиять на переотложение включенного в него археологического и палеонтологического материала. При этом перемещение материала могло идти в переувлажненном грунте не только параллельно палеосклону.

Детальные педолитологические исследования показали [Воробьева, 1994, 2010], что в Прибайкалье климат первой и второй половины каргинского мегаинтерстадиала существенно различался. В раннекаргинское время (57–42 тыс. л.н.) шло активное накопление лессовидных отложений в условиях довольно холодного и аридного климата. Фазы потепления были непродолжительны. Их результатом явились две-три слаборазвитые криоаридные почвы – «горизонты выветривания», которые содержат очень мало гумуса и, вероятно, представлены горизонтами ВС. Можно предполагать, что на поверхности почв были органогенные горизонты, которые не сохранились. Наиболее подходящими аналогами раннекаргинских почв являются современные арктические почвы, развивающиеся на сухой многолетней мерзлоте.

Позднекаргинское время было теплее раннекаргинского и существенно отличалось от последнего, как по осадконакопления, так и по почвообразованию. Более благоприятные условия для развития растительного

покрова способствовали торможению эоловых, делювиальных и других склоновых процессов. В результате в миграцию вовлекались лишь наиболее тонкие частицы, покрывшие суглинисто-глинистым делювиальным плащом склоны и террасы. На этом тонкодисперсном субстрате в течение позднекаргинского времени сформировались две почвы – нижнеосинская и позднеосинская, которые рассматриваются как сдвоенный осинский педокомплекс. Среди осинских почв отмечены серые лесные, дерновые лесные, черноземы. Нижнеосинская почва более мощная и более гумусированная, чем верхнеосинская.

Формирование нижнеосинской почвы было прервано похолоданием, которое, вслед за Н.В. Кинд [1974], мы называем конощельским. Оно привело к развитию солифлюкции, инволюций, трещинообразованию. Похолодание сменилось потеплением климата, которое по своему масштабу не достигло уровня предыдущего потепления, что отразилось на более низкой интенсивности позднеосинского почвообразования.

Формирование верхнеосинской почвы было прервано резким и глубоким раннесартанским похолоданием. Произошла быстрая деградация лесов, активно формировалась мощная толща многолетнемерзлых пород, огромные масштабы приобрели солифлюкционные процессы. Солифлюкция и эрозия привели к повсеместной деформации каргинских (осинских) почв, а на вершинах и в верхних частях склонов почвы были почти полностью уничтожены. Наиболее активно солифлюкция проявилась в начале раннесартанского (24–21 тыс. л.н.) времени, вследствие чего почвы были деформированы и в настоящее время представлены педоседиментами в составе раннесартанского солифлюксия. Список фауны на палеолитических стоянках позднекаргинско-раннесартанского возраста (мамонт, шерстистый носорог, северный олень, лошадь, кулан, зубр, снежный баран, пещерный лев, бурый медведь, волк, песец) свидетельствует о суровом климате и распространении как открытых, так и залесенных пространств.

Термин «каргинский мегаинтерстадиал» указывает на значительные климатические колебания, среди которых доминируют фазы, отличающиеся от ледниковий более мягким климатом, но не достигающие теплообеспеченности, характерной для межледниковий. Представления об амплитуде потеплений в МИС 3 неоднозначны и являются окончательно нерешенной палеоклиматической проблемой, в том числе и для Прибайкалья. Выводы, опирающиеся на педолитологические данные, дают основание считать, что во второй половине каргинского времени климат Прибайкалья был почти аналогичен современному, а затем стал несколько холоднее. Однако эти представления существенно расходятся с выводами, полученными по донным осадкам Байкала и небольших озер Байкальского региона, согласно которым все каргинское время было довольно холодным, слабо отличаясь по климату от предшествовавшего (МИС 4) и последующего (МИС 2) ледниковья [Безрукова, Тарасов, Радель, 2009; Грачев, Воробьева, Мац, 1998].

Но следует отметить, что в последние время все больше появляется данных о мегаинтерстадиале (МИС 3), как о довольно теплом периоде, в отдельные фазы которого климатическая обстановка не только приближалась к современной, но иногда могла быть и более теплой [Величко, 2009]. Наряду с этим идет уточнение хронологии климатических событий, чему благоприятствует совершенствование методов датирования, в том числе радиоуглеродного [Арсланов и др., 2009].

Список литературы

Арсланов Х.А., Лаухин С.А., Максимов Ф.Е., Савельева Л.А., Чернов С.Б., Тертычная Т.В., Жеребцов Н.Е. Радиоуглеродная хронология и ландшафты липовско-новоселовского межстадиала Западной Сибири (по данным изучения разреза у с. Липовка) // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – С. 44–47.

Безрукова Е.В., Тарасов П.Е., Ридель Ф. Климатически обусловленные изменения природной среды юга Восточной Сибири в МИС 1–3 // Геология морей и океанов. – М.: [б. и.], 2009. – Т. 1. – С. 134–138.

Величко А.А. Средневалдайский, зыряно-сартанский мегаинтервал и климатический ранг его оптимума // Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. – С. 107–109.

Воробьева Г.А. Палеоклиматы Прибайкалья в позднем плейстоцене и голоцене // Байкал – природная лаборатория для исследований изменений окружающей среды и климата. – Иркутск: Лисна, 1994. – Т. 2. – С. 55.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья: проблемы эволюции и классификации почв. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. – 205 с.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Археотафономия: этапы, процессы, циклы // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 53–70.

Грачев М.А., Воробьева Г.А., Мац В.Д. Проблемы датировки климатических событий позднего плейстоцена Сибири и их корреляция с байкальскими и глобальными летописями // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 85–95.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

С.А. Гладышев, Ц. Болорбат, Д. Одсурэн, А.В. Табарев

РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТОЛБОР-15 В 2010 ГОДУ*

В июле – августе 2010 г. палеолитический отряд совместной российско-монгольской археологической экспедиции продолжил раскопки многослойного памятника Толбор-15 в Хангайской горной стране в северной Монголии. В данной работе представляются материалы всех археологических горизонтов, полученных из раскопа площадью 38 м^2. Раскоп этого года непосредственно примыкал к прошлогоднему участку и продолжил его в восточном направлении. Коллекция артефактов, полученная в ходе раскопок, насчитывает около 7 тысяч каменных предметов.

Основным сырьем, которое использовалось для изготовления орудий на этом памятнике, был местный кремнистый сланец. Он имеет плотную структуру, а его цветовая гамма варьируется в пределах черного, темно-серого, серо-зеленого и серо-коричневого оттенков. Современная корка гораздо светлее, до палевого и светло-желтого тонов. При подготовке и расщеплении нуклеусов использовались две основные стратегии – ударная и отжимная. Ударная техника осуществлялась, по всей вероятности, при помощи каменных (местная галька) и роговых отбойников без использования посредников (прямое ударное расщепление). Ядрища расщеплялись как на весу, так и с упором, а также в специальных приспособлениях.

За время работ на памятнике стратиграфическая ситуация значительно изменилась. Увеличилась мощность первого литологического подразделения (гумусированная почва), которое удалось разделить на два слоя: темная, почти черная гумусированная почва (слой 1а) и бурая почва (слой 1б). Граница между ними маркируется прослойкой мелкого обломочного материала. В слое 1а залегает комплекс находок голоценового времени с керамикой [Гладышев и др., 2009б]. Керамика хрупкая, с кордовым орнаментом, плохой сохранности и принадлежит, скорее всего, ко времени раннего неолита. Этому не противоречит и каменный инвентарь. Абсолютных дат для этого горизонта пока нет, несколько керамических фрагментов передано в Японию для определения их возраста.

Из каменного инвентаря можно выделить различные модификации торцовых и клиновидных микронуклеусов, а также конические микронуклеу-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 10-01-00548, 09-01-00028) и РФФИ (№ 09-06-00006).

сы. Проявление в раннем голоцене в микропластинчатом комплексе новой технологии – микроконической – заслуживает особого внимания. Оно может быть как импортного характера, так и результатом эволюции местной индустрии. Переход от клиновидных к микроконическим модификациям нуклеусов достаточно сложен, поскольку требует смены портативных устройств. В свою очередь, этот переход связан с усложнением подготовки ядрища и его фронта скалывания, а также с более тщательным подбором сырья. Учитывая явное преобладание микроторцовых микронуклеусов над микроклиновидными в финальнопалеолитических горизонтах памятника Толбор-15, мы предварительно склоняемся к версии развития микроконической техники на местной основе.

В слое 1б отсутствуют конические микронуклеусы и керамика. Орудийный набор обоих подразделений слоя 1 идентичен и включает в себя микроскребки, ножи, струги и большое количество ретушированных пластинок и мкропластин.

Мощность слоя 2 в раскопе этого года значительно уменьшилась, а в северо-восточном секторе этот слой исчезает совсем. Находок в слое 2 немного и они ничем не отличаются от комплекса, полученного в прошлые годы [Гладышев и др., 2009б; Гунчинсурэн и др., 2010]. Микролитический комплекс горизонта 2 сохраняет те же характеристики, что и в вышележащих горизонтах. Микронуклеусы представлены теми же типами: торцовые изделия, сделанные из вторичных сколов, или мелких галек и клиновидные нуклеусы, изготовленные из тонких бифасов. Абсолютных датировок, характеризующих возраст археологических материалов горизонта 2, пока нет. Мы предполагаем, что эти находки относятся к самому началу голоцена.

Также уменьшается и общая мощность отложений, содержащих археологические горизонты 3 и 4. Количество артефактов в этих горизонтах уменьшилось по сравнению с сопоставимыми площадями из раскопов прошлых лет, а номенклатурный состав каменной индустрии выглядит беднее. Львиную долю находок составляют отщепы, обломки и осколки мелких размеров. Практически исчезает литологическое подразделение слоя 5 (археологический горизонт 5), которое представлено в раскопе 2010 г. лишь отдельными, не связанными между собой тонкими линзами [Гладышев и др., 2009а]. Соответственно и коллекция артефактов слоя 5 крайне малочисленна.

В целом, памятник Толбор–15 представляет собой многослойный комплекс, и его материалы относятся к разным периодам каменного века. Материалы археологических горизонтов 6, 7 (далее Г 6, 7), на наш взгляд, составляют единый, наиболее древний пласт памятника. В коллекциях этих горизонтов преобладают нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Выделяются следующие типы ядрищ: объемные подпризматические плоскостные и торцовые нуклеусы, ортогональные ядрища, а также ортогональные и торцовые микронуклеусы. Для получения крупных пластин используются одноплощадочные плоскостные нуклеусы и крупные торцо-

вые уплощенные ядрища. Появляются торцовые микронуклеусы, изготовленные из мелких галек с тщательно обработанными латералями и хорошо выраженным килем-основанием.

Типологический набор орудий небогат. В подразделениях Г 5-7 выделяются резцы и концевые скребки высокой формы, выполненные в той же технике, которая применялась для отделения микропластин с торцовых микронуклеусов. Наряду с этим, на этом этапе раннего верхнего палеолита появляются бифасы (стоянка Толбор-15, горизонт 6), представленные крупными изделиями с грубой обработкой поверхностей сколами средних размеров. На наш взгляд, такие бифасы могли быть, скорее всего, универсальными заготовками, например, для тех же микронуклеусов, а не орудиями. Кроме того, найдены изделия с тщательно выделенным клювом на проксимальном конце пластин, шиповидные орудия, а также немногочисленные струги. Их мало, но типологический облик и характер обработки стругов не меняется от 7-го горизонта до 3-го. Выемчатых и зубчатых орудий крайне мало, единичными предметами представлены также острия с притупленным краем и ретушированные пластины и отщепы. Комплекс Г 7 имеет дату 29150 ± 320 л.н. (AA-84138), а материалы Г 5 датируются временем 28460 ± 310 л.н. (AA-84137). К этому же хронологическому отрезку относится ассамбляж Г 4 стоянки Толбор-4, время существования которого определяется датой 26700 ± 300 л.н. (AA-84135). Каменная индустрия Г 4 памятника Толбор-4 имеет тот же типологический состав нуклеусов и орудий, что и комплексы Г 5-7 стоянки Толбор-15. Костный материал, обнаруженный в этих горизонтах, малочислен, кость плохой сохранности, сильно фрагментирована и непригодна для определения видового состава животных. В 7-м археологическом горизонте найдены следы трех кострищ. Они представлены тонкими зольными пятнами овальной формы с ярко-красной окантовкой. Из всех трех очагов взяты образцы зольного грунта и переданы в Японию для определения абсолютного возраста. Возле очагов отмечена особая концентрация нуклеусов различных типов находящихся на разных стадиях утилизации.

Далее следуют коллекции горизонтов 3 и 4 (далее Г 3, 4), которые резко отличаются от материалов нижележащих слоев В археологических комплексах Г 5-7 преобладают одноплощадочные однофронтальные плоскостные нуклеусы для получения крупных пластин и пластинок. Доля пластин среди всей совокупности сколов составляет 13%. В комплексах Г 3-4 эти два параметра меняются, причем в виде *тенденции*. Во-первых, сокращается доля плоскостных нуклеусов и пластин в общей массе сколов. Во-вторых, доля пластин и пластинок в индустрии Г 3-4 снижается до 6%, что наглядно демонстрирует непластинчатый характер расщепления этого технокомплекса. В материалах Г 2 эти тенденции получают дальнейшее развитие. Увеличивается число клиновидных нуклеусов, они становятся морфологически разнообразнее, а ядрища для получения крупных заготовок деградируют. Они превращаются в ортогональные разновидности для получения

отщепов. Среди пластинчатых заготовок начинают доминировать микропластины, хотя их число пока еще и невелико.

Комплексы Г 3-4 стоянки Толбор-15 иллюстрируют заключительный этап существования древнего человека верхнепалеолитического времени в Монголии. Они имеют существенные отличия от индустрий нижних горизонтов. Прежде всего, это господство клиновидных и торцовых микронуклеусов и подавляющее преобладание мелких отщепов, чешуек и микропластин в индустрии сколов. Среди орудий доминирующее положение занимают концевые скребки низких форм небольших размеров, различные острия, фрагменты наконечников и ретушированные микропластины. Располагаясь выше по разрезу, эти технокомплексы, безусловно, моложе нижележащих материалов. В 2009 г. получены четыре даты из Г 3-4 памятника Толбор-15. Анализы выполнены в лаборатории Университета Аризоны (г. Тусон) и в лаборатории BetaAnalytic (штат Флорида). Все даты располагаются в диапазоне от 14000 до 14900 л.н. Материалы Г 3 имеют даты 14055 ± ± 80 л.н. (AA-84136) и 14930 ± 70 л.н. (Beta-263742). Возраст коллекции артефактов из Г 4 определяется 14680 ± 70 л.н. (Beta-263744) и 14820 ± 70 л.н. (Beta-263745). Вероятно, это верхняя граница существования «отщеповых» индустрий на территории Монголии.

Список литературы

Гладышев С.А., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Чаргынов Т.Т. Археологическое изучение многослойного палеолитического памятника Толбор-15 в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – Т. XV. – С. 75–78.

Гладышев С.А., Табарев А.В., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Голоценовый комплекс стоянки Толбор-15 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 79–83.

Гунчинсурэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц., Табарев А.В., Одсурэн Д., Цыбанков А.А., Чаргынов Т.Т. Новые данные по изучению многослойного палеолитического памятника Тулбэр-15 в 2009 году // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2010. – № IX (XXIX). – С. 5–31.

С.А. Гладышев, А.Н. Попов, А.В. Табарев

НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ПО РАЗВЕДКАМ 2010 ГОДА)*

Палеолитические местонахождения впервые были обнаружены в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол (аймак Булган, сомон Хутаг) в 2002 г. совместной российско-монгольско-американской экспедицией (14 пунктов с названием «Толбор»). В 2006 г. к списку добавился еще один памятник - Толбор-15. Стационарные раскопки производились на двух стратифицированных объектах - на памятнике Толбор-4 (2004- 06 гг.) и на памятнике Толбор-15 (2007-10 гг.) [Деревянко и др., 2008; Гладышев и др., 2009, 2010; Гунчинсурен и др., 2010].

В полевом сезоне 2010 г. с целью уточнения расположения и количества ранее найденных местонахождений, а также поиска новых специалистами из ИАЭТ СО РАН, ДВГУ и Института археологии МНР. было запланировано детальное исследование большого участка левобережья среднего и нижнего течения р. Их-Тулбэрийн-Гол и его притоков. На этом участке левый борт долины представлен серией террасовидных языков (делювиальных шлейфов), рассеченных глубокими руслами высохших и действующих ручьев.

Разведочными маршрутами удалось охватить площадь около 30 кв.км. В их процессе производились подъемные сборы и шурфовка, а также тщательное географическое позиционирование с помощью GPS-навигации. Внимание специалистов было направлено, в первую очередь, на поиск перспективных для стационарных раскопок местонахождений, демонстрирующих концентрацию выразительных изделий и признаки культуросодержащих отложений.

По результатам разведочных работ были выделены 15 пунктов. Часть из них (судя по предварительному сравнению GPS-данных) совпадает с местонахождениями, отмеченными в 2002 г., другая часть является абсолютно новыми памятниками. В настоящее время ведется работа по созданию общей базы данных и наименований памятников, и в данной публикации мы приводим нумерацию только тех местонахождений, на которых выявлен слой и предполагаются стационарные исследования. Учитывая, что до проведения разведок последним номером с названием «Толбор» был памят-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 10-01-00548 а/g) и РФФИ (№ 09-06-00006а).

ник Толбор-15, то три новых памятника получают соответственно названия Толбор-16, 17 и 18.

Памятник Толбор-16 (N - 49°13′37″, E - 102°55′23″) – расположен практически у тылового шва высокой террасы, глубоко рассеченной руслом высохшего ручья в среднем течении реки, на расстоянии 8, 05 км от памятника Толбор-4. Высота памятника над прилегающим ручьем – 9 м. Подъемные материалы были собраны на поверхности террасы и на склоне, обращенном к руслу. Многочисленность и эффектность находок (крупные призматические пластины, орудия на пластинах, фрагменты нуклеусов, скребки высокой формы, отщепы с ретушью и.т.д.) позволяли надеяться на обнаружение культуросодержащего слоя. Для этого на краю террасы, обращенной к ручью, на расстоянии 30 м друг от друга были заложены два шурфа размерами 1 х 2 м.

Шурф №1 (глубина 170 см) выразительных находок не дал – на глубине от 70 до 150 см было найдено всего 35 образцов дебитажа (фрагменты отщепов, мелкие сколы).

Исключительно интересным оказался шурф №2 (глубина до скалы 350 м). Вопреки ожиданиям, до уровня 70 см не было встречено ни одного артефакта, в диапазоне 70 – 105 см были отмечены несколько невыразительных отщепов и сколов. Основная концентрация материала была зафиксирована между отметками 140-190 см, в толще серовато-коричневых лессовидных отложений. Всего найдено 159 артефактов, из которых 57 (более 30%!) – морфологически выраженные изделия: одноплощадочные подпризматические нуклеусы, пластины и их фрагменты, несколько крупных концевых скребков на массивных отщепах и пластинах, резцевидное изделие) (рис. 1). Все изделия в большей или меньшей степени несут на себе следы карбонатной корки. Вместе с каменными артефактами найдены несколько мелких костей животных, которые подготовлены для радиоуглеродного датирования. Предположительно, перед нами однослойный комплекс, который по свои техническим характеристикам наиболее всего близок нижним горизонтам памятника Толбор-4, которые датируются в диапазоне 40-38 тыс. л. н. и иллюстрируют начальную стадию верхнего палеолита Северной Монголии.

Памятники Толбор-17 и -18 были обнаружены в глубине достаточно разработанной долины действующего ручья, впадающего в р. Их-Тулбэрийн-Гол в ее среднем течении примерно в 2 км от устья на левом и правом бортах.

Памятник Толбор-17 (N - 49°13′31″, E - 102°54′48″) первоначально был локализован по многочисленному подъемному материалу, собранному на поверхности серии полуразрушенных террасовидных языков и по руслам высохших водотоков между ними. Большую часть коллекции аналогична материалам памятника Толбор-16, однако, есть и некоторые специфические черты. Во-первых, явные свидетельства финальноплейстоценового-раннеголоценового времени (микроторцовые и микроклиновидные нуклеусы,

Рис. 1. Нуклеус и призматические пластины из шурфа № 2. Памятник Толбор-16.

диагональный резец, концевые скребки на мелких отщепах, микропластинки). Во-вторых, выделяется серия артефактов с весьма архаическими признаками – массивный нуклеус (высота фронта – 9 см) с негативом снятия крупного треугольного отщепа, тщательно фасетированной площадкой и выпуклым контрфронтом, а также несколько боковых и поперечных скребел с краевой унифасиальной ретушью.

На поверхности одного из языков на высоте около 50 м над уровнем ручья был заложен шурф размерами 1х2 м. Его удалось углубить лишь до уровня 135 см после чего последовал мощный слой мелкообломочного оползня, практически непроходимый для лопаты. В площади шурфа было обнаружено 9 отщепов и 1 сильно сработанный нуклеус подпризматических очертаний.

Второй шурф 1х2 м был заложен в 30 м от первого на склоне, примерно на 2 м ниже современной дневной поверхности и 10-15 см ниже оползневого шлейфа. На уровне 220–240 см от дневной поверхности в коричневатых лессах была встречена концентрация дебитажа (52 экз.), а также 2 сильно истощенных нуклеуса и 9 отщепов с вторичной обработкой. Уда-

лось также собрать несколько фрагментов кости и рога для радиоуглеродного датирования.

Памятник Толбор-18 (N - 49º13′37″, E - 102º55′23″) находится на противоположном, правом берегу ручья на овальном мысовидном выступе, примыкающем к высоким скальным выходам. Относительно ручья он располагается на высоте около 30 м. Рядом с возвышением прослеживается старая дорога, в колее которой были собраны пластинчатые отщепы, несколько фрагментов пластин и массивный концевой скребок на отщепе.

На поверхности мысовидного выступа был заложен щурф 1х2 м. Глубина шурфа от дневной поверхности до коры выветривания скального основания составила 135 см. Как и ожидалось, археологический материал залегал в слое светло-коричневого лесса на глубине 110 – 125 см. В коллекции насчитывается 29 отщепов и сколов со следами ретуши, трехгранный краевой скол, 2 концевых скребка на пластинчатых отщепах, кусок плитки со следами сколов, а также крупный плоский нуклеус (высота фронта – 13 см) с негативом снятия треугольной заготовки. Органических материалов в шурфе обнаружено не было. Ориентировочная площадь памятника составляет около 200-250 кв.м.

Богатые подъемные сборы получены при обследовании террасовидных поверхностей в месте сочленения долины вышеупомянутого ручья и долины р. Их-Тулбэрийн-Гол (N - 49º13′02″, E - 102º55′42″). В коллекции представлены изделия как палеолитического облика (обломки призматических пластин, фрагменты крупных ядрищ, скребла на массивных отщепах, несколько резцов, заготовки микроклиновидных нуклеусов, лыжевидные сколы оформления), так и раннеголоценового (микроторцовые и микроконические нуклеусы, их заготовки, микропластины, миниатюрные скребочки, ножевидные изделия на пластинках) (рис. 2). На краю девятиметровой террасы, обращенной к реке, заложены 4 шурфа 1х2 м, но, к сожалению, следов культуросодержащего слоя выявлено не было, весь материал концентрировался на поверхности и в почвенном горизонте.

Неожиданное открытие ждало археологов на склоне одного из шлейфов в среднем течении реки (N - 49º14′07″, E - 102º56′04″). В обнажении светло-коричневого лессовидного слоя (примерно 10-15 см от дневной поверхности) зафиксировано скопление крупных отщепов (57 экз.) со следами карбонатной корки (размерами от 13,5 х 10,2 до 13,5 х 10,2 см). При разборке оказалось, что отщепы составляют закрытый комплекс, они не находятся в площади стоянки или мастерской, не сопровождаются дебитажем или другими категориями изделий и являются, судя по всему, кладом заготовок – первым палеолитическим кладом, известным для территории Монголии.

Таким образом, разведочные исследования, проведенные в 2010 г. позволили не только обнаружить ряд новых местонахождений и подтвердить перспективность дальнейших стационарных раскопок в районе, но и предложить для обозначения группы памятников в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол термин «Толборский палеолитический комплекс». Его правомерность опре-

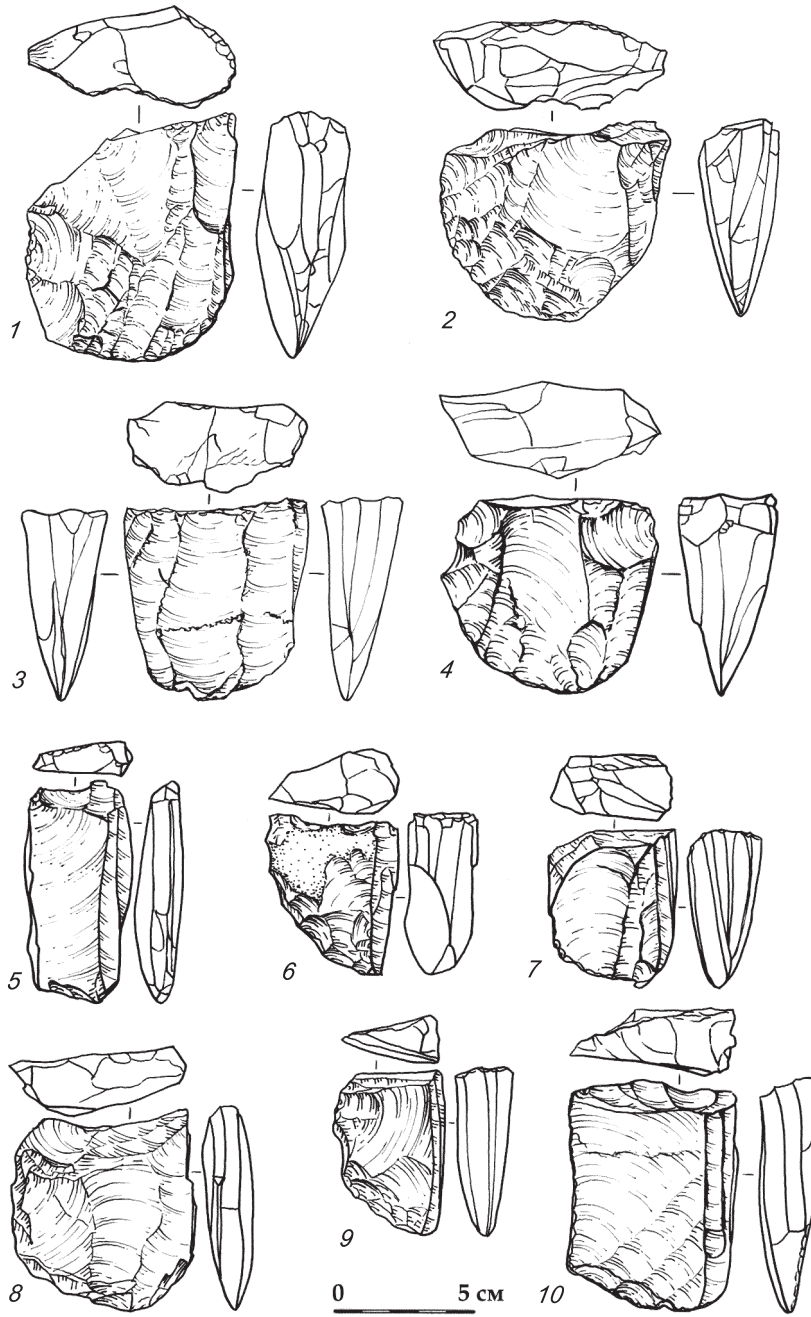


Рис. 2. Микроторцовые нуклеусы. Подъемные сборы в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол.

деляется многочисленностью и плотностью разнотипных археологических объектов, богатой местной сырьевой базой, наличием целой серии стратифицированных многослойных памятников, их внушительным хронологическим диапазоном (от 40 до 10-8 тыс.л.н.), растущей серией радиоуглеродных датировок, а также широким набором индустрий, представляющих все этапы верхнего палеолита Центральной Азии.

Список литературы

Гладышев С.А., Табарев А.В., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Голоценовый комплекс стоянки Толбор-15 (Северная Монголия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С.79–83.

Гладышев С.А., Олсен Д., Табарев А.В., Кузьмин Я.В. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 35–42.

Гунчинсурэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц., Табарев А.В., Одсурэн Д., Цыбанков А.А., Чаргынов Т.Т. Новые данные по изучению многослойного палеолитического памятника Тулбэр-15 в 2009 году // Археологийн судлал. – 2010. – Т. (IX) XXIX. – С. 5–31.

Деревянко А.П., Гунчинсурэн Б., Гладышев С.А., Болорбат Ц., Цыбанков А.А., Одсурэн Д., Чаргынов Т.Т. Археологическое изучение многослойного палеолитического памятника Толбор-15 в 2008 году // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 2008. – № VI (XXVI). – С. 5–26.

А.П. Деревянко, А.А. Анойкин, М.А. Борисов

РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2010 ГОДУ)*

В 2010 г. Дагестанским отрядом совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН были продолжены археологические работы на местонахождении Рубас-1 (Табасаранский район, Республика Дагестан) [Деревянко и др., 2006; Деревянко и др., 2009а; Деревянко и др., 2009б].

Местонахождение локализовано в теле древнего оползня, в настоящее время имеющего вид 28-метрового террасовидного уступа. Стационарные работы на объекте начались в 2006 г., когда на обращенном к реке склоне была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких ступеней, общей протяженностью 28 м и глубиной до 18 м от края уступа. На глубине ≈ 16 м от точки начала работ, на небольшом участке (≈ 2 кв. м) была вскрыта тонкая (до 0,15 м) гравийно-галечная прослойка, содержащая в небольшом количестве отдельности кремня, в том числе и с признаками искусственного расщепления. В ходе работ 2007-2009 гг. площадь раскопок была значительно увеличена и на уровне нижнего культуросодержащего горизонта (сл. 5) составила 138 кв.м. В 2010 г. к северо-западной стенке раскопа 2007-2009 гг. была сделана дополнительная прирезка итоговой площадью 44 кв.м.

В результате работ 2006-2010 гг. на сводном стратиграфическом разрезе памятника выделены следующие литологические подразделения [Деревянко и др., 2009]:

В основании разреза залегают горизонтально-слойчатые темно-серые глины (сл. 6). Осадки морского генезиса и предположительно имеют миоценовый возраст [Деревянко и др., 2008]. На глинах, с большим хронологическим разрывом, залегает нижний культуросодержащий слой (сл. 5) представленный гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Сл. 5 перекрывают мелкозернистые карбонатные пески светло-коричневого цвета, с прослоями светлых желтовато-коричневых глин, в которых встречаются отпечатки листьев и стеблей травянистых растений (сл. 4). Мощность ~ 8 м. Выше, с большим хронологическим разрывом, залегают гравийно-галечно-валунные отложения речного генезиса, местами слабо сцементированные до конгло-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а, 10-06-100015-к) и РГНФ (№ 10-01-00234-а).

мерата (сл. 3). Встречаются невыдержанные по простиранию прослои желтовато-рыжего песка (до 0,4 м). Мощность ~ 3,5-3,8 м. В слое присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Галечники перекрывает аллювиальный песок с прослоями светло-серого алеврита (сл. 2). Мощность ~ 0,3-0,6 м. Венчает разрез пачка светло-коричневых супесчано-суглинистых отложений сложного генезиса (совокупность коллювиальных, делювиальных и эоловых процессов) - сл. 1. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к финалу среднего - верхнему палеолиту. Мощность - до 4 м. [Деревянко и др., 2009].

Анализ разреза позволяет выделить четыре разновозрастные пачки [Лещинский и др., 2009]. Пачка 1 (слой 6; тортонский век, $N_1{}^2{}_{tr}$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (слои 5 и 4; позднеакчагыльское время, $N_2{}^3{}_{ak}$) сформирована в субаэральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м - пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья. Пачка 3 (слои 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) - речной аллювий. Пачка 4 (слой 1; поздний неоплейстоцен - голоцен) - субаэральные образования. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных [Там же, с. 147].

Древнейший археологический комплекс памятника связан со сл. 5. Среди угловатых обломков кремня, представленных в незначительном количестве в гравийно-галечной составляющей слоя (основную массу составляют обломки известняка и песчаника), некоторые предметы имеют признаки искусственной обработки. Диагностика изделий затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость, следствием которой были частые случаи природного раскалывания отдельностей кремня и образование по их краям участков с «естественной» ретушью). В ходе работ 2010 г. было обнаружено более 1000 экз. кремня. Окатанные обломки, в основном, имеют размеры до 5 см, хотя встречаются единичные экземпляры до 20 см по длинной оси. В общей сложности 32 экз. кремня имеет признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, теми орудийными формами, которые легко диагностируются, имеют типологическую привязку и выраженную системность обработки, а также нуклевидными формами с прослеживающейся системой подготовки ядрища и негативами серии целенаправленных снятий. Изделия второй группы представлены простыми нуклевидными формами, а также обломками и осколками, вторичная отделка которых позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить рабочие участки. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, для которых нельзя исключать

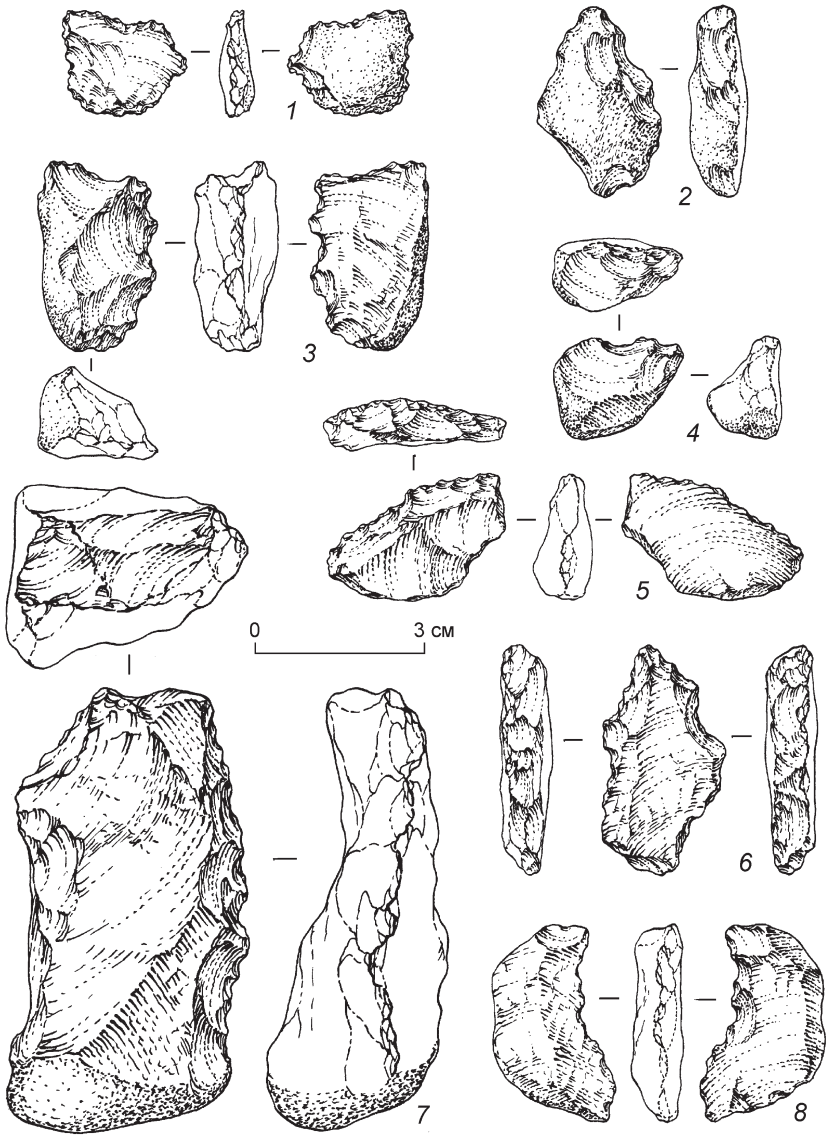
возможность образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений, а также медиальные и дистальные фрагменты более крупных сколов, не имеющих остаточных ударных площадок.

Анализ коллекции показал, что форма и размер артефактов во многом определяются формой и размером естественных обломков, использовавшихся в качестве исходного сырья, которые, в свою очередь, обусловлены особенностями морфологии и генезиса кремня в этом районе. При этом важнейшим фактором, влияющим на утилизационные характеристики кремня, является многократное проявление крупных тектонических нарушений, приводивших к появлению в его желваках скрытой трещиноватости [Деревянко и др., 2009б].

Артефакты группы 1 - 11 экз. Из них: нуклеус - 1 (двухплощадочный бифронтальный с ортогональным расположением фронтов скалывания, мог использоваться как крупное галечное рубящее орудие), скребло - 1 (орудие выполнено на удлиненной плиткообразной гальке, прямое лезвие оформлено мелкими широкими регулярными сколами) (см. *рисунок*, *7*); скреблышко - 1 (изделие выполнено на среднем сколе с дивергентными краями, прямое диагональное лезвие оформлено мелкой однорядной крутой регулярной дорсальной ретушью) (см. *рисунок*, *5*); скребки атипичные - 4 (изделия выполнены на мелких галечках, один из более тонких прямых краев на всех заготовках обработан мелкими (в одном случае и средними, формирующими общие очертания лезвия) широкими отвесными сколами, образующими неровное близкое к зубчатому лезвие) (см. *рисунок*, 2–*4*); шиповидное - 1 (изделие выполнено на небольшой плитке с конвергентными краями, трехгранный шиповидный выступ образован конвергенцией краев и подчеркнут серией мелких одно- и двухрядных отвесных слабомодифицирующих двухсторонних снятий) (рис. 1,*6*); выемчатое - 1 (изделие выполнено на средних размеров сегментовидном сколе на прямом протяженном крае которого несколькими мелкими дорсальными снятиями оформлена неглубокая протяженная выемка с зубчатым контуром края) (рис. 1,*8*); комбинированное - 1 (орудие выполнено на плитке и сочетает скребущее лезвие, оформленное серией мелких широких отвесных нерегулярных сколов и глубокую протяженную полукруглую выемку по противолежащему краю, образованную крупным снятием и несущую следы подработки мелкими сколами); отщеп - 1 (см. *рисунок*, *1*).

Артефакты группы 2 - 21 экз. Из них: нуклевидные формы (?) - 2, скребловидные (?) - 2, макроскребок (?) - 1, атипичные скребки на обломках (?) - 2, крупные шиповидные изделия на плоских гальках (?) - 2, мелкие шиповидные изделия на сколах (?) - 2, микропик (?) - 1, обломки с ретушью (?) - 2, фрагменты крупных сколов (?) - 5, мелкие сколы - 2.

Согласно предварительным стратиграфическим оценкам возраста раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 соотносится с финалом акчагыльского времени (1,5-2 млн.л.н.) и, соответственно, является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. На сегодняшний день



Рубас-1. Раскоп. Каменные артефакты. Художник А.В. Абдульманова.
1 – отщеп, *2–4* с скребки; *5* – скреблышко; *6* – шиповидное, *7* – скребло; *8* – выемчатое.

наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах стоянки Дарвагчай-1, датируемых ≈ 500-750 тыс.л.н. (бакинское время (Q_1b)), что свидетельствуют о длительном существовании и развитии раннепалеолитических мелкоорудийных индустрий на территории Северо-Восточного Кавказа.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2009 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – Т. 15 – С. 90–95.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А., Рудая Н.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ 2008 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. 14 – С. 42–47.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – 124 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12. – С. 65–70.

Лещинский С.В., Коновалова В.А., Бурканова Е.М., Бабенко С.Н. Обоснование относительного возраста раннепалеолитических местонахождений Дарвагчай-1 и Рубас-1 (Южный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 140–149.

А.П. Деревянко, Л. Булатович, А.А. Цыбанков, В.А. Ульянов,
А.В. Кандыба, А.И. Кривошапкин, М. Бакович

ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2010 ГОДУ

Скальный навес Биочи расположен по левому борту долины р. Морача у подножия массивного известнякового блока в узле слияния рек Морача и Мала Риека, в 400 м выше по течению от устья р. Малая Риека, на высоте около 40 м над современным урезом (рис. 1). Долина реки Морача в окрестностях пещеры имеет крутые, местами отвесные борта. Ширина долины составляет около 350 м, глубина – 70 м, ширина днища долины – 250 м. Современное русло р. Морача прорезает днище долины на глубину около 35 м, формируя каньон шириной 30–40 м.

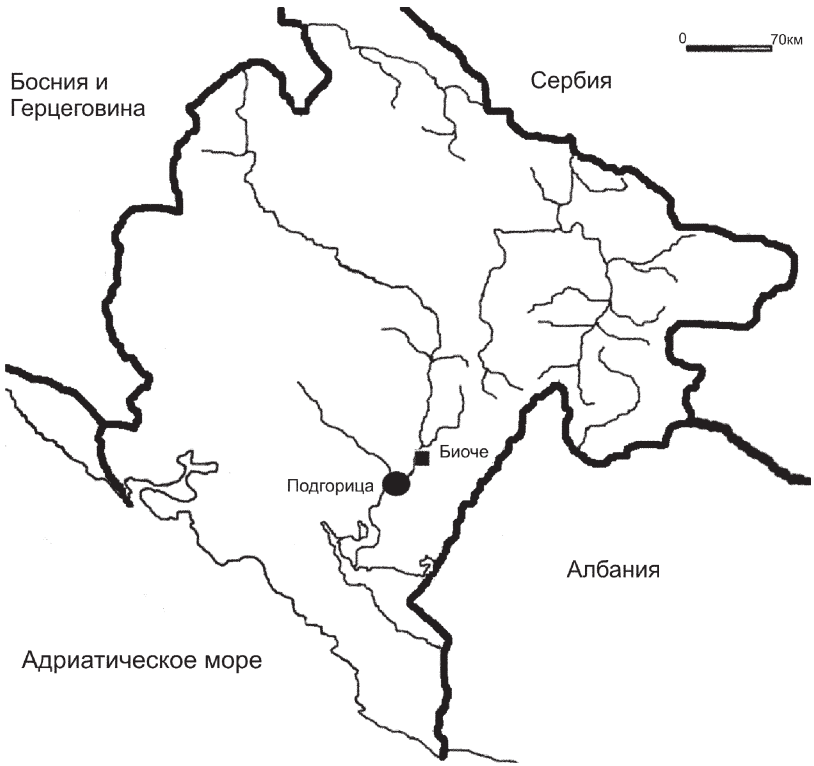


Рис. 1. Карта-схема Черногории с указанием нахождения скального навеса Биоче.

Археологические работы проводились в раскопе площадью 3,5 м^2, который прирезан к раскопочной траншее прошлых лет [Đuričić, 2006] в северо-западном направлении – 7 м по линии G и 0,5 м от линии G к линии H, в рамках квадратов G/10–16 общей сетки раскопочной площади.

В стратиграфическом разрезе выделено шесть основных подразделений. Значительная часть отложений подверглась сильным антропогенным изменениям или деформациям, связанным с боевыми действиями времен 2-й Мировой войны, хотя в наиболее удаленных от входа частях навеса их удалось обнаружить в неизменном виде.

Слой 1. На большей части разреза представляет материал, заполняющий антропогенное переуглубление и в различной степени перемешанный с веществом подстилающих отложений. В инситном залегании представлен легкой супесью черного цвета, обильно насыщенной полуразложившимся органическим детритом и мелким известняковым щебнем. Мощность сохранившихся фрагментов составляет около 30 см, хотя изначально, судя по остаткам отложений в полостях стенки навеса, она достигала 0,7-1,0 м и более.

Слой 2. Щебнисто-дресвянистая толща с включением сильнотрещиноватых глыб размером до 1 м в поперечнике с легкосуглинистым сильно опесчаненным заполнителем светло-палевого цвета. Выделен локально в предвходовой зоне. Представляет эксплозивную брекчию, образовавшуюся, судя по обнаруженным осколкам, в результате взрыва крупнокалиберного артиллерийского снаряда или авиабомбы. Мощность слоя около 1,5 м.

Слой 3. В ненарушенном состоянии представлен мелкощебнисто-дресвянистым горизонтом с супесчаным заполнителем порового типа, сцементированным карбонатным цементом до состояния травертинового конгломерата. Мощность слоя составляет от 25 до 10 см в зависимости от глубины зоны цементации. В фрагментированном виде выстилает днище антропогенного переугубления, где представлен дресвянистым прослоем с включениями обломков дресвянистых конгломератов, дезинтеграция которых произошла в результате механического и/или температурного воздействия.

Слой 4. Супеси от тяжелых до легких, коричневато-серые с зеленым оттенком, умеренно насыщенные обломочным материалом, содержащие прослой мелкоглыбово-щебнисто-дресвянистой отмостки с редкими включениями гальки известнякового состава. Местами под глыбами сохранились линзовидные фрагменты темных (гумусированных) рыхлых супесей, содержащих множественные обломки костей. Предполагаемый генезис слоя – отложения водотока с нестабильным гидрологическим режимом, когда этапы умеренной обводненности (накопление сероцветных супесей) чередовались с этапами маловодными (формирование гумусированных супесей) и многоводными (формирование глыбово-щебнистого прослоя с включениями крупной гальки). Мощность слоя достигает 90 см.

Слой 5. Суглинок тяжелый красновато-коричневый, обильно насыщенный хаотически ориентированным щебнистым материалом с включением

единичных глыб. Изредка встречается крупная, хорошо окатанная галька, зачастую битая. Мелкий щебень и дресва также часто сильно трещиноваты. Предполагаемый генезис слоя – переотложенный склоновыми процессами материал, возможно, с частичной пролювиальной переработкой. Мощность слоя составляет около 20 см.

Слой 6. Глины яркого охристо-желтого цвета, плотные, пластичные, с редкими хаотически ориентированными включениями дресвы и мелкого щебня известняков. В целом довольно слабо реагируют с соляной кислотой, за исключением локальных участков травертинообразования. По генезису представляют типичные отложения закрытых карстовых полостей и являются продуктом химического разложения известняков. На некоторых участках разреза в прикровельной части слоя наблюдается эрозионное вложение маломощных линз глин серых с зеленоватым оттенком и коричневых, с тонкими прослоями омарганцевания. Эти глины не реагируют с HCl. Вероятно, формирование их происходило в обогащенной растворенным кислородом и кислотами водной среде с очень спокойным или водозастойным гидрологическим режимом, – например, в мелководном непересыхающем заболоченном водоеме. Вскрытая мощность составляет 40 см.

В целом, формирование нижней пачки отложений разреза (серые и коричневые глины в кровле слоя 6, слой 5 и, вероятно, слой 4) непосредственным образом связаны с историей развития долины р. Морача. Долина реки пережила этап заполнения мощной толщей галечного материала до уровня, приблизительно соответствующего уровню навеса. Перегруженное наносами русло в то время должно было быть мелководным, многорукавным, с многочисленными протоками, затонами, побочнями и островами. Высокий уровень воды обеспечивал существование мелководных заболоченных водоемов, осадки которых сформировали отложения серых и коричневых глин в кровле слоя 6. В последствии река могла испытать этапы незначительного врезания или заполнения, однако уровень ее находился незначительно ниже пещеры. Об этом свидетельствуют супесчаные отложения слоя 4, песчаная составляющая которых идентична мелкозему из современного русла р. Морача. В дальнейшем, очевидно, река испытала достаточно быстрое врезание, и формирование вышележащих отложений происходило без ее участия.

В ходе раскопочных работ получено около 16 000 палеолитических каменных изделий и более 3 700 фрагментов костей крупных млекопитающих. Основная часть находок зафиксирована в литологических слоях 1–4. Несмотря на смешанный характер большей части коллекции, каменная индустрия стоянки выглядит достаточно однородной.

Сырьевой базой индустрии служил галечный материал из русла Морачи. Для расщепления использовались, в основном, кремни сургучного и серовато-зеленоватого цветов, средние эффузивы (базальтоиды), песчаники, алевролиты, лавы и лавобрекчии. Сырье представлено небольшого размера трещиноватыми гальками.

В первичном расщеплении доминирует радиальный способ скалывания в его одностороннем варианте (рис. 2, *4*). Преобладают нуклеусы конической формы с выпуклым контрфронтом и относительно уплощенным фронтом скалывания, с которого снимались мелкие отщепы по всему периметру изделия. Близкое типологическое положение (возможно, этап в технологической цепочке) занимают ядрища, скалывание с которых проводилось не центростремительно, а продольно-поперечно, но при этом ударные площадки оформлены, также, по всему периметру нуклеуса. Выделяются несколько нуклеусов леваллуазского облика с более тщательным оформлением одной выпуклой площадки для получения одного скола (рис. 2, *9, 11*). В коллекции

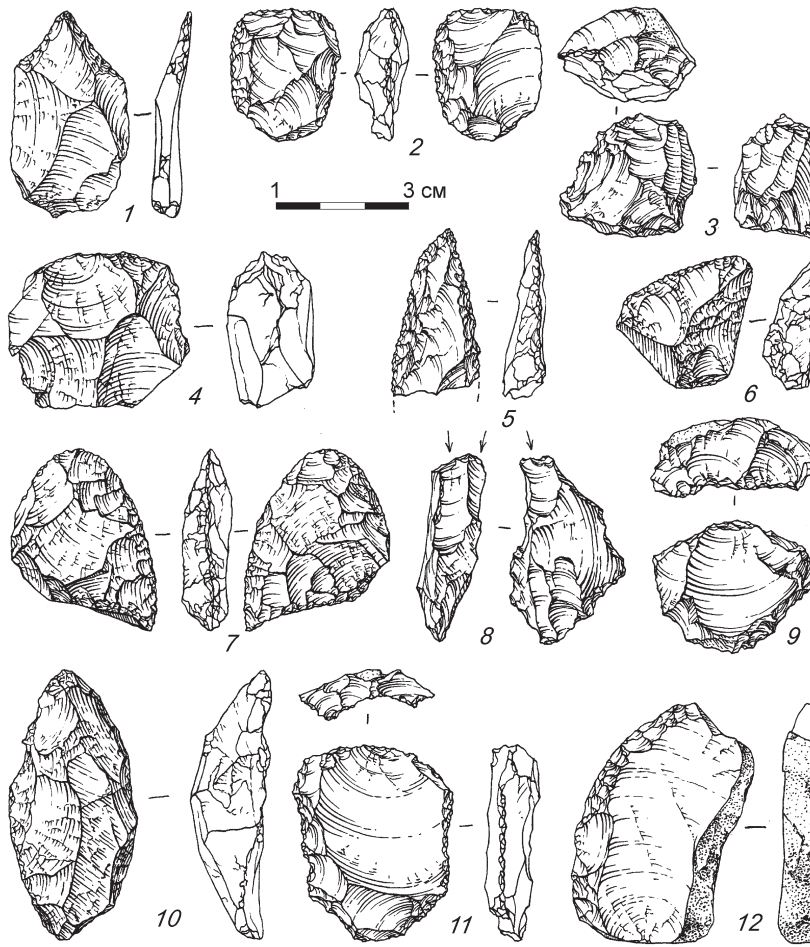


Рис. 2. Каменный инвентарь из скального навеса Биоче.
1, 5 – острия; *2* – тронкированно-фасетированное изделие; *3, 4, 9, 11* – нуклеусы; *6, 12* – скребла; *7* – бифас; *8* – резец; *10* – лимас.

присутствуют тронкированно-фасетированные изделия (рис. 2, *2*), близкие по оформлению к леваллуазским ядрищам, но в более уплощенном варианте. Снятие сколов с этих нуклеусов (ядрищное утончение?) производилось как с одной тронкированно-фасетированной площадки, так и встречно, с двух площадок. Небольшой серией представлены нуклеусы верхнепалеолитического типа (рис. 2, *3*), предназначенные для снятия удлиненных сколов – пластинок и микропластин. О достаточно развитой верхнепалеолитической технологии свидетельствуют объемное торцовое скалывание, ретушное (как правило, бифасиальное) оформление контрфронта или направляющего ребра на фронте. Кроме того, в коллекции представлены технические сколы, связанные с подправкой ударной площадки – т.н. сколы-таблетки.

В целом, для большинства нуклеусов характерны крайнее истощение формы и небольшие размеры, в среднем 3–4 см. Метрические параметры нуклеусов хорошо согласуются с пропорциями сколов, среди которых преобладают отщепы длиной до 3–4 см, однако типологически выраженные изделия имеют более крупные размеры.

В орудийном наборе доминируют мелкие и средние скребла, прежде всего, продольные формы (рис. 2, *12*). Представлены, также, бипродольные, конвергентные и поперечные скребла. Небольшие, но типологически выразительные серии составляют угловатые скребла (рис. 2, *6*), обушковые формы, скребла-унифасы и скребла с высоким рабочим краем, образованным отвесной ретушью, а также лимасы (рис. 2, *10*). Вторую по значению категорию орудий представляют ножи, лезвие которых подправлено чешуйчатой утончающей ретушью. Третье место среди орудий занимают остроконечники – мелкие мустьерские формы, леваллуазские треугольные сколы, острия с обушком, а также пластинчатые сколы с ретушированным скошенным вентралом (рис. 2, *1, 5*). Достаточно представительны мелкие скребки, преимущественно боковые и концевые. Резцы составляют небольшую типологически маловыразительную серию (рис. 2, *8*). Присутствуют тронкированно-фасетированные орудия, сходные по приемам оформления с техникой утилизации мелких ядрищ. Достаточно многочисленны зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. Выделяется группа мелких треугольных тщательно обработанных бифасиальных изделий (рис. 2, *7*).

В целом, по составу инвентаря и морфологическим особенностям изделий индустрия относится, скорее всего, к заключительной стадии среднего палеолита. В техническом отношении она непластинчатая, с небольшой долей техники леваллуа и приемами бифасиальной обработки. Присутствие в коллекции нуклеусов и орудий, типичных для эпохи верхнего палеолита, позволяет предположить наличие на стоянке верхнепалеолитических культурных слоев, нарушенных антропогенной деятельностью, а также может указывать на переходный от среднего к верхнему палеолиту характер индустрии.

Наиболее близкое технико-типологическое сходство прослеживается с позднемустьерскими комплексами многослойных стоянок Црвена Стена в

Черногории [Bakovic et al., 2008], Виндия, Велика Печина и Муйина Печина в Хорватии [Karavanic, Smith, 1998]. Согласно этим аналогиям (особенно из Далмации), каменную индустрию Биоче можно датировать в хронологическом диапазоне 50–35 тыс. л.н.

Список литературы

Bakovic M., Mihailovic B., Mihailovic D., Morley M., Vusovic-Lucic Z., Whallon R., Woodward J. Crvena Stijena excavations 2004–2006, preliminary report // Eurasian Prehistory. – 2008. – Vol. 6 (1/2). – P. 3–31.

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeologikal Societi. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

Karavanic I., Smith F. The Middle/Upper Paleolithic interface and the relationship of Neanderthals and early modern humans in the Hrvatsko Zagorje, Croatia // J. of Human Evolution. – 1998. – Vol. 34. – P. 223–248.

А.П. Деревянко, В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко, М.С. Колташов

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН) В 2010 ГОДУ*

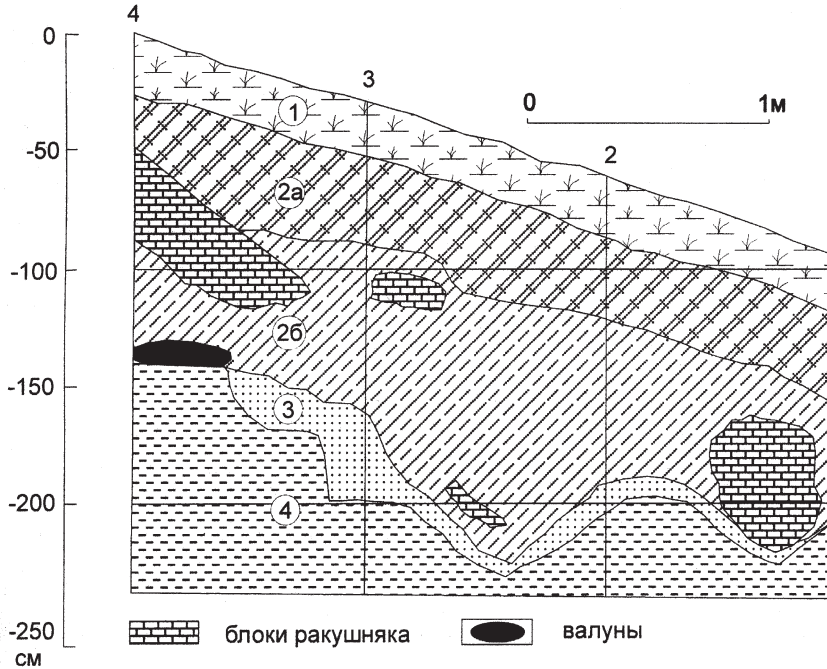
В результате рекогносцировочных исследований, в 2009 г. на местонахождении Дарвагчай-залив 1, было обнаружено четыре разновозрастных культурно - хронологических комплекса палеолитических артефактов [Деревянко и др., 2009].

В 2010 году были начаты планомерные полевые исследования на части памятника, где были обнаружены артефакты относящиеся к комплексу № 2 (средний палеолит). Исходя из предположения, что геоморфологическая и стратиграфическая ситуации будут кардинально меняться с каждым метром вскрытой площади, было решено раскапывать местонахождение небольшими участками-секторами 3х3 м. В 2010 г. было вскрыто два таких участка. Общая площадь вскрытых отложений составила 18 кв. м. После того как были раскопаны слои содержащие артефакты, сектор №1 был углублен до предполагаемого материка. Т.о. был получен полный стратиграфический разрез (см. *рисунок*):

Слой 1**.** Дерна нет, современная почва отсутствует. Слой представлен светло-коричневым легким суглинком с примесью дресвы, мелкого щебня, гравия и хорошо окатанных галек. Верхняя часть слоя до 0,05 м слабо гумусированная имеет серый оттенок, по трещинам рассыхания серый гумусированный окрас проникает до кровли ниже лежащего слоя. Состав обломков: известковистый и окремненный, мелкозернистый песчаник и алевролит. Плоские гальки и щебень ориентированы параллельно склону. Мощность слоя составляет 0,2 - 0,25 м. Подошва слоя нечеткая, слабоволнистая, падает параллельно современному склону, что указывает на преобладание делювиального процесса осадконакопления.

Слой 2а. Коричневый суглинок с большим содержанием обломочного материала: дресвы, щебня, полу - и хорошо окатанных галек. Встречаются плоские глыбы ракушняка (до 0,8 м). Плоский щебень, галька и глыбы преимущественно ориентированы параллельно склону. В толще слоя много мелких карбонатных стяжек. Мощность составляет 0,3 - 0,5 м. Подошва слоя четкая, неровная. Генезис склоновый.

*Исследования выполнены в рамках проектов РГНФ (№ 08-01-00321а, 10-01-18105е) и РФФИ (№ 10-06-00085-а).



Дарвагчай-залив-1. Сектор 1. Юго-восточная стенка.
Стратиграфический разрез.

Слой 2б. Аналог слоя 2а. Отличается значительным осветлением и минерализацией заполнителя, прослеживается в виде большой линзы мощностью до 110 см. Ориентировка обломков отсутствует. В мокром состоянии слой рыхлый, в сухом приобретает свойства конгломерата. В подошве слоя крупных обломков значительно больше (особенно глыб ракушняка). Отложения с явным перерывом (размывом) перекрывают нижележащие.

Слой 3. Тонкозернистый желтовато-серый песок мощностью до 0,55 м. Непосредственно на поверхности слоя залегают очень крупные глыбы и плиты ракушняка что, по всей видимости, связано с мощным тектоническим процессом. В кровле слой, местами, сильно перемешен с перекрывающими отложениями, контактная зона до 0,2 м. В подошве залегают хорошо окатанные валуны эллипсоидных и уплощенных форм (до 0,4 м). Подошва слоя четкая, не всегда ровная - видны промоины в нижележащих отложениях.

Слой 4. Зеленовато-коричневый алеврит с большим содержанием солей Ca и Na. Текстура пятнистая, видимая мощность слоя до 1,3 м. Данный слой, по всей видимости, является сильно выветренным образованием акчагыла т.к. залегает на горизонтально слоистых отложениях глинистых алевритов зеленовато-коричневого цвета, которые относятся к акчагыльской толще.

Результаты полевых исследований 2010 г. позволяют с высокой долей уверенности говорить о том, что в двух верхних горизонтах (слои 1 и 2а) артефакты залегают в непотревоженном состоянии.

Все предметы имеют очень хорошую сохранность поверхности, несмотря на то, что значительная часть их выполнена из такого непрочного материала как окремненный известняк. Полностью отсутствуют следы забитости и выкрашенности на краях артефактов. В данных слоях подавляющее большинство каменных изделий залегало в субгоризонтальной плоскости, очень мало предметов, обнаружено в вертикальном или сильнонаклонном положении. Можно говорить только о совершенно незначительном перемещении части артефактов вниз по склону в процессе образования толщи культурных напластований (это плоскостной смыв - делювий). В процессе раскопок в разных местах были обнаружены аплицирующиеся артефакты.

В слое 2а на площади диаметром в 0,3-0,35 м. и толщиной 0,05-0,06 м. в небольшом углублении, или скорее в локальном горизонтальном выравнивании слоя было обнаружено скопление артефактов. Такие выравнивания отмечены в толще слоя 2а, в Ю-В стенке раскопа (сектор 1), где плоские гальки и мелкие обломки четко выстраиваются в горизонтальную линию почти параллельную современной тропе вытоптанной на склоне в результате интенсивного выпаса домашних животных. В подобной ситуации, рядом с крупным обломком ракушняка (который залегал на том же уровне) было обнаружено скопление, состоящее из 73 переметов, рядом в 0,4 м. был обнаружен нуклеус принадлежащий этому скоплению. Предварительный осмотр этого скопления показал, что большая часть каменных артефактов получена в процессе расщепления одного желвака. Наблюдается целая серия аплицирующихся предметов и, по меньшей мере, шесть сколов аплицируются с нуклеусом. Это скопление интересно само по себе, т.к. залегает на очень маленькой площади довольно толстым слоем, т.е. создается впечатление, что артефакты были искусственно собраны в кучу древним человеком, кроме того оно однозначно доказывает, что археологические остатки залегают в слое 2а в непотревоженном состоянии.

Слой 2б, где также обнаружено небольшое количество артефактов, несомненно, переотложен. Горизонт выявлен только на части памятника примыкающего к берегу современного залива Геджухского водохранилища. По всей вероятности, это тот же слой 2а, но переотложенный в результате действия древнего водоема. Т.е. происходил размыв береговой линии во время образования слоя 2а, а размытые отложения накапливались в углублениях дна этого водоема. Нечто подобное мы наблюдаем и в настоящий момент. Так в момент образования Геджухского водохранилища залив был достаточно глубоким (по свидетельству местных жителей здесь неоднократно тонули люди). Впоследствии произошло размывание береговых отложений, и заполнение ими наиболее глубокой части залива. На данный момент это очень мелководный водоем дно, которого состоит из мощной толщи до 1 м илистых отложений. В 2009 г. был зафиксирован необычайно низкий

уровень воды в водохранилище, в результате чего залив полностью высох. Свидетельством того что слой 2б был образован в результате водной эрозии также является следующее: 1) все обломки, гальки и артефакты расположены в хаотичном порядке, часто в вертикальном или наклонном положении; 2) наблюдается сортировка грубообломочного материала (в нижней части слоя расположены наиболее крупные обломки); 3) как отмечалось выше слой сильно минерализован, наблюдается образование кристаллов солей; 4) мелкий щебень, обломки галек, а также редкие артефакты из известняка имеют слабо окатанные края, чего нет в выше лежащих слоях 1 и 2а; 5) контактная зона с нижележащим слоем 3 местами сильно размыта, наблюдается «перемешивание», внедрение слоев.

Все отложения залегающие ниже слоя 2б, зафиксированные в процессе раскопок (это слои 3 и 4), не содержат археологических артефактов и образовались, вероятно, намного ранее первого появления древнего человека в данном месте. Т.е. мы наблюдаем очень большой стратиграфический перерыв (размыв) процесса осадконакопления в данной толще отложений.

Т.о. на данный момент можно говорить о том, что на данной части памятника имеется два культурных горизонта, где артефакты залегают в состоянии in siti это слои 1 и 2а. Артефакты обнаруженные в слое 2б сильно переотложены и по всей вероятности являются составляющей слоя 2а.

Подводя итоги, хотелось бы остановиться еще на одном моменте: почему на таком довольно продолжительном отрезке времени именно это место привлекало первобытных людей? Отдельные артефакты и небольшие скопления каменных изделий, зафиксированы практически на всей площади и в окрестностях древнекаспийской террасы, но именно местонахождение Дарвагчай-залив 1 обладает всем набором палеолитических комплексов и очень высокой концентрацией каменных изделий.

Прежде всего, это источник каменного сырья. Несмотря на то, что толща галечников различной мощности зафиксирована практически на всей площади террасы, в доступном виде, в виде бечевника (пляжа), они представлены только на очень локальном участке протяженностью не более 20м., а районе памятников ДЗ-1 и ДЗ-2. Вероятно, это связано с тектоническими процессами и деятельностью древнего водоема. Далее это источник воды, который здесь, несомненно, был в непосредственной близости. И еще один момент, как показывают крупные обломки и плиты ракушняка, а также положение геологических слоев наклон древнего склона не соответствовал современному склону, который мы наблюдаем на местонахождении. Направление древнего склона было практически строго С-Ю, т.е. примерно на 40 градусов смещено на юг относительно современного склона, а это означает, что древний склон, полностью защищал от любых ветров северного направления. В демисезонный период (когда в данной местности наблюдаются сильные ветра) и зимой это могло иметь определенное значение.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив 1 (по материалам подъемных сборов). // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив 1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 106–111.

А.П. Деревянко, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, С.В. Маркин

СТРОЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ЧАРЫШ В РАЙОНЕ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ*

Детальное изучение геологических разрезов в долине р. Чарыш и его притоков в районе Чагырской пещеры, а также их геоморфологического положения позволило получить новые данные, характеризующие основные моменты истории развития этой долины. Исследованный участок долины р. Чарыш расположен в среднегорной зоне северо-западного Алтая, вблизи северного склона Тигерекского хребта. Абсолютная отметка уреза воды в реке под пещерой составляют 337,3 м.

Борта долины сложены палеозойскими породами. На относительных высотах 50-70 м над современным урезом реки отчетливо выделяются сближенные придолинные субгоризонтальные поверхности шириной от 70 м до первых сотен метров, цоколем которых служат палеозойские породы. Они имеют сглаженный тыловой шов и нечеткую бровку. Пещера находится около 25 м над уровнем р. Чарыша, практически в вертикальной стенке уступа террасы высотой около 50 м, сложенного силурийскими известняками. На высоких террасовых поверхностях встречаются разрозненные, крупные, хорошо окатанные гальки разнообразных палеозойских пород до 10 см в поперечнике и редкие, обычно обломанные, но хорошо окатанные валуны до 15 см в поперечнике. Подобные галька также встречаются в отложениях пещеры и подводных каналах идущих сверху от карстовой воронки. Галька входила в состав древнего практически не сохранившегося аллювия, залегающего на высоких террасовидных поверхностях. Наличие переуглубления в долине реки, установленного в ее левом борту у пос. Усть-Пустынка, заполненного отложениями древнее позднего неоплейстоцена, позволяет считать, что формирование высоких террасовых уровней происходило ранее конца среднего неоплейстоцена. По-видимому, высокие террасовидные уровни являются исходным репером последующего поднятия территории и глубокого врезания долины р. Чарыш. Начало врезания долины соответствует времени формирования карстовой полости.

В долинах мелких притоков выходящих в долину Чарыша хорошо сохранились фрагменты древних лессовых покровов, выполняющих их во время аридизаций и похолоданий климата. Так в правом борту долины р. Чарыша,

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-05-00673-а) и РГНФ (№ 10-01-18118-е).

близ западной окраины пос. Усть-Пустынка, в 1,6 км северо-западнее пещеры в руслообразном понижении в палеозойских породах, дренированном сейчас небольшой речкой вскрывается лессовый разрез высотой 11,55 м, состоящий из нескольких горизонтов лессовых отложений, залегающих под современной черноземной почвой. Горизонты лесса разделены отчетливыми денудационными перерывами. Они залегают на ископаемой почве, находящейся на глубине 10 м от бровки обнажения. В верхней части она представлена фрагментами гумусового горизонта (А1 ≈ 0,4 м), сложенного тяжелым, темно-серым с коричневым оттенком, карбонатным, плотным, слабо пористым суглинком с большим количеством дресвы и мелкого щебня. Нижняя граница неровная, нечеткая. Иллювиальный горизонт (Вса ≈ 0,6 м) состоит из суглинка серовато-коричневого цвета, карбонатного, более плотного и менее пористого, чем гумусовый горизонт. В нем встречается мелкий щебень, много нор землероев диаметром 7-10 см, заполненных серовато - белым рыхлым суглинком. Ископаемая почва по морфотипическим признакам аналогична нижней почве бердского комплекса Западно-Сибирской равнины [Зыкина и др., 1981]. Она сформировалась в казанцевское межледниковье, что позволяет рассматривать возраст вышележащих отложений как позднеплейстоценовый.

В настоящее время можно по литологическим признакам, цвету и последовательности формирования провести предварительную корреляцию выделенных горизонтов со слоями, присутствующими в Чагырской пещере. Горизонт лессовидного, светло-коричневого, уплотненного, пористого суглинка с множеством корнеходов, заполненных темным органическим веществом и карбонатным псевдомицелием, залегающий под современной почвой в интервале 1,45-2,4 м от бровки, сопоставим со слоем норм Чагырской пещеры [Деревянко и др., 2009]. Горизонт серовато-коричневого, плотного, пористого суглинка с карбонатным псевдомицелием и большим количеством корнеходов, залегающий в интервале 2,4-4,75 м от бровки обнажения коррелятен слою 6А пещеры. В нем с глубины 2,05 м от кровли до 2,4 м встречаются мелкие карбонатные пятнышки. В отличие от вышележащего горизонта отмечается увеличение к основанию горизонта песчаных прослоев толщиной от 0,5 до 2 см. Горизонт коричневато-серого, карбонатного суглинка, расположенного в интервале 4,75-5,75 м от бровки соответствует слою 6Б пещеры. Он плотнее вышележащего суглинка, менее пористый, с множеством корнеходов. В нем редко встречается мелкий щебень от 0,3 см до 1,2 см, песчаные прослои отсутствуют, в самой верхней части встречаются мелкие до 0,7 см рыхлые гипсовые конкреции и тонкие гипсовые прослои.

Ископаемая почва приведенного разреза залегает на отметках близких поверхности современной высокой поймы. Ниже почвы на глубину 0,5 м вскрыты легкие серовато-желтые, карбонатные суглинки с полыми корнеходами и мелким щебнем до 0,5 см.

В следующем разрезе также расположенном в правом борту долины р. Чарыш в средней части пос. Усть–Пустынка, в правом борту долины ру-

чья Речка в нижней части склона в субаэральной лёссовой толще на глубине 5 м от бровки обнаружена нижняя почва бердского комплекса. Она залегает, как и почва вышеописанного разреза, на том же гипсометрическом уровне и имеет сходные с ней морфотипические признаки, соответствующие нижней бердской почве. Однако в этом разрезе почва имеет профиль лучшей сохранности, позволяющий выделить в её развитии две стадии - луговую и лугово-чернозёмную. Под почвой залегает лёгкий опесчаненный, серовато-желтоватый, карбонатный суглинок, видимой мощность 1,5 м, слагающий верхнюю часть отложений, выполняющих переуглубление долины р. Чарыш.

Таким образом, в описанных разрезах присутствуют субаэральные отложения, в которых присутствует нижнебердская ископаемая почва. Следует отметить, что вне зависимости от денудационных и склоновых процессов горизонты лессов сохраняют основные закономерности строения и морфологические особенности, характерные для них в Западной Сибири. Это позволяет сопоставлять лёссовые горизонты долины р. Чарыша с лессово-почвенной последовательностью Сибири [Добрецов, Зыкин, Зыкина, 2003].

В районе пещеры в долинах р. Чарыша и ее левого притока р. Ини отчетливо прослеживаются более низкие террасовые уровни, представленные первой и второй террасами, низкой и высокой поймой. Строение второй террасы наиболее полно представлено в ее уступе в левом борту долины р. Ини высотой 17,5 м, около 13 км выше устья. В основании террасы залегает хорошо окатанный преимущественно крупный галечник мощностью 3,2 м с мелкими валунами и большим количеством грубозернистого песка близкий по строению современному русловому аллювию рек Ини и Чарыша. Выше расположенные темные, серовато коричневые, глинистые, слабо слюдистые алевриты, в верхней части которых встречается щебень сланцев, слагающих борта долины в данном месте, формировались в пойменном водоеме. Для этих образований в долинах рек Чарыша и Ини В.В.Бутвиловский [1993] приводит радиоуглеродные даты – 30400±300, 33950±400 и 35800±750 лет т.н., свидетельствующие о каргинском времени их формирования. Верхнюю часть разреза слагают лессы мощностью 10,6 м, представленные светлыми, серовато-желтыми, карбонатными алевритами с вертикальной отдельностью и многочисленными полыми корнеходами. Они полностью выполняют долину р. Ини, что свидетельствует об отсутствии в ней в это время магистрального стока. Их залегание на хорошо датированных каргинских отложениях свидетельствует об их формировании во время последнего сартанского оледенения. В лессах на разных уровнях слоя часто встречаются линзы толщиной до 1,5 м и протяженностью до 7 м очень слабо окатанного галечника и щебенки, состоящих преимущественно из сланцев слагающих борта долины. В них присутствует большое количество грубозернистого, полимиктового песка. Гальки и щебень слабо наклонены против течения современной реки. Наличие линз

слабо окатанного местного материала с наклонным положением галек позволяет предполагать периодическое возобновление слабого стока в долине во время накопления в ней эолового материала во время похолодания и аридизации климата последнего оледенения.

Список литературы

Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – 252 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования 2009 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 53–56.

Добрецов Н.Л., Зыкин В.С., Зыкина В.С. Структура лессово-почвенной последовательности плейстоцена Западной Сибири и ее сопоставление с Байкальской и глобальными летописями изменения климата // Докл. АН – 2003. – Т. 391. – № 6. – С. 821–824.

Зыкина В.С., Волков И.А., Дергачева М.И. Верхнечетвертичные отложения и ископаемые почвы Новосибирского Приобья. – М.: Наука, 1981. – 204 с.

А.П. Деревянко, К.А. Колобова, А.И. Кривошапкин,
У.И. Исламов, К.И. Милютин, В.М. Харевич,
Н. Звинц, К.К. Павленок, Г.А. Мухтаров

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДОДЕКАТЫМ-2 В 2005–2010 ГОДАХ*

Возросший интерес к древнейшей истории Центральноазиатского региона дал стимул к возобновлению комплексных исследований палеолитической эпохи на территории Узбекистана. Несмотря на масштабные археологические исследования второй половины XX века, история верхнепалеолитической эпохи на территории Узбекистана представлена фрагментарно, поскольку количество обнаруженных стоянок, относящихся к данному периоду, до сих пор остается незначительным, причем в большинстве случаев речь идет о статистически недостоверных выборках с объектов с экспонированным залеганием каменных артефактов.

Обнаружение и исследование многослойной стратифицированной стоянки Додекатым-2 явилось важным событием для палеолитоведения региона. В августе 2005 года было проведено разведочное обследование в среднем течении р. Пальтау (правый приток р. Чаткал, Ташкентская область, Республика Узбекистан), в результате которого были обнаружены два пункта с археологическим материалом, из которых наиболее перспективным был признан Додекатым-2.

Стратиграфия стоянки Додекатым-2 обусловлена делювиально-пролювиальным генезисом предгорного шлейфа (террасовидного уступа), в отложениях которого залегают культурные остатки. Описание вскрытых раскопом стратиграфических отложений было приведено в ранних публикациях [Кривошапкин, Колобова, Харевич, 2009]. Четыре литологических слоя включают остатки пяти культурных подразделений, верхний из которых был признан значительно потревоженным в результате антропогенной активности. Полная характеристика каменного инвентаря культурных слоев 5-1 приведена ранее [Там же] (рис. 1, 2).

На настоящее время для стоянки Додекатым-2 имеется три определения абсолютного возраста, выполненные для нижней части слоя 4 радиоуглеродным методом (AMS) в лаборатории NSF Аризонского университета (г. Тусон, США). Два образца показали очень близкий возраст: 23800 ± ± 190 л.н. (AA69073, датируемый материал – уголь) и 23600 ± 330 л.н. (AA69075, датируемый материал – кость). Один образец дал более позднюю дату: 21850 ± 180 л.н. (AA69074, датируемый материал – уголь).

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 08-01-00332).

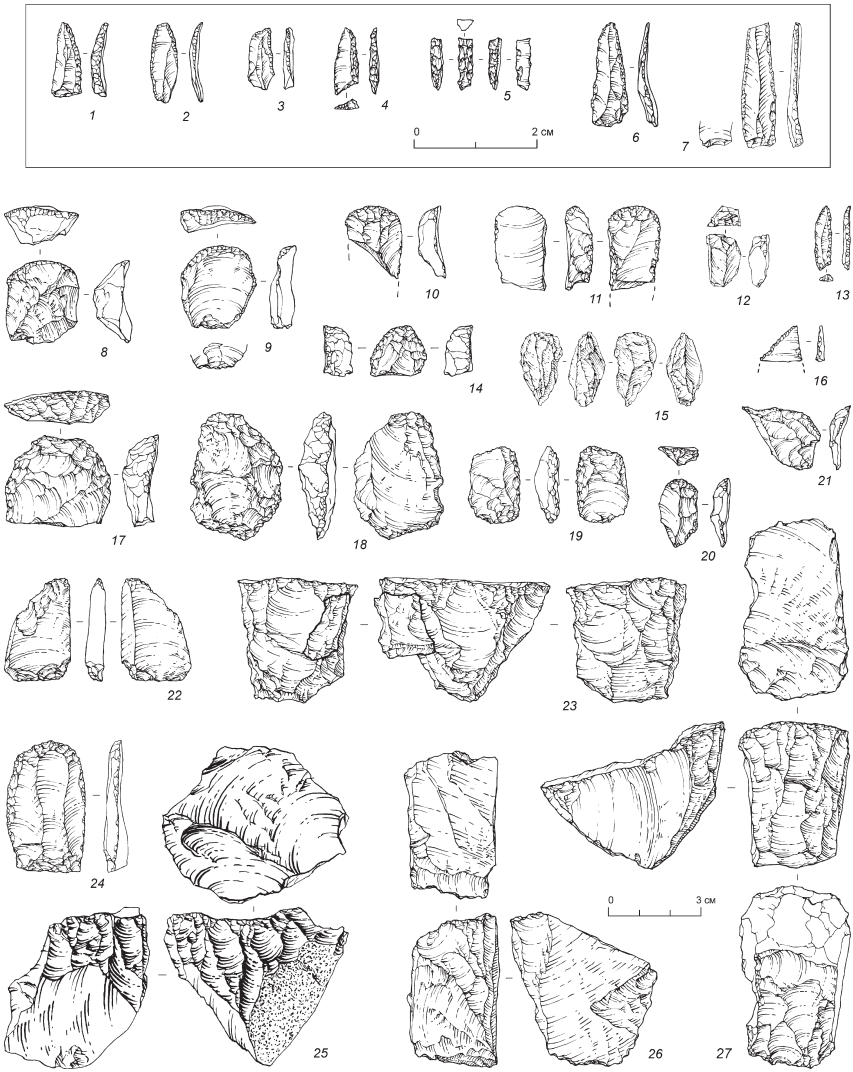


Рис. 1. Орудия и нуклеусы со стоянки Додекатым-2.

Основываясь на данных стратиграфических наблюдений, можно сделать следующие выводы: 1) археологический слой 1 является результатом значительного перемешивания верхнепалеолитических артефактов и культурных остатков более поздних этапов истории в силу антропогенной деятельности и активности землероев; 2) археологические материалы культурных слоев 2, 3 и 4 присутствуют в относительно инситном состоянии, что подтверждается также планиграфическими наблюдениями, результатами технико-типологического и аппликационного анализов. При этом археологический слой 2

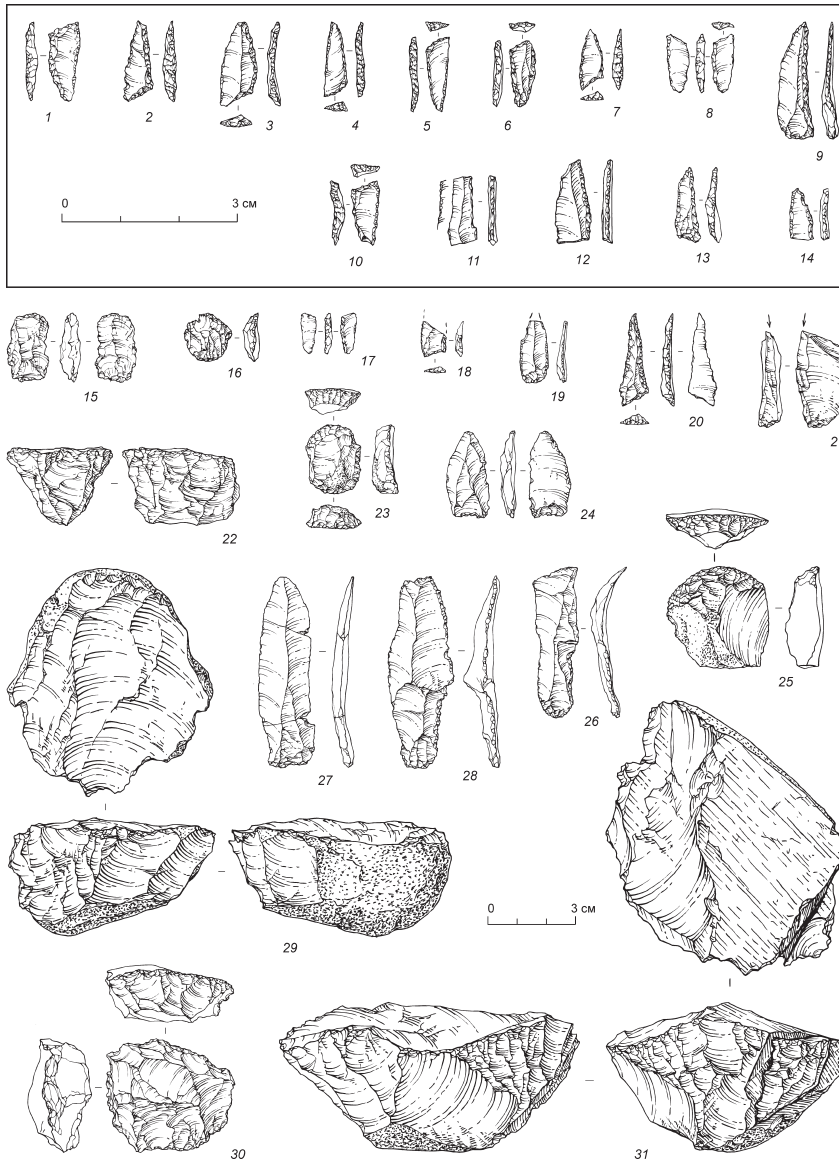


Рис. 2. Орудия и нуклеусы со стоянки Додекатым-2.

объединяет в себе материальные остатки нескольких достаточно продолжительных периодов заселения стоянки, являясь культурным палимпсестом, в то время как археологические слои 3 и 4 отражают, видимо, менее интенсивные и краткие эпизоды присутствия древнего человека; 3) каменные артефакты, составляющие культурный слой 5, по всей видимости, подверглись

как плоскостному, так и вертикальному смещению, отражая, тем не менее, единый (одновременный) эпизод/период заселения стоянки древним человеком, что подтверждается как данными технико-типологического анализа, так и наличием апплицируемых каменных изделий.

Учитывая результаты технико-типологического анализа индустрий всех культурных слоев памятника можно предположить идентификацию всех культурных остатков, как принадлежащих к одной культурной традиции, носители которой присутствовали на изучаемой территории около 23–21 тыс.л.н. (некалиброванный возраст).

В целом, для первичного расщепления всех культурных слоев стоянки характерно преобладание подпризматического и торцового скалывания, нацеленного, преимущественно, на получение мелких пластинок, использовавшихся в дальнейшем в качестве вкладышей для составных орудий. Превалирующим принципом расщепления является призматический с четким доминированием кареноидных нуклеусов для получения пластинок с изогнутым и пропеллерообразным профилем в нижнем слое 5 и преобладанием в вышележащих слоях одноплощадочных нуклеусов для пластинчатых заготовок с прямым профилем. Анализ профилей самих пластинчатых сколов подтверждает картину, наблюдаемую среди нуклеусов: в слое 5 наибольшее количество пластинчатых сколов имеет непрямой профиль (77%), в вышележащем слое 4 их количество снижается до 66%, в слое 3 пластинчатые изделия с прямым профилем преобладают (55,9%). В коллекции слоя 2 пластинчатые сколы с прямым профилем составляют 49%.

В целом индустрию стоянки Додекатым-2 можно охарактеризовать как мелкопластинчатую. Доля пластинчатых сколов незначительно возрастает от слоя 5 (49,4%) к слою 2 (61,35) за счет возрастания доли пластинок. Основными сколами – заготовками выступали также пластинчатые сколы, их доля варьируется от 57% в индустрии слоя 4 до 87% в коллекции слоя 2. Значительное возрастание процентного соотношения пластинчатых сколов среди заготовок орудий напрямую связано с увеличением количества микроизделий (треугольные микролиты, пластинки с притупленным краем). Анализ метрических характеристик пластинчатых сколов в индустрии стоянки Додекатым-2 свидетельствует о том, что для получения микропластинок, пластинок, либо пластин не использовались какие-либо специализированные приемы расщепления, либо нуклеусы определенного типа. С одних и тех же ядрищ производились как заготовки с параметрами микропластинок, так и пластинки, и пластины. Чаще всего на одном ядрище встречается сочетание негативов пластинок и микропластинок.

Орудия, отнесенные к категориям микроинвентаря (прежде всего, треугольные микролиты и пластинки с притупленным краем), доминируют в орудийном наборе, что, на наш взгляд, свидетельствует о преобладании специализированной активности (сезонная охота?). Наличие в заметных пропорциях также и обрабатывающих орудий (скребки, резцы, проколки),

видимо, указывает на то, что мы имеем дело с более или менее долговременным «базовым» охотничьим лагерем.

Обращает на себя внимание, что, начиная с самого нижнего слоя, индустрия стоянки Додекатым-2 предстает в уже полностью сложившемся виде. Технология получения заготовок, приемы вторичной отделки и морфология основных категорий орудийного набора в значительной степени стандартизированы, значительных эволюционных различий между слоями не прослеживается.

Наиболее близкие (технико-типологические и географические) аналогии додекатымской индустрии можно проследить в археологических материалах верхних слоев стоянки Кульбулак (Узбекистан). Данные раскопок прошлого века, а также археологические материалы, полученные из верхних слоев стоянки Кульбулак в результате возобновления полевых исследований памятника [Деревянко, Исламов, Колобова и др., 2008] показывают наличие многих технико-типологических характеристик, близких индустрии стоянки Додекатым.

Что касается сопоставления индустрии стоянки Додекатым-2 с археологическими комплексами наиболее полно (для территории Узбекистана) исследованной и опубликованной Самаркандской стоянки [Джуракулов, 1987], можно также отметить присутствие ряда аналогичных типологически выраженных изделий. В то же время присутствие в материалах Самаркандской стоянки значительного компонента архаичных макроорудий (являющихся, по мнению многих исследователей, специфической чертой верхнего палеолита Средней Азии) при отсутствии развитого микроинвентаря заставляет осторожно подходить к вопросу включения указанных памятников в единую культурную общность.

В поисках более широких (географически) аналогий, необходимо отметить несомненное сходство традиции Додекатыма-2 с индустриями финальноверхнепалеолитической культуры Зарзиан в горах Загроса на территории современного Ирака, прежде всего с наиболее показательными комплексами стоянок Варваши, Шанидар, Зарзи и Палегвара [Wahida, 1999]. Исходя из косвенных данных, исследователи данной культуры датируют ее в широких хронологических рамках от 20 до 12 тыс.л.н. Близкие зарзианским индустриям верхнепалеолитические материалы отмечены и на территории Леванта. Речь идет о стоянке Охало-2, интерпретируемой исследователями как памятник, переходный от верхнего палеолита к эпипалеолиту. В результате радиоуглеродного датирования памятника возраст его определяется в 19500 л.н. (откалиброванные даты имеют диапазон от 23500 до 22500 л.н.) [Nadel, Grinberg, Boaretto, 2006]. Бесспорно, говорить о прямых культурных связях между Левантом и Загросом, с одной стороны, и Средней Азией, с другой, учитывая географическую удаленность регионов и различную степень изученности, в интересующий нас период верхнепалеолитической эпохи достаточно затруднительно. Тем не менее, значительное технико-типологическое сходство хронологически близких

индустрий этих регионов может свидетельствовать, на наш взгляд, если не о явлениях культурной диффузии (прямой или опосредованной), то, как минимум, о схожих траекториях развития, причины конвергентности которых еще предстоит установить.

Список литературы

Деревянко А.П., Исламов У.И., Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И., Лещинский С.В., Крахмаль К.А., Звинц С.В., Павленок К.К., Мухтаров Г.А. Возобновление археологических работ на многослойной стоянке Кульбулак в 2007 г. // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Фан АН РУз, 2008. – Вып. 36. – С. 24–37.

Джуракулов М. Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1987. – 172 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Харевич В.М. Индустрия стоянки Додекатым-2 (Узбекистан): новые данные по верхнему палеолиту региона // Вестн. НГУ. Сер. История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. – С. 74–97.

Nadel D., Grinberg U., Boaretto E., Werker E. Wooden objects from Ohalo II (23,000 cal BP), Jordan Valley, Israel // J. of Human Evolution, 2006. – N 50. – P. 644–662.

Wahida G. The Zarzian Industry of the Zagros Mountains // Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 181–208.

А.П. Деревянко, К.А. Колобова, К.К. Павленок,
Д. Фляс, Г.Д. Лукьянова, У.И. Исламов, Г.А. Мухтаров

ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В 2010 ГОДУ*

История верхнепалеолитической эпохи на территории Узбекистана изучена слабо, поскольку количество стратифицированных стоянок, относящихся к данному периоду, до сих пор остается незначительным. В связи с этим, основным направлением деятельности Российско-Бельгийско-Узбекской экспедиции является комплексное исследование стоянки Кульбулак с целью уточнения стратиграфической ситуации, получения новых коллекции и определений абсолютного возраста культурных отложений.

В течение полевого сезона 2010 г. площадь раскопа, вскрывшего отложения слоя 2, заключающего в себе верхнепалеолитическую индустрию, составила 3 м^2. Как уже отмечалось ранее, второй литологический слой представляет собой светлый зеленовато-серый суглинок с разнозернистым песком, гравием, дресвой и редкими щебнем. Несмотря на пролювиальный генезис отложений, археологический материал, присутствующий в литологическом слое 2, подвергся лишь незначительному перемещению [Деревянко и др., 2009]. Зафиксировано, что материал верхнепалеолитического облика на раскапываемом участке залегает двумя культурными слоями, отражающими, видимо, два эпизода заселения стоянки древними людьми. Нижний культурный слой, (2.2) свидетельствует о серии кратковременных посещений. Верхний уровень (2.1) отражает более долговременное и интенсивное обитание человека на стоянке, и с точки зрения функциональной направленности представляет собой зону для первичного расщепления кремня и изготовления орудий, большая часть которых впоследствии уносилась с данной площади [Колобова, и др., 2009].

Индустрия слоя 2.1. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 11324 экз., из которых подавляющую часть составляют отходы производства (осколки и обломки – 810 экз. (7,2%), чешуйки – 7250 экз. (64,0 %)). Количество артефактов без отходов производства составляет 3541 экз., из которых нуклевидные изделия насчитывают 132 экз. (3,7 %), отщепы – 2339 экз. (66, 1 %), пластины – 222 экз. (6,3 %), пластинки – 293 (8,3 %), микропластины – 197 экз. (5,6 экз.), пластинчатые отщепы – 16 экз. (0,5 %), остроконечники – 7 экз. (0,2 %), технические сколы – 42 экз. (1,2 %).

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 08–01–00332).

Первичное расщепление. Всего было обнаружено 97 экз. типологически выраженных нуклеусов. Самой многочисленной группой являются ядрища плоскостного принципа расщепления – 42 экз. Из них наиболее многочисленными и типологическими выраженными являются нуклеусы параллельного способа снятий: моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых сколов (рис. 2) моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для отщепов и пластинчатых отщепов, а также биплощадочные монофронтальные ядрища встречного скалывания для пластинчатых снятий и отщепов. Примечательно, что в коллекции присутствуют моноплощадочные монофронтальные нуклеусы для пластинчатых заготовок, выполненные на сколах (рис. 1, *14*).

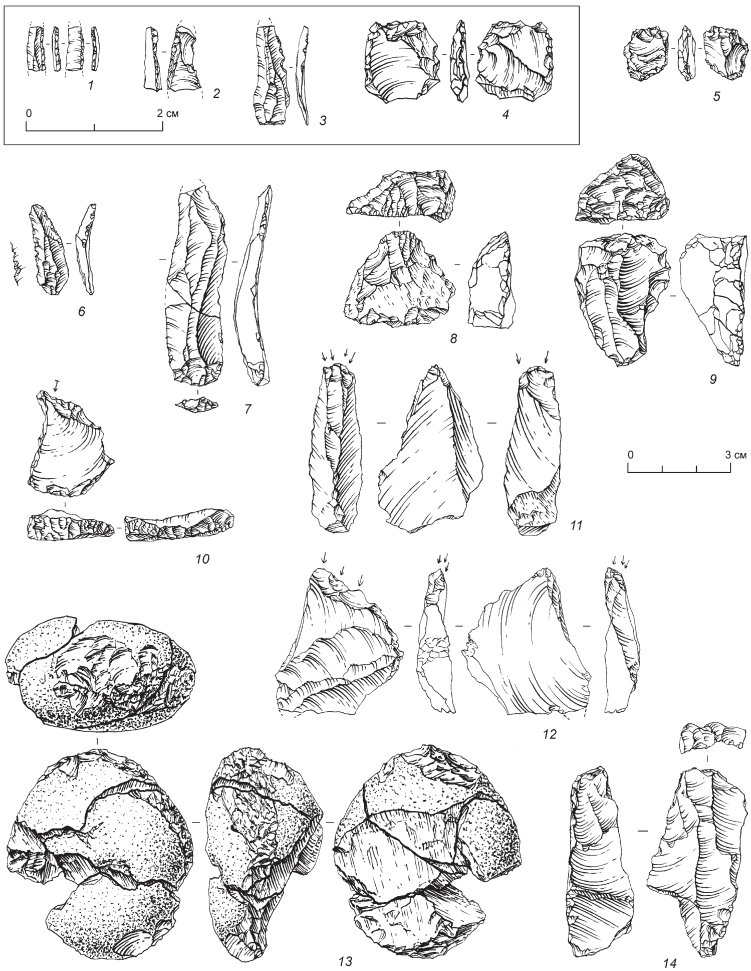


Рис. 1. Стоянка Кульбулак. Каменные артефакты из слоя 2.

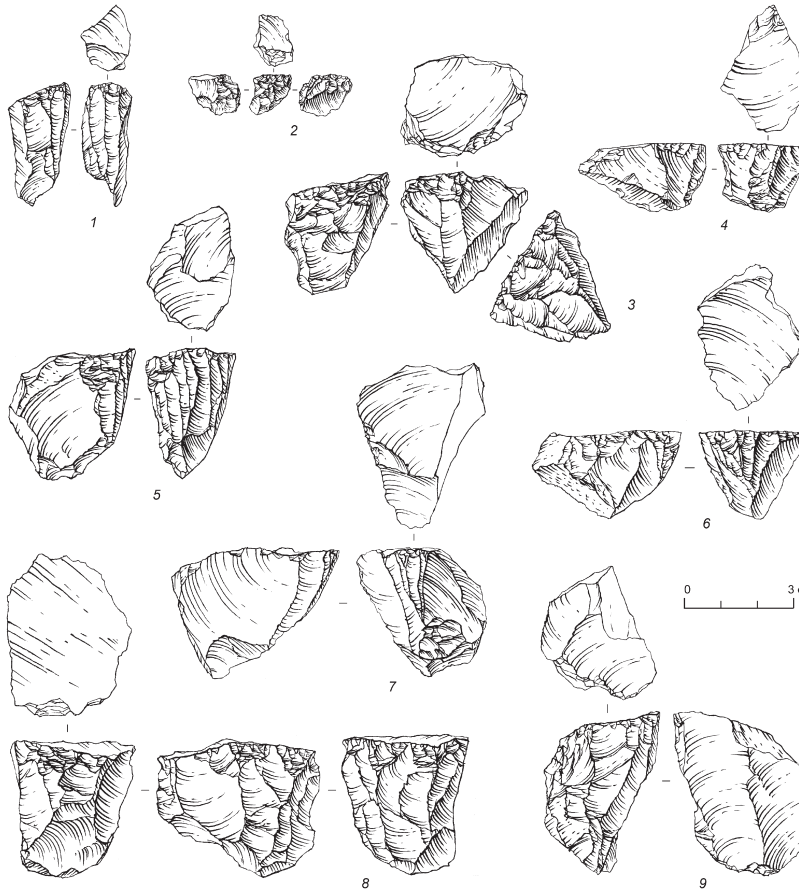


Рис. 2. Стоянка Кульбулак. Каменные артефакты из слоя 2.

Также были выделены два дисковидных ядрища для пластин.

Второй по численности группой нуклеусов выступают ядрища призматического принципа расщепления – 28 экз. В коллекции представлен единственный одноплощадочный нуклеус для пластинчатых снятий, степень выпуклости дуги скалывания которого превышает 180° (рис. 2, *8*). Остальные объемные нуклеусы представлены подпризматическими вариантами для пластинчатых снятий, отщепов и пластинчатых отщепов. Среди них выделяются категории одноплощадочных (16 экз.; рис. 2) и биплощадочных ядрищ (3 экз.; рис. 2). Наиболее ярким компонентом призматического принципа выступают кареноидные нуклеусы для пластинок и микропластин (8 экз.) (см. рис. 1, *8*; 2, *2, 5, 4, 6, 9*). Примечательно, что один кареноидный нуклеус для пластинок выполнен на отдельности горного хрусталя.

Третью группировку составляют различные модификации торцовых нуклеусов для получения пластинчатых снятий – 18 экз. В том числе торцовые моноплощадочные нуклеусы для пластинчатых снятий – 10 экз., торцовые клиновидные нуклеусы для пластинок и микропластин – 6 экз. (см. рис. 2, *3*) и торцовый подклиновидный нуклеус для пластинок – 1 экз. (см. рис. 2, *1*). В единственном случае зафиксирован торцовый нуклеус на сколе поперечной системы утилизации.

Доминирующими типами остаточных ударных площадок сколов являются гладкие и точечные ударные площадки. В целом для индустрии характерна достаточно грубая подработка ударной площадки.

Характеристика огранок дорсальной поверхности сколов индустрии свидетельствует о преимущественном использовании параллельного способа расщепления.

Категория технических сколов составляет 42 экз. Наиболее представительной категорией являются сколы подправки дуги скалывания необъемных нуклеусов (10 экз.). Представительна группа краевых сколов, в том числе и с параметрами пластин (9 экз.). Группа реберчатых снятий насчитывает 3 экз., полуреберчатых – 8 экз. Отмечается наличие таблеток (см. рис.1, *10*) и резцовых снятий. В единственном экземпляре представлен латеральный скол подправки кареноидного нуклеуса.

Очень интересна находка отбойника из кварцита, фрагментированного в древности (см. рис.1, *13*)

Орудийный набор слоя отличается чрезвычайно высокой типологической вариабельностью. Наиболее представительны скребки, включающие следующие категории: концевые скребки – 5 экз., боковые вентральные скребки – 4 экз., концевые скребки высокой формы 3 экз., угловой скребок на пластине, скребок с обработкой на 3/4 части периметра, кареноидный скребок на отщепе (см. рис. 1, *9*), концевой вентральный скребок, концевой микроскребок, боковой вентральный скребок с шипом, боковой дорсальный скребок.

Следующая по значимости типологическая группа - долотовидные изделия (17 экз.). Выделены как однолезвийные (8 экз.), так и двулезвийные макроформы (4 экз.). Категория микродолотовидных изделий с исключительно малым (до 15 мм в наибольшем измерении) размером насчитывает 2 экз. однолезвийных (см. рис. 1, *4*) и 3 экз. двулезвийных изделий (см. рис. 1, *5*). Обращает на себя внимание единственное в коллекции двойное долотовидное орудие с сопряженными лезвиями на дистальном фрагменте пластинки.

Среди микроинвентаря представлены микропластинки с вентральной ретушью (2 экз.) (см. рис. 1, *2*), пластинки дюфур (3 экз.) (см. рис. 1, *1*), дистальный фрагмент пластинки с притупленным правым продольным краем. Достаточно многочисленную группу составляют неформальные (ситуационные) орудия (18 экз.). В этой категории представлены отщепы с ретушью (10 экз.), пластины с ретушью (2 экз.) (см. рис. 1, *7*), шиповидные орудия

(3 экз.), пластинки с ретушью утилизации (2 экз.) (см. рис. 1, *3, 6*), пластина с ретушью и микропластинка с ретушью утилизации. Резцы немногочисленны - 2 угловых многофасеточных резца, монофасеточный угловой резец (см. рис. 1, *11, 12*). Зубчато-выемчатая группа насчитывает 4 изделия: зубчатые орудия (2 экз.), выемчатые орудия (2 экз.). Также в состав орудийного набора входят ножи с обушком-гранью (2 экз.), остроконечники (3 экз.), прямые продольные одинарные скребла (2 экз.), одинарное продольное прямое вентральное скребло.

Индустрия слоя 2.2. Коллекция каменного инвентаря насчитывает 1636 экз., из которых отходы производства составляют 1010 экз. (осколки и обломки – 115 экз., (7%), чешуйки – 936 экз. (57,2%)). Количество артефактов без отходов производства составляет 626 экз., из которых нуклевидные изделия насчитывают 8 экз. (1,3%), пластины – 54 экз., (8,6%), пластинки – 44 экз., (7,0%), микропластины – 22 экз., (3,5%), отщепы – 443 экз., (70,8%) , пластинчатые отщепы -3 экз., (0,5%), остроконечники - 2 экз., (0,3%), технические сколы - 6 экз., (1,0%).

Первичное расщепление. Всего выделено 7 экз. типологически определимых нуклеусов. Наиболее многочисленной группой являются нуклеусы плоскостного принципа расщепления (5 экз): моноплощадочные монофронтальные параллельного принципа скалывания для пластин и пластинок (4 экз.) и единственный во всей коллекции ортогональный нуклеус для отщепов. В коллекции слоя 2.2. в единственном экземпляре представлены торцовый клиновидный нуклеус для пластинок и биплощадочный монофронтальный нуклеус для отщепов, в дальнейшем преобразованный в скребловидное орудие.

Распределение сколов по типологии их ударных площадок соотноситься с данными по индустрии слоя 2.1. Среди сколов доминируют изделия с параллельной однонаправленной огранкой дорсальной поверхности.

Коллекция технических сколов слоя насчитывает 6 экз. Они представлены краевыми пластинами и сколами (5 экз.), а также единственной полуреберчатой пластиной.

Орудийный набор слоя насчитывает 16 экз. Скребки в индустрии представлены 3 вариантами: концевой скребок, концевой микроскребок, боковой скребок. Группа неформальных (ситуационных) орудий включает в себя отщепы с ретушью (2 экз.), пластины с ретушью (3 экз.) и шиповидные орудия (2 экз.). Вызывает интерес следующее оригинальное орудие: на монофронтальном биплощадочном нуклеусе встречного принципа снятий был оформлен участок лезвия скребла. В единственном экземпляре представлен нож с естественным обушком-гранью, остроконечник, одинарное продольное прямое вентральное скребло и ретушированное острие.

Полученные в результате раскопок стоянки Кульбулак в 2010 г. археологические материалы в целом подтвердили предположения, сформированные на основе изучения коллекций раскопок предшествующих лет. Как и предполагалось, материалы двух культуросодержащих слоев продемонст-

рировали несомненное культурное единство и генетическую близость, и в целом индустрия носит ярко выраженный мелкопластинчатый характер. В течение прошедшего полевого сезона из обоих культурных слоев были взяты образцы на абсолютное датирование.

Список литературы

Деревянко А.П., Колобова К.А., Фляс Д., Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Павленок К.К. Исследование стоянки Кульбулак в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2009. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т.15, ч. 1. – С. 123–129.

Колобова К.А., Фляс Д., Исламов У.И., Кривошапкин А.А., Павленок К.К. Первичное расщепление в верхнепалеолитической индустрии стоянки Кульбулак (Узбекистан) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы междунар. симп. – Новосибирск, 2009. – С. 114–140.

А.П. Деревянко, С.В. Маркин, В.С. Зыкина, В.С. Зыкин,
А.С. Антипов, А.Л. Кунгуров

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (ОБЪЕКТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ) В 2010 ГОДУ*

Пещерный объект (Краснощековский район, Алтайского края), содержащий богатейшие индустрии среднего палеолита, расположен в среднегорном районе северо-западного Алтая, в долине р. Чарыш, вблизи северного склона Тигерекского хребта. Обнаруженная в 2007 г пещера, имеет северную экспозицию. Расположена она на высоте 25 м над уровнем реки. Своей приустьевой частью выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50 - 60 м., сложенной серыми, массивными, нижнесилурийскими известняками. На горизонтальной поверхности террасы прямо над пещерой под маломощной современной почвой встречается окатанная галька и обломки валунов кристаллических пород. Пещера имеет два зала, площадью около 130 кв. м, один из которых дает начало трем почти полностью погребенным горизонтальным и вертикальным галереям. Исследованиями 2007 – 2009 гг. установлена стратиграфия рыхлой толщи приустьевой части пещеры, и участка, примыкающего к ней, где выделены субаэральные осадки, содержащие многочисленные артефакты с остатками мегафауны [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2008, 2009].

Работами 2010 г., затронувшими внутреннюю часть полости в Зале 1, в 8 м от капельной линии, по продольному и поперечному разрезам, установлен следующий состав рыхлых пород, совокупная мощность которых около 3 м: суглинок лёгкий опесчаненный, мощностью 0,2 - 0,4 м, темно-серого цвета со слабым коричневатым оттенком, уплотненный, карбонатный. В слое много обломков горных пород размерами до 0,1 м а также щебня, дресвы, песка (слой 1); галечник, мощностью 0,1 – 0,45 м, серый, плохо сортированный, с окатанной галькой мелкими валунами размерами 0,04 - 0,2 м, редкими обломками кавернозного известняка, размерами до 0,15 м, с заполнителем плохо сортированного грубозернистого преимущественно глиняного песка, гравия и частиц опесчаненного лессовидного суглинка серого цвета со слабым коричневатым оттенком, рыхлым, карбонатным, с острыми гранями (слой 2). Слой, имеющий четкую границу с нижележащим литологическим веществом, представляет плохо сортированный русловой аллювий, поступавший в пещеру через карстовые воронки с поверхности цокольной террасы, располагавшейся выше пещерной полос-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-18118-е).

ти; суглинок (0,15 – 0,25 м) опесчаненный, серого и темно-серого цвета, рыхлый, карбонатный, по сравнению с вышележащими осадками содержит меньше обломочного материала. Встречаются расколотые гальки, размерами до 0,04 м, плоские гальки, фрагменты известняков до 0,04 м, мелкий щебень, дресва и мелкие угольки. Слой обладает четким контактом с нижележащими отложениями (слой 3); суглинок (0,1 – 0,4 м) интенсивно коричневого цвета, опесчаненный, некарбонатный, возможно, прокаленный, или содержащий гидроокислы железа и алюминия. Слой, видимо, выполняет заполнение антропогенного происхождения (слой 4); суглинок опесчаненный, мощностью до 0,8 м, светло-коричневого цвета, слабо уплотненный, карбонатный (мелкие пятнышки и разорванные прослойки хорошо разложившегося известняка), пористый, содержит глиняный песок, песчаные зерна различного минералогического состава, мелкий сланцевый щебень, дресву, встречается окатанная галька, размерами 0,02 м, глыбы известняка, норы землероев, заполненные суглинком из слоя 2 и 3. Переход к нижележащему осадку заметен по цвету (слой 5); суглинок, мощностью до 0,5 м, легкий опесчаненный серовато-коричневого цвета, слабо пористый, карбонатный, уплотненный. В слое много мелких обломков известняка, щебня, мелкой гальки и её обломков (от 0,02 до 0,05 м). Верхняя граница слоя волнистая. Суглинок выполняет небольшое понижение, к основанию которого встречается наибольшее количество обломков горных пород и галек. Ложе понижения как бы оконтурено обломками горных пород и разложившимися костными остатками. В верхней части слоя отмечаются белые пятнышки разложившихся известняков. Встречены норы землероев, заполненные суглинком из слоя 3 (слой 6а); суглинок, мощностью до 0,75 м, опесчаненный коричневато-серого цвета, слабо пористый, уплотнённый, карбонатный, встречаются в большом количестве крупные обломки горных пород размером до 0,15 м, мелкий щебень, дресва и обломки галек (до 0,04 м), разложившиеся костные остатки. Слой отличается от вышележащего осадка цветом и меньшим содержанием обломочного материала (слой 6б); супесь (0,2 – 0,4 м) серовато-зелёного цвета, рыхлая, некарбонатная, содержит в большом количестве костные остатки, обломки горных пород удлиненной формы, подстилающие дно понижения. В кровле слоя прослеживается пятисантиметровый прослой темно-серого суглинка с коричневатым оттенком, окаймляющий его. В нем встречаются костные остатки, обломки горных пород. Мощность слоя от 0,2 м до 0,4 м (слой 6в/1); хорошо разложившиеся глины черного и коричневого цвета, имеющие ореховатую структуру, прокрашенные гидроокислами железа и марганца, содержащие гальку и обломки известняков. Слой круто падает по фасовой стенке раскопа в углубление между скальными породами. По поверхности слоя видны трещинки, заполненные серовато-зелёным суглинком (слои 7а, б, в).

В отличие от разрезов предыдущих лет в представленных вертикальных срезах отсутствует осадок, образующий слой 6в/2. Вместе с тем, данный слой хорошо фиксировался на разбираемом участке, где выполнял пониже-

ние в породах перемешанных слоев 7а,б,в, а ближе к разрезам произошло его выклинивание.

Как и на других участках пещеры в разрезах 2010 г выделяются голоценовые (слои 1 – 4) и плейстоценовые образования, делящиеся на две части. Верхняя часть, из них сложена преимущественно субаэральными осадками, в которых выделяются два разновозрастных горизонта (слой 5 и слои 6а, 6б, 6в/1, 6в/2) лессовидных отложений. Залегающие в основании разреза монтмориллонитовые глины, включающие зерна кварца и глиняного песка (слои 7а, б, в) представляют иной цикл седиментации.

Археологический материал, обнаруженный в плейстоценовых осадках, распределяется неравномерно. Богатейшие индустрии, основанные на яшмоидах, роговиках, алевролитах, песчаниках вместе с остатками мегафауны (носорог, мелкая и крупная кобаллоидная лошади, бизон – як, северный и благородный олень, сибирский горный козел, архар, волк, лисица, пещерная гиена) содержит средняя часть пещерной толщи, образованная всеми подразделениями пород слоев 6а, 6б, 6в/1, 6в/2. Особенностью преимущественно, однотипного инвентаря, из какого бы осадка он не происходил, является малое количество ядрищ. Для большинства сколов характерно смещение корпуса заготовки от оси снятия, что в сочетании с лицевой огранкой свидетельствует о преобладании приемов радиального расщепления. Вторичная обработка осуществлялась, в основном, с помощью разнообразных ретушных отделок. Преобладает ретушь лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая. Отмечается отделка, образующая обушковые части и выделяющая рабочие элементы орудий (ретушь, различные анкоши). Выделяются и различного рода утончения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправления кривизны профиля, уплощения кромок и угла схождения лезвий артефактов типа déjeté. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа déjeté. Среди скребел большинство одинарных боковых и поперечных форм, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру, утонченной спинкой, типа полукина, ретушью с брюшка и противолежащей отделкой. Выделяются скребла-ножи с естественными и искусственными обушками либо противолежащими рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающими к ним под углом. Орудия типа déjeté самых разнообразных двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству активных кромок, их ориентации, форме, отделке и углу схождения. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники, единичные бифасы - обушковые формы с косым утолщенным краем и плоско-выпуклые двусторонние изделия (слой 6б) овальных очертаний, вероятно, выполненные на массивных сколах или расщепленных гальках. Для таких предметов характерно наличие массивного снования – пятки, заполненного остатками галечного сырья и противолежащая уплощенная активная кромка, образованная конвергенцией продольных краев.

Состав технокомплексов пещеры в целом определяет разновидность памятника – стоянка с ограниченным циклом расщепления, где следы начальной стадии раскалывания сырья практически отсутствуют. Об этом свидетельствует, прежде всего, небольшое количество ядрищ и сколов с корочным покрытием лицевой поверхности. Допустимо предположить, что апробирование и начальная обработка горных пород, проводилась человеком вне пещеры, на русловых галечниках Чарыша. На место обитания доставлялись лишь заготовки в виде укороченных сколов, которые преобразовывались в орудия. С этим связано большое количество мелких чешуек, которые являются производными процесса ретуширования. Аналогичная структура технокомплексов, равно как типологический состав инвентаря имеет единственный аналог в среднем палеолите Алтая – пещере Окладникова, абсолютный возраст которой установлен в диапазоне 44,8 – 33,5 тыс. л. назад [Деревянко, Маркин, 1992] и отличной от других стоянок региона. Эти индустрии, развивающиеся в сторону мустьерских черт, очевидно, образуют особую индустриальную линию развития, внося существенный вклад в вариабельность среднего палеолита части Алтае-Саянской горной страны [Деревянко, 2009].

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo Sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 52–55.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск, 2009. – С. 101–106.

А.П. Деревянко, В.А. Ульянов, М.В. Шуньков

СТРОЕНИЕ РАЗРЕЗА ЧЕРНЫЙ АНУЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ АЛТАЯ

Разрез раннечетвертичных отложений Черный Ануй расположен в долине верхнего течения р. Ануй, где сконцентрированы наиболее информативные многослойные палеолитические памятники Алтая [Природная среда…, 2003]. Разрез находится в 2 км ниже по течению от устья р. Черга, в притыловой части правобережного террасоувального склона, на высоте около 65 м над современным урезом реки. Координаты разреза: 51º22′ 37.9″ с.ш., 84º 43′ 04.1 в.д. В геоморфологическом отношении он связан с хорошо выраженным в пределах расширенных участков долины Ануя комплексом высоких цокольных террас и террасоувалов, перекрытых мощным чехлом пролювиально-склоновых отложений [Деревянко, Ульянов, Шуньков, 1999].

На этом участке долина имеет глубину 200–250 м и ширину до 1,5–2,0 км, близкий к ящикообразному ассиметричный поперечный профиль. Современное русло шириной до 10 м и глубиной до 0,5 м смещено к крутому левому борту долины. Местами оно распадается на отдельные рукава и протоки в пределах хорошо выраженной низкой поймы шириной от 100 до 250 м и высотой до 1 м. Левый борт долины, крутизной 20–25º, сложен коренными породами, имеет прямой, местами слабовыпуклый поперечный профиль и рассечен короткими распадками, выходящими непосредственно на уровень поймы. Правый борт – в нижней части представлен пологонаклонной (5–7º) терассоувальной поверхностью, которая на относительной высоте 70–80 м через четкий перегиб переходит в коренной склон крутизной 15–20º. Правый борт рассечен протяженными логами и долинами, как правило, суходольными или с периодически функционирующим водотоком. Наиболее крупные долины берут начало на водоразделе Ануйского хребта, и, наследуя тектонически ослабленные зоны, в своем среднем и нижнем течении приобретают вид ущелий и каньонов с отвесными стенами высотой до 10–15 м. Выходя в пределы долины Ануя, они прорезают рыхлые отложения террасоувала на глубину до 20–25 м.

Первые сведения о строении плейстоценовых отложений разреза Черный Ануй были получены в начале 1990-х гг., когда в долине Ануя развернулись долгосрочные комплексные исследования многослойных палеолитических стоянок [Деревянко, Лаухин, Малаева и др., 1992]. В этом разрезе на глубину 4,5 м была вскрыта толща переслаивающихся сургучно-красных глинистых, пестроцветных глинисто-щебнистых и щебнисто-дресвянистых

отложений с глинистым заполнителем табачного цвета. В результате промывки глинистых отложений табачного цвета получены многочисленные раковины моллюсков, родовой состав которых характерен для эоплейстоценовых и ранненеоплейстоценовых отложений юга Сибири [Деревянко, Попова, Малаева и др., 1992]. В спорово-пыльцевых спектрах основной части разреза преобладает пыльца древесных и кустарниковых растений, в основном березы, а в красноцветных глинах – сосны обыкновенной и темнохвойных пород. В нижней части разреза отмечена пыльца экзотических для современной флоры Алтая растений: вяза *Ulmus laevis*, граба *Carpinus betulus*, липы *Tilia sibirica*, клена *Acer*, дуба *Quercus*, маньчжурского ореха *Juglans manshurica*, лещины *Corylus avellana*. Для глин табачного цвета, вмещающих раковины моллюсков, получена РТЛ-дата – 643 ± 130 тыс. л.н. (РТЛ-510). Возраст вышележащих красноцветных отложений определен в 542 ± 110 тыс. лет (РТЛ-509). Результаты РТЛ-датирования хорошо согласуются с палеонтологической характеристикой разреза и в целом указывают на нижненеоплейстоценовый возраст этих отложений.

Судя по геолого-геоморфологической позиции в строении долины Ануя, время формирования отложений разреза Черный Ануй в целом совпадает с эпохой накопления средней культуросодержащей толщи разреза раннепалеолитической стоянки Карама, расположенной в 20 км ниже по течению Ануя [Деревянко, Шуньков, Болиховская и др., 2005]. Это обстоятельство способствовало возобновлению исследований на этом объекте. В 2010 г. отложения разреза были вскрыты на глубину 9 м. Для них характерно чередование пачек грубообломочного материала с включением крупного щебня и глыб пролювиального генезиса и пачек алевритистых суглинков, обедненных обломочным материалом. В строении разреза сверху вниз выявлены следующие отложения.

Слой 1. Горизонт современной черноземной почвы. Суглинок легкий, алевритистый, с зернисто-ореховатой структурой, интенсивно гумусированный. Мощность – 0,1–0,15 м.

Слой 2. Суглинок легкий, лессовидный, белесо-палевый, пористый, с мелкозернистой структурой и плохо выраженной горизонтально-слоистой текстурой, сформированной прослоями обогащения белесой мучнистой присыпкой карбонатных нововообразований. Мощность – 0,1–0,3 м.

Слой 3. Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым заполнителем порового типа, светло-палевого цвета. В ее составе неоглаженные обломки серых и светло-серых известняков. Ориентировка крупных обломков субгоризонтальная, мелких – хаотическая. Мощность – 0,2–0,5 м.

Слой 4. Суглинок тяжелый (до глины), красного насыщенного цвета со слабым коричневым оттенком, плотный, пластичный, не карбонатный. Структура во влажном состоянии пелитоморфная, при высыхании вертикальнотрещиноватая, столбчато-призматическая. Отмечены единичные включения мелкого щебня, превратившиеся в мучнистые белесые и светло-коричневые стяжения. Мощность – 0,4–0,45 м.

Слой 5. Суглинок средний (до тяжелого), светло-палевый, одресвяненный, насыщенный включениями предельно выветрелого мелкого щебня, придающими слою неравномерную пятнистую окраску. Структура слоя ореховатая и мелкокомковатая; текстура слоеватая, за счет линзовидных прослоев, обогащенных дресвой и мелким щебнем. Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 6. Суглинок тяжелый, желто-коричневый (табачный), со слабым зеленовато-серым (оливковым) оттенком, при высыхании – светло-палевый с красноватым оттенком. Структура плохо выраженная, мелко- и среднезернистая, оскольчатая. Отмечены редкие Fe-Mn новообразования в виде тонких черных матовых пленок, развившихся по граням структурных отдельностей. Прослежены невыдержанные по простиранию четко ограниченные линзы и линзовидные прослои щебнисто-дресвянистого материала с включением мелких глыб и суглинка красно-коричневого цвета. Мощность – 0,6– 0,8 м.

Слой 7. Глыбово-щебнистая толща с суглинистым, сильно одресвяненным заполнителем. Крупный щебень и глыбы сосредоточены преимущественно в средней и нижней частях толщи, формируя глыбово-щебнистую отмостку в ее подошве. Глыбы сероцветного известняка с заглаженными ребрами, иногда с заглаженными гранями, достигают 0,3–0,6 м в поперечнике. Наиболее крупные уплощенные глыбы в подошве слоя ориентированы согласно его простиранию, щебнистый материал ориентирован хаотически. Заполнитель – суглинки средние и тяжелые, почти неопесчаненные, порового типа, красно-коричневого насыщенного цвета. Мощность – 1,2 м.

Слой 8. Щебнисто-дресвянистый горизонт с включением единичных глыб. Обломочный материал крупно- и среднещебнистый, иногда со слабо оглаженными вершинами и ребрами. В его составе преобладают черные карбонатные алевролито-песчаники. Ориентировка обломочного материала хаотическая, за исключением подошвы слоя, где уплощенные обломки залегают согласно его простиранию, формируя горизонт крупнощебнистой отмостки. Заполнитель – суглинок тяжелый (почти глина), одресвяненный, плотный, с выраженными тиксотропными свойствами, светло-коричневого цвета с красноватым оттенком. Мощность – 0,6–0,8 м.

Слой 9. Крупнощебнисто-дресвянистая толща с линзовидными прослоями хорошо сортированного слабо сцементированного дресвянистого материала, с включением единичных глыб. Заполнитель – суглинок тяжелый, плотный, одресвяненный, порового типа, светло-коричневого цвета с красноватым оттенком. Дресвянистый материал ориентирован субгоризонтально, щебнистые включения ориентированы хаотически. Мощность – 1,0–1,4 м.

Слой 10. Грубообломочная щебнисто-дресвянистая толща с линзами и линзовидными прослоями суглинков и гравийно-дресвяного материала, с горизонтами обогащения валунами и глыбами. В верхней части толщи залегают линзы суглинков тяжелых, палево-коричневых с красноватым оттенком, слабо опесчаненных, плотных, пластичных, с пелитоморфной струк-

турой и субгоризонтально-слоистой текстурой, обусловленной прослоями относительного обогащения песчаным материалом. Ниже залегает гравийно-дресвяный горизонт хорошо сортированного и отмытого материала. В нем отмечены линзы хорошо отмытого крупнозернистого песка с дресвой или мелким щебнем. В подошве слоя встречаются глыбы размером до 0,5 м, с заглаженными гранями и ребрами, с неровной бугристой, но гладкой поверхностью, отшлифованной, скорее всего, водным потоком. Обломочный материал представлен прочными плотными карбонатными мелкозернистыми алевролито-песчаниками характерного черного цвета. Заполнитель – суглинок светло-коричневый, сильно опесчаненный, одресвяненный, порового типа. Мощность – 1,4–1,8 м.

Слой 11. Валунно-щебнистая толща с осветленным красновато-коричневым заполнителем порового типа. Глыбы размером до 0,5 м с заглаженными гранями. Щебнистый материал преимущественно средний и крупный, ориентирован хаотически; наиболее крупные уплощенные обломки ориентированы субгоризонтально. Представлен преимущественно карбонатными мелкозернистыми алевролито-песчаниками характерного черного цвета, практически невыветрелыми, с заглаженными вершинами и ребрами. Песчаники плотные, прочные, как правило, изометричной формы. Экзотические породы (около 10%) почти полностью выветрелые, отмечены в виде пятен неправильной формы белесого, охристого, серо-желтого и серовато-зеленого (оливкового) цвета. Редко встречается мелкая галька, окатанная до 1–2 класса. Заполнитель – суглинок средний (до тяжелого), неравномерно одресвяненный; с разнозернистой оскольчатой структурой, слабопористый. Мощность – 0,7–0,9 м.

Слой 12. Суглинки средние, алевритистые, светло-палевые с розоватым или зеленоватым оттенком, плотные, слабопористые, сцементированные карбонатным цементом, при высыхании – белесые. Структура мелко- и среднезернистая, текстура субгоризонтальная, волнисто-слоистая, сформированная белесыми слойками. Отмечены отдельные темноцветные включения фракции крупного песка и мелкого гравия. Мощность – 0,5–0,6 м.

Слой 13. Щебнисто-дресвянистая толща с суглинистым заполнителем светло-палевого цвета с зеленоватым оттенком. Щебень пестрого петрографического состава, разной степени выветрелости. Преобладают плотные невыветрелые черные карбонатные мелкозернистые песчаники, иногда с мощными прожилками молочного кальцита. Обломки экзотических пород почти полностью выветрелые, представлены пятнами оливкового, охристого, желтого, красно-коричневого и белесого цветов, придающих толще пеструю окраску. Ориентировка обломков хаотическая, граулометрическая сортировка плохая. Вскрытая мощность – 0,45 м.

В процессе изучения разреза, в диапазоне глубин 1,7–8,6 м, зафиксировано девять уровней залегания фауны моллюсков, таксономическое определение которой позволит получить новое представление о хроностратиграфии и палеогеографических условиях накопления вмещающих отложений.

Список литературы

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Малаева Е.М., Куликов О.А., Шуньков М.В. Нижний плейстоцен на северо-западе Горного Алтая // Докл. АН. – 1992. – Т. 323, № 3. – С. 509–513.

Деревянко А.П., Попова С.М., Малаева Е.М., Лаухин С.А., Шуньков М.В. Палеоклимат северо-запада Горного Алтая в эоплейстоцене // Докл. АН. – 1992. – Т. 324, № 4. – С. 842–846.

Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В. Развитие рельефа речных долин северо-запада Горного Алтая в плейстоцене // Докл. АН. – 1999. – Т. 367. – № 1. – С. 112–114.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

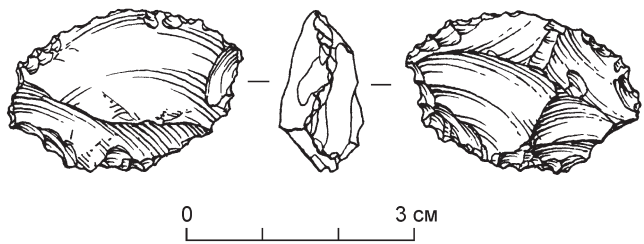
А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Л. Булатович, А.К. Агаджанян, В.А. Ульянов, А.И. Кривошапкин, И. Меденица

ИЗУЧЕНИЕ ПЕЩЕРЫ ТРЛИЦА В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕРНОГОРИИ

Весной 2010 г. ИАЭТ СО РАН и Центр археологических исследований Черногорской академии наук и искусств продолжили совместные экспедиционные работы на территории Республики Черногории. Одной из основных задач экспедиционных исследований являлись рекогносцировочные раскопки в пещере Трлица, где в 1988, 1990 и 2001 гг. изучалось местонахождение фауны раннего плейстоцена [Dimitrijevic, 1990; Codrea, Dimitrijevic, 1997; Forsten, Dimitrijevic, 2004; Arganti, Dimitrijevic, 2007].

Пещера Трлица находится на севере страны, в окрестностях г. Плевля (координаты 43º 20′ 38.0″ с.ш., 19º 23′ 00.2″ в.д.). Она расположена на склоне обширной межгорной депрессии тектонического происхождения, в 1,6 км к северо-востоку от устья каньона р. Чеотина, на абсолютной высоте 925 м. Сухой склон юго-западной экспозиции имеет крутизну 15–20º, покрыт разреженным сосновым лесом и ксерофитным кустарником. Почвенный покров на склоне сильно редуцирован, местами отсутствует, и на поверхность выходят глыбы сильнотрещиноватых известняков триасового возраста, в которых выработана пещера. Пещера вскрыта и частично уничтожена дорожной выемкой. Сохранившаяся часть пещеры представляет закрытую карстовую полость, заполненную рыхлыми отложениями. В 2009 г. при осмотре осыпи рыхлого заполнителя пещеры были обнаружены неопределимые обломки фауны и утолщенный отщеп палеолитического облика из алевритового песчаника (см. *рисунок*).

В 2010 г. в пещере заложена рекогносцировочная траншея длинной 4 м и шириной 1 м (квадраты В/1–4 в раскопочной сетке пещеры). В процессе



Палеолитический отщеп из пещеры Трлица.

изучения рыхлых отложений карстовой полости вскрыт разрез мощностью 2,8 м, в котором выделено 11 стратиграфических подразделений.

Слой 1. Суглинок средний, темно-коричневый с красноватым оттенком, умеренно обогащенный щебнисто-дресвянистым материалом, слабо уплотненный, пористый. Мощность – 0,4 м.

Слой 2. Щебнисто-дресвянистый горизонт с суглинистым заполнителем базального типа. В составе щебня отмечены обломки натечных образований в виде корочек из прозрачного кристаллического кальцита. Мощность – 0,35 м.

Слой 3. Суглинок средний, до тяжелого, темно-коричневый с красноватым оттенком и красно-коричневый. Сравнительно обеднен обломочным материалом – отмечены только отдельные щебнистые включения. Нижняя граница имеет слабое (5–10º) падение вглубь пещеры. Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 4. Суглинок тяжелый, насыщенного темно-коричневого цвета, умеренно обогащенный обломочным материалом. Кровля бронирована хорошо выраженной щебнисто-дресвянистой отмосткой с заполнителем порового типа, свидетельствующей о седиментационном перерыве. Мощность – 0,1–0,15 м.

Слой 5. Суглинки тяжелые, охристо-желтые и средние, желтые с коричневым оттенком, похожие на пещерную «терра росса», с вложением в кровле линзы суглинков средних, желто-коричневых. Содержат несколько невыдержанных по мощности и простиранию горизонтов слабой карбонатной цементации. Кровля бронирована горизонтом мелкоглыбово-щебнистой отмостки, включающей обломки сферолитовых натечных образований размером 3–10 см. Возможно, некоторые сферолиты сформировались на поверхности слоя, что свидетельствует о длительном этапе экспонирования его кровли. В средней части слоя отмечены следы деятельности землероев. В нижней части слоя появляется сильновыветрелая, экзотическая для местных известняков, галька – песчаники, алевролиты, вулканические породы. Мощность – 1–1,3 м.

Слой 6. Суглинок средний, охристо-коричневый и красновато-коричневый, обильно насыщенный плохо сортированной сильновыветрелой мелкой галькой экзотического состава. Слой залегает с достаточно крутым (до 10º) падением вглубь пещеры. Мощность – 0,1–0,15 м.

Слой 7. Дресвяно-песчаный горизонт, отличающийся мощной травертиновой цементацией. Наиболее сильно цементация проявилась в пристенных частях разреза, где в составе отложений присутствует сильновыветрелая дресва экзотических пород и многочисленные новообразования в виде черных стяжений (предположительно, марганцевого состава) правильной сферической формы размером 1–2 мм. Мощность – 0,1–0,2 м.

Слой 8. Дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем светло-коричневого цвета с красноватым оттенком. Содержит линзовидные включения плохо сортированной оглиненной супеси. Дресва представлена в основном колотой галькой экзотических пород. Мощность – 0,2–0,3 м.

Слой 9. Галечно-гравийно-дресвянистый горизонт с супесчаным заполнителем порового типа. Галька экзотических пород, в основном сильно выветрелая, битая, плохо сортированная. Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 10. Толща переслаивающихся горизонтов суглинков и супесей желто-коричневых тонов, горизонтов травертинизации, а также прослоев, обогащенных включениями зубов животных или копролитов. Слой срезает подстилающие отложения с явным угловым несогласием. Мощность – 0,6 м.

Слой 11. Суглинки средние, темно-коричневые, с линзами и прослоями суглинков зеленовато-серых и ярко-охристых. Через фациальный переход замещаются супесями и песками желто-коричневыми и коричневыми, хорошо сортированными, с включением линз гравийно-дресвяного материала и редкой сильно выветрелой мелкой гальки. Супесчано-песчаные прослои имеют слабое (до 3º) падение вглубь пещеры. Отмечены довольно сильные постсидементационные деформации просадочного типа. Вскрытая мощность – 0,6 м.

Отложения разреза имеют разный генезис, характеризуются наличием нескольких, скорее всего, продолжительных седиментационных перерывов и поступлением материала из различных источников. При этом большая часть осадка принесена в пещеру извне, а доля вещества внутрипещерного происхождения, так называемой пещерной терра россы, сравнительно невелика.

Верхняя часть отложений (слои 1–4) накапливалась преимущественно в субаэральных условиях в обстановке слабого или умеренного увлажнения. Генетически представляет красноцветную кору выветривания, которая попадала в пещеру по трещинам или вертикальным карстовым каналам незначительной протяженности. Средняя часть (слои 5–10) – выполнена делювиально-пролювиальными отложениями, причем вниз по разрезу доля пролювиальной составляющей сильно возрастает. Основание разреза (слой 11) формировалось преимущественно в субаквальной обстановке и представляет, скорее всего, отложения водотока с неустановившимся гидрологическим режимом.

Обращает на себя внимание ряд особенностей вещественного состава и характера залегания отложений в пещере:

– наличие в верхней и средней частях разреза выветрелой и битой гальки экзотического состава, которая в настоящее время встречается только в аллювии Чеотины, при отсутствии в этих отложениях признаков аллювиального осадконакопления;

– изначально слабая карбонатность или полное отсутствие карбонатности суглинков, не подвергавшихся трертиновой цементации после отложения;

– наличие горизонтов, представляющих отмостку из определенного вида фоссилий (крупных костей, или зубов крупных травоядных, или копролитов);

– пролювиальный тип переноса и отложения вещества внутри пещеры, в виде кратковременных, возможно, иногда залповых выбросов.

Поскольку аллювиальный материал из русла Чеотины найден внутри пещерной полости, его возраст связан с этапом, когда долина реки была как минимум на 150 м выше своего современного русла и могла откладывать аллювий на уровне пещеры или несколько выше.

Пролювиальный механизм вноса вещества в полость пещеры предполагает наличие промежуточного коллектора – концентратора воды, рыхлых отложений и фоссилий, из которого происходили периодические выбросы накопленного материала. В этом же коллекторе проходила декарбонатизация глинистого материала, частичная сепарация фоссилий (разрушение мягких костных тканей, когда целыми оставались только зубы), выветривание галечного материала. Все это указывает на существование достаточно агрессивной среды, которая характерна для водозастойных или заболоченных водоемов, насыщенных органическими кислотами.

В настоящее время на поверхности склона в окрестностях пещеры и на выровненных участках междуречий наблюдаются карстовые микропонижения размерами от нескольких до десятков метров. В случаях, когда их днища заполнены мелкоземом, в них наблюдается концентрация органических остатков и, вследствие повышенной увлажненности, появление влаголюбивой растительности. Когда мелкозем отсутствует, в днищах понижений зияют трещины или вертикальные поноры диаметром до нескольких десятков сантиметров. Скорее всего, в раннем плейстоцене подобное понижение также существовало над пещерой и являлось промежуточным коллектором вещества. Наличие в отложениях слоя 5 ходов крупных землероев свидетельствует о безусловной возможности проникновения в пещеру животных. Вопрос о доступности пещеры для человека пока остается открытым.

В ходе раскопок пещеры обнаружено более 2 тыс. костей крупных млекопитающих, в том числе: Hyaenidae, Felidae, Canidae, Mustelidae, Ursidae, Proboscidae, Rhinoceratidae, Equus, Cervidae, Bovidae. Среди костей травоядных животных преобладает носорог Rhinoceratidae. Значительную группу составляют останки крупных полорогих Bovidae и олени Cervidae. На долю лошади Equidae приходится небольшая часть костей в составе тафоценозов, а в верхних слоях разреза она представлена единственным фрагментом плохой сохранности. Сред хищников основную группу составляют кости гиены Hyaenidae, изредка встречаются фрагменты зубов некрупных псовых Canidae. Кроме того, в нижней части слоя 5 найден обломок клыка крупной кошки Felidae.

Анализ костных остатков мелких млекопитающих из плейстоценовых отложений пещеры позволил установить геологический возраст вмещающих отложений и дать палеогеографическую характеристику времени их накопления. В составе тафоценоза из верней части разреза (слой 3–5) преобладают останки сони *Glis*, корнезубой полевки *Dolomys* и некорнезубых полевок трибы *Microtini,* в том числе подземной полевки *Terricola gregaloi-*

des. Реже встречаются степная пеструшка *Lagurus,* хомячок *Cricetulus* и более крупный хомяк рода *Cricetus*, а также дикобраз *Histryx*. Сочетание корнезубых полевок и *Terricola gregaloides* свидетельствует о принадлежности этого сообщества к кромерским фаунам s.l. Время существования этих фаун на территории Европы относится к началу среднего плейстоцена и соответствует, вероятно, интервалу 800–500 тыс. лет. Высокая численность в составе фауны сони предполагает господство в этот период широколиственных лесов с участием дуба, граба, бука, липы. Останки дикобраза свидетельствуют о локальном распространении фруктарников – диких яблонь, груш и др., а присутствие стеной пеструшки указывает на существование небольших участков степных сообществ.

Среди остатков микротериофауны из нижней части отложений (слой 8–11) преобладают корнезубые полевки *Dolomys*. Вместе с тем найдены единичные фрагменты зубов серой полевки трибы *Microtini*. Такое соотношение корнезубых, архаичных полевок, и некорнезубых, эволюционно более продвинутых полевок, свидетельствует о значительно большей древности этих слоев по сравнению с вышележащей толщей. Скорее всего, эти осадки относятся ко второй половине раннего плейстоцена европейской стратиграфической шкалы, т.е. отвечают концу палеомагнитной эпохи Матуяма.

Список литературы

Arganti J., Dimitrijevic V. Pollen analyses of Pleistocene hyaena coprolites from Montenegro and Serbia // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd, 2007. – Vol. 68. – P. 73–80.

Codrea V., Dimitrijevic V. *Stephanorhinus* cf. *hundsheimensis* (TOULA) (Rhinocerotidae, Mammalia) from Trlica near Pljevlja (Montenegro) // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd, 1997. – Vol. 61 (2). – P. 161–177.

Dimitrijevic V. Preliminary report on mammal fauna from Trlica near Pljevlja // Zbornik radova 12. – 1990. – Vol. 1. – P. 328–336.

Forsten A., Dimitrijevic V. Pleistocene horses (genus Equus) in the Central Balkans // Geoloski anali Balkanskoga poluostrva. – Beograd, 2004. – Vol. 65. – P. 55–75.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков,
А.А. Цыбанков, В.А. Ульянов, А.М. Чеха

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЛОЖЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

В ходе археологических исследований в восточной галерее Денисовой пещеры в 2010 г. изучалась плейстоценовая толща в пределах литологического слоя 11. Сначала был выбран фрагмент отложений протяженностью около 3 м и шириной около 0,3 м в средней части квадратов по линии 3 вдоль продольной оси галереи, оставленный при раскопках предыдущего года в качестве стратиграфического репера*. Затем отложения раскапывались на площади квадратов Б–Г/2–4 до кровли слоя 12. В результате были вскрыты отложения стратиграфических подразделений 11.3 и 11.4.

Горизонт 11.3. Вскрыт в квадратах по линиям 3 и 4. В ненарушенном состоянии залегал в квадратах Б, В/3, 4. Представлен глыбово-щебнистой толщей с легкосуглинистым заполнителем порового типа. Проективная площадь обломочного материала составляет около 60%. Щебень преимущественно средний и мелкий, остроганный, со слабо развитой белесой реактивной каймой. Преобладают обломки изометричной формы, с единичными включениями уплощенного щебня. Мелкий щебень ориентирован хаотически, крупный щебень и мелкие глыбы – субвертикально или с крутым падением к осевой части галереи. Заполнитель – суглинок средний, серо-коричневый с легким красноватым оттенком, рыхлый, сыпучий, пористый, с разнозернистой (от мелкозернистой до крупнозернистой) структурой, умеренно пластичный во влажном состоянии. Характерны включения непрочных выветрелых обломков костей охристого цвета, размером от 0,5 до 2 см в поперечнике.

В осевой части галереи большая часть вещества этого горизонта видоизменена в результате химического взаимодействия с агрессивными фосфатными растворами, поступавшими из вышележащего биогенно-антропогенного нарушения. Обломочный материал покрыт мощной коркой фосфатных новообразований; Мелкий и средний известняковый щебень и дресва разложились до состояния белесых мучнистых стяжений изометричной формы. Суглинистый заполнитель приобрел серо-палевый цвет с легким зеленова-

*__Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А.__ Новые верхнепалеолитические материалы из восточной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 141–146.

тым оттенком, повышенную пластичность, меньшую пористость, мелкозернисто-пылеватую структуру. Существенно снизились опесчаненность и одресвяненность осадка, а также его карбонатность (вскипание с HCl слабое или умеренное). Во влажном состоянии суглинок становится пластичным с выраженными тиксотропными свойствами, в высохшем состоянии на его поверхности появляется белесый налет фосфатов.

Кроме того, в квадрате Г/3 отмечена деформация в виде клиновидного внедрения вышележащих отложений, заполненная суглинком легким, сильно опесчаненным и одресвяненным, темно-коричневого цвета с красноватым оттенком. Заполнитель деформации отличается малым содержанием щебнистых включений и слабой реакцией с HCl. Предположительно, это нарушение является кротовиной, заполненной смесью измененного в зоне фосфатизации осадка слоя 11 и вещества наиболее древних генераций горизонта 9.3.

В квадратах Б-Г/3 в средней части горизонта выделена нечетко ограниченная линза. Ее заполняет суглинок средний, серо-коричневый, поровый, более плотный, пластичный и отемненный, чем вмещающие отложения. Обломочный материал внутри линзы средне- и крупнощебнистый; залегает преимущественно субгоризонтально, выстраиваясь в нечетко выраженный горизонт щебнисто-глыбовой отмостки. Мощность линзы в центральной части квадрата В/3 достигает 15 см; а в квадрате Б/3 она уменьшается до 3–5 см. В квадрате Г/3 линза прерывается зоной фосфатизации вещества горизонта 11.3.

Вблизи северо-западной стенки пещеры заполнитель отличается высокой рыхлостью, пористостью и крупнозернистой структурой. Характерно появление темных, почти черных сажистых линз и прослоев – вероятно, результат поступления растительного детрита со стен пещеры. Этот осадок облекает коренную стенку прерывистой полосой, варьирующей по ширине от первых сантиметров до 10–20 см; ближе к осевой линии галереи постепенно, без четкой цветовой границы перемешивается с основным заполнителем горизонта. Крупнообломочный уплощенный материал в пристенной зоне залегает с крутым падением к осевой линии галереи или субвертикально.

Нижняя граница горизонта 11.3 условная, неровная, волнисто-затечная, деформирована просадочными нарушениями. Максимальной мощности горизонт достигает на северо-западной стенке раскопа – 0,7 м.

Горизонт 11.4. Вскрыт в квадратах по линии 2 и частично по линии 3. Представлен щебнистой толщей с включением единичных глыб до 20 см в поперечнике с суглинистым заполнителем преимущественно базального типа (на участках значительного обогащения крупнощебнистым материалом – порового типа). Проективная площадь обломочного материала составляет 40–60%. Преобладают щебнистые и глыбовые включения уплощенной формы, иногда – до плитчатой, с острыми ребрами и вершинами, покрытые слабо развитой реактивной каймой в виде белесого налета.

Крупные обломки в верхней и средней части горизонта залегают с крутым (30–60°) падением к продольной оси галереи; в подошве слоя – субгоризонтально или в соответствии с неровностями нижней границы. Заполнитель – суглинки средние, серо-коричневые, коричневые и светло-коричневые, в разной степени одресвяненные, пористые, с разнозернистой структурой: в верхней части от среднезернистой до крупнозернистой и ореховатой, в нижней – более плотные, пластичные, с мелкозернистой и тонкозернистой структурой. Для включений характерны прочные обломки костей, как правило, остроугранные, с блестящей поверхностью красновато-охристого цвета, размером до нескольких см в длину. Изредка встречается костный детрит (обломки губчатых костей?) мелкодресвянистой размерности светло-желтого цвета.

Вблизи коренных стен галереи отмечены невыдержанные по мощности (от 3–5 до 10–12 см) субвертикальные зоны интенсивной гумусации насыщенного темно-серого (почти черного) цвета с растащенными, взаимопроникающими по типу фациального перехода, границами. Гумусированный материал слабо реагирует с HCl, в отличие от бурно вскипающих вмещающих отложений. Формирование гумусированных зон связано, скорее всего, с обильным поступлением мохово-лишайникового детрита, осыпавшегося со стен пещеры.

Нижняя граница горизонта пологоволнистая, достаточно четкая. Она проведена по резкому уменьшению обломочного материала и исчезновению из его состава крупнощебнисто-глыбовых включений, изменению цвета заполнителя от серо-коричневого до красновато-коричневого. Граница подчеркнута прослоем щебнистого материала в виде нечетко выраженной щебнистой отмостки с заполнителем порового типа. Мощность горизонта 11.4 колеблется от 0,3 до 0,45 м.

Согласно данным абсолютной геохронологии, радиоуглеродный возраст плейстоценовой толщи слоя 11 определен в диапазоне от 51 тыс. до 29 тыс. лет. Для отложений горизонта 11.3 в восточной галерее по кости получена ^{14}C (AMS)-дата – 50000 ± 1900 тыс. лет. (OxA-V-2359-14).

Коллекция археологического материала из отложений горизонтов 11.3 и 11.4 включает около 7 тыс. каменных артефактов. Среди нуклеусов преобладают одноплощадочные моно- и бифронтальные ядрища в продольном и поперечном вариантах параллельного принципа расщепления (рис. 1, *7*). Достаточно представительны в коллекции ортогональные, радиальные односторонние (рис. 1, *8*) и торцовые (рис. 1, *6*) формы. Для нуклеусов характерна минимальная предварительная подготовка, заключающаяся, как правило, в оформлении несколькими снятиями слегка скошенной ударной площадки, после чего скалывалась серия отщепов. Интересны нуклеусы на отщепах, с которых, после незначительно подправки на одном из краев ударной площадки, получали один или два скола типа комбива. Наиболее многочисленную группу составляют аморфные нуклевидные формы. В нее входят фрагменты нуклеусов, а также сильно истощенные ядрища с нега-

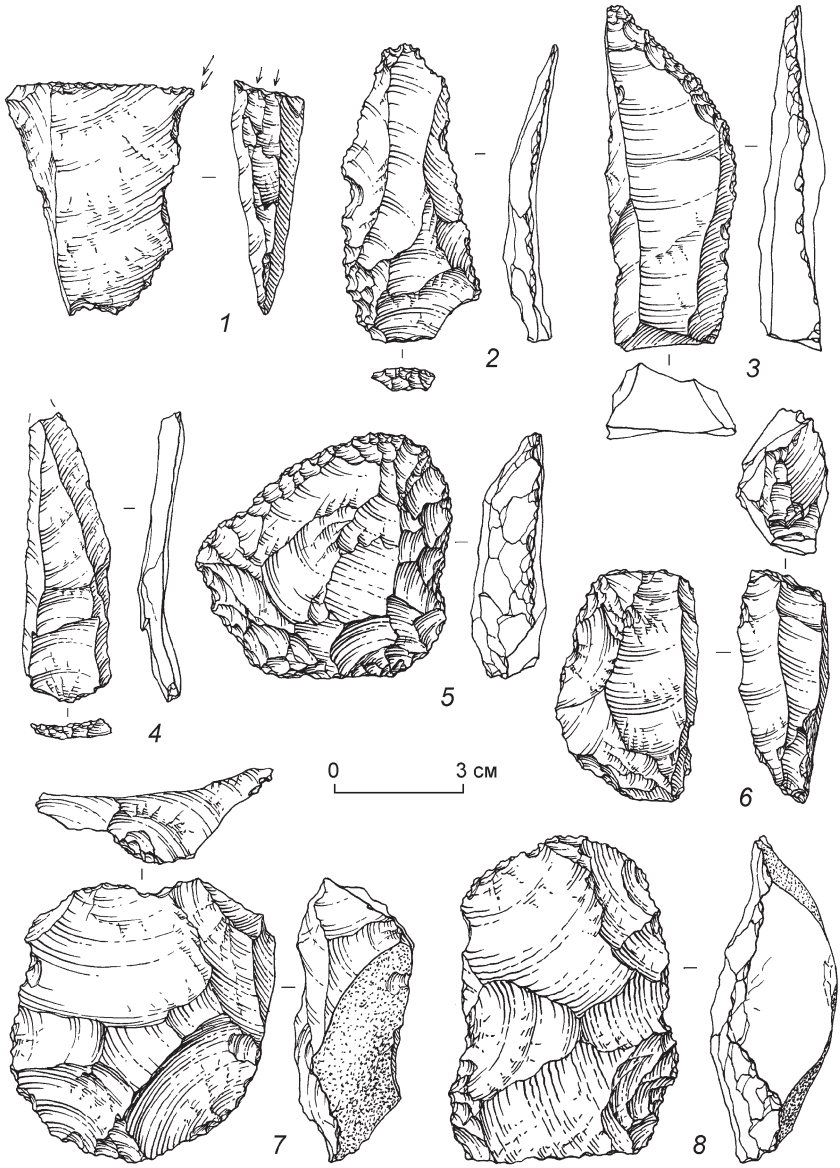


Рис 1. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.
1, 2, 5–8 – горизонт 11.4; *3, 4* – горизонт 11.3.
1 – резец; *2* – пластина с ретушью; *3* – нож; *4* – леваллуазский остроконечник;
5 – скребло; *6–8* – нуклеусы.

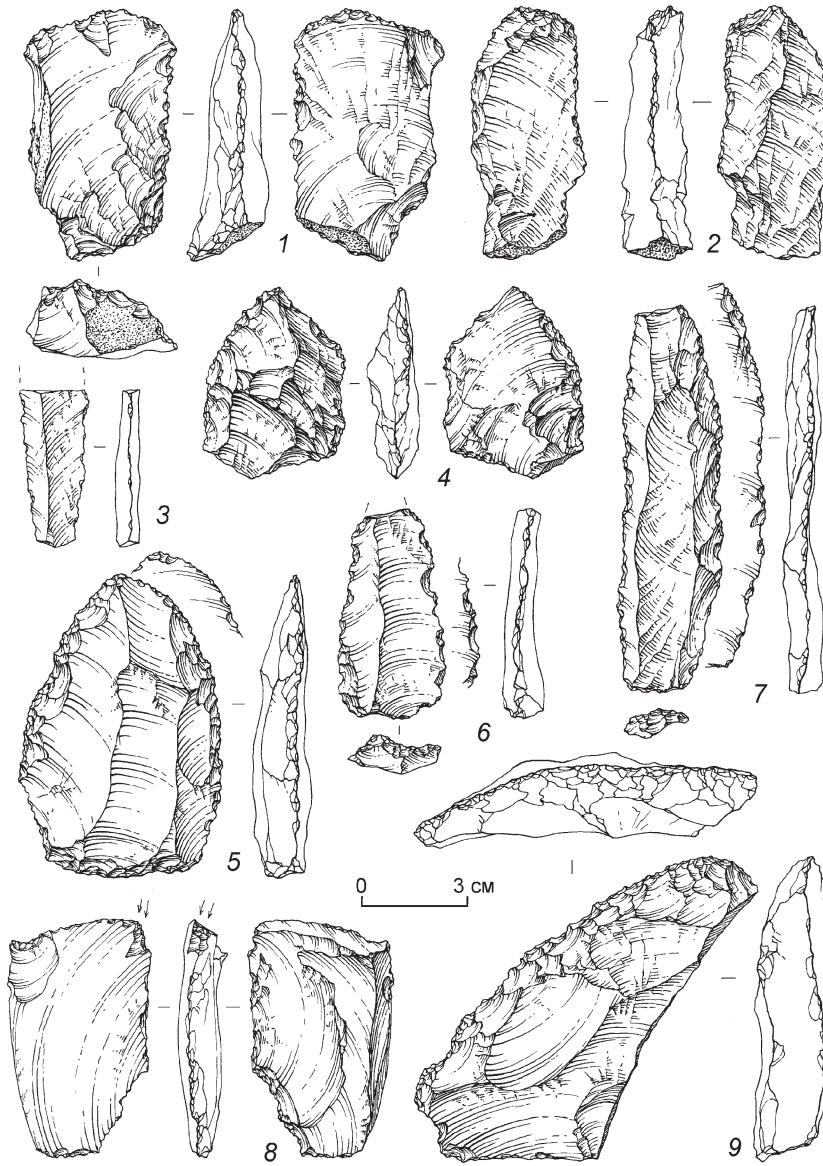


Рис 2. Каменный инвентарь из слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры.
1, 3, 5, 7 – горизонт 11.3; *2, 4, 6, 8, 9* – горизонт 11.4.
1 – нож; *2* – долотовидное орудие; *3* – пластина; *4, 5, 9* – скребла;
6, 7 – пластины с ретушью; *8* – резец.

тивами бессистемных снятий. Среди сколов доминируют отщепы с гладкими или естественными ударными площадками; пластины малочисленны (рис. 2, *3*). В список типологически выраженных изделий входят: леваллуазский остроконечник (см. рис. 1, *4*), скошенное острие, скребла (см. рис. 1, *5;* 2, *4, 5, 9*), скребки, резцы (см. рис. 1, *1;* 2, *8*), ножи (см. рис. 1, *3;* 2, *1*), зубчато-выемчатые и шиповидные формы. В группе скребел доминируют одинарные продольные и поперечные формы, но присутствуют орудия с двумя рабочими краями. Скребки по расположению рабочего края делятся на концевые, боковые и угловые. Резцы также разнообразны: имеются угловые, поперечные и плоские. У ножей в качестве обушка использовался, как правило, естественный край. Особый интерес вызывают орудия с вентральной подтеской дистального окончания. Единичными, но достаточно выразительными изделиями представлены тронкированная пластина, долотовидная форма (рис. 2, *2*) и рубящее орудие, оформленное мелкими сколами с двух сторон. В коллекции представлено несколько пластин с ретушью (см. рис. 1, *2;* 2, *6, 7*). Вместе с тем большую серию составляют сколы с эпизодической ретушью, занимающей небольшой участок края.

В целом для коллекции каменных изделий из горизонтов 11.3 и 11.4 в восточной галерее характерны, прежде всего, хорошо выраженные верхнепалеолитические формы – торцовые ядрища, скребки, резцы, долотовидные инструменты, тронкированные изделия и орудия с вентральной подтеской, которые сочетаются с некоторыми леваллуазскими и мустьерскими компонентами.

В.Н. Зенин, А.Г. Рыбалко, М.С. Колташов, Н.А. Кулик

НОВЫЙ АШЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС В ДОЛИНЕ РЕКИ ДАРВАГЧАЙ (ДАГЕСТАН)*

К настоящему времени все находки ашельских бифасов в предгорной части Дагестана происходят из бассейна небольшой горной реки Дарвагчай (Дарвагчай 1, слой 8; Дюбекчай, Чумус-Иниц, Дарвагчай карьер, Дарвагчай залив - 2) [Деревянко и др., 2005]. Среди них четкую стратиграфическую позицию (конгломераты бакинского времени) занимают находки на стоянке Дарвагчай 1. На прочих местонахождениях ашельские ручные рубила связаны с отложениями или осыпями аллювиальных щебнисто-галечных материалов. В береговых и техногенных обнажениях в районе Геджухского водохранилища эти отложения с размывом (и перерывом?) лежат на детритусовых песчаниках, песках и ракушняках бакинского времени. Выше по разрезу они перекрываются пачкой субаэральных суглинков и супесей с признаками почвообразования. Как правило, пространственное положение бакинских ракушняков и речного аллювия совпадает.

Летом 2010 года в ходе осмотра обнажений по правому борту Геджухского водохранилища на локальном участке осыпи были обнаружены изделия из кремня. В зачистке обнажения вскрыты следующие отложения (сверху вниз):

1. Современная серо-коричневая гумусированная супесь с редким гравием. Видимая мощность (В.М.) в разрезе – 0,05-0,8 м.

2. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов. В заполнителе дресва, глинистый песок. Слой содержит палеолитические артефакты. В.М. до 1,0 м.

3. Прибрежно-морские отложения. Кровля (до 0,65 м) представлена серыми косослоистыми («шевроны») песками с раковинным детритом. Граница с вышележащими отложениями четкая, резкая. Нижнюю часть слоя (до 0,25 м) представляют гравийно-галечные отложения с заполнителем разнозернистого песка и обильных обломков рыхлых раковин морских моллюсков. В подошве слоя выявлены палеолитические изделия из кремня.

4. Тонко-, горизонтально-слойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. В слое многочисленны створки раковин морских моллюсков очень хорошей сохранности. В.М. слоя более 1,5 м.

5. Песчаники детритусовые, монолитные. В.М. более 1,0 м.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-18105е).

6. Пески тонкозернистые, сыпучие, желто-серые. В.М. до 0,3 м.

7. Галечно-валунные отложения. Обломки (песчаник) хорошо окатаны. В.М. слоя до 0,3 м.

8. Глинистые светло-серые алевриты с тонкими прослоями серого песка. Отложения акчагыла.

В разрезе берегового обнажения отчетливо фиксируются два уровня залегания палеолитических материалов – в слое 2 и подошве слоя 3. Между ними залегает стерильный прослой косослоистых песков (кровля слоя 3). Данное палеолитическое местонахождение получило название Дарвагчай залив-4.

Коллекция изделий из слоя 2 состоит из 27 предметов. **Первичное расщепление** представлено нуклеусом, двумя нуклевидными обломками, галькой с негативами сколов и отщепами.

Нуклеус одноплощадочный односторонний выполнен на окатанном желваке (7,8х9,8х5,6 см) кремня (рис. 1, *1*). Ударная площадка подготовлена несколькими снятиями и подправлена более мелкими сколами. Контрфронт сохраняет корочную поверхность. На рабочей плоскости присутствуют негативы двух пластинчатых снятий.

Большинство *отщепов* полностью или частично сохраняет желвачную корку. Три скола из 15-ти имеют продольно-поперечную огранку. Исходным материалом служил кремень и окремненный песчаник. У сколов гладкие или корочные ударные площадки, практически все они, за исключением двух экземпляров имеют ту или иную степень окатанности.

Орудийный набор слоя 2 представлен бифасом, выемчатыми и шиповидными формами, а также сколами или осколками со следами ретуши.

Наиболее выразительным предметом является *ручное рубило*. Оно имеет симметричную двояковыпуклую копьевидную форму, обработано по всему периметру, включая базальную часть (рис. 2, *1*). Изготовлено из крупнозернистого песчаника серого, с зеленоватым оттенком цвета. Размеры орудия: длина - 17,5 см, ширина в пяточной части – 8,2 см, толщина – 4 см. Ширина бифаса в два раза превышает толщину (коэффициент массивности – 48, коэффициент удлиненности - 213). Одно из лезвий практически ровное, а другое - слабоизвилистое. Пятка обработана крупными широкими сколами от края к центру. Артефакт сильно окатан и, возможно, неоднократно переотложен.

Ближайшие аналогии ручному рубилу со стоянки Дарвагчай-залив-4 находятся на стоянке Кударо I (Южная Осетия), где выделяется эффектное копьевидное рубило схожих пропорций и морфологии [Любин, Беляева, 2004]. Другое копьевидное рубило происходит с стоянки Джикоети (Западная Грузия). Оно имеет практически те же размеры и соотношение толщины и ширины, что и бифас с Дарвагчай залив-4 [Любин, Беляева, 2006]. Из других находок отметим копьевидное рубило с местонахождения Джебель-Тала I в Южной Аравии [Амирханов, 2006].

Выемчатые орудия (2 экз.) представлены анкошами с ретушной подправкой. В одном случае изделие выполнено на крупном краевом сколе. В другом – на подпрямоугольном кремневом осколке.

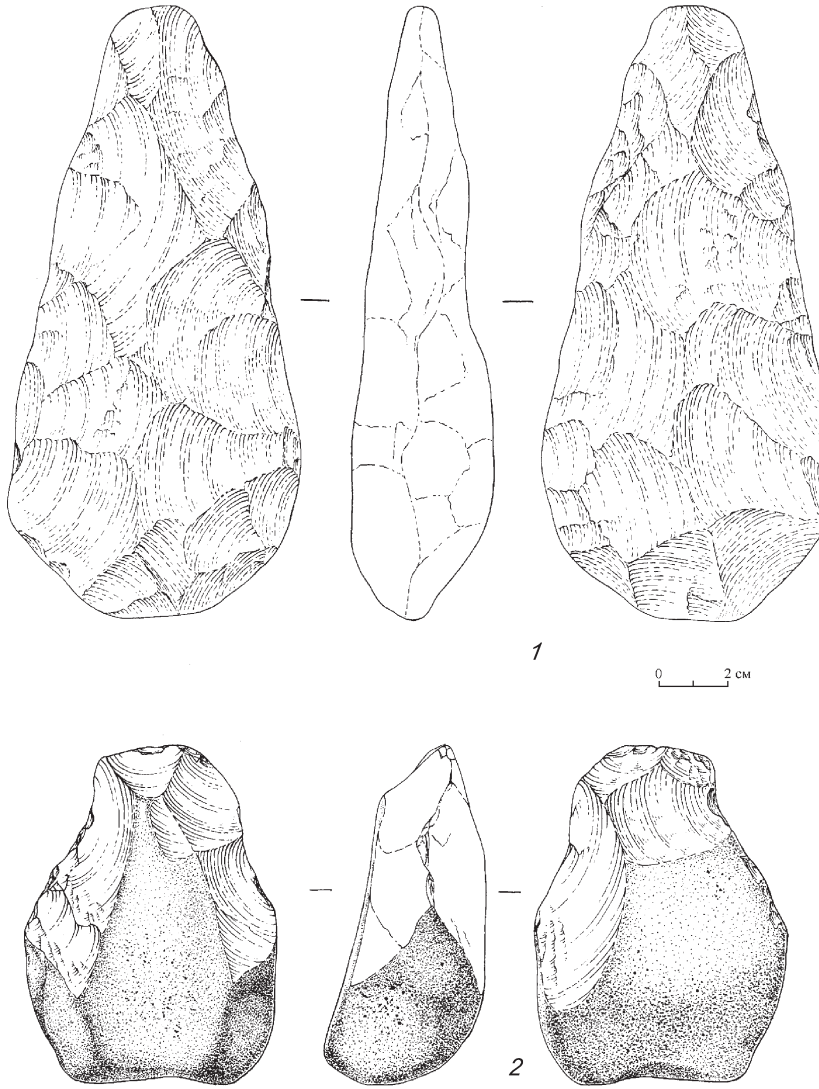


Рис. 1. Дарвагчай залив-4. Изделия из камня.

Шиповидные изделия представлены 3 предметами. Один из них сделан на угловатой гальке, один из выступов которой имеет следы специальной выделяющей и приостряющей подправки. Изделие выглядит как примитивное рубящее орудие или тяжелый пробойник. У двух других артефактов этого типа (один выполнен на осколке, другой – на обломке) шиповидный выступ с двух сторон выделен крутой глубокой ретушью.

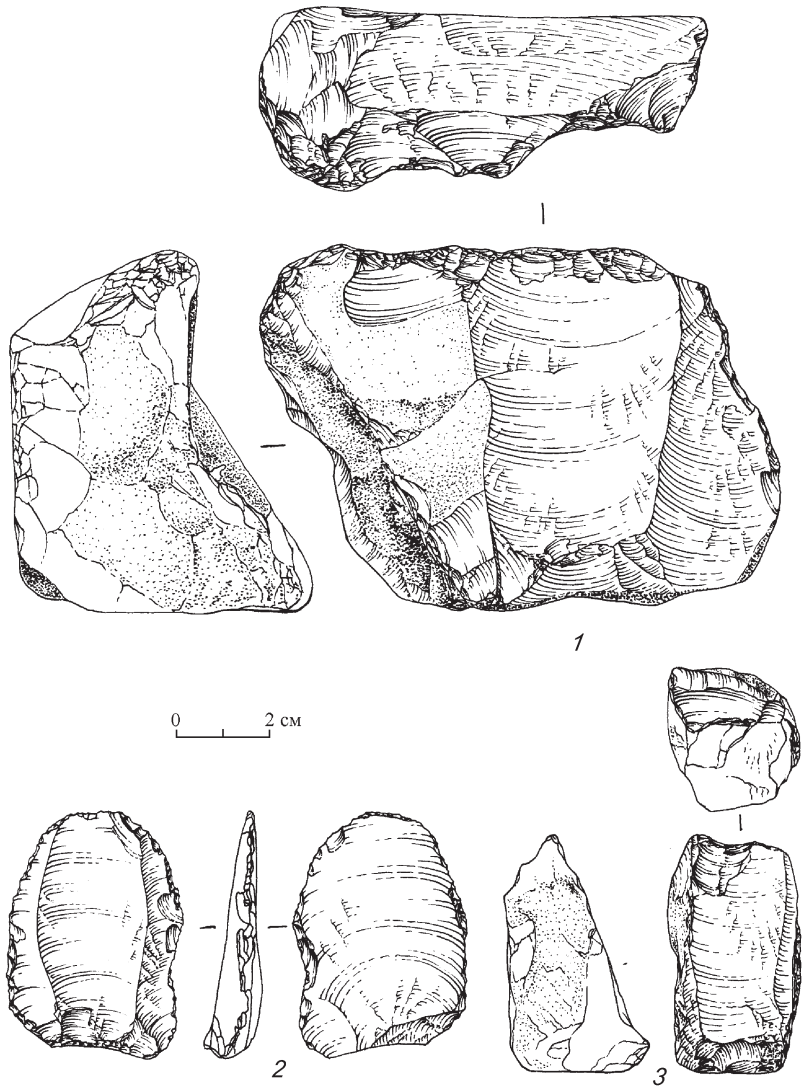


Рис. 2. Дарвагчай залив-4. Изделия из камня.

Сколы и осколки с ретушью (8 артефактов) в коллекции не составляют устойчивых типов.

В основании слоя 3 собрано 23 артефакта. **Первичное расщепление** представляют два нуклеуса, два нуклевидных обломка, отбойник и целые экземпляры сколов.

Нуклеус одноплощадочный односторонний (см. рис. 1, *3*) на вытянутой кремневой конкреции (5,2х2,5х2,8 см) предназначался для снятия одного

пластинчатого скола. Ударная площадка подработана несколькими поперечными снятиями.

Другой *нуклеус* выполнен на угловатой гальке (3,8х3х3,2 см), чьи естественные грани были использованы в качестве ударной площадки для нескольких однонаправленных снятий.

Отбойник представляет собой гальку полупрозрачного желтоватого кремня (7,5х5х5 см) слегка уплощенной формы с выраженными следами забитостей на торце и негативом скола. Отщеп с гальки был получен до того, как предмет был использован в качестве отбойника.

Отщепы из слоя (2 скола без вторичной обработки) являются первичными сколами с естественной ударной площадкой. Четыре других отщепа с вторичной обработкой имеют продольную, продольно-поперечную огранку спинки и гладкие или корочные ударные площадки. На общем фоне коллекции выделяется кремневый пластинчатый скол правильной овальной формы со «свежей» поверхностью (см. рис. 1, *2*). Ударная площадка скола двухгранная, подготовленная косыми, практически поперечными по отношению к оси скалывания, снятиями. На спинке читается негатив предыдущего скола в том же направлении.

Орудийный набор включает бифас, кливер, скребок, шиповидные и выемчатые изделия, сколы или осколки со следами вторичной обработки.

Частичный бифас овальной плоско-выпуклой формы (9,5х7,3х4,5 см), у которого больше половины поверхности заготовки, включая массивную пятку, осталась необработанной (см. рис. 2, *2*). Края, сужающиеся к дистальному концу, оббиты несколькими широкими сколами. Полностью двухсторонней обработке подверглась лишь выделяющаяся дистальная часть, в плане образующая короткое рубящее лезвие. Исходным сырьем послужила уплощенная кремневая галька.

Кливер выполнен на угловатой кремневой гальке уплощенной формы. Рабочая часть сформирована широкими сколами с двух фасов и приострена ретушью.

Заготовкой для *микроскребка* послужил небольшой короткий отщеп, обработанный по краю скребковой ретушью.

Выемчатые орудия из 3-го слоя также как и в слое 2 являются классическими анкошами с ретушной подправкой. Заготовками послужили кремневые сколы или осколки средних размеров.

Шиповидные орудия представляют морфологически выразительную серию. В качестве исходных заготовок использовались сколы и осколки кремня и окремненного песчаника. Шиповидные выступы на артефактах оформлены с двух сторон выемками (или выемкой и ретушью с другой стороны). Особенно показателен артефакт из розового кремня, на котором выступ сформирован двумя выемками – дорсальной и вентральной. Подобные предметы обычны в материалах памятника Дарвагчай-залив-1.

Еще один артефакт представляет собой кремневый обломок вытянутой обушковой формы, вся поверхность которого является поверхностью раз-

новременных снятий (отсутствует галечная корка). Возможно, заготовка использовалась в качестве ретушера, экспериментально подобный тип кремня при таком целевом использовании дает похожие следы утилизации.

Два предмета из коллекции слоя можно отнести к типу *сколов и обломков с ретушью*.

Часть артефактов коллекции памятника происходит из **береговой осыпи**. Из 10 предметов 2 являются отщепами без вторичной обработки, 3 – *выемчатыми орудиями*, схожими по типологии с вышеописанными, 2 – *шиповидными.* Еще в одном случае ретушь нанесена на косом сломе небольшой плоской окаменелости. Среди предметов выделяются *скребок высокой формы*, выполненный на массивном вторичном сколе, и желвак кремня медового цвета с негативами сколов (предмет имеет следы соударений, образовавшихся в морских условиях).

Местонахождение Дарвагчай залив-4 содержит не менее двух стратифицированных комплексов палеолитических материалов, в составе которых присутствуют выразительные ашельские рубила. На разновременность комплексов указывает их стратиграфическое положение и различия в сохранности поверхности артефактов. Дальнейшее исследование местонахождения представляется перспективным для уточнения типологического облика ашельских индустрий Дагестана и корреляции стратиграфических разрезов палеолитических стоянок в долине реки Дарвагчай.

Список литературы

Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 693 с.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А. Первые находки ашельских рубил в Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 49–53.

Любин В.П., Беляева Е.В. Стоянка Homo erectus в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). – СПб.: Петерб. востоковедение, 2004. – 272 с.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. – 108 с.

А.И. Кривошапкин, К.А. Колобова, Д. Фляс,
К.К. Павленок, У.И. Исламов, Г.М. Лукьянова

ИНДУСТРИЯ СЛОЯ 23 СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010 ГОДА

Многослойная стоянка Кульбулак, на юго-восточных склонах Чаткальского хребта, в настоящий момент остается опорным памятником для палеолита Средней Азии. Особенно интересными, в контексте проблемы первоначального заселения территории Центральной Азии древними людьми, представляются самые нижние культуросодержащие слои памятника. По данным М.Р. Касымова, принципиального исследователя стоянки Кульбулак в 1962-1984 гг., из 48 культурных подразделений памятника нижние 22 культурных слоя содержат комплексы ашельской эпохи [Касымов, 1990].

В течение 2007-2010 гг. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИА АН РУз на памятнике были возобновлены раскопки. В течение полевого сезона 2010 г. в раскопе, расположенном внутри шурфа №3 М.Р. Касымова (работы 80-х гг. XX в.), на глубине 13,5 м от дневной поверхности (19,5 м от репера), был достигнут уровень, соответствующий, на наш взгляд, залеганию верхних ашельских слоев М.Р. Касымова* (рис. 1). Учитывая, что примерно 1,5 метра верхних отложений на данном участке были сняты в результате раскопок предыдущих исследователей, то уровень, достигнутый в 2010 г. необходимо коррелировать со слоями, залегавшими в раскопе Касымова на глубине 14,5 – 15,0 м от дневной поверхности. Таким образом, можно предположить, что мы имеем дело с литологическими подразделениями, содержащими комплексы ашельских слоев 26-28. Более точную корреляцию культурно-стратиграфического профиля М.Р. Касымова с данными, полученными в 2010 г. установить проблематично из-за недостаточного стратиграфического описания литологических тел нижней части разреза в работах М.Р. Касымова, а также в силу излишней, на наш взгляд, дробности, упоминаемых культурных подразделений (мощность культуросодержащих слоев 26-28, составляет от 4 до 12 см; общая мощность всей пачки, в которую они заключены - приблизительно 30-35 см). Поскольку коллекции слоев 26-28 являются самыми многочисленными среди всех, выделенных ранее ашельских горизонтов стоянки, а технико-типологическая схожесть всего нижнего комплекса неоднократно подчеркивалась исследователем [Касы-

***Касымов М.Р.** Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 42 с.

Рис. 1. Стратиграфическая колонка западной стенки стоянки Кульбулак и каменные изделия из коллекции слоя 23 стоянки.

мов, 1990], проведение предварительного корреляционного анализа новой, полученной в 2010 г., коллекции каменных артефактов с “ашельскими” материалами 80-х гг. XX в., на наш взгляд, можно рассматривать достоверным.

Общее количество каменных артефактов, обнаруженных в 2010 г. в слое 23, насчитывает 4995 экз., из которых 4302 экз. (86,1%) были определены как отходы производства (чешуйки, осколки, обломки и мелкие отщепы до 3 см. в наибольшем измерении). В данной работе все статистические выкладки приводятся без учета отходов производства.

Первичное расщепление.

Нуклевидные изделия насчитывают 25 экз. (3,6%). Типологически определимые нуклеусы (19 экз.) подразделяются на:

Плоскостные нуклеусы (12 экз.) включают в себя две категории изделий: 1) одноплощадочные монофронтальные параллельного принципа скалывания для отщепов – 6 экз.; 2) мультиплощадочные монофронтальные продольно-поперечного принципа скалывания для отщепов – 6 экз. В коллекции присутствует нуклеус, который в стадии значительного истощения/уплощения был переоформлен в рамках “тронкированно-фасетированного” подхода в плоскостной нуклеус (рис. 2, *7*).

Объемные нуклеусы (7 экз.) включают в себя две категории: 1) торцового принципа скалывания для получения пластин, пластинок и микропластин (6 экз.) (рис. 2, *1*, *2*); 2) призматического принципа скалывания для получения пластинок и микропластин (1 экз.). Нуклеус, отнесенный ко второй группе (рис. 2, *8*) технико-типологически близок кареноидным изделиям. Среди нуклеусов первой группы выделены одноплощадочные однофронтальные ядрища, имеющие удлиненно-треугольный (клиновидный) фронт (3 экз.; рис.2, *1*, *2*), и двуплощадочные нуклеусы встречного скалывания (3 экз.).

Индустрия сколов (668 экз.) демонстрирует очевидную направленность расщепления на производство удлиненных (пластинчатых) заготовок: пластины – 246 экз. (35,5%), пластинки - 176 экз. (25,4%), из которых можно выделить 32 экз. микропластинок (пластинчатых сколов шириной менее 6 мм) (см. рис. 1, *1–4, 6, 7, 9, 10, 13, 14, 19*). Технические сколы насчитывают 33 экз. (4,8 %) и включают в себя краевые сколы (10 экз.), краевые пластинчатые сколы (15 экз.), сколы подправки дуги скалывания плоскостных нуклеусов (4 экз.), полуреберчатые (2 экз.) и реберчатую пластину, а также “таблетку”. Остроконечники насчитывают 3 экз. (см. рис. 1, *15, 18*), а отщепы составляют 210 экз. (30,3%).

Среди остаточных ударных площадок всех сколов доминируют гладкие формы, присутствуют точечные, двугранные и фасетированные площадки. Дорсальные поверхности сколов демонстрируют доминирование параллельного и конвергентного раскалывания.

Орудийный набор (46 экз.)

Доминирующим типом орудия в комплексе являются *скребки* (14 экз.). Наиболее многочисленны концевые скребки (10 экз.), среди которых выде-

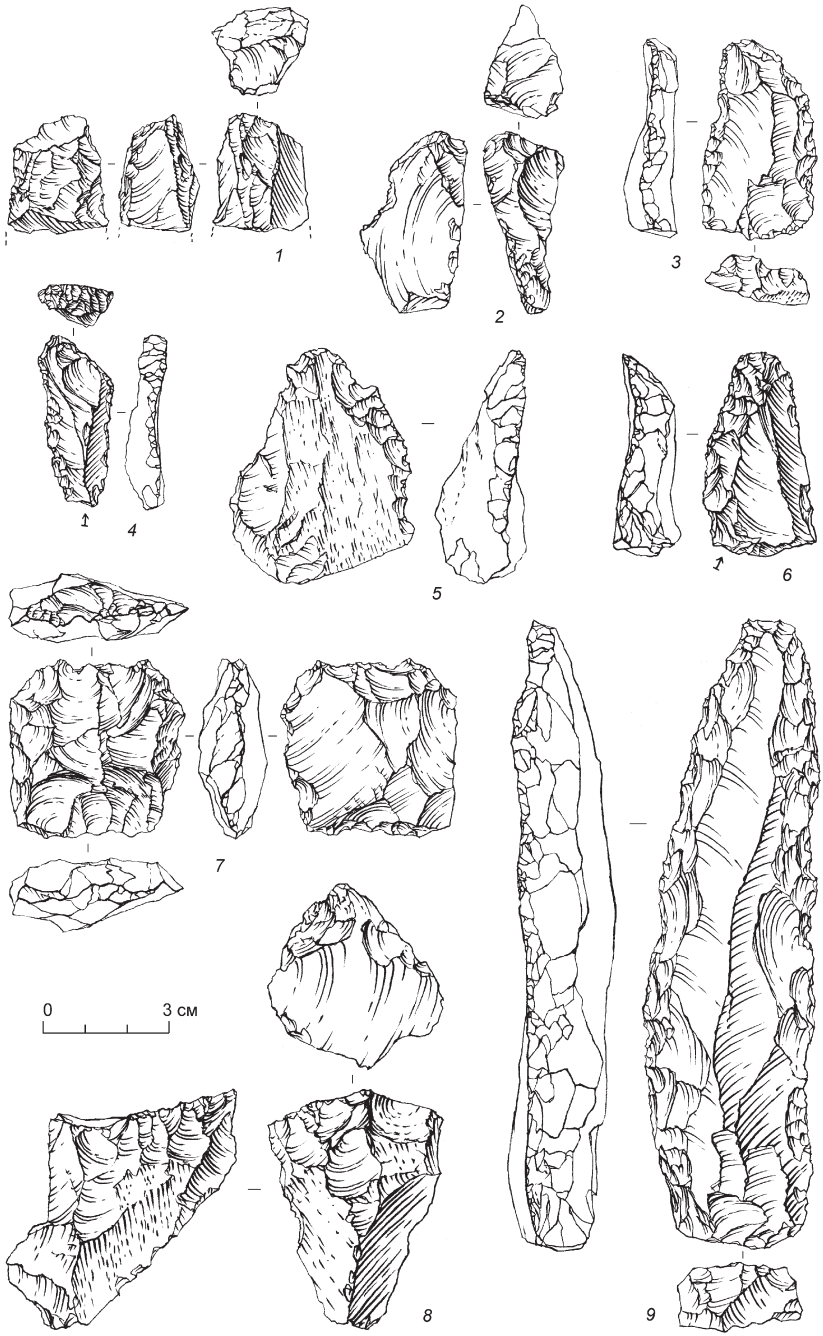


Рис. 2. Каменные изделия из коллекции слоя 23 стоянки Кульбулак.

ляются скребки с выпуклым лезвием (4 экз.; см. рис. 2, *6*), скребки с прямым лезвием (3 экз.) и концевые скребки с зауженными лезвиями (2 экз.; см. рис. 2, *4*). Одно изделие определяется как концевой микроскребок с выпуклым лезвием. Также были выделены такие модификации скребков как: боковые скребки (2 экз.), боковой скребок с шипом (1 экз.), скребок высокой формы (1 экз.). Последнее изделие типологически наиболее близко к кареноидным нуклеусам на сколах поперечной системы снятий (возможно переоформлено из такового).

Следующей по значимости категорией орудийного набора являются скребла (10 экз.): одинарные продольные выпуклые скребла высокой формы (3 экз.), одинарные продольные прямые скребла (2 экз.), двойные продольные прямые скребла (5 экз.) (см. рис. 1, *16*). Морфологически наиболее близким типом к скреблам являются остроконечные пластины с ретушью - 2 экз. (см. рис. 2, *9*). Также были выделены следующие категории изделий: остроконечники с ретушью (2 экз.) (рис. 1, *18*), орудие с подтеской (1 экз.), шиповидные изделия (2 экз.), зубчатое орудие (1 экз.), нож с обушком-гранью (1 экз.) (см. рис. 2, *5*), отщепы с ретушью (4 экз.), пластины с ретушью (8 экз.) (см. рис. 1, *5*, *8, 11, 12, 17*), пластинка с ретушью (1 экз.).

Основываясь на технико-типологическом анализе индустрии можно сделать вывод, что она была технологически нацелена на производство пластинчатых сколов. Орудийный набор демонстрирует доминирование верхнепалеолитических типов, с присутствием типологически ярких среднепалеолитических форм.

Среди ближайших аналогий данной индустрии в регионе следует указать индустрию грота Оби-Рахмат, причем сходство двух сопоставляемых индустрий исключительное. Прежде всего, идентичность прослеживается на технологическом уровне - сочетание в едином комплексе производства крупных пластинчатых заготовок и мелкопластинчатых сколов, получаемых с нуклеусов объемного и торцового расщепления. В качестве сходных черт следует указать и наличие в Кульбулаке специфических форм продольно-поперечного расщепления для получения мелких отщепов и пластинок, имеющих прямые аналогии с тронкированно-фасетированными изделиями Оби-Рахмата. Также обращает на себя внимание присутствие в слое 23 стоянки Кульбулак характерных для обирахматской индустрии ретушированных остроконечных пластин и массивных удлиненных остроконечников.

Исходя из технико-типологических характеристик артефактов слоя 23 Кульбулака и их несомненного сходства с комплексами Оби-Рахмата, можно предположить отнесение данной индустрии к обирахматской культуре, возможно, к ее начальным этапам существования. Учитывая имеющиеся для грота Оби-Рахмат определения точного возраста, наиболее логичным будет отнесение материалов слоя 23 стоянки Кульбулак к интервалу 80-60 т.л.н. Подобная культурно-хронологическуая интерпретация нижних культурных отложений стоянки Кульбулак вступает в противоречие с трактовкой коллекций, предлагавшейся ранее и распространенной в археo-

логической литературе (материалы раскопок 1962-84 гг.). Для объяснения возникшей коллизии можно предложить два варианта объяснения: 1) либо материалы 2010 г., несмотря на их однородность и стратиграфически предполагаемую инситность представляют собой результат внедрения на подобную глубину более позднего материала; 2) либо предыдущими исследователями была допущена интерпретационная ошибка.

Для решения этой проблемы нами была проведена предварительная ревизия сохранившихся материалов одного из наиболее многочисленных ашельских слоев (слой 27) раскопок 1980-х гг. Технико-типологический анализ коллекции из раскопок М.Р. Касымова показал отсутствие каких-либо ашельских признаков в представленной индустрии, а бифасиальные формы, упоминающиеся в публикациях (отсутствующие в доступной для изучения коллекции), имеют среднепалеолитические характеристики. Кроме того, предварительная оценка коллекции 27-го слоя 1981 года раскопок показала значительные технико-типологические сходства с коллекцией 23-го слоя 2010 года раскопок - прежде всего, выраженная ориентация на пластинчатое производство и доминирование в орудийном наборе верхнепалеолитических типов. Раннепалеолитический возраст нижних культурных слоев стоянки Кульбулак помимо археологической интерпретации комплекса как “ашельского” утверждался и на основании данных палеомагнитного анализа, результаты применения которого, как известно по опубликованным и вошедшим в научный оборот данным [Касымов, 1990], свидетельствовали об обратной полярности нижних слоев стоянки (Брюнес-Матуяма). Однако, детальное изучение полевых отчетов 1981 г. показало, что граница Брюнес-Матуяма была зафиксирована на другом разрезе близ города Ангрена, а его результаты были экстраполированы на разрез стоянки Кульбулак.

Таким образом, исследование нижних слоев стоянки Кульбулак в 2010 г., предварительный анализ полевой документации и археологических материалов 80-х гг. XX в. позволяют, на наш взгляд, поставить под сомнение атрибуцию археологических комплексов нижней части разреза раннепалеолитической эпохой. Скорее всего, в нижних слоях стоянки Кульбулак отражен начальный этап обирахматской культуры, хронологически относящейся к среднему палеолиту, но обладающей всеми технико-типологическими признаками переходной (от среднего к верхнему) индустрии с очень ранним проявлением мелко- и микропластинчатой технологии расщепления камня.

Н.А. Кулик, С.В. Маркин

К ВОПРОСУ О ПЕТРОГРАФИЧЕСКОМ СОСТАВЕ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ СЛОЯ 6В/1 ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ 2008 ГОДА)*

Чагырская пещера, расположенная в среднегорном районе северо-западного Алтая и приуроченная к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигерекского хребта, относится к разряду многослойных объектов. В составе заполнителя пещеры, помимо голоценовых образований, представлены субаэральные осадки, сложенные двумя разновозрастными горизонтами (слой 5 и слои 6а, 6б, 6в/1,6в/2) лессовидных отложений [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2008; Деревянко, Маркин, Зыкина, Зыкин, 2009]. Богатейшие индустрии среднего палеолита, имеющие единственный аналог на Алтае в технокомплексах пещеры Окладникова, абсолютный возраст которой установлен в диапазоне 44,8 – 33,5 тыс. л. назад [Деревянко, Маркин, 1992] и отличной от других стоянок региона, содержит средняя часть пещерной толщи, образованная всеми подразделениями пород слоев 6а, 6б, 6в/1 и 6в/2. Эти индустрии, развивающиеся в сторону мустьерских черт, очевидно, образуют особую индустриальную линию развития, внося существенный вклад в вариабельность среднего палеолита части Алтае-Саянской горной страны [Деревянко, 2009, 2010]. Особенностью преимущественно, однотипного инвентаря Чагырской пещеры, из какого бы осадка он не происходил, является малое количество ядрищ и нуклевидных обломков. Для большинства сколов характерно смещение корпуса заготовки от оси снятия, что свидетельствует о преобладании технологии радиального раскалывания горных пород. Вторичная обработка осуществлялась, в основном, с помощью разнообразной ретуши (лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая). Отмечается отделка обушковых частей артефактов и рабочих элементов изделий (ретушь, разнообразные анкоши). Представлены и различного рода утончения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправления кривизны профиля, уплощения кромок и угла схождения лезвий артефактов типа déjeté. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа déjeté. Скребла включают одинарные боковые и поперечные формы, двойные параллельные и конвергентные орудия, с ретушью по периметру, с брюшка и противолежащей отделкой, утонченной спинкой, типа полукина. Выделяются скребла-ножи с разнообразны-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-18118е).

ми обушками, противолежащими рабочим ретушированным кромкам, или примыкающими к ним под углом. Орудия типа déjeté самых разнообразных двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству активных кромок, их ориентации, форме, отделке и углу схождения. Немногочисленные группы артефактов образуют зубчатые изделия, ретушированные анкоши, остроконечники, единичные бифасы - обушковые формы с косым утолщенным краем и плоско-выпуклые двусторонние изделия (слой 6б) овальных очертаний, вероятно, выполненные на массивных сколах или расщепленных гальках [Деревянко, Маркин, Зыкин, 2009].

Ранее состав горных пород определялся, преимущественно, для технокомплексов из слоев 6а и 6б [Кулик, Маркин, 2009]. В настоящей работе анализируются петрографические разности каменных артефактов из слоя 6в/1, количество которых превышает 2600 экз. Этот слой в связи с предельной концентрацией изделий был разобран семью условными горизонтами (1, 1-2, 2, 2-2, 3-5), последовательно отражающие лишь глубины распределения археологического материала. Тем не менее, характеристика разноуровневых коллекций позволяет определить возможные предпочтения в выборе сырья для каменной индустрии на определенной стадии формирования данного культуросодержащего осадка карстовой полости. Естественно, что при подавляющем количественном преобладании среди артефактов отщепов и сколов без вторичной обработки (более 1800 экз.), наибольший интерес представляли готовые орудия, пластины, а также сколы, не содержащие преднамеренную вторичную отделку, но имеющие следы ретуши утилизации. Результаты петрографического определения приведены в *таблице*.

Ядрища. В верхних горизонтах литологического осадка слоя 6в/1 нуклеусы не обнаружены. Общее количество их по слою составляет 23 предмета. Из них 9 экз. представляют эффузивы и их измененные разности, 8 экз. - яшмоиды засурьи, 4 экз. - осадочные породы и 2 экз. – пятнистые роговики, что совпадает с общей тенденцией количественного использования пород по слою.

Орудия. Всего в отложениях слоя обнаружено 661 изделие с признаками вторичной обработки. Одно из них изготовлено из жильного кварца, а четыре предмета не могут быть определены без микроскопического исследования. Вместе они составляют около 1,5% от общего количества орудий. Таким образом, значимым сырьем для изготовления орудий служили, в первую очередь, эффузивные породы и яшмоиды засурьинской свиты. Сопоставление по горизонтам показывает, что использование сырья не было одинаковым, хотя общая тенденция к увеличению использования в более позднее время отчетливо проявляется лишь для яшмоидов засурьинской свиты, в целом же для слоя яшмоиды засурьи и эффузивы имеют одинаковую степень использования при изготовлении орудий (рис.1). Следует отметить также, что тенденции использования осадочных пород фактически повторяют таковые для яшмоидов засурьи. В целом же для осадочных пород максимальные колебания содержаний составляет 7,7%, для эффузивов –

Петрографический состав артефактов слоя 6В\1 Чагырской пещеры, сборы 2008 г.

Тип артефактов	Горизонты	Эффузивы*		Осадочные		Роговики		Засурья**		Кварц		Иные		Неопред.		Всего
		шт.	%***	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.
Ядрища	1 и 1-2															
	2 и 2-2	1		2		**1**										4
	3	*2*				***1***										*3*
	4	2		2				6								10
	5	*4*						*2*								*6*
Пластины	1 и 1-2	*4*		*3*		*2*		*5*								*14*
	2 и 2-2	4		4				2								10
	3	*1*		*2*												*3*
	4	2		8		**1**		1								12
	5	*2*		*3*		***3***										*8*
Орудия	1 и 1-2	*20*	*29*	*15*	*21,7*	*6*	*8,7*	*28*	*40,6*					*1*	*1,4*	*70*
	2 и 2-2	50	30,9	28	17,3	**25**	15,4	59	**36,4**							162
	3	*13*	*25,5*	*9*	*17,6*	***10***	*19,6*	*19*	***37,3***							*51*
	4	65	37,1	24	13,7	**28**	16	54	**30,9**	1	0,6			3	1,7	175
	5	*79*	*39,1*	*38*	*18,8*	***20***	*9,9*	*65*	***32,2***					*1*	*0,5*	*203*
Отщепы и сколы без вторичной обработки	1 и 1-2	*81*	*30,5*	*49*	*18,5*	*51*	*19,2*	*81*	*30,6*	*1*	*0,4*	*1*	*04*	*1*	*0,4*	*265*
	2 и 2-2	100	33	93	30,7	**46**	15,2	58	**19,1**			2	0,7	4	1,3	303
	3	*131*	*40,1*	*63*	*19,3*	***58***	*17,7*	*72*	***22***					*3*	*0,9*	*327*
	4	190	38	112	22,4	**86**	17,2	109	**21,8**	3	0,6					500
	5	*173*	*36,2*	*135*	*28,2*	***69***	*14,4*	*100*	***20,9***	*2*	*0,5*			*1*	*0,2*	*480*
															Всего	2605

*Совместно с эффузивами учтены их метасоматически измененные разности – яшмоиды по эффузивам.

**Яшмоиды засурьинской свиты.

*** % от общего содержания пород по горизонтам.

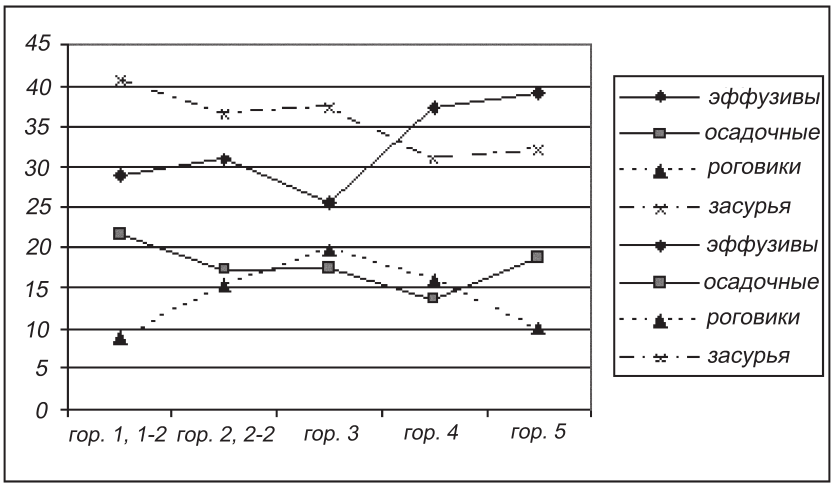


Рис. 1. Петрографический состав орудий из слоя 6в/1, % от содержания всех пород по горизонтам

около 8%, для засурьинских яшмоидов 9% и наибольший интервал в содержаниях по горизонтам обнаруживают роговики (11%).

Пластины. Общее количество пластин в слое составляет 47 экземпляров (см. *таблицу*), это позволяет провести лишь поштучное сравнение по горизонтам, из которого можно заключить, что наиболее употребимым для получения пластин материалом были осадочные породы. Выявить какую-либо тенденцию в предпочтениях от горизонта к горизонту при столь малом количестве пластин в каждом из них не представляется возможным (рис. 2).

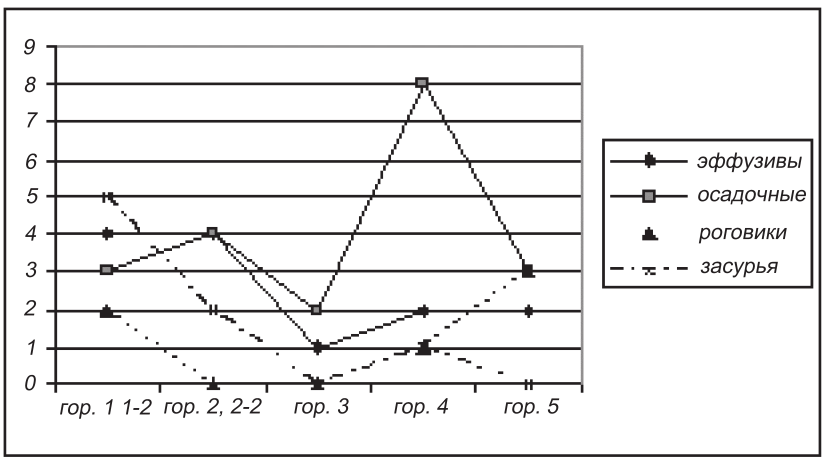


Рис. 2. Петрографический состав пластин из слоя 6в/1, шт.

Отщепы и сколы без вторичной обработки. Количественные соотношения петрографических разностей в этой категории артефактов отражены в таблице 1. Из нее видно, что самым стабильным по количеству «отходов производства» сырьем являются роговики. Для эффузивов заметно снижение количества артефактов этой категории с совершенно симметричным увеличением его для яшмоидов засурьинской свиты (рис. 3). Это согласуется с соответствующим изменением употребления этих пород в верхних горизонтах слоя.

Сколы с ретушью утилизации выделены для 4-го и 5-го горизонтов**.** Распределение пород в этой категории артефактов соответствует содержанию тех же пород для отщепов и сколов без вторичной обработки, по-видимому, означающие, что для спорадического использования отщепы определенного вида сырья специально не отбирались.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет сравнение содержаний пород в орудиях (главных изделиях каменного производства), отщепах и сколах без вторичной обработки в целом по слою. Из сравнения видно, что максимально распространенные в артефактах эффузивы дают и максимальное количество «отходов», равное или превосходящее количество произведенных из них орудий, количество «отходов» от осадочных пород и роговиков явно превышает количество полученных орудий, и лишь для яшмоидов засурьинской свиты количество «отходов» существенно меньше, чем количество орудий из того же сырья.

Исходя из представления, что чем выше качество сырья, тем меньше будет отходов при его обработке (при прочих равных условиях), представляется, что такие соотношения могут служить объективным критерием ка-

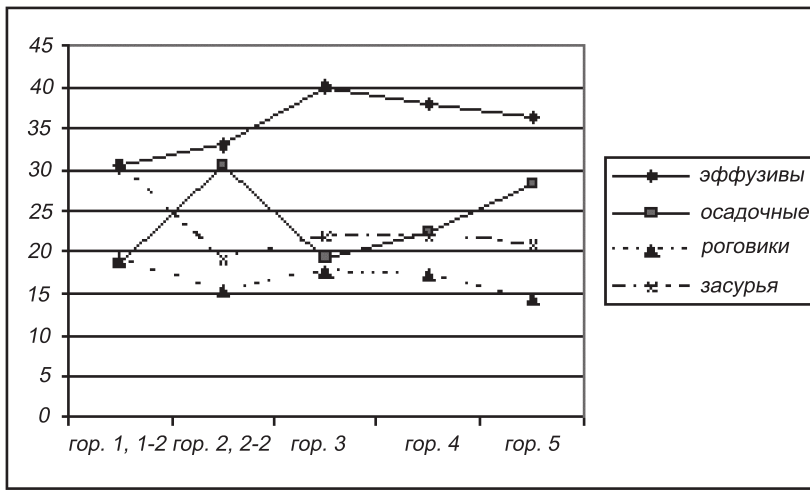


Рис. 3. Петрографический состав отщепов и сколов без вторичной обработки, слой 6в/1, % от общего содержания пород по горизонтам.

чества сырья для каменных индустрий. В данном случае это подтверждается и масштабом использования двух главных петрографических разностей пород – яшмоидов засурьинской свиты и эффузивов.

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo Sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий первый: переход к верхнему палеолиту на территории Северной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 2–32.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Мустье Горного Алтая (по материалам пещеры им. Окладникова). – Новосибирск: Наука, 1992. – 224 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 52–55.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С. Новый объект среднего палеолита на Алтае // Древнейшие миграции человека в Евразии: Мат-лы междунар. симп. – Новосибирск, 2009. – С. 101–106.

Деревянко А.П., Маркин С.В, Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 129–132.

Кулик Н.А., Маркин С.В. Петрографическая характеристика среднепалеолитических индустрий из Чагырской пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 151–157.

Н.А. Кулик, М.В. Шуньков

ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОЛЬЦА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

Среди массового палеолитического материала из Денисовой пещеры особое место занимают предметы символической деятельности. Основная часть этих изделий происходит из отложений литологического слоя 11 и относится к начальной стадии верхнего палеолита. Одной из наиболее примечательных находок такого рода является каменное кольцо, обнаруженное в 2008 г. при раскопках стратиграфического горизонта 11.2 в устьевой зоне восточной галереи пещеры [Деревянко и др., 2008]. Каменное кольцо изготовлено из белого крупнозернистого мрамора. На поверхности кольца сохранились примазки вмещающих суглинков, придающие изделию розоватый оттенок. Ширина изделия достигает 9,2 мм, толщина – 5,9 мм, диаметр составляет 37,8 мм. Это изделие наряду с браслетом из хлоритолита, обнаруженным раннее в пределах горизонта 11.1, демонстрирует достаточно развитые трудовые навыки у обитателей Денисовой пещеры на ранней стадии верхнего палеолита. В процессе изготовления этих украшений использовались различные приемы обработки камня, в т.ч. шлифовка на абразивах разного рода, полировка кожей и шкурой, а также уникальные для палеолитического времени технологии – скоростное станковое сверление и расточка инструментом в виде рашпиля [Деревянко, Шуньков, Волков, 2008]. Кроме следов производства, на кольце зафиксированы признаки утилизации в виде заполировки на его внутренней поверхности. Это характерные следы, свидетельствующие о продолжительном контакте с мягким органическим материалом, скорее всего, кожей. Особенности их локализации позволяют предположить, что кольцо крепилось на кожаном ремешке и служило подвеской составного украшения.

Поверхность кольца шероховатая, кальцит мрамора немного растворен, особенно по границе зерен. Зерна кальцита изометричные или слабо удлиненные, структура гипидиоморфнозернистая. Одинаковая ориентировка удлиненных зерен создает в равномерно зернистой текстуре слабо выраженную линейность. Кольцо имеет плоские торцевые поверхности, параллельные линейной текстуре, с более поздними закруглениями, с грубыми параллельными следами от работы «рашпилем» и последующей заполировкой. Это означает, что заготовкой изделия служила относительно тонкая мраморная плитка.

С петрографической точки зрения важно установление источника мраморного сырья. Для этого в бассейне Ануя были обследованы известняки – породы, которые прежде не рассматривались среди исходного сырья палеолитических индустрий [Природная среда…, 2003].

Вмещающий Денисову пещеру массив верхнесилурийских (лудловских) известняков S_2ld, прорезанный руслом Ануя, образует по обоим бортам долины обрывистые скальные выходы. Это однотипные слабо метаморфизованные органогенные светло-серые и серые известняки с большим количеством сохранившихся палеонтологических остатков и пелитового материала. Они сильно раздроблены тектоническими нарушениями и включают кристаллический кальцит в виде жилок по трещинам дробления. Их выветрелая поверхность часто покрыта пленкой осветленного почти рыхлого материала или тонкой корочкой «кудрявого» натечного кальцита. Внутри Денисовой пещеры известняки местами подверглись постседиментационному окрашиванию гидроксидами железа в буро-красный и розовый цвета. Вверх по долине Ануя от Денисовой пещеры выходы этих известняков протягиваются по ее правому борту до устья р. Турата. Лудловские известняки по своим характеристикам заметно отличаются от материала кольца, и не могли использоваться для его изготовления.

Вместе с тем, в современном русле Ануя около пещеры и особенно выше ее по течению много гальки сильно мраморизованных известняков, в том числе настоящего мрамора. В плейстоценовом аллювии Ануя также встречаются глыбки и галька серого слабо перекристаллизованного известняка с хорошо проявленной полосчатостью, есть такие же известняки, но полностью перекристаллизованные, с разной зернистостью материала – от скрытокристаллического до крупнозернистого. В них также проявляются полосчатость и сильное дробление, приводящие иногда к разлистованности с зеркалами скольжения, и множество жилок желтоватого и белого кальцита, часто параллельношестоватого. Есть белые гальки известняка, часть из них при раскалывании оказывается внутри светло-серыми, но, в отличие от лудловских известняков, явнокристаллическими. Часто встречаются гальки белого мрамора разной зернистости – от скрытокристаллического до крупнозернистого. Это хорошо окатанные, плоские, овальные или почти круглые разности размером 5–7 см, идентичные материалу кольца. Примечательно, что среди галек белого мрамора много относительно тонких (толщиной до 1 см), с практически параллельными плоскостями. Они достаточно прочные, хотя среди хорошо окатанных галек много обломков. В более крупных гальках мрамора иногда видна полосчатость – чередование белых, светло-серых и желтоватых прослоев мощностью до 1см. Дробление галек происходит, в основном, параллельно границам этих прослоев. С плитчатой отдельностью связано, скорее всего, образование тонких плоских обломков, которые затем окатывались.

Мрамор из древнего аллювия, так же как известняки массива Денисовой пещеры, поражены жилками кристаллического кальцита, часто парал-

лельноволокнистого. При низкой твердости мрамора, его гальки достаточно хорошо (до 3–4 класса) окатаны, что свидетельствует об относительно дальнем транзите этого материала.

В геологическом строении бассейна Ануя выше Денисовой пещеры помимо верхнесилурийских известняков в разной степени участвуют мраморизованные известняки нижнего силура и ордовика [Васютинская, Гинцингер, 1956]. В песчано-сланцевой толще S_1ln+w, они образуют линзы и прослои. В ордовике они появляются в виде линз в O_{1-2}, образуют прослои в песчано-сланцевых отложениях O_{2-3} и сплошные известняковые отложения большой мощности в O_3. Для верхнеордовикских известняков характерны серые или темно-серые (до черных) разности. Песчано-сланцевая с известняками толща S_1ln+w и все ордовикские отложения пересекаются долиной Ануя, и его левыми притоками – реками Мута и Каракол. Кроме того, Каракол в нижнем течении пересекает известняковый массив нерасчлененного ордовика, служащий водоразделом его и Муты. Нигде в бассейне водосбора Ануя известняки не прорываются гранитоидами Бащелакского (Талицкого) массива. Они разделены мощными отложениями песчано-сланцевой горноалтайской серии кембро-ордовика. Вместе с тем значительно большая мраморизация этих известняков, по сравнению с лудловскими, связана с их более древним возрастом и, особенно, с близким положением ордовикских и нижнесилурийских отложений в верховьях Муты и Каракола к магматическому массиву, а также их вовлеченность в тектонические подвижки по разломам. В древний и современный аллювий Ануя галька мраморизованных известняков и мрамора поступала за счет размыва этих более древних карбонатных пород.

Таким образом, наиболее вероятным материалом для изготовления кольца служил мрамор из верховьев Ануя, который транспортировался рекой в окрестности Денисовой пещеры в виде удобных для обработки плоских галек. Для подтверждения этого заключения необходимо обоснование идентичности материала кольца и галек мрамора с помощью геохимического и петрографического анализов. Однако специфика исходного материала – мрамора, т.е. мономинерального кристаллического агрегата кальцита, не позволяет провести спектральный анализ без разрушения изделия. Для анализа этой породы необходима достаточно большая навеска материала. В тоже время анализ материала кольца с использованием микрозонда также не даст положительного результата. Возможностей этого метода недостаточно для определения всего элементного состава, кроме кальция.

Экспериментальные работы, выполненные М.А. Серезневым и Р.А. Лебедевым (ГГФ НГУ), позволили провести петрографическое сравнение структуры и текстуры материала кольца и галек белого мрамора из ануйского аллювия. Сначала были сделаны пришлифовки поперек уплощения галек, показавшие, что среди них есть разности, идентичные материалу кольца по цвету, характеру зернистости и слабой линейной текстуре. Затем, для оценки технологической пригодности белого мрамора, из плоской, почти

круглой гальки диаметром около 4 см и толщиной 0,8 см, было изготовлено мраморное кольцо. Эксперимент показал – галечный мрамор из русла Ануя мог служить материалом для изготовления палеолитического кольца.

Список литературы

Васютинская Т.Ф., Гинцингер А.Б. Геологическая карта М 1:200 000, листы М-45-I и М-45-VII и объяснительные записки к ним. – М.: Госгеолтехиздат, 1956.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – №2. – С. 13–25.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Волков П.В. Изучение верхнепалеолитических слоев в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2008. – Т. 14. – С. 60–66.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

В.Е. Ларичев

ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВЫХ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ *HOMO SAPIENS* ЮГА КОНТИНЕНТА)

Вводные замечания. Документально точные свидетельства изначального внимания к Небу и светилам жречества блестящих культур верхнего палеолита центральных и южных районов России и стран Восточной Европы заключены в информационном контексте предметов искусства малых форм. К сожалению, столь бесценные источники, позволяющие представить в нетрадиционном свете глубину позитивных знаний о Природе *Homo sapiens* востока Европы, остаются (за редким исключением) невостребованными теоретиками (см.: [Marshack, 1964; Vertes, 1965; Ларичев, 2000]).

Постановка проблемы. Для доказательного решения неразгаданных до сих пор проблем зарождения «художественного творчества» и «происхождения искусства» особую ценность приобретают предметы искусства малых форм, *датированные временем начала становления культур верхнего палеолита*. В них, полагаю, с наибольшей открытостью должны просматриваться истинные намерения того, кого принято именовать «первобытным художником». Сложность решения такой задачи заключается, однако, в том, что находки подобного рода относятся к разряду уникальных. Так, на юго-востоке Европы обнаружен всего лишь один достойный специального анализа образец.

Источник. Место открытия и датировка культурного горизонта с «образцом символической деятельности». Изделие это – массивная шиферная пластина с двумя рядами вертикальных и наклонно ориентированных резных линий. Она относится к разряду «объектов» неутилитарного (непроизводственного) назначения» (рис. 1). Пластина найдена при раскопках горизонта VI *a* участка TD–II привходовой части грота Тéмнота (Болгария, деревня Карликово, расположенная к северу от г. София, в карстовом районе долины р. Искар [Kozlowski, Laville, Ginter, 1992; 1994; Crémades, Laville, Sirakov, Kozlowski, 1995]*. Стратиграфическая позиция слоя с неординарной находкой (рис.2) и инструментарий, представленный *смешанным набором орудий позднего мустье и раннего ориньяка* (начальная стадия перехода от среднего к верхнему палеолиту), подтверждают результаты радио-

*Благодарю болгарских коллег Веселину Колеву (астронома и астроархеолога) и Стефанку Иванову (палеолитоведа) за предоставление мне литературы, отсутствующей в библиотеках Сибири.

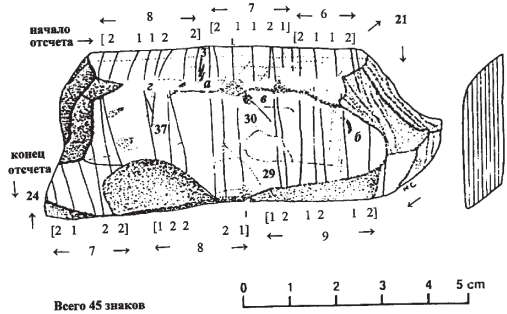


Рис. 1. Стратиграфия раскопа TD–II на предвходовой площадке грота Тёмнота. Местоположение в слое pierre gravée – каменной пластины с резными линиями (по: [Crémades et al., 1995]. На том же уровне обнаружены изделия эпохи мустье и раннего этапа верхнего палеолита.

карбонового датирования горизонта VI *a* (минимум 38 700 л. н.; GD–4687) и ориньякского слоя 4 соседнего участка TD–IV

(46 000 ± 8 000 л.н.; GDTL–255; и 45 000 ± 7 000 л. н.; GDTL–256). В итоге был сделан вывод, что культурный слой с пластиной следует датировать временем около 50 000 л. н. Это заключение подтверждает датировка чисто мустьерского (*несмешанного*) слоя грота, на полтора десятка тысячелетия более древнего, чем слой, переходный от мустье к верхнему палеолиту (67 000 ± 11 000 л. н.; GDTL–254).

Презентация знаков пластины как «записи» чисел календарно-астрономического характера. Тестирование, подтверждающее этот вывод. Исследователи грота уклонились (следуя не лучшей традиции) от интерпретации числового (а с ним и календарного) аспекта «символической графики». Но они предоставили в распоряжение астроархеолога превосходного качества графическую документацию, позволяющую предложить варианты ее расшифровки.

«Узор» образуют две размещенные одна над другой строчки резных линий, ориентированных вертикально или чуть наклонно (рис. 1). Верхнюю строчку составляют 21 длинная линия и 3 коротких, наклонных, параллельных друг другу штриха (см. на рис. 1 литеру *а*). Они подразделяют верхнюю строчку на два блока – *8* и *13*. В самих этих блоках линии группируются следующим образом (отсчет знаков ведется слева направо):

[2 – 1 – 1 – 2 – 2] = 8; [2 – 1 – 1 – 2 – 1] = 7; [2 – 1 – 1 – 2] = 6.

В нижней строчке 24 длинных линии. Короткая, наклонная, с округлым верхним концом линия *в* подразделяет ее на два блока – *9* и *15*, а в самих блоках линии группируются следующим образом (отсчет знаков ведется справа налево):

[2 – 1 – 2 – 1 – 2 – 1] = 9; [1 – 2 – 2 – 2 – 1] = 8; [2 – 2 – 1 – 2] = 7.

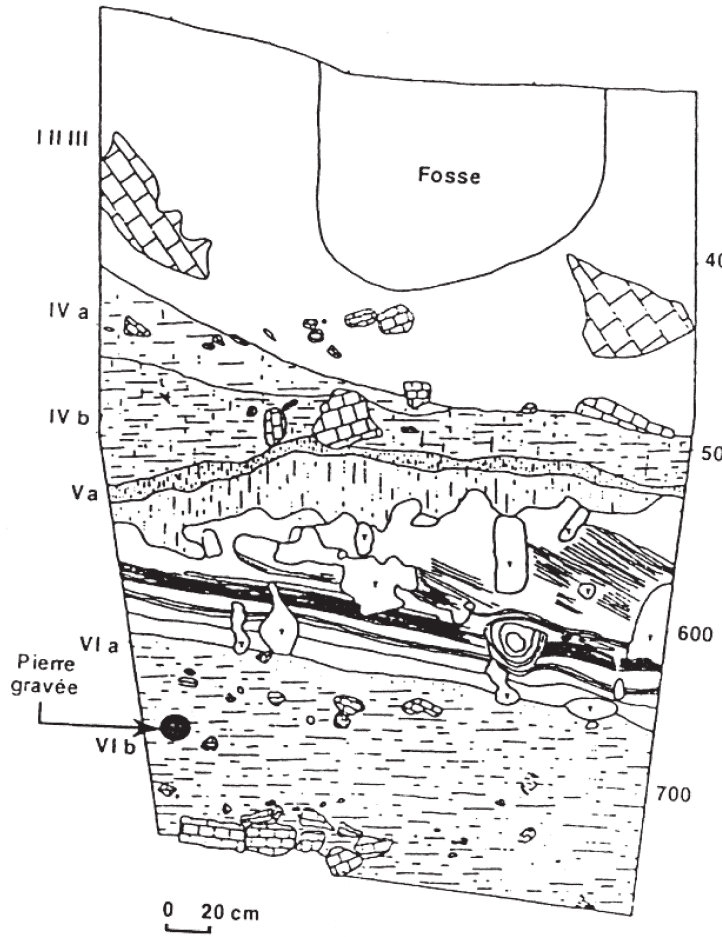


Рис. 2. Шиферная пластина из грота Тéмнота с числовой знаковой записью (по: [Crémades et al., 1995]).

Тестирование числа *45* – общего количества резных линий в обеих строчках (*21 + 24*) без учета трех штрихов *a*, свидетельствует о календарно-астрономической значимости «символической записи», если воспринимать каждый такой элемент «узора» знаком 1 суток. *Это число кратно синодическому* (*относительно Солнца*) обороту Луны:

(21 + 24) сут. : 29,5306 сут. = 1,5238 ≈ $1^1/_2$ *син*. месяца*.

*Как свидетельствуют результаты расшифровок, палеолитические астрономы и календаристы умели отслеживать *лунные фазовые* циклы с точностью 0,02–0,03 суток.

Кратны *синодическому лунному* циклу и количества линий в блоках обеих строчек, среди которых преобладают числа *7* и *8*, классической продолжительности временные периоды, фиксирующие смену фаз ночного светила:

7 сут. : 29,5306 сут. = 0,2370 ≈ $^1/_4$ *син*. мес.;

8 сут. : 29,5306 сут. = 0,2709 ≈ $^1/_4$ *син*. мес.;

6 (последний блок верхней строчки) *некратен синодическому обороту Луны, но сумма этого числа с числом 9* (первый блок нижней строчки) *кратна ему*:

(6 + 9) сут. : 29,5306 сут. = 0,5079 ≈$^1/_2$ *син*. мес.

Результаты тестов впечатляют высокой степенью доказательности, что позволяет восстановить несколько вариантов отсчета времени по Луне и Солнцу самыми ранними *Homo sapiens* юга Восточной Европы.

Реконструкция системы счисления *лунно-солнечного года* и выравнивания его с *годом солнечным*. Начну с числа *45*, которое в древности использовалось как базовый цикл для отслеживания *лунно-солнечного года*, *360 суток,* средней величины длительность лунного и солнечного годов:

(354,367 сут. +365,242 сут.) : 2 = 359,8045 ≈ 360 сут.

Восьмикратный проход по знакам верхней и нижней строчек знаковой «записи» пластины выводил на рубеж окончания *лунно-солнечного года*:

45 сут. × 8 = 360 сут.

Выравнивание с истинным течением времени по Солнцу производилось следующим образом: после счисления *двух лунно-солнечных лет* в счетную систему вводился *интеркалярий* (дополнение) – *11*суток. *Они считывались по 8 знакам верхней строчки 21,* но *на сей раз с учетом 3-х штриховых знаков*, обозначенных литерой *а* (*факультатив*). В результате получим:

(360 сут. × 2) + 11 сут. = 731 сут.;

731 сут : 365,242 сут. = 2,0014 ≈ 2 *солн*. года.

Точность (превышение) составит около *0,5* суток.

Рациональность счисления времени такой продолжительности года определяется обстоятельством фундаментальным – начало и окончание каждого из циклов по *45* суток четко *определяли начала и окончания 8 кардинально значимых моментов солнечного года – двух равноденствий, двух солнцестояний и четырех межсезоний*. Эти даты определяли в древности ритмы перемен экономической деятельности и время начала главных в году культово-религиозных празднеств.

Реконструкция систем счисления *лунного года* и выравнивания его с *годом солнечным*. Определение даты новогодия. Возможны три варианта отслеживания:

1 – считывались те же *45* знаков дважды и 44 знака – шестикратно (один знак, допустим *в*, оставался вне учета), что и позволяло выйти на рубеж окончания *лунного года*:

(45 сут. × 2) + (44 сут. × 6) = 354 ≈ 354,367 сут.

После счисления *двух лунных лет установленным порядком,* в счетную систему вводился *интеркалярий – 24 сут.*, которые считывались по всем знакам верхней строчки, включая *3* знака *а*. Эта операция и выводила на рубеж окончания *двух солнечных лет:*

(354 сут. × 2) + 24 сут. = 732 сут.;

732 сут. : 365,242 сут. = 2, 0041 ≈ 2 *солн*. года.

Если время сначала отслеживалось по двум циклам длительностью *45* суток, то новогодие приходилось на *зимнее солнцестояни*е (*90* суток – астрономический период от зимнего солнцестояния до весеннего равноденствия). Если же сначала отслеживались *45* и *44* суток, то новогодие приходилось на *осеннее равноденствие* (*89* суток – астрономический период от осеннего равноденствия до зимнего солнцестояния);

2 – считывались *21* знак верхней строчки и *9* знаков правого блока нижней строчки (*включая характерный, косо ориентированный* знак *в*). Однако в первом случае знак *в* учитывался, а в очередном нет. В результате получим два близких длительности *синодического месяца* периода, общее количество суток в которых составит число продолжительности *двух синодических месяцев*:

(30 + 29) = 59 ≈ 59,0612 сут.

Шестикратный повтор отсчета 59 сут. выводил на рубеж окончания *лунного года*:

59 сут. × 6 = 354 ≈ 354,367 сут.

Выравнивание с временем *солнечным* производилось так: после счисления *двух лунных лет* установленным порядком, в счетную систему вводился тот же *интеркалярий* – все *24* знака верхней строчки. В итоге снова получим выход на рубеж окончания *солнечного двухлетия*:

(354 сут. × 2) + 24 сут. = 732 сут.;

732 сут. : 365,242 сут. = 2,0041 ≈ 2 *солн. года*;

3 – считывались *21* знак верхней строчки и *16* знаков нижней строчки (*до двух знаков, образующих характерную фигуру – рогульку*; см. на рис. 1 число *37* и литеру *г*).

Девятикратный проход по записи *37* ($1^1/_4$ *синодического* месяца) с *интеркаляцией* в заключение *21* знака верхней строчки выведет на рубеж окончания *лунного года*:

(37 сут. × 9) + 21 сут. = 354 ≈ 354,367 сут.

Выравнивание с временем *солнечным* производилось как в первом и втором вариантах счисления.

Краткие итоги поиска. Древнейший образец искусства начала культуры верхнего палеолита юга Европы информационно связан со стремлением ранних *Homo sapiens* запечатлеть знаками познанные ими ритмы смещения в пространстве Луны и Солнца, которые он использовал для отслеживания течения времени. Это обстоятельство и есть истинный ключ к решению проблемы «происхождения искусства» и к разъяснению обстоятельств зарождения «художественного творчест-

ва», что, надеюсь, исключит далее стремление использовать разного рода субъективные «придумки» по части «происхождения искусства». О том же свидетельствуют аналогичные находки в Сибири – Денисова пещера на Алтае, Малая Сыя в Хакасии и Переселенческий пункт в Прибайкалье.

Список литературы

Ларичев В.Е. Воплощения Времени (к проблеме информационных традиций в первобытном искусстве) // История и археология Дальнего Востока: Юбилейное издание, посвященное семидесятилетию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2000. – С. 25–40.

Crémades M., Laville H., Sirakov N., Kozlowski J.K. Une pierre Gravée de 50 000 ans b. p. dans Les Balkans // Paleo. – 1995. – Decembre (№ 7). – P. 201–209.

Kozlowski J.K., Laville H., Ginter B. Temnata Cave. Excavations in Karlukovo karst area, Bulgaria. – Krakow: Jagellon University Press, 1992. – Vol. 1. – 501 p.

Kozlowski J.K., Laville H., Ginter B. Temnata Cave. Excavations in Karlukovo karst area, Bulgaria. – Krakow: Jagellon University Press, 1994. – Vol. 1/2. – 335 p.

Marshack A. Lunar Notation on Upper Palaeolithic Remains // Science. – 1964. – N 3645. – P. 743–745.

Vertes L. «Lunar Calendar» from the Hungarian Upper Palaeolithic // Science. – 1965. – N 3686. – P. 855–856.

В.Е. Медведев, В.А. Краминцев, А.В. Малявин

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ НА РЕКЕ КИЕ В 2010 ГОДУ

Во второй половине 60-х гг. прошлого века сначала из газетных, а затем научных изданий стало известно о древних наскальных рисунках на р. Кие в местности «Чёртово Плёсо» [Яхонтов, 1966; Окладников, 1968]. В результате изучения установлено, что часть изображений уничтожена в наше время, из сохранившихся тринадцати рисунков большинство представлено масками-личинами, есть также фигуры птиц, животных (лося). Все они выполнены выбивкой, лишь одно изображение лодки с семью штрихами – «гребцами» – красной краской. Открытие Киинской группы наскальных рисунков А.П. Окладников назвал одним из важных событий в изучении древнего искусства Приамурья, датировав её, в целом, эпохой неолита [1971, с. 14, 60–62, 132].

Киинские писаницы (петроглифы) сюжетно-стилистически полностью соответствуют хорошо известным аналогичным памятникам амуро-уссурийского ареала, изученным ранее в районе сел Сакачи-Алян и Шереметьево. Рассматриваемый памятник, в отличие от названных выше, расположен в стороне от долин Амура и Уссури, что дает основание предполагать о более широком занимаемом писаницами географическом пространстве. Правда подтвердить данный тезис пока трудно: за истекшие десятилетия после выявления петроглифов на р. Кие новых наскальных рисунков в регионе не зафиксировано.

В ходе предварительного обследования 40-летней давности местности в окрестностях Киинских петроглифов были отмечены отдельные западины – следы бывших жилищ неопределенной хронологической принадлежности. Неподалеку от рисунков на скалах в дорожных промоинах также были обнаружены довольно архаичные каменные изделия, изготовленные преимущественно из галек, относящиеся, скорее всего, к осиповской культуре начального неолита.

В полевом сезоне 2010 г. перед Амуро-Уссурийском отрядом Северо-азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН стояла задача обследовать Киинские петроглифы на предмет степени их сохранности; выявить в прилегающей к ним местности жилищные комплексы с определением их территориально-хронологических границ и возможной увязкой с соседними наскальными рисунками.

Киинские петроглифы расположены в 9 км к востоку от пос. Переяславка и в 6 км к СЗ от пос. Георгиевка на языковидном цокольном массиве пра-

вого берега р. Кия (Хабаровский край, р-н им. Лазо) (см. *рисунок*). Топографическая ситуация обусловлена существованием в данном месте длинного и сравнительно узкого отрога, примыкающего с ЮЗ к пологой куполообразной сопке. Юго-восточный край отрога с древности подвержен речной эрозии, образовавшей ровную линию выходов скального цоколя протяженностью 180 м. Верхняя по течению реки часть скал имеет отвесные плоскости с названными выше петроглифами, которые, к слову, в последние 30 – 40 лет не подвергались разрушению. Подошва обнажения перекрыта валунно-глыбовым материалом шириной 12 – 20 м. Северо-западный край отрога представляет собой крутосклонную бровку широкого заболоченного распадка – очевидно, палео-протоки или палео-залива – со следами эрозионных нарушений. Ширина отрога по линии СЗ – ЮВ составляет около 100 – 120 м, поверхность наклонная с понижением к ЮЗ (к долине поймы) от 18 до 3 – 4 м. Верхняя кромка скальных обнажений маркируется отметками 9 – 12 м.

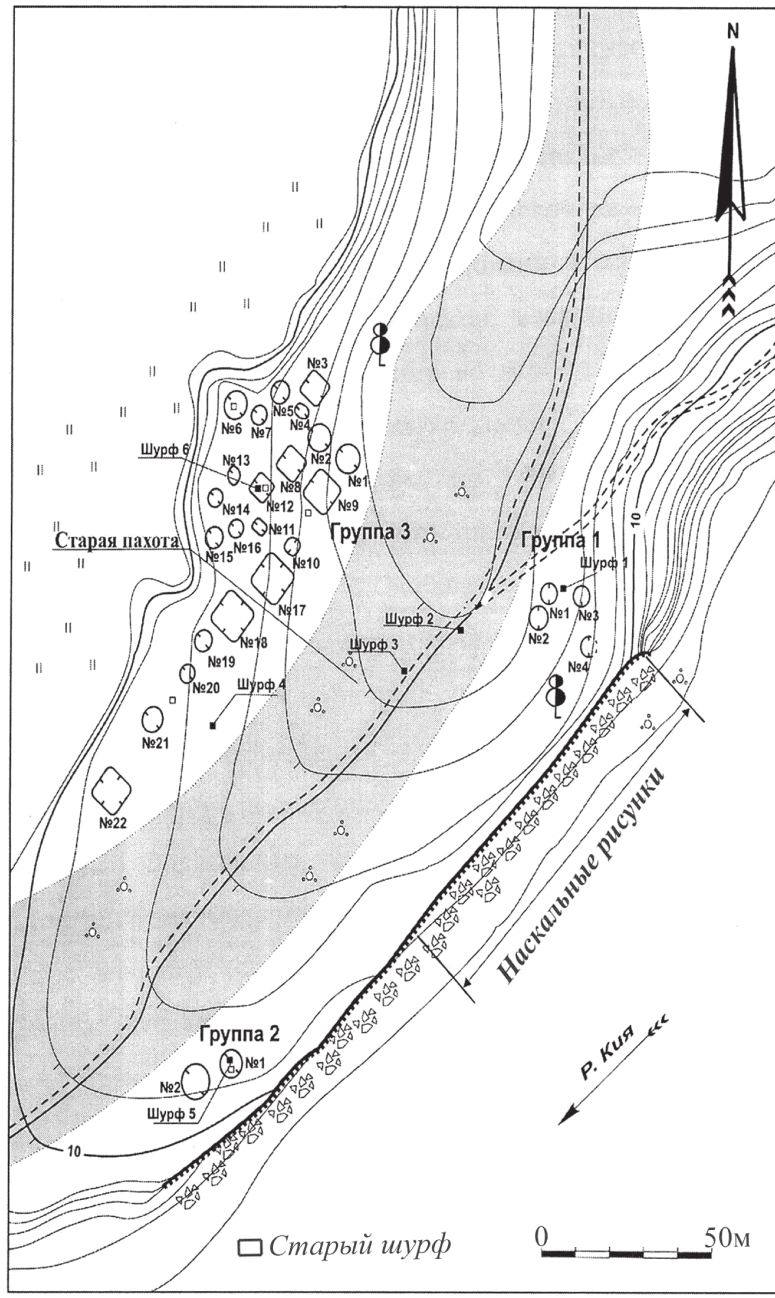
Рыхлые отложения памятника, хорошо наблюдаемые в полотне грунтовой дороги связаны, в первую очередь, с элювиальной переработкой кровли подстилающих скальных пород, осложнены склоновыми процессами, приводящими к формированию шлейфа выравнивания, и представлены главным образом суглинками охристых оттенков с редкими включениями обломочного материала. В центральной части гребня наблюдаются следы старых распашек, с которыми связаны легкие гумусированные супеси серого цвета. Поверхность гребня покрыта редколесьем и густым кустарником, на периферия, не затронутых старыми пашнями – монгольским дубом с подлеском из леспедецы.

На памятнике выявлены три группы жилищных ям-западин различных по размерам и конфигурации.

Группа 1 приурочена к восточной части памятника. В ней отмечены 4 чашевидных западины, компактно расположенных у края береговой террасы непосредственно над наскальными рисунками в верхней по течению части цокольных выходов, на высоте от 13 до 15 м над урезом воды. Западины округлые, 5 – 6 м в диаметре, при глубине 30 – 40 см. Особняком стоит западина №4, «врезанная» тыловой частью в склон и имеющая глубину 15 – 20 см.

Группа 2 расположена в 125 м к ЮЗ от первой группы, над нижней по течению оконечностью скальных обнажений на высоте 11 м над урезом воды. Включает в себя две округлые чашевидные западины с сильно оплывшими контурами. Диаметры 6 и 8 м, при глубине 40 – 50 и 30 – 40 см соответственно.

Группа 3 – наиболее многочисленная (22 объекта), занимает западно-северо-западную часть памятника, протянувшись клинообразной полосой вдоль края террасы палео-протоки (палео-залива), на высоте 11 – 15 м над урезом р. Кия и на высоте 3 – 7м над заболоченным ложем низины. Западины удалены от первых двух групп аналогичных жилищных сле-



Ситуационный план памятников на р. Кие.

дов на 65 м. Планиграфия выявляет два различных типа западин, дислоцирующихся без видимого взаимного соответствия и, очевидно, взаимоналоженных.

1. Крупные подквадратные углубления с отчетливым трапециевидным профилем (7 шт.) и общей ориентацией по линии СЗ – ЮВ (в сторону бровки террасы). Три из них, несколько меньших размеров (6 – 7 м в поперечнике, глубиной 40 – 80 см), приурочены к северо-восточной оконечности группы западин; четыре остальные, крупнее (9 – 11 м в поперечнике, глубиной 50 – 90 см), выстроены в разреженный ряд параллельно бровке террасы. У данных объектов прослеживается очень низкий (не боле 15 – 20 см) вал круговой обсыпки.

2. Округлые чашевидные западины размерами 5 – 6 м в диаметре при средних глубинах 25 – 30 см, имеющие сильно оплывший, часто трудно узнаваемый контур. Расположены без видимого порядка между квадратными котлованами, большей частью тяготея к маленькому эрозионному выступу-мыску.

Таким образом, в общей сложности выявлено 28 жилищных западин. Планиграфическая ситуация свидетельствует, очевидно, не менее чем о двух хронологических этапах заселения памятника. Округлые западины предварительно можно связать с эпохой неолита, что подтверждается наблюдениями над планиграфией на ряде других древних поселений Приамурья. Что касается квадратных западин, то они относятся, скорее всего, ко времени не древнее палеометалла – раннего средневековья и, возможно, даже нашего военного времени (середина XX в.).

Можно также предположить, что вся центральная часть памятника была подвергнута разравниванию в результате распашки, и наблюдаемые ныне три группы западин представляют собой лишь уцелевшие периферии одного крупного поселения, занимавшего большую часть поверхности языковидного гребня. Логично было бы в этом случае связать один из ключевых памятников амурской петроглифики на р. Кие с масштабным поселением, существовавшим здесь же.

В шести заложенных шурфах (общая площадь около 10 м^2) на территории разновременного и разнокультурного поселения материал практически отсутствовал. Найдены лишь обломок каменного рубящего орудия и фрагмент керамики раннего железного века (шурф 2). Среди подъемного материала – черепки малышевской неолитической культуры. Эти данные подтверждают неолитическую принадлежность почти всех рисунков. За исключением одного, выполненного краской, видимо, в эпоху раннего металла.

Геоморфологическая картина (рельеф, топография, сравнительно хорошая сохранность рыхлых толщ, высоты над уровнем реки) позволяют надеяться на обнаружение на поселении или рядом с ним древнего горизонта, осиповского или более раннего, предпосылкой которого можно считать отмеченные прежде каменные артефакты.

Если не иметь в виду пахоту, затронувшую кровлю отложений и, возможно, уничтожившую внешний рельеф части поселения, то разрушения культурного слоя носят локальный характер и связаны, в первую очередь, с полотном грунтовой дороги, размываемым во время влажных сезонов. Следует также упомянуть, что на памятнике зарегистрированы следы старых неидентифицированных шурфов размерами 1×1 и 1×2 м.

Список литературы

Окладников А.П. Из предыстории искусства амурских народов: (Петроглифы на р. Кия, Уссури) // СА. – 1968. – № 4. – С. 46–57.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 335 с.

Яхонтов В.Я. Я посетил знакомые места // Тихоокеанская звезда. – 1966. – 28 окт.

Н.А. Рудая

ПАЛИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЛОЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЧАГЫРСКАЯ ПЕЩЕРА (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ)*

Стоянка Чагырская пещера (51º26′34.6″ с.ш., 83º09′18.0″ в.д.) расположена на левом берегу р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирецкого хребта, в северо-западной части Российского Алтая (Краснощековский район, Алтайский край). Впервые археологические и палеоэкологические исследования были начаты на стоянке в 2008 г. под руководством д.и.н. С.В. Маркина (ИАЭТ СО РАН).

Важнейшее значение стоянки Чагырская пещера состоит в том, что в ней обнаружены аналогичные пещере Окладникова археологические материалы, что открывает новые перспективы в изучении среднего палеолита Алтая [Деревянко и др., 2009].

Строение субтерральной толщи пещеры раскопа 2009 г. включает семь литологических образований, среди которых выделяются голоценовые (слои 1,2 и 3) и плейстоценовые осадки (слои 5-7). В настоящее время получена дата из слоя 4 раскопа 2008 г., которая составила 3249 ± 78 кал. л.н. (3040±55 C^{14} л.н., СОАН-7682).

На палинологический анализ из отложений Чагырской пещеры в 2008-2009 гг. были отобраны 103 образца с интервалом 5-20 см из всех слоев, включая культурные. В 2010 г. проведен палинологический анализ образцов разреза 2009 г. (всего 42 образца). Образцы были химически обработаны с применением усовершенствованных стандартных методик [Гричук, Заклинская, 1948; Faegri and Iversen, 1989] в палинологической лаборатории Института археологии и этнографии СО РАН. Для подсчета концентрации пыльцевых зерен и спор использовались таблетки спор *Lycopodium*. Подсчет пыльцевых зерен и спор проводился с помощью светового микроскопа Zeiss AxioImager D2 с увеличением ×400. Для определения таксономической принадлежности пыльцы и спор применялись определители и атласы [Куприянова, Алешина, 1972, 1978; Reille, 1992, 1995, 1998]. Образцы, приготовленные для спорово-пыльцевого анализа, также были использованы для подсчета угольков, устьиц хвойных и других непыльцевых палиноморф. Результаты палинологического анализа отражены в спорово-пыльцевых диаграммах, построенных с применением программ Tilia-TiliaGraph [Grimm, 1991, рис. 1–3].

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 08-05-00773-а) и интеграционного проекта СО РАН (№ 120).

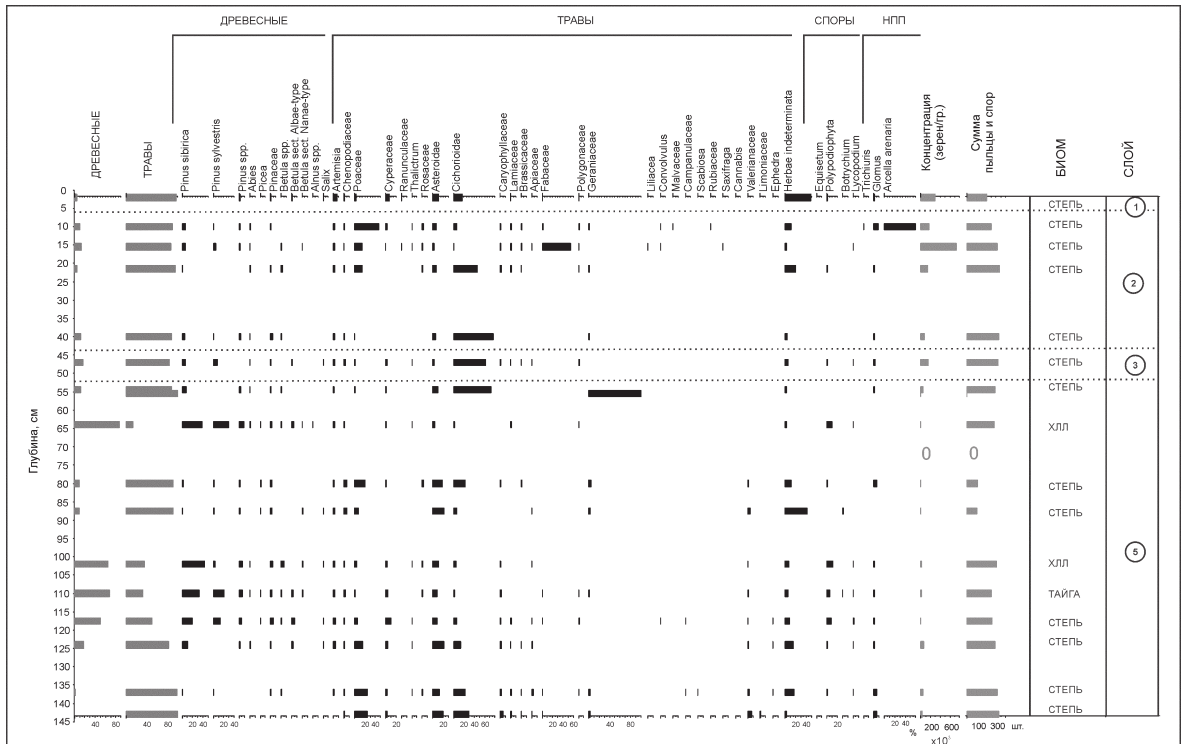


Рис. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений Чагырской пещеры (2009) для слоев 1, 2, 3 и 5 (квадраты Л8 и Н8).

Статистически обработанные данные спорово-пыльцевого анализа стали основой при построении таксонно-биомной матрицы для использования метода биомизации [Prentice et al., 1996]. Биомы (формации, типы растительности) являются наивысшей категорией при классификации растительности и представляют собой совокупности сообществ с господством одной жизненной формы (тундра, тайга, степь, широколиственные листопадные леса, пустыни и т.д.). Результат реконструкции выражается количественно в виде веса каждого биома в определенном спектре. Определяющим биомом будет тот, который имеет наибольший вес.

В целом спорово-пыльцевая запись позволила выявить несколько палинологических комплексов, соответствующих различным геологическим слоям.

Слой 1. Доминируют травянистые палинотаксоны с заметным участием полыней (*Artemisia*), сложноцветных (Asteroideae, Cichorioideae) и злаков (Poaceae). Доминирующий тип растительности, характерный для времени накопления слоя – степи, по составу палинологических спектров соответствующие современным (рис. 1).

Слой 2. Доминируют травянистые палинотаксоны с участием *Artemisia*, Asteroideae, Cichorioideae и Poaceae. По сравнению со слоем 1 повышает-

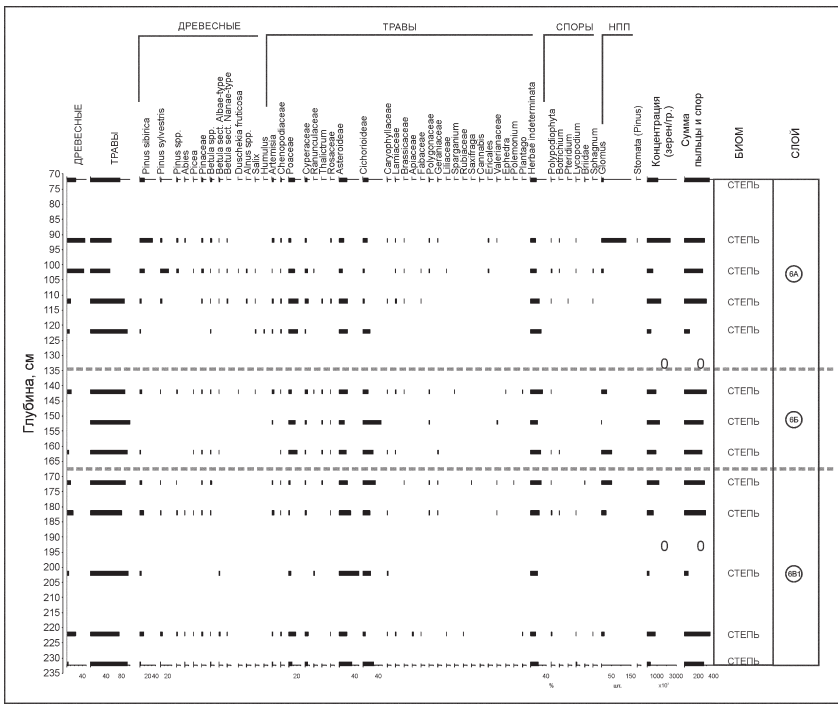


Рис. 2. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений Чагырской пещеры (2009) для слоев 6А, 6Б, 6В1 (квадрат М8).

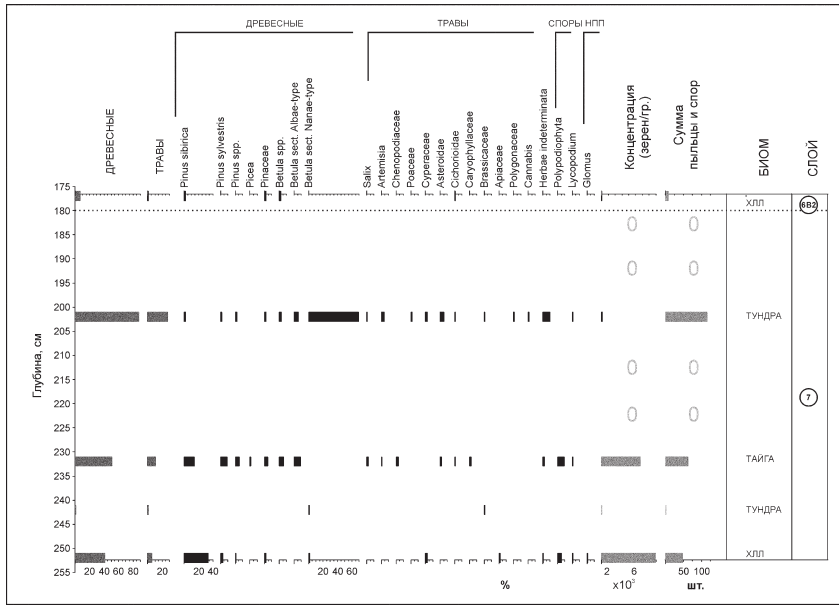


Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма отложений Чагырской пещеры (2009) для слоев 6В2 и 7 (квадраты Л8 и М8).

ся доля пыльцы Cichorioideae и разнотравья. Причиной увеличения доли пыльцы Cichorioideae – подсемейства сложноцветных, содержащего многочисленные сорняки, может быть хозяйственная деятельность человека, обитавшего в пещере. Палинологическая проба с глубины 10 см (квадрат Л8) показывает высокую концентрацию остатков раковинной амебы *Arcella arenaria* var. ***compressa*** (определение А.А. Боброва, МГУ), космополитного вида, обитающего в моховых подушках или влажной лесной подстилке. В этой же пробе единично встречена яйцевая оболочка круглого червя власоглава *Trichuris sp.*, являющегося паразитом толстой кишки человека. Доминирующий тип биома слоя 2 также степной (рис. 1).

Слой 3. Доминируют травянистые палинотаксоны с участием Asteroideae, Cichorioideae и разнотравья. Увеличивается процент пыльцы сосны сибирской и сосны обыкновенной, папоротников. В целом реконструируется степные сообщества, хотя в растительном покрове региона увеличивается влияние и лесной компоненты (рис. 1).

Слой 4. Отсутствует в раскопе 2009 г.

Слой 5. В отличие от трех вышележащих слоев слой 5 характеризуется повышенным участием в спектрах древесной пыльцы и чередованием степной и лесной растительности (таежные ценозы и холодные листопадные леса) в окрестностях пещеры. В верхней части слоя значительна доля пыльцы хвойных (сосны сибирской *Pinus sibirica*, сосны обыкновенной *P. sylvestris*, пихты *Abies*, ели *Picea*). Резко снижается доля пыльцы сложноц-

ветных, как Asteroideae, так и Cichorioideae. В нижней части слоя доля пыльцы хвойных уменьшается и доминирует пыльца разнотравья (рис. 1).

Слой 6А. В целом в слое доминируют пыльцы травянистых растений (Poaceae, Asteroideae, Cichorioideae) и реконструируются степные сообщества. В верхней половине еще значительно участие пыльцы хвойных (рис. 2).

Слои 6Б и 6В1. Абсолютно доминируют пыльцы травянистых растений, увеличивается доля Cichorioideae. Степные ценозы (рис. 2).

Слой 6В2. До 80% в единственной пробе из этого слоя доходит пыльца древесных таксонов, представленных в основном сосновыми. Увеличивается доля *Betula* spp., что может указывать на развитие «колочного» белолесья в нижних горных поясах и/или ерников в верхних поясах. Методом биомизации для слоя реконструированы холодные листопадные леса (рис. 3).

Слой 7. Для слоя характерна низкая концентрация пыльцы и спор, многие пробы «пустые». Среди слоев раскопа Чагырская пещера этот слой самый холодный. Из четырех проб, концентрация пыльцы в которых позволила насчитать статистически значимое количество зерен, для двух реконструируются тундровые условия. Две другие пробы показали существование холодных листопадных лесов и бореальных таежных сообществ в регионе (рис. 3).

Список литературы

Гричук В.П., Заклинская Е.Д. Анализ ископаемых пыльцы и спор и его применение в палеогеографии. – М.: ОГИЗ: Географгиз, 1948. – 223 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С. Чагырская пещера: исследования в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 129–133.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 171 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры Европейской части СССР. Lamiaceae≈Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis: 4th / eds. K. Faegri, P.E. Kaland, K. Krzywinski. – Chichester: John Wiley & Sons, 1989. – 328 p.

Grimm E. TILIA and TILIAGRAPH. – Springfield: Illinois State Museum, 1991. – 56 p.

Prentice I.C., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – [Vol. 12]. – P. 185–194.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: URA CNRS, 1992. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: URA CNRS, 1995. – Suppl. 1. – 520 p.

Reille M. Pollen et spores d'Europe et d'Afrique du nord. – Marseille: URA CNRS, 1998. – Suppl. 2. – 530 p.

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

С.В. Алкин, В.В. Нестеренко

РАБОТЫ НА УСТЬ-ЧЁРНИНСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2010 ГОДУ

В полевой сезон 2010 г. Благовещенский отряд ИАЭТ СО РАН и сотрудники Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова продолжили изучение группы раннесредневековых городищ в среднем течении реки Шилки.

В качестве объекта исследования выбрано самое крупное на Усть-Чёрнинском городище жилище, которому на плане памятника соответствовала западина №76. Над ней был заложен раскоп площадью 80 м^2. В результате раскопок зафиксирована сложная полуземляночная конструкция размерами ок. 5,6×6 м с глубиной котлована ок. 0,3 м (рис. 1). В своей основе архитектура третьего из изученных на памятнике жилищ не отличается от раскопанных ранее [Алкин, Нестеренко, Васильев, Колосов, 2007; Алкин, Нестеренко, Колосов, Мороз, 2008]. Обнаружены остатки рухнувшей кровли и несущих конструкций, которые вместе с четырьмя столбовыми ямками по углам котлована позволяют реконструировать общий облик жилища. Обустройство стенок котлована с обвязкой из жердей в несколько уровней и использование бересты для гидроизоляции углов также является обычным приёмом, широко использовавшимся в Приамурье на поселениях эпохи раннего средневековья. Однако в отличие от жилищ в западинах 61 и 62 нары размещались по трём сторонам котлована. С четвёртой – южной стороны располагался вход.

К северо-востоку от центра жилища было обнаружено теплотехническое сооружение, которое определено нами как печная конструкция. Печной под выполнен в виде углубленного в материк узкого желоба глубиной до 15 см, который вытянут по линии СЗ–ЮВ. Его длина – 1,9 м, а ширина изменяется на протяжении от предполагаемого устья к задней стенке: 40, 70, 60 см. На его поверхности частично сохранился тонкий (1,5–2,0 см) слой глиняной обмазки, спёкшейся в твёрдую корку темно-серого цвета. Края ямы окантованы тонкими деревянными плашками, фрагменты которых сохранились по обеим продольным и задней стенкам. Можно предположить, что над очажной камерой имелся свод, остатки которого в виде развала фрагментов обмазки (глина, замешанная с травой с отпечатками деревянного каркаса печи) выявлены при разборке слоя непосредственно над подом печи и возле неё. В заполнении камеры печи собраны кусочки угля, а в СЗ конце обнаружен довольно крупный фрагмент, который может быть остатками

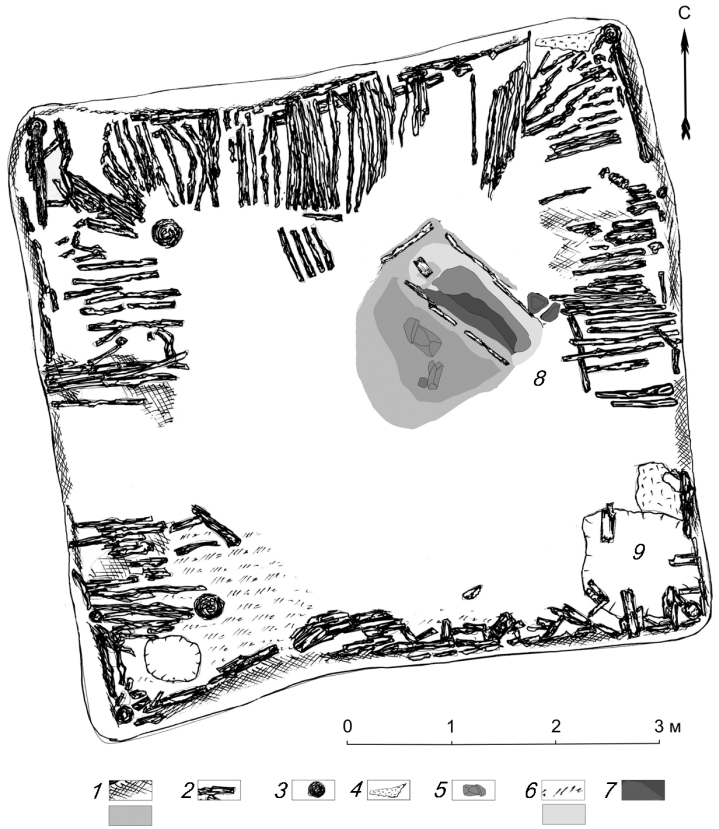


Рис. 1. Городище у с. Усть-Чёрная. План западины № 76 на уровне пола жилища. *1* – пятно прокала; *2* – дерево; *3* – столбовая ямка; *4* – береста; *5* – каменная плитка; *6* – дресва; *7* – глиняная обмазка; *8* – теплотехнические сооружения; *9* – яма хозяйственного назначения.

столбика, обеспечивавшего жёсткость конструкции перекрытия печной камеры либо бывшего частью конструкции дымохода. Топочная камера, вероятнее всего, располагалась в южном конце, открытом к входу в жилище. Ни в заполнении конструкции, ни в непосредственной близости от неё не было обнаружено находок, которые уверенно указывали бы на использование её в качестве гончарного или металлургического устройства.

К медиальной части прямоугольной печи прилегала овальная в плане яма (до 1 м по длинной оси) с отвесными стенками и ровным дном глубиной до 20 см. В ее заполнении обнаружены остатки некой каменной конструкции из крупного плитчатого материала.

Теплотехнические устройства жилища №76 мы предварительно определяем как систему из печи со сводом и дополнительного открытого углублённого очага. Печь использовалась на протяжении всего периода функциони-

рования жилища преимущественно для обогрева помещения и, возможно, для приготовления пищи. Это не противоречит интерпретации полуземляночных жилищ как зимних. Судя по количеству фрагментов обмазки, объёму прокалённой до интенсивно-оранжевого цвета почвы над подом усть-чёрнинская печь была массивна и потому могла долго сохранять тепло. Располагаясь практически в центре жилого пространства, она равномерно нагревала помещение. Топиться печь могла «по-чёрному». Однако, имея в виду выявленные конструктивные особенности и существующие на Дальнем Востоке средневековые археологические и этнографические параллели, нельзя исключать, что обнаруженное устройство имело дымоход в виде надочажной трубной конструкции, выводящей дым и печные газы через отверстие в кровле жилища. В пользу этого предположения свидетельствует мощный развал глиняной обмазки и прокал, которые фиксировались на данном участке уже на уровне остатков кровли. Дополнительный очаг мог использоваться для приготовления пищи, что также подтверждается этнографическими параллелями [Серошевский, 1993, с. 342; Деревянко, 1975, с. 161-162; Артемьева, 1998, с. 78]. В то же время особенности его заполнения (основной бурый слой и сам прокал залегали под прослойкой желтого песка, характерного для уровня пола) могут свидетельствовать и о том, что этот объект составлял единое сооружение с печью. Тогда он может быть интерпретирован как горизонтальный теплопроводной канал. Подобные конструкции характерны для горнов [Бобринский, 1991, с. 95-97]. Таким образом, определение функции открытого очага и его взаимосвязи с печью потребует дополнительных исследований на основе дальнейшего детального анализа полученных материалов, а также поиска аналогий и этнографических параллелей.

Необходимо отметить, что в дальневосточной археологической литературе имеется достаточно много в разной степени подробных данных о печах гончарного назначения или предназначенных для металлургического производства. На Усть-Чёрнинском городище ранее также была обнаружена одна плавильная конструкция [Алкин, Нестеренко, Колосов, Мороз, 2008, с. 120]. Но находки печей как особого типа отопительной системы для эпохи раннего средневековья чрезвычайно редки на Дальнем Востоке, а в Забайкалье такое устройство встречено впервые. Ближайшая аналогия известна с мохэского поселения на р. Грязнушке (приток р. Амур) в Амурской области, где в одном из жилищ наряду с обычными блюдцевидными очажными углублениями была обнаружена печная конструкция. Она находилась в центре жилища с небольшим смещением к одной из стенок. До расчистки был зафиксирован развал прокаленной докрасна земли вперемешку с золой и углем мощностью около 30 см. Под печи выполнен в виде корытообразной ямы глубиной до 15 см. Имелась обкладка из деревянных плах и конструкция из вертикальных жердей, которая была интерпретирована исследовательницей как труба чувала [Деревянко, 1975, с. 30–31, рис. 3].

Одно из наиболее подробных описаний печных отопительных конструкций относится к Шайгинскому городищу. Там наряду с обычной для чжурчжэней отопительной системы типа кан была найдена единственная печь с трубой дымохода, которая соединялась с топкой посредством дымоходного канала длиной около 1 м [Артемьева, 1998, с. 78-79, рис. 34].

Дальнейшее изучение морфологических особенностей уникального теплотехнического устройства, особенностей его стратиграфии и планиграфии в рамках жилого пространства, надеемся, позволит реконструировать его внешний вид, а также принципы использования. В комплексе с дополнительным кухонным очагом печь, очевидно, служила хозяйственно-функциональным и социально-бытовым центром жилища.

Как и в других жилищах Усть-Чёрнинского городища находок на полу котлована было собрано немного, а зона их концентрации приурочена к пространству под нарами. Среди них фрагменты керамики, костяные наконечники стрел, фрагменты железных изделий, альчики (но не так много, как это было в других жилищах). Остеологическая коллекция представлена целыми и фрагментированными экземплярами, среди которых предварительно определено наличие костей свиньи, лошади и соболя. Впервые встречена целая раковина двустворчатого речного моллюска.

В ходе полевого сезона 2010 г. было продолжено изучение окрестностей городища. Два ***погребения*** с плоскими каменными кладками обнаружены на левом берегу реки Чёрная примерно в 300 м юго-западнее укреплённого поселения. Кладки расположены в непосредственной близости друг от друга на склоне с юго-восточной экспозицией. Поверхность их была сильно задернована.

Погребение №1 расположено на склоне возвышенности с высотной отметкой 8 м над уровнем реки (рис. 2, *1*). Надмогильное сооружение представлено оплывшей по склону плотной однорядной каменной кладкой из речной гальки и камня скальной породы. В плане имеет форму вытянутого по линии ЮЗ – СВ овала размером 2 х 3 м. В центральной части наблюдается небольшое понижение. В нижней по склону части кладки, у опорных камней обнаружены два лошадиных зуба. Могильное пятно овальной в плане формы вытянутое по линии ЮЗ – СВ, размером 0,9 х 1 м проявилось на глубине 0,4 м от дневной поверхности. По его периметру наблюдалась линия прокалённой почвы шириной 3-4 см. Заполнение ямы представлено в виде темно-серого суглинка с вкраплениями прокалённой почвы, кусочков охры (?), обломков речной гальки и скальной породы.

На глубине 0,8 м от поверхности обнаружен костяк ребёнка 8-10 лет. Погребённый был уложен на правый бок с подогнутыми в коленях ногами. Ориентирован головой на северо-восток, лицом на запад в сторону реки. Руки слегка согнуты в локтевых суставах, левая кисть уложена напротив области таза, правая кисть отсутствует. Погребальный инвентарь представлен в виде двух фрагментов железной ременной пряжки (?) в области таза.

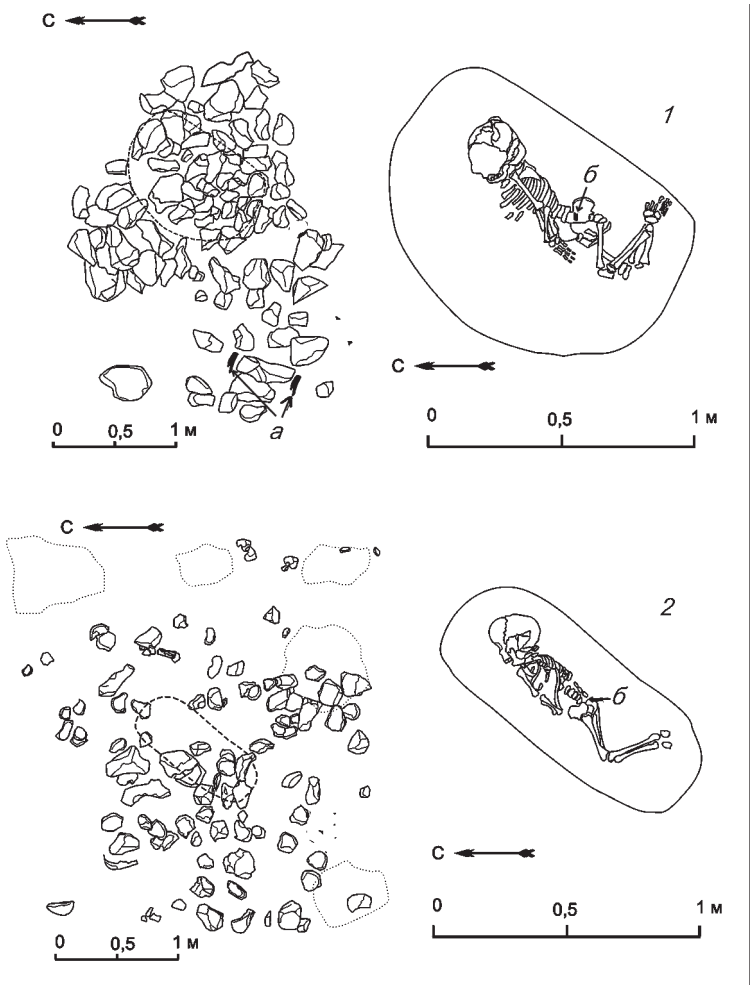


Рис. 2. Погребения с плоской каменной кладкой.
а – зуб лошади; *б* – фрагменты железных изделий.

Череп раздавлен. Кроме того, имеются следы, возможно прижизненных, механических повреждений на правой теменной и височной костях, краевые сломы у трёх первых позвонков.

Погребение №2 располагалось на самой высокой точке возвышенности (12 м над уровнем реки) в 30 м восточнее погребения №1 (рис. 2, *2*). Надмогильная конструкция представлена однорядной каменной кладкой в форме овала размером 3 х 3,5 м, вытянутой по линии ЮЗ – СВ. Особенностью является использование в качестве материала кладки речной гальки, в т.ч. фрагментированной и со следами вторичной обработки. На поверхности

отдельных галек имеются следы воздействия огня. На глубине 0,4 м обнаружено могильное пятно овальной в плане формы, вытянутое по линии ЮЗ – СВ, размером 0,5 х 1 м. Заполнение могильной ямы представлено серовато-коричневой супесью с включениями кусочков прокалённой почвы. На глубине 0,65 м находился костяк ребенка 5-7 лет. Положение тела погребённого аналогично первому погребению. Руки слегка согнуты в локтевом суставе, скрещенные в области пояса, ноги согнуты в коленях. Кости кистей рук и стоп отсутствуют. На черепной коробке обнаружены пролом поперек центрального шва и следы механического повреждения теменной кости. Погребальный инвентарь представлен мелкими фрагментами железного предмета в области тазовых костей.

Особенностью этого погребения является то, что на уровне залегания камней кладки в поддерновом слое (темно-серая супесь, мощностью 4-6 см) было обнаружен комплекс артефактов: большое количество халцедоновых и яшмовых отщепов и чешуек, фрагменты костяного материала и неорнаментированной керамики, а так же мелкие кусочки шлака и выплески медного сплава. Орудийный набор представлен ретушированными каменными изделиями (скребки, провёртки, наконечники стрел). По всей видимости, погребение было сооружено на месте более древней производственной рабочей площадки.

Восточнозабайкальские скорченные погребения обычно связывают с местным средневековым населением [Ковычев, 1984, с. 31]. Скорченное положение костяка на боку, ориентация головы и каменная кладка вновь обнаруженных усть-чёрнинских погребений имеют аналогии в т.н. дарасунской культуре, где этот обряд выделен в отдельный вариант [Кириллов И.И., Ковычев, Кириллов О.И., 2000, с. 64, 68-69]. Ситуацию затрудняет и то, что обнаружены детские захоронения, которые, как известно, обладают специфическими особенностями погребального обряда. Поэтому в настоящее время отождествление скорченных погребений с конкретными археологическими культурами или этнокультурными сообществами не представляется возможным. Время их сооружения предполагается в промежутке от второй половины до конца I тыс. н.э., т.е. они могут предшествовать или быть синхронны Усть-Чёрнинскому городищу.

Первичное определение костных остатков выполнил Д.П. Иванов (врач-рентгенолог ГУЗ “Краевая клиническая больница”, г. Чита).

Авторы благодарят за консультации по анализу остатков теплотехнических конструкций аспирантку ИАЭТ СО РАН М.С. Нестерову.

Список литературы

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Васильев С.Г., Колосов В.К. Исследования на городище Усть-Чёрная в Сретенском районе Читинской области // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 168-172.

Алкин С. В., Нестеренко В. В., Колосов В. К., Мороз П. В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 116–121.

Артемьева Н.Г. Домостроительство чжурчженей Приморья (XII–XIII вв.). – Владивосток: Дальпресс, 1998. – 303 с.

Бобринский А.А. Гончарные мастерские и горны Восточной Европы (по материалам II–V вв. н.э.). – М.: Наука, 1991. – 215 с.

Деревянко Е.И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 251 с.

Ковычев Е.В. История Забайкалья (I – середина II тыс. н.э.): Учеб. пособие. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ин-т, 1984. – 83 с.

Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 176 с.

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.

И.М. Бердников, Н.Е. Бердникова, Н.А. Батракова

РАСКОПКИ У КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В ИРКУТСКЕ

В сентябре 2010 г. в зоне нового строительства проведены спасательные работы на территории, прилегающей к церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в г. Иркутске.

Строительство первой деревянной Крестовоздвиженской церкви начато в 1717 г. В 1719 г. здание было готово, и в мае того же года (по другим данным в мае 1720 г.) освящено тобольским митрополитом Филофеем Лещинским [Калинина, 2000, с. 112-113]. В 1747 - 1760 гг. возведено каменное здания храма. Деревянная церковь и первоначально каменная именовалась Троице-Сергиевой, но затем была переименована в Крестовоздвиженскую [Там же].

В России в XVII-XVIII вв. традиционно у стен практически каждого городского храма, имеющего свой притч и приход, располагались кладбища. Не является исключением и Крестовоздвиженская церковь - рядом с ней существовало приходское кладбище. В 1771 г. в связи с участившимися случаями эпидемий был издан сенатский указ, который запрещал проводить захоронения в городской черте и обязывал городские власти организовывать общегородские кладбища за городом [Полное…, 1830]. В Иркутске также было принято решение о создании общего кладбища, и место под него отвели на горе Крестовой (позднее названа Иерусалимской), у подножия которой находится Крестовоздвиженская церковь. С конца XVIII в и вплоть до начала XX в. на этой горе функционировало городское кладбище, ныне частично уничтоженное в процессе застройки этой территории в XIX и XX вв.

Обследованный участок находится на правом берегу р. Ангары на выположенном склоне Ангаро-Ушаковского водораздела, который маркируется резко выраженным уступом [Воробьева, Бердникова, 2003]. В его прибровочной части и расположена территория исследований. Абсолютные высоты этой поверхности составляют 446-448 м, относительные отметки – 20-22 м от уреза р. Ангары.

Общая площадь раскопа составила 432 м^2. В результате работ обнаружено 207 погребений. Порядок в расположении могил не прослеживается, ряды отсутствуют, однако выделяются участки, где в одной могильной яме находятся несколько захоронений. Часто детские погребения располагаются над взрослыми. Похожая ситуация зафиксирована нами при

раскопках некрополей у Спасской и Владимирской церквей [Бердников, 2009; Бердников, Бердникова, 2008; Бердникова, Бердников, Батракова, 2009]. Такие участки, которые предположительно являются семейными (родовыми), - распространенное явление для православных некрополей этого периода в Сибири. При раскопках некрополя Илимского острога, кроме рядов могил, зафиксированы такие же участки [Молодин, 2007, с. 30]. Ориентация захоронений традиционна для православной погребальной практики: преимущественно по оси З-В (головой на запад) порой с существенными отклонениями к югу или северу. В нескольких случаях достоверно зафиксированы случаи разрушения ранних могил при сооружении новых.

Внутримогильные конструкции представлены дощатыми гробами-ящиками, сколоченными гвоздями, долбленые колоды практически не встречаются. Наибольший интерес представляют три захоронения в кирпичных гробницах трапециевидной формы (погр. №№ 67, 68, 115). Конструктивно они отличаются от гробницы, обнаруженной нами при раскопках Спасского некрополя [Бердников, 2009]. Деревянные гробы укладывались в заранее подготовленную прямоугольную конструкцию из кирпича с открытым верхом. Дно выстилалось кирпичом или заливалось известью. Сверху гроб закладывался кирпичом в несколько рядов, которые образовывали вытянутую по оси погребения пирамидальную конструкцию. Средняя высота конструкций – 1-1,2 м.

Приблизительно в 80 % погребений обнаружены нательные кресты. Точное количество крестов будет известно после обработки всего материала, в частности фрагментов одежды из погребений, которые невозможно было разобрать на месте. Аналогии нательным крестам можно встретить в ставрографической коллекции Илимского острога [Молодин, 2007], а также в коллекциях Спасского и Владимирского некрополей Иркутска. Встречаются и уникальные экземпляры. Таким является небольшой каменный тельник, изготовленный из янтаря или халцедона. На лицевой стороне прочерчено распятие, на оборотной – надписи **ИС** (Иисус) и **ХС** (Христос).

В нескольких погребениях обнаружены украшения: золотые серьги со вставками из красного камня (определение не проводилось), серебряные перстни. В одном из захоронений на груди умершего найден круглый медальон с изображением распятия на одной из сторон. Изображение на другой стороне возможно будет идентифицировать после реставрации, так как, не смотря на очевидное присутствие золота в материале медальона, поверхность сильно окислилась.

В нескольких захоронениях сохранились фрагменты одежды. В двух случаях – это костюмы, которые, возможно, удастся полностью реконструировать. Фрагменты одежды и головных уборов содержат золотые и серебряные нити, похожие материалы есть в коллекции Спасского некрополя. Кроме одежды, в коллекции много обуви, некоторые экземпляры также подлежат реконструкции.

По всей площади раскопа встречены надгробные плиты из песчаника. Такие находки представляют особый интерес, так как при раскопках Спасского и Владимирского некрополей не было найдено ни одного надгробия. К сожалению, ни одна плита не зафиксирована in situ, так как верхний уровень кладбища сильно разрушен. Об этом говорит использование плит в качестве фундамента для печей и одноэтажного деревянного барака, построенного на месте кладбища. Самые ранние надгробия датируются 1787 г., самые поздние – 1806 г.

Верхняя часть рыхлых отложений на площади котлована выбрана на глубину до 2 м по восточной стороне котлована и около 1 м по западной стороне. Полностью уничтожены городские отложения и на большей части котлована – голоценовые и верхняя часть отложений второй половины сартанского времени. Поэтому отложения позднекаргинского возраста выходили на поверхность на дне котлована или располагались неглубоко от него. В каргинских почвах найдены остатки фауны, представленные обломками костей и зубами крупных млекопитающих. В заполнении могильных ям погребений 202, 203, расположенных в юго-западном углу раскопа, найдено 2 кварцитовых скола с ретушью, происходящих из этих же отложений. Возраст этого материала – палеолитический (25-30 тыс.л.н.).

Поводя итоги, следует отметить, что захоронения, обнаруженные у Крестовоздвиженской церкви, совершены согласно православным традициям и канонам. Детали погребальной практики находят аналогии в исследованиях многих русских некрополей XVII-XIX вв. [Бородовский, Горохов, 2009; Векслер, Беркович, 1999; Макаров, 2003; Молодин, 2007; Самигулов, 2002; Тарасов, 2002; Татаурова, 2010].

Надписи на надгробных плитах, которые с уверенностью можно отнести к этому участку, указывают на время его существования: последняя четверть XVIII – начало XIX вв. Близость объекта к Крестовоздвиженской церкви дает основание предполагать, что среди могил этого периода могут находиться и более ранние, которые относятся к приходскому кладбищу церкви, существовавшему, по всей видимости, во второй и третьей четвертях XVIII в. Об этом говорят и находки нательных крестов, которые идентичны крестам из коллекций приходских кладбищ Спасской и Владимирской церквей. Кроме того, здесь отмечены и единичные случаи поздних захоронений, относящихся к XIX в., которые можно связать со временем функционирования общегородского (Иерусалимского) кладбища.

Исследования Крестовоздвиженского некрополя обладают несомненной ценностью для археологического изучения Иркутска в целом, так как относятся к тому периоду городской истории, сведениями о котором мы располагаем лишь из письменных источников. Информация, которая будет получена в ходе дальнейшего изучения материалов из раскопок, дополнит имеющиеся сведения о погребальной практике жителей Иркутска.

Список литературы

Бердников И.М. Особенности погребального обряда Спасского некрополя Иркутского острога // Вестн. НГУ. – 2009. – Т. 8, – Вып. 5. – С. 252–260.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е. К вопросу о времени первых захоронений на территории Иркутского острога // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 233–237.

Бердникова Н.Е., Бердников И.М., Батракова Н.А. Раскопки Владимирского некрополя в Иркутске // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 204–208.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН: Новосиб. гос. пед. ин-т, 2009. – 244 с.

Векслер А.Г., Беркович В.А. Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы: XVIII век. – М.: Наука, 1999. – С. 181–225.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е. Реконструкции природных и культурных событий на территории Иркутска: Научно-методические разработки междисциплинарных исследований городского культурного слоя. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2003. – 90 с.

Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии (XVII – начало XX века). – М.: Галарт, 2000. – 496 с.

Макаров Л.Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Сиб. издат. фирма «Наука», 2003. – Т. 6. – С. 192–232.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Погорелов С.Н. Охранные исследования захоронений Ново-Тихвинского женского монастыря г. Екатеринбурга // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2005. – С. 204–211.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. XIX.

Самигулов Г.Х. Первое Челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2002. – С. 133–137.

Тарасов А.Ю. Раскопки Покровского некрополя Красноярского острога // АО – Т. XIV. 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 470–471.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII-XIX вв. По материалам комплекса Изюк-I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

В.В. Бобров, А.Г. Марочкин

РАСКОПКИ У НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ (ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ)

Изучение археологических комплексов в Нижнетомском очаге наскального искусства является актуальной задачей, решение которой может открыть новые возможности для культурно-хронологической атрибуции нижнетомских петроглифов [Бобров, Ковтун, Марочкин, 2009]. В рамках решения поставленной задачи летом 2010 г. продолжены исследования поселенческих (?) памятников Долгая 1 и Долгая 2, в устье одноименной р. Долгая (приток р. Томи), в непосредственной близости от Новороманов-ской писаницы. Местность компактной дислокации поселений и писаницы представляет собой «сжатый» горный ландшафт, образованный скальным массивом правого берега р. Томи, и разрезающим его сильно разработанным руслом малого притока.

Долгая 1. Памятник приурочен к небольшой (не более 150 м^2), заплывшей террасе на мысовидном участке левого берега р. Долгой [Марочкин, 2009]. Исследования 2010 г проводились на участке площадью 28 м^2, продолжающем раскоп 2008 г. в северном и южном направлении, вдоль террасы. Таким образом, сплошной площадью изучена значительная часть памятника (40 м^2), что позволяет уточнить его стратиграфию и сделать некоторые выводы о планиграфии находок.

Стратиграфическая ситуация: 1) гумусированный суглинок серого цвета – до 0,10 м; 2) суглинок светло-серого цвета с обильными включениями каменной крошки – до 0,28 м; 3) суглинок темно-серого цвета с обильными включениями каменной крошки – до 0,18 м; 4) плотный «горельник» белого цвета – до 0,20 м; 5) плотный суглинок темно-серого цвета с редкими включениями галечника разного размера – до 0,60 м; 6) рыхлый суглинок желтого цвета – до 0,30 м. Все находки происходят из слоя №5. Слои №№1-4 являются относительно недавними напластованиями, возникшими в 1980-х гг. при сооружении грунтовой дороги, и стерильны в археологическом отношении. Слой №6, как и нижележащий скальник, представляют «материковый» уровень.

Характер находок тот же, что и в предыдущем раскопе 2008 г. – многочисленные фрагменты костей животных (не менее 300 шт.), большое количество фрагментов керамической посуды (345 шт.), единичные невыразительные изделия из камня, небольшие бронзовые плески и куски шлака. Впервые на памятнике обнаружены фрагменты литейной формы.

Морфологический анализ орнаментированной керамики (208 фр.) позволил группировать её в соответствии с ранее выделенными на памятнике культурно-хронологическими комплексами.

Группа 1 (средневековая керамика) - 14 фр. от разных сосудов. Венчики имеют уплощенный или плоский срез, часто отогнуты наружу. Орнамент представлен различными оттисками гребенчатого штампа.

Группа 2 (керамика раннего железного времени) -14 фр. от двух сосудов. Один из них частично реконструируется (13 фр.) и представляет собой закрытую плоскодонную банку, украшенную редким крупным жемчужником в зоне венчика.

Группа 3 (керамика переходного времени от поздней бронзы к раннему железу) – представлена лишь 1 фр. тулова сосуда тургайского типа с крестово-штамповой орнаментацией [Бобров, 1999].

Группа 4 (керамика ирменской культуры эпохи поздней бронзы) - 61 фр. Для посуды данной группы характерны резной орнамент в виде геометрических узоров или косой сетки, крупный жемчужник или ямки в зоне венчика, горизонтальные резные линии в качестве разделителя между орнаментальными зонами. In situ зафиксировано скопление из 43 фр., принадлежащих профилированному плоскодонному сосуду высотой 21 см, с диаметром устья 22 см (рис. 1). Орнаментальная композиция этого сосуда несколько необычна. Зона венчика украшена резным узором из небольших заштрихованных треугольников, отделенных от шейки рядом чередующихся ямок и жемчужин. По шейке нанесен разделитель из 4 горизонтальных линий. На плечиках – чередование вертикальных зигзагов и комбинаций из ромбов и заштрихованных треугольников. Если геометрические элементы выполнены только в традиционной резной технике, то контуры зигзагов первоначально были обозначены частыми короткими насечками, а после подчеркнуты нанесенными поверх резными линиями. По центру тулова нанесены четыре горизонтальных, слегка волнистых ряда крупных отступающих наколов.

Группа 5 (гребенчато-ямочная керамика, начальный этап развитой бронзы) - 61 фр. Судя по всему, в данном комплексе представлены остатки нескольких сосудов. Около полутора десятков фрагментов образуют компактное скопление in situ (?), из которого удалось воссоздать крупный участок стенки. Орнамент на керамике этой группы представлен сочетаниями различных оттисков гребенки (косо поставленный короткий штамп, гребенчатая качалка и др.) и небольших округлых ямок. Среди специалистов распространено мнение, что комплексы с подобной керамикой хронологически предшествуют самусьской культуре [Молодин, Глушков, 1989].

Необходимо отметить, что на этот раз не была обнаружена собственно самусьская керамика, хорошо представленная в материалах раскопок 2008 г.

Группа 6 (керамика крохалевской культуры, ранняя бронза) - 51 фр. Важнейшей отличительной чертой керамики данной группы являются т.н. ложнотекстильные отпечатки, как на внешней, так и на внутренней поверхности сосудов. Венчик утончен, со слегка отогнутым наружу краем. Судя

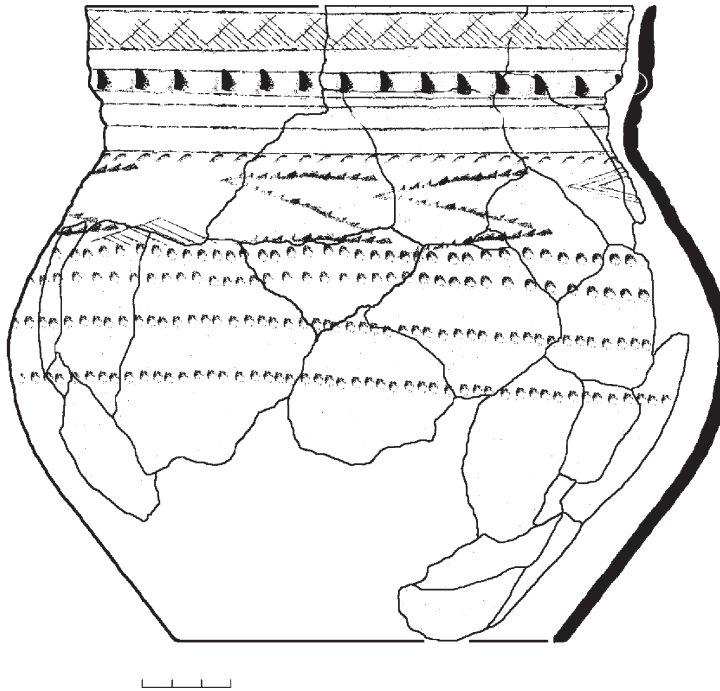


Рис. 1. Памятник Долгая-1. Ирменский сосуд.

по нескольким фрагментам, сосуды были плоскодонными. Зона венчика украшена некрупным жемчужником. Шесть фрагментов залегали компактным скоплением, по всей видимости, в не потревоженном состоянии.

Группа 7 (керамика с отступающе-накольчатым орнаментом) - 6 фр. Форма сосудов не ясна. Срез венчика утончен, сам венчик имеет выраженный «карнизик» на внутренней поверхности. Орнамент представлен узорами из горизонтальных или вертикальных рядов наколов палочки. Наколы поставлены настолько часто, что визуально создается впечатление сплошных линий. Иногда ряды наколов сочетаются с крупными овальными или округлыми вдавлениями. В предыдущих работах вопрос о культурно-хронологической позиции данного комплекса оставался открытым [Бобров, Ковтун, Марочкин, 2009.]. По всей видимости, следует согласиться с его неолитической принадлежностью, в пользу чего говорит очевидное сходство с керамикой изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры [Зах, 2003].

Анализ характера залегания в слое разновременных находок, проведенный с построением пространственной 3-d модели, показал соблюдение хроностратиграфического принципа [Марочкин, 2009]. В текущем году это удалось подтвердить наблюдением факта последовательного залегания трех компактных скоплений разновременной керамики – ирменской, гребенчато-ямочной и крохалевской.

Определенная закономерность прослеживается в планиграфии находок. В южных секторах раскопа (ближе к спуску к устью р. Долгой) слой чрезвычайно насыщен материалами, представляющими практически все вышеперечисленные культурно-хронологические комплексы. В северных квадратах степень насыщенности слоя находками заметно снижается, фиксируются преимущественно кости животных и крохалевская ложнотекстильная керамика. Также в северной части раскопа были зафиксированы каменная выкладка из колотого галечника и кусков сланца, остатки сгоревшей деревянной конструкции, следы открытого очага, обширное скопление in situ расколотых костей животных вместе с большим плоским камнем, использованным, по всей видимости, в качестве разделочного стола. Здесь же, в сопряжении с несколькими фрагментами крохалевской посуды, обнаружены 3 фр. литейной формы, предназначенной для отливки втульчатого орудия.

Долгая 2. Месторасположение памятника приурочено к обширной террасе, вытянутой вдоль правого берега р. Долгой. Расстояние до памятника Долгая 1 и плоскостей Новороманoвской писаницы не превышает 50 м (через р. Долгая). Выраженных внешних признаков не имеет. На участке пологого спуска к устью р. Долгой заложен раскоп площадью 12 м^2, включающий в себя разведывательную траншею 2009 года (2 м^2).

Зафиксирована следующая стратиграфия: 1) дерновый слой – до 0,08 м; 2) гумусированный суглинок серого цвета – до 0,12 м; 3) рыхлый суглинок светло-коричневого цвета – до 0,30 м; 4) плотный суглинок темно-коричневого цвета – «материковый» уровень. Культуросодержащим является слой №3.

Степень насыщенности слоя относительно невелика. В северо-восточной части раскопа зафиксированы несколько фрагментов крохалевской керамической посуды (ложнотекстильный комплекс) (рис. 2, *3*), небольшой листовидный наконечник стрелы с прямой базой, фрагмент небольшого бифаса (рис. 2, *4*) и каменный топор (рис. 2, *1*).

В западных квадратах на уровне материка обнаружены остатки очага с глиняной обмазкой, а рядом с ним in situ – 2 небольших скопления керамики, судя по всему, от разных сосудов. Одно скопление (8 фр.) принадлежит баночному сосуду с прямым венчиком (рис. 2, *2, 6*). Срез венчика приострен и скошен внутрь, декорирован частыми насечками. Орнамент тулова состоит из горизонтальных рядов гладкой качалки, разделенных разреженными ямками. Второй сосуд представлен 9 фр. тулова, также украшенными оттисками гладкой качалки, но с более широким «шагом» (рис. 2, *5*). Культурно-хронологическая атрибуция данной керамики определяется близкими аналогиями в энеолитической посуде ирбинского типа [Зах, 2003, рис. 100-101].

Таким образом, результатом первого этапа исследований стало формирование локальной хроностратиграфической колонки, которая без существенных лакун воспроизводит имеющиеся региональные схемы. Каков был характер освоения ландшафта в различные исторические периоды? Какие из выделенных комплексов связаны с создателями Нижнетомских писа-

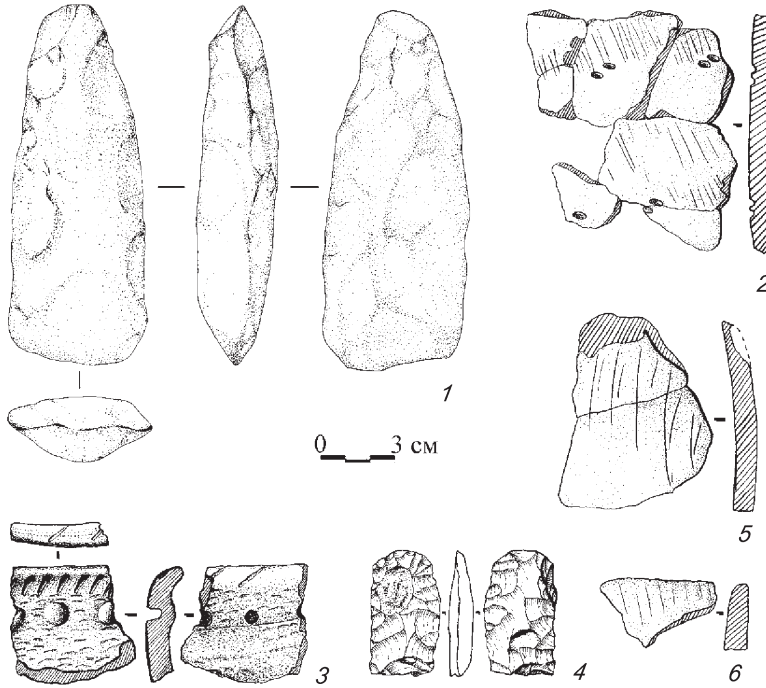


Рис. 2. Материалы памятника Долгая-2.

ниц? Ответы на эти вопросы, как логичное продолжение начатого дела, могут быть получены только в ходе дальнейшего тщательного комплексного исследования.

Список литературы

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография, музейное дело. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1999. – С. 32–43.

Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Археологические комплексы в нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 214–219.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Марочкин А.Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 86–91.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

В.В. Бобров, Н.Н. Моор

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ ЛОЖКА-6 (2010 ГОД)

Памятник Ложка-6 расположен в окрестностях районного центра с Венгерово Новосибирской области. Геоморфологически местонахождение памятника приурочено к надпойменной террасе южного берега озера Большая Ложка. Поверхность памятника имеет наклон с юго-востока на северо-запад и не имеет естественных границ. Памятник открыт в 2008 г. В.В. Бобровым.

В результате полевых работ на поселении вскрыта площадь 66 м^2. Мощность культурного слоя, представленного темно-серой супесью, 18-28 см. Общее количество находок около 1180 экз. Материал, полученный в результате раскопок памятника Ложка-6, представлен фрагментами керамической посуды, костями животных, кусочками обожженной глины. Единичные находки – литейная форма, изготовленная из камня, и кусочки шлака.

Керамический комплекс памятника Ложка-6 насчитывает 799 фрагментов: 66 из них составляют фрагменты венчиков, 8 – фрагменты придонной и донной части, 413 фрагментов тулова с орнаментом, 312 – без орнамента, очень мелкие или неопределимы.

Преобладающая форма венчика прямая. Подавляющее большинство венчиков характеризуются слегка скошенным внутрь срезом (46,8%), меньше венчиков с округлым срезом (33,9%). Наиболее малочисленные группы составляют венчики с прямым (8%), слегка скошенным наружу (3,2%) и фигурным (4,9%) срезами. Лишь в одном случае срез венчика орнаментирован горизонтальными оттисками гребенчатого штампа.

Судя по формам венчиков и фрагментам донной и придонной частей, керамическая посуда представляла собой: 1) плоскодонные сосуды баночной формы; 2) горшковидные сосуды с плоским дном. Толщина стенок сосудов варьирует от 0,3 до 1,1 см. Цвет поверхности керамических фрагментов светло-желтый, коричневый, реже серый, темно-серый, черный.

Выявлено следующее соотношение техник орнаментации: гладкий штамп – 33,4%, гребенчатый штамп – 32,7%, прочерченные линии – 12,7%, наколы – 12,1%. Ямки и вдавления разной формы составляют 9,1 %. Для данного керамического комплекса наиболее характерными являются такие элементы декора: круглые (овальные) ямки или каплевидные (подтреугольные) вдавления, оттиски треугольных орнаментиров, наклонные и вертикальные оттиски гладкого или гребенчатого штампа либо отступа-

ющей лопаточки, прочерченные линии, валики, каннелюры, горизонтальный зигзаг.

Анализ взаимовстречаемости элементов орнамента выявил устойчивые сочетания некоторых из них: ямочек и наклонных рядов гладкого (или гребенчатого) штампа; ямочек, вертикальных и наклонных рядов наколов; наклонных и вертикальных оттисков гладкого штампа; гребенчатого штампа и геометрических узоров; треугольных узоров и треугольных оттисков.

Судя по технике нанесения, элементам и композиции декора на керамике памятник Ложка-6 представляет собой однокультурный комплекс эпохи поздней бронзы. Анализ композиции 165 наиболее выразительных фрагментов тулова, венчиков и придонной части показал наличие двух приемов украшения сосудов.

Группа А (138 экз.). Фрагменты этой группы характеризует отсутствие орнаментальной зональности или выделение только зоны венчика, вариабельность оттисков разных штампов, использование разделителей, раппортов, монотонность композиции (рис. 1, *1-3*).

Для данной группы характерны следующие орнаментальные мотивы: 1) горизонтальная елочка, выполненная штампом (сочетается с ямками, косыми и/или вертикальными рядами оттисков гладкого и/или гребенчатого штампа, каннелюрами, косой сеткой, вертикальными насечками); 2) косая сетка, нанесенная гладким или гребенчатым штампом, насечками (сочетается с ямками, рядами вертикальных или наклонных оттисков); 3) чередование рядов вертикальных и наклонных оттисков гребенчатого и/или гладкого штампа; 4) горизонтальный зигзаг (в сочетании с ямками или с елочным мотивом) и др. В придонной части сосудов на двух фрагментах выявлен узор в виде косых прочерченных линий и рядов гребенчатого штампа.

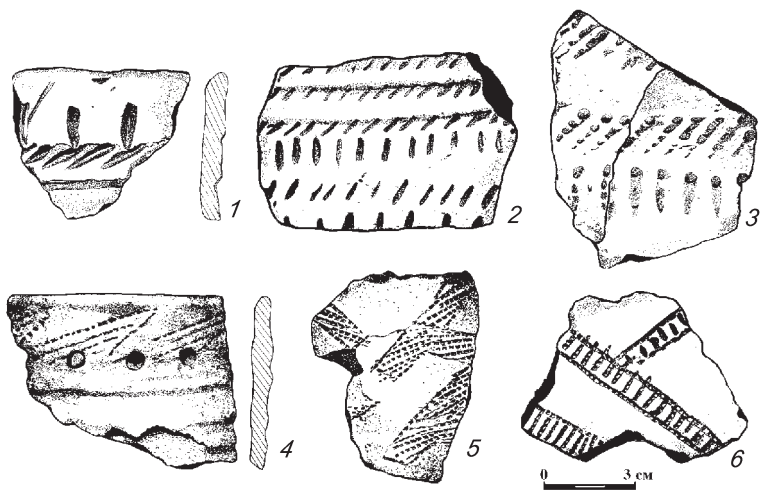


Рис. 1. Памятник Ложка-6. Фрагменты керамических сосудов.

Группа Б (27 экз.) (рис. 1, *4-6*). Отличается зональностью орнамента сосудов, использованием геометрических мотивов: меандр, заштрихованные треугольники, прямоугольники, зигзаговые ленты с каплевидными вдавлениями на них. Отмечена взаимосвязь всех этих элементов. Преобладающая техника нанесения декора – гребенчатый штамп. В верхней части венчика изображены косые и равнобедренные треугольники, направленные вершинами вверх. Треугольники заштрихованы косыми или горизонтальными линиями, нанесенными оттисками гребенчатого штампа или прочерчиванием. Часто этот мотив сочетается с треугольными оттисками. В одном случае под венчиком гребенчатым штампом нанесены заштрихованные прямоугольные фигуры, соединенные наклонными линиями, в сочетании с круглыми ямками. Тулово сосудов декорировалось: зигзаговой лентой с каплевидными вдавлениями, меандром. Рассматриваемая группа наиболее характерна для погребальных керамических комплексов памятников адроноидного типа.

Особенной находкой является обломок подпрямоугольной литейной формы для отливки втульчатого орудия с валиковым навершием (рис. 2).

Форма была изготовлена из серого талька. Размеры фрагмента 5,2 см х 5,5 см. Тыльная поверхность на сохранившейся боковой части имеет три грани. В Барабинской лесостепи на памятниках эпохи бронзы пока найдены только глиняные литейные формы (Преображенка-3, Венгерово-2, Самусь- IV, Сопка-2) [Молодин, 1985, рис. 28]. Только на поселении Большой Имбиряй-10 в Тюменской области обнаружен обломок литейной формы из талька [Матвеев, Аношко, Костомаров и др., 2003]. Ближайшие к Бара-

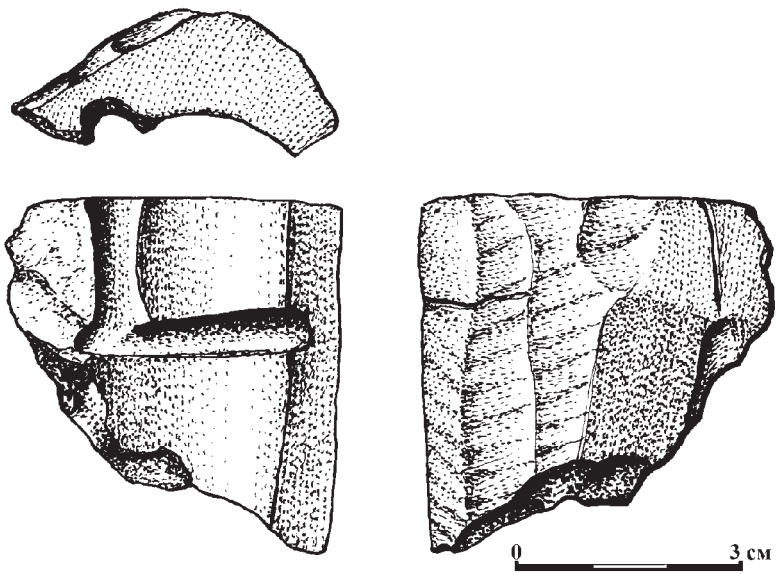


Рис. 2. Памятник Ложка-6. Фрагмент литейной формы из талька.

бинской лесостепи месторождения этой породы камня находятся на Урале. Сложно сказать, является ли каменная литейная форма с памятника Ложка-6 импортом или она изготовлена на месте. На основании полученного материала (литейной формы, кусков глиняной обмазки и шлака), есть все основания предположить наличие на территории памятника бронзолитейной площадки.

Наиболее важным источником для культурной и хронологической атрибуции памятника Ложка-6 является керамика. Выделенные нами группы сосудов, по взаимовстречаемости типов и техники нанесения орнамента, характерны для поселенческих комплексов андроноидных культур лесостепной зоны Западной Сибири. Если рассматривать ближайшие аналогии, то наиболее близки группе Б сосуды из могильников Старый Сад и Гришкина Заимка [Молодин, Нескоров, 1992]. Более западные аналогии можно отметить в могильниках Лихачевский, Черноозерье II [Генинг, Стефанов, 1991], Пахомовская Пристань I и др. [Евдокимов, Корочкова, 1991], а также на поселениях Ново-Шадрино VII [Корочкова, 2010], Инберень IV [Корякова, Стефанов, 1981].

Таким образом, можно утверждать, что поселение Ложка-6 относится к пахомовской археологической культуре постандроновского времени. Это первое поселение данной культуры на территории Барабинской лесостепи.

Список литературы

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроноидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. гос. ун-т, 1991. – С. 52–60.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань-1 // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1991. – С. 50–63.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Корякова Л.И., Стефанов В.И. Городище Инберень-4 на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178–187.

Матвеев А.В., Аношко О.М., Костомаров В.М., Рыжкова Ю.В. Большой Имбиряй-10 – новый памятник пахомовской культуры в Ингальской долине // Словцовские чтения, 2003. – Тюмень: [б.и.], 2003. – С. 55–57.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990 г. – М.: ИА АН Казахстана, 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

А.П. Бородовский

АРТЕФАКТЫ ПРОГРЕССИВНОГО БРОНЗОЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

На юге Западной Сибири бронзолитейное производство наиболее широкое распространение получило во II тыс. до н.э. В это время на указанной территории появляются не только самые разнообразные предметы из цветных металлов (золото, серебро, медь) и их сплавов (бронза), но и формы, изготовленные из самых различных материалов (камня, глины, металла). При этом достаточно представительное количество металлических изделий в эпоху бронзы на юге Западной Сибири во многом появилось не только благодаря «импорту», но в большей степени вследствие того, что на этой территории встречаются находки оснастки литейного производства, позволяющих заниматься изготовлением металлических предметов. К числу таких ярких артефактов бронзолитейного производства относится створка металлической формы (кокиль) вислообушного топора из собрания Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета [Соловьев, 2003, с. 40, рис. 33]. Несмотря на то, что эта находка является случайной, значение ее для истории бронзолитейного производства в регионе является очень важным.

Во-первых, литье в металлические формы (кокили) относится к специальным способам литья, имеющим ограниченное распространение даже в настоящее время [Зотов, 1988, с. 270]. Во-вторых, технология этого производства, появившись еще в эпоху палеометалла, была впоследствии утрачена на длительное время. В-третьих, наличие литья в кокили, является определенным критерием прогрессивности и производительности бронзолитейного производства.

Другой не менее важной случайной находкой является створка медной литейной формы для изготовления трех втульчатых наконечников дротиков из Верхнего Прииртышья (рис. 1*, 1, 3*). Медь для изготовления кокилей используется до сих пор [Иванов, Карпенко, 1999, С. 182]. Размеры кокиля из Верхнего Прииртышья составляют 9х4х3 см., толщина стенок от 2 до 4 мм. На оборотной стороне сохранились в нижней и верхней части формы четыре питателя (литника). Литниковая система створки металлической формы из Верхнего Прииртышья относится к типу заливки металла через несколько самостоятельных литников [Магницкий, Пирайнен, 1996. с. 109, рис. 4.12, е].

Два литника внизу кокиля срублены почти полностью (рис. 1, *2*). В верхней части формы окончания питателей имеют более полную сохранность

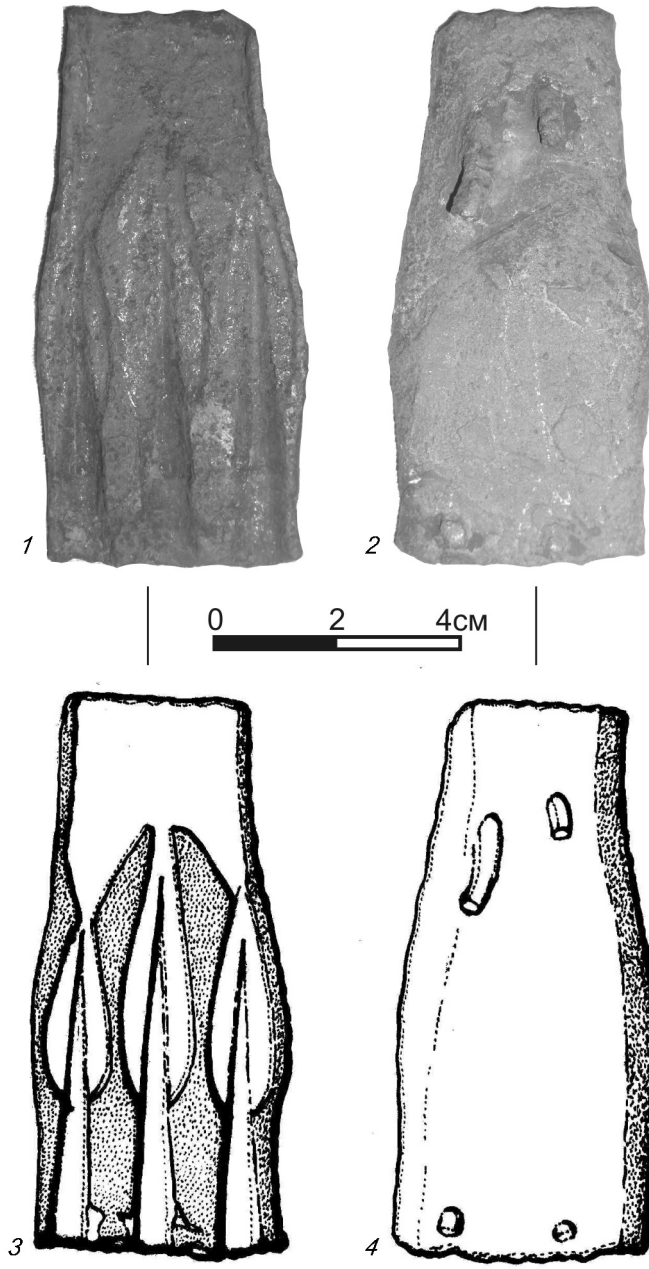


Рис. 1. Створка металлической формы (кокиль) из Верхнего Прииртышья.

(рис. 1,*4*). Возможно, при литейном процессе они использовались для тщательного и точного совмещения створок формы. Исходя из расположения этих «рудиментов» технологического процесса изготовления створки кокиля из Верхнего Прииртышья, заливка его велась в противоположном направлении относительно литья наконечников в эту металлическую форму.

Металлическая форма (кокиль) обычно состоит из двух полуформ, которые фиксируются штырями (фиксаторами) и перед заливкой металла закрепляются замками. Питание отливки осуществляется прибылями, а вентиляция формы происходит через специальные выпоры и вентиляционные пробки [Магницкий, Пирайнен, 1996. с. 191]. Классификация кокилей основана на сложности устройства формы отливаемого изделия. В зависимости от этого кокили могут быть цельными (неразъемными) и разъемными [Зотов, 1988, с. 271]. По принципу разъема различаются кокили створчатые и с параллельным разъемом [Зотов, 1988, с. 271]. Металлическая форма с наконечниками из Верхнего Прииртышья относится к створчатому кокилю с вертикальным разъемом [Зотов, 1988, с. 271, рис. 142, б]. Разъемные кокили применяют для литья сложных изделий, имеющих части которые затрудняют удаление отливки из металлической формы путем вытряхивания [Зотов, 1988, с. 271]. Именно к таким изделиям относятся втульчатые наконечники эпохи палеометалла.

Вследствие быстрого охлаждения расплава, заливаемого в кокиль, сечение питателей его литниковой системы делают значительно больше, чем для форм из других материалов [Зотов, 1988, с. 272]. В верхней части кокиля из Верхнего Прииртышья расположено достаточно объемное литейное отверстие.

Оттиск моделировочной резиной для получения внешнего вида наконечников дротиков створки кокиля из Верхнего Прииртышья, позволил выявить черно-серое порошкообразное вещество, возможно относящее к остаткам огнеупорного покрытия наносимого перед заливкой металла в форму. Оно предохраняет ее от резкого термического удара при заливке и от опасности схватывания металла отливки с формой. В настоящее время в состав этого огнеупорного покрытия для медных сплавов входит графитовый порошок, замешанный на вареном масле или его аналогах [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 192]. Возможность применения масла для огнеупорного покрытия рабочих поверхностей (кокилей) в эпоху бронзы была обусловлена экономическим потенциалом эпохи бронзы, основанном на комплексной производящей экономике, включая продукты животноводства и земледелия.

Литье в кокиль (металлическую форму) имеет целый ряд существенных преимуществ по сравнению с формами из других материалов (камень, глина). Среди них, высокая прочность материала металлической формы (кокиля), что позволяет более точно выполнять рабочие поверхности формы и обеспечивать высокое качество литой поверхности и обеспечивать массовость производимой продукции. Кроме того, благодаря высокой теп-

лопроводности металлической формы отливка в ней быстро затвердевает, следствием чего является более высокая производительность литейного производства на таком литейном оснащении. В дополнении к этому литье в кокиль обладает еще рядом очень существенных преимуществ по сравнению с формами из других материалов. К ним относятся: минимальная механическая обработки отливок; сокращение или полное исключение расхода формовочных материалов [Зотов, 1988, с. 27; Иванов, Карпенко, 1999, с. 180, 182; Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 190].

К недостаткам технологии литья в металлические формы является их трудоемкость, длительность, высокая стоимость кокилей, ограниченный срок их службы, плохая заполняемость тонкостенных отливок вследствие высокой теплопроводности стенок кокиля и опасность возникновения трещин на отливках [Зотов, 1988, с. 271; Иванов, Карпенко, 1999, с. 180; Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 191].

Именно этими характеристиками можно объяснить редкость находок кокилей и выявление их именно как случайных находок. В некоторых случаях это касается и глиняных литейных форм (Умна-6) [Бородовский, 1999, с. 261, рис. 27].

Размеры наконечников дротиков (рис. 2, *2–4*) в створке кокиля из Верхнего Прииртышья составляют от 6 до 7 см в высоту, с шириной втулки до 9 мм и шириной пера от 1 до 1,2 см. Глиняные формы для отливки одного наконечника дротика (рис. 2,*1*) такого типа известны в Обь-Иртышском междуречье (Барабинская лесостепь) среди сопроводительного инвентаря ротовских погребений (к.14, п.2) Сопки-2 [Молодин, 1985, с. 59, рис. 28, *1*]. Форма наконечников дротиков такого типа аналогична наконечникам копий сейминско-турбинский облика [Молодин, 1985, с. 60]. Повторение пропорций и формы копий в дротиках эпохи развитой бронзы, вероятно, демонстрирует приоритет комплекса метательного вооружения в сравнении со стрелковым в это время. Следует подчеркнуть, что по своим пропорциям (величина пера и втулки, а так же их соотношение) и очертаниям пера наконечники дротиков из кокиля Верхнего Прииртышья имеют еще более близкое сходство с самусьско-сейминскими копьями (рис. 2, *2,3,4*).

Находки металлических форм (кокилей) эпохи развитой бронзы на территории юга Западной Сибири и сопредельных регионов крайне важны. Поскольку, середина II тыс. до н.э. является началом длительного периода формирования основ ремесленной технологии производства [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 4], которое было не возможно без совершенной, специальной и более производительной литейной оснастки, включая металлические формы (кокили) [Зотов, 1988, с. 270].

В специальной литературе появление литья наконечников стрел в металлическую форму (кокиль) относилось ранее только к скифскому времени. Позднее, эта технология была утрачена на длительное время и возродилась только в XVII столетии [Магницкий, Пирайнен, 1996, с. 8].

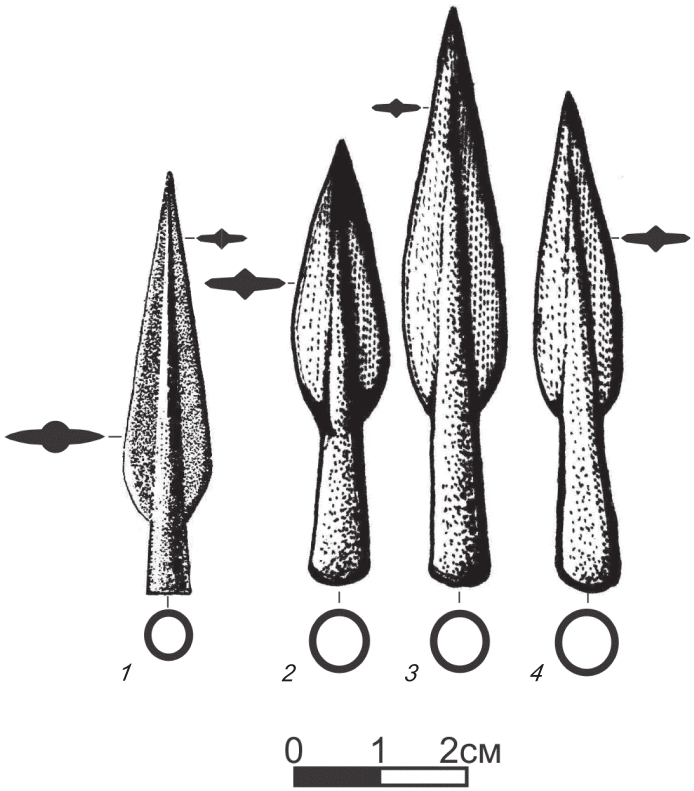


Рис. 2. Внешний вид оттисков дротиков с литейных форм Обь-Иртышского междуречья и Верхнего Прииртышья.
1 – Сопка-2 (Барабинская лесостепь) [Молодин, 1985, с. 59, рис. 28, *1*];
2–4 – Верхнее Прииртышье.

Однако, находка створки металлической формы для литья наконечников дротиков из Верхнего Прииртышья (рис. 1), позволяет относить время появления такой прогрессивной и очень производительной технологической традиции в Сибири значительно раньше к эпохе развитой бронзы.

Не менее информативен и сейминско-турбинский облик этих изделий. Поскольку территории западного Алтая (включая Верхнее Прииртышье) более всего располагают условиями для зарождения металлургии сейминско-турбинского типа [Эпоха бронзы…, 1987, с. 101]. Вероятно, именно с этой территории на юг Западной Сибири распространялись исходные образцы литейных форм и изделий, которые на месте тиражировались в менее ценных и технологичных материалах (глина).

Литье в кокиль (металлическую форму) относится к специальным видам (способам) литья, [Зотов, 1988, с. 270; Магницкий, Пирайнен, 1996. с. 182]. Вплоть до настоящего времени для художественных отливок литье в кокиль является малоперспективным [Магницкий, Пирайнен, 1996. с. 182]. Поскольку, в техническом оснащении даже для современного производства художественных отливок характерно некоторое отставание от промышленного литья [Зотов, 1988, с. 270]. Это лишний раз подчеркивает принадлежность кокиля для отливки дротиков из Верхнего Прииртышья к серийному производству, которое вряд ли возможно без особой ремесленной специализации, очевидно уже оформившейся на южных сопредельных территориях с Западной Сибирью.

Достаточно показательным, является и тот факт, что пока в погребениях развитой бронзы Обь-Иртышского междуречья с признаками «производственной специализации» в сопроводительном инвентаре [Молодин, 1985, с. 58,59], такие образцы литейной оснастки не присутствуют. Это лишний раз подчеркивает «вторичность» уровня бронзолитейного производства на территории юга Западной Сибири, по сравнению с более южными сопредельными регионами. Одним из которых является Верхнее Приитышье.

Список литературы

Бородовский А.П. Исследования в Новосибирском Приобье и на нижней Катуни // АО 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 261–262.

Зотов Б.Н. Художественное литье. – М.: Машиностроение, 1988. – 304 с.

Иванов В.Н., Карпенко В.М. Художественное литье. – Минск: Вышэйшая школа, 1999. – 206 с.

Магницкий О.Н., Пирайнен В.Ю. Художественное литье. – СПб.: Политехника, 1996. – 232 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Соловьев А.И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – 472 с.

А.П. Бородовский, С.В. Горохов

РАННИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕРЕВЯННЫХ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РУССКИХ ОСТРОГОВ В СИБИРИ (ПО КАРТОГРАФИЧЕСКИМ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)*

При сооружении русских острогов в Сибири к XVII в. сложился определенный алгоритм «предпроектных» работ [Хромых, 2008, с. 223]. По итогам «досмотра» будущего места составлялись описания и карты, рекомендации с оценкой возможностей освоения обследованной территории. Для большинства русских острогов в Сибири таких письменных свидетельств не сохранилось. Однако для Умревинского острога в качестве близкой аналогии этого документа, соответствующего стадии «досмотра» острога перед его строительством можно привести описание 1697 г., составленное Андреем Кругликовым (будущим основателем Умревинского острога) для характеристики рудного местонахождения и угодий по берегам р. Ояш [Уманский, 1996, с. 102]. Следует подчеркнуть, что месторождение на р. Ояш достаточно оперативно было отмечено на чертеже земли Томского города в картографических материалах С.У. Ремезова, создававшихся в период с 1697 по 1711 гг. [Черная, 2002, с. 109]. Это время соответствует основанию и первым годам существования Умревинского острога, не отмеченного, тем не менее, в Чертежной книге Сибири [Ремезов, лист AI]. В этой связи особое внимание привлекают различные варианты изображения сибирских отрогов в картографических материалах С.У. Ремезова. Выделяется несколько разновидностей нанесения внешнего вида острогов на карту (рис. 1). Среди них наиболее интересны рисунки острогов (Уртамского, Кетского), где изображен только прямоугольник тыновых стен (рис. 1, *1, 3*). Вряд ли для картографии С.У. Ремезова в отношении изображения острогов в полной мере приемлемы современные критерии и принципы легенд на картах принятых для обозначения населенных пунктов различного статуса и значения. Тем, не менее, определенные элементы картографической легенды для ремезовских карт вполне присущи. Не менее продуктивна другая версия – изображения острогов на картах С.У. Ремезова отражают внешний вид основных конструкций острогов на момент их существования в конце XVII – начале XVIII. В таком случае эти изображения можно попытаться соотнести со строительными периодами, выявленными по результатам археологических исследований. В частнос-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 08-06-00429).

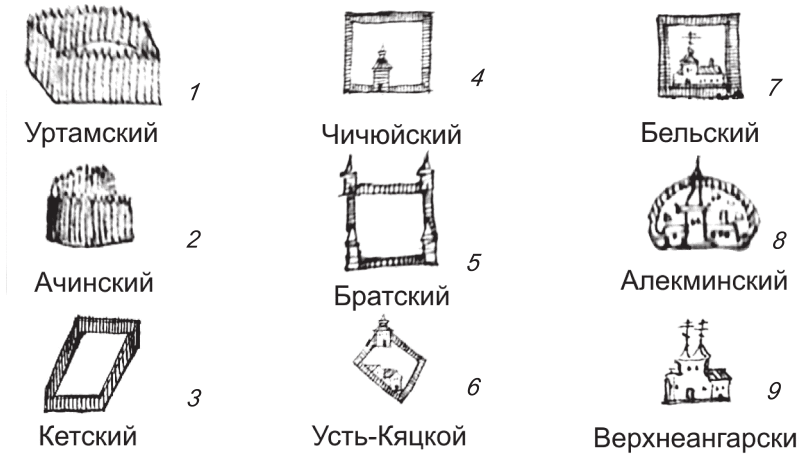


Рис. 1. Варианты изображения острогов из «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова.

ти, для Умревинского острога, можно говорить о нескольких строительных периодах (рис. 2). Они различаются на основе стратиграфических данных (выкид из западного и южного рва не перекрывает тыновую канавку и тыновины), последовательности планиграфии основных деревянных оборонительных сооружений острога (угол юго-западного тына, перекрыт набережной башней), отличия конструктивных элементов, присущих для различных строительных периодов (целые и колотые тыновины, сваи) и хронологии предметного комплекса (закладная монета юго-западной угловой набережной башни), обнаруженного в этих сооружениях. Острог, как деревянное недолговечное оборонительное сооружение с момента своего возведения до запустения многократно перестраивался, переносился или разрушался. Кроме того, исходя из своей естественной сохранности деревянные оборонительные сооружения острогов со временем нуждались в систематических ремонтных работах каждые 5-10 лет или 29 лет [Варфоломеев, Шаповалова, 1991, с. 150 – 155]. Как отметил Д.Г. Мессершмидт в своем путевом описании, спустя 19 лет после основания, Умревинский острог был частично разрушен. Вероятно, в первой трети XVIII в. производился какой-то ремонт его острожных укреплений. Результатом таких работ вполне может различная техника изготовления тыновин на Умревинском остроге в сравнении с первоначальным периодом существования острога (цельные и колотые бревна). Цельных бревен в выборке меньшинство (рис. 2, *1 а,б*). Не исключено, что они соответствуют самому раннему строительному периоду острога – началу XVIII века. Посетивший Умревинский острог в 1734 г. Г.Ф. Миллер отметил, что он состоял из четырехугольного палисада с двумя башнями. Этот строительный период может

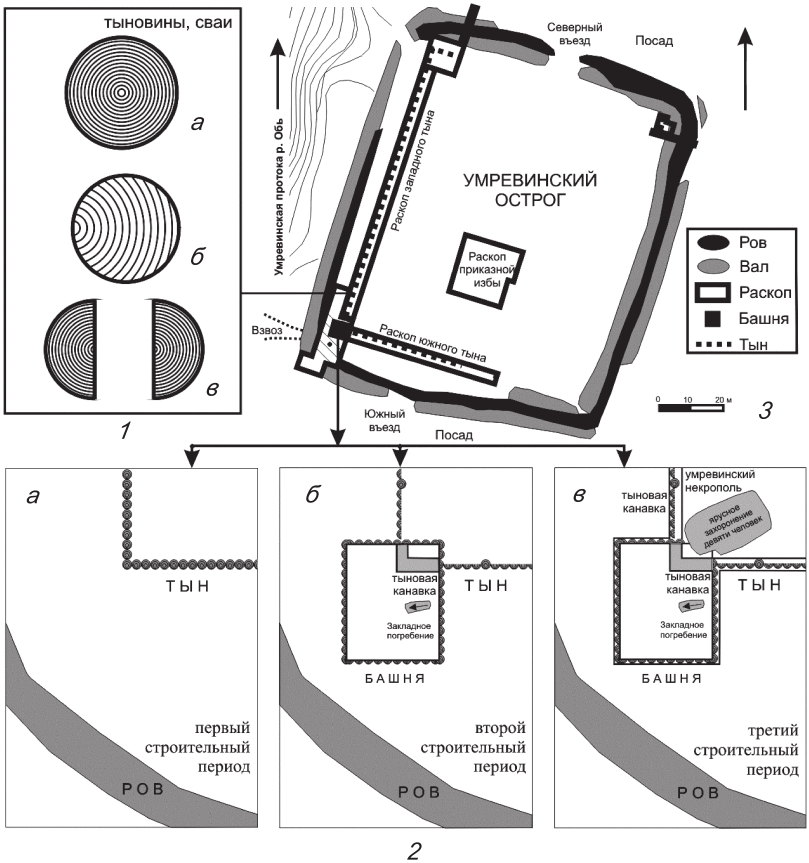


Рис. 2. Варианты тыновин, свай (западный, южный тын, юго-западная угловая набережная башня Умревинского острога) (*1*); признаки периодов на юго-западном участке Умревинского острога (*2*); план Умревинского острога (*3*).

быть представлен расколотыми по полам тыновинами (рис. 2, *1 в*), которые сделаны аналогично деревянным сваям угловой набережной юго-западной башни острога, возведенной по данным нумизматики не ранее 1730 г. Для других тыновых оборонительных сооружений Западной Сибири, такие временные особенности выявлены по результатам дендрохронологическим исследований. Результаты датировки Горячевым В.М. образцов тыновин из г. Тобольска позволяют выделить две группы бревен: срубленные в 30-40-е годы XVIII столетия и бревна, срубленные в 50-60-е годы того же века. Следует подчеркнуть, что строительство деревянных башен острогов было более сложным и длительным процессом, в сравнении с возведением тыновых стен [Моргунов, 2009, с. 43]. Например, дендрохронологические исследования В.С. Мыглана показали, сооружение юго-западной баш-

ни Братского острога было выполнено не ранее 1684 г., при этом бревна для строительства заготавливались на протяжении нескольких лет – в 1681, 1682 и 1684 гг. Особое значение для датировки строительных периодов острогов в Сибири приобретают письменные и дендрохронологические данные о лесных пожарах 1625, 1742 гг. [Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2010, с. 76]. В связи с дендрохронологическими датировками строительного материала (осень 1744 – зима 1745 г.) башен Казымского острога особое значение имеет пожар 1742 г. Скорее всего, последствия этого природного явления и заставили власти заново отстроить острог, который уже в 1751 г. был упразднен. Для территории Верхнего Приобья письменные свидетельства о масштабных лесных пожарах относятся не ранее 1682 г. [Уманский, 1980, с. 144, 145]. Эти данные могут быть так же перспективны для датировки остатков деревянных оборонительных сооружений Умревинского Уртамского и Чауского острогов.

Башня один важнейших элементов используемых для датировки фортификационных сооружений [Кемпбелл, 2008, с. 148]. Для угловой набережной юго-западной башни Умревинского острога вопрос о времени ее сооружения может быть решен исходя из стратиграфических, нумизматических и косвенных письменных свидетельств. Северо-восточный угол башни отчетливо «срезает» угол тына (рис. 2, *3*), относящегося к первоначальному периоду существования острога, когда башни у него отсутствовали. Близкая планиграфическая ситуация прослежена согласно результатам археологических исследований А.В. Никитина башен Братского острога [1961, с. 221, рис. 6, с. 222].

Находка закладной монеты (денга) 1730 г. в юго-западной угловой, набережной башне Умревинского острога, скорее всего, соотносится с очередным этапом реконструкции оборонительных сооружений острогов на севере Верхнего Приобья в первой трети XVIII столетия. Именно в этот период велись ремонтно-восстановительные работы на Уртамском остроге, откуда в 1702 г. была отправлена поисковая «экспедиция» для определения места Умревинского острога. Поэтому, не исключено, что на карте С.У. Ремезова начала XVIII в. для Уртамского острога (основан в 1684 г.) воспроизведен ранний строительный период этого деревянного оборонительного сооружения, археологически прослеженный по материалам Умревинского острога (основан в 1703 г.). В таком случае первый строительный период Умревинского острога (начало XVIII в.), будет соответствовать подквадратному оборонительному деревянному оборонительному сооружению из круглых тыновин, огражденного рвом (рис. 2, *1*, *а,б, 2*). Второй строительный период будет отражать время функционирования Умревинского острога как оборонительного, административного и культового центра севера Верхнего Приобья (первая половина XVIII столетия), когда появляются башни (рис. 2, *б*), приказная изба. Третий, заключительный, строительный период соответствует периоду потери Умревинским острогом своего значения, обветшанию его деревянных оборонительных сооружений, превра-

щению в конце XVIII – начале XIX вв., его основной площади в Умревинский погост (рис. 2, *в*).

В целом, результаты, картографических, археологических и дендрохронологических исследований позволяют еще раз усомниться в концепции, что реконструкции, основанные на археологических или графических материалах, гипотетичны, а письменные источники дают довольно обширную, и главное достоверную информацию [Курилов, 1989, с. 87]. Это противопоставление различных видов исторических источников, по истории первого этапа сибирской деревянной архитектуры методически и фактически не верно [Черная, 2002, с. 131]. По мнению историков, даже более поздние письменные описания сибирских острогов, сделанные в первой трети XVIII столетии, страдают схематизмом и не отличаются особой информативностью [Эллерт, 1988, с. 59]. Для достоверности реконструкций различные виды источников (письменные, графические, археологические) не должны противопоставляться друг другу. Поскольку, только в процессе тщательной проверки и отбора фактов из этих источников могут появиться наиболее достоверные данные о всех периодах существования русских острогов в Сибири, подвергавшихся не однократно переносу, пожарам, разрушению и перестройке. Корреляция хронологии (по письменным историческим источникам и дендрохронологическим данным) сооружения деревянных башен русских острогов в Западной Сибири (Казымского, Умревинского, Уртамского и ряда других острогов). Позволяет выделить один из общих строительных периодов этих оборонительных сооружений, который датируется первой третью – серединой XVIII столетия.

Основанием для этого является целый комплекс факторов. Среди них: «параметры» естественной сохранности деревянных оборонительных сооружений не превышающие несколько десятков лет и требующие периодического ремонта; осложнение военно-политической ситуации в на южных рубежах Западной Сибири; расширение возможностей Российского государства демонстрации своего присутствия в Сибири, в связи с достижениями ее освоения и присоединения; природные катаклизмы, включая масштабные пожары и наводнения. На основании всех этих данных вполне можно предполагать, что первоначальным строительным периодом «типового» русского острога в Сибири является возведение прямоугольной тыновой стены, которая в последствии могла дополняться башнями. Такая технология возведения оборонительных сооружений на примере Умревинского острога отражает заключительный этап бытования древнерусской фортификационной традиции в Сибири, сложившейся еще X-XIII вв. на южных рубежах Руси [Моргунов, 2009, с. 241-250]. Дата возведения Умревинского острога 1703 г. является еще и «осевым временем» появления и распространения в России фортификации европейского типа [Малолетко, Малолетко, 2001, с. 89]. На территории юга Западной Сибири эти традиции проявятся только в первую треть XVIII ве-

ка в форпостах и Сибирских укрепленных линиях [Малолетко, Малолетко, 2001, с. 82, 84].

Список литературы

Варфоломеев Ю.А., Шаповалова Л.Г. Обеспечение долговечности памятников деревянного зодчества при эксплуатации // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского севера: межвуз. сб. – Петрозаводск: [б.и.], 1991. – С. 150–155.

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. – 192 с.

Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 87–94.

Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм: Тенденции движения русской культуры в архитектурном творчестве. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 96 с.

Кэмпбелл Д.Б. Искусство осады. Знаменитые штурмы античности. Военная история человечества. – М.: Эксмо, 2008. – 224.

Малолетко А.А., Малолетко А.М. Воинство Алтайского горного округа. – Томск, 2001. – 232 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. 2: Приложения. – 500 с.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. – М.: Наука, 2009. – 304 с.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 72–77.

Никитин А.В. Братский острог // СА. – 1961. – № 2. – С. 213–226.

Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири.

Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. – Новосибирск: Наука, 1980. – 296 с.

Уманский А.П. Чертежи Томского и Кузнецкого уездов С.У. Ремезова как источник по истории Верхнего Приобья // Актуальные проблемы русской археологии. – Барнаул: Барнаул. гос. пед.ин-т, 1996. – С. 100–104.

Хромых А.С. Сибирские летописи как свидетельство кругозора русских людей в. // История науки, образования и культуры в Сибири. – Красноярск: ИПК Краснояр. гос. пед. ун-та, 2008. – С. 221–227.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2002. – 188 с.

Эллерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 59–101.

Е.А. Гирченко

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ САНЬСИНДУЙ ПО БРОНЗОВЫМ МАТЕРИАЛАМ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ

Большинство находок культуры Саньсиндуй бронзового века Сычуаньской котловины (18–10 вв. до н.э.) (рис. 1) являются уникальными, встречающимися только в этой культуре, но в данном исследовании нас интересуют бронзовые предметы, встречающиеся и на других территориях, в частности, в шанском Китае - это бронзовая утварь первой и второй жертвенных ям, использовавшаяся для ритуальных церемоний [Чжунго каогусюэ, 2003].

В первой жертвенной яме была обнаружена бутыль *поу*. Находка сохранилась фрагментарно и представляет собой часть округлого плечика с небольшим венчиком. По венчику проходят две выпуклые линии, на плечике частично сохранился узор в виде традиционного для Китая Центральной равнины стилизованного дракона, орнаментированного спиралями.

Рис. 1. Провинция Сычуань на карте Китая.

По форме и орнаментации данная бутыль схожа с бронзовыми находками памятников Сяотунь (пров. Хэнань), Угун (пров. Шэньси), а также с предметами шанской стоянки Тайсицунь (пров. Хэбэй) [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999]. Данные предметы датируются первым периодом культуры Иньсюй (прим. 14 – 13 вв. до н.э.).

Жертвенные сосуды *цзунь* с украшением в виде голов баранов, драконов, тигров по плечикам (рис. 2) распространены на разных территориях, а в первой жертвенной яме Саньсиндуй обнаружено два подобных сосуда. Они имеют широкий отгибающийся венчик, ровные плечики, высокий округлый поддон.

Характерно, что у данных сосудов нет четкой границы между основным узором и орнаментом, который этот узор заполняет. Тулово сосуда

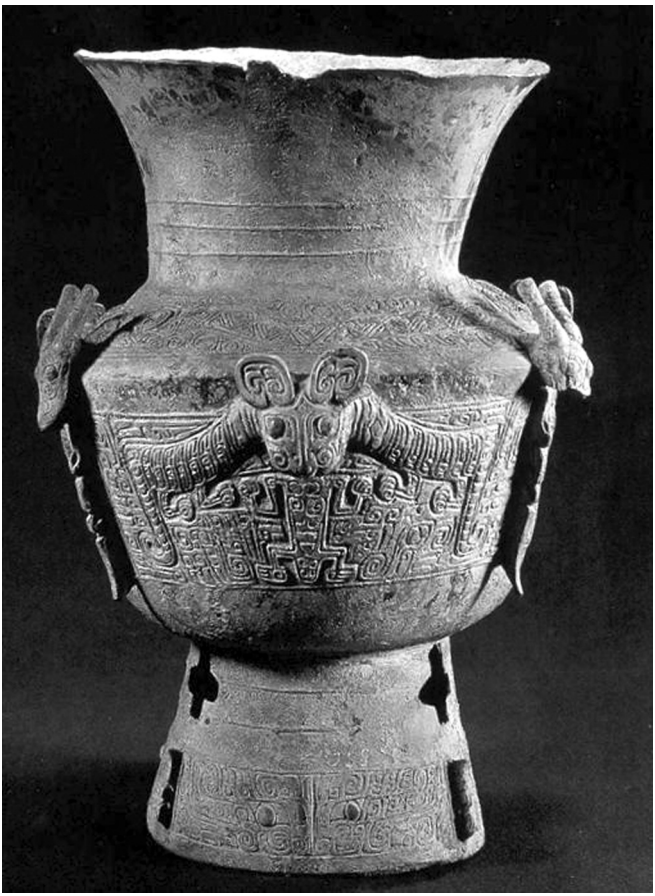


Рис. 2. Бронзовый сосуд *цзунь*. Культура саньсиндуй (по: [Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган, 1998]).

и поддон украшены зооморфными личинами, которые образуют подобие маски *таоте*.

По форме сосуды сходны с найденными на памятнике Байцзячжуан (второй период Эрлиган (15 в. до. н.э.)) и в культуре Иньсюй первого периода. Также фрагмент подобного сосуда с изображением дракона и тигра был найден в Жуньхэ (Юээрхэ) провинции Аньхой [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999], его датировки совпадают с первым периодом культуры Иньсюй. Параллели с аньхойской находкой можно найти и в технологии литья данного сосуда, но ввиду фрагментарности данной находки об этом нельзя заявлять с полной уверенностью.

Блюда *пань* также представлены одним предметом. По форме его можно сравнить с найденным в могиле №2 памятника Лицзяцзуй в провинции Хубэй. Орнаментация тулова жемчужинами была характерна для периода Байцзячжуан в Чжэнчжоу и раннего этапа первого периода культуры Иньсюй.

Как можно заметить, практически все находки, по которым можно провести аналогии, в Саньсиндуй, единичны, возможно, они попали туда благодаря развитым торговым и культурным контактам. Однако суммируя полученные по этим аналогиям данные, можно сказать, что нижний предел для находок из бронзы первой жертвенной ямы – первый, второй периоды Эрлиган (16 - 15 века до н.э), верхний предел - ранние этапы первого периода культуры Иньсюй (прим. 14 век до н.э.), находки, которые могли бы датироваться более поздними этапами, не встречаются.

Основными предметами второй жертвенной ямы, аналогии которым мы можем проследить, это округлые и квадратные сосуды *цзунь*, округлые и квадратные сосуды *лэй*.

Округлые сосуды *цзунь* I – III типов, как правило, украшены головами коров. Таких предметов было найдено восемь. Среди них сосуды I и III типов тонкостенные, у сосудов II типа стенки достаточно толстые. Венчик имеет ровные края; тулово глубокое и прямое, дно ровное, поддон округлый и короткий.

Форма округлых сосудов *цзунь* I и III типов совпадает с округлым сосудом на поддоне, найденным в М331 в Сяотунь [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999].

Сосуды *лэй* I и II типов имеют прямой венчик, узкие плечики с расположенными на них бараньими головами, глубокое и прямое тулово, ровное дно, круглый и короткий поддон. По форме находки напоминают сосуды *лэй*, найденные в пригороде города Шаши в провинции Хубэй, и на памятнике Жунвань в уезде Юэянсянь провинции Хунань. Единственное отличие состоит в том, что обнаруженные в Хубэй и Хунань сосуды имеют высокий поддон, а у сосудов I и II типов он короткий, возможно, эти находки датируются более ранним временем [Чэнь Дэань, 1998].

Узор в виде стилизованного дракона по плечикам схож с изображениями зооморфных личин по плечикам сосудов культуры Иньсюй. Зооморфные

личины имеют широкий рот, что характерно для раннего и среднего периодов; узоры в виде птиц схожи с птичьим орнаментом на сосудах *цзунь* с изображениями *таоте,* обнаруженными в Цинцзяньсянь провинции Шэньси, схожий орнамент виде птиц встречается также на сосуде *дин* из могилы №1004 в Иньсюй (второй период Иньсюй) [Иньсюй Фухаому, 1980].

У крышки округлого сосуда *лэй* II типа орнамент достаточно ровный, практически невыпуклый. В средней части крышка украшена завитками, треугольными спиралями и жемчужным орнаментом. Орнамент образует зооморфную личину. Горлышко этих двух сосудов короткое, поддон округлый и короткий. Форма и орнаментация говорят о достаточно ранних датировках, примерно о первом отрезке второго периода культуры Иньсюй.

Сосуды типов IV и V принято считать более поздними [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999].

Округлые сосуды цзунь позднего периода, украшенные коровьими головами, имеют высокий округлый поддон и небольшое тулово.

Орнаментация одного из округлых сосудов цзунь IV типа схожа с орнаментацией сосудов *цзунь* с изображением *таоте*, найденных в Гусуцунь в уезде Чэнгу в провинции Шэньси, в Цзаоян провинции Хубэй, в городе Шаши [Сунь Хуа, 2000]. Благодаря подобным аналогиям, среди всех находок позднего периода этот сосуд может быть датирован как наиболее ранний. Единственное, что не позволяет говорить о прямых аналогиях, это более высокий поддон по сравнению с найденными в Иньсюй.

Округлые сосуды *цзунь* V типа украшены головами баранов, орнаментация плечиков, тулова, поддона изображают зооморфную личину. Основной узор плечиков - это стилизованный дракон, орнаментированный спиралями. Основной узор тулова – расположенные отдельно зооморфные личины. Поддон также украшен личиной с тигриными ушами. Все данные изображения заполнены спиралями.

Форма и стиль орнаментации напоминают сосуд *цзунь*, найденный в Гусуцунь в провинции Шэньси, относящийся ко второму периоду Иньсюй [Сунь Хуа, 2000] (рис. 3).

Кроме того, были найдены два фрагмента округлого и квадратного сосудов *цзунь*.

В первом случае, это часть плечика округлого сосуда *цзунь*, орнаментированного широкими линиями, которые образует зооморфную личину. На плечике есть украшение, по форме напоминающее птицу, подобные украшения сходны с изображениями птиц сосудов *лэй*.

Во втором случае, был обнаружен фрагмент плечика квадратного сосуда *цзунь*, на котором достаточно равномерно расположенные толстые линии образуют узор в виде дракона, плечики украшены сидящими птицами с поднятыми вверх хвостами - это особенность квадратных сосудов *цзунь* второго периода культуры Иньсюй.

Скошенные плечики у округлых сосудов *цзунь* в регионе культуры Иньсюй часто встречаются в первом, втором периодах, в третьем периоде их

Рис. 3 Бронзовый сосуд *цзунь*.
Культура иньсюй (по: [Иньсюй Фухаому, 1980]).

количество заметно сокращается, а появляются сосуды ровные и прямые, напоминающие по форме кубки. Сосуды *цзунь* такого типа в большом количестве встречаются во второй жертвенной яме, но также и округлые и квадратные сосуды *цзунь*, округлые и квадратные сосуды *лэй*, что говорит о том, что все основные виды жертвенной утвари второго периода культуры Иньсюй также распространены и в Саньсиндуй. Но в Иньсюй не было обнаружено встречаемых в Саньсиндуй округлых сосудов цзунь с высоким поддоном или с немного выпуклым поддоном. Можно предположить, что в Саньсиндуй подобные предметы продолжают развиваться и изменяться самостоятельно, потому что в Иньсюй в третьем периоде культуры они уже практически не встречаются.

Округлые сосуды лэй позднего периода украшены тремя рядами орнамента. Основной узор – это зооморфные личины; орнамент, напоминающий иероглиф «冏», покрывающий плечики, схож с орнаментацией плечиков бронзового сосуда *лэй*, найденного в пригороде города Шаши в провинции

Хубэй и на памятнике Жунвань в провинции Хунань [Саньсиндуй цзисыкэн, 1999]. Традиционная орнаментация вдавленными и выпуклыми узорами стала четче, форма и общий стиль отличаются от характерных для ранних периодов, скорее всего, они соотносятся с поздним этапом второго периода культуры Иньсюй.

Резюмируя все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам - находки первой жертвенной ямы относятся к первому периоду Иньсюй (прим. 14 в. до н.э.), находки второй жертвенной ямы остаются в рамках второго периода культуры Иньсюй (13 в. до н.э.). Разделение на периоды внутри самой культуры представляется отдельным вопросом.

Предметов первой жертвенной ямы очень мало, сложно провести точный анализ, поэтому бронзовые предметы первого, второго периодов Эрлиган и первого периода Иньсюй рассматриваются в рамках одного внутреннего этапа.

Что касается находок второй жертвенной ямы, то китайскими исследователями был проведен химический анализ бронзовых изделий, в ходе которого было установлено, что более ранними являются фрагменты плечиков и сосуды со звероподобными личинами, обычно украшенные стилизованными драконами, более поздними являются сосуды с сидячими на плечиках птицами. Соответственно, эти находки можно разделить на два этапа в рамках второго периода культуры Иньсюй.

Ямы заполнялись не единовременно, учитывая тот факт, что были обнаружены туннели, идущие от ям к поверхности, можно с уверенностью сказать, что предметы, учитывая определенные религиозные нужды, могли подкладываться в ямы в течение нескольких лет. Таким образом, можно объяснить и разницу в датировках находок внутри ям.

Список литературы

Иньсюй Фухаому [Могила Фухао культуры Иньсюй]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1980. – 242 с. (на кит. яз.).

Саньсиндуй цзисыкэн [Жертвенные ямы Саньсиндуй]. – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

Сунь Хуа. Сычуань пэньдидэ цинтун шидай [Эпоха бронзы Сычуаньской котловины]. – Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 2000. – 397 с. (на кит. яз.).

Чжунго каогусюэ [Археология Китая]. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2003. – Т.: Ся-Шань. – С. 491–513. (на кит. яз.).

Чэнь Дэань, Вэй Сюэфэн, Ли Вэйган. Саньсиндуй. Чанцзян шанъю вэньмин чжунсинь таньсо [Саньсиндуй. Исследования центра цивилизации верхнего течения Янцзы]. – Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1998. – 71 с. (на кит. яз.).

Е.Л. Гольдберг, К.Э. Купер, И.Ю. Слюсаренко

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ РЕНТГЕНОВСКОЙ ТОМОГРАФИИ ДЛЯ АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ*

Использование естественно-научных методов и технологий для анализа разнообразных источников стало характерной приметой времени в современной археологической науке. Так, для определения возраста комплексов, содержащих древесину приемлемой сохранности, как, например курганы пазырыкской культуры Алтая, применяется метод древесно-кольцевого анализа или дендрохронологии. Однако, как правило, объектами изучения являются крупноформатные конструкции: срубы, могильные перекрытия, колоды, ложа-кровати, и т.п. Вместе с тем в ходе многолетних исследований накоплен значительный материал, представляющий массовые серии разнообразных деревянных предметов (украшения одежды и конской сбруи, вооружение, посуда и другая бытовая утварь и пр.) из могильников рядового населения и родовой знати скифской эпохи Алтая [Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 1994; Феномен…, 2000]. О важности дендрохронологического изучения также и деревянных изделий, и о первом опыте в этой области уже писалось ранее [Быков и др., 2008]. Целесообразность вовлечения предметов из дерева в такого рода анализ достаточно очевидна:

- зачастую древесина в коллекциях представлена именно небольшими изделиями, а не образцами погребальных конструкций;
- возможность использования предметов как дополнительного источника для датирования комплексов;
- определение пород древесины для различных реконструкций;
- изучение технологических особенностей изготовления деревянных изделий.

Как видим, эта категория находок таит в себе огромный пласт информации, который в основном остается невостребованным до сих пор. Одно из главных препятствий заключается в невозможности исследовать изделия из дерева обычными способами, которые применимы в дендрохронологии и, в первую очередь предполагают отбор образцов в виде поперечных спилов или кернов, либо необходимую подготовку соответствующей плоскости, а значит, связаны с разрушающим воздействием на объект исследования. По понятным причинам, в отношении предметов это невозможно в силу их уникальности и музейной ценности. Возникает вопрос – как полу-

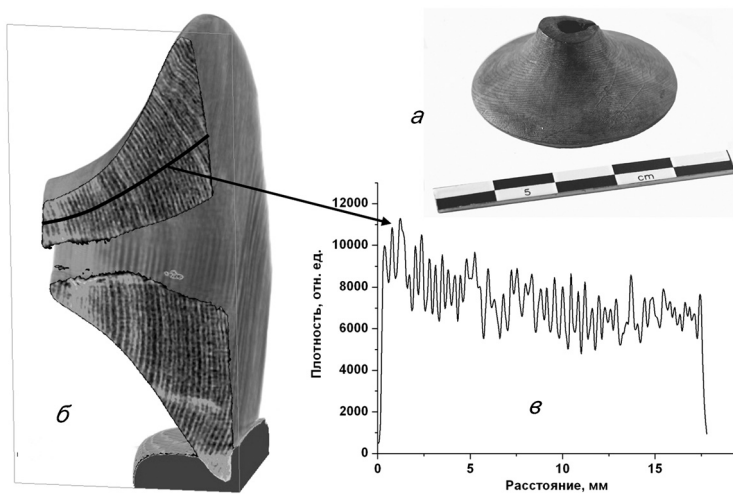
*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00476-а).

чить необходимые данные в виде измерений ширины годичных колец, не нарушая целостность артефактов? В настоящей работе в качестве выхода предлагается использование метода ***вычислительной рентгеновской томографии*** (ВРТ).

Экспериментальным образцом послужила деревянная бляха в форме усеченного конуса со сквозным отверстием в центре, которая являлась деталью колчана (см. *рисунок а*), и происходит из кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 [Полосьмак, 1994, с. 30]. Размеры предмета: диаметр – 37 мм, высота – 14 мм. Данное изделие было отобрано по причине того, что, будучи изготовлено из тонкослойной древесины, содержало достаточно большое количество годичных колец, а его сложная форма никак не позволяла производить их непосредственные замеры.

Метод ВРТ позволяет получать трехмерные данные о внутренней структуре исследуемых образцов, без их разрушения. Суть метода заключается в просвечивании образца рентгеновскими лучами, которые по-разному поглощаются в его различных областях. Ослабление рентгеновского излучения вдоль луча является интегральной характеристикой плотности исследуемого объекта. Таким образом, степень различия компонентов внутри образца зависит от их линейных коэффициентов рентгеновского поглощения.

Внутреннюю структуру трехмерного объекта можно восстановить с помощью формул обращения представляющих собой преобразование Радона, используя непрерывный набор проекций полученных при вращении



Исследование деревянного изделия методом вычислительной рентгеновской томографии.

а – общий вид колчанной бляхи из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1; *б* – поперечный разрез предмета с обозначенным радиусом измерения; *в* – кривая плотности, отражающая изменчивость ширины годичных колец.

образца. В нашем случае, где проекционные данные распределены достаточно непрерывно вдоль любого направления вращения образца, наиболее предпочтительными является аналитические методы восстановления, основанные на алгоритме обратного проецирования с использованием быстрого преобразования Фурье.

Полученные трехмерные данные можно представить в виде градации серого цвета, где наибольшая яркость, белый цвет, будет отвечать за область максимальной рентгеновской плотности.

Таким образом, области с различными коэффициентами рентгеновского поглощения будут иметь контрастные границы, что дает возможность получить их четкое распределение в образце без его разрушения.

Синхротронное излучение (СИ) является наиболее ярким источником излучения в рентгеновском диапазоне, на 3-4 порядка превышая поток фотонов от обычных рентгеновских аппаратов. Это позволяет получать качественные изображения проекций внутренней структуры объекта с более высоким пространственным разрешением, при достаточно малых временах экспозиции. Малая угловая расходимость СИ, менее 1 миллирадиана, позволяет применять алгоритм восстановления для пучка с параллельной геометрией, а большая интенсивность потока рентгеновских фотонов делает возможным использование монохроматического излучения. В результате, упрощается алгоритм восстановления и улучшается качество получаемого трехмерного изображения исследуемых объектов.

В качестве томографической установки использовалась станция «Томографии и микроскопии» на канале вывода пучка СИ из накопителя ВЭПП-3 (ИЯФ, Новосибирск). Установка включала в себя следующие основные элементы: источник СИ, коллиматор СИ, монохроматор рентгеновского излучения и экспериментальный бокс.

Источником СИ являлось излучение релятивистских электронов с энергией 2 ГэВ из вигглера с полем 2 Тл. СИ из вигглера имеет непрерывный спектр с критической длиной волны $\lambda_c = 2.33$ Å и интегральной мощностью 10^3 Вт. Блок входных щелей служит для формирования горизонтальных и вертикальных размеров пучка СИ и необходим для снижения тепловых и радиационных нагрузок на последующие элементы установки. Для выделения рабочей длины волны рентгеновского излучения использовался монохроматор, выполненный на основе монокристалла кремния с дифракционной плоскостью (111) обеспечивающий степень монохроматизации $\Delta\lambda/\lambda=10^{-3}$. В работе использовалось излучение с длинной волны λ=0.9Å позволявшие получать контрастные изображения исследуемых объектов. В экспериментальном радиационно-защищенном боксе были установлены входные щели, держатель с возможностью позиционирования и вращения образца и двухкоординатный рентгеновский детектор. Входные щели были необходимы для формирования профиля пучка СИ и отсечки рассеянного, паразитного, излучения от исследуемого объекта. Держатель обеспечивал подстройку образца по двум координатам относительно детектора и позволял выпол-

нять прецизионное вращение объекта для получения необходимого набора проекций. В качестве детектора рентгеновского излучения использовалась ПЗС матрица, фирмы «Photonic science», состоящая из 4008×2670 элементов, с размером одного элемента 16×16 мкм. В ходе томографической съемки мы получали непрерывный ряд проекций от 0 до 180 градусов, с шагом 1 градус, который позволял достичь пространственного разрешения 100 мкм в восстановленном трехмерном изображении изучаемого объекта. Такое разрешение обеспечивает вполне отчетливое различение границ годичных колец, в том числе и достаточно узких. Однако, размер пучка СИ, рабочая область детектора (41×61 мм^2) и используемая длина волны рентгеновского излучения накладывает ограничения на размер исследуемых объектов, который не должен превышать 50-60 мм в поперечном сечении.

Трехмерное изображение позволяет получить виртуальный разрез предмета в любой требуемой плоскости, в том числе его поперечное сечение, которое обычно используется для фиксации ширины годичных колец (см. *рисунок, б*). Существующие программные продукты позволяют измерить значения ширины колец по избранному радиусу и, в итоге получить требуемые для древесно-кольцевого анализа данные в их обычном формате – в виде числового ряда или графической кривой (см. *рисунок, в*). Все дальнейшие процедуры, связанные с использованием этих данных, происходят уже с участием привычных инструментов дендрохронологического исследования: индивидуальные ряды сравниваются между собой, а затем перекрестно датируются по обобщенным древесно-кольцевым хронологиям памятников или длительным абсолютным дендрошкалам.

Определенную проблему может представлять то, что предметы, как правило, имеют небольшие размеры, и соответственно, по ним можно получить часто лишь короткие ряды, не более нескольких десятков колец, что по обычным стандартам является недостаточным для надежного датирования, так как перекрытие сравниваемых хронологий должно составлять не менее 50-70 лет [Методы..., 2000, с. 48]. В нашем случае, например, измеренный ряд насчитывал около 50 колец. Однако положение значительно облегчается в силу того, что для большого ряда памятников пазырыкской культуры уже построены обобщенные древесно-кольцевые хронологии по строительной древесине (могильники Чуйской котловины, плато Укок, Северо-Западной Монголии), а также длительная абсолютная дендрошкала для Саяно-Алтая [Мыглан и др., 2008]. Длительные хронологии позволяют проводить перекрестное датирование коротких древесно-кольцевых рядов, полученных по деревянным изделиям, особенно, если для этих же курганов уже имеются дендрохронологические данные. Т.о., появляется отсутствовавшая раннее возможность скоррелировать хронологию изготовления погребальных конструкций и предметов погребального инвентаря. Первый опыт относительного датирования курганов по коротким рядам годичных колец из предметов получен на материалах могильника гунно-сарматской эпохи Алтая Яломан II [Быков и др., 2004; Быков и др., 2008].

Проведенные нами работы показали, что использование метода вычислительной рентгеновской томографии для анализа деревянных изделий из археологических памятников открывает недоступные ранее возможности, имеет очень хорошие перспективы и требует дальнейшей разработки.

Список литературы

Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и анатомический анализ древесины из могильника Яломан II (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. II. – С. 192–194.

Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А. Анатомический анализ древесины изделий из памятников гунно-сарматской эпохи Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 139–144.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.

Мыглан В.С., Ойдупаа О.Ч., Кирдянов А.В., Ваганов Е.А. 1929-летняя древесно-кольцевая хронология для Алтае-Саянского региона (Западная Тува) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 25–31.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы». – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 125 с.

Методы дендрохронологии / **С.Г. Шиятов, Е.А. Ваганов, А.В. Кирдянов, В.Б. Круглов, В.С. Мазепа, М.М. Наурзбаев, Р.М. Хантемиров**. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. – Ч. I: Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации. – 80 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков, Л.В. Лбова

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ХАДАРТА IV НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ

Хадартинским отрядом археологической экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – Иркутского государственного университета в 2010 г. проведены плановые тематические раскопки могильника бронзового века Хадарта IV.

Древний некрополь находился на СЗ побережье Малого моря оз. Байкал, в 2,7 км к ЮЗ от п. Курма (Ольхонский район Иркутской области). Могильник расположен на восточном склоне горы западного побережья залива Хагдан-Далай, в 0,8 км к СЗ от СВ оконечности мыса Хадарта.

Объект обнаружен новостроечным отрядом Байкальской комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (О.И. Горюнова, М.Я. Скляревский) в 1991 г. На могильнике было зафиксировано 14 надмогильных сооружений, выложенных из камней [Горюнова, Свинин, 1996]. Для определения их датировки в 1994 г. отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ (А.В. Харинский) вскрыто 3 погребения (№ 1, 2, 13), датируемые бронзовым веком [Харинский, Сосновская, 2000]. В 2003 г. к тематическим раскопкам могильника приступил Курминский отряд Российско-Канадской археологической экспедиции. В восточном конце некрополя вскрыто 2 могилы (№ 3, 4), в которых, несмотря на то, что они были нарушены в древности, были зафиксированы интересные археологические материалы, в частности – сосуд с антропоморфными изображениями [Горюнова, Вебер, 2003]. В 2006 г. одно погребение (№ 10 по общей нумерации) было вскрыто отрядом Лаборатории древних технологий Иркутского государственного технического университета (Г.В. Туркин). В задачи работ 2010 г. входило полное вскрытие могильника и всестороннее его изучение.

Могильник размещен в межгрядовом понижении на высоте от 14 до 30 м над уровнем Байкала. Его протяженность по линии З – В (по склону) – 75 м. С севера и юга он ограничен скальными грядами. В месте раскопов стратиграфический разрез представлен: дерн (мощность 0,05-0,07 м), темная гумусированная супесь (0,10-0,25 м), желтая щебенистая супесь с затеками карбонатов (0,26-0,37 м), ниже – скальник. Рыхлые отложения культурных слоев не содержат.

За полевой сезон вскрыто 9 погребений. Практически все они располагались в западной части могильного поля (выше по склону). Захоронения

грунтовые; они находились под надмогильными кладками, выложенными из плит в несколько слоев. Все они нарушены в древности, поэтому представляли собой кольцевые конструкции, округлой – 3 (№ 8, 11, 15) и овальной - 6 (№ 5-7, 9, 12, 14) формы. Преобладающая ориентировка овальных кладок большей стороной по линии ЮЗ – СВ; исключение составляли погребения № 5 (З – В) и № 14 (СЗ – ЮВ). Размеры овальных сооружений: 4,8-4,2 х 4,1-3,5 м. Диаметры округлых кладок от 3,8 до 4,9 м. Отмечено от 2 до 5 уровней внутримогильных перекрытий, состоящих из камней. Могильные ямы – овальные; ориентированы преимущественно по линии ЮЗ – СВ (с небольшими отклонениями к югу).

Практически все погребения потревожены в древности, вследствие чего костяки сохранились не полностью. Как правило, анатомический порядок сохраняли кости нижней половины погребенного. Судя по форме, размерам, ориентации могильной ямы и положению остатков костяка, трупоположение всех погребенных – вытянутое на спине, головой на ЮЗ (с некоторым отклонением к югу). Все вскрытые захоронения индивидуальные.

Сопроводительный инвентарь зафиксирован во всех погребениях. В связи с тем, что могилы были потревожены в древности, часть изделий (как и костей) обнаружена в кладке, на уровне перекрытий и непосредственно в могиле. Апплицирование обломков ряда изделий, найденных на разных уровнях, позволяет думать, что они были выброшены из могилы в момент ее нарушения.

Основное размещение инвентаря в могиле – скоплениями, отмеченными у пояса, в районе бёдер и в головах погребенного. В его составе орудия из камня: шлифованные ножи и тесло из зеленого нефрита, скребки (преобладают концевые), наконечники стрел с прямой и вогнутой базой, листовидные ножи-бифасы и ножи с краевой ретушью на пластинчатых сколах, сверло, комбинированное орудие (проколка – скребок), призматические пластины, пластинчатые сколы и абразивы из мелкозернистого сланца. Изделия из кости и рога представлены: гарпунами с выступом в основании для крепления линя, цельным рыболовным крючком, наконечниками стрел, остриями, лощилами и прямыми стерженьками составных рыболовных крючков с отверстием в основании. В трех случаях (погр. № 11) в отверстиях находились жальца из металла (медь или бронза). В погребении № 7 обнаружена бронзовая (медная -?) игла с круглым ушком.

Набор украшений стандартный для погребений бронзового века Прибайкалья; он представлен дисками из светлых пород камня: нефрита, мрамора и кальцита – 7 (№ 9, 12, 15) и обломками от 2 колец из светлого нефрита (№ 12).

В погребальной практике населения, оставившего могильник Хадарта IV, вероятно, особое место занимали керамические сосуды, которые отмечены в 4 погребениях (№ 6, 8, 9, 11) из 9 вскрытых в 2010 г. могил. Керамика штриховая, от круглодонных сосудов, закрытой формы. Орнамент располагался в верхней части сосудов. Композиции орнаментов простые,

состоящие из горизонтальных рядов, выполненных жемчужинами или ногтевыми вдавлениями. Отмечены единичные фрагменты керамики от гладкостенных сосудов.

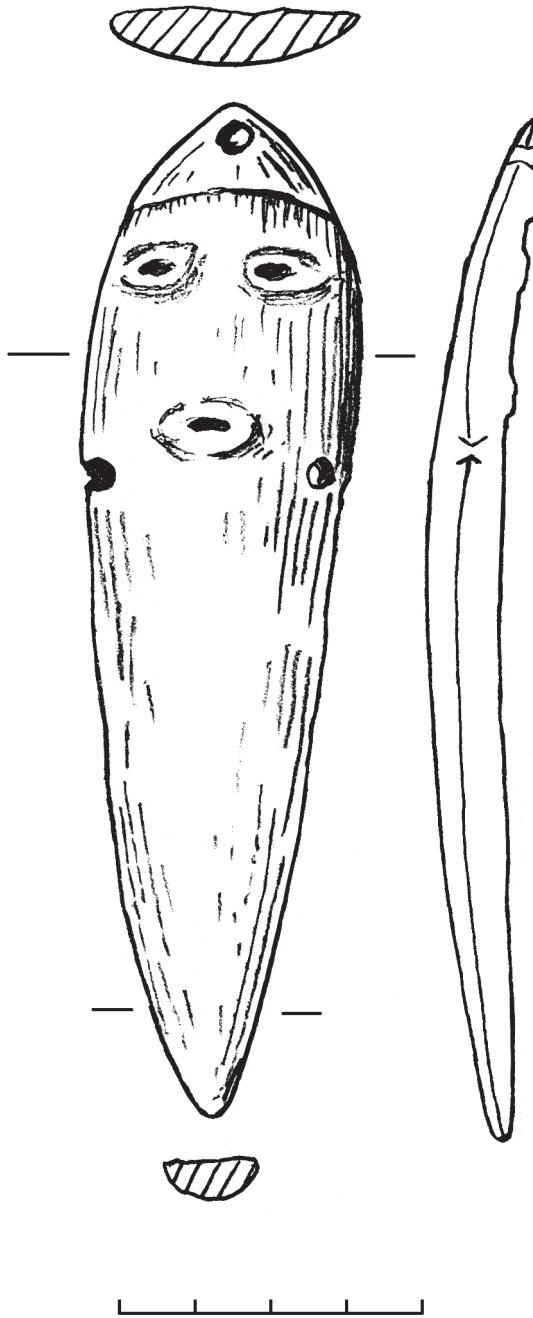
Уникальной для побережья озера Байкал является находка антропоморфной скульптуры малых форм из роговой пластины (см. *рисунок*), обнаруженной в погребении № 11. Изделие располагалось в головах погребенного, совместно с орудиями из кости: двумя лощилами, цельным крючком и 2 стерженьками от составных рыболовных крючков с медными (бронзовыми -?) жальцами. Они были плотно уложены друг к другу, вероятно, находясь в какой-то сумке.

Изображение – одностороннее, выполненное резьбой; некоторую объемность создает выпуклая лицевая поверхность рога, из которого изготовлена скульптура. Длина изделия 13,3 см, наибольшая ширина (голова скульптуры) – 3,4 см. На пластине (с приостренным нижним концом) тщательно оформлена голова, которая занимает примерно 1/3 изделия. Ноги и руки скульптуры не проработаны; туловище – в виде приостренного стержня. Голова отделена от него отверстиями, которые, вероятно, служили для крепления. Третье отверстие – на конце приостренной головы, выделенной древним мастером рельефом (несколько выдается над поверхностью лица). Возможно предположить, что таким образом показан головной убор, либо отмечена линия волос. На лице тщательно проработаны глаза и рот. Глаза выполнены миндалевидными углублениями в овальных выпуклостях, выступающих над поверхностью лица. В той же манере выполнен рот, нос не обозначен.

Необходимо отметить стилистическое единство воспроизведения антропоморфного лица с «классическими» глазковскими скульптурами малых форм [Студзицкая, 1970]. Однако, глазковские скульптуры, как правило, выполнены в полный рост, с канонической проработкой ног и часто рук. Различия в деталях, отмеченные между ними, не меняют единства трактовки образа в целом.

Несмотря на внешнюю индивидуальность, скульптура из погребения № 11 Хадарты IV, несомненно, входит в общую группу глазковских антропоморфных изображений и является предметом культового назначения. Наличие отверстий на скульптуре позволяет предполагать, что она могла служить подвеской к шаманскому костюму, олицетворяя собой духа-«помощника» шамана.

В целом, могильник Хадарта IV по конструкции надмогильных сооружений, трупоположению и ориентации погребенных, набору и типологии сопроводительного инвентаря аналогичен глазковским захоронениям бронзового века Приольхонья и, в целом, Прибайкалья. Наиболее близкие сопоставления находим с погребениями могильников Хужир-Нугэ XIV и Курма XI, датируемых на основе серии калиброванных радиоуглеродных определений 2,7-2,0 тыс. л. до н.э. [Вебер, Горюнова и др., 2004; Вебер, Горюнова, 2005; Новиков, 2007; Новиков, Горюнова и др., 2008]. По погребениям



Антропоморфная скульптура из погр. № 11 могильника Хадарта IV.

из могильника Хадарта IV имеется 2 радиоуглеродные (не калиброванные) даты: № 1 - 3910±110 л.н. (СО АН-3349) и № 13 - 3645±85 л.н. (СО АН-3348) [Харинский, Сосновская, 2000], не противоречащие этой датировке.

Из всех погребений, вскрытых в 2010 г., взяты образцы для лабораторных определений методами естественных наук, в том числе: абсолютного возраста, рациона питания и генетики.

Список литературы

Вебер А.В., Горюнова О.И. Хронология могильника Курма XI (оз. Байкал) по археологическим и радиоуглеродным данным // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2005. – Вып. 3. – С. 186–190.

Вебер А.В., Горюнова О.И., Бэукенс Р.П. Радиоуглеродное датирование могильника эпохи бронзы Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 64–72.

Горюнова О.И., Вебер А.В. Работы Российско-Канадской экспедиции на могильниках бронзового века побережья оз. Байкал // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. 9, ч. 1. – С. 331–335.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч. 2: материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с., 1 карта. – (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология).

Новиков А.Г. Погребальная практика населения глазковской культуры Прибайкалья: по материалам могильника Хужир-Нугэ XIV: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Иркутск, 2007. – 26 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И., Вебер А.В. Погребальные обряды населения бронзового века Приольхонья (по материалам могильника Курма XI) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 431–433.

Студзицкая С.В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА. – 1970. – № 1. – С. 19–33.

Харинский А.В., Сосновская Н.С. Могильник бронзового века Хадарта IV // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 2. – С. 66–100.

С.П. Грушин, В.М. Шайхутдинов, И.В. Мерц

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА АЛТАЕ*

В 2010 г. Алтайским государственным университетом проводились археологические исследования на памятниках эпохи ранней бронзы в предгорной и лесостепной зонах Алтая. Работы осуществлялись уже на известных комплексах, раскопки на которых в силу разных обстоятельствах не велись несколько лет. Исследования были проведены на поселении Колыванское-I, которое расположено на северо-восточном берегу оз. Колыванское в Курьинском районе Алтайского края. Данный памятник был открыт в 1982 г. Ю.П. Алехиным и исследовался им в 1984–1988 гг. В ходе этих работ было вскрыто более 1200 кв. м. площади культурного слоя [Алехин, Кирюшин, 1996].

На поселении в 2010 году было вскрыто около 200 кв.м. площади, получен значительный археологический материал, открыты остатки хозяйственных и жилых сооружений. Находки представлены фрагментами керамических сосудов, каменными наконечниками стрел, предметами металлургии и металлообработки – сплески металла, руда, шлаки, два бронзовых шилья. На поселении получен значительный остеологический материал, который стал объектом палеозоологических определений. Кроме того, на памятнике были отобраны пробы для радиоуглеродного и палинологического анализов.

Автор раскопок поселения Колыванское-I Ю.П. Алехин выделил несколько культурно-хронологических комплексов на памятнике. Ранний комплекс он соотносил с эпохой энеолита и выделял на его основе «колыванскую» археологическую культуру [Алехин, 1999]. Одним из авторов данной статьи были высказаны сомнения в отнесении раннего комплекса этого памятника к эпохе энеолита и правомерности выделения новой культуры, сопоставив опубликованные материалы, прежде всего керамики и костяных наконечников стрел, с елунинскими материалами Верхнего Приобья пришел к выводу об их культурной идентичности [Грушин, 2001; 2005]. Анализ находок, полученных при раскопках на поселении в 2010 году подтверждает выводы, сделанные ранее, и позволяет связать основной комплекс с елунинской археологической культурой. Керамика украшенная «отступающей палочкой» и «шагающей гребенкой» находит ближайшие аналогии

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№10-01-60706е/Т).

в материалах поселения Березовая Лука датируемого по радиоуглеродным датам концом III – перв. четв. II тыс. до н.э. [Кирюшин, Грушин, 2005]. Вероятно, в этих хронологических рамках и следует датировать ранний комплекс поселения Колыванское-I. Следует отметить, что среди полученных материалов, не большое количество фрагментов керамики можно отнести к периодам поздней бронзы и раннего железного века.

Другим памятником, на котором были осуществлены полевые исследования в прошедший полевой сезон стал грунтовый могильник Телеутский Взвоз-I [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003]. Памятник расположенном на высоком, разрушающемся мысу левого коренного берега р. Обь, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края были проведены геофизические исследования с целью выявления структуры памятника, фиксации его границ и особенностей планировки. Работы проводились совместно с сотрудниками ИАЭ СО РАН и ИНГГ СО РАН с использованием метода высокоточной магнитометрии [Дядьков, Молодин, Чемякина, Михеев, 2005]. Градиентометрическая магнитная съемка выполнена на площади 11840 кв.м. По итогам измерений была составлена магнитограмма, на которой отчетливо выделяются аномалии, планиграфически связанные с раскопанными ранее древними погребальными комплексами эпохи ранней бронзы (подробнее – см. статью Дядькова, Грушина, Михеева, Поздняковой в данном сборнике). В ходе археологической проверки отдельных участков, на которых выявлены магнитные аномалии, было исследовано четыре захоронения елунинской культуры. Нумерация погребений продолжает принятую систему обозначений объектов на памятнике в 1996–2003 гг.

Могила №44. Пятно фиксировалось на глубине 35 см от современной поверхности. Яма имела четырехугольную форму размерами 200х160 см, и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Заполнение ямы – мешанная супесь с углистыми прослойками и прокалами супеси и суглинка, особенно по периметру пятна (стенки ямы). Глубина ямы в материке – 115 см.

На дне ямы была расчищена сгоревшая погребальная камера с продольным перекрытием. Оно состояло из жердей диаметром около 10 см. В центре перекрытия фиксировался грабительский лаз. В камере зафиксированы обуглившие останки одного человека, похороненного на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Останки размещались на подстилке из ивовых прутьев, уложенных продольно на дне камеры. В ходе расчистки погребальной рамы удалось зафиксировать особенности крепления стыков продольных и поперечных жердей камеры с помощью деревянных шпеньков диаметром 1-1,5 см, длинной до 10 см.

Могила №45. Погребение составляло один ряд с могилой №44, располагаясь от последней в 2,2 м к ЮВ. Пятно ямы фиксировалось на глубине 60 см от современной поверхности. Заполнение ямы – светло-серая супесь. Объект имел четырехугольную форму с размерами 230х160 см, был вы-

тянут длинной осью по линии ЮЗ-СВ. На глубине 50 см от материка у северной и восточной стенок фиксировались углистые прослойки и прокал супеси и суглинка. Глубина ямы в материке – 85 см. На дне могильной ямы обнаружены потревоженные останки одного человека, судя по которым умерший был похоронен на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. Скелет покоился на подстилке из плашек, уложенных на дно в несколько слоев, перекрытых сверху листами бересты. Подстилка имела многочисленные следы огня. В южном углу под тленом перекрытия обнаружен небольшой обломок бронзового ножа.

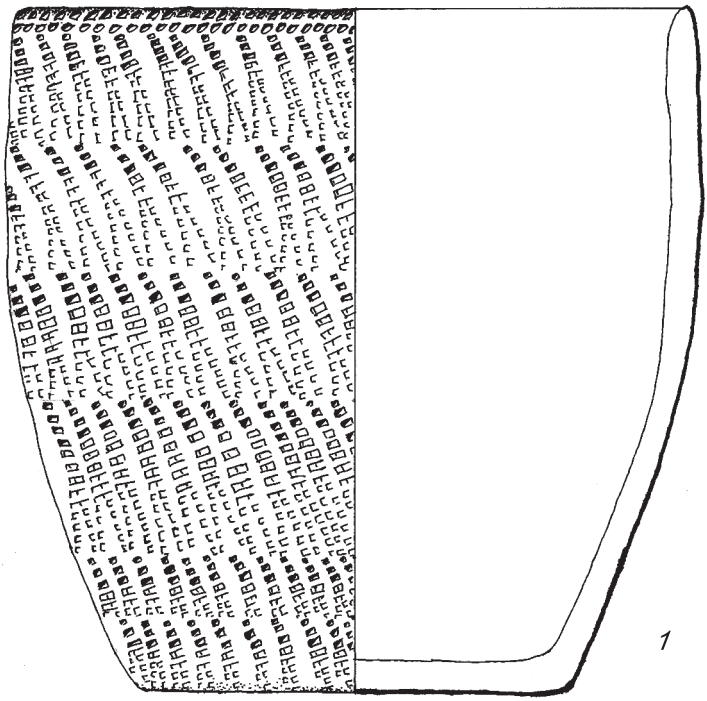
Между могил №44 и 45 на уровне материка были обнаружены два керамических сосуда, украшенные по всему тулову горизонтальными лентами, выполненными «гребенчатой качалкой» (см. *рисунок, 1*) и «шагающей гребенкой» (см. *рисунок*, *2*).

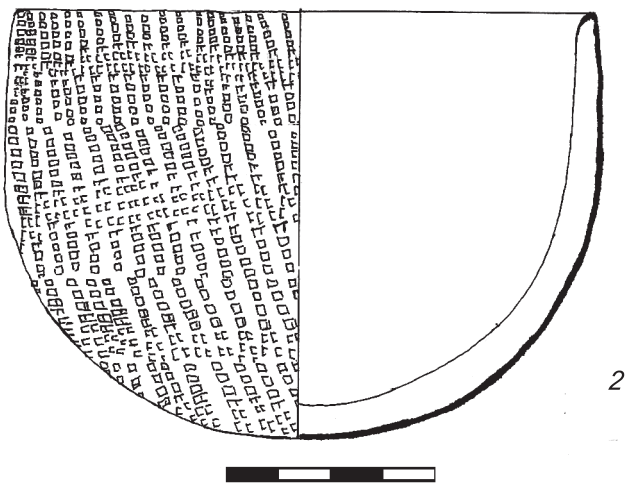
Могила №46. Пятно фиксировалось на глубине 45 см от современной поверхности. Заполнение ямы – темная супесь. Яма имела четырехугольную форму размерами 210х180 см, и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ-СВ. Глубина ямы в материке – 85 см. В ее заполнении и на дне обнаружены потревоженные останки не менее чем от трех человек. Судя по сохранившимся in situ костям, умершие люди были похоронены на левом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на СВ. У западного края могильной ямы на уровне материка обнаружена крупная стенка керамического сосуда, украшенного в технике «шагающей гребенки».

Могила №47. Пятно фиксировалось на глубине 60 см от современной поверхности. Заполнение ямы – темная супесь. Яма имела четырехугольную форму размерами 145х85 см, и была вытянута длинной осью по линии ЮЗ-СВ. В заполнении ямы встречалась мешанная супесь с небольшими пятнами древесного тлена. Глубина ямы в материке – 40 см. Над пятном на глубине 50 см от современной поверхности найдены разрозненные кости человека. В заполнении и на дне ямы находок не обнаружено.

Кроме погребений на исследованной площади памятника было выявлено 15 ям различной формы и глубины, в некоторых из которых обнаружены кости животных. Часть исследованных ямы не связаны с елунинским комплексом, в двух случаях они перерезали погребения раннего бронзового века, отличались более темным и четким контуром пятна. По обнаруженным фрагментам керамики, такие объекты могут быть связаны с ранним железным веком.

Таким образом, в ходе полевых исследований памятников раннего бронзового века на территории лесостепного и предгорного Алтая были получены новые материалы по елунинской археологической культуре. Исследования поселения Колыванское-I подтвердили елунинскую культурную принадлежность поселка. Проведенные геофизические исследования с последующей археологической проверкой на могильнике Телеутский Взвоз-I продемонстрировали высокую эффективность методов магнитной разведки, а полученный археологический материал позволил выявить неизвестные





Керамические сосуды, обнаруженные на могильнике Телеутский Взвоз I.

ранее строительные нюансы при сооружении погребальных внутримогильных конструкций. Работы показали, что территория памятников испытывает существенную антропогенную нагрузку, в результате ее использования туристами и рыбаками. Результатами этого являются многочисленные современные «хозяйственные» ямы и мусорные кучи, через площадь памятников проходят полевые дороги. Кроме антропогенного разрушения культурный слой поселения Колыванское-I, разрушается береговой эрозией, в результате волновых процессов, а могильника Телеутский Взвоз-I – в ходе периодических обвалов северной кромки мыса в р. Обь. Выявленные обстоятельства определяют научно-практическую актуальность полевого исследования комплексов.

Список литературы

Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебряный венец России. Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 17–65.

Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. – С. 12–21.

Грушин С.П. К вопросу о культурной принадлежности некоторых памятников эпохи ранней бронзы предгорно-равнинного Алтая // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 84–89.

Грушин С.П. Памятники эпохи раннего бронзового века Рудного Алтая // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. – Томск, 2005. – С. 147–149.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Исследование памятника Березовая Лука в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 325–328.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

П.Г. Дядьков, О.А. Позднякова,
С.П. Грушин, М.А. Чемякина, О.А. Михеев

АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ I*

Памятник Телеутский Взвоз I расположен на высоком разрушающемся мысу левого коренного берега р. Обь, в 5 км к северо-востоку от с. Елунино Павловского района Алтайского края. Благодаря систематическим исследованиям, организованным сотрудниками Алтайского госуниверситета, здесь были выявлены комплексы елунинской [Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003], андроновской [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2000], ирменской [Папин, Грушин, 2004] культур, а также раннего железного века и монгольского времени [Тишкин, Горбунов, Казаков, 2002]. Несмотря на значительный объем произведенных на памятнике археологических работ, характер полученного материала позволяет утверждать, что дальнейшие исследования могильника Телеутский Взвоз I имеют большой научный потенциал для изучения древней истории юга Западной Сибири.

Для прогноза расположения археологических объектов, относящихся к различным культурно-хронологическим комплексам, а также с целью определения границ памятника и стратегии последующих целенаправленных археологических раскопок, в мае 2010 года, при участии сотрудников ИАЭТ СО РАН, ИНГГ СО РАН и АлтГУ, на памятнике были произведены магнитометрические исследования. Многолетний опыт археолого-геофизического сотрудничества показал, что для памятников с контрастными по магнитным параметрам грунтами магнитометрия является наиболее оптимальным методом. Учитывая мозаичность исследованных археологических раскопов, геофизические участки были разбиты с таким расчетом, чтобы охватить практически всю не раскопанную часть мыса, вытянутого по линии север-юг. Основой для геофизической разметки послужил топографический план памятника. До начала работ участки были проверены с помощью металлоискателя, чтобы свести к минимуму засоренность железными предметами. Магнитометрия производилась с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента (характеристика, принцип действия, возможности и преимущества этого прибора неоднократно описывались ранее [Дядьков и др., 2005]. Картирование участков выполнялось последовательно, с севера на юг. Замеры производились во

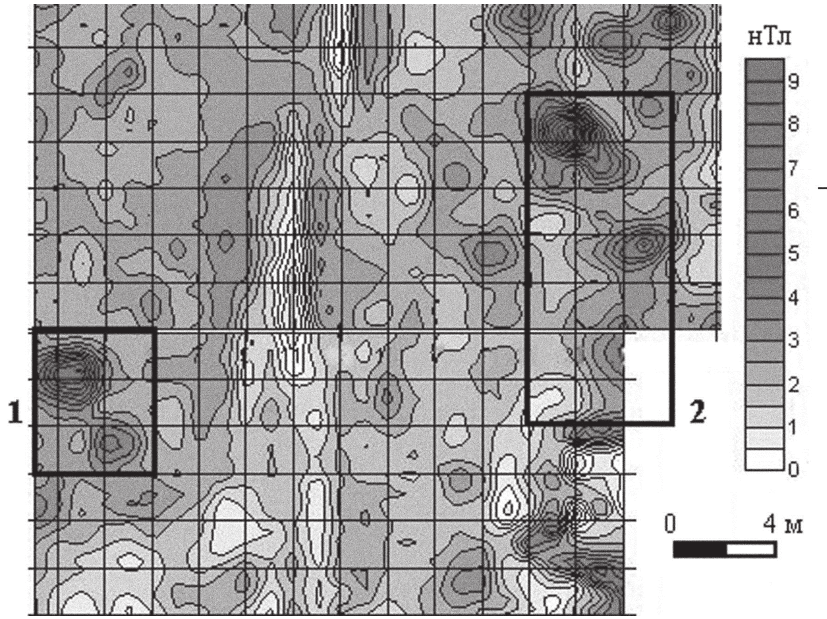
*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 09-06-00204а, 10-06-10021к), РГНФ (№ 10-01-60706е) и интеграционного проекта СО РАН (№ 16).

время равномерной ходьбы оператора с юга на север по параллельным профилям, с шагом 1 м. Сигналы по профилю регистрировались через 0,1 м, метки ставились через 2 м. Разнос между датчиками составил 75,5 см, расстояние от нижнего датчика до земли – 40-60 см. Общая площадь геофизической съемки 11840 м^2.

После обработки полученной цифровой информации были построены магнитограммы исследованных участков. Общий фон характеризуется достаточно пестрой картиной хаотично расположенных неоднородностей, с положительными значениями до 3,5 нТл. Возможно, такая неоднородная картина связана с распашкой, которая предположительно производилась здесь в середине XX века. Это подтверждает и найденный нами с помощью металлоискателя железный наконечник плуга. Количество помех, связанных с присутствием в грунте черного металла, минимально. На участках, прилегающих к старым раскопам, а также в северо-западной части памятника, где курганы ирменской культуры были сдвинуты при сооружении земляного вала для защиты мыса от эрозии, в данные добавляется погрешность, связанная с резкими изменениями рельефа. Археологические объекты предположительно проявились на магнитограмме в виде положительных магнитных аномалий, представленных как одиночно, так и скоплениями, с повышенными магнитными значениями 4-8,5 нТл. Большинство скоплений по форме, размерам, ориентировке аномалий, а также по их планиграфическому расположению предварительно можно интерпретировать как елунинские погребения и ямы. Такие скопления в виде разреженных отдельных рядов аномалий выявлены на всей площади мыса, их возможная принадлежность к елунинской культуре подтверждается и археологическими данными.

Многочисленные точечные аномалии интерпретировать сложно. Часть из них, со значениями до 8 нТл, расположена в зоне не раскопанных курганов. На месте некоторых обозначенных на топографическом плане насыпей аномалии отсутствуют. Поскольку курганы последующих эпох в значительной степени снивелированы или разрушены под воздействием природных и антропогенных факторов, имеют незначительную высоту и хорошо задернованы, авторы раскопок допускали, что некоторые обозначенные объекты могут оказаться естественными всхолмлениями [Тишкин и др., 2002, с. 33]. Наличие кургана ирменской культуры (№ 31) можно предполагать в северной части памятника, где концентрируются все изученные курганы этого времени. На магнитограмме в центре площадки, диаметром около 10 м, окруженной рвом с разрывом в ЮЮВ части, выделяется аномалия со значением 4,5 нТл. Аналогичные особенности устройства кургана были зафиксированы, в частности, при исследовании ирменского кургана № 5 [Папин, Грушин, 2004, с. 96].

Для проверки и подтверждения полученных геофизических результатов были проведены археологические исследования. В северо-западном углу участка № 6, над двумя магнитными аномалиями был заложен раскоп, площадью 34 м^2 (см. *рисунок*). Было установлено, что данным аномалиям



Телеутский Взвоз I. **Участок магнитограммы памятника** (цифрами обозначены зоны археологической проверки).

в раскопе соответствуют захоронения елунинской культуры. Погребению № 44 (северному), размерами 2×1,6×1,15 м (здесь и далее глубина ям указана от уровня материка), соответствует округлая аномалия, диаметром около 4 м, со значением 6,5 нТл. Погребению № 45, размерами 2,3×1,6×0,85 м, соответствует аномалия, диаметром около 2,5 м, со значением 4 нТл. Оба погребения прямоугольной формы, ориентированы длинной осью по линии ЮЗ-СВ и заполнены мешаным грунтом из светло-серой супеси и материкового суглинка. Различие между размерами погребальных ям и магнитных аномалий, а также разница магнитных значений этих двух захоронений, по-видимому, объясняется особенностями заполнения. В погребении № 44 зафиксированы мощные следы горения и прокал на стенках ямы, в то время как в погребении № 45 отмечены лишь небольшие углистые прослойки и прокалы, а также обгоревшая береста. Известно, что при воздействии высоких температур существенно изменяет свои суперпарамагнитные характеристики лишь материковый грунт, что не противоречит известному свойству глин приобретать магнитные свойства при нагревании [Молодин и др., 2001]. Ямы раннего железного века, выявленные в раскопе, не проявились на магнитограмме из-за незначительных размеров и заполнения идентичного почвенному предматериковому слою.

Еще один раскоп, общей площадью 42 м^2, заложен на границе участков №№ 5, 6 над тремя хорошо выраженными магнитными аномалиями

(рис. 1, *2*). Самой северной аномалии аморфной формы, размерами около 4×3 м, со значением 8,5 нТл соответствует скопление из погребения № 46 и трех ям. Погребение прямоугольной формы, размером 2,1×1,8×0,85 м, ориентировано по линии ЮЗ-СВ и заполнено мешаной супесью. Повышенные магнитные значения, в данном случае, не связаны со следами горения. Поскольку на дне ямы зафиксированы потревоженные останки не менее трех человек, можно предположить, что такие значительные магнитные параметры связаны с более интенсивной деятельностью «магнитных» бактерий в местах с повышенной концентрацией органики. Три ямы, диаметром 1-1,5 м, глубиной 0,35-0,75 м, заполнены светлой мешаной супесью.

Вторая аномалия овальной формы, размером около 3×2 м, со значением 5,5 нТл соответствует в раскопе месту локализации ямы размерами 0,75×0,5×0,1 м, ориентированной по линии ЮЗ-СВ, заполненной светлой мешаной супесью и прокалом. Возможно, она проявилась на магнитограмме вместе со слабой аномалией в 3 нТл, соответствующей расположению неглубокого погребения № 47. Могильная яма размерами 1,45×0,85×0,4 м ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Заполнение мешаное, со следами древесного тлена.

Еще одна яма аморфной формы, размерами 5×2,5×0,2 м вытянута по линии СЗ-ЮВ и заполнена светлой мешаной супесью. В заполнении и на дне ямы обнаружены разрозненные кости животных. Этот объект частично исследован за границами магнитограммы, однако аномалия, представляющая часть этой ямы соответствует ей по всем основным параметрам.

Кроме того в раскопе вскрыты еще четыре неглубокие ямы. Три из них овальной, либо прямоугольной формы, размерами 0,75-2×0,5-1,25×0,1-0,25 м, ориентированы по линиям ЮЗ-СВ и СЗ-ЮВ и заполнены светлой мешаной супесью. В одной из ям найдены кости животных. На магнитограмме эти объекты четко не локализуются.

Таким образом, археолого-геофизические исследования позволили не только получить подробную магнитную карту могильника Телеутский Взвоз I, но и подтвердить геофизические данные археологическими раскопками. В условиях интенсивного разрушения памятника под воздействием как природных, так и антропогенных факторов, эти результаты чрезвычайно важны для выбора наиболее перспективных участков для дальнейших археологических исследований, направленных на сохранение и изучение нашего культурного наследия.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Андроновская могила на памятнике Телеутский Взвоз-I // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – С. 40-47.

Молодин В.И., Парцингер Г., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Дядьков П.Г., Омельяненко А.В., Балков Е.В., Абель Д. Геофизические исследования городища Чича-1 в 2001 г. // Проблемы археологии и этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т.VII. – С. 391–398.

Папин Д.В., Грушин С.П. Ирменский комплекс на памятнике Телеутский Взвоз I // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 93–103.

Тишкин А.А, Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 276 с.

П.Г. Дядьков, С.Ю. Тикунов, М.А. Чемякина, О.А. Позднякова, Д.В. Степаненко, Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КУРГАНАХ В СУЗУНСКОМ РАЙОНЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ*

Первые археологические работы в Сузунском районе были осуществлены археологической экспедицией Ленинградского Отделения Института археологии АН СССР под руководством профессора М.П. Грязнова в 1952 - 1954 гг. Отрядом М.Н. Комаровой выявлены стоянки эпохи раннего металла, памятники бронзового и железного веков у сел Кротово и Мереть. С 1972 года археологические разведки и раскопки небольшими площадями проводились Западно-Сибирским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции (начальник экспедиции академик А.П. Окладников, начальник отряда В.И. Молодин). Большинство памятников открыто по берегам Оби и рек Верхний Сузун и Нижний Сузун. Результаты работ вошли в «Археологическую карту Новосибирской области» [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 103 - 113]. В 90-е годы археологические работы в Сузунском районе проводились силами НПЦ по сохранению историко-культурного наследия при Администрации Новосибирской области. В 2000 г. сотрудником ИАЭТ СО РАН А.П. Бородовским (см.: [Бородовский, 2001]) были проведены аварийные раскопки нескольких курганов в районе с. Верхний Сузун, сняты планы памятников.

Сузунский район чрезвычайно интересен в природном отношении – это предгорная зона с густыми ленточными борами. Здесь на границе леса и степи располагается достаточно большое количество древних могильников и поселений от эпохи неолита до средневековья. Данная территория является одной из наименее исследованных в Новосибирской области. Из 66 известных памятников, с помощью раскопок исследовано на сегодняшний день только не более 10, а 30 памятников (по итогам мониторинга 1999 года) подвергаются разрушению со стороны природных и антропогенного факторов. Поэтому главной задачей Южно-Алтайского отряда в 2010 году было: провести мониторинг уже известных могильников и продолжить поиск новых.

Маршрут археологического мониторинга охватил район между селами Верхний Сузун - Камышенка - Мереть. По результатам инвентаризации 1999 года и разведки А.П. Бородовского для этой территории характерны

*Исследования выполнены в рамках проектов РФФИ (№ 05-06-00204а, 10-06-10021) и интеграционного проекта СО РАН (№ 16).

высокие темпы эрозии береговой кромки (р. Обь и р. Сузун) и разрушение памятников в результате ежегодной распашки. Так, на памятнике Камышенка 1 (близ пос. Лесниковский), открытом в 1953 году М.Н. Комаровой из 70 объектов в настоящее время визуально фиксируется только шесть. (Курганы №№ 8, 9, отмеченные А.П. Бородовским на плане в ходе разведки 2000 года (см.: [Бородовский, 2001, рис. 12]) полностью распаханы.)

Еще в 70-е годы XX века М.Н. Комаровой был раскопан один из небольших курганов данного могильника, в котором была найдена керамика березовского этапа большереченской культуры (II – I вв. до н.э.) [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. Для выявления границ насыпи и внутреннего устройства могильного сооружения одного из самых больших курганов (№ 4) нами были проведены геофизические исследования методом электромагнитного частотного зондирования аппаратурой ЭМС. Ранее, данный метод применялся довольно успешно при исследовании больших земляных курганов [Тишкин, и др., 2007]. В качестве методического приема было выбрано площадное зондирование по сетке с шагом 1 метр. Такая система наблюдений является достаточной для изучения структуры курганов. Для работы аппаратурой ЭМС использовалась привязка по угловым кольям археологической разбивки. Привязка к плану осуществлялась с помощью рулеток. Площадь исследуемого участка составила 40 х 30 м (рис. 1). На этом участке границы кургана округлые. От края к центру наблюдается широкое и глубокое нарушение в структуре кургана, которое визуально фиксируется и на дневной поверхности. Возможно, это след от трактора, заехавшего на вершину

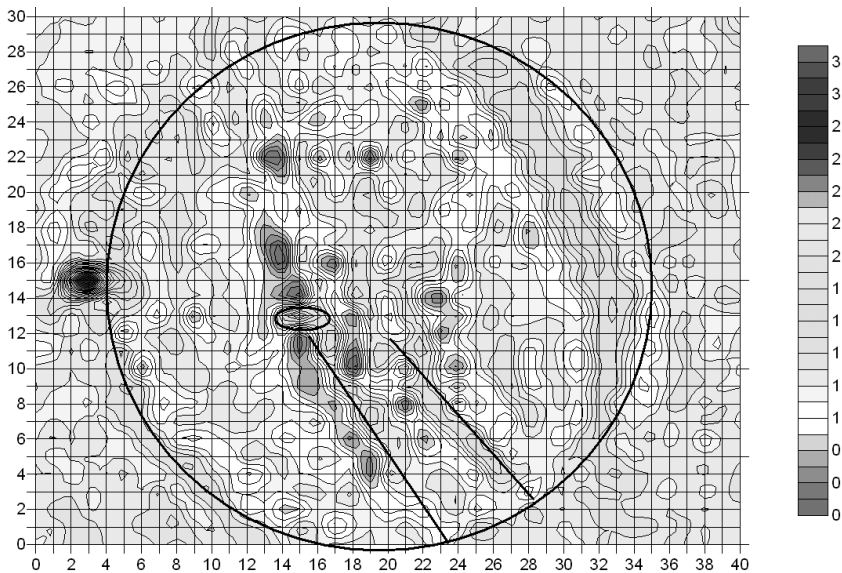


Рис. 1. Геоэлектрическая карта участка на площади кургана № 4 памятника Камышенка-1 с отмеченными аномалиями.

кургана либо последствие выкапывания грабителями траншеи (тоннеля) к центру земляного сооружения. Расположенная в центре кургана аномалия может являться погребением лишь частично затронутым грабежом.

Так же с помощью аппаратуры ЭМС были исследованы самые крупные курганы на могильнике Камышенка 3 и открытом в ходе разведки 2010 г. памятнике Лесниковский 1. Для описания данных, полученных с помощью аппаратуры ЭМС, для каждой площадки выбиралась наиболее показательная, характерная карта распределения удельной проводимости, несущая максимально детальную информацию о строении площадки. Так, на геоэлектрической карте участка (45 х 45 м) на краю кургана памятника Камышенка 3 выделяется двойное ограждение, а в центре - грабительский шурф (рис. 2). Больше очевидных аномалий выявить не удается. Отсутствие могилы (аномалии) в данном кургане может быть объяснено тем, что погребение было совершено на уровне древнего горизонта. Соответственно, погребальная конструкция располагалась в насыпи кургана, и могла быть разрушена древними грабителями. Хорошо прослеженное двойное ограждение является, скорее всего, рвом, окружающим курган.

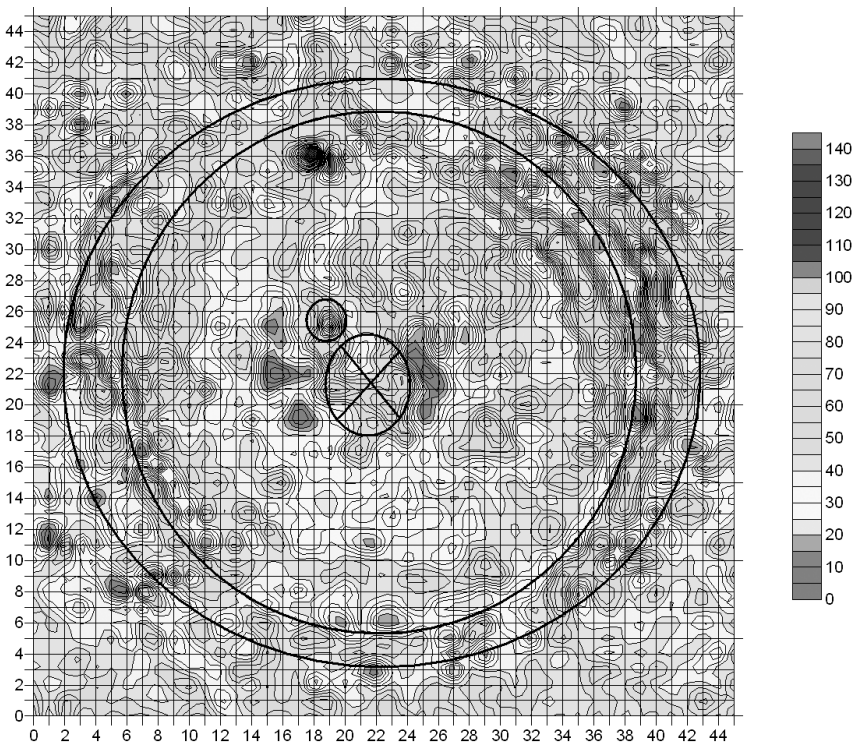


Рис. 2. Геоэлектрическая карта участка на площади кургана № 3 памятника Камышенка-3 с отмеченными аномалиями.

Могильник Лесниковский 1 располагается на вершине высокой гривы, в 7 км к северо-востоку от пос. Лесниковский. Грива интенсивно распахивается, но 4 кургана, образующие памятник оставлены нетронутыми. Все курганы расположены очень компактно друг к другу и представляют собой высокие (до 1,5 м) насыпи со следами грабительских проникновений и большим количеством нор животных. Диаметры курганов: 24,5 м, 21 м, 14 м, 21 м.

Данные геоэлектрической карты исследованного кургана (№ 2) свидетельствуют о том, что его периметр является не круглым, а прямоугольным. Это может быть следствием опашки кургана. По центру кургана проступает след от грабительского шурфа. В самом теле кургана обнаруживается несколько аномалий повышеной проводимости, которые могут являться захоронениями по периметру кургана (рис. 3). Захоронения по периметру кургана характерны для большереченской культуры к которой, скорее всего, и относится исследованное погребальное сооружение. Могилы. расположенные в полах кургана, чаще всего не были затронуты грабежом.

Для исследований курганном могильнике Копинка 1, а также на месте находки в пашенном слое железного меча был выбран метод высокоточной магнитометрии, поскольку он хорошо зарекомендовал себя на археологических комплексах с контрастными по магнитным параметрам грунтами [Дядьков, Молодин, Чемякина, Михеев, 2005]. Магнитное картирование

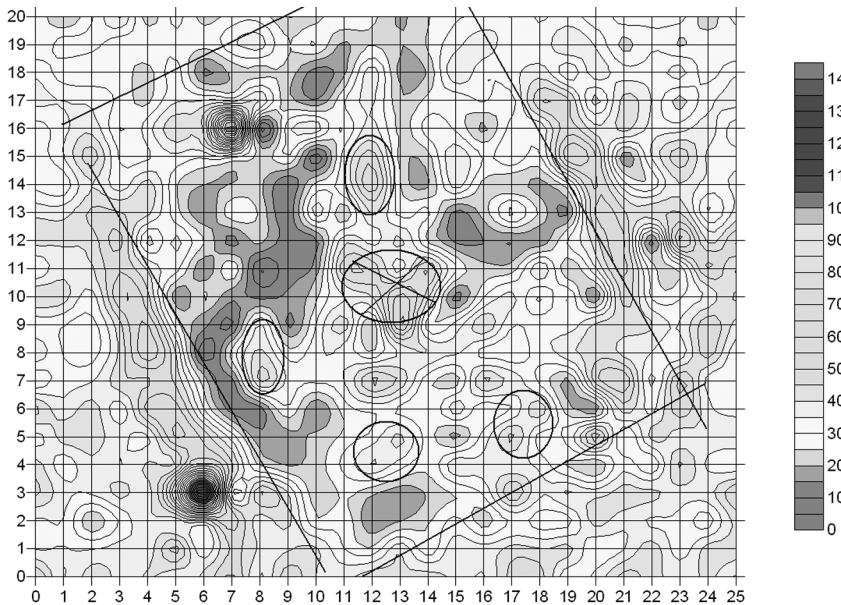


Рис. 3. Геоэлектрическая карта участка на площади кургана № 2 памятника Лесниковский-1 с отмеченными аномалиями.

производилось с использованием квантового градиентометра G-858 модификацией вертикального градиента по отработанной ранее методике. Разнос датчиков составил 75,5 см, расстояние от земли до нижнего датчика – 0,59 м (Копинка 1) и 0,40-0,45 м (местонахождение), шаг измерений – 1 м.

Могильник и местонахождение находятся в Сузунском районе Новосибирской области, в окрестностях с. Шарчино, по высокому правому берегу долины реки Верхний Каракан, в районе впадения в нее ручья Фосиха. Общая площадь магнитной съемки составила 3200 м².

Фрагмент железного меча с прямым брусковидным перекрестием (6,5 см) с закругленными углами и прямоугольным навершием (5 см) был обнаружен в результате распашки колхозного поля. Длина рукояти – 7, 5 см, длина сохранившегося клинка – 5 см (рис. 4). По форме перекрестия и узкой ручке клинок ближе всего к прохоровским мечам. Пашня, на которой были разбит участок, на момент исследований представляла собой качественно забороненное поле, без глубоких борозд и гребней. На магнитной карте участка наблюдается пестрая картина хаотичного расположения локальных небольших областей с положительными (до 3-4 нТл) и отрицательными параметрами. Аномалии, которые могут быть сопоставлены с археологическими объектами, не выявлены.

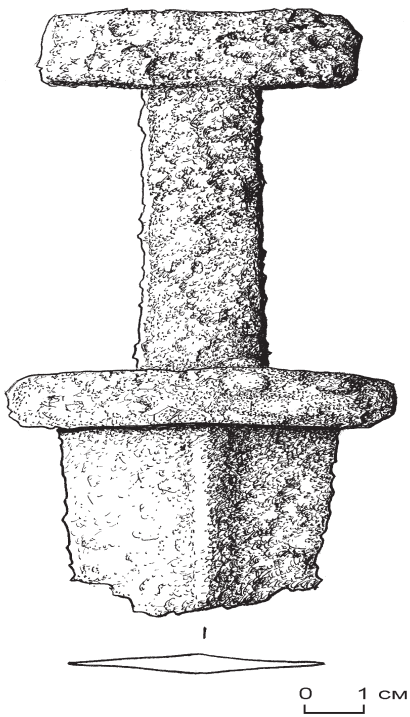


Рис. 4. Фрагмент железного меча.

Курганный могильник Копинка 1 – был открыт в 2010 году в ходе археологической разведки. Участок для магнитного сканирования, размером 40×40 м, был расположен в юго-западной части цепочки курганов, вытянутой по линии ЮЗ-СВ. В северо-восточной четверти участка визуально фиксируется распаханная курганная насыпь, высотой около 0,3-0,5 м. К юго-востоку от нее отмечено овальное всхолмление, размером около 5×10 м, высотой около 0,1 м. Основной целью исследования было выявление границ распаханного кургана, внутреннего устройства насыпи, а также особенностей структуры прилегающей к кургану территории. На магнитной карте участка наблюдается пестрая картина локальных, хаотически расположенных мелких неоднородностей как с положительными (до 4-5 нТл), так и с отрицательными значениями. Особенности внутренней структуры практически не фиксируются. В 6 м к северо-востоку от кургана выделяется аномалия, диаметром около 2 м со значением 4,5 нТл, которая предварительно может быть соотнесена с древним погребением, либо ямой. Возможно, также, что аномалия диаметром около 3 м, со значением 5 нТл на месте небольшого всхолмления к юго-востоку от насыпи также связана с археологическим объектом. Скорее всего, в данном случае мы имеем дело с курганным могильником с погребениями под земляной насыпью в центре. Могильник предварительно может быть отнесен к эпохе средневековья.

Таким образом, с помощью методов электромагнитного частотного зондирования аппаратурой ЭМС и высокоточной магнитометрии удалось выявить внутреннюю структуру земляных курганов, что и являлось целью геофизической разведки, продолжившей разведку археологическую. Окончательные результаты могут быть получены только при сопоставлении геофизических данных с результатами археологического вскрытия курганов.

Список литературы

Бородовский А.П. Отчет об исследованиях центральноалтайского археологического отряда в Сузунском районе Новосибирской области в 2000 году. – Новосибирск, 2001. – 56 с. // Архив ИАЭТ СО РАН.

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Том XI, ч. I. – С. 304–309.

Тишкин А.А., Чугунов К.В., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Манштейн А.К., Позднякова О.А., Миненко М.И., Адайкин А.А. Геофизические исследования на памятнике Бугры в предгорьях Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – С. 215–220.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

С.М. Киреев, В.П. Ойношев, Л.М. Чевалков, В.Д. Кубарев

РАСКОПКИ В ЧЕМАЛЬСКОМ И УСТЬ-КАНСКОМ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Могильник «Плато Узнезя» находится в 3 км от с. Узнезя (Чемальский район Республики Алтай), на южной окраине широкой аллювиальной террасы правого берега р. Катунь. Она сложена из галечника и речного песка. Могильник расположен в 300 м к северо-востоку от Чемальского тракта, в зоне хозяйственной деятельности Чемальского асфальтобетонного завода.

Географические координаты памятника: 49° 27′ 167″ с.ш. 88° 03′ 050″ в.д. Высота над уровнем моря 443 м. В начале ноября 2008 г. без согласования с районными и республиканскими органами охраны памятников истории и культуры на территории могильника были начаты работы по разработке гравийно-песчаного карьера. Длина траншеи составила около 200 м, при глубине 2,5-3 м, и ширине 1,5-2 м. Траншеей было разрушено не менее трех погребений.

Прокуратурой Чемальского района работы по разработке карьера был приостановлены. Нами были осмотрены и зафиксированы результаты разрушений памятника, а также проведено обследование местности, сборы артефактов из разрушенных погребений, подчистка стенок траншей и опрос работников карьера и представителя милиции. При осмотре было установлено, что два погребения в каменных ящиках полностью разрушены. В траншее и её обвалах находились расколотые и поврежденные плиты серо-синего сланца, выходы которого в изобилии имеются на склоне горы в 400-500 м к ЮЮВ от могильника. В одном случае в стенке траншеи сохранились элементы погребальной конструкции: угол каменного ящика, торцовая и часть боковой плит. В отвалах грунта собраны разрозненные кости человека и молодой лошади, а также детали лошадиной сбруи: подпружная пряжка, пронизка и застежка для пут.

Третье погребение находилось в конце траншеи и было разрушено лишь частично. В стенке хорошо виден каменный ящик, низ которого находился на глубине 1,5-1,8 м. Часть плит с южной стороны была сдвинута, северная плита ящика уходила в торец стенки траншеи. Две плиты продольного перекрытия ящика частично упали, а третья, над изголовьем, разбита на куски. Время для полных раскопок погребения было поздним (ноябрь), тогда как характер разрушений требовал проведения большого объёма работ. Поэтому через небольшое отверстие в стенке траншеи из части ящика, не перекрытого плитами, убрана часть его заполнения и извлечены череп человека

хорошей сохранности, позвонки барана и фрагмент концевой накладки на лук. Установлено, что погребенный был уложен головой в восточный сектор, на правом боку. В захоронении обнаружены детали лошадиной сбруи: подпружная пряжка с овальными вырезами и неподвижным, выступающим наружу язычком. Бляшка-пронизь подквадратной формы со сквозным подовальным отверстием в центре и застежка для пут удлиненной формы с расширением в центральной части и сквозным круглым отверстием типичны для пазырыкской культуры. Они характерны для эпохи раннего железного века Алтая и датируются в пределах V-III вв. до н. э.

Роговая накладка на лук из погребения 3 находилась около правой плечевой кости погребенного. Она сохранилась не полностью, конец обломан (длина сохранившейся части 9,9 см, ширина 2,5 см, толщина 0,4 см). Окончание накладки на лук плавно закруглено, имеется арочный вырез для тетивы, сечение линзовидное. Изделие может быть достаточно широко датировано концом III-II вв. до н. э. В целом, учитывая немногочисленные находки, особенности погребального обряда, а также устройство каменных ящиков, разрушенные погребения могильника «Плато Узнезя» можно датировать III в. до н. э. и отнести к позднему этапу пазырыкской культуры – кара-кобинскому типу памятников.

При осмотре территории в зоне карьера установлено, что поверхность террасы была ранее неоднократно распахана. Рядом с траншеей видны, частично сохранившееся, распаханные насыпи еще восьми небольших курганов диаметром 5-7 м.

В октябре 2009 г. нами, по инициативе местной администрации раскопано разрушенное погребение около с. Мендур-Соккон (Усть-Канский район Республики Алтай). Погребение было расположено на высоком обрывистом берегу старого русла р. Чарыш, на южной окраине села. Нарушенное погребение обнаружено местными жителями. Его географические координаты: 50° 47’ 776” с.ш. 083° 49’ 645” в.д. Высота над уровнем моря 1077 м. При осмотре, на кромке обрыва были зафиксированы торцы двух вертикально установленных каменных плит из сланца. В разрезе были также различимы фаланги руки человека. Три сланцевые плиты - две небольшие и одна размерами (108-110) х 41 х 58 см - находились над обрывом. На современной дневной поверхности не имелось никаких внешних признаков, свидетельствующих о захоронении. Скорее всего, это было грунтовое погребение или же имелась небольшая земляная насыпь, разрушенная в результате длительного антропогенного воздействия. За периметром выступающих плит был заложен небольшой раскоп, площадью около 4 кв. м. При зачистке на глубине 10-15 см показались верхние торцовые края плит от каменного ящика, на дне которого был уложен костяк погребенного (по предварительному заключению, костяк женщины). Ящик имел подпрямоугольную форму с хорошо подогнанными плитами, от которого сохранилось три стенки: западная, северная и восточная. Северная составлена из трёх плит общей длиной 176 см и высотой 60 см, западная плита - длиной

72 см, восточная - 56 см, толщина плит от 4-5 см). Глубина до дна погребения от современной поверхности составила 75 см. Костяк был уложен на спине в вытянутом положении, головой на запад (см. *рисунок, 1*). Кости правой руки вытянуты и слегка отведены в сторону, кости левой руки согнуты в локте. В ногах погребенной установлен целый, глиняный сосуд баночной формы (см. *рисунок, 2*). Своими размерами (высота 11-12 см) и орнаментом, он идентичен единственному керамическому сосуду каракольской культуры, найденному у с. Озерного [Кубарев, 2009, рис. 5].

За прошедшие три десятилетия на Алтае было раскопано лишь несколько погребений каракольской культуры – близ сёл Каракол, Озёрное и Беш-Озек. Они также оказались полуразрушеными. Спустя несколько лет в пос. Озерном были возобновлены охранные работы на втором погребальном комплексе. Это были последние исследования памятников каракольской культуры в с. Озерном, результатам которых посвящено несколько лаконичных сообщений [Кубарев, Соёнов, Эбель, 1992; Соёнов, Эбель, 1994; Суразаков, Ларин, 1994; Вдовина, Трифанова, Кобзарь, 2006].

В 1992 г. на территории средней школы с. Каракол хозяйственными работами было разрушено одиночное погребение в каменном ящике.

1

2

Погребение II тыс. до н. э.
(с. Мендур-Соккон, Усть-Канский р-н Республики Алтай).
1 – захоронение каракольской культуры; *2* – керамический сосуд.

Оно находилось в 10–15 м на юго-запад от ранее раскопанного афанасьевского кургана с тремя впускными погребениями каракольской культуры. Наличие гравировок и росписей красной охрой на внутренних стенках каменной гробницы, а также другие характерные черты погребального обряда (ориентация погребенного, покрытие умершего берестой, каменный сосуд и др.) свидетельствуют о принадлежности захоронения носителям каракольской культуры Алтая. В том же году сотрудники ГАНИИИЯЛ исследовали разрушенный памятник и вывезли плиты в г. Горно-Алтайск. К сожалению, значительная часть изображений на плитах была впоследствии утрачена, так как они хранились на открытом воздухе. Однако некоторые копии рисунков всё-таки были найдены в архиве сектора, но проверить их достоверность уже не представлялось возможным. В 2006 г. вполне удовлетворительно была обработана только одна плита, до сих пор хранящаяся в Институте алтаистики им. С.С. Суразакова. Все данные об этом разрушенном погребении опубликованы в кратком сообщении [Кубарев, Суразаков, 2006, с. 389–391], а также в монографии, посвященной каракольской культуре Алтая [Кубарев, 2009].

Проведённые охранные археологические раскопки показывают всю актуальность создания единого реестра археологических памятников Республики Алтай. Создание электронного банка данных о самых различных археологических объектах (разновременных курганных могильниках, монументальных древних памятниках, средневековых изваяниях и др.), снятие инструментальных планов памятников, их описание и фиксация точных географических координат будет способствовать учету и охране археологических памятников.

Список литературы

Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В. Коллективное погребение эпохи бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3/4. – С. 61–66.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Кубарев В.Д., Соенов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. пед. ин-т, 1992. – С. 49–51.

Кубарев В.Д., Суразаков А.С. Каракол: новые материалы эпохи бронзы Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 389–391.

Соёнов В.И., Эбель А.В. К интерпретации изображений эпохи бронзы из Озерного // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: АКИН, 1994. – С. 24–27.

Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 31–38.

Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.С. Федорук, Я.В. Фролов

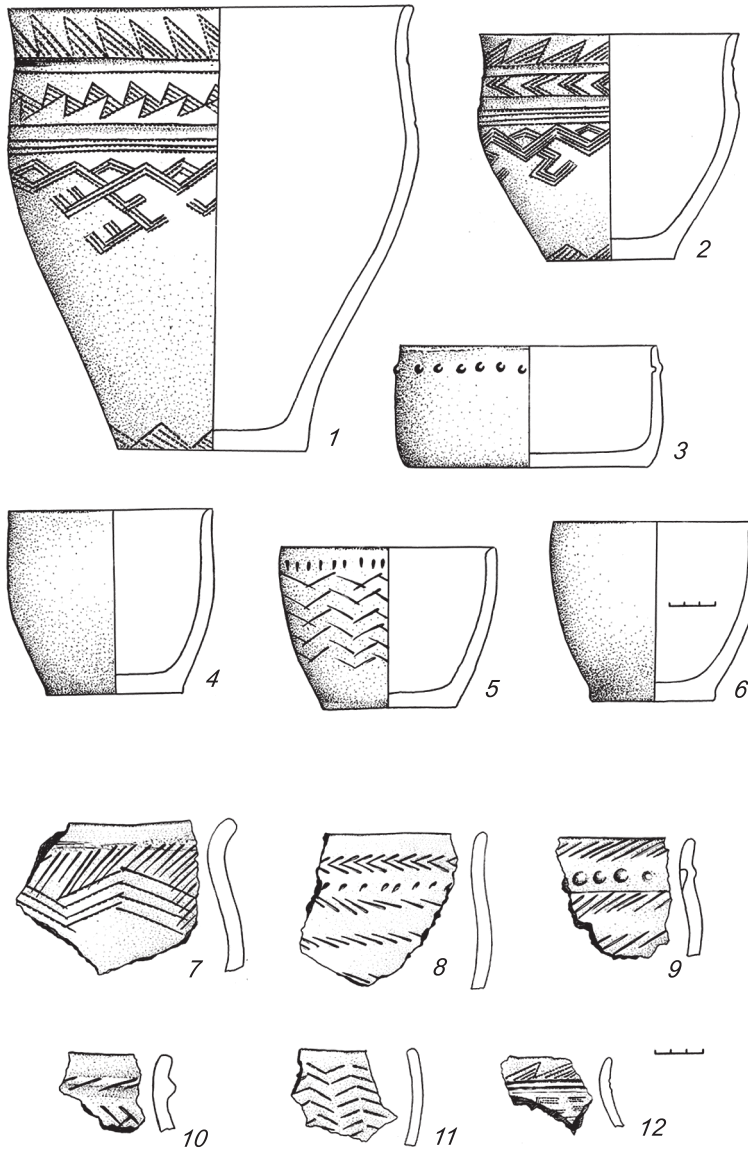
ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В АЛТАЙСКОМ ПРИОБЬЕ И СТЕПНОМ АЛТАЕ*

С 1986 по 1996 г. Приобской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина проводились раскопки уникального некрополя Фирсово-XIV. Памятник расположен в Первомайском районе Алтайского края на южной оконечности мыса, вдающегося в пойму р. Оби на берегу старицы р. Лосихи, в 1 км к северу от с. Фирсово. Раскопками была изучена юго-западная часть памятника, где обнаружено более 340 погребений различных эпох: неолита, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Результаты этих работ частично опубликованы [Шамшин, 1992, 1995, 1997; Шамшин, Ченских, 1994; Шамшин, Цивцина, 2000; Фролов, Шамшин, 1999; Фролов, 2008]. Возвращение к работам на этом могильнике было продиктовано, с одной стороны, его высокой научной значимостью, с другой, активным процессом приватизации бывших совхозных земель и переводом их в земли поселений с целью строительства малоэтажных поселков. Поэтому возобновление раскопок стало основной задачей 2010 года, всего было вскрыто 132 кв. м. и изучено 19 погребений эпохи развитой бронзы и раннего железного века, а так же остатки конструкции периода раннего железа.

Эпоха развитой бронзы представлена одиннадцатью андроновскими захоронениями, совершенными по обряду ингумации. Все погребенные лежали головами на ЮЗ, в ряде могил присутствовала конструкция из дерева, сохранность костей везде плохая. Исследованы как детские (№1-4, 11, 16), так и взрослые захоронения (№7, 13-15, 18).

Детские погребения располагались на глубине до 0,7 м от уровня современной дневной поверхности и были вытянуты цепочкой по направлению ЮЗ–СВ. Инвентарь их представлен исключительно керамическими сосудами (преобладают неорнаментированные банки), располагавшимися в районе голов умерших. Из общего ряда выделяется могила №16 – коллективное захоронение трех младенцев. Здесь, несмотря на плохую сохранность костей скелета, удалось выяснить, что у каждого из младенцев располагалось по керамическому сосуду. Интересен тот факт, что возле наиболее крупно-

*Работы выполнены в рамках проектов РГНФ (№ 10-01-60702е/Т, 09-01-60104а/Т).



Сосуды из погребений могильника Фирсово XIV (*1–6*)
и керамика поселения Жарково-3 (*7–12*).

го костяка ребенка находился орнаментированный сосуд (см. *рисунок, 5*), а у других – неорнаментированные (см. *рисунок, 4, 6*).

Взрослые погребения расположены в могильных ямах глубиной 1,4–1,8 м. и так же ориентированы цепочками по линии ЮЗ–СВ. Инвентарь данных захоронений представлен горшками с ковровым орнаментом и украшениями из бронзы и золота. Особый интерес вызывает могила №7 – парное захоронение, совершенное в деревянной раме с поперечным перекрытием. Погребенные лежали лицом друг к другу, соприкасаясь коленями и запястьями, у их голов стояли два керамических горшка (см. *рисунок*, *1, 2*). На запястьях обнаружены остатки не менее четырех бронзовых браслетов, с высокими спиралевидными окончаниями, пастовые и бронзовые бусины, золотая обойма. У одного из субъектов, на правой стороне черепа в районе уха *in situ* был зафиксирован целый комплекс украшений из бронзы, покрытых золотой фольгой: серьги в полтора оборота, серьга-кольцо, лапчатая подвеска, обойма, спиралевидный наконечник. Аналогичный набор зафиксирован в районе левого уха, кроме того, в районе таза найдена золотая листовидная подвеска и обойма, а на щиколотках обнаружены бронзовые бусы. Погребальный обряд и инвентарь изученных погребений соответствуют ранее полученным материалам по этому памятнику и еще раз демонстрируют неординарность андроновского комплекса могильника Фирсово XIV.

К раннему железному веку относятся восемь захоронений староалейской археологической культуры (№5, 6, 8-10, 12, 17, 19) и одна конструкция, представляющая собой впущенный в материк котлован со столбовыми ямками.

В пяти могилах захоронены взрослые и еще в трех – подростки. Прослеживаются ряды погребений, вытянутые по линии ЮЗ-СВ. Умершие лежали вытянуто на спине, головой на юго-запад. Глубина могильных ям достигает 0,97 м от современной поверхности. Большинство исследованных погребений не содержало инвентаря. Лишь в могилах №№8, 9 в головах умерших обнаружены керамические сосуды баночного типа с орнаментом в виде ряда жемчужин по краю венчика (см. *рисунок, 3*). Кроме того, в погребении №9 в районе затылочной части головы умершей найдена железная заколка, у левого виска – бронзовая серьга с подвеской в виде цепочки, а у правого локтя – керамическое пряслице с орнаментом. Похожие пряслица обнаружены в захоронениях №№ 8, 17. Здесь они размещались так же с правой стороны у локтей умерших. Около могилы №10 в норе, разрушившей часть погребения, найден небольшой бронзовый нож.

Изученный котлован конструкции (по единичным находкам керамики датированный ранним железным веком) четко фиксировался в разрезах и профилях раскопа и достигал глубины 0,5 м от уровня дневной поверхности. Прослежено несколько столбовых ямок. На дне котлована, у его СЗ стенки, обнаружено скопление альчиков мелкого рогатого скота, а в южной части – в одной из ямок – развал сосуда с лежащим на нем костяным орудием (трепало). Не исключено, что данное сооружение связано с погребально-поминальной практикой. В предыдущие годы в примыкающей к

новому раскопу части могильника выявлено несколько похожих объектов, представляющих собой скопления ям, в одном случае так же объединенных небольшим котлованом.

Изученные захоронения органично дополняют серию погребений, раскопанных на памятнике в предыдущие годы, которая к настоящему времени насчитывает 108 могил. По погребальному обряду и сопроводительному инвентарю новые захоронения хорошо вписываются в общий комплекс могильника, который относится к староалейской культуре и датируется VI-V вв. до н.э.

Могильник Фирсово XIV дал одну из самых значительных коллекций скифского времени среди других погребальных памятников Алтайского Приобья. Наличие хорошо сохранившихся антропологических материалов, происходящих из не потревоженных захоронений, позволило на основе детального анализа погребальной обрядности и данных антропологии раскрыть ряд закономерностей поло-возрастной дифференциации смертности населения эпохи раннего железа лесостепного Алтая [Фролов, Тур, 2003]. Необходимо отметить, что могильник Фирсово XIV, как и, в целом, весь комплекс памятников эпохи раннего железа Фирсовского археологического микрорайона, послужили основой для выделения староалейской культуры.

Следующий этап работ 2010 года был связан с раскопками на поселении Жарково-3, результаты раскопок прошлых лет регулярно публиковались [Кирюшин, Федорук, Папин, 2008; Федорук, 2007]. Основной целью исследований в 2010 году стало окончательное изучение двух жилищ эпохи развитой и поздней бронзы. В соответствии с этой целью, работы велись на двух участках, с запада и севера примыкающих к старому раскопу. На западном участке результатом раскопок стало четкое выявление и исследование контура жилища №1 с рядами столбовых ямок вдоль его стенки внутри конструкции. Это позволяет окончательно реконструировать жилище №1 как крупную (площадью около 300 кв. м) полуземлянку с каркасно-столбовой основой, колодцем (глубина – 2,57 м от современной поверхности) и двумя очагами. Культурная принадлежность ее определяется как ирменско-саргаринская (см. *рисунок*, *7–10*).

На северном участке была исследована часть зольника, перекрывающего жилище №2, и само жилище, представляющее собой полуземлянку (площадью около 240 кв. м) с каркасно-столбовой основой и колодцем в центральной части (глубина около 3,2 м от современной поверхности). Четких очагов в пределах конструкции нами не выявлено, однако фиксировались незначительные прокалы. Материалы жилища №2 относятся к андроновской (федоровской) археологической культуре (см. *рисунок*, *11, 12*).

В результате проведенных работ на поселении Жарково III были получены ценные данные, связанные, в первую очередь, с хроностратиграфией и домостроительством культур эпохи поздней бронзы степного Алтая, а так же с хозяйственной деятельностью древнего населения. Сформировавшаяся к настоящему времени остеологическая коллекция демонстрирует раз-

витие скотоводства от андроновского времени и до раннескифской эпохи. Раскопки в 2010 году некрополя Фирсово XIV позволили установить, что могильное поле продолжается в восточном и северном направлении, плотность погребений на памятнике чрезвычайно велика, а захоронения в своем большинстве не потревожены и имеют значимый сопроводительный инвентарь. Высокая научная информативность полученных материалов (как археологических, так и антропологических), позволяет наглядно проиллюстрировать этнокультурные процессы, протекавшие в эпоху бронзы и раннем железном веке в рассматриваемом регионе. Данные обстоятельства делают крайне необходимым и перспективным дальнейшее полевое исследование грунтового могильника Фирсово-XIV.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Федорук А.С., Папин Д.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Жарково-3 в Центральной Кулунде // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 169–174.

Федорук А.С. Результаты археологических исследований в Баевском, Михайловском и Усть-Пристанском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул: Барнаул гос. пед. ин-т, 2007. – Вып. 3. – С. 40–43.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 219–226.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул, 2008. – 480 с.

Фролов Я.В., Тур С.С. Особенности распределения предметов погребального инвентаря в захоронениях умерших различных половозрастных групп в могильнике староалейской культуры Фирсово XIV // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 100–108.

Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 44–45.

Шамшин А.Б. Погребение корчажкинской культуры из лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып.V, ч. II. – С. 75–77.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 326–331.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово-XIV (предварительное сообщение) // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2000. – С. 130–132.

Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул, 1994. – С. 47–50.

К.Ю. Кирюшин, С.М. Ситников, В.П. Семибратов, Ю.И. Гельмель

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III В 2010 ГОДУ

Поселение Новоильинка-III находится в Хабарском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 кв. м.

В 2010 г. на поселении исследовано 96 кв. м. Культурный слой (слабо-гумусированная супесь серого цвета), содержащий находки, залегал на глубине 0,3–0,6 м. В северной, южной и восточной частях раскопа зафиксированы ямы, которые выделялись более темным цветом (гумусированная супесь) на фоне слабо-гумусированной супеси серого цвета. Глубина ям составляла от 0,7 до 0,75 м от дневной поверхности, а диаметр от 2 до 4 м. Мы считаем, что это могут быть не ямы, а древние неровности рельефа, заполненные костями животных (за счёт чего сформировалась гумусированная супесь темного цвета) и обломками глиняных сосудов. В этих «ямах» обнаружены части скелетов копытных животных (коней), часть костей лежала в анатомическом порядке (черепа без нижних челюстей, тазовые кости и нижние конечности, шейные позвонки и ребра). Видимо в ходе работ мы исследовали периферию поселения – место, куда выбрасывали пищевые отходы и разбитую посуду.

В настоящее время остеологические коллекции из раскопа 2010 г. находятся в процессе обработки, и точное количество костей и видовой состав животных мы назвать не можем. Анализ остеологических коллекций, полученных в 2005 г., показал, что среди определимых остатков абсолютно преобладают кости лошади. Было установлено, что большинство из промеров костей лошади из Новоильинки-III приближается к средним значениям лошадей поселения Ботай в Северном Казахстане. Фауна исследуемого нами памятника по своему составу, относительному обилию представленных в ней видов оказывается весьма близка к фауне поселения Ботай [Ситников, Васильев, Кирюшин, 2007].

Коллекция керамики, полученная в результате раскопок 2010 г., насчитывает 2216 экз., из которых 946 экз. – мелкие фрагменты размерами от 1х1 до 2х2 см. Фрагменты венчиков сосудов – 150 экз., стенок – 1090 экз. Встречены фрагменты 30 донышек, причём все острые либо приострённые.

У двух сосудов реконструируются формы. Один из них, крупный остродонный сосуд, открытой формы, слабопрофилированный, высота его при-

мерно в 1,5 раза больше диаметра, орнаментирован гребенчатой качалкой (рис. 1). Второй круглодонный сосуд небольшого размера (объём около 0,1 л), открытой формы, слабопрофилированный, высота примерно равна диаметру. У двух сосудов частично реконструируются формы (рис. 2, *1*).

Наиболее представительная часть коллекции – фрагменты сосудов, орнаментированные рядами или волнами отступающей палочки, разделёнными рядами наколов (876 экз.). Как правило, толщина стенок сосудов керамики этой группы составляет 6–9 мм. Гребенчатой качалкой орнаментирован 141 фрагмент керамики, из которых 70 экз. – обломки от одного сосуда (см. рис. 1). Довольно много неорнаментированной керамики (120 экз.).

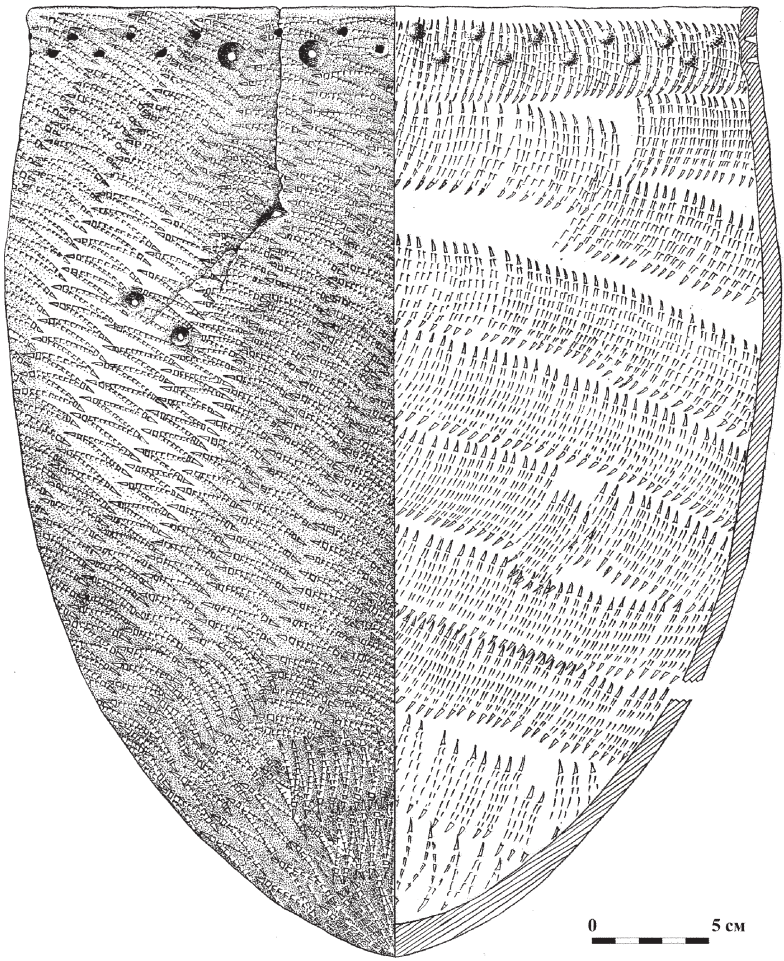


Рис. 1. Поселение Новоильинка III. Керамический сосуд (реконструкция).

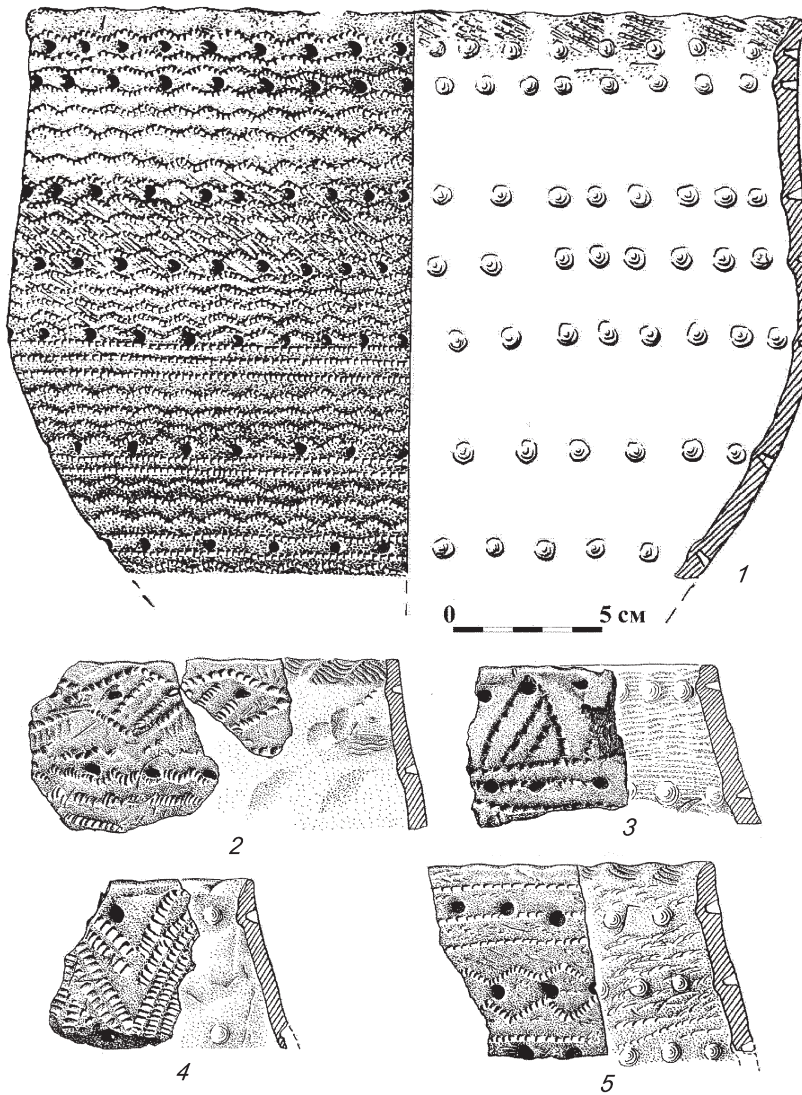


Рис. 2. Поселение Новоильинка III.
1 – керамический сосуд (реконструкция);
2–5 – фрагменты венчиков керамических сосудов.

Керамика, орнаментированная только наколами, представлена 81 фрагментом. Гребенчатым штампом украшено 26 экз. На шести фрагментах встречается сочетание отступающей палочки и гребенчатого штампа. В семи случаях гребенчатая качалка сочетается с наколами, в 10 – с отпечатками отступающей палочки, в двух – с наколами и отступающей палочкой. В единичном случае встречается прочерченный орнамент.

Подобное разделение керамики на группы носит достаточно условный характер. На некоторых фрагментах керамики хорошо прослеживаются ряды отступающей палочки и наколы, нанесенные поверх гребенчатой качалки. У отдельных сосудов под рядами отступающей палочки и наколами прослеживаются какие-то следы обработки поверхности сосуда до орнаментации, но идентифицировать способы обработки нам не удалось. Многие фрагменты венчиков орнаментированы по верхней кромке с внутренней стороны сосуда насечками (см. рис. 2, *1, 2, 5*) или отпечатками гребенчатой качалки (см. рис. 1).

Визуально фиксируются в тесте следы органики. На внутренней и внешней поверхности сосудов хорошо видны следы обработки гребенчатыми орудиями перед нанесением орнамента.

Отпечатки отступающей палочки часто создают ряды ромбов (см. рис 2, *2*), треугольников (см. рис. 2, *3, 4*), иногда составляют паркетный орнамент. Геометрические мотивы – довольно распространенный сюжет в орнаментации керамики поселения Новоильинка-III. Интересен фрагмент, на котором схематически изображена птичка.

Коллекция каменных артефактов поселения Новоильинка-III в основном состоит из отходов производства: чешуек, мелких и средних отщепов. Орудийный набор представлен скребками и наконечниками стрел.

В материалах поселения Новоильинка-III продукты призматической техники скалывания представлены невыразительным пластинчатым отщепом. При небольшой вскрытой площади памятника велика вероятность, что некоторые артефакты просто не попали в зону раскопа. Хотя отсутствие продуктов первичного расщепления (нуклеусов, продуктов снятий с них и продуктов подработки нуклеусов) – факт достаточно показательный. Видимо, мы фиксируем явление хронологическое – деградацию призматической техники расщепления, которая начинается в эпоху энеолита и связана с появлением металлических орудий, что прослеживается в материалах ботайской культуры [Зайберт, 1993].

Керамические коллекции поселения Новоильинка-III имеют много общего с посудой «кипринского типа» с территории Верхнего Приобья. Орнаментация сосудов шагающей гребёнкой – приём, широко распространённый для памятников от неолита до ранней бронзы на огромной территории Северной Евразии. Керамика, украшенная геометрическими орнаментами, имеет много общего с материалами ботайской культуры [Зайберт, 1993] и энеолитическими памятниками Среднего Зауралья [Чаиркина, 2005].

Несомненно, что керамика поселения Новоильинка-III, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделёнными рядами наколов, и посуда поселения Киприно (кипринский тип) [Молодин, 1977; Кирюшин, 2002] принадлежат к единой культурной традиции. Вместе с этим следует отметить, что у керамики «кипринского» типа прослеживается широкий круг аналогов в материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая [Кирюшин, Клюкин, 1985], Барабы [Молодин, 1985] и южнотаёжной зоны Западной Сибири [Кирюшин, 2004].

В материалах поселений неолита-энеолита Юго-Западного Алтая, керамика, орнаментированная рядами или волнами отступающей палочки, разделёнными рядами наколов, встречается на 10–15 памятниках, большая часть из которых – это дюнные стоянки, интенсивно разрушаемые ветровой эрозией [Кирюшин, Клюкин, 1985]. Археологические коллекции с данных памятников представлены подъёмным материалом различных исторических периодов, который трудно разделить хронологически.

На территории Барабы мы находим аналоги керамики «кипринского» типа и в погребальных, и в поселенческих комплексах. Композиционное построение орнамента у сосудов, орнаментированных рядами или волнами отступающей палочки разделёнными рядами наколов (см. рис. 1), находит аналогии в материалах комплекса погребений эпохи раннего металла – Сопка 2/2 (гребенчато-ямочная общность) [Молодин, 2001]. Керамика, практически идентичная нашей, встречена на поселении Венгерово-3 [Молодин, 1977; Молодин, 1985]. Аналогии керамическому комплексу поселения Новоильинка-III прослеживаются и в материалах неолита и энеолита южнотаёжной зоны Западной Сибири [Кирюшин, 2004].

По костям животных с поселения Новоильинка-III получена радиоуглеродная дата 4270±170 л. т.н. (Ле-7534), что позволяет датировать материалы памятника 2-й половиной III тыс. до н.э.

В целом, хотелось бы отметить, что материалы памятника относятся к переходному периоду от неолита к бронзовому веку, который называют либо «энеолитом» [Кирюшин, 2002], либо «эпохой раннего металла» [Молодин, 2001]. Причём, судя по полученным материалам, памятник относится к концу этого переходного периода – к рубежу энеолита и ранней бронзы.

Коллекции, полученные в результате полевых исследований 2010 г., требуют тщательной камеральной обработки. Хотелось бы также отметить научный потенциал поселения Новоильинка-III. В 2011 г. планируется продолжение работ на памятнике. Мы рассчитываем на получение новых материалов, которые позволят нам продвинуться в изучении сложных этнокультурных процессов, происходивших на Алтае на рубеже энеолита и ранней бронзы.

Список литературы

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. – Петропавловск: Наука КазССР, 1993. – 246 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1985. – С. 73–117.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Ситников С.М., Васильев С.К., Кирюшин К.Ю. Анализ фаунистических остатков с поселения Новоильинка-III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 363–366.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 314 с.

В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков, А.Х. Айткулова

ХРАМ «СОЛНЦЕ В ЛОДКЕ» И СВЯЗАННЫЕ С НИМ АСТРОПУНКТЫ НАБЛЮДЕНИЯ СВЕТИЛ (К ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКЕ ОЦЕНОК СЕМАНТИКИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СВЯТИЛИЩ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ)

Вводные замечания. Многолетнее изучение открытых около горной гряды Сундуки храмов с наскальными изображениями позволило установить взаимосвязь их с могильниками, расположенными у подножия тех же возвышенностей. Было замечено, что выбор места размещения и последующего обустройства сакральных памятников, предназначенных для свершения около них ритуальных действ по случаю захоронения усопших (а в последующем – поминовения их в определенное время года), осуществлялся с учетом топографических и природных особенностей всей округи рассредоточения культовых сооружений. В частности, удалось установить, что особое внимание жрецов, исполнителей таинств, связанных, видимо, с идеей бесконечности круговорота жизни, смерти и возрождения, привлекали вершины и седловины окрестных гор, которые определяли контуры (очертания и высоту) дальних горизонтов на Востоке и Западе, точки астрономических Юга и Севера, а в ландшафтах – низины, рассеченные руслами рек и заболоченными пространствами, обильно насыщенными водой.

Постановка проблемы. Методика астроархеологической направленности исследований. Главной задачей изучения наскальных изображений, в изобилии открытых на юге Средней и Западной Сибири, остается получение *доказательных* расшифровок информационной составляющей художественных композиций, поскольку истолкования связанных с ними образов не выходят пока за рамки гипотез. Причина того очевидна: интерпретации искусствоведов обосновываются, как и два столетия назад, традиционно – посредством подбора аналогий, заимствованных из материалов историков, этнографов, мифологов и культурологов. Оправданность использования такой методики семантических реконструкций сомнительна, а значит, и предлагаемые на основе ее выводы могут, с полным на то правом, оспариваться.

Между тем, так называемое «первобытное искусство» во всех его видах и стилистических проявлениях изначально, со времени палеолита, было вполне самодостаточным источником раскрытия смысла, запечатленного «древними художниками» на поверхности камня. Чтобы, однако, оно стало таковым в реальности, требуется усовершенствование приемов извлечения информации, зашифрованной в зооантропоморфных образах, знаках и символах. Астроархеологической ориентации изыскания как раз и направлены на решение

этой проблемы. Методика исполнения их не ограничивает полевое изучение источника копированием рисунков, а лабораторное – описательством очевидного, аналоговым сопоставительством, типолого-классификационными, стилистическими, хронологическими и технологическими разборками. Она, методика та, предполагает установление связи изображений со структурными отделами святилища (храма), отслеживание освещения рисунков в течение дня и в разные сезоны, выявление соотношений сакрального объекта с иными, близкими и дальними, памятниками, которые, быть может, и обусловили появление его в месте открытия. Осуществление семантических, астроархеологического плана реконструкций предлагается вести с использованием методов естественных наук – астрономии, геодезии, календаристики, арифметики и геометрии, не допускающих, как в гуманитарии, «вольного полета мыслей» при решении вопросов фундаментальной значимости.

Презентация храма «Солнце в лодке» и разного назначения астропунктов западного склона Грудь-горы. Программа и цель изучения их. Для подтверждения правильности изложенных идей обратимся к результатам исследования храма «Солнце в лодке», расположенного вблизи «Храма Времени», о котором шла речь в докладе на отчетной научной сессии Института прошлого года*. Святилище было обнаружено около 15 лет назад, но не вводилось в научный оборот из-за непреодоленных в ту пору трудностей раскрытия семантики связанных с ним фигур, две из которых были тогда же названы «Солнце в лодке» (рис. 1). Изучение памятника возобновилось в июне–июле 2010 г. и проводилось с использованием описанной выше методики – с подключением к нему выявленных поблизости визирного назначения сооружений и астроплощадок наблюдения за восходами и заходами светил. Исследования нацеливались на установление связи перечисленных объектов с могильным полем южной части западного подножия Грудь-горы, получение объяснения приуроченности гробниц к совершенно определенному участку местности и на раскрытие смысла изображений, связанных со святилищем «Солнце в лодке». По результатам геодезических и астрономических исследований была составлена схема расположения объектов астрокомплекса и основных наблюдаемых астрономически значимых направлений (рис. 2, *а*).

Астрономическая «обсерватория» и объекты ее, предназначенные для фиксации восхода и захода светил в особо значимые моменты года и многолетий. *Главная структура многокомпонентного астрокомплекса – храм с изображениями трех Солнц, расположенный в одной из ложбин Грудь-горы* (рис. 2, *б*). Два круга, размещенные выше, оконтуриваются сни-

---

***Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А.** «Храм Времени» и связанные с ним сакрального характера комплексы (к проблеме функционирования астральных структур святилища эпохи палеометалла Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 317–322.

Рис. 1. Храм «Солнце в лодке».

зу серповидными (лодкообразными) дугами, по всей видимости, символами «народившейся» или «умирающей» около Солнца Луны. Третий круг, размещенный ниже, лишен такой дуги (символ уходящего за горизонт Солнца?). Круги с серпами и были восприняты при открытии храма символами двух плывущих в небесной (лунной) лодке Солнц. К нижнему краю плоскости с рисунками примыкает далеко выдвинутая вперед трапециевидная по очертаниям плита, нависшая над поверхностью земли «полка», которая служила, вероятно, для установки то ли курильниц, то ли скульптур божеств или духов. Слева, со стороны Запада, храм ограничен выступом, который отбрасывает тень на рисунки при заходе Солнца летом. Возможно, рисунки прикрывал сверху козырек, но он не сохранился (рис. 2, *б*). Если так, то тень от него могла падать на рисунки *в полдень с начала весеннего равноденствия, весь летний астрономический сезон вплоть до осеннего равноденствия,* когда лучи *всходящего Солнца могли освещать плоскость с рисунками с Востока*.

Вторая структура комплекса, массивная, наклонно уложенная песчаниковая плита, была обнаружена в 100 м от храма, значительно выше его по склону, на краю крутого скального уступа, расположенного в юго-восточном секторе дальнего горизонта (рис. 2, *в*). Она обратила на себя внимание четко выступающим на фоне Неба верхним краем, что навело на мысль о возможном использовании ее в качестве визира, ориентирующего взгляд на астрономически значимую точку горизонта. Эта идея нашла подтверждение в результатах специального астрономо-геодезического исследования:

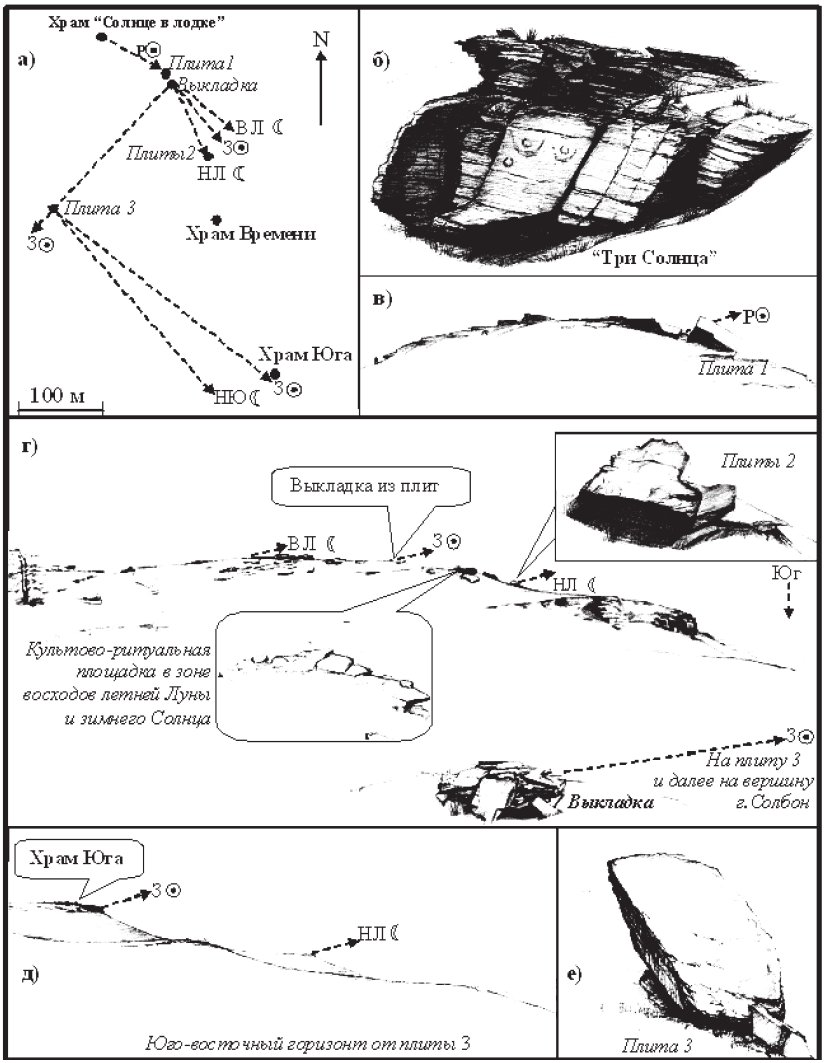


Рис. 2. Храм «Солнце в лодке» и связанные с ним астропункты:
а) схема расположения астропунктов и основных направлений;
б) храм «Солнце в лодке»; в) юго-восточный горизонт от храма; г) астрономические направления, наблюдаемые от выкладки из плит; д) горизонт от плиты 3; е) плита 3.
Р⦿ – Солнце в равноденствие; З⦿ – Солнце в зимнее солнцестояние;
ВЛ☾ – высокая летняя Луна; НЛ☾ – низкая летняя Луна.

при наблюдении от храма над этой плитой восходит Солнце в дни равноденствий (см. схему на рис. 2,*а* и *в*).

Третья структура комплекса, *открыта в нескольких метрах от уступа и наклонной плиты, визирующей направление на восход Солнца в дни равноденствий*. Она представляет собой площадку, выстланную несколькими слоями плиток песчаника (рис. 2, *г*). Как выяснилось в ходе астрономо-геодезических расчетов, эта структура определяла местоположение наблюдателя, который отслеживал следующие явления в юго-восточном и юго-западном секторах горизонта (рис. 2, *г*).:

а – восход Солнца в дни зимнего солнцестояния; направление отмечали специально уложенные плиты;

б – *заход Солнца в дни зимнего солнцестояния*; направление указывала крупная и массивная плита, наклонно уложенная на мысу, у подножия горы (*Плита 3* на схеме, рис. 2, *а, г, е*). Эта плита ориентировала взгляд наблюдателя на вершину горы Солбон, господствующей по высоте на юго-западе;

в – восход низкой и высокой летней Луны; направление *на точку восхода низкой Луны* отмечало довольно громоздкое сооружение из нескольких плит, размещенное на седловине вблизи вершины горы – около крутого скального обрыва (*Плиты 2* на схеме, рис.2), а *на точку восхода высокой Луны* – уступ скальной кромки.

В зоне выходов летней Луны и зимнего Солнца была обнаружена культово-ритуальная площадка (рис.2, *г*) в виде преднамеренно оформленного уступа.

Не менее важный факт удалось установить при проверке предположения, что большая массивная плита, наклонно уложенная далеко внизу, у подножия, на высоком обрывистом мысу, служила не только *визиром на заход Солнца в дни зимнего солнцестояния*, но предназначалась также для фиксации *второго местоположения наблюдателя* небесных явлений. Астрономо-геодезические расчеты засвидетельствовали следующее:

а – от плиты наблюдался *восход Солнца в дни зимнего солнцестояния*; точку появления диска светила определяла весьма заметная деталь дальнего горизонта – край скального обрыва зоны размещения «Храма юга», описанного в докладе прошлого года;

б – от плиты наблюдался *восход низкой летней Луны*; точку появления ее диска определяла заметная деталь дальнего горизонта – скальный выступ.

Юго-восточный горизонт с астрономически значимыми направлениями, наблюдаемый от плиты, показан на рис. 2, *д*.

Краткие итоги исследования и решение задач, поставленных до начала его. Астрономо-геодезической и календарной ориентации поиск в очередной раз подтвердил ожидаемые результаты: святилище с наскальными изображениями оказалось тесно увязанным с несколькими астрономического назначения структурами – визирами и наблюдательными площадками. А они засвидетельствовали стремление жрецов, устроителей многокомпонентной «обсерватории», фиксировать время наступлений равноденствий,

осеннего, а затем *весеннего*; *зимнего солнцестояния*; рубежи перехода *летней* Луны из стадии низкой к высокой и от высокой к низкой; столь же точно определять окончание периода времени, близкого 19-летию. Как выяснилось, траектории движения обоих светил до крайних точек смещения по горизонту проходили вне пространства размещения могильника, что, по всей видимости, и предопределило местоположение его, близкое Югу. Изложенное подсказывает возможные варианты интерпретации трех Солнц храма. Они могли быть знаками *всходящего, полуденного и заходящего Солнца или Солнца времени равноденствий и зимы*. Примечательно, что фигуры «Солнца в лодке» часто выбивались на плоскостях плит тагарских могильников Июсской котловины и ее окрестностей. По-видимому, такой знак символизировал уход человека в инобытие, в Небо, и возвращение его к новой жизни на Земле наподобие того, как исчезала (сливалась с Солнцем) и вновь возвращалась на небосклон Луна, когда она то сближалась с Солнцем на Востоке, то отклонялась от него на Западе.

Е.А. Миклашевич

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПОВРЕЖДЕНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ

Документирование памятников наскального искусства прошло долгий путь от зарисовок «на глаз» с большей или меньшей степенью художественного мастерства в XVIII-XIX вв. до осознания необходимости получения точных копий рисунков в натуральную величину. В XX в. сложился традиционный подход к документированию петроглифов, который заключался в получении копий рисунков в виде их прорисовок на прозрачные материалы или протирок, а также фотографий. Конечным результатом являлись черно-белые рисунки, передающие контуры наскальных изображений в масштабе. Такие рисунки-схемы обеспечивали достаточную базу для научного исследования памятника в археологическом аспекте, хотя многими исследователями неоднократно отмечалась ограниченность подобного способа представления материала.

За последние годы в документировании памятников наскального искусства произошли существенные изменения. Во-первых, сильно изменилось технологическое оснащение: улучшение качества фотоматериалов и расширение возможностей фотоаппаратуры, появление цифровой фотографии; возможности искусственного освещения; появление новых материалов для традиционных способов копирования; появление новых доступных способов обработки и репродуцирования материала – ксерокс, сканер, компьютерные программы для обработки изображений и т. д. Во-вторых, изменились требования к точности передачи прорисовок наскальных изображений: упрощённые контуры рисунков без детализации и выявления мельчайших деталей, технических, стилистических и иконографических, уже не удовлетворяют исследователей, поскольку дают неверное представление о конкретном изображении и памятнике в целом, что приводит к неверным интерпретациям и неточной атрибуции. В-третьих, изменился сам подход к памятникам наскального искусства. Если раньше они входили в сферу интересов практически только археологов, то теперь они – объект внимания реставраторов, музееведов, менеджеров культурного наследия, работников туристической сферы. Точная документация по памятнику требуется теперь не только в целях его археологического изучения. Многие задачи менеджмента, консервации и сохранения памятников наскального искусства также требуют документального обеспечения.

Комплект базовой документации, созданный в соответствии с современными требованиями и достижениями международной практики документирования и менеджмента памятников наскального искусства и способствующий решению задач их изучения, сохранения и использования, состоит из: 1) археологической карты комплекса; 2) топографических планов локальных участков с петроглифами; 3) индексированных фотографических и/или графических панорам локальных участков с петроглифами; 4) индексированных фотографий (в ортогональной проекции) и графических изображений поверхностей с петроглифами; 5) стандартизованного комментария, характеризующего состояние поверхности и петроглифов [Рогожинский и др. 2004, с. 156].

Работа по составлению перечисленных видов документации на памятник Томская писаница осуществляется уже довольно продолжительное время. Наиболее актуальным представляется создание нового корпуса графических изображений всех плоскостей с петроглифами. В результате длительного исследования памятника, естественно, накопилось большое количество фотографий и разнообразных прорисовок. Основополагающим документом до сих пор остаётся монография «Сокровища Томских писаниц» [Окладников, Мартынов, 1972], содержащая фотографии, прорисовки и описания большинства петроглифов Томской писаницы и других памятников на р. Томь. Для своего времени это был достаточно приемлемый корпус источников, введший рисунки Томской писаницы в научный оборот и сделавший её одним из самых известных памятников наскального искусства России, и одним из немногих монографически опубликованных. Тем не менее, назрела необходимость нового документирования этого памятника. Во-первых, опубликованы копии не всех изображений и плоскостей. Нет, например, прорисовок плоскостей камней I, IV, VI, VII, есть только прорисовки отдельных фигур. Нет прорисовок плоскостей, находящихся за пределами основного скопления Томской писаницы. Хотя некоторые из них были скопированы и опубликованы позднее [Мартынов и др., 1998, рис. 2-*4*, 6-*8*], но тоже не все и не полностью. На прорисовках в книге А. П. Окладникова и А. И. Мартынова отсутствуют некоторые фигуры и в большинстве случаев не точны контуры имеющихся. В 1960-е гг., когда проводилось документирование Томской писаницы, в распоряжении исследователей не было ни тех материалов для копирования, которыми мы располагаем сегодня, ни аппаратуры, ни опыта предыдущих исследований. Если учесть, что рисунки приходилось перерисовывать на полупрозрачную кальку по контурам, предварительно обведённым мелом, а работа проводилась людьми, тогда в первый раз имевшими дело с наскальными рисунками, то надо отдать должное полученным результатам: для своего времени эти копии были выполнены на достаточно высоком уровне.

Необходимость повторного копирования петроглифов памятника осознавалась уже в 1980-е. Такая работа периодически проводилась сотрудниками Музея-заповедника (И. Д. Русакова, А. А. Ломтева и др.), осущест-

вившими в 1990-х гг. копирование петроглифов памятника на микалентную бумагу и способом прорисовки на полиэтилен. К сожалению, эти материалы не были доведены до стадии получения полного графического воспроизведения. Несколько лет назад работа по ре-документированию Томской писаницы возобновилась [Ковтун и др., 2005].

Новое документирование памятника на современном уровне актуально не только в археологическом аспекте. Начавшиеся с 2002 г. реставрационно-консервационные исследования и затем практические работы, осуществляемые специалистами ГосНИИ реставрации, выявили отсутствие необходимой документальной базы. В работе реставраторов-консерваторов качество и полнота документации имеют особое значение. Перед ними стоят задачи как фиксации состояния объекта на момент его обследования и вмешательства, так и мониторинг и регистрация последующих изменений. На имеющихся графических изображениях были показаны только сами изображения (в редких случаях обозначены края утраченных фрагментов). Между тем, для консервационно-реставрационных исследований (впрочем, для археологических тоже) большое значение имеют характеристики субстрата – основы, на которую нанесены изображения, скальной поверхности со всеми её деталями – границами плоскости, трещинами, сколами, перепадами и прочими нюансами.

Таким образом, стала совершенно очевидной необходимость получения новых графических масштабированных воспроизведений петроглифов Томской писаницы, выполненных в соответствии с современными требованиями к этому виду документации и с учётом потребностей как археологического изучения памятника, так и проведения реставрационно-консервационных мероприятий, а также обеспечивающих возможность фиксации состояния сохранности памятника на определённый момент и регистрации проводимого вмешательства. Иначе говоря, требовалось создать точные прорисовки каждой плоскости памятника, на которых были бы отмечены абсолютно все рисунки, со всеми их деталями, с особенностями технического воплощения, а также были бы показаны границы плоскости, границы утраченных участков скальной корки и фрагментов скальных блоков, трещины, сколы, уровни изобразительной поверхности и т.п. Такие прорисовки являются базовыми, документирующими состояние скальной плоскости с петроглифами на момент создания этой прорисовки. На основе подобного документа может осуществляться дальнейшее археологическое изучение памятника – типология, стилистический и иконографический анализ, культурно-хронологическая атрибуция, интерпретация петроглифов. На основе этого же документа фиксируется состояние сохранности конкретной плоскости. На базовую прорисовку можно наносить и другие виды повреждений, тех, которые могут быть ликвидированы в той или иной степени – например, лишайники, высшую растительность, грунтовые отложения, посетительские надписи; можно отмечать наличие аварийных участков, а также места и характер проведённых реставрационно-консервационных

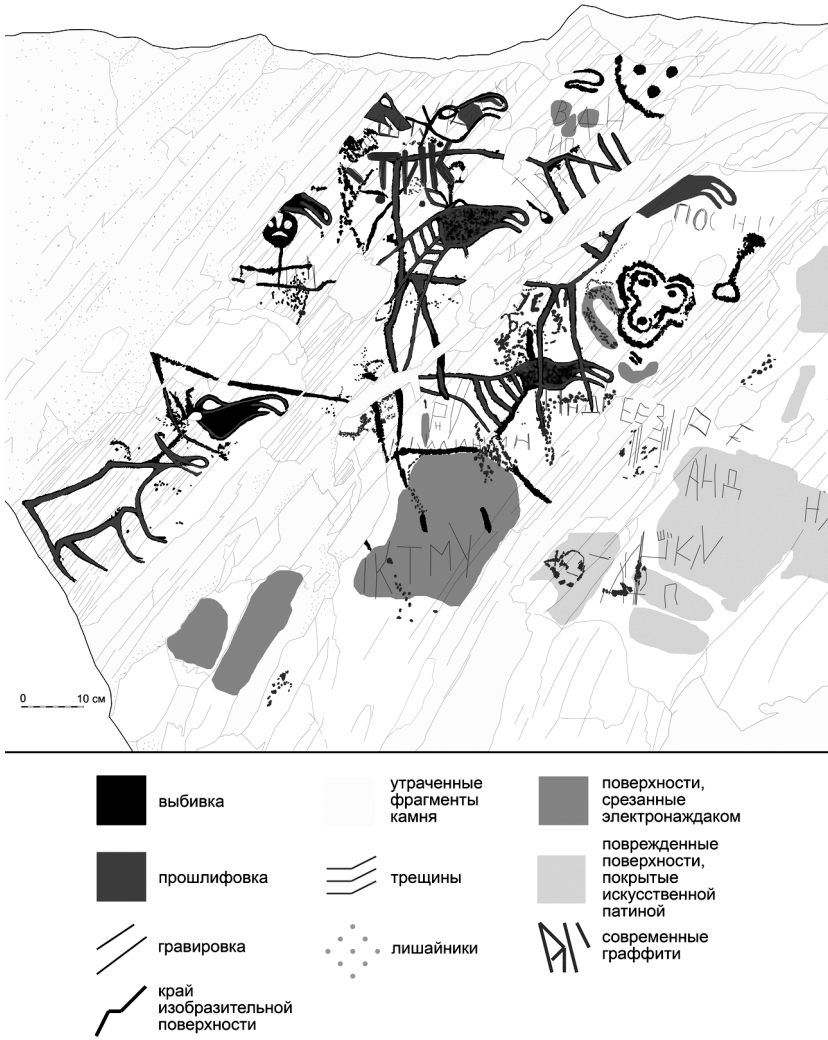


Рис. 1. Томская писаница. Прорисовка-картограмма плоскости 4. По состоянию на 2008 г.

Разными способами зафиксированы выбитые и прошлифованные изображения. Отмечены следующие повреждения: диагональные трещины; утраты камня и скальной корки; утраты фрагментов изображений; вырезанные посетительские надписи; современная выбивка и подновление рисунков; зашлифованные электронаждаком в 1966–1967 гг. участки; лишайники в трещинах.

Консервационное вмешательство: искусственное патинирование зашлифованных электронаждаком участков и посетительских надписей.

Рис. 2. Томская писаница. Прорисовка-картограмма плоскости 5.
По состоянию на 2008 г.

Разными способами зафиксированы выбитые, прошлифованные и гравированные изображения. Отмечены следующие повреждения: диагональные трещины; утраты камня; утраты фрагментов изображений вследствие утрат камня и зашлифовки обширных участков электронаждаком; современные гравировки, выбоины, надписи; многократные подновления изображений; лишайники. Консервационные мероприятия: искусственное патинирование зашлифованных электронаждаком участков.

мероприятий. В идеале, в результате достаточно длительного мониторинга памятника и неоднократного реставрационно-консервационного вмешательства, должен накопиться целый пакет документации, созданной на основе базовой прорисовки, фиксирующий состояние памятника в разные периоды времени.

Создание такой документации – одно из важнейших направлений работы на Томской писанице в последние годы. К настоящему времени нами (в рамках выполнения проекта ГосНИИР по проведению консервационных и строительно-монтажных работ, необходимых для реставрации объекта культурного наследия федерального значения «Томская писаница») выполнено полное документирование петроглифов и повреждений на следующих плоскостях основного местонахождения Томской писаницы: № 2, 4, 5, 7 по новой индексации (по публикации 1972 г. соответственно:

кам. VI (рис. 126, 139, 140), кам. VI (136, 137, 141-149), кам. II, кам. V). С целью наиболее полного и точного выявления изображений применялись все известные методы копирования петроглифов: натирка на микалентную бумагу, переведение на прозрачные материалы, изготовление бумажных эстампажей-оттисков, фотографирование при естественном и искусственно созданном косом освещении, макросъёмка. Таким образом, для каждой из плоскостей создан полный комплект полевой документации: 1) микалентная натирка; 2) бумажный эстампаж; 3) прорисовка на целлофан, на которой отмечены не только контуры рисунков, но и особенности субстрата и повреждения; 4) фотодокументация; 5) замеры и описания. Следующим этапом работы была компьютерная обработка полевых копий и получение в цифровом виде цветных прорисовок-картограмм на каждую плоскость памятника. К сожалению, формат данной публикации не позволяет показать полученные картограммы в цвете и полностью, но, надеюсь, что и два приведённых в чёрно-белом виде рисунка дадут некоторое представление о проделанной работе.

Список литературы

Ковтун И.В., Русакова И.Д., Миклашевич Е.А. Обследование памятников наскального искусства Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XI, ч. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 355–358.

Мартынов А.И., Покровская А.Ф., Русакова И.Д. Утраченные и вновь обнаруженные изображения Томской писаницы // Музей-заповедник «Томская Писаница». – Кемерово, 1998. – Вып. 1: Природа. – С. 104–111.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 256 с.

Рогожинский А.Е., Хорош Е.Х., Чарлина Л.Ф. О стандарте документации памятников наскального искусства Центральной Азии // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие. Менеджмент. Консервация. Документация. – Алматы: [б.и.], 2004. – С. 156–161.

Е.А. Миклашевич, Л.Л. Бове

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТОРГУН В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Гора Торгун расположена на правом берегу р. Каракол напротив дер. Бичикту-Бом в Онгудайском районе Республики Алтай. Северо-восточный склон горы выходит в широкую долину, известную как урочище Устю-Айры. Петроглифы на этом склоне документировались в 1989-1990 гг. и уже были предметом специальной публикации [Миклашевич, 2003]. В 2010 г. проведено новое обследование известного местонахождения, а также поиск петроглифов на других склонах горы. На разных участках довольно протяжённого северо-западного склона, тянущегося вдоль протоки Каракола, было обнаружено несколько плоскостей с выбитыми и гравированными рисунками. Таким образом, ранее известное местонахождение на северо-восточном склоне получило обозначение Торгун-I, а вновь выявленное на северо-западном склоне – Торгун-II.

При новом осмотре местонахождения Торгун-I выявлено несколько незафиксированных ранее плоскостей, в основном, с изображениями козлов, выполненных в технике выбивки и гравировки, относящихся к скифскому и более позднему времени. С помощью макрофотосъёмки и увеличительного стекла были уточнены прорисовки скопированных ранее тонких резных рисунков. Корректировки потребовали и прорисовки выбитых рисунков, ранее выполненные только по микалентным копиям, без последующей сверки с оригиналом. В частности, выполнена новая прорисовка одной из самых интересных композиций памятника (плоскости № 8 по публикации 2003 г.), на которой выбиты изображения оленей и козлов скифского времени, а также прослеживаются многочисленные фрагменты как резных эскизов и самостоятельных рисунков этого же времени, так и резных и прошлифованных рисунков каракольской культуры (рис. 1). Резные и прошлифованные рисунки, вычлененные из общей композиции, в том числе редкое изображение солнцеголового персонажа, уже были представлены в предыдущей публикации [Миклашевич, 2003, рис. 12-*2*], однако некоторые выявленные при более тщательном копировании детали заставляют вновь вернуться к этим изображениям.

Несомненно, наибольший интерес представляет самый ранний пласт изображений этой разновременной композиции – рисунки каракольской культуры. Плоскость довольно крупная по размеру и можно только предполагать, какой большой и многофигурной могла быть сцена, нанесённая на неё в эпоху

Рис. 1. Плоскость с разновременными изображениями на местонахождении Торгун I (*1*); фрагменты гравированных и прошлифованных рисунков каракольской культуры, выявленные на плоскости между выбитыми изображениями скифского времени (*2*).

бронзы. К сожалению, многочисленные и обширные утраты скальной корки и фрагментов камня, а также более поздние рисунки практически полностью уничтожили ранние изображения. На сохранившихся участках поверхности между выбитыми рисунками удалось выявить резное фрагментарное изображение солнцеголовой фигуры в нижней левой части плоскости, а также выполненные сочетанием резьбы и прошлифовки голову лося (или оленя) с раскидистыми рогами и фрагменты изображения лосихи (или оленухи) в нижней центральной части (рис. 1, *2*). Фигура самки ранее зафиксирована не была. Кроме этих явно читающихся изображений, есть ещё несколько фрагментов фигур, выполненных в подобной же технике: похожее на морду лося изображение над головой лосихи, частые линии в верхней части плоскости, очень напоминающие раскинутые в быстром беге ноги каракольских персонажей и др. Сходство технических приёмов изображения позволяет предположить одновременность выполнения фигуры солнцеголового (принадлежность которой каракольской культуре сомнений не вызывает) и других вышеперечисленных рисунков, по всей вероятности, составлявших некогда единую сюжетную композицию, и, следовательно, включить изображение пары копытных в репертуар наскальных изображений каракольской культуры. Это предположение подкрепляется недавним открытием Е. П. Маточкиным нового памятника наскального искусства в Горном Алтае – Поперечная Красноярка [Маточкин, 2009]. Здесь зафиксированы изображения лосей и оленей, антропоморфных фигур, так же выполненных в технике гравировки и прошлифовки («выскобленные») и отнесённых исследователем к каракольской культуре [Там же]. В технике сочетания прошлифовки и гравировки выполнена и солнцеголовая фигура, обнаруженная нами в 2009 г. на скалах Бичикту-Бома [Миклашевич, Бове, 2009, рис. 1, *3*].

На местонахождении Торгун-II было выявлено несколько плоскостей с петроглифами. Рисунки на них выполнены как в технике выбивки, так и гравировкой. Наиболее ранние рисунки, по всей вероятности, относятся к эпохе поздней бронзы (отдельные изображения большой многофигурной композиции, которую ещё предстоит скопировать). Резные изображения зубастых хищников и оленей с орнаментированными туловищами (рис. 2, *1*) выполнены в стиле скифской эпохи. Выбитые стилизованные фигуры козлов предположительно могут быть датированы временем рубежа эр. К новому времени относится интересная сложная композиция с изображениями шаманов с бубнами (рис. 2, *2*), выполненная в технике прочерчивания на узком длинном скальном выходе. Линии этих рисунков светлого цвета, почти не патинизированные.

Обследование горы Торгун ещё не закончено, в следующем полевом сезоне планируется провести осмотр скальных выходов на гребне горы, выполнить копирование выявленных рисунков и уточнить ранее сделанные копии древнетюркских гравировок.

Кроме документирования петроглифов горы Торгун, нами было предпринято обследование других гор и урочищ, расположенных на правом

Рис. 2. Гравированные рисунки местонахождения Торгун II. Сцена с изображениями хищников и копытных (скифское время), перекрытая более поздним рисунком (*1*); композиция с изображениями шаманов (новое время): *а* – левая часть, *б* – правая.

берегу р. Каракол, между Торгуном и местом расположения эпонимного могильника каракольской культуры, исследованного В. Д. Кубаревым [Кубарев, 1988] в с. Каракол. Пока других петроглифов в этом районе не найдено, но поиск планируется продолжать. Также были продолжены работы по выявлению, документированию и картографированию гравированных рисунков скифского времени на горе у дер. Бичикту-Бом.

Список литературы

Кубарев В. Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.

Маточкин Е. П. Петроглифы Поперечной Красноярки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 4. – С. 83–91.

Миклашевич Е. А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири: Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию со дня рожд. А. И. Мартынова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84–91.

Миклашевич Е. А., Бове Л. Л. Исследование памятников наскального искусства в Онгудайском районе Республики Алтай в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 329–333.

В.И. Молодин

ПЕТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

Памятники петровской культуры, относящиеся к ранней поре бронзового века, были открыты Г.Б. Здановичем в 1973 г. в Северном Казахстане и наиболее полно и всесторонне исследованы этим автором [Зданович, 1973; 1988]. В настоящее время силами ряда исследователей представления о данной культуре существенно расширились. Тем не менее, было бы абсолютно неверным полагать, что наши знания о петровской культуре являются исчерпывающими. Свидетельством этому является погребальный комплекс, полученный в Барабинской лесостепи, который существенно дополняет представления ученых о носителях означенной культуры, по крайней мере в плане восточных территорий ее проникновения.

При монографическом исследовании погребально-культового комплекса, объединенного общим названием Сопка-2 в Барабинской лесостепи было раскопано свыше пятисот погребений [Молодин, 2001, с. 8], относящихся к различным периодам и археологическим культурам бронзового века. Эти материалы частично введены в научный оборот [Молодин, 1983; 1985; 2001], а в значительной степени еще готовятся к монографическим изданиям. Все это позволит представить историко-культурную ситуацию в правобережной части Иртыша, Западносибирской лесостепи от момента появления у человека металла, что произошло, по меньшей мере, в IV тыс. до н.э. (усть-тартасская культура) до эпохи поздней бронзы (XIV–X вв. до н.э., ирменская и сузгунская культуры). Вместе с тем исследования последнего десятилетия в этом же регионе Западной Сибири таких памятников как Тартас-1 и Преображенка-6, существенно пополнили наши знания и позволили во многом скорректировать и уточнить представления об эпохе бронзы в регионе вообще и о материалах памятника Сопка-2 – в частности [Молодин, 2010].

Итак, детальное рассмотрение материалов эпохи бронзы памятника Сопка-2 показало, что одно захоронение, выявленное на памятнике, совершенно выпадает из круга усть-тартасских, одиновских, кротовских и позднекротовских захоронений эпохи бронзы, как по погребальному обряду, так и по инвентарю. Речь идет о погребении № 177 (к.22, п.32). Ниже дается его описание.

*Работа выполнена в рамках совместного проекта СО РАН и УрО РАН (№ 25).

Погребение № 177 (к.22, п.32) памятника Сопка-2 расположено в центральной части некрополя в глубине террасы. Захоронение грунтовое. Могильная яма не перекрыта насыпью кургана. Могила перерезает группу захоронений одиновской культуры № 170, 172, практически полностью уничтожив последние (рис.1). Совершенно очевидно, что она сооружена позже этих захоронений и вряд ли ее создатели имели о них представление, когда устраивали свое захоронение. Могила в плане имеет вытянутую овальную форму. Яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В центре могильной ямы погребена женщина в возрасте 20-25 лет (Adultus)*. Умершая была положена на левом боку, в скорченном положении, головой на СВ (рис.1). Кости правой руки у покойной отсутствовали. Левая рука лежала in situ, вытянуто вдоль туловища. На большой берцовой кости обнаружена бронзовая, прокованная с обеих сторон пластина, удлиненной формы, с неровным краем (рис. 2, *1*). Определить ее принадлежность не представляется возможным. На левом предплечье умершей вверх дном был поставлен сосуд (рис. 2, *2*).

Прежде всего, очевидно, что погребение № 177 является моложе одиновских стратиграфически и не может быть причислено к захоронениям данной культуры. Кроме того, несомненным индикатором культурной принадлежности данного захоронения является целиком сохранившийся сосуд, который требует особого рассмотрения (рис.2-*2*). Сосуд представляет собой небольшой горшок слабо профилированной формы. Венчик его короткий, слегка отогнутый и приостренный, шейка выражена, тулово одутловатое, дно широкое, плоское. Вся поверхность сосуда украшена нанесенным гладким штампом композицией в виде волнообразных линий, слегка более углубленных на стыках «волн». Дно сосуда украшено прямыми прочерченными линиями, структурированными на четыре зоны покрытыми взаимо-перпендикулярной штриховкой, образующей узор, напоминающий стилизованную свастику. Как видим, сосуд достаточно своеобразен и конечно разительно отличается как от усть-тартасской, так и от одиновской и кротовской посуды. Своеобразие сосуда и его близость к керамике петровской культуры уже отмечались автором и Е.В. Ламиной [Молодин, Ламина, 1989, с. 116].

Наиболее близкие аналогии мы находим в посуде I и V типов керамики петровской культуры по периодизации Е.Е. Кузьминой [Кузьмина, 2008, с. 97–98]. Как подчеркивает исследователь, посуда этих типов часто орнаментировалась целиком [там же, с. 98]. Исследователь далее констатирует, что на петровской посуде нередко встречается «волнистый орнамент, выполненный широкими желобками» [там же, с. 90]. Ближайшие аналогии охарактеризованному сосуду мы находим на поселении Новоникольское-I [там же, с. 109, рис. 17-3], могильнике Петровка [Зданович, 1988, с. 34,

---

*Половозрастные определения выполнены д.и.н. Т.А. Чикишевой, за что мы приносим ей искреннюю признательность.

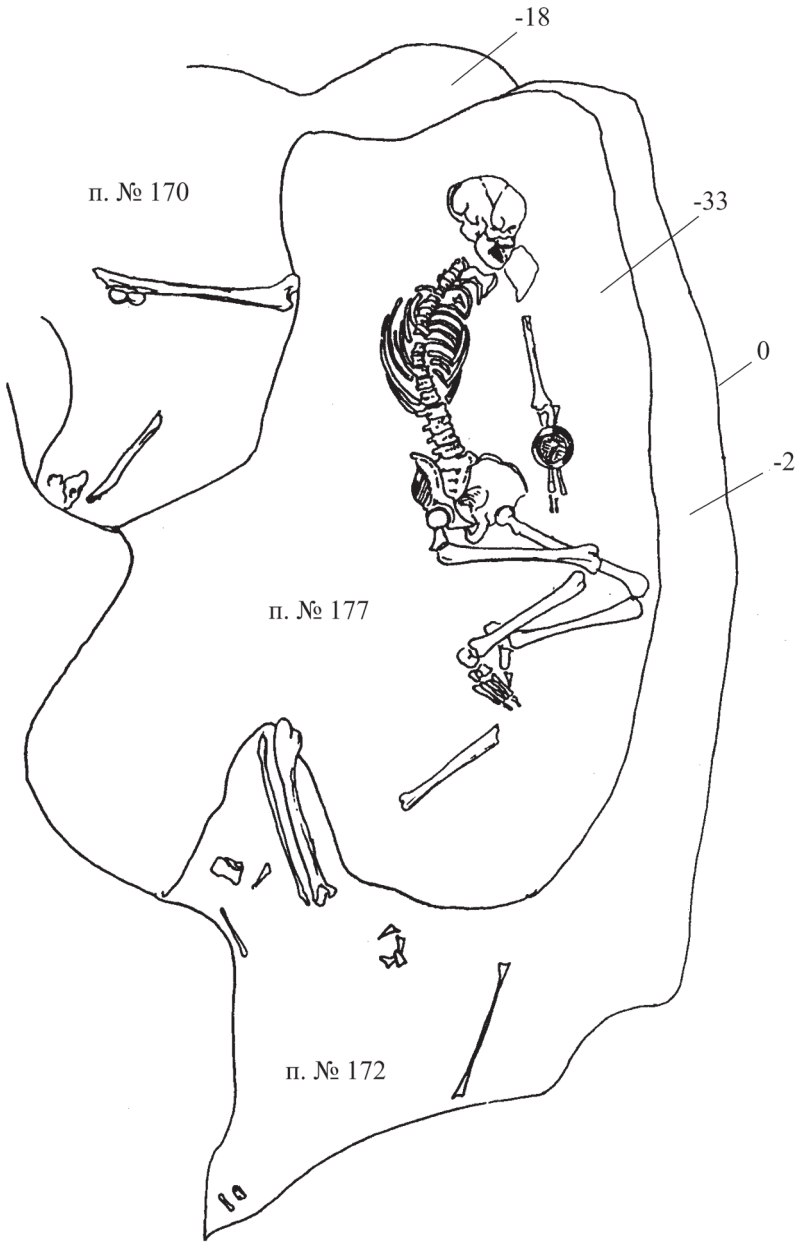


Рис. 1. Погребение петровской культуры на могильнике Сопка-2.

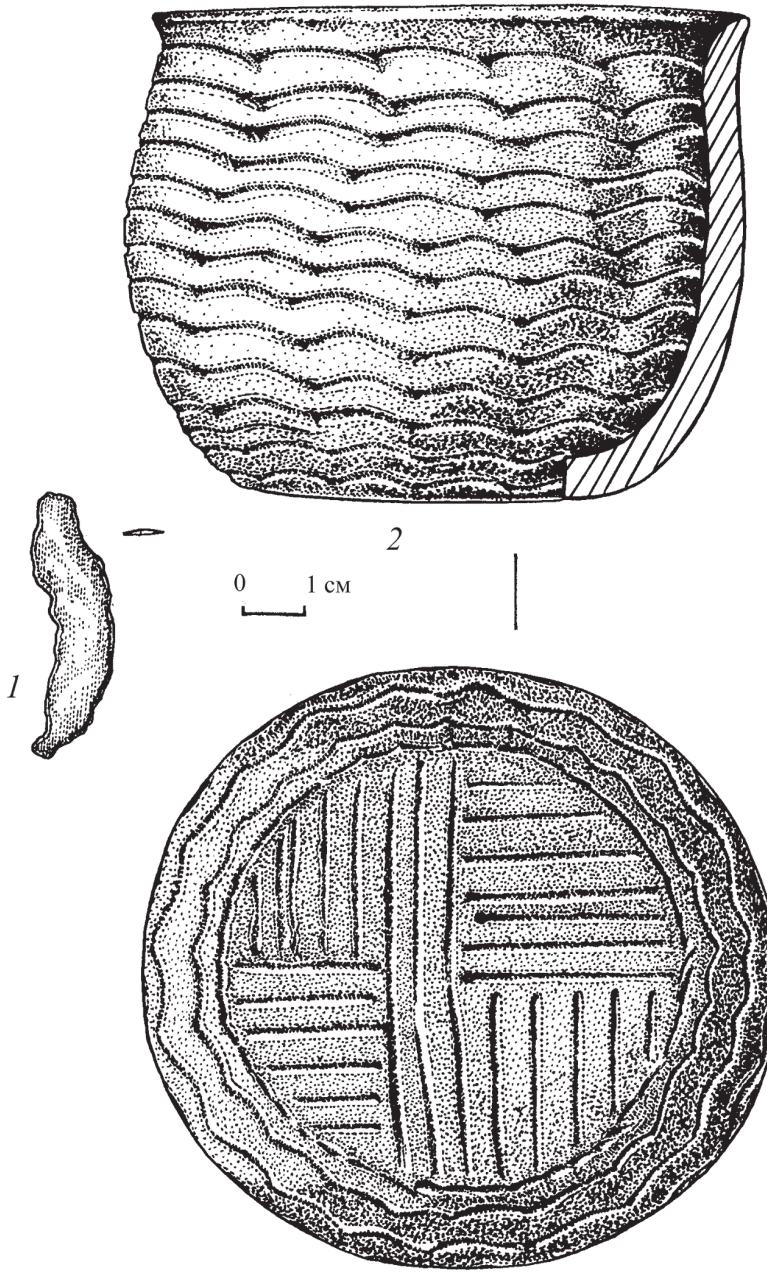


Рис. 2. Погребальный инвентарь из захоронения петровской культуры на памятнике Сопка-2.
1 – бронзовая пластина; *2* – сосуд.

рис. 7-5,9], поселении Петровка-П [Зданович, 1988, с. 48, рис. 16-7]. Не позволяет сомневаться в предлагаемой идентификации и погребальный обряд захоронения № 177 могильника Сопка-2. В петровском погребальном обряде имеют место грунтовые могильники, типичные, прежде всего, для захоронений детей. Умерших хоронили на левом боку, в скорченном положении (при этом преобладает слабая степень скорченности трупа) [Зданович, 1988, с. 135]. Е.Е. Кузьмина отмечает неустойчивость ориентировки умерших при преобладании восточной и северо-восточной ориентации [Кузьмина, 2008, с. 93].

Как видно, все перечисленные черты погребальной практики носителей петровской культуры полностью совпадают с захоронением № 177 могильника Сопка-2. Аналогии сосуда из этого захоронения с петровской керамикой позволяют сделать однозначный вывод об отнесении данного комплекса к петровской культуре.

В свое время Г.Б. Зданович справедливо подчеркивал, что «к востоку от Иртыша материалы петровского типа не обнаружены» [Зданович, 1988, с. 132]. Таким образом, перед нами первое петровское погребение, обнаруженное более чем за 200 км к востоку от Иртыша. Явная эпизодичность данного сюжета позволяет говорить, что носители данной культуры лишь изредка совершали столь далекие путешествия на восток в чуждую для них инородную среду носителей кротовской культуры, западной границей которой было как раз Прииртышье [см. Генинг, Гусенцова, Кондратьев и др., 1970, с. 28].

Таким образом, публикуемое захоронение петровской культуры из центральной Барабы свидетельствует о том, что проникновение за Иртыш носителей андроновской культурно-исторической общности началось задолго до федоровской экспансии на восток. Думаю, что в таком случае может быть понятен и своеобразный комплекс керамики, обнаруженный при раскопках могильника Ростовка на нижней Оми, отличающийся орнаментацией в виде волнообразного узора, украшением дна и налепных валиков по шейке горшка [Матющенко, Ложникова, 1969, табл. 17-2,5,8,9]. Авторы раскопок абсолютно обоснованно выделяют его в особую, третью группу предлагаемой ими классификации посуды [Матющенко, Синицына, 1988, с. 92, рис. 84]. По нашему мнению, сложение этой, вне всякого сомнения, своеобразной группы, может объясняться синкретизмом кротовских и петровских керамических традиций*, в таком случае петровское проникновение на восток уже не будет выглядеть как какой-то случайный эпизод. Последние находки на могильнике Тартас-1 свидетельствуют, вероятно, и

*По моему мнению, предложенная В.И. Матющенко и Г.В. Синицыной классификация керамики, обнаруженной на памятнике, в настоящее время требует пересмотра как с точки зрения ее типологической градации, так и культурно-хронологической идентификации выделенных групп. Однако это особое исследование, требующее специального рассмотрения.

о возможных проникновениях на территорию Иртышского правобережья носителей как петровской так и алакульской культуры, а также групп населения юго-западных окраин андроновской общности [Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2009, с. 341].

Все вышеперечисленное свидетельствует о значительно более сложных культурно-исторических процессах, протекавших в степях и лесостепях Евразии в эпоху ранне-развитой бронзы, чем нам порой представляется.

Список литературы

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопр. археол. Урала. – 1973. – Вып. 12.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. – Свердловск, Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 176.

Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008. – 358 с.

Матющенко В.И., Ложникова Г.В. Раскопки могильника у деревни Ростовка близ Омска в 1966–1969 годах. Предварительное сообщение // Полевые работы 1969 года. Из истории Сибири. Вып. 2. – Томск, изд-во Том. гос. ун-та, 1969, с. 18–34.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том гос. ун-та, 1988. – 133 с.

Молодин В.И. Бараба в древности: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 36 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. Том 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 127 с.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 103–118.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения центральной Барабы в эпоху развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 337–342.

В.И. Молодин, Ж.В. Марченко,
А.Е. Гришин, Л.А. Орлова

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА СОПКА-2 ЭПОХИ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ*

Раскопки памятника Сопка-2 происходили в 1970-90-е гг. Обширная источниковая база позволила еще в процессе исследования могильника сделать анализ материалов и использовать их при формировании культурно-хронологической шкалы региона в эпоху бронзы [Молодин, 1985]. Позже, монографически изданы материалы эпохи неолита и раннего металла [Молодин, 2001] и средневековья [Молодин, Соловьев, 2004]. Накопленные источники легли в основу ряда диссертационных работ [Гришин, 2002; Шатов, 2005; Чикишева, 2010]. В настоящее время идет работа по подготовке монографий, посвященных полной публикации и интерпретации материалов эпохи ранней и развитой бронзы, составляющие основную часть коллекции (более 500 погребений), а также – средневекового святилища.

Серия ярких предметов из погребений некрополя позволила дополнить представления о кротовской культуре, а в настоящее время выделить два этапа в ее развитии [Молодин (в печати)]. Так, основой для датирования раннего этапа культуры явились изделия сейминско-турбинского облика (бронзовый кельт, формы для литья), каменные предметы (луновидные подвески и др.), встречающиеся в культурах эпохи ранней бронзы на сопредельных территориях. Хронология позднего этапа определялась серией бронзовых предметов, в первую очередь, кинжалами срубно-андроновского облика и украшениями (браслеты со спиралевидным окончанием и др.) [Молодин, 1985, с. 40-73; 2010].

В настоящее время в связи с накоплением новых источников по эпохе ранней - развитой бронзы Барабинской лесостепи [Молодин, Чемякина, Позднякова, 2007] и в результате детальной проработки материалов, часть погребений кротовской культуры памятника Сопка-2 отнесены к одиновской культуре эпохи ранней бронзы [Молодин, 2008].

По материалам некоторых погребений могильника Сопка-2 ранее было получено несколько радиоуглеродных определений [Орлова, 1995]. Однако, эти даты не были калиброваны, дали значительный хронологический разброс, а специального их анализа проведено не было. Вместе с тем, в настоящее время серийное радиоуглеродное датирование памятников и куль-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00005а) и на грант Президента РФ МК-1961.2010.6.

тур эпохи бронзы Восточной Европы [Черных, Авилова, Орловская, 2000; Черных, 2008], Южной Сибири [Goersdorf et al., 2004; Лазаретов, 2007; Svyatko et al., 2009], юга Западной Сибири [Кирюшин, Грушин, Орлова и др. 2007, Молодин, Парцингер, Марченко и др., 2008; Кирюшин, Грушин, Папин, 2009] указывает на то, что значительная часть комплексов оказывается значительно древнее, чем представлялось ранее.

На сегодняшний день получено 19 новых радиоуглеродных дат по антропологическим остаткам из комплексов доандроновской бронзы могильника Сопка-2 (см. *таблицу*). В основу формирования выборки для датирования лег культурно-планиграфический принцип.

Могильник Сопка-2\4, фактически представляет собой два обособленных могильных поля, получившие обозначение Сопка-2\4А и Сопка-2\4Б [Молодин, 2001, Гришин, 2002]. Некрополь *Сопка-2\4А* локализуется в глубине террасы, в 40 м к ЮЗ от края. По характеру расположения погребений и культурной принадлежности эта часть памятника представляется наиболее однородной. Комплексы объединяются единой планиграфией (четкие ряды), одинаковой ориентировкой, сходной конструкцией могильных ям и другими следами погребальной практики. Могильник *Сопка-2\4Б* располагается вдоль северо-западной части края террасы. В культурном плане этот участок является неоднородным – здесь встречаются погребения и надмогильные сооружения более раннего и позднего времени, как вписанные, так и не вписанные в общую архитектуру могильника [Молодин, 2001; Молодин, Соловьев, 2004]. В процессе работы над материалами некрополя планиграфическое деление получило и культурное наполнение [Молодин, 2008, 2010]. Основная часть погребений Сопки-2/4А теперь сопоставляется с *одиновской* культурой, а основной массив комплексов Сопки-2\4Б – с первым этапом *кротовской*.

Радиоуглеродному датированию подверглись комплексы из обоих некрополей – из Сопки-2\4А и -4Б. К настоящему моменту, более чем для 160 захоронений группы Сопка-2/4А выполнено 6 радиоуглеродных дат, а более чем для 250 погребений группы Сопка-2/4Б – 11 дат (табл.). Комплексы, из которых были взяты пробы на анализ, располагаются в различных частях планиграфических групп. Кроме того, при выборе погребений для датирования обращалось внимание на наличие в них характерных изделий. С методической точки зрения необходимо было получить данные по парным, ярусным и другим видам коллективных захоронений (погр. 71, 85, 405, 208). Различие погребальной практики также учитывалось при выборе объектов датирования. Дело в том, что в Сопке-2\4 были выделены три разновидности погребальной практики [Гришин, 2002]. И все они представлены в выборке: 1-й тип – 5 погребений, 2-й тип – 2 погребения, 3-й тип – 5 погребений.

Отметим, что в выборку вошли и материалы из т.н. погребения «литейщика», которого сопровождали предметы бронзолитейного производства и собственно оружие сейминско-турбинского облика (погр. 282 [Молодин,

Радиоуглеродные и калиброванные даты
из погребений могильника Сопка-2/4

Планиграфическая (культурная) группа	№ погребения	Лабораторный индекс	Радиоуглеродная дата, л.н.	Калиброванная дата (л. до н.э.)
Сопка-2/4А (одиновская)	278	СОАН-7730	4275±120	1δ 3030-2830
				2δ 3350-2500
	190	СОАН-7716	4220±100	1δ 2820-2630
				2δ 3100-2450
	592	СОАН-7734	4210±110	1δ 2920-2620
				2δ 3100-2450
	208, скелет Ж, ярус 2	СОАН-7714	4170±80	1δ 2820-2660
				2δ 2920-2560
	208, скелет Д, ярус 1	СОАН-7715	4125±110	1δ 2880-2570
				2δ 2950-2300
	237	СОАН-7719	3545±90	1δ 1980-1750
				2δ 2140-1660
Сопка-2/4Б (кротовская, первый этап)	85, скелет А	СОАН-7728	4470±100	1δ 3340-3020
				2δ 3400-2900
	85, скелет Б	СОАН-7729	4270±100	1δ 3030-2840
				2δ 3350-2550
	389	СОАН-7722	4235±90	1δ 2930-2830
				2δ 3100-2500
	366, скелет А	СОАН-7721	4215±90	1δ 2820-2660
				2δ 3100-2450
	377	СОАН-7732	4215±120	1δ 2920-2580
				2δ 3150-2450
	71, скелет 2	СОАН-7711	4215±100	1δ 2820-2630
				2δ 3100-2450
	492	СОАН-7727	4190±85	1δ 2820-2660
				2δ 3050-2450
	81	СОАН-7709	4150±100	1δ 2880-2620
				2δ 2930-2460
	71, скелет 1	СОАН-7710	4145±140	1δ 2900-2560
				2δ 3100-2250
Сопка-2/4В (кротовская (первый этап-заключительная стадия)_	282	СОАН-7725	3805±75	1δ 2350-2130
				2δ 2470-2030
	594	СОАН-7718	3850±105	1δ 2470-2190
				2δ 2600-1950
Сопка-2 (?)	405, скелет 1	СОАН-7712	3605±75	1δ 2050-1870
				2δ 2150-1740
	405, скелет 2	СОАН-7713	3500±80	1δ 1930-1730
				2δ 2040-1620

1983]). Данное захоронение планиграфически входит в особую группу, обособленную и от некрополя Сопка-2/4А и от могильника Сопка-2/4Б [Молодин, 2001, вкладка].

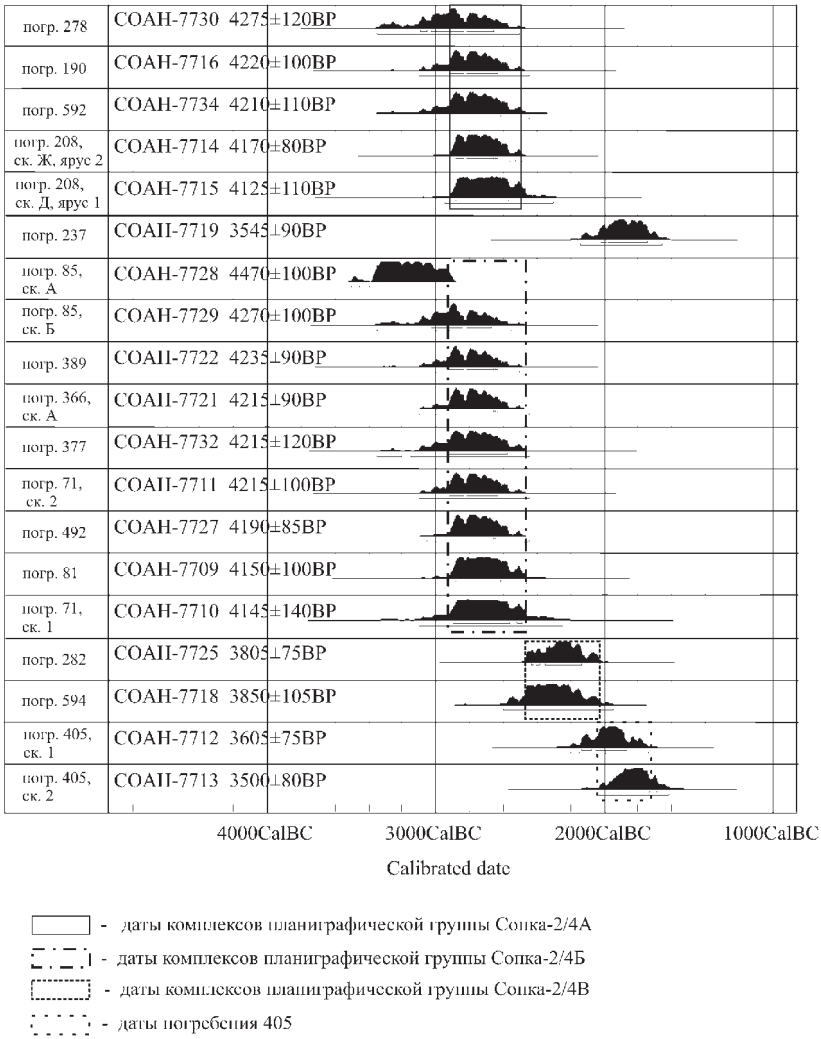
Таким образом, в первом приближении были получены хронологические диапазоны для одиновской и первого этапа кротовской культур, в первую очередь, и, во вторую очередь - для отдельных категорий инвентаря, других частей всего некрополя, имеющих специфику погребальной практики и инвентаря.

Из приведенной схемы видно, что даты, происходящие из могильников одиновской культуры Сопка-2/4А и первого этапа кротовской культуры Сопка-2/4Б указывают в целом на один период времени: они относятся к первой половине III тыс. до н.э. (см. *рисунок*).

Исключение составляют три даты. Это одна дата из комплекса Сопка-2/4А - СОАН-7719, и три даты из комплекса Сопка-2/4Б - СОАН-7728, СОАН-7712, СОАН-7713. Принимая во внимание вышеописанную однородность планиграфической группы Сопка-2/4А, а также наличие явных особенностей погребальной практики характерных для одиновской культуры, мы считаем, что дату СОАН-7719 следует признать ошибочной. Дата СОАН-7728 является одной из двух для погребения 85, в котором ярусно находилось два скелета. Образцы отбирались от двух индивидуумов. В целом дата не противоречит основному массиву данных (также захватывает начало III тыс. до н.э. (табл.)), однако является сравнительно более древней. На наш взгляд, расхождения в возрасте скелетов из одного погребения могли произойти из-за плохой сохранности скелета А (возможно, это был вариант вторичного захоронения).

Даты СОАН-7712 и СОАН-7713 происходят из погребения 405 и относят его к концу III - первой трети II тыс. до н.э. Это – парное, безинвентарное захоронение. Погребение не вписывается ни в один из рядов и имеет диаметрально противоположную ориентировку. Учитывая эти отличительные признаки и культурную неоднородность этой части памятника, очевидно, что погребение может относиться к более позднему времени. Однако, данный комплекс нельзя отнести и к позднекротовским (которые датируются этим же временем [Молодин, Парцингер, Марченко и др., 2008]) в силу особой ориентации. Правильнее будет пока оставить данный комплекс без однозначной культурной принадлежности.

В целом хронологическая однородность серии дат не позволяет поставить под сомнение полученные результаты. Таким образом, обе культурные группы – кротовская (первый этап) и одиновская – являются синхронными на могильнике (в рамках возможностей радиоуглеродного метода, т.е. в пределах первой половины III тыс. до н.э.). Полученные данные подтверждают предположение о существовании двух линий развития в эпоху бронзы в Барабинской лесостепи, где носители одиновской культуры и первого этапа кротовской культуры в определенные периоды первой половины III тыс. до н.э. могли сосуществовать [Молодин, 2010, с. 68-69].



Расположение калиброванных дат могильника Сопка-2/4 на хронологической шкале.

Вместе с тем, новейшие стратиграфические данные [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2010] позволяют говорить, что на памятнике Тартас-1 комплексы кротовской культуры возникли несколько позже одиновских. Очевидно, что в рамках III тысячелетия до н.э. характер хронологического взаимодействия данных культур мог варьироваться. Об этом свидетельствуют и даты, полученные по материалам погребений 282 и 594. Эти погребения входят в особую планиграфическую группу памятника [Молодин, 2001,

вкладка]. Положение погребенных на спине с подогнутыми вверх коленями позволило даже говорить об особом типе погребальной практики [Гришин, 2002]. Вместе с тем, наличие здесь предметов сейминско-турбинского облика, как и литейных форм для их изготовления [Молодин, 1983], которые имеют место и на кротовском могильнике Сопка-2/4Б (здесь есть и захоронения на спине с подогнутыми вверх коленями), а также кротовский сосуд в захоронении 652, позволяют видеть в этой группе также кротовский могильник, однако несколько более поздний, чем Сопка-2/4Б. В этой связи, вполне оправданной выглядит особая маркировка данной группы захоронений, как могильник *Сопка-2/4В*, относящийся к завершающей стадии классической кротовской культуры.

Таким образом, основной массив дат позволяет отнести захоронения могильника Сопка-2/4А и часть погребений группы Сопка-2/4Б к первой половине III тыс. до н.э., а комплекс некрополя Сопка-2/4В – ко второй половине III тыс. до н.э. В дальнейшем, для устранения диспропорции между общим количеством могил и числом выполненных определений, а также с целью попытки определения внутренней динамики каждой части некрополя (датирование отдельных рядов, скоплений, инвентаря, типов погребальной практики) необходимо продолжить пополнение банка данных по абсолютным датам могильников Сопка-2/4А и Сопка-2/4Б. Кроме того, необходимо провести ревизию уже ранее полученных дат по захоронениям эпохи бронзы этого памятника.

Список литературы

Гришин А.Е. Погребальный обряд кротовской культуры: типология погребальной практики (по материалам могильника Сопка-2): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 18 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Орлова Л.А., Папин Д.В. Хронология Алтая в бронзовом веке (проблемы радиоуглеродного датирования) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 255–259.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Радиоуглеродная хронология памятников эпохи раннего металла Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 120–124.

Лазаретов И.П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник: культура, искусство, антропология. – СПб: Эрмитаж, 2007. – С. 19–64.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: историчес-

кий опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее и будущее. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Погребальная практика одиновской культуры // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда в Старой Руссе (в печати).

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325–328.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 184 с.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.Л., Ковыршина Ю.Н., Нестерова М.С. Тартас-1 – открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 339–344.

Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 207–232.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.

Черных Е.Н. Формирование Евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3. – С. 36–53.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. – М.: Институт археол. РАН, 2000. – 95 с.

Шатов А.Г. Военное дело населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

Goersdorf J., Parzinger H., Nagler A. ^{14}C dating of the Sibirian Steppe Zone from Bronze Age to Scythian time // Impact of the Enviroment on Human Migration in Eurasia, 2004. – P. 83–89.

Svyatko S.V., Mallory J.P., Murphy E.M., Polyakov A.V., Reimer P.J., Schulting R.J. New radiocarbon dates and a review of the chronology of prehistoric populations from the Minusinsk Basin, southern Siberia, Russia // Radiocarbon. – 2009. – Vol. 51, № 1. – P. 243–273.

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков,
Л.С. Кобелева, А.В. Нескоров

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТАРЫЙ САД В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

На финальной стадии эпохи бронзы в Барабинскую лесостепь проникают миграционные волны населения, связанные, с одной стороны, с носителями сузгунской культуры (север, северо-запад), с другой, - бегазы-дандыбаевской культуры (юго-запад). Данное обстоятельство позволило ставить вопрос о формировании в регионе нового культурного образования [Молодин, 1981, с. 15 – 17; Молодин, Нескоров, 1992, с. 93 – 97, 244 – 246; Молодин, Чикишева, 1988, с. 204], не получившего в то время в силу слабой степени изученности проблемы, определенного наименования.

На сегодняшний день можно констатировать, что данные погребальные комплексы более всего сопоставимы с материалами пахомовской культуры, выделенной О.Н. Корочковой [1987].

В настоящее время в Барабе известно несколько погребальных памятников или отдельных захоронений, которые можно отнести к этому образованию или к ее восточному варианту – Старый Сад, Преображенка-3, Абрамово-4, Гандичевский совхоз, Гришкина Заимка и др. [Молодин, 1981; 1985; Молодин, Новиков, 1998, с. 87 - 89]. Среди вышеперечисленных объектов могильник Старый Сад несомненно занимает особое место, прежде всего в силу значительной степени изученности.

Могильник Старый Сад обнаружен в 1983 г. В.И. Молодиным.

Памятник находится в 5 км к ЮЗ от с. Венгерово, в 500 м к СВ от заброшенного фруктового сада, на южном краю террасы Государева озера. На площади памятника были расположены карьеры для добычи глины для отсыпки дороги [Молодин, Новиков, 1998, с.54 – 55], что привело к разрушению серии курганов. Кроме того, некоторые насыпи местные жители разбирали на грунт.

Первые раскопки памятника проведены Н.В. Полосьмак и В.И. Молодиным в 1983 г., основную же часть памятника исследовал А.В. Нескоров, раскопав около 90 насыпей (1983 – 1984, 1987 гг.). К сожалению, материалы могильника Старый Сад до сих пор в полном объеме не опубликованы. На повестке дня стоит проблема доисследования могильника и введения всех полученных материалов в научный оборот.

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 10-01-18126е, 09-01-398а).

Осмотр памятника в 2009 г. показал, что не исследованными остались ещё около 10 курганов, расположенных как в лесу, так и на пашне. Весной 2010 г. на трех вновь выявленных объектах была сделана геофизическая съемка, а в июле-августе изучены 5 насыпей (две из них – по геофизическим картам). Ниже представлена характеристика двух курганных комплексов, имеющих отношение к эпохе поздней бронзы.

Курган 91. До начала работ представлял собой насыпь овальной формы высотой 0,9 м, по центру и в восточной части насыпи фиксировались ямы, явно современного происхождения. Под насыпью выявлено четыре объекта, расположенных в один ряд, ориентированный по линии ЮЗ-СВ: яма и три погребения. Особый интерес и научную значимость имеет погребение № 3. Захоронен ребенок. От скелета сохранились лишь кости черепа и фрагмент бедренной кости. Судя по их положению, погребенный лежал головой на ЮВ, на правом боку, в скорченном положении. У височной части черепа, с правой стороны, обнаружена бронзовая бляха с округлой петлей с оборотной стороны (рис. 1, *2*). Подобная бляха найдена также в детском погребении № 1 (рис. 1, *1*, *4*). Еще одна бляшка зафиксирована в центральной части погребения № 3 у западной стенки. Особенность этой находки – шпенек с оборотной стороны изделия (рис. 1, *3*). Подобные бляхи в довольно большом количестве, в том числе и сочетании, встречаются

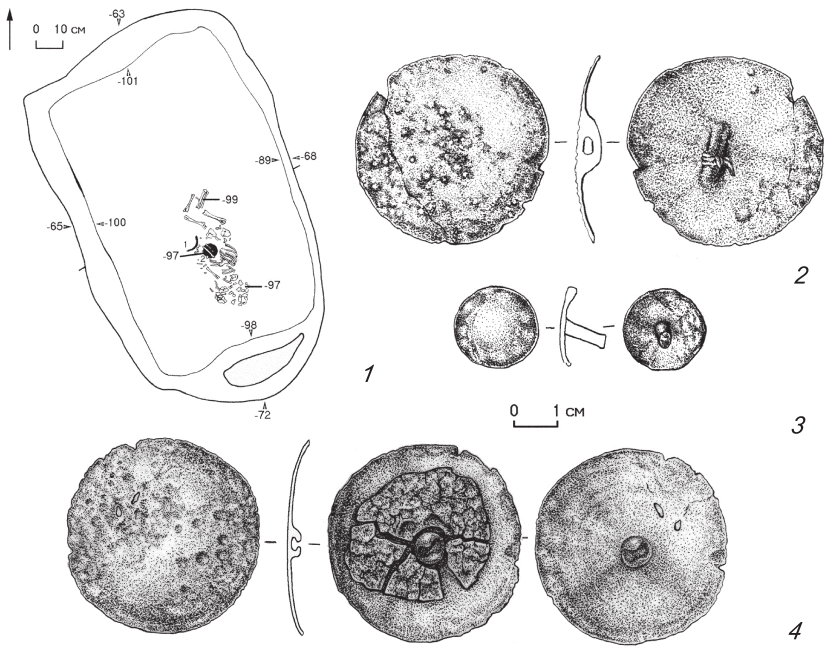


Рис. 1. Курганный могильник Старый Сад. Курган 91.
1 – план, погр. 1; *2*, *3* – бронзовые бляшки, погр. 3; *4* – бронзовая бляшка, погр. 1.

в еловской части* памятника Еловский II могильник [Матющенко, 2004, с. 304]. Широкий круг аналогий бляхи с петлей известен в комплексах сибирских культур эпохи поздней бронзы, а также в Забайкалье и Средней Азии (достаточно широкий перечень аналогий, им приводит В.И. Матющенко [2004, с. 304]. К этому перечню следует добавить аналогии бляшек со шпеньками в западных от Иртыша лесостепных районах, в том числе и в комплексах пахомовской культуры [Корочкова, 2009, рис. 4,*9,10*; 2010, рис. 13; 26,*9,10]*. Уместно подчеркнуть, что абсолютные аналогии им имеются в памятниках переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Центрального Казахстана [Ермолаева, 1987, рис. 43,*1-3,33*], где они датируются VIII-VII вв. до н.э. С учетом того, что ранее подобные изделия найдены на памятнике Старый Сад также в кургане 11, погребение 1; кург. 58, погр. 1; кург. 60, погр. 1; кург. 67, погр. 2; кург. 89, погр. 1, их можно считать для него вполне типичными.

Курган 92. До начала работ имел насыпь округлой формы высотой до 0,4 м. Под насыпью зафиксировано лишь одно погребение, расположенное по центру. Могильная яма (размеры по внешнему контуру 187х141 см) имела форму подпрямоугольника с округлыми углами, с наклонными стенками и наклонным к югу полом (разница в 6 см). Захоронен ребенок (рис. 2,*1*). Сохранность костей очень плохая: имеются лишь кости черепной коробки с верхней челюстью, расположенные в северо-восточном углу, фрагменты бедренной кости, ребра, позвонки – в северо-западном углу. У южной стенки зафиксирован развал сосуда (рис. 2, *2*). Сосуд имеет горшковидную форму, плоскодонный, орнаментирован мелкозубчатым гребенчатым штампом. По горловине расположен ряд треугольников, вершинами вверх; по плечикам и тулову - рядами сетки и наклонных линий, заключенных между параллельными прямыми. По своим основным техническим и орнаментальным признакам он подобен изделиям, уже известным на данном памятнике для курганов эпохи поздней бронзы. Сочетание орнаментальных элементов, характерных для андроновской (федоровской) культуры (косые треугольники по горловине), с типичной для эпохи поздней бронзы орнаментацией шейки и тулова, как и форма сосуда, позволяют видеть ближайшие параллели ему в посуде пахомовской культуры [Корочкова, 2010, рис. 29,*27*; 30,*36*], а также и эпохально близкой – черкаскульской керамике [Корякова, Стефанов, Микрюкова, и др., 2005, с. 147-161].

Дальнейшие исследования памятника Старый Сад позволят ответить на ряд вопросов, связанных с этнокультурной ситуацией, сложившейся в Барабинской лесостепи на заре перехода к раннему железному веку.

---

*Следует иметь в виду, что предложенная В.И. Матющенко градация памятника на самусьскую, андроновскую, еловскую и ирменскую [2004, с. 13], далеко не бесспорна. Это, несомненно, понимал и сам автор раскопок, выделяя синкретичные захоронения. Это важнейшая для интерпретации Еловского II могильника проблема требует специального рассмотрения.

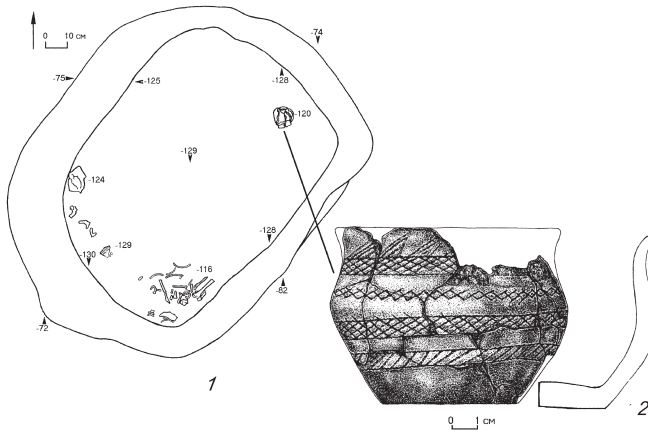


Рис. 2. Курганный могильник Старый Сад. Курган 92. Погребение 1. План (*1*) и керамический сосуд (*2*).

Список литературы

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1987. – С. 64–94.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рожд. В.Ф. Генинга). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 147–161.

Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – 468 с.

Молодин В.И. О связях ирменской культуры с бегазы-дандыбаевской культурой Казахстана // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Наука, 1981. – Вып. 1. – С. 15–17.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы.– Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. – М.: ИА АН Казахстана, 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохр. ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи //Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири . – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.

В.И. Молодин, О.А. Позднякова, М.А. Чемякина, Д.В. Степаненко, Д.А. Ненахов, Ю.Н. Ковыршина, К.А. Борзых

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6 В 2010 ГОДУ*

В 2010 г. продолжены широкомасштабные раскопки археологического памятника Преображенка-6, расположенного на краю надпойменной террасы правого берега р. Омь, в 5 км к западу от с. Старая Преображенка Чановского района Новосибирской области. В 2005-2009 гг. благодаря магнитометрическим исследованиям здесь были выявлены и вскрыты комплексы устьтартасской, одиновской культур, доандроновской и андроновской бронзы, саргатской культуры и тюркского времени [Дядьков и др., 2005; Молодин и др., 2007; Молодин и др., 2008].

Для выявления границ распространения памятника в северном направлении в 2010 г. была произведена дополнительная магнитометрическая съемка на площади 1200 кв. м.

Археологические работы продолжены на раскопах 4, 11 и 10. Над скоплением магнитных аномалий, приуроченным к южной оконечности памятника, вскрыт раскоп 17. Общая площадь раскопок на памятнике в 2010 г. составила 412 кв. м.

На раскопе 4 вскрыты 2 погребения и 3 сопровождающие их ритуальные ямы одиновской культуры, завершающие с юго-востока ряд могил, исследованный в 2009 г. Одно из погребений (№ 75) ярусное, со следами частичной кремации в могиле. Особо следует отметить находку здесь верхней части черепа гигантского оленя в одной из ритуальных ям (палеонтологические определения выполнены к.б.н. С.К. Васильевым). Эта находка позволяет предположить, что популяция *M. giganteus* ещё существовала в Барабе в интервале времени от 4 до 5 тыс. л.н., т.е. на 2-3 тыс. лет позднее, чем самые поздние останки, обнаруженные в Зауралье. Если прямое AMS-датирование уникальной находки подтвердит датировку, то на сегодняшний день это будет самая молодая из обнаруженных особей гигантского оленя в мире.

Раскопом 11 вскрыта часть ряда погребений, исследованного в 2006 - 2009 гг. Зафиксировано 4 погребения и 7 ритуальных ям. Выявленная в 2005 - 2009 гг. погребальная традиция могильника одиновской культуры (раскопы 4, 6, 11) получила дальнейшее подтверждение, вместе с тем были отмечены и некоторые новые ее черты. Так, одно из детских погребений мож-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 09–06–00204а, 10-06-10021к) и интеграционного проекта СО РАН (№ 16).

но интерпретировать как вторичное, что отмечено на памятнике впервые. Особый интерес представляют ритуальные ямы с остатками жертвенных приношений рыбы и животных. Эти ямы заполнялись в течение длительного времени, содержали инвентарь в виде керамики, каменных изделий и орудий из кости.

Раскопом 10 в северо-восточной части памятника под слоем пашни вскрыт комплекс ям эпохи бронзы, в целом сопоставимый с магнитными аномалиями. Обнаруженные фрагменты керамики в их заполнении позволяют предположить, что данный комплекс относится к периферии одиновского могильника.

Наряду с продолжением изучения комплекса одиновской культуры, были предприняты исследования на южной периферии памятника, где уровень террасы существенно понижается по отношению к северным ее участкам. На магнитограмме в этом месте (участок № 7 геофизической съемки 2005 г.) выделяется скопление из семи аномалий овальной и округлой формы, размерами 1-2 метра. Четыре из них с магнитными значениями 4-6,5 нТл сопоставимы с археологическими объектами, а еще три – с очень высокими магнитными параметрами, но без ярко выраженной полярности, также нуждались в проверке.

Над скоплением аномалий был разбит раскоп 17, общей площадью 96 м² (рис. 1). После зачистки уровня материка здесь выявлено шесть объектов: погребение № 76 и ямы №№ 148-152. Комплекс относится к эпохе позднего средневековья. Материалы этого времени обнаружены на памятнике впервые.

Погребение № 76, расположенное на краю террасы, представляло собой узкое вытянутое пятно овальной формы, ориентированное длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. На магнитограмме погребению соответствует аномалия со значением 4 нТл (рис. 1).

Яма вытянутой овальной формы, размерами 2,60×0,70 м, глубиной 0,11-0,18 м, стенки вертикальные, дно неровное. В заполнении зафиксирована кора. На дне вытянуто на спине, головой на запад покоится скелет мужчины 25-30 лет. Руки вытянуты и плотно прижаты к телу (рис. 1). Колени и кости стоп также расположены очень близко друг к другу. Вполне вероятно, что отмеченные особенности залегания костей скелета связаны с тем, что тело умершего было плотно завернуто в полотно из коры. Полоса коры, шириной 0,03-0,06 м, отчетливо фиксировалась с левой стороны тела (от черепа до коленных суставов), а также в других частях могилы.

В погребении обнаружено девять наконечников стрел, четыре из которых выполнены из железа, пять – из кости, а также костяное изделие (возможно миниатюрная пряжка для тонкой опояски) (рис. 1, 2). Наконечники, в целом, залегали разрозненно и разнонаправлено, выше уровня дна на 0,03-0,1 м, за исключением наконечника № 2 зафиксированного на дне могилы. Очевидно, что такое расположение стрел в погребении было преднамеренным.

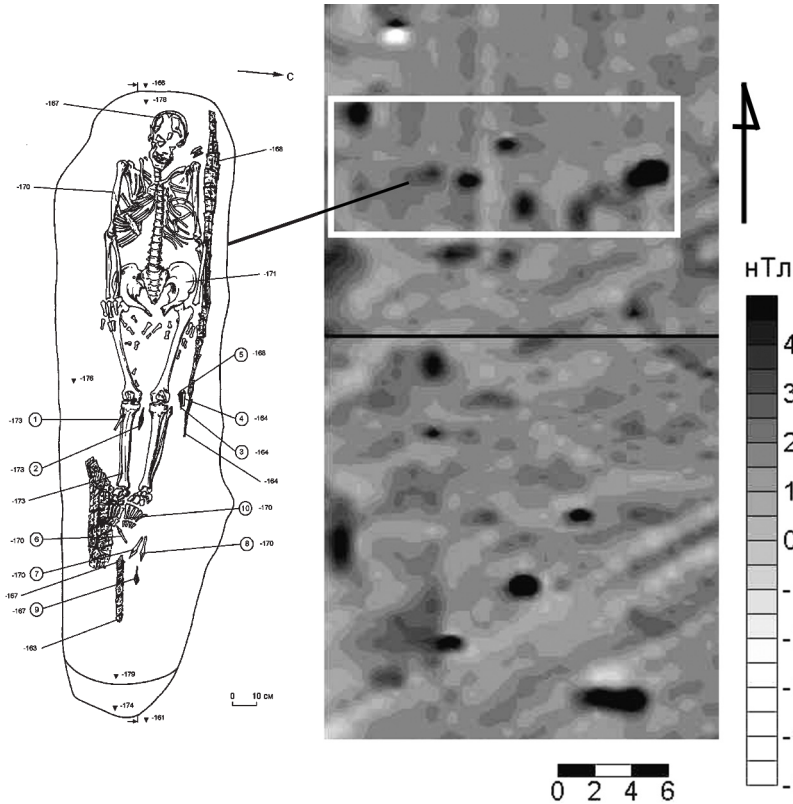


Рис. 1. Преображенка-6. Магнитограмма южного участка памятника и план погребения № 76.
1, 4, 6–8 – костяные наконечники стрел; *2, 3, 5, 9* – железные наконечники стрел; *10* – костяное изделие.

Погребальная практика выявленного захоронения, западная ориентация умершего в могиле позволяют нам видеть наиболее близкие аналогии в позднесредневековых могильниках Барабы Садовка-2 и Туруновка-2 [Молодин и др. 1990, с. 118, 119]. С той лишь разницей, что в Преображенском захоронении отсутствует курганная насыпь. Последняя, впрочем, могла быть уничтожена длительной распашкой. Наиболее хорошо сохранившиеся два железных наконечника стрел (рис. 2, *2, 3*) представляют собой так4 называемые срезни со слегка приостренным острием и упором. Они появляются в начале II тыс. н. э. и бытуют в Западной Сибири вплоть до эпохи позднего средневековья (например, могильник Кыштовка-2) [Молодин, 1979, с. 170], среди находок городища и могильника Малая Тебенда [Коников, 1980, рис. 1-26]. По-видимому, таким широким промежутком времени следует пока датировать данное захоронение. Что же касается костяных наконечников, то их формы являются вполне типичными, в том числе и для сред-

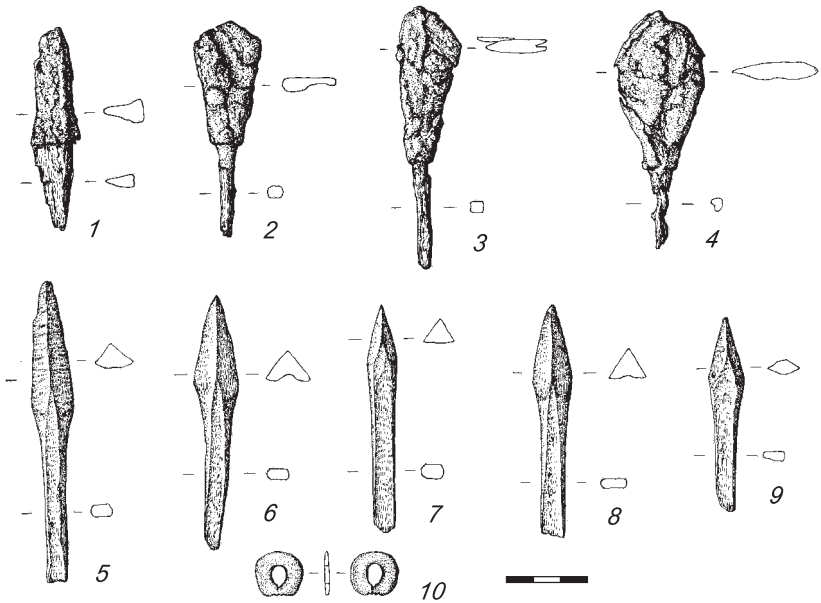


Рис. 2. Преображенка-6. Инвентарь погребения № 76.

невековых памятников Западной Сибири [Молодин и др., 1990, с. 60], как, впрочем, и более широких территорий, и не могут быть датирующими.

Вероятно, ко времени сооружения погребения № 76 относится расположенная рядом с ним яма № 148 прямоугольной формы, размером 1,56×0,95×0,22 м, ориентированная по линии север-юг.

К югу от раскопа 17 на магнитограмме памятника имеется еще ряд аномалий, сходных по размерам, ориентировке и магнитным параметрам с погребением № 76.

Таким образом, на всей магнитометрически картированной площади раскопов зафиксированы аномалии, сопоставимые с древними захоронениями и ритуальными ямами грунтового могильника одиновской культуры; впервые на памятнике выявлено захоронение эпохи позднего средневековья. С методической точки зрения важно выявление взаимосвязи интенсивности магнитных параметров с глубинами и характером заполнения могильных ям.

Список литературы

Дядьков П.Г., Молодин В.И., Чемякина М.А., Михеев О.А. Магнитометрические исследования археологических памятников Тартас-1 и Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Си-

бири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 304–309.

Коников Б.А. Материалы к характеристике вооружения среднеиртышского населения в эпоху раннего средневековья // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 68–78.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 180 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 260 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 339–344.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Степаненко Д.В. Новый могильник усть-тартасской культуры в Барабе (результаты археолого-геофизических исследований) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 213–218.

В.И. Молодин, И.Ю. Слюсаренко,
А.С. Пилипенко, Д.В. Поздняков

КОРРЕЛЯЦИЯ ДАННЫХ ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЛОСКОГОРЬЯ УКОК И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ*

Изучение памятников пазырыкской культуры на плоскогорье Укок (юг Российского Алтая) велось специалистами Института археологии и этнографии СО РАН с широким использованием так называемого мультидисциплинарного подхода, в результате чего удалось получить принципиально новые знания различных сторон истории и культуры ее носителей [Феномен алтайских мумий, 2000]. Аналогичным образом строились исследования российско-германско-монгольской экспедиции, проведенные в начале XXI века в соседних с Укоком горах Северо-Западной Монголии также на погребальных комплексах пазырыкской культуры [Молодин, 2007; Parzinger et al., 2008] (см. *рисунок*). Корреляция археологических материалов, полученных в этих географически близких и в то же время разделенных Сайлю-

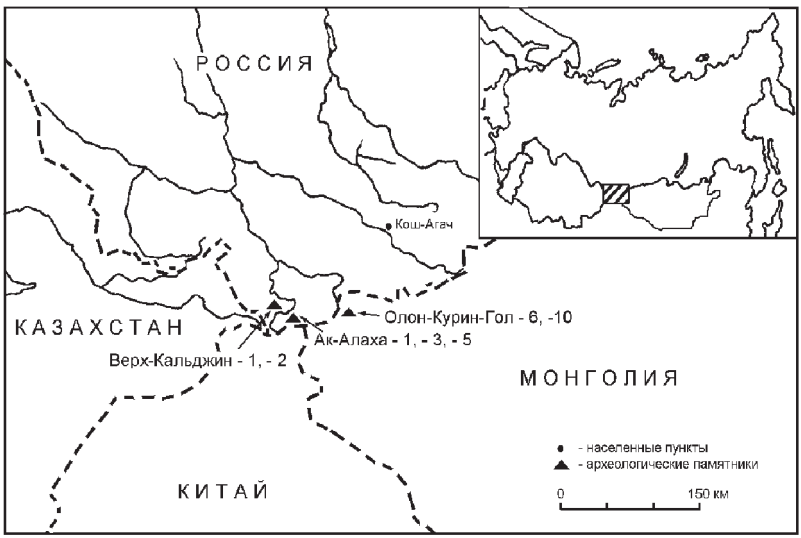


Схема расположения исследованных памятников пазырыкской культуры на плато Укок и в Северо-Западной Монголии.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00193а).

гемским хребтом районах, показала поразительное сходство (порой доходящее до полного тождества) как археологических реалий, обнаруженных в захоронениях, так и нюансов погребальной практики [Molodin et al., 2007]. Складывалось впечатление, что могильники пограничья Южной Сибири и Центральной Азии оставили не просто носители одной культуры, но возможно представители единого кровнородственного сообщества.

Применительно к изучению элементов социальной структуры пазырыкского общества Алтая, перспектива видится в проведении мультидисциплинарного анализа материалов погребальных комплексов с применением, как традиционных методов археологического исследования, так и естественно-научных подходов, в частности палеогенетики и дендрохронологии. Новизна данного исследования состоит в том, что оно впервые предполагает корреляцию данных палеогенетики (степень родства погребенных, определение половой принадлежности детских и фрагментарных останков), палеоантропологии (половозрастные определения) и дендрохронологии (определение времени и последовательности сооружения погребений).

Такой анализ позволит не только установить степень родства между отдельными погребенными, но и реконструировать закономерности организации внутреннего пространства памятника с точки зрения социального устройства древних сообществ, и с учетом комплекса данных, сделать выводы о мотивациях этих закономерностей. Кроме того, это поможет оценить динамику степени родства погребенных в узком хронологическом диапазоне и в условиях локальной территории распространения культуры.

Одним из условий успеха исследования является выявление достоверной и максимально точной хронологии комплексов, как относительной, так и абсолютной. В случае с памятниками пазырыкской культуры наиболее действенным средством выступает метод дендрохронологии, основанный на анализе изменчивости ширины годичных колец. Данные по дендрохронологии курганов Укока были получены раннее [Зайферт, Слюсаренко, 2000; Слюсаренко, 2000], а результаты датирования могильников Олон-Курин-Гола и их сопоставления с могильниками Укока появились в последнее время.

Для большей достоверности и точности результатов древесно-кольцевого анализа необходима как можно более полная выборка образцов. Из кург. 2 могильника Олон-Курин-Гол-6 (ОКГ-6) спилы древесины были взяты от большинства конструктивных элементов сруба (всего 23). В кург. 1 могильника Олон-Курин-Гол-10 (ОКГ-10) керны и спилы отобраны от 19 различных элементов конструкции. В итоге были получены обобщенные древесно-кольцевые хронологии: для кург. 2 мог. ОКГ-6 длина ряда составила 174 кольца; для кург. 1 мог. ОКГ-10 – 274 кольца. Наличие последних (подкоровых) колец практически на всех образцах из кург. 1 и на половине образцов из кург. 2 позволило точно зафиксировать годы валки деревьев. Перекрестное датирование двух древесно-кольцевых хронологий показало, что кург. 1 мог. ОКГ-10 появился не позднее чем через 3 года после кург. 2 мог. ОКГ-6.

В результате перекрестного датирования древесно-кольцевых хронологий двух монгольских курганов и семи курганов плато Укок удалось надежно связать между собой все шкалы, и установить ***относительные даты*** в рамках 416-летней обобщенной «плавающей» дендрохронологической шкалы. Оказалось, что пазырыкские курганы Северо-Западной Монголии попадают в тот же узкий промежуток времени протяженностью около 40 лет, что и все исследованные нами по древесине курганы Российского Алтая. Могильники Олон-Курин-Гола заняли промежуточное место между группами наиболее ранних и более поздних памятников на плато Укок (см. *таблицу*). Таким образом, по данным дендрохронологии, в этом районе Алтая отмечается очень узкий период проживания пазырыкского населения: все проанализированные памятники плато Укок и Северо-Западной Монголии сооружены почти синхронно, а ряд объектов, в том числе, 2 кургана Олон-Курин-Гола – практически одномоментно.

Корреляция результатов дендрохронологического датирования курганов пазырыкской культуры плато Укок и Северо-Западной Монголии и молекулярно-генетического анализа мтДНК ее носителей из данных комплексов.

№ п/п	Памятник	Даты курганов, г. до н.э.	Нуклеотидные замены в ГВСI мтДНК	Гаплогруппа мтДНК	Примечания
1	Кутургунтас	-314	нет данных		
2	Ак-Алаха-1, кург. 1	-312	нет данных		
3	Верх-Каль-джин-1, кург. 1	-312	нет данных		
4	Олон-Курин-Гол-6, кург. 2	-300	16217C	HV2	Pilipenko et al., 2010
5	Олон-Курин-Гол-10, кург. 1	-297	16086C, 16189C, 16192T, 16256T, 16270T,16304C, 16399G	U5a1	Pilipenko et al., 2010
6	Ак-Алаха-3, кург. 1	-277	нет данных		
7	Верх-Каль-джин-2, кург. 3	-277	16192T, 16256T, 16270T, 16304T	U5a1	Молодин и др., 2003
8	Верх-Каль-джин-2, кург. 2	-277	нет данных		
9	Верх-Каль-джин-2, кург. 1	-275	16129A, 16223T, 16298C,16327T	C	Молодин и др., 2003

Наконец, важнейший вопрос об определении календарной или абсолютной хронологии курганов решался при помощи **2367**-летней дендрошкалы, построенной для Юго-Восточной провинции Алтае-Саянской горной страны и связанной с современностью: дата начала – 359 г. до н.э., дата конца – 2007 г. (по району сборов названа «Монгун-Тайга»). Перекрестное датирование данной длинной шкалы со шкалами курганов Алтая и Монголии принесло ожидаемые результаты в виде календарных дат археологических памятников, которые приходятся на время кон. IV – пер. чет. III вв. до н.э. (см. *таблицу*) [Слюсаренко, Мыглан, 2010].

Отмеченное выше сходство материальной культуры и хронологическая близость носителей пазырыкской культуры плато Укок и долины р. Олон-Курин-Гол имеют принципиальное значение для интерпретации новых палеогенетических результатов, полученных для пазырыкцев Северо-Западной Монголии и их сравнительного анализа с опубликованными ранее данными по Укоку [Молодин и др., 2003; Чикишева и др., 2007].

Палеогенетическому исследованию (анализу митохондриальной ДНК – мтДНК) были подвергнуты останки трех человек – взрослого мужчины из кург. 1 мог. Олон-Курин-Гол-10, взрослой женщины и новорожденного ребенка из кург. 2 мог. Олон-Курин-Гол-6. Особенности процедуры отбора образцов и проведения молекулярно-генетического исследования опубликованы [Pilipenko et al., 2010]. Для всех трех индивидов были получены последовательности нуклеотидов участка первого гипервариабельного участка некодирующей области (ГВС I) мтДНК, а также анализ соответствующих информативных сайтов в кодирующей части мтДНК. Структура исследованных образцов мтДНК и их принадлежность к гаплогруппам отражена в Табл. 1.

Образец мтДНК мужчины из кург. 2 мог. ОКГ-10 относится к гаплогруппе U5a1. МтДНК женщины и ребенка из кург. 2 мог. ОКГ-6 характеризуются идентичной структурой и относятся к редкой гаплогруппе HV2. Идентичная структура мтДНК женщины и новорожденного ребенка, погребенных в одной могиле, может свидетельствовать об их близком родстве по материнской линии. Вероятно, в кург. 2 памятника Олон-Курин-Гол-6 совершено совместное погребение матери и ее новорожденного ребенка. Для уточнения степени родства этих индивидов необходим анализ других маркеров (аутосомных STR-локусов).

Выявленные гаплогруппы относятся к западно-евразийскому кластеру мтДНК. Ранее было показано, что пазырыкцы с плато Укок характеризовались смешанной структурой генофонда мтДНК, в котором были представлены как западно-евразийские, так и восточно-евразийские линии мтДНК [Молодин и др., 2003; Чикишева и др., 2007]. Более того, мумифицированный мужчина из кург. 3 мог. Верх-Кальджин-II имел вариант гаплогруппы U5a1, близкий по структуре с образцом из ОКГ-10 – с заменами в позициях 16192, 16256, 16270, 16304. Присутствие в генофондах укокской и монгольской групп пазырыкцев филогенетически родственных линий мтДНК может

служить дополнительным аргументом в пользу их генетической близости, наряду с географической близостью, синхронностью существования (по данным дендрохронологии) и тождеством археологического контекста.

Гаплогруппа HV2, напротив, впервые обнаружена в генофонде населения пазырыкской культуры Алтая. Эта гаплогруппа характеризуется специфичным распространением в современных популяциях человека Евразии. Основным ареалом ее распространения является Иранское нагорье (восточная часть) и прилегающие к нему с востока территории (Пакистан, западная часть Индии). Носители этой группы выявлены также в Средней Азии, в основном на юге (узбеки, туркмены, киргизы, уйгуры (Синьцзян)). На других территориях Евразии линии этой гаплогруппы встречаются спорадически. Выявленный нами вариант – корневой для гаплогруппы HV2. В большей степени он представлен в восточной части ареала гаплогруппы HV2 (в Индии, Пакистане, Средней Азии). Присутствие этого варианта в генофонде пазырыкцев может свидетельствовать об их генетических связях с древним населением этих территорий. Это предположение согласуется с данными физической антропологии и археологии. В частности, в некоторых локальных группах пазырыкцев (включая группу с Укока) выявлен специфический европеоидный краниометрический компонент, присутствие которого может объясняться контактами населения Горного Алтая с племенами северных районов Передней Азии и юга Средней Азии (современный Северо-Восток Ирана, Южная и Юго-Западная Туркмения, Южный Узбекистан, Южный Таджикистан, территории древних Парфии, Бактрии и Маргианы) [Молодин и др., 2003]. Отметим, что ранее проведенные исследования мтДНК пазырыкцев Укока не позволили выявить признаков этого направления их генетических связей.

Полученные результаты показывает, что, хотя палеогенетические данные являются объективными сами по себе, их корректная интерпретация в существенной степени зависит от использования комплекса разносторонних данных об объекте исследования. Особое внимание этому обстоятельству должно быть уделено при проведении этногенетических реконструкций с применением анализа небольшого числа образцов древней ДНК. Чрезвычайно важно, в этой связи, расширение спектра палеогенетических исследований (изучение маркеров ядерного генома).

Список литературы

Зайферт М., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ пазырыкских памятников // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 258–264.

Молодин В.И. Исследования Российско-Германско-Монгольской экспедиции на северо-западе Монголии летом 2006 года // РА. – 2007. – № 4. – С. 45–50.

Молодин В.И., Воевода М.И., Чикишева Т.А., Ромащенко А.Г., Полосьмак Н.В., Шульгина Е.О., Нефедова М.В., Куликов И.В., Дамба Л.Д., Губи-

на М.А., Кобзев В.Ф. Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.

Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 122–130.

Слюсаренко И.Ю., Мыглан В.С. Календарная хронология пазырыкских памятников Южного Алтая по данным древесно-кольцевого анализа // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2010. – С. 49–54.

Феномен алтайских мумий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Чикишева Т.А., Губина М.А., Куликов И.В., Карафет Т.М., Воевода М.И., Ромащенко А.Г. Палеогенетическое исследование древнего населения Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 130–142.

Molodin V., Parzinger H., Tseveendorj D. Das Kriegergrab von Olon-Kurin-Gol // Zeichen des Goldenen Greifen: Königsgräber der Skythen. – München; Berlin; L.; N. Y.: Prestel, 2007. – S. 148–155.

Parzinger H., Molodin V., Ceveendorž D. Der Skythenzeitliche Krieger aus dem Eis: Neue Entdeckungen im Mongolischen Altaj // Gehouden voor de stichting Nederlands Museum voor Anthropologie en Praehistorie te Amsterdam op 18 April 2008 door. – Amsterdam: Joh. Enschede Amsterdam BV, 2008. – 66 s.

Pilipenko A.S., Molodin V.I., Romaschenko A.G., Parzinger H., Kobzev V.F. Mitochondrial DNA studies of the Pazyryk people (4th to 3rd centuries BC) from northwestern Mongolia // Archaeol. Anthropol. Sci. – 2010. – Vol. 2, N 4. – URL: DOI 10.1007/s12520-010-0042-z

В.И Молодин, С. Хансен, Л.Н. Мыльникова, А. Наглер,
О.И. Новикова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, Н.С. Ефремова,
А.И. Соловьев, Д.Л. Ненахов, Ю.Н. Ковыршина, М.С. Нестерова

ТАРТАС-1 – ОТКРЫТИЯ 2010 ГОДА*

С мая по октябрь 2010 г. Западносибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно с Евразийским отделением Германского археологического института (г. Берлин) продолжили многолетние исследования многослойного погребального комплекса Тартас-1 (Венгеровский район НСО). Некоторые итоги предшествующих работ опубликованы в серии специальных статей (см. сборники «Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий» за 2003-2009 гг.) и представлены в докладах на научных форумах [Молодин, 2005, 2008; Молодин, Парцингер, Марченко и др., 2008]. Как и в прежние годы, в своих исследованиях мы ориентировались на геофизические магнитограммы, полученные на памятнике [Молодин, Чемякина, Дядьков и др., 2004]. Раскопки ведутся методом вскрытия сплошной площади с последующей расчисткой выявленных археологических комплексов, их фиксацией и разборкой.

В 2010 году была вскрыта площадь 2100 кв. м, на которой выявлено 65 погребальных комплексов и 56 ям, имеющих в ряде случаев ритуальное значение. Из исследованных погребений 2 относятся к усть-тартасской культуре, 12 – к одиновской, 20 – к кротовской и позднекротовской, 24 – к андроновской (федоровской), одно – к большереченской, остальные комплексы пока не имеют четкой культурной привязки.

Исследования 2010 г. дали в наше распоряжение серию важнейших научных результатов. В кратком изложении их можно сформулировать следующим образом.

1. Выделение одиновской культуры [Молодин, 2008] и анализ погребальной практики ее носителей показывает, что помещение керамики в само захоронение является крайне редким явлением. Данная тенденция четко прослеживается на трех хорошо изученных на сегодня могильниках одиновской культуры: Сопка-2/4А, Преображенка-6, и Тартас-1. Так, в монографически исследованном могильнике Сопка-2, в котором зафиксировано 164 захоронения, сосуды обнаружены только в 5 объектах, что составляет 3 % от всего комплекса. При этом лишь два сосуда помещены в могилу целыми, остальные разбиты на мелкие фрагменты и не поддавались реконст-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 10-01-18127е, 10-01-00193а).

рукции. Подобная ситуация отмечена и на двух других одиновских могильниках, правда их исследования пока продолжаются. Такое положение вещей делало весьма уязвимой концепцию культурной диагностики одиновских захоронений.

В контексте рассматриваемой проблемы, по-видимому, все точки над i ставит погребение одиновской культуры № 365 могильника Тартас-1 (рис. 1,*1*). Комплекс расположен в ряду одиновских могил, большая часть которых локализована в глубине террасы (характерная черта для могильни-

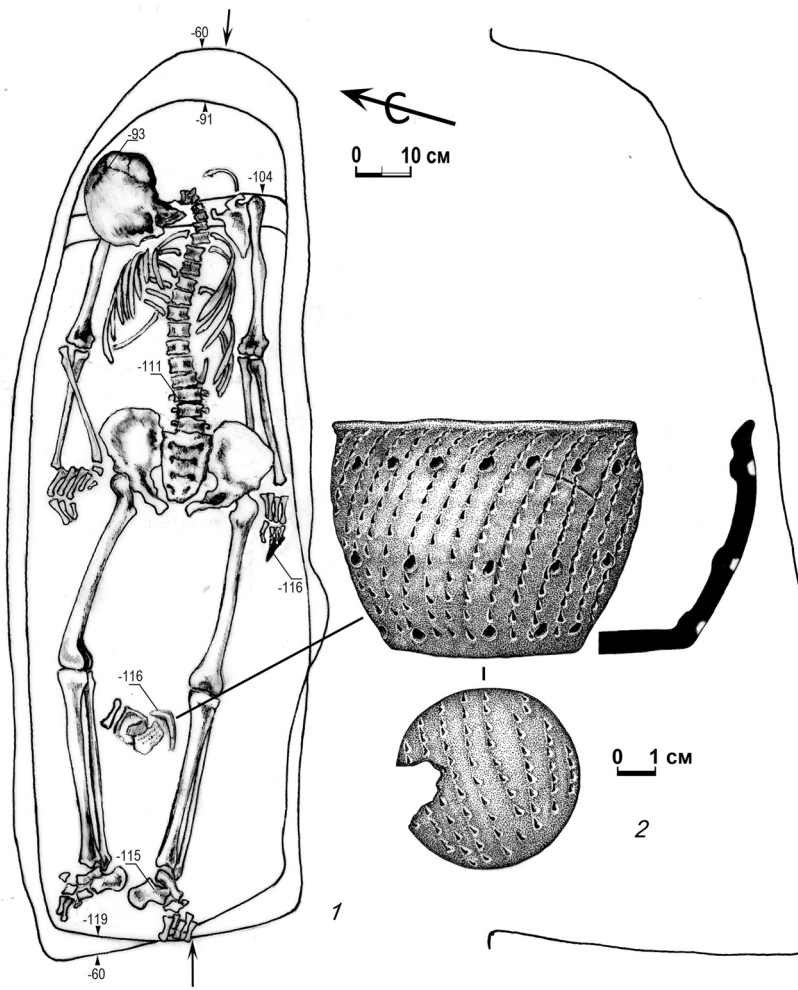


Рис. 1. Могильник Тартас-1. Погребение № 365.
1 – план; *2* – керамический сосуд.

ков данной культуры). Захоронение отвечает основным канонам: могильная яма ориентирована по линии СВ-ЮЗ, ее дно неровное по глубине, резко повышается к СВ. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, голова и верхняя часть туловища сильно приподняты, в результате чего в настоящее время череп сместился на кости грудной клетки. На дне могилы, между костями ног, in situ найден сосуд, выполненный по характерным для одиновской культуры канонам (рис. 1, *2*). Абсолютные аналогии ему имеются как в погребальных комплексах одиновской культуры (памятник Преображенка-6, неопубликованные материалы), так и на ее поселениях [Молодин, 1981, рис. 5; Крижевская, 1977, табл. XXII-XXIII; Зах, 2009, рис. 109]. Таким образом, отнесение характерных захоронений к одиновской культуре получило, с нашей точки зрения, неоспоримые доказательства.

2. Оригинальным является погребение лошади, относящееся к эпохе раннего железа. Для животного была подготовлена специальная яма, сооруженная в материке, дублирующая его очертания. Лошадь лежала на правом боку, головой на восток. Животное, вероятно, убито стрелой с костяным наконечником, обнаруженным среди его костей. За спиной животного сооружена подпрямоугольная яма, в которой стоял сосуд с поддоном. К югу от захоронения обнаружены две ямы подпрямоугольной формы, одна из них была заполнена охрой. В другой, маркированной как погребение № 411, компактным скоплением лежали кости конечностей и часть челюсти старого человека. Захоронение, без сомнения, вторичное и не потревоженное. Здесь же обнаружен сосуд баночной формы. Заключительным актом, зафиксированным нами, является сооружение дугообразного ровика, оконтуривающего погребение лошади с юга. Данная конструкция сооружена после того, как две выше описанные ямы и конское захоронение были засыпаны. Возводилось ли над всем этим комплексом какое-то земляное сооружение? Однозначно сказать невозможно, но исключать такую вероятность не следует. Судя по керамике, комплекс относится к большереченской культуре и является самым западным из известных на сегодняшний день (ранее таковым считалось поселение Каргат-4 [Полосьмак, 1987]). Очевидно, что данный комплекс еще потребует особого осмысления.

3. Впервые получила надежное стратиграфическое подтверждение периодизация культур эпохи ранней – развитой бронзы Барабинской лесостепи, в своей основе сформулированная в 80-е годы прошлого столетия [Молодин, 1983, 1985], а в последнее десятилетие века нынешнего значительно дополненная [Молодин, 2001, 2010]. Отсылая заинтересованного читателя к вышеуказанным работам, мы в данной статье лишь констатируем полученные результаты, нуждающиеся в детальном рассмотрении и особой публикации.

Группа могил, оказавшаяся вовлеченной в данную стратиграфическую колонку, состоит из 11 комплексов. К наиболее древним относятся два погребения усть-тартасской культуры эпохи ранней бронзы. В обоих случаях они перерезаны более поздними захоронениями. В первом усть-

тартасское погребение № 380 частично нарушено погребением № 405 кротовской культуры. Во втором случае усть-тартасскую могилу № 422 (рис. 2, *1-7*) перекрывает могила № 379 одиновской культуры. В свою очередь, обе эти могилы перерезаны позднекротовским погребением № 414. Еще в одном скоплении захоронений четыре могилы одиновской культуры

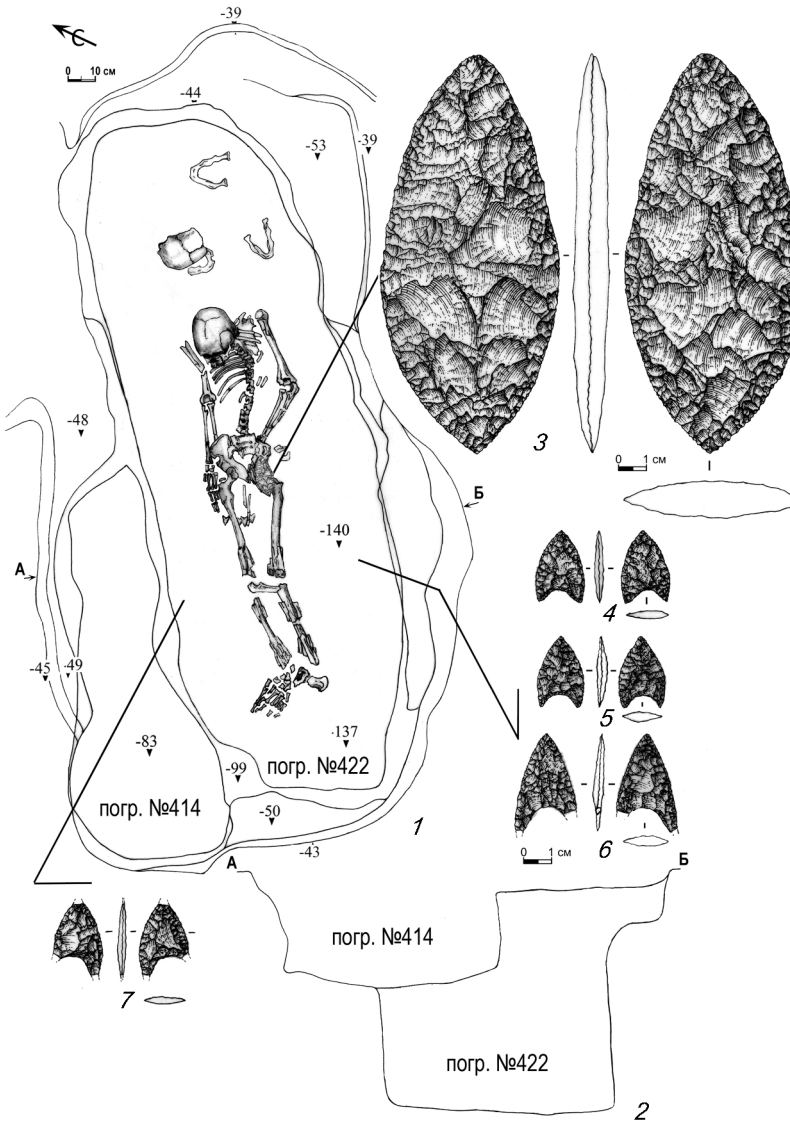


Рис. 2. Могильник Тартас-1. Погребение № 365.
1, *7* – план и профиль; *2–6* – изделия из камня.

(№ 382, 383, 383, 410) перекрыты двумя погребениями кротовской культуры (№ 381 и 409).

Отмеченные погребения не только отчетливо ранжируются стратиграфически, но и типичны для своих образований по погребальной практике и инвентарю.

Разумеется, кроме охарактеризованных выше, с нашей точки зрения чрезвычайно важных научных результатов, практически каждый из исследованных погребальных, а также значительная часть ритуальных комплексов, дали в наше распоряжение весьма существенную научную информацию, которая будет использована при подготовке обобщающих статей и монографий.

Список литературы

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. – Новосибирск: Наука, 2009. – 320 с.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.:Изд-во Ленинг. ун-та, 1977. – 127 с.

Молодин В.И. Бараба в древности: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1983. – 36 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. – С. 180–184.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин В.Я., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М., 2008. – Т. 1. – С. 325–328.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Гришин А.Е., Поздникова О.А., Михеев О.А. Археолого-геофизические исследования могильника Тартас-1 в 2004 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 372–377.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

В.П. Мыльников

РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ ИЗ МУЗЕЕВ БЕРЛИНА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА)*

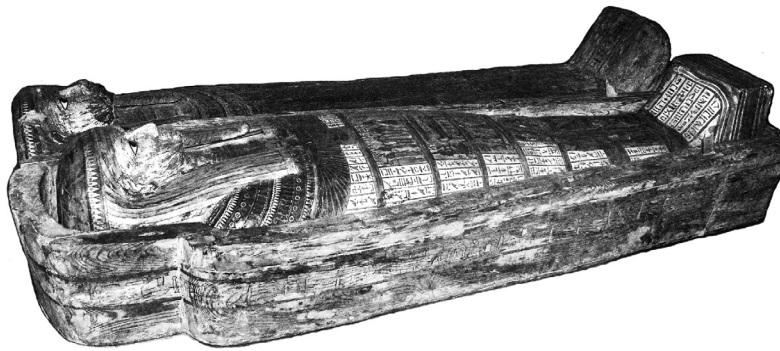
Технология резьбы по дереву в древности еще не достаточно полно изучена. Расширить наши познания в этой отрасли деревообработки помогает комплексный анализ уникальных деревянных предметов, хранящихся в Государственном Эрмитаже Российской Федерации и музеях Европы. Коллекции деревянных предметов с резьбой в собраниях музеев г. Берлина обширны, представительны и репрезентативны не только с позиций истории культуры, семантики изображений, но и для специальных исследований по обработке дерева в древности. В экспозициях Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург) и музеях Altes Museum на Острове Музеев и For und Fruch Gechichte в Далеме (г. Берлин) самые древние резные деревянные предметы относятся к периоду древних династий 1950–1200 гг. до н. э. (рис. 1, 2).

Предварительный анализ техники и технологии изготовления предметов показал, что процесс резьбы по дереву во II-I тыс. до н. э. практически идентичен технико-технологическому циклу резьбы по дереву в скифское время. Зафиксированные на поверхностях предметов следы первичной и вторичной обработки свидетельствуют о том, что внутри каждой стадии есть обязательные операции, образующие всю технологическую цепочку процесса резьбы. Это подтверждают данные исследований отечественных специалистов [Семёнов, 1956; Сокольский, 1971], а также полевые, лабораторные и экспериментальные данные изысканий автора и этнографические наблюдения [Мыльников, 1994, с. 59-64; 1999, с. 36-40; 2003а, с. 449-458; 2003б, с. 32-38].

С определенной долей условности, опираясь на данные трасологического анализа и опыт полевых и лабораторных работ, в процессе резьбы по дереву в Древнем Египте можно выделить следующие стадии со своими операциями: *отбор и заготовка исходного сырья*; *подготовка сырья к обработке*; *резьба* - основной процесс обработки поверхности резанием подготовленной деревянной заготовки, разметка - нанесение рисунка на рабочую поверхность и изготовление изделия со своими операциями: прорезание острым концом лезвия ножа вдоль и поперек волокон древесины на определенную глубину и под определенным углом с целью выявления намечен-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00476а) РГНФ (10-01-18121е).

Рис. 1. Деревянные резные предметы II тыс. до н. э.
в экспозициях музеев г. Берлина.



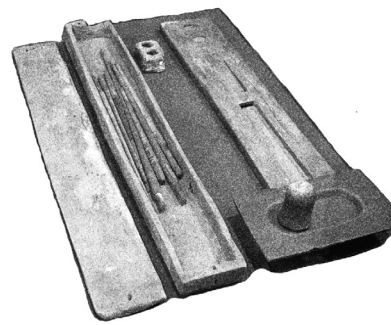


Рис. 2. Резные деревянные предметы II тыс. до н. э.
в залах Государственного Эрмитажа (г. Санкт-Петербург).

ного рельефа при помощи скобчато-выемчатой техники; стружение - снятие мелких, тончайших стружек легкими возвратно-поступательными движениями ножа. Помимо основных операций технологического цикла (различные виды резания и строгания, сверление - прорезывание, проворачивание сквозных отверстий в предметах) процесс резьбы включал еще и ряд вторичных *дополнительных приемов обработки* поверхности материала, таких как – скобление, шкурение, лощение-заглаживание - приминание, уплотнение поверхности изделий для придания рельефу гладкости и прочности, покрытие золотой фольгой или краской, вырезание дополнительных приспособлений для подвешивания или нашивания на основу [Мыльников, 1994, с. 59-64; 1999, с. 38–40].

Виды резьбы по дереву в Древнем Египте по сложности изготовления предмета подразделяется на классические категории: *простая; сложная, художественная*. По качеству исполнения: *упрощенно-примитивная* (доступная всем, зачастую без следов вторичной обработки), *высокого мастерства* (выполненная специалистами-профессионалами с большим опытом работы – тонкие многофигурные, многодетальные изображения с операциями вторичной обработки – лощение, полировка).

Простая резьба: орудия труда - резные планки-рыхлители для сохи; резные боковины для сидений и подставок под ноги и обувь; длинные стержни веретен для прядения шерсти; деревянные сосуды и черпаки с длинными изогнутыми рукоятями; массивные колотушки с тонкими рукоятями.

Сложная резьба: модели больших судов с многочисленными гребцами и веслами; модели домов и ремесленных мастерских с орудиями труда и фигурами рабочих; листы деревянных книг с резными иероглифами; письменные приборы с несколькими емкостями для чернил и стила; резные ларцы для глиняных чернильниц; резные двойные гребни с наборами малых и больших зубьев; чесала для шерсти с резными навершиями; блюдо-поднос с глубокой емкостью и широкими бортами с овальными фигурными углами, покрытыми геометрической рельефной резьбой; деревянные ведра и глубокие емкости со сложными профилями.

Художественная резьба подразделяется на несколько подвидов.

Объемная (скульптурная) резьба: многочисленные скульптурные изображения людей, одиночные и парные фигуры, сидящие и стоящие; одиночные головы скульптур; фигуры людей, занимающиеся хозяйственно-бытовыми работами; скульптурные изображения домашних животных - быков, коров, собак. Большие скульптурные изображения богов, царей и людей, очевидно, были изготовлены для храмов и людей высшего сословия. Качество древесины, аккуратность первичной и вторичной обработок, тонкость резьбы свидетельствуют о том, что их сработали мастера высокой квалификации. У них тщательно проработаны все части тела и детали одежды. Следы первичной обработки заглажены лощилом или заполированы. Отдельные головы больших скульптур инкрустированы вставками из цветных металлов, кости, покрыты золотой фольгой.

Маленькие фигуры, изображающие простых тружеников, вырезаны в простой технике. Их изготавливали резчики не высокой квалификации. Пропорции тела у них зачастую не соблюдены, мелкие детали отсутствуют или переданы условно. Отдельные части тел маленьких фигур нередко разрисованы красной, черной, желтой или белой красками.

Рельефная (барельефная) резьба. Ей покрыты стенки деревянных саркофагов в виде прямоугольных ящиков с плоской или двускатной крышками; стенки и крышки прямоугольных, квадратных и пирамидальных ларцев с красочными рисунками с иероглифами; плоские прямоугольные доски с овальными верхами, покрытые рельефными сценами из жизни богов Осириса и Ириса – возможно, прообразы иконографии.

Объемно-рельефная резьба: тщательно выполненные антропоморфные изображения усопших с пышными прическами и в парадном одеянии на стенках одинарных и двойных саркофагов; антропоморфные изображения – бюсты для саркофагов в виде спеленутых мумий, покрытые красками и золотой фольгой; отдельные резные портреты (парсуны) для мумий усопших; ритуальные приборы – ложки, представляющие собой фигурные пластины с выбранными и закрывающимися округлыми емкостями, покрытые резьбой из жизни богов; ножки для столиков в виде вытянутых фигур кошачьих хищников; двухчастные изящные сидения с опорами-платформами, покрытыми тончайшей резьбой в виде сцен из жизни богов.

Выводы

Деревянные резные предметы II–I тыс. до н. э. из погребений периода Древних Царств Древнего Египта в собраниях музеев г. Берлина и Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге – важный исторический источник для изучения древней резьбы по дереву.

Все артефакты хорошей сохранности хранят на своих поверхностях отпечатки лезвий металлических инструментов для резьбы и следы первичной и вторичной обработок. Они представительны, репрезентативны и в силу этого идеально пригодны для специальных исследований по технологии деревообработки в древности.

Сравнительно-типологический анализ показал, что резьба по дереву в Древнем Египте самобытна и своеобразна, имеет свои традиции, очевидно уходящие в глубокую древность. Она была отдельным направлением деревообработки, взаимодействовавшим с плотницким делом. Деревянная резьба по сложности изготовления предметов подразделялась на простую, сложную и художественную. Простая резьба широко применялась в быту при изготовлении самых разнообразных предметов. Значительное место в системе древних производств занимала сложная резьба, когда надо было в больших количествах изготавливать посуду различного назначения, предметы мебели, туалета, приборы для письма и т. д. и украшать их резьбой. Особого уровня в своем развитии достигла художественная резьба по дереву. Очевидно, высокую потребность в ней испытывали все социальные слои Древнего Египта. Художественной резьбой при изготовлении покрывались

антропоморфные колодообразные и прямоугольные храмовидные саркофаги, статуи богов и богинь, скульптурные изображения фараонов и знатных людей, разнообразные ритуальные предметы и многое другое.

Оригинальным вещам древних египтян практически нет аналогий среди резных деревянных артефактов скифского времени на Алтае и сопредельных территориях. В Древнем Египте, в отличие от специализации резчиков по дереву в скифское время, не было развито искусство мелкой пластики и изготовление деревянных резных украшений для сбруи коня. Некоторые сходные элементы в изготовлении отдельных видов резных деревянных предметов, вероятно заимствованных в более позднее время можно проследить при анализе деревянных артефактов из античных городов Причерноморья [Сокольский, 1971, с. 113-149, 191-221, 226-241].

Список литературы

Мыльников В.П. Технико-технологические аспекты резьбы по дереву у ранних кочевников плоскогорья Укок // Алтаика. – 1994. – № 4. – С. 59–64.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. Резьба по дереву в эпоху палеометалла // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003а. – Т. IX, ч. I. – С. 449–458.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная Азия): автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2003б. – 54 с.

Семенов С.А. Обработка дерева на древнем Алтае // СА. – 1956. – Т. XXVI. – С. 204–230.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1971. – 287 с. – (МИА; № 178).

В.П. Мыльников, Н.И. Быков, И.Ю. Слюсаренко

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-1*

Наличие значительного количества деревянных изделий различного назначения в составе погребального инвентаря кургана 1 могильника Ак-Алаха 1 вызвало вопрос не только о технологии деревообработки, но и о видовом составе древесины (см. *таблицу*). Знание пород, из которых были изготовлены предметы, представляет интерес с нескольких позиций:

- технология деревообработки;
- особенности природопользования у древнего населения Горного Алтая;
- экологические условия данной территории в период существования здесь пазырыкской культуры.

Признаки, используемые для диагностики древесины, подразделяются на макроскопические и микроскопические. В случае с археологической древесиной макроскопические признаки могут быть мало пригодны или вовсе бесполезны, так как претерпели сильную модификацию, либо стали невидимыми (Бенькова, Швейнгрубер, 2004, с. 17, 19). В этом случае более показательными являются микроскопические признаки, отражающие антомические особенности строения древесины. Исходя из расположения структурных элементов, идентифицируют древесину и изучают ее макростроение по поперечной, тангенциальной и радиальной плоскостям сечения ствола, а микроскопическое строение – по микросрезам с этих плоскостей (Бенькова, Швейнгрубер, 2004, с. 19).

Анатомические исследования

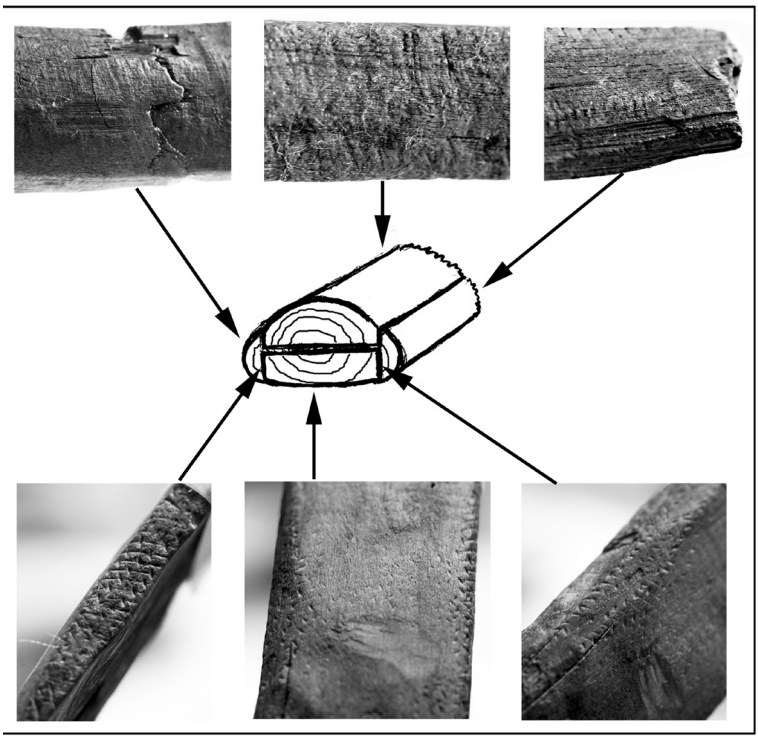
Установлено, что часто для изготовления деревянных изделий – оружие, посуда – применялась береза. Украшения вырезали в основном из кедра. Среди других пород встречаются таволга, ива, можжевельник. В большинстве случаев заготовки не включали сердцевины дерева. Продольные оси вытянутых изделий, у которых величина отношения длина/ширина значительна, совпадают с вертикальной осью использованных деревьев. Плоские части изделий чаще всего совпадают с тангенциальным срезом деревьев.

Установлено, что луки изготовлены из разных пород деревьев – один из ивы (*Salix* sp.), другой из таволги (*Spiraea* sp.). Продольная ось составных частей луков совпадала с вертикальной осью стволиков использованных

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00476а).

кустарников. Выпуклая сторона некоторых составных элементов была образована естественной наружной кривизной использованных стволиков. Плоские части были обращены к сердцевине растения (рис. 1, *2*). На составных частях луков от 3 до 10 годичных колец.

1



2

Рис. 1. Лук из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1.
1 – фрагменты кибити лука; *2* – следы обработки и реконструкция кибити.

У исследованных стрел продольная ось совпадает с вертикальной осью использованного дерева. Все они выполнены из березы (*Betula* sp.) Из 5 древков стрел с вырезом под тетиву у четырех выступы были расположены симметрично плоскости радиального разреза, а на одном древке – симметрично тангенциально-радиальной плоскости.

Из березы также изготовлена ручка чекана. Ее продольная ось совпадает с вертикальной осью использованного дерева.

Ножны изготовлены из кедра (*Pinus* sibirica). Продольная ось предмета совпадает с вертикальной осью дерева. Плоскость предмета совпадает с тангенциальным срезом. Целая сторона плоскости обращена к сердцевине, сторона накладки - к периферии. Предмет изготовлен из тангенциальной заготовки.

Пуговица изготовлена из можжевельника (*Juniperus* sp.). Ее выпуклая сторона совпадала с внешней стороной стволика кустарника (тангенциальная сторона), а плоская - с радиальным срезом.

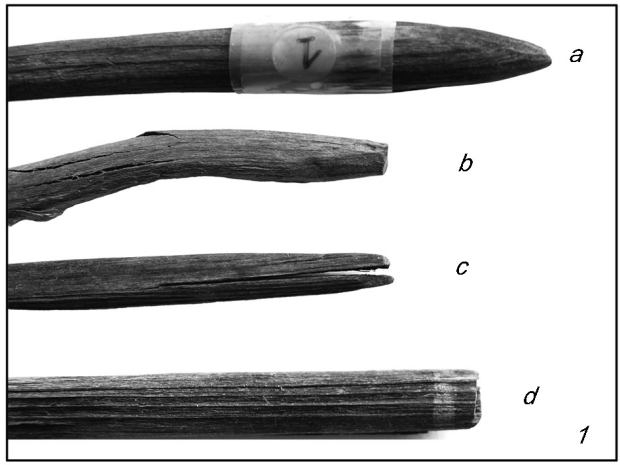
Украшения сбруи (два грифона и лотос) были изготовлены из кедра (*Pinus* ***sibirica***). Еще один лотос был изготовлен, возможно, из кедрового стланика (*Pinus* ***pumila***). Плоские части предметов совпадают с тангенциальным или тангенциально-радиальным срезом использованного дерева. У лотосов они обращены к центру дерева, а у грифонов – к периферии (рис. 2, *2, 3*). Продольная ось лотосов совпадает с вертикальной осью использованного дерева. Предметы изготовлены из тангенциальных заготовок.

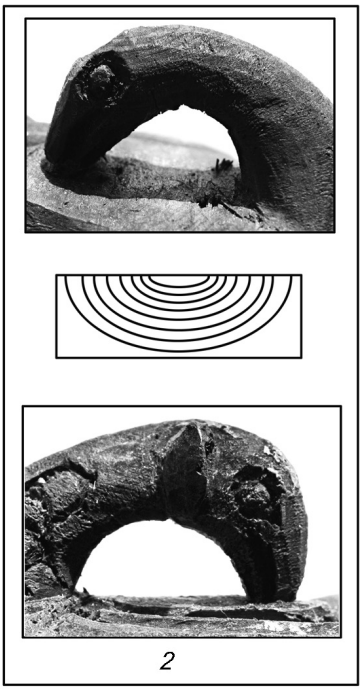
Технико-технологический анализ

Технико-технологический анализ следов позволил выявить стадии и операции технологии обработки дерева, характерной для носителей пазырыкской культуры [Мыльников, 1999, с. 21-26, 36-42].

Луки

Оба лука представлены фрагментами тщательно обработанных полос различной длины и поперечного сечения (рис. 1, *1*). Сохранность древесины средняя, тем не менее, большинство следов первичной и вторичной обработки имеют четкие очертания. Полосы дерева в поперечном сечении двух видов: полукруглой и прямоугольной формы шириной 10-12 мм. Они получались методом расщепления стволика дерева необходимого профиля и диаметра пополам или с небольшим отступлением от сердцевины. Полосы прямоугольного профиля обработаны с трех сторон лезвием ножа и дополнительно по всей длине слегка примяты и заглажены для механической прочности древесины. Плоскость расщепления за редким исключением (подрезка, лицовка) не обработана. Овальная поверхность полос полукруглого сечения образована естественной кривизной поверхности ствола. На ней фиксируются следы скобления (шабрения), вероятно, для более эффективного оклеивания берестой, и участки рядов мелких углублений от обмотки конским волосом. Плоскость расщепления на большинстве образцов не обработана. Плечи кибити луков формировались из приклеиваемых друг к другу широкими плоскими гранями двух полос (фронтальная и тыльная).





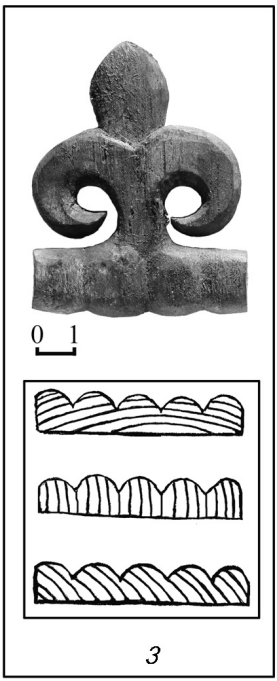


Рис. 2. Деревянные предметы из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1.
1 – древки стрел: *a* – с деревянным наконечником; *b* – для наконечника с втульчатым насадом; *c* – для наконечника с черешковым насадом; *d* – следы окраски; *2* – украшения узды коня (гусь-лебедь, грифон с ушами); *3* – украшения узды коня (лотос).

По бокам к ним приклеивались полукруглые в сечении полосы меньшего размера (рис. 1, *2*). Все детали были соединены между собой так, что их сердцевинные плоскости ориентированы внутрь к воображаемому центру. Для лучшего склеивания и придания изделию дополнительной прочности все внешние поверхности склеиваемых полос плотно виток к витку обматывалась конским волосом. Об этом свидетельствуют многочисленные ряды косых и перекрещивающихся желобков-углублений размером около 1 мм (см. рис. 1, *2*). Можно предположить, что дополнительно вся поверхность лука оклеивалась полосами бересты.

Древки стрел

Среди древков стрел и их фрагментов разной длины и степени сохранности преобладают деформированные – сплющенные и сильно искривленные – артефакты. По анализу фрагментов древков, а также окончаний с арочными вырезами под тетиву и приостренных и рсщепленных торцов под наконечники (рис. 2, *1*) их было предположительно 14 шт. Судя по расположению годичных колец на поперечных срезах древков стрел, все они изготовлены по одной технологии из больших обрубков березы (чурок) путем скалывания заготовок-лучин необходимой толщины при помощи топора или тесла и окончательной обработки острым лезвием ножа. На наиболее сохранившихся экземплярах фиксируются следы вторичной обработки – скобление и заглаживание. Древки стрел выстроганы из заготовки по одной схеме и по законам баллистики строго выдержаны примерно в одинаковых пропорциях: ровные, округлые. Видимо, для правильной центровки каждое древко обрабатывали по определенной технологии. Одни древки, их большинство, имеют плавное уменьшение диаметра от центра стрелы к наконечнику и арочному вырезу (рожкам) под тетиву. Другие – плавное уменьшение диаметра в первой трети древка от арочного выреза к центру. Реконструкция фрагментов позволяет предположить, что длина целых экземпляров древков могла составить около 70 см. В процессе раскопок авторами исследования были зафиксированы по три круговых опояски у центра древков и по четыре у арочных вырезов выполненных белой краской [Полосьмак, 1994, с. 30, рис. 20, *7*]. В настоящий момент слабый след полоски, выполненной белой краской, зафиксирован на одном древке (см. рис. 2, *1, d*).

Украшения узды коня

Предварительный анализ позволяет констатировать, что исследованные налобная и подвесные бляхи, украшавшие узду коня, изготовлены в соответствии с технологическими стандартами мастеров пазырыкской культуры [Мыльников, 1999, с. 36-42]. Легкая небрежность исполнения отдельных элементов только лезвием ножа без вторичной обработки (стружение, заглаживание) свидетельствует о том, что лицевая поверхность изделия покрывалась золотой фольгой.

Налобная бляха

Сильно деформированная круглая с плоским основанием пластина диаметром 9,5 см, толщиной 4 мм, с круглой сплющенной выпуклостью посе-

Результаты комплексного анализа деревянных предметов
из кург. 1 могильника Ак-Алаха-1.

№ п/п	Предмет	Кол-во образцов	Вид дерева	Технологический процесс	
				Первичные операции	Вторичные операции
1.	Лук № 1	12	Spiraea L. sp. (спирея, таволга)	Расщепление, резьба	Скобление, заглаживание
2.	Лук № 2	10	Salix L. sp. (ива)	Расщепление, резьба	Скобление, заглаживание
3.	Лук, неатрибутированные фрагменты	12	Нет данных	Расщепление, резьба	Скобление, заглаживание
4.	Стрелы	21	Betula sp. (береза)	Раскол-отщепление, резьба	Стружение, скобление, заглаживание, полировка (?)
5.	Ножны кинжала	2	Pinus sibirica Du Tour (сосна кедровая)	Раскол-отщепление, резьба	Стружение, заглаживание
6.	Рукоять чекана	1	Betula L. sp. (береза)	Резьба	Стружение, заглаживание
7.	Украшения узды	7	Pinus sibirica Du Tour (сосна кедровая)	Отеска, резьба	Стружение, фольгирование
8.	Пуговица	1	Juniperus L. sp. (можжевельник)	Резьба	Стружение, заглаживание

редине диаметром 4 см. Несмотря на деформацию и множество вдавлений, можно установить, что бляха изготовлена очень тщательно, пропорции выдержаны точно. По всей поверхности фиксируются следы вторичной обработки: стружение, заглаживание.

Подвесные бляхи с фигурками птиц *(гусь-лебедь, грифон с ушами)**:***

Изготовлены из расколотого пополам обрубка ствола дерева диаметром 20-25 см. Древесина тонкослойная. Слои располагаются дугообразно от верхней части головы фигурок к крыльям (см. рис. 2, *2*). Этот факт свидетельствует о следующем. Разметку откалываемых заготовок для резьбы

мастер-резчик планировал так, чтобы фигурки тыльными сторонами голов (затылками) располагались вокруг сердцевины ствола, которая срезалась в процессе резьбы. Данный прием также подтверждает наличие определенной стандартизации в процессе технологии обработки дерева и изготовления предметов.

Подвесные бляхи с растительным орнаментом в виде лотоса

Изготовлены по одной схеме (лекало, шаблон-пара). Пропорции и размеры выдержаны довольно точно, что может свидетельствовать о некой стандартизации. Судя по результатам анатомического анализа, украшения изготовлены в основном из тангенциальных участков ствола дерева диаметром 20-25 см. Слои годичных колец располагаются в трех направлениях в зависимости от положения заготовки в стволе (см. рис. 2, *3*).

Список литературы

Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России. – Берн; Штутгарт; Вена: Хаупт, 2004. – 456 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 232 с.

Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (Ак-Алахинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Л.Н. Мыльникова, С.П. Нестеров

ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО

Средневековое поселение троицкой группы мохэ находится в 1 км от юго-восточной оконечности оз. Осинового в Константиновском районе Амурской области. Поселок на современной поверхности представлен 21 большой западиной. Они вытянуты вдоль берега озера примерно на 205 м в две линии с нерегулярным расположением. Наибольшая ширина поселения 85 м. Основная масса жилищ (17) концентрируется в юго-восточной части поселения. Глубокие жилищные западины на современной поверхности часто имеют подквадратные очертания.

В 2009 г. на поселении Осиновое Озеро было раскопано жилище 2 [Нестеров и др., 2009, с. 360–365]. Предметный комплекс и полученные радиоуглеродным методом 8 дат датируют его последней четвертью VIII–IX в. н.э. Не исключено, что «узкая» дата жилища – конец IX в. н.э.

Всего в данном жилище найдено 10 археологически целых сосудов. Изучение керамической коллекции из жилища 2 и с около жилищного пространства показало наличие двух групп керамики, отличных друг от друга по технике изготовления: лепной и изготовленной на круге.

По функциональной принадлежности керамика памятника делится на тарную (для хранения продуктов), кухонную (для приготовления пищи), столовую (для приема пищи) и техническую (для выплавки цветного металла – тигель). Тарная посуда (один целый сосуд № 7) изготовлена на круге, кухонная – ручной лепки. Последняя во всех случаях имеет нагар на обеих поверхностях. Она количественно преобладает на памятнике. Столовая посуда представлена четырьмя экземплярами, а техническая – одним.

Следует подчеркнуть, что гончарные изделия на археологических памятниках Западного Приамурья ранее не изучались. Подобное сочетание керамической посуды в жилищах троицкой группы мохэ в Амурской области встречено впервые.

Процесс освоения гончарного круга в качестве инструмента для вытягивания сосудов из комка глины протекал неравномерно и длительное время. Для изучения процесса освоения гончарного круга А.А. Бобринский предложил ввести понятие о функции, выполняемой этим орудием при изготовлении глиняной посуды, а также расписал семь этапов развития функций гончарного круга. «Функция круга – особенность использования его вращательного движения для решения четырех узких технологических задач,

из которых складывается непосредственное создание керамики: конструирование начина, полого тела, формы сосуда и обработки его поверхностей» [Бобринский, 1978, с. 27].

В керамическом комплексе поселения фиксируются два типа гончарной посуды. Первый – фрагментарный и малочисленный. Изделия изготовлены из формовочной массы без примесей. В изломе черепки серого цвета, что является результатом обжига в нейтральной или близкой к ней среде. Подобная ситуация характерна для специальных обжиговых устройств. Фрагментарность этой группы керамики не позволяет говорить о способе изготовления и других технических характеристиках, кроме того, что на двух фрагментах имеется штампованный орнамент (рис. 1).

Другая группа гончарной посуды представлена одним целым изделием и фрагментами, дающими возможность реставрации технологического цикла. Керамика, подобная данной группе, вошла в литературу как посуда «доработанная на круге», но ранее в троицкой группе памятников мохэ не фиксировалась [Дьякова, 1984, с. 118].

Используя классификацию А.А. Бобринского, круги, употребляемые гончарами поселения Осиновое Озеро, оставившими керамику рассматриваемой группы, можно отнести ко второму (РФК-2) и третьему (РФК-3) этапам освоения данного приспособления.

На этапе РФК-2 круг служил инструментом для частичного или полного заглаживания поверхностей, а конструирование и профилирование осуществлялось навыками скульптурной лепки.

На этапе РФК-3 круг служит инструментом для частичного и полного заглаживания поверхностей; вращение круга используется для частичного профилирования верхней части посуды, начин и полое тело которой изготовлены предварительно навыками скульптурной лепки [Бобринский, 1978, с. 27].

Для этой группы зафиксировано два рецепта формовочных масс: глина без добавок и глина+песок.

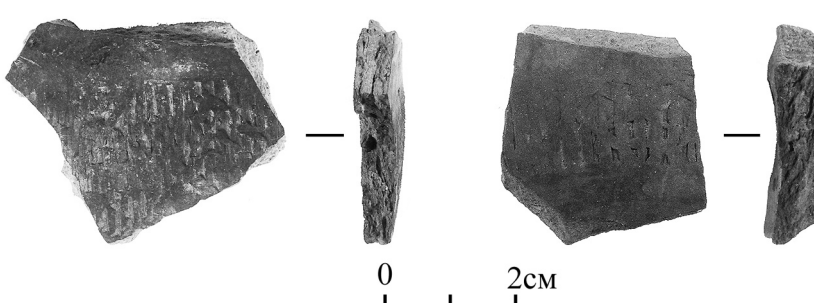


Рис. 1. Осиновое Озеро. Фрагменты гончарной керамики со штампованным орнаментом.

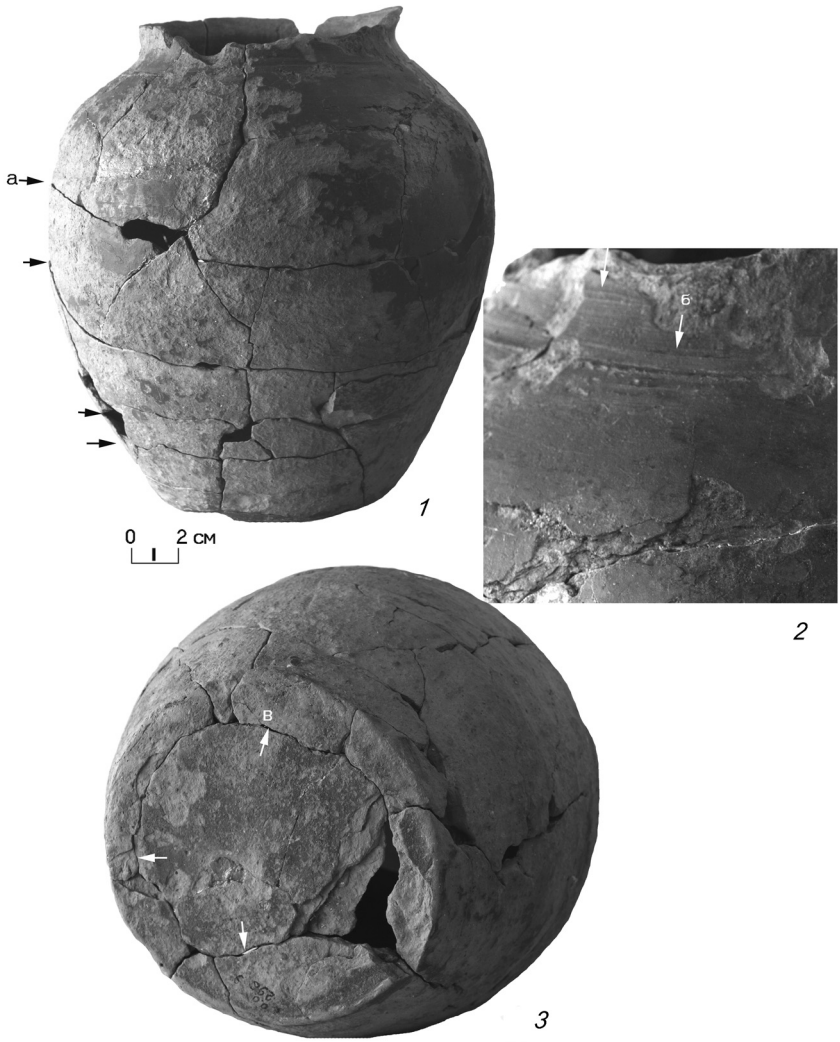


Рис. 2. Лепной, доработанный на круге сосуд № 7 из жилища 2 (*1*), фрагмент его наружной поверхности (*2*) и дно (*3*).
а – швы – места соединения жгутов, *б* – следы обработки на круге, *в* – следы формовки в виде концентрических разломов. Фото В.П. Мыльникова.

Судя по целому сосуду, формовка изделия осуществлялась по той же программе, что и лепной керамики: конструирование стенок из жгутов с последующим раздавливанием и выбиванием. Спаи лент на тулове с внешней стороны приобретали значительную деформацию – растянутость в вертикальной плоскости. С внутренней стороны линия стыка сдвинута.

Дно в виде лепешки навито из жгута. Лепешка днища накладывалась на резервуар сверху. Отсюда – выраженный внутренний угол перехода; дно неровное, слегка вогнутое. Налицо концентрическая трещина по дну; оно выпало из изделия (рис. 2, *3, в*). Далее следовал процесс обработки поверхности, в котором были задействованы возможности круга. Следы подобной обработки фиксируются на стенках изделия в виде параллельных концентрических борозд, а также «псевдовалика» под шейкой (рис. 2, *1, 2, б*). Кроме этого, фиксируются следы «химической» обработки: сосуды покрывались слоем «обвары», которая создавала ровную поверхность (под гончарную посуду). Однако обожжены изделия так же, как и лепная керамика, в костре, на что указывают свежие изломы.

Таким образом, анализ гончарной технологии позволяет говорить о ее неоднородности, сложности. В одно время на поселении проживали гончары, использующие разные способы изготовления изделий: ручную лепку и с использованием специальных приспособлений. Достаточно четко читаются особенности свойств начинов и приемов изготовления полого тела: консервативность и своеобразная реакция на возникновение ситуации смешения гончарных традиций. А.А. Бобринский подчеркивал, что в процессе смешения технологических традиций и освоения новых средств изготовления керамики (например, в результате перехода от ручной лепки к лепке на гончарном круге) навыки изготовления начинов эволюционируют в последнюю очередь [1978, с. 124]. Именно эта черта фиксируется на посуде поселения, гончарный круг используется как подставка для обработки поверхности, а также, реже, для придания формы горловине. Но весь процесс создания сосуда осуществляется на основе приемов ручной лепки.

На сегодняшний день пока невозможно говорить о причинах использования круга на памятнике: является ли это процессом саморазвития гончарства или результатом заимствования, моды, или данный процесс связан с приходом населения, знающего гончарный круг. Но, несомненно, древние черты гончарства четко фиксируются в керамике поселения. Это проявляется в наличии рецепта глина+песок+шамот. Шамот в гончарстве Дальнего Востока России фиксируется еще с неолита, постепенно занимая угасающее положение, заменяясь на песок или породные обломки [Мыльникова, 1999; Древности Буреи, 2000; Гребенщиков, Деревянко Е.И., 2001; Кудрич, 2008;]. Наличие наплыва на кромке венчика в гончарстве населения Западного Приамурья было характерно еще для талаканской и михайловской культур. На керамике мохэ он превратился в ленту, разделенную на две части. В этом виде троицкая керамика мохэ встречена на Троицком могильни-

ке, на могильнике Липовый Бугор, на поселении Шапочка и Гармакан, на стоянках с р. Буреи и др. [Нестеров, 2005, с. 208].

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Древности Буреи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV–X вв. – М.: Наука, 1984. – 206 с.

Кудрич О.С. Керамические традиции населения Приамурья в древности и средневековье. Сравнительный анализ: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2008. – 21 с.

Мыльникова Л.Н. Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 160 с.

Нестеров С.П. Керамика раннесредневекового населения Западного Приамурья // Movement in Medieval North-East – people, material, goods, technology. – Vladivostok, 2005. – Vol. 1. – P. 201–216.

Нестеров С.П., Юн Кванджин, Хан Джисун, Шин Хи Квон, Хабибуллина Я.Ю., Ли Кён Ха, Пак Джонсэн, Шеломихин О.А., Лоскутов В.Д., Хун Гунмук. Исследование поселения Осиновое Озеро в Амурской области в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 360–365.

Т.Ю. Номоконова, Н.А. Батракова, О.И. Горюнова

КОСТИ ЛОШАДИ В ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ XVII–XIX ВЕКОВ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ОЗЕРО БАЙКАЛ)*

В последние годы на территории Прибайкалья проводятся широкие зооархеологические исследования, направленные на понимание роли, функции и использования животных в погребально-ритуальных и поселенческих комплексах древнего населения Байкальского региона [Оводов, Горюнова и др., 2004; Горюнова, Оводов и др., 2007; Номоконова, Лозей и др., 2009 и т.д.]. В рамках этого проекта в 2010 г. выполнен анализ фаунистических материалов из комплексов Приольхонья (Ольхонский район Иркутской области) периодов средневековья и этнографической современности. На объектах Черенхын II и Базарная XI, датируемых XVII-XIX вв., впервые получены материалы, позволяющие судить о роли лошади в погребально-ритуальных жертвоприношениях местного населения.

Комплекс **Черенхын II** располагался в 6 км к СЗ от пос. Сахюртэ, на ровной площадке северного склона горы Черенхын-Тологой. Объект обнаружен и исследован Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета (В.В. Яковлева-Павлуцкая, О.И. Горюнова) в 1984-1985 гг. [Павлуцкая, 1990; Горюнова, Свинин, 1996]. Он состоял из грунтового погребения и 3 культовых (жертвенных) кладок, расположенных в 22 м к северу от захоронения. Жертвенники представляли собой прямоугольные полые камеры, выложенные из камней. Сверху они перекрыты плоскими плитами. Размеры кладок 2,0х0,5 м, ориентировка большей стороной по линии С–Ю. Заполнение камер – жженые кости и угольки.

Надмогильное сооружение прямоугольной формы, ориентированное по линии ЮЗ–СВ. Его размеры 3,1х2,0 м. Кладка выложена из крупных камней, в один слой; по центру она разделена поперечной плитой на две половины. По обе стороны от плиты зафиксированы кости животного. Они представлены 25 остатками, среди которых определены головка ребра, резец, дистальная часть плечевой кости, фрагмент нижней челюсти, три шейных и два грудных позвонка лошади. Недиагностичные кости составляют 11 фрагментов (включая один от тела позвонка). На постериальной стороне под суставным отростком левой нижней челюсти отмечены следы двух порубов (от топора - ?). Получены ли эти следы в результате забоя лошади или последующей разделки животного для потребления в пищу, сказать затруднительно. Других следов модификации не зафиксировано.

В могиле, на глубине 1,0 м, найдена колода (размерами 2,0х0,9 м), верх которой сильно обожжен, ее центральная часть сгорела до угля. Под ней располагался костяк мужчины 35–45 лет (определение Н.Н. Мамоновой). Положение погребенного - вытянутое на спине, головой на ЮЗ. В числе сопроводительного инвентаря: медный чайник, внутри которого находилась фарфоровая чашка с клеймом ФНК; железные резные пластины от колчана; черешковые наконечники стрел ромбовидной формы из железа (два из них с костяными свистунками); фарфоровое блюдо; оловянные трубочки и пластины; бронзовые цепочки; железная пряжка с подвижным язычком; фрагмент лука с костяной накладкой; остатки кожаной сумки с бронзовой курительной трубкой типа «ганза»; железный черешковый нож с деревянной рукоятью; бронзовые перстни и пуговицы; бусины из олова и стекла; железная пластина ромбовидной формы и остатки обуви. Все эти вещи находят аналогии в погребальных комплексах Приольхонья **XVII-XIX вв.** [Павлуцкая, 1990].

Судя по составу костей лошади, можно предположить, что на надмогильной кладке находился ее полный или частичный скелет. Обнаруженные кости не составляли определенного анатомического порядка и представлены элементами скелета от головы, грудной клетки, плечевого отдела и позвоночного столба. Их расположение среди плит надмогильного сооружения, а не в самой могиле, позволяет предположить наличие обряда жертвоприношения лошади в поминальных целях.

Объект **Базарная XI** представлял собой одиночную кладку, расположенную в межгрядовом понижении одноименной бухты, в 0,35 км к ССЗ от пос. Сахюртэ. Она обнаружена и исследована Куркутским отрядом экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН-ИГУ (О.И. Горюнова) в 2004 г. [Горюнова, Новиков и др., 2004].

Кладка – сплошная, овальной формы. Ее размеры 2,00х1,90 м, ориентация большей стороной по линии С–Ю. В центре сооружения плиты уложены наклонно, в несколько слоев; по окружности – плашмя. Под камнями отмечено темное пятно, размерами 1,35х0,75 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ. Археологический материал: антропоморфная фигурка в полный рост из железа и фаунистические остатки (10 экз.) зафиксированы между плитами [Горюнова, Новиков и др., 2004]. Все кости принадлежали лошади: три сесмоида, проксимальная и дистальная части первых фаланг и третья фаланга. Остальные кости (4 экз.) не диагностированы. На латеральной поверхности проксимальной части первой фаланги лошади отмечено два неглубоких параллельных пореза от разделки туши (результат отделения фаланги от метаподии). В целом, в ритуальной кладке вместе с антропоморфной фигуркой находились нижние конечности лошади.

Важное значение лошади в жизни и погребальной практике средневековых и современных народов Евразийской степи общеизвестны. В Прибайкалье захоронения полных костяков лошадей отмечены в средневеко-

вых комплексах усть-талькинской культуры XII–XIV вв. [Николаев, 2004]. Несколько случаев зафиксировано в Приольхонье: Ангинский комплекс III, Сарма III № 1, Куркут I № 106, датированные XII–нач. XV вв. [Асеев, 1980; Харинский, 2001].

В этнографической литературе упоминается использование лошади в погребальном обряде бурят в XVIII–XIX вв., связанное с умерщвлением животного и его захоронением с погребенным [Жамбалова, 2000]. У бурят о. Ольхон в конце XIX в. широко использовалось трупосожжение погребенного, причем труп должен был сгореть не полностью, а лишь обгореть [Мастюгина, 1980]. При этом долгое время сохранялся обычай убивать коня возле погребального костра, после чего его труп оставляли здесь же на съедение хищникам.

Помимо использования лошади в погребальном обряде, она часто служила в качестве жертвенного животного высшим божествам. В этом случае лошадь умерщвлялась, поедалась, а шкура с головой и копытами вывешивалась на шесте [Галданова, 1987]. В связи с этим, наличие в археологических комплексах костей только черепа и конечностей лошади может ассоциироваться в некоторой степени с подобными жертвоприношениями.

Отдельные части лошадей прежде фиксировались только в ритуальных средневековых конструкциях Приольхонья - Куркутский комплекс I (кладки: № 2 – челюсть, № 101 – ребро (?), № 121 – трубчатые кости) и Приангарья - могильник Усть-Талькин (в погр. № 31 отмечены только конечности лошади) [Асеев, 1980; Николаев, 2004]. Совместное присутствие костей лошади и антропоморфного изображения в комплексе Базарная XI в настоящее время достаточно уникально для исследуемого региона.

Анализ костей животных из погребально-ритуальных комплексов Приольхонья периодов средневековья и этнографической современности в настоящее время только начинается. При сравнении фаунистических материалов комплексов Черенхын II и Базарная XI (по костям животных и детальному исследованию представительности элементов скелета) наблюдаются существенные различия в использовании тех или иных частей туш коня. В одном случае (Черенхын II) остатки туши коня были оставлены на надмогильном сооружении погребения, в другом (Базарная XI) - с антропоморфной фигуркой найдены только конечности лошади. Несмотря на то, что использование лошади как жертвенного животного достаточно распространено и описано в этнографических материалах, в настоящее время нет работ, объясняющих использование только определенных частей туш в обрядовой практике. В связи с этим полученные археологические материалы с объектов Черенхын II и Базарная XI являются достаточно интересными. Работы в этом направлении будут продолжены не только по материалам Приольхонья, но и Прибайкалья в целом.

Список литературы

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1980. – 152 с.

Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – 115 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Батракова Н.А., Пержакова А.С. Археологические исследования новостроечных объектов в Приольхонье (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1. – С. 233–238.

Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 168–174.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: Материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. – Иркутск: Арком, 1996. – Ч. 2: Материковый участок от мыса Елохин до мыса Улан. – 213 с.

Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры Ольхонских бурят (XIX–XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.

Мастюгина Т.М. Похоронная обрядность: буряты // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения). – М.: Наука, 1980. – С. 91–97.

Николаев В.С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. – Владивосток, Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Номоконова Т., Лозей Р., Горюнова О.И. Фауна многослойного поселения Берлога (Малое море, озеро Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 177–181.

Оводов Н.Д., Горюнова О.И., Вебер А.В. Костные остатки животных из погребений могильника бронзового века Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 2. – С. 169–175.

Павлуцкая В.В. Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников (по материалам могильников XI–XIX вв.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1990. – 16 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2001. – 238 с.

Н.В. Полосьмак, Е.С. Богданов, Г.В. Кубарев

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ЧАГАНБУРГАЗЫ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

В числе первых планомерные поиски и исследование древнетюркских изваяний на Алтае начаты В.Д. Кубаревым в 1968 году и продолжаются до сегодняшнего дня. Особенно удачными оказались четыре полевых сезона (1978–1981 гг.) Восточно-Алтайского отряда Североазиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР, когда было открыто более половины известных на сегодняшний день на Алтае древнетюркских каменных изваяний. Они были впоследствии обработаны и опубликованы в сводной работе о древнетюркских изваяниях Алтая [Кубарев, 1984]. После издания обобщающей монографии о древнетюркских изваяниях Алтая, работы по комплексному исследованию поминальных сооружений древних тюрок не прекращались и далее, в течение трёх последующих десятилетий. Результатам этих работ посвящены отдельные статьи и монографии, изданные как в России, так и за рубежом [Кубарев, Кочеев, 1989; Кубарев, Ли Хон Джон, 1999; Кубарев, 2007; Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009 и др.]. Изучение и обработка древнетюркских скульптур была продолжена и на территории Монгольского Алтая [Кубарев, Цэвээндорж, 1995, 2002; Кубарев, 1997 и др.].

Все эти годы на Алтае велись как активные разведочные работы, нацеленные на поиски каменных изваяний, так и археологические раскопки древнетюркских оградок (см. сводку: [Кубарев, 2001]). Последние несколько лет одним из авторов этой статьи проводились планомерные раскопки древнетюркских поминальных оградок на территории Российского и Монгольского Алтая [Кубарев, Слюсаренко, Кубарев ст., 2006; Кубарев, Со Гилсу и др., 2007 и др.].

Разнотипные поминальные сооружения древних тюрок Алтая требуют дальнейшего углубленного изучения и проведения раскопочных работ. Между тем, значительная часть уже открытых и частично исследованных мемориалов остаётся неопубликованной. Именно вводу в научный оборот новых древнетюркских изваяний и посвящена данная публикация.

В 2000 году в пограничном с Монголией Кош-Агачском районе проводил разведку Южно-Алтайский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, возглавляемый Н.В. Полосьмак. На левом берегу р. Чаганбургазы, в урочище Кутурган (близ руч. Карасу – левого притока р. Чаганбургазы) был обнаружен комплекс из 7 древнетюркских оградок с четырьмя новыми изваяниями: «Каменные насыпи Чаганбургазы VI в от-

личие от памятника Чаганбургазы V, вытянуты перпендикулярно течению реки (более чем на 500 м от края террасы вглубь). В долине р. Чаганбургазы (левый берег), зафиксировано 7 древнетюркских оградок (одна исследована), ориентированных углами по сторонам света. Шесть из них расположены цепочкой по линии север-юг. У четырех оградок найдены изваяния» [Богданов, 2001, с. 9–10]. Приведём их краткое описание.

Изваяние № 1 (см. *рисунок, 1*). Фигура «остроголового» воина с выбитым поясом и чашей выполнена на плоской сланцевой плите. Голова хорошо выделена глубоким желобком, показывающим к тому же и бороду. Хорошо проработаны плечи, большие усы, губы, нос, брови и уши. Еле заметным контуром показаны глаза. Высота изваяния: 110 см. По всей видимости, изваяние упало (или специально положено) ещё в древности, так как оно было почти полностью покрыто дерновым слоем.

Изваяние лежало лицевой стороной вниз у юго-западной стенки оградки. Её размеры: 170 х 140 см. Она сильно задернована, в центре почти не видно камней. На юго-запад от оградки идет ряд из 7 балбалов. Почти у всех камней верхняя часть отбита, и сохранившаяся высота не превышает 30 см. В 3,5 м к востоку от оградки с изваянием обнаружено кольцо диаметром 1,2 м, выложенное девятью небольшими уплощенными валунами.

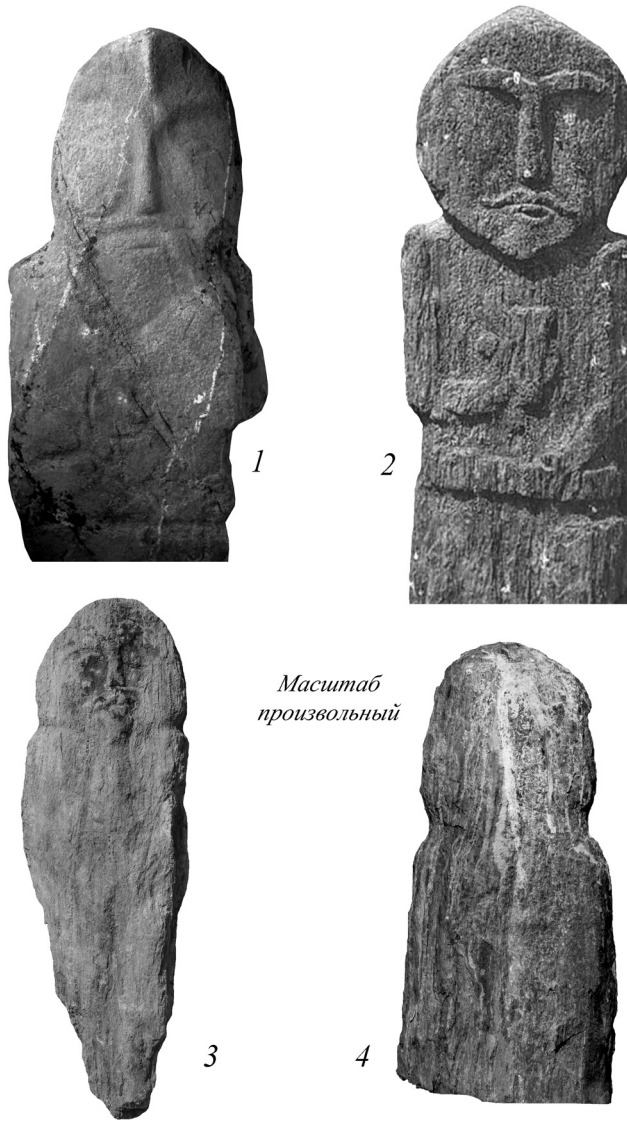
Географические координаты памятника: 49°39′165″ с.ш. 088°42′178″ в.д., высота над ур. м. 2247 м. В настоящее время изваяние экспонируется в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН г. Новосибирска. Инв. № 38-ИАМ.

Изваяние № 2 (см. *рисунок, 2*). В 34 м к юго-западу от оградки с изваянием № 1 располагается оградка из каменных плит, размерами 170 х 150 см. Центр оградки выложен камнями и плитами. Параллельно юго-восточной стенке оградки, за её пределами, лицевой стороной вверх на современной поверхности лежало древнетюркское изваяние.

Фигура воина выбита на сланцевой плите. Хорошо проработаны черты лица – нос и брови выполнены в одном рельефе, островерхий головной убор (шлем?), вырез на одежде (кафтане ?). Поза канонична: в правой руке мужчина держит высокий сосуд на поддоне, левая опущена на пояс. Высота изваяния: 95 см. Географические координаты памятника: 49°39’189” с.ш. 88°42’205” в.д., высота над ур. м. 2234 м. В настоящее время его местонахождение неизвестно.

В 3 м к юго-востоку от оградки располагается кольцо из четырёх камней, далее, через 5 м, ещё два кольца из пяти и четырёх камней соответственно. Диаметр поминальных колец 50–80 см. Ориентированы кольца по линии СЗ – ЮВ.

Изваяние № 3 (см. *рисунок, 3*). Оградка, располагается в 54 м к югу от оградки с изваянием № 2. Её размеры: 170 х 160 см. Центр сложен камнями и плитами. В 1 м за пределами юго-восточной стенки оградки найдено лежащее лицевой стороной вверх древнетюркское изваяние. На сланцевой плите проработана только голова, выделенная из монолита глубоким желоб-



Древнетюркские изваяния VI–VII вв., р. Чаганбургазы. Алтай.

ком. Достаточно хорошо различимы глаза, нос, усы, губы и борода. Высота изваяния – 83 см. Географические координаты памятника: 49°39’112’’ с.ш. 88°42’174’’ в.д., высота над ур. м. 2250 м.

Изваяние № 4 (см. *рисунок*, *4*). Находится в 200 м на запад от оградки с изваянием № 2, на краю второй террасы левого берега р. Чаганбургазы. Оградка, центр которой сложен камнями и плитами, имеет размеры: 170 х 150 см. Схематичное изваяние вкопано у восточной стенки оградки и представляет собой сланцевую плиту, на которой выемкой обозначена голова, шея и плечи. Географические координаты памятника: 49°39’332’’ с.ш. 88°42’027’’ в.д., высота над ур. м. 2212 м.

В долине р. Чаганбургазы (правого притока р. Чуи), с учётом публикуемых здесь экземпляров, найдена довольно представительная серия, включающая 11 древнетюркских каменных изваяний. Из них пять скульптур были обработаны и вывезены В.Д. Кубаревым в 1973 году в г. Новосибирск. В настоящее время они экспонируются в Историко-архитектурном музее ИАЭТ СО РАН. Впоследствии они были опубликованы в своде древнетюркских изваяний Алтая [Кубарев В.Д., 1984, с. 20–21]. Представляемые изваяния существенно дополняют как серию древнетюркских изваяний долины р. Чаганбургазы, так и в целом корпус каменных изваяний Алтая.

Если в целом характеризовать изваяния долины р. Чаганбургазы, то можно сказать, что реалии, изображенные на фигурах, достаточно невыразительны. Три изваяния показаны в каноничной позе - с сосудом в правой руке. Левая рука одного из изваяний находится на рукояти слегка изогнутого палаша, подвешенного к поясу. На поясе изображены бляхи квадратной формы. Итак, три изваяния могут быть отнесены к типу 1 (с сосудом, оружием и т.д.), тогда как остальные восемь скульптур относятся к самому распространенному 4 типу (лицевых изваяний) – когда на фигуре изображены только голова и черты лица [Кубарев, 1984, с. 20–21].

Данная публикация носит предварительный характер и вводит в научный оборот вышеописанную серию каменных изваяний, которые впоследствии будут включены в сводный каталог древнетюркских изваяний Алтая.

Список литературы

Богданов Е.С. Отчет о разведке в Кош-Агачском районе Республики Алтай, 2001 // Архив ИА РАН.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1995. – С. 158–162.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния Алтая. Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с.

Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2001. – С. 24–54.

Кубарев В.Д. Каменные изваяния алтайских гор. Кожого Таш – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2007. – 167 с.

Кубарев В.Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.

Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1989. – С. 202–222.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археол. Вып. 1. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1995. – С. 149–163.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д. Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76–95.

Кубарев В.Д., Ли Хон Джон. Поминальные памятники Алтая. – Сеул: Хак ен, 1999. – 120 с. (на кор. яз.).

Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю., Кубарев В.Д. Исследование древнетюркских оградок в устье Чаганузуна (Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 392–396.

Кубарев Г.В., Со Гилсу, Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Лхундев Г., Баярхуу Н., Ким Хый Чхан, Кан Сом, Чжон Вон Чхоль. Исследование древнетюркских памятников в долине реки Хар-Ямаатын-гол (Монгольский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТСО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 298–303.

В.П. Семибратов, К.Ю. Кирюшин, С.М. Ситников, М.А. Демин

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БИРЮЗОВАЯ КАТУНЬ-7 В 2010 ГОДУ*

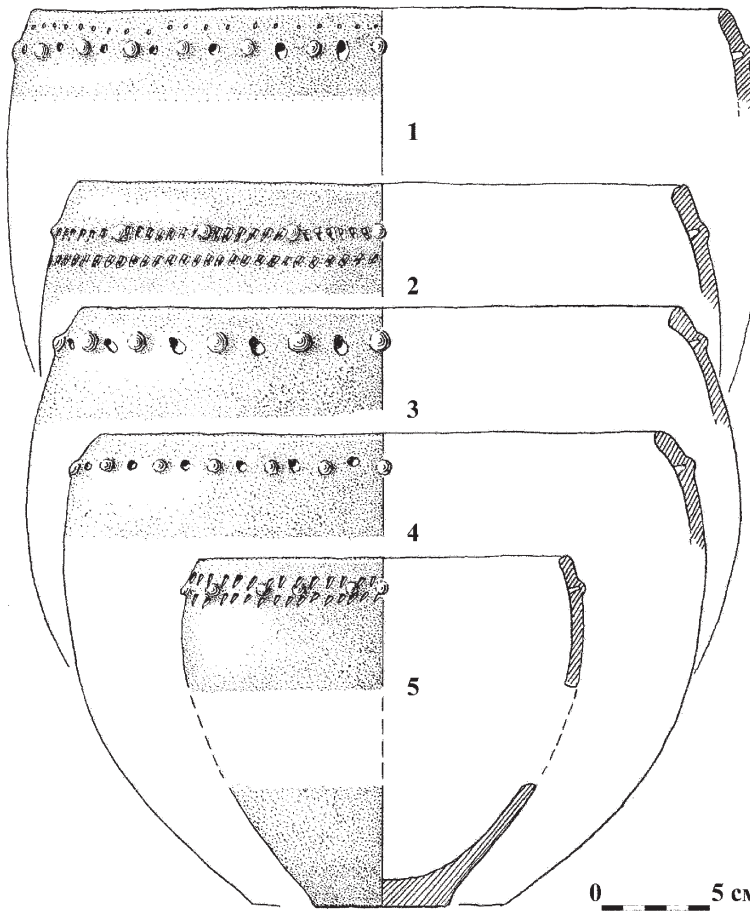
В полевой сезон 2010 г. сотрудниками Алтайского государственного университета было продолжено исследование поселения Бирюзовая Катунь-7 в Алтайском районе Алтайского края. Памятник был открыт в октябре 2008 г. при обследовании территорий, попадающих в зону строительства проектируемой автодороги «Алтайское – Ая – Нижнекаянча – Бирюзовая Катунь на участке км 60+000 – км 71+850». Памятник расположен на второй катунской террасе левого берега Катуни в 2,31 км к юго-юго-западу от Грота Тавдинского (географические координаты: N 51є45’29,0”; E 085є43’17,7”).

Археологические исследования 2010 г. были связаны с началом строительства указанной автодороги. Общая площадь исследования составила 928 кв.м. Культурный слой памятника представлен слабогумусированной супесью, залегающей на глубине 0,25–0,35 см. Исследованы две жилищных конструкции: одна – в западной части раскопа, ближе к скале, а вторая – в восточной части раскопа на берегу р. Катунь, на второй надпойменной террасе, возвышающейся над уровнем поймы примерно на 5 м. Основная часть находок сконцентрирована внутри и вокруг жилищ. В межжилищном пространстве находки единичны.

Наиболее интересные находки сделаны в «восточном» жилище, в котором в 2008 г. обнаружен подпрямоугольный каменный очаг. В ходе работ 2010 г. прослежено заполнение жилища подпрямоугольной формы размерами 8х6 м темного гумусированного цвета, которое выделялось на фоне светлой супеси. Котлован жилища полуземляночного типа углублен в грунт на 0,3–0,35 м от материка (0,5–0,6 м от дневной поверхности). Прослежен выход подрямоугольной формы в сторону р. Катунь. В заполнении жилища встречены бронзовый нож, бронзовое шило, два целых керамических пряслица и один обломок, а также развалы пяти сосудов баночного типа с орнаментом (см. *рисунок*). В южной части жилища прослежено небольшое углубление, в котором обнаружены два костяных и один бронзовый наконечники стрел.

За пределами жилища в юго-восточной части раскопа выявлен очажок, выложенный из крупных галек. За границами сооружения на отметках 0,25–0,6 м от уровня современной почвы встречались фрагменты керами-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№10-01-60106а/Т).



Поселение Бирюзовая Катунь-7. Фрагменты керамических сосудов.

ки, общее количество которых насчитывало несколько сотен экземпляров.

В «западном» жилище обнаружено два керамических пряслица (одно орнаментированное) и развалы нескольких сосудов баночной формы, орнаментированных по венчику вдавлениями и жемчужником.

Керамика, орнаментированная пояском жемчужника в сочетании с ямками, семечковидными вдавлениями, довольно часто содержится в поселенческих комплексах Алтая раннего железного века 2-й половины I тыс. до н.э. [Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 46–61], а также в погребальных памятниках, датирующихся вплоть до хуннуского времени – II в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1998, с. 206–208, рис. 1–3; Тишкин, 2005,

с. 129–135; рис. 1.-3, 5]. Определенный интерес представляет фрагмент сосуда, украшенный зубчатым штампом (см. *рисунок*), аналогии которому в опубликованных коллекциях посуды раннего железного века с территории Алтая нам не известны. Это пока первый поселенческий комплекс открытого типа обозначенного хронологического периода, выявленный на территории туркомплекса «Бирюзовая Катунь» (до этого находки керамики раннего железного века были известны только в пещерных комплексах: слоях Тавдинского Грота, Малого Тавдинского Грота, Гротов Бирюзовая Катунь-5, 6).

Определенный интерес представляют керамические пряслица, два из которых орнаментированы. Три из них представлены целыми изделиями и два – обломками. В целом, данный тип изделий довольно характерен для поселенческих и погребальных комплексов раннего железного века Алтая.

Бронзовый нож, обнаруженный в ходе раскопок памятника, прямых аналогий не имеет. Однако его форма и материал сближают данное изделие с предметами раннескифского времени.

Бронзовое шило, обнаруженное на дне жилища, находит многочисленные аналогии в погребальных и поселенческих комплексах эпохи бронзы – раннего железного века Алтая.

Наконечники стрел, зафиксированные в раскопе, также характерны для погребальных и поселенческих комплексов эпохи раннего железа. Аналогичные изделия встречаются в материалах майэмирской, староалейской, быстрянской и пазырыкской культур.

Вопрос о культурной принадлежности выявленного памятника будет решён после тщательной камеральной обработки материалов.

В ходе работ 2010 г. была исследована аварийная часть памятника, попадающая в зону строительства автодороги. Остались неисследованными участки памятника в восточной и западной части (около берега р. Катунь и ближе к скале). Необходимость продолжения раскопок в данном пункте не вызывает сомнения, что обусловлено активным туристическим освоением этой территории и хозяйственно-строительными мероприятиями, а кроме того, общей слабой изученностью поселенческих комплексов раннего железного века на левобережье Нижней Катуни.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 148 с.

Тишкин А.А. Керамические сосуды хуннуского времени могильника Яломан-II // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 129–135.

Худяков Ю.С. Керамика хуннского времени из долины р. Эдиган // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 206–211.

А.И. Соловьев

ЕЩЕ РАЗ О ПАНЦИРЕ С ЗУБЧАТЫМИ ПЛАСТИНАМИ: ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В конце 60-х гг. минувшего века В.И.Матющенко и Л.А.Чиндиной были проведены раскопки курганного могильника VI – VIII вв. Релка, на левом берегу р.Оби в пос. Молчаново Томской области. Особый интерес вызвали артефакты из кургана №7, содержавшего останки человека и лошади. Среди них оказалась редкие для лесной полосы предметы вооружения: согнутая сабля и груда железных панцирных пластин 2-х типов – вытянутой 8-образной формы и с зубцами на одной продольной стороне (рис.1.1,2) [Чиндина, 1977, с.20, 60, рис. 22, 24].

В 1981 г. была опубликована статья о вооружении средневекового населения Приобья, в которой приводился вариант реконструкции защитного облачения из зубчатых пластин. Последний представлен жилетом из горизонтально расположенных звеньев (рис.1, *3*) [Чиндина, 1981, с.92, рис. 2.1]. В то время изучение проблем военного дела древнего населения Западной Сибири еще только начиналось и работы Людмилы Александровны стали для них толчком. В дальнейшем, анализ материалов с территории Евразии позволил прийти к выводу о том, что зубчатые пластины должны были располагаться в составе панциря вертикально [Соловьев, 1987, табл.XI, XII; Чиндина, 1991, рис. 31.а; Горелик, 1993, с. 171 – 173, рис. 12, 13; Кубарев, 2007] (рис.1, *4–6*). И действительно, только тогда он будет удобно облегать корпус, не препятствуя наклонам и движениям рук.

В 1996 г. В.В.Горбуновым были опубликованы отдельные комплексы из могильника Обские Плесы II, которые представляли собой захоронения собак и ямы, с расчлененными останками лошади и предметами вооружения: наконечниками стрел и фрагментом железного панциря из пластин, скрепленных расклепанными железными кольцами. Рядом – на раздуве – были обнаружены и фрагменты кольчуги [1996]. Автор реконструирует доспехи в виде нагрудника с горизонтальным расположением пластин (Там же, рис. 4, *3, 4*). Образцы защитного вооружения с такой локализаций армирующих элементов известны. Близкие изделия бытовали у индейцев Северной Америки [Котенко 1997, с.46, 47, 49, 62, 99]. Но были они значительно уже и не закрывали целиком грудной клетки. Судя по материалам Берлинского этнографического музея, собраны были из органических материалов, их звенья имели округлое сечение, а система связки позволяла легко, как циновки, сворачивать нагрудники в рулон. Близки по многим парамет-

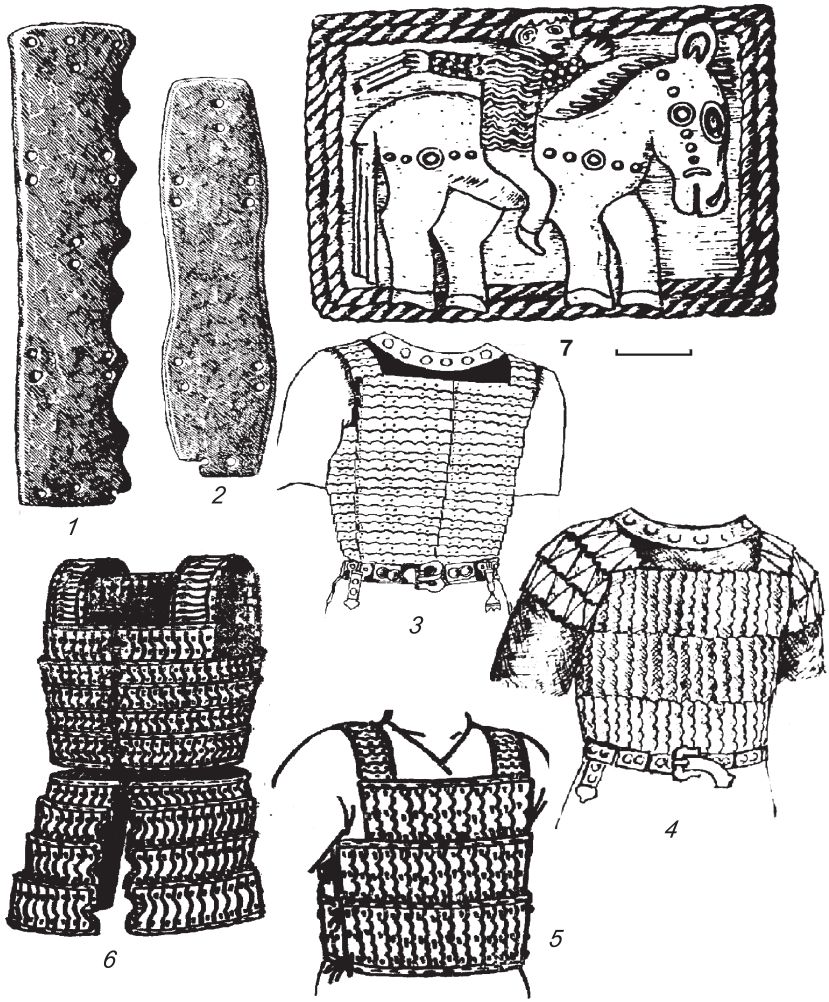
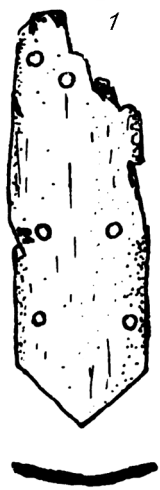


Рис. 1. Железные панцирные пластины из могильника Релка (*1, 2*); варианты реконструкции панциря из кургана №7 (по: [Чиндина, 1981, рис. 2, *1*; 1991, рис. 31А; Горелик, 1993, рис. 13, *4*]) (*3–5*); панцирь с фигурными пластинами из Дагестана (по: [Горелик, 1993, рис. 13, *3*]) (*6*); бляха из холмогорского клада (по: [Чиндина, 1991, рис. 30, *8*]) (*7*).

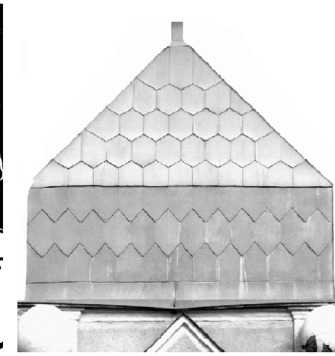
рам и «дощатые брони» Восточной Европы, появившиеся здесь, начиная с XIII – XIV вв., и известные в древнерусской традиции под названиями колонтарь, юшман, бехтерец. [Кирпичников 1976, с 38 – 40]. Однако стальные «доски» таких панцирей были меньше по размерам и соединялись между собой кольчатым креплением только с боков. Располагаясь друг над другом, они составляли вертикальные колонки, разделенные между собой кольчужной тканью шириной в 3 кольца [Там же, табл.XV - XVI]. Так удавалось из-

3



1

2



4

Рис. 2. Каменный Мыс. Роговая панцирная пластина (по: [Троицкая, 1979, табл. IX, *17*]) (*1*); воин кулайского времени, реконструкция по материалам могильника Каменный Мыс (по: [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, рис. 201]) (*2*); образцы покрытия кровли «лемехом» (*3, 4*).

бежать обширных жестких плоскостей и обеспечивать необходимую гибкость защитной поверхности, которая позволяла делать панцирь «согласно расположению человеческого тела», способным «от рук и ниже... облегать кругло вокруг тела» [Плано Карпини, 1957 с. 50].

Находки из ям с конскими погребениями автор публикации связывает с кулайской культурой [1996, с.162, 164] эпохи железа, оставленной в таежных пространствах Приобья угорскими или самодийскими охотничье-рыболовческими коллективами [Молодин, 1995; Чиндина, 1984]. Подтверж-

дение реконструкциям он видит в изображении всадника на плоской бляхе из Холмогорского клада с границы Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов (рис. 1, *7*). Волнистые поперечные линии на его корпусе, по мнению автора, воспроизводят панцирь из горизонтально расположенных зубчатых пластин, аналогичных релкинским [Горбунов 1996, с. 165 - 166].

Солидарны с этим мнением А.П.Зыков и Н.В.Федорова, посвятившие обширный текст обоснованию существования наборного ламеллярного панциря с горизонтальным расположением пластин, делая особый акцент на находках А.П.Уманским «плоских» нагрудников, скрепленных проволокой, в некрополе Татарские Могилки Алтайского края [2000, с.107, 132-134]. Однако, благодаря работе В.В.Горбунова, оказалось, что латы из Татарских Могилок оказались двучастной кирасой с вертикально расположенными панцирными пластинами, целый ряд которых имел одну сторону с фигурным вырезом. «Проволокой» были пропитанные окислами железа кожаные ремешки [2002]. А доспехи же с реальным кольчатым соединением плоских звеньев распространяются в евразийских степях в монгольское время [Горелик, 1987, с.186]. Панцири с зубчатыми пластинами имеют конкретные хронологические рамки, которые по данным Г.В.Кубарева определяются преимущественно VI – VII вв. и в различных вариациях встречаются вплоть до XIII – XIV в. В целом же, источники позволяют говорить о появлении фигурных защитных элементов, правда иного облика и без зубцов, не ранее IV – V в. [2007, с.111 – 115, 118].

Вызывает сомнения кулайская атрибуция конских погребений могильника Обские Плесы II, сделанные по небольшой серии костяных наконечников стрел, тогда как имеются изделия из железа, которые дают более позднюю дату, о которой говорит и сам автор. И действительно, с трудом мыслятся кулайские кузнецы, творческий потенциал которых на столетия опередил развитие военной мысли в очагах древнейших цивилизаций.

Но если мы на холмогорских находках, усмотрим реалии панциря с зубчатыми пластинами, то должны будем атрибутировать их эпохой средневековья. Но это будет ошибкой, ведь изображения эти, бесспорно, кулайские. Так в чем же дело и какой панцирь (если это именно он) изображен на теле всадника?

Один из возможных ответов обнаруживается при обращении к деревянному зодчеству. В частности, приему оформления крыши «лемехом», по принципам конструирования поверхности близкого к наборным панцирям, когда кровля формируется из отдельных звеньев, соединенных в полосы, каждая из которых перекрывает нижний ряд. Толщина покрытия в таких местах оказывается больше, и абрис линии налегания выделяется рельефнее, нежели места стыка пластин. А при небольшом изменении угла зрения они вообще, оказываются незаметными (рис. 2, *3,4*). При тех возможностях, что давали древним мастерам их инструменты, они вынуждено отказывались от излишней деталировки, тем более, что многое зрителем все равно

подразумевались. Так, нашему современнику не обязательно изображать на крыле самолета заклепки. Зритель и так знает, что они там есть. Аналогичная ситуация была, по всей видимости, и с изображениями панцирей.

На кулайском памятнике Каменный Мыс в Новосибирском Приобье Т.Н.Троицкой были обнаружены 5-угольные костяные панцирные пластины [1979, с.85] (рис. 2, *1*). Собранные в ряд, они образовывали полосу, у которой одна сторона была зубчатой и, которая налегая на другой ряд, всегда оставалась видна зрителю. Это не сложно заметить по реконструкции А.П.Бородовского (рис. 2, *2*) [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, рис.201]. Возможно, именно такие латы и послужили моделью для кулайского литейщика из Нижнего Приобья. А круглые выпуклости на рукавах холмогорского всадника в этом случае, скорее всего, передают не кольчугу, а нашитые бляшки, традиция использования которых в качестве армирующих элементов восходит еще к эпохе бронзы.

Таким образом, все становится на места – возвращаются в свою эпоху кольчуга и панцири из пластин с фигурным краем, а таежные районы перестают быть инновационным центром. Что же касается крупных зубчатых пластин из могильника Релка и фрагментов кольчато-пластинчатого панциря из Обских Плесов II, то контексте обнаружения, резонно предположить их принадлежность к конскому доспеху. Именно в этом случае обоснованными оказываются и размеры, и горизонтальное расположение защитных звеньев, и их характерный выгиб (Релка), и изменения в последовательности наложения рядов (Обские Плесы II).

Список литературы

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С.149–179.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163–208.

Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские плесы II) // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд. Алт. ун-та, 1996. – С.156–166.

Горбунов В.В. Панцирь из Татарских могилок (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 62–78.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад. Коллекции древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. – Екатеринбург: Сократ, 2001. – 176 с.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII – XI вв. – Л.: Наука, 1976. – 135 с.

Котенко Ю.В. Индейцы великих равнин. – М.: Изд. дом «Техника – молодежи» – 1997. – 170 с.

Кубарев Г.В. Защитный доспех с фигурными пластинами (происхождение, распространение и конструктивные особенности) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. История и культура востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – С. 103–120.

Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – С. 3–44.

Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1996. – 192 с.

Плано Карпини. История Монгалов // Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Рубурука. – М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. – 272 с.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 125 с.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд. Том. гос. ун-та, 1977. – 192 с.

Чиндина Л.А. Изображения воинов из Среднего Приобья // Военное дело населения древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 87–97.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос.ун-та, 1991. – 184 с.

Е.А. Соловьева, А.В. Табарев, Ю.В. Табарева

ДОГУ: СТРАНИЦЫ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ДЗЕМОНА*

Догу – антропоморфные глиняные изображения - являются визитной карточкой периода дземон (Японский архипелаг, 13-2,5 тыс.л.н.), одной из наиболее ярких и, одновременно, загадочных категорий археологических находок. В последние несколько лет наблюдается очевидный всплеск интереса к догу: появилась целая серия новых публикаций на европейских языках, прошло и планируется несколько представительных выставок, а также реализуется ряд разнообразных проектов (как в самой Японии, так и в Европе) по проблематике антропоморфной пластики и ее интерпретации.

Отметим, например, такие выставки как беспрецедентная презентация около 7 десятков фигурок в Британском музее в 2009 г. [The Power of Dogu, 2009] и выставку догу в Токийском Национальном музее в 2010 г. Уже анонсированы будущие выставки в Университете Кокугакин (Токио) и Музее Михо (Киото).

Из публикаций в первую очередь заслуживает внимания первый опыт сравнительного анализа японских и европейских изображений эпохи неолита в виде отдельной монографии «Unearthed: A Comparative Study of Jomon Dogu and Neolithic Figurines», выполненный Д. Бэйли [Bailey, 2010, in press].

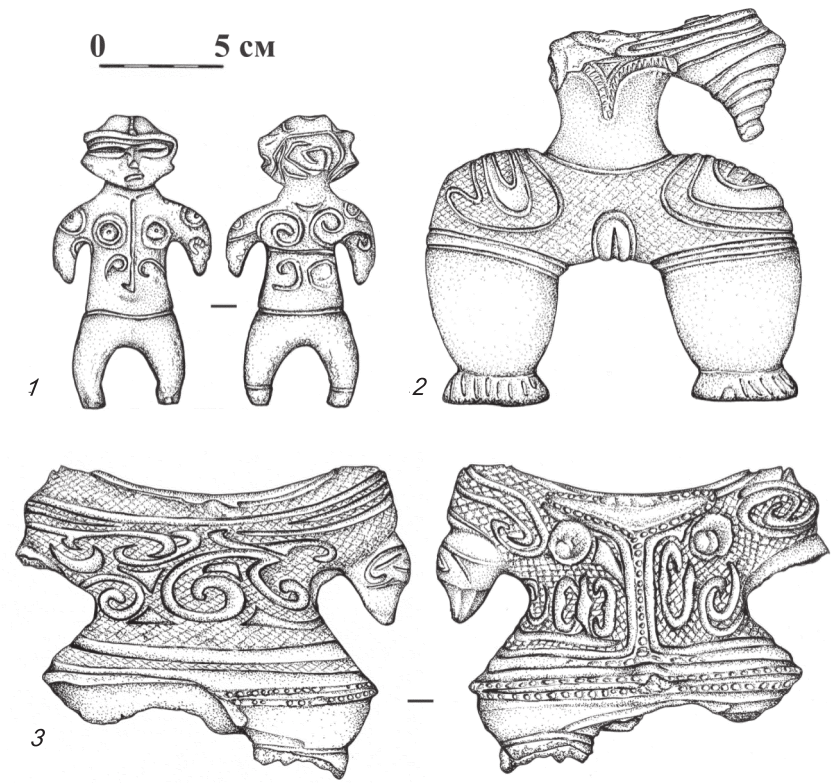
На ежегодной конференции Европейской Археологической Ассоциации, в 2010 г. (г. Гаага, Нидерланды) обсуждению актуальных вопросов, связанных с антропоморфными неолитическими изображениями, было посвящено заседание специальной секции – «Статуэтки и оформление: новые вопросы изучения пластики Евразии». Наибольший интерес вызвали выступления, касающиеся японских статуэток догу, в особенности привлечение широких параллелей как в Тихоокеанском регионе, так и на территории Евразии [Solovieva, 2010].

В числе оригинальных исследовательских проектов по данной тематике - двухлетний проект «Антропоморфная пластика древних культур Сибири и тихоокеанского бассейна», который выполнялся группой специалистов из ИАЭТ СО РАН в 2009-10 гг. Участниками проекта были изучены обширные коллекции догу в целом ряде научных центров и университетов Японии (Университет Тохоку, Университет Кокугакуин, Университет Мэйдзи,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 09-01-00412а).

Музей Михо и др.), проведен сравнительный анализ японских материалов с широким кругом аналогий в тихоокеанском бассейне и в дальневосточном регионе, опубликованы несколько статей в российской и зарубежной периодике [Иванова, 2010; Соловьева, Табарев, Иванова, 2009; Соловьева, Табарев, Табарева, 2010; Solovieva, Tabarev, 2009; Solovieva, Tabarev, Tabareva, 2010]. Среди наиболее важных коллекций – уникальное сендайское собрание догу (Университет Тохоку), которое ни разу не экспонировалось и не покидало пределов университета [Соловьева, Табарев, Табарева, 2010] (см. *рисунок*).

Благодаря новым находкам и радиоуглеродным датировкам время появления догу определяется, как минимум, гранью изначального (Incipient) и начального (Initial) дземона (11-10 тыс.л.н.). Учитывая контекст обнаружения наиболее ранних образцов (например, фигурка в жилище на памятнике Кайюмииджири, преф. Миэ, Хонсю), существенно меняются и акценты их интерпретации. Так одним из принципиальных моментов дискуссии по



Догу из сендайской коллекции.
1 – раковинная куча Токосинай; *2* – раковинная куча Камэгаока;
3 – раковинная куча Нумадзу.

догу остается вопрос о признании их исключительно японским феноменом или общим элементом неолитических культур.

Как элемент декоративного творчества и как атрибут церемониально-обрядовой практики догу логично вписываются в ансамбль антропоморфных изображений, известных в неолите Евразии и в тихоокеанском бассейне (формативный период в Мезоамерике, Колумбии, Эквадоре, Перу). Как и в упомянутых регионах японские догу встречаются в жилищах, в погребениях, в виде отдельных находок, а также в пределах ритуальных комплексов и кладов. Если говорить о деталях и элементах, то, например, прически дземонских фигурок сравнимы по своей проработке и разнообразию с прическами фигурок в культуре вальдивия (Эквадор) [Di Capua, 1994; Evans, Meggers, Estrada, 1959], а проработка одежды – с образцами антропоморфной пластики в комплексе Караль (Перу) [La Ciudad sagrada.., 2003].

Феномен догу прежде всего в том, что данный вид пластики не связан с раннеземледельческими культурами, он появляется и около 10 тыс. лет развивается в обществе охотников-собирателей и рыболовов. В данном случае, речь идет об экономике присваивающего типа, и привязка фигурок к культу «плодородия» не столь очевидна, как в Передней Азии, на Балканах или в Мезоамерике.

Вторая особенность догу – их количество (по разным данным от 10,5 до 15 тыс. целых и фрагментированных экземпляров), что превосходит находки антропоморфной пластики в любом другом регионе мира. На сегодняшний день в научных публикациях представлено лишь 2-3% от этого массива, большая часть присутствует в виде прорисовок (1-2 проекции) и фото (1 проекция), что не дает 3D-эффекта и полноты информации.

Третья особенность – исключительное разнообразие стилей и композиций, размеров и пропорций, изображение деталей одежды, украшений, причесок, татуировок и т.д.

Четвертая – догу не являются замкнутым направлением декоративного творчества. Сюжетно, стилистически и технологически они связаны с массовым производством керамической посуды, украшенной сложным налепным антропоморфным и зооморфным орнаментом. Все это позволяет расширять информативность данного источника от сферы исключительно искусства или ритуала до полноценной *энциклопедии дземонской жизни* и предоставляет широчайшую исследовательскую перспективу.

Список литературы

Иванова Д.А. Сравнительная характеристика керамики северной и центральной части Японского архипелага в период среднего и финального дземона // Евразийское культурное пространство. Археология. Этнология. Антропология: мат-лы докл. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 136–137.

Соловьева Е.А., Табарев А.В., Иванова Д.А. Антропоморфная пластика тихоокеанского бассейна: география и культурная принадлежность // Проблемы архео-

логии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 387–390.

Соловьева Е.А., Табарев А.В., Табарева Ю.В. Диалоги с догу: к проблеме интерпретации антропоморфной пластики тихоокеанского бассейна // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности тихоокеанских стран. – Тихоокеанская археология. – Вып.18. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2010. – С. 50–96.

Bailey D. Unearthed: A Comparative Study of Jomon Dogu and Neolithic Figurines. – 2010 (In press).

Di Capua C. Valdivia Figurines and Puberty Rituals: A Hypothesis // Andean Past. – 1994. – Vol. 4. – P. 229–279.

Evans C., Meggers B.J., Estrada E. Cultura Valdivia // Pulicación del Museo Victor Emilio Estrada. – 1959. – Vol. 6.

La Ciudad sagrada de Caral-Supe. – Lima: Instituto Nacional de Cultura, 2003. – 342 p.

Solovieva E.A. The Dogu Phenomenon: Classification and Interpretation Experience// 16th Annual Meeting of The European Association of Archaeologists. The Hague, The Netherlands, 1-5 September, 2010. – Hague, 2010. – P. 96.

Solovieva E.A., Tabarev A.V. A New Project on the Anthropomorphic Clay Figurines of the Ancient Cultures of Northeast Asia // Newsletter of the Coroplastic Studies Interest Group. – 2009. – June (vol. 2). – P. 6–7.

Solovieva E.A., Tabarev A.V., Tabareva Y.V. The Riddle of Dogu: Work with Collection of Jomon Figurines at Tohoku University, Japan // Newsletter of the Coroplastic Studies Interest Group. – Vol. 3. – Winter, 2010. – P. 12.

The Power of Dogu. – L.: British Museum Press, 2009. – 170 p.

Н.Ф. Степанова

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Изучение афанасьевской культуры имеет длительную историю. Большую роль в формировании представлений о ней играет исследование погребального обряда и совсем незначительную – орнамента. Подобная ситуация сложилась не случайно, хотя значение орнамента для понимания многих аспектов в древней истории общеизвестно. Изучение афанасьевских орнаментов сводится, как правило, к первичному описанию при подготовке к публикации материалов отдельных памятников. Крайне мало специальных работ по данной проблематике [Деопик, Митяев, 1981; Степанова, 1997]. В последние годы началось исследование орнамента, которое включает всесторонний анализ отпечатков, реконструкцию рабочего края инструментов, композиционное построение. Исследования показывают, что керамика украшалась разнообразными инструментами, которые оформлялись в соответствии с устойчивыми традициями. Прослежены закономерности и в композиционном расположении элементов, составляющих узор. Полученные результаты важны для решения вопросов относительной хронологии отдельных погребений и памятников, контактов афанасьевского населения и ряда других [Степанова, 1997; Кирюшин, Кунгурова, Степанова, 1997]. В данной работе представлены итоги исследований композиционного построения орнамента афанасьевской керамики из Горного Алтая.

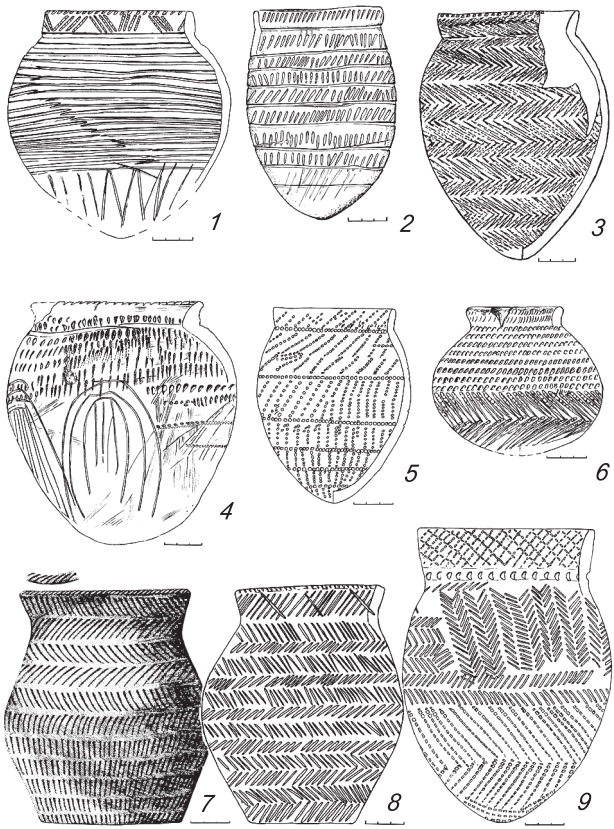
Исследовано 111 целых сосудов (в это число не входят изделия из погребений куротинского типа и сосуды, найденные вне погребений). Из них полностью орнаментированы 71% сосудов, на 3/4 - 9%, на 2/3 - 4,5%, наполовину - 6% и не орнаментированы совсем - 6%. На 2% изделий зафиксированы одна-две линии, выполненные протаскиванием однозубого инструмента. Нанесение этих линий не случайно, в то же время, с какой целью это сделано – не ясно, т.к. подобный узор слабо виден. Также он не мог играть какую-либо роль при обжиге (существует точка зрения, что, например, узор в виде ямок оказывал влияние на качество обжига сосудов).

Изучение орнамента проведено по зонам (венчик, шейка, плечо, тулово, придонная часть, дно) и в целом. Удалось выявить ряд тенденций. В частности, венчики обычно украшены иначе, чем тулово, в том числе узор нанесен другими способами и нередко иными инструментами. Не исключено,

*Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ (№ 09-01-00384а).

что это отчасти связано и с технической стороной, т.к. рабочий край многих афанасьевских инструментов длиннее, чем высота венчика. В композиционном расположении оттисков по венчику прослеживаются устойчивые традиции (насечки по срезу, перпендикулярное или наклонное расположение оттисков, треугольные зоны и др.). В редких случаях шейка выделена линией, полученной протаскиванием однозубого инструмента. Поскольку такие же линии встречаются и на других частях сосуда, то нет оснований считать, что подобный орнамент предполагался только для шейки. Вероятно, эти линии служили для разделения орнаментального поля на части или зоны. Говорить об особых устойчивых традициях в орнаментации других частей сосуда (помимо венчика) преждевременно.

Композиционное построение афанасьевских орнаментов, как правило, не сложное. Оно состоит из повторяющихся рядов отпечатков по всей поверхности изделий. Реже разделяется на зоны: верхняя часть сосуда (плечо или верхняя часть плеча) может быть орнаментирована иначе, чем нижняя (см. *рисунок,* 1,6). Например, верхняя украшена рядами из оттисков уголка



инструмента, нижняя - шаганием с прокатыванием зубчатого инструмента. В целом характерно горизонтальное расположение элементов орнамента, но иногда встречается вертикальное или диагональное.

Для сосудов с горизонтальным расположением элементов орнамента характерны параллельные ряды отпечатков штампов с наклоном в одну сторону. Эти ряды на 52% сосудов ориентированы в одном направлении, реже (на 35% изделий) они составляют елочку. На 12% сосудов узор частично или полностью состоит из горизонтальных линий, выполненных обычно протаскиванием острого края инструмента. Иногда горизонтальные линии (одна или несколько) чередуются, например, с рядами из наклонных оттисков штампа (Урускин Лог-1, Нижний Тюмечин-1, Усть-Куюмский, Кара-Коба-1 и др.). На нескольких сосудах верхнюю часть составляют ряды отпечатков с наклоном в одну сторону, а нижнюю - елочка (Ело-Баши, огр.1 и др.). Нередко елочка составляет только небольшую часть композиции.

Диагональные и вертикальные ряды на афанасьевских сосудах крайне редки. Диагональное расположение зафиксировано на изделиях из Ело-1, огр.3, Н.Тюмечина-1, огр.15, Урускина Лога-1, к.1. На сосуде из Ело-1, огр. 4 отмечены и вертикальные, и горизонтальные ряды, составляющие сложный узор.

Орнамент, известный как растительный – деревья, фестоны или личины – встречается редко. Он один из наиболее сложных для афанасьевских. Зафиксирован на сосудах из могильников Усть-Куюмский, Урускин Лог-1, Н.Тюмечин-1, Первый Межелик-1. Фигуры составлены из нескольких линий, плавно закругляющихся с одной стороны и незамкнутых с другой. По центру такого изображения может быть расположена прямая линия. Подобное изображение отдаленно напоминает лист растения. Пространство между фигурами может быть заполнено параллельными рядами из оттисков штампов. Аналогично орнаментированы и несколько сосудов с поселений Узнезя-1, Малый Дуган.

К редким орнаментам относится имитация волны, которая выполнялась разными способами и инструментами, в частности, сосуд из Кара-Кобы украшен отпечатками однозубого инструмента, сосуд из могильника Усть-Куюмский, м.6 – шаганием с протаскиванием зубчатого инструмента [Суразаков, 1987, рис. 3-2; Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая, 2006, рис. 57-5]. Аналогии последнему известны на поселениях Узнезя-1 и Малый Дуган. Объединяет эти изделия не только наличие узора в виде волны, но и горизонтальное расположение орнамента.

К необычным чертам относится пересечение горизонтальных и вертикальных рядов или линий. Так украшены сосуды из Бертека-33, к.2 и Первый Межелик-1, огр.10. Пересечение рядов качалки горизонтальными линиями зафиксировано на сосуде из разрушенного погребения из Каракола.

В целом, по сложности и необычности орнамента выделяется немного изделий. Большинство из них отличаются и по другим показателям, в част-

ности, форме и размерам, нанесением орнамента необычным инструментом или способом. Например, сосуд из Ело-1, о.4 выделяется высотой венчика и размерами в целом, способами нанесения орнамента и использованием нескольких инструментов, совмещением горизонтальных, диагональных и вертикальных рядов. Необычна для афанасьевской культуры и сетка по венчику этого сосуда.

Подводя итог, отметим, что существовал определенный стереотип в орнаментации афанасьевской керамики: не сложным узором покрывалась вся поверхность изделия, венчик обычно украшался иначе, чем остальная часть сосуда. Тулово, как правило, украшалось горизонтальными рядами отпечатков зубчатых и незубчатых инструментов, а также протаскиванием острого края штампа. Для половины изделий зафиксировано несколько составляющих орнамент, иногда верхняя и нижняя часть сосуда украшались по-разному. Иллюзия разнообразия орнамента создается из-за применения разных способов нанесения узора и использования нескольких инструментов (или рабочих краев) при орнаментации одного изделия и в целом. Сосуды с необычным орнаментом, как правило, имеют и другие нетипичные черты, связанные с формой, размерами изделия и т.д. Орнамент в виде елочки отмечен только на третьей части сосудов, включая случаи, когда он не является единственным и основным. Для сравнения необходимо отметить, что на керамике из погребений куротинского типа [Степанова, 2009] наиболее часто встречается елочка, которая характерна и для немногочисленных банок из Горного Алтая, датируемых эпохой бронзы. Растительный орнамент, как правило, зафиксирован на сосудах шаровидной формы. Возможно, его наличие на афанасьевской керамике из разных памятников свидетельствуют об особом статусе погребенных, а не о смешении населения, т.к. создается впечатление о существовании пропорциональной зависимости изделий с подобным узором от общего количества сосудов и об обязательности их в небольшом количестве на крупных памятниках. В орнаментации афанасьевской керамики Горного Алтая и Енисея имеется ряд общих черт и определенных отличий. Общее в том, что венчик обычно украшен иначе, чем остальная часть сосуда, а основу композиции составляют горизонтальные ряды [Деопик, Митяев, 1981]. На енисейских сосудах чаще, чем на алтайских, встречаются диагональные и вертикальные композиции, елочка. Отмеченные различия могут быть связаны как с особенностями происхождения населения разных регионов, так и с его дальнейшей судьбой. Например, диагональное и вертикальное расположение орнамента характерно для окуневской керамики, волна встречается на елунинской [Кирюшин, 2002]. Вполне вероятно, что появление диагонального и вертикального узора, волны связано с контактами населения. Дальнейшее изучение афанасьевского орнамента перспективно, особенно для решения вопросов относительной хронологии памятников, контактов и исторических судеб населения.

Список литературы

Деопик Д.В., Митяев П.Е. Методика анализа керамического декора // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 122–150, 182.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. (предварительные итоги советско-японской экспедиции) // Советско-японские археологические исследования на Алтае. – Новосибирск: Ин-т истории, филологии и философии СО АН СССР, 1987. – 76 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Степанова Н.Ф. Елунинский комплекс в устье р. Куюм // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – С. 36–41.

Степанова Н.Ф. Способы орнаментации афанасьевской керамики (по материалам погребальных комплексов Горного Алтая) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 296–300.

Степанова Н.Ф. Погребения куротинского типа эпохи бронзы в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 391–395.

Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГНИИИЯЛ, 1987. – С. 3–22.

Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – Ч. 1. – 233 с.

С.Ф. Татауров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА ТАРЫ В 2010 ГОДУ

В 2010 г. были продолжены археологические исследования в историческом центре г. Тары [Татауров, 2010]. Работы проводились по трем направлениям - были проведены раскопки Никольского собора, крепостных укреплений и продолжено обследование города на предмет выявления новых археологических памятников.

В 2007 г. совместной археологической экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН и Омского государственного университета им Ф.М. Достоевского были проведены работы по поиску фундамента Никольского собора. Собор был построен в 1771 – 1774 гг. и разобран примерно в 1938-39 гг. В ходе исследований был зафиксирован фундамент собора и остатки разрушенного храмового кладбища.

В 2010 г. исследования были продолжены - исследована юго-западная часть храма и один из входов. Работы этого года подтвердили результаты предыдущих раскопок. Фундамент собора находится в отличном состоянии, он отмечается в виде забутовки из кирпича, камня, пространство между которыми заполнено глиной. Кирпичная кладка на исследованном участке сохранилась достаточно хорошо, фиксируется от 1 до 5 рядов кирпича. Ширина кладки составляет 1,2 м, на внешней стороне отмечены полукруглые фигурные выступы. На месте входа площадка выложена кирпичом в особом порядке, который представляет собой сложный зигзаг.

Работы осложнило то обстоятельство, что практически вся территория вдоль стен храма занята прихрамовым кладбищем. Захоронения в колодах располагаются очень близко друг к другу, а крайние к храму буквально притиснуты к стене. Интересно то обстоятельство, что захоронения обнаружены и внутри храма. По этой причине для дальнейшего изучения этого комплекса необходимо провести ряд мероприятий по исследованию кладбища и перезахоронению погребенных. По всей вероятности, собор был построен на месте расположения одного из ранних кладбищ города. В этом нет ничего удивительного, так как практически вся заострожная часть города, а именно на ней располагается собор, представляет собой сплошное кладбище. Ситуация объясняется тем, что до начала XVIII в. город из-за постоянной военной угрозы со стороны казахских степей не выходил за пределы острога, поэтому кладбища находились сразу за острожными стенами. Когда в XVIII в. город стал расстраиваться, то эти кладбища были полностью застроены.

В 2010 г. основные работы были проведены на месте расположения крепостных укреплений, где нами в 2009 г. была найдена, а в этом году полностью раскопана одна из крепостных башен (рис. 1). Зимой 2009 г. научным сотрудником Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН Строговой Е.А. в РГАДА был найден документ с описанием тарской крепости и острога в 1702 г. Нам удалось сопоставить это описание с рисунком Тары С.У. Ремизова и с проведенными нами исследованиями, в результате можно утверждать, что исследуемая башня – Княжья. «Княжой башне ширина 3 сажени без аршина вышина от земли до первого мосту пол 2 сажени без чети а от первого моста до другова мосту и до обламов 2 сажени а от обламов до кровли сажень с четью а кровле и шатру вышина пол 3 сажени (оборвано)…(б)ашни поле 2 городни мерою пол 3 (оборвано) ..янским воротам» [д.1339, Л.3].

Башня располагалась в 8-10 м от края террасы, одна из ее граней была параллельна кромке коренного берега. Сруб представляет собой восьмигранник с длиной грани около 2 м. Бревна были срублены в «чистый угол» под углом примерно в 30˚, сохранилось полностью 4 венца, но на некоторых стенах уцелело по 6 бревен. Диаметр бревен 0,30-0,37 см, материал – лиственница. Судя по сохранившейся части, башня имела коническую форму или таким было ее основание. Пол был из плах шириной 40 см и толщиной 8 см. Перед строительством башни верхние слои почвы были сняты, поэтому нижний венец был установлен на слое твердой глины.

Рис. 1. Башня Тарской крепости. Северо-восточный сектор.

Перед башней был зафиксирован небольшой вал из светлой глины, он непосредственно примыкает к башне, где достигает максимальной мощности и постепенно уменьшается к периферии. В настоящий момент мощность вала составляет 0,6 м. Внутри башни находилась небольшая кирпичная печь. В заполнении культурного слоя - лепная и гончарная керамика, несколько фрагментов чернолощеной посуды. В верхних слоях зафиксировано большое количество обломков кирпича от разрушенного в конце 30-х годов XX в. Успенского собора. Находка копейки начала XVIII в. (обнаружена на полу башни) позволяет нам соотносить материалы раскопок с имеющимися архивными материалами этого времени. Также большой интерес представляют собой находки бронзовой бляшки покрытой сусальным золотом, костяных наконечников стрел, глиняных грузил и т.д.

В этом полевом сезоне были продолжены исследования на территории города по поиску разрушенных архитектурных и погребальных комплексов.

В результате нами было найдено и проведено обследование татарского могильника, на котором в начале XXI в.была устроена трасса для автомобильных гонок. Могильник занимает площадь около семи гектаров и подразделяется на две части – с грунтовыми захоронениями без надмогильных конструкций и с захоронениями, которые фиксируются в виде продолговатых насыпей высотой до 0,4 м окруженных ровиками.

Так же было обнаружено несколько захоронений еврейского кладбища, которое считалось полностью разрушенным в середине прошлого века.

В ходе обследования заострожной части города по улице Спасской нами были проведены работы на месте незаконного строительства офисного здания. В ходе исследования четырехметрового культурного слоя было обнаружено большое количество керамики, железного инвентаря и изделий из бересты. Особый интерес представляет находка берестяного чехла для ношения на поясе небольшого боевого топора (рис. 2). Подобные топоры были найдены нами в Тарском Прииртышье при раскопках татарских могильников XVII-XVIII в. [Татауров, Шлюшинский, 2006]. Чехол сделан из двух фигурно вырезанных по одному лекалу берестяных пластин, между которыми была установлена деревянная вставка толщиной 1 см. К поясу чехол крепился при помощи двух берестяных ремешков, на одном из которых был сделан ряд отверстий для более точной подгонки к поясу. Изделие носило, вероятнее всего, представительное или подарочное назначение, так как никаких следов износа на нем не зафиксировано.

Исследования г. Тары в 2010 гг. достаточно скромны по своим задачам и объемам и, тем не менее, они смогли дать достаточно полное представление о перспективах дальнейшего изучения этого старинного сибирского города. Подводя итог проведенным работам, следует выделить несколько моментов. Главным является то, что, несмотря на современную застройку, значительная часть Тарской крепости сохранилась и имеет отличные возможности для дальнейших исследований. Культурный слой в историческом центре города составляет порядка 2,5-3 м и содержит большое количество

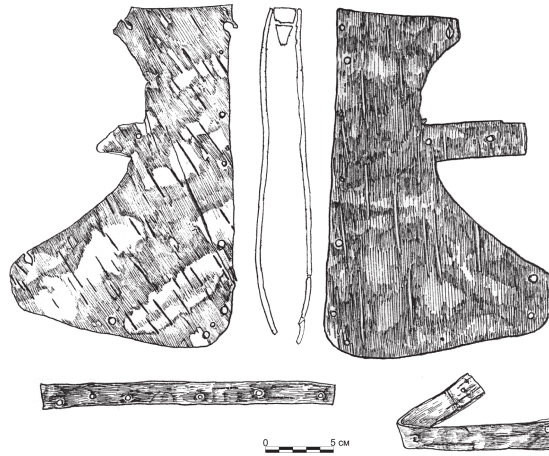


Рис. 2. Чехол для топора.

остатков деревянных сооружений. Дальнейшие исследования исторического центра г. Тары позволят значительно расширить наши представления о присоединении Среднего Прииртышья к России, расширят наши представления о культуре городского населения Сибири в XVI-XIX вв.

Список литературы

Список Тарского города сколко в городе и остроге ворот и башен и которые ворота и башни и сколко башен городен и в них сажен… // РГАДА, ф.214, Сибирский приказ оп.1, д.1339, л.1-4 1702 г.

Татауров С.Ф., **Шлюшинский А.В.** Русское оружие на татарских памятниках XVI – XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Красноярск; Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – С.143–145.

Татауров С.Ф. Археологические исследования исторического центра города Тара в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 396–400.

Татауров С.Ф. К вопросу об археологических исследованиях г. Тары (по материалам работ 2009 г.) // Культура как система в историческом контексте: Опыт западносибирских археологических совещаний: мат-лы XV Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – С. 281–284.

Л.В. Татаурова

РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС XVII–XVIII ВЕКОВ АНАНЬИНО I

В 2010 году автором было продолжено археологическое исследование русского комплекса XVII-XVIII вв. Ананьино-I. Комплекс Ананьино-I (поселение и могильник) расположен в Тарском районе Омской области в 15 км от г. Тары.

Деревня Ананьино известна по письменным источникам с 1624 года, что отмечено в «Дозоре Василия Тыркова» - Сибирская приказная книга №5, лист 347 [Буцинский, 1999]. Значит, она была чуть ли не вторым, после основания города Тары (1594 г.) русским поселением в Сибири. Г.Ф. Миллер описал деревню так: «Aijik-bürén, по-русски Ананьино озеро, на восточной стороне, в полутора верстах от берега. На озере имеется также русская деревня Анангина, которая дала ему русское название» [Миллер, 1999]. Деревня дожила до начала XX века. Поселение было расположено по южному берегу озера Ананьино, с ЮЗ за ручьем, впадающем в озеро, было устроено кладбище.

В 2005 году исследовано 360 м^2 на поселении и 200 м^2 на кладбище. Изучены четыре жилых объекта и 48 погребений. Собрано 320 находок, характеризующих различные виды занятий: костяные гарпуны, грузила разных типов, иглы для плетения сетей, кочедык, свинцовая блесна, два деревянных весла; большое количество костей животных, железные и костяные наконечники стрел, железные ножи, стремена, удила, пряжки; фрагмент косы, клепки от бочек. Кроме того, найдены деревянный фрагмент наличника, дверной ключ; медные крестики и монеты 1747 – 1751 гг.; бусы [Довгалюк, Татаурова, 2010]; глиняная посуда традиционных русских форм, орнаментированная, черно- и краснолощеная; кости для игры в «бабки», залитые свинцом [Татаурова, 2008]; фрагменты жерновов и серия кресальных и ружейных кремней [Татаурова, Толпеко, 2010]. По архивным материалам, на 1701 год изучен пофамильный состав населения, и наличие мельницы мутовчатой на берегу Пятой речки, впадающей в оз. Ананьино [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185-187].

Материалы погребального комплекса послужили базой для биоархеологических реконструкций, которые дали интересные сведения по изучению морфологических особенностей и образа жизни, питания, физической активности, социальных взаимоотношений, палеоэкологических условий жизни населения, определению различных заболеваний (маркеры стресса)

и способы их лечения, дали возможность смоделировать некоторые условия труда и быта [Татаурова, Игнатьев, Слепченко, 2008]. Кроме того, зафиксированный в 2005 году детский поминальный комплекс, позволил внести дополнения в трактовку погребального обряда русских Среднего Прииртышья [Татаурова, 2010]

Целью работ 2010 года стало расширение изученной раскопками площади памятника для получения возможности завершить исследование жилищно-хозяйственных объектов и продолжить исследования погребального комплекса.

На поселении была сделана прирезка к раскопу 2005 года площадью 88 м^2; на погребальном комплексе прирезка площадью 60 м^2.

Несмотря на небольшой по площади раскоп на поселении получен представительный материал по культуре русского населения XVII-XVIII веков.

Прежде всего, были доисследованы части деревянных сооружений, открытых в раскопе 2005 года: изучена ЮВ часть избы-связи - в раскопе 2005 года был полностью открыт северо-западный сруб с остатками глинобитной печи. В раскопе 2010 года зафиксированы бревна от стен сеней. Вероятно, оставшаяся часть связи, включающая жилую половину с подполом осталась за пределами раскопа. Этот жилищный комплекс был ограничен от соседнего частоколом, который мы проследили в раскопе 2005 года, а в раскопе 2010 зафиксировали его продолжение, состоящее из двух рядов вертикально поставленных кольев, правда весьма плохой сохранности (сохранились только основания).

Второй объект, попавший в раскоп 2010 года, включает также часть избы – связи, раскопанной в 2005 году. Это сруб с неглубоким в полметра подполом, в котором зафиксированы бревна – лаги от настила, хотя сам настил не сохранился. Таким образом, эта конструкция была исследована полностью. Бревна стены рублены в чашу; опалубка подпола из нетолстых (до 15-17 см) в диаметре бревен, опущенных в яму и соединенных между собою в «чистый угол».

Третий объект, попавший в раскоп, представляет собой часть стены сооружения из двух венцов, соединенных в угол, рубленный в чашу, уходящую за границы раскопа. Стена, вероятно, принадлежит еще одной избе – связи, СЗ сруб от которой зафиксирован в 2005 году, ЮВ угол – в 2010 году, а сени и оставшаяся часть ЮВ жилища осталась за пределами раскопа.

В ходе раскопок получена представительная коллекция керамики: лепной и гончарной – красно и чернолощеной, четыре развала горшков и один целый сосуд, возможно, латка. Кроме керамики получена интересная коллекция инвентаря, характеризующая различные хозяйственные занятия населения: рыболовство представляют целая серия железных рыболовных крючков и глиняных и каменных грузил; кочедыки для плетения сетей; охоту – серия костяных и железных наконечников стрел; животноводство – остеологический материал; земледелие – жернова, остатки зерен злаков. Бытовой инвентарь представлен находками бус, медного крестика, кресал и кресальных камней, железного ключа от замка, креймешками (глиняные изделия для игр), предметами для игры в бабки; гвоздями, оселками, но-

жами, заготовками для изделий из кости, костяным навершием на нож или кинжал ажурной формы и другими предметами.

Кроме поселенческого комплекса исследована небольшая часть погребального комплекса – 60 кв.м. К сожалению, раскоп оказался за пределами погребального поля и в нем не было ни одного погребения. Однако, в культурном слое зафиксированы фрагменты керамики и два скопления керамики, находящиеся поверх «поминальной» конструкции, первоначально, вероятно, представляющей деревянный навес на столбах, от которого мы зафиксировали только СВ часть, остальная осталась за пределами раскопа, или не сохранилась. Кроме этого, зафиксировано 10 находок вещевого комплекса, представленных изделиями из железа (обломки пластин неопределенного назначения), камня, изделиями из глины – креймешком и вотивным небольшим сосудиком. К сожалению, из-за отсутствия антропологических материалов никаких палеоантропологических исследований провести не удалось. В ходе работ была проведена палеоландшафтная съемка памятника.

Результаты раскопок показывают необходимость дальнейших исследований для завершения изучения жилищно-хозяйственного комплекса на поселении и продолжения изучения погребального памятника. Итогом может стать полная реконструкция поселения с описанием пофамильного состава жителей, их хозяйственными занятиями, структурой и условиями жизни, состояния здоровья, генеологий и мест первоначального проживания; реконструкция погребальной обрядности, промыслов и ремесел, культурно-досуговой сферы.

Список литературы

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 327 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – Т.1.

Татаурова Л.В. Игры и игрушки русского населения среднего Прииртышья в XVII–XIX вв. (по данным археологии) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интеграции и реконструкции. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2008. – С. 197–200.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 37–45.

Татаурова Л.В., Толпеко И.В. Использование изделий из камня в хозяйственной и бытовой деятельности русских (по материалам комплексов Омского Прииртышья) // Вестн. Ом. гос. ун-та. – 2010 (в печати).

Татаурова Л.В., Игнатьев Ю.Т., Слепченко С.М. Палеоантропологические материалы для проведения биоархеологических реконструкций по данным могильника Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 238–244.

Ю.С. Худяков

ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ИЗ АРАБСКИХ ИСТОЧНИКОВ О НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ, ПРОИСХОДИВШИХ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ, ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПРИРОДНЫХ АНОМАЛИЙ И КАТАСТРОФ НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ*

Источники эпохи раннего средневековья содержат ценные сведения о необычных природных явлениях, происходивших в этот период на территории Евразийского континента. Некоторые из подобных событий влекли за собой тяжелые негативные последствия для населения тех стран, на территории которых они происходили, и оказывали существенное воздействие на ход исторических событий.

В ходе предшествующей работы удалось выявить сведения о подобных явлениях, которые наблюдались в течение эпохи поздней древности, раннего и развитого средневековья на территории Центральной Азии, Маньчжурии, Северного Китая и Корейского полуострова [Худяков, 2006, с. 64-74; 2008, с. 143-149; 2009а, с. 209-213; 2010а, с. 138-140]. На основе собранных материалов была создана база данных по истории аномальных явлений природы для изучаемых регионов, охватывающая значительный временной интервал средневекового периода истории стран Азии [Худяков, Борисенко, 2001, с. 67-89]. Был предпринят опыт выявления долговременных тенденций в периодичности аномальных и катастрофических природных событий, произошедших на территории Центрально-Азиатского и Восточно-Азиатского регионов в период с конца I тыс до н. э. по начало II тыс. н. э. [Борисенко, Худяков, Лбов, Герасимов, Бериков, 2002, с. 100-110].

Для оценки масштабов необычных природных явлений и катастроф, зафиксированных средневековыми наблюдателями, и реконструкции последовательности происходивших событий важное значение имеют результаты сравнительного анализа данных о таких событиях с разных территорий Евразийского континента. В целях проведения подобных сопоставлений были проанализированы сведения античных и средневековых армянских источников, в которых описаны необычные астрономические и погодные явления, крупные землетрясения и цунами, происходившие в Восточном Средиземноморье и Закавказье в древности и средневековье [Худяков, 2009б, с. 174-179; 2010б, с. 181-187]. Еще более широкие возможности для реконструкции истории природных аномалий и катастроф, происходивших в эпоху

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00107).

раннего средневековья на Ближнем и Среднем Востоке, предоставляет подробная сводка данных о подобных событиях, извлеченная из средневековых арабских источников известным азербайджанским исследователем З.М. Буниятовым. Им проанализированы, переведены на русский язык и введены в научный оборот материалы 15 арабских исторических хроник и несколько иранских и армянских источников, в которых выявлены сведения об эпидемиях, голоде, наводнениях, засухе, землетрясениях и необычных погодных и космических явлениях [Стихийные бедствия…, 1990, с. 3-5, 29-47]. Большая часть этих наблюдений относится к территории современного Ирака, меньшая часть - к соседним странам, Сирии, Египту, Аравии, Ирану. Сравнительно редко внимание арабских хронистов привлекали события, происходившие на окраинах мусульманского мира, в мусульманской Испании, странах Магриба и Северной Африки, в Закавказье и Средней Азии. Иногда в мусульманских источниках упоминаются события, происходившие в соседних не мусульманских странах, например, в Византии. Аномальные природные события в арабских источниках освещались по-разному. Иногда в исторических хрониках достаточно точно указано время и дата произошедшего события, точное местонахождение и условия в которых оно произошло, приведено развернутое описание того, что произошло. В то же время иногда в источниках говорится, что некоторые бедствия случались повсеместно во всех, или многих странах Ближнего и Среднего Востока, а сведения о таких событиях недостаточно конкретны.

Среди стихийных бедствий, часто обрушивавшихся на страны Ближнего и Среднего Востока в VI – VIII вв., наиболее частыми были землетрясения, что обусловлено тем, что эти страны расположены в сейсмически опасной зоне. Наиболее разрушительное землетрясение было зафиксировано в Египте, которое произошло в 180 году хиджры (16. 02.796–04.03.797 гг. по григорианскому летоисчислению). Во время этого мощного землетрясения «рухнула верхушка Александрийского маяка» [Там же, с. 16]. Несколько раз за данный период наблюдений в странах Ближнего и Среднего Востока наблюдались необычные астрономические явления, в том числе солнечное затмение, появление необычно большой звезды и звездопад. К числу необычных погодных явлений можно отнести сильные морозы в Палестине в 670 г., «страшный мрак и красная пыль», которые наблюдались в Ираке в 784 г. и «страшные ураганы и мрак», происходившие на Ближнем Востоке дважды в апреле-мае и мае-июне 793 г. В 80 году хиджры (09.03.699 – 25.02.700 гг.) в священном городе мусульман Мекке, во время хаджа, случился страшный сель. «Погибло много паломников, жителей и животных, а также затопило все дома» [Там же, с. 13]. В 639 г. на страны Ближнего Востока обрушилась страшная засуха, которая вызвала сильный голод. «В 68 году хиджры (18.06.687–05.07.688 гг.) в Сирии случился страшный голод» [Там же, с.12].

Однако, наиболее страшным и часто повторяющимся для стран Ближнего и Среднего Востока в VI – VIII вв. были эпидемии заразных болезней

чумы и холеры. На территории Ирака эпидемии этих болезней происходили в общей сложности 13 раз; в Сирии они случались 6 раз, в Египте – 4 раза, по одному-два раза эпидемии были в Аравии, Иране, Палестине. Один раз эпидемия была отмечена в Византии. Еще дважды, в 100-м и 131 годах хиджры была страшная эпидемия чумы, которая охватила все страны Ближнего Востока. «В 131 году случилась страшная чума, от которой погибло множество людей. Говорят, что за один день погибло 70 тысяч человек. Эта чума была названа «чумой Асламы ибн Кутайбы». Началась чума в Басре в раджабе (март 748 г.), достигла ужасного пика в рамадане (май 748 г.) и затихла в шаввале (июнь 748 г.). Ежедневно выносили по тысяче трупов. Это была пятнадцатая чума в эпоху ислама. Во время эпидемий жители всегда уходили в пустыню» [Стихийные, 1990. с. 15-16]. Вероятно, частое повторение эпидемий заразных болезней, приводивших к гибели большого количества населения в Ираке и соседних странах Ближнего Востока были вызваны перенаселенностью средневековых городов и отсутствием должных мер по предотвращению тяжелых последствий подобных стихийных бедствий. В отличие от правителей средневековых корейских государств, которые запасали продукты на государственных складах, выдавали их голодающему населению, облегчали налоговое бремя и даже амнистировали заключенных, в мусульманских источниках, описывающих события VI – VIII вв., нет упоминаний о каких-либо мерах предпринятых властями для помощи населению своих стран [Худяков, 2007, с. 42]. Корреляция сведений о природных аномалиях из различных источников будет способствовать созданию единой базы данных, реконструкции истории подобных явлений в средние века и выявлению определенных закономерностей в периодичности таких событий.

Список литературы

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Лбов Г.С., Герасимов М.К., Бериков В.Б. Математическое выявление внутренних причинно-следственных связей природных аномалий и катастроф // Большая медведица. – 2002. – № 1. – С. 100–110.

Стихийные бедствия и экстремальные явления на Ближнем и Среднем Востоке (VII – XVII вв.). – Баку: Элм, 1990. – 136 с.

Худяков Ю.С. Изучение воздействия на землю опасных космических объектов и природных аномалий в древности и средневековье (по материалам мифологических, исторических и археологических источников с территории Центральной и Восточной Азии) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5, вып. 3: Археология и этнография (Прил. 2). – С. 64–74.

Худяков Ю.С. Материалы для базы данных о природных аномалиях и катастрофах, происходивших в древности и раннем средневековье в юго-восточной части Корейского полуострова (по сведениям летописи государства Силла) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – С. 35–57.

Худяков Ю.С. Сведения о природных аномальных явлениях, происходивших на территории Маньчжурии и Северо-Восточного Китая в конце XI – начале

XIII века (по материалам «Истории Золотой империи») // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. – С. 143–149.

Худяков Ю.С. Данные по истории природных аномальных явлений, происходивших на территории Маньчжурии и Северо-Восточного Китая во второй половине IX – начале XII века (по материалам «Истории Железной империи») // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2009а. – Т.8, вып. 5: Археология и этнография. – С. 209–213.

Худяков Ю.С. Сведения о крупных землетрясениях и цунами, происходивших в древности и на рубеже средневековья в Восточном Средиземноморье // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2009б. – Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. – С. 174–179.

Худяков Ю.С. Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце 1-го тысячелетия до н. э. – первой половине 1-го тысячелетия н. э. // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. – М.: РОССПЭН, 2010а. – С. 138–140.

Худяков Ю.С. Сведения о природных аномальных явлениях в Закавказье, содержащихся в армянских источниках, относящихся к периоду монгольских завоеваний и образования Золотой орды // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2010б. – Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – С. 181–187.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Материалы для создания базы данных о природных аномалиях на территории государства Дай Ляо из средневекового источника «Цидань Го Чжи» // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. – Вып. 9. – С. 68–86.

Ю.С. Худяков, Ю.А. Филиппович

ОБРЕЗ ФИТИЛЬНОГО РУЖЬЯ, ОБНАРУЖЕННЫЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭДИГАН*

Находки огнестрельного оружия в памятниках коренного населения Горного Алтая, относящихся к эпохе позднего Средневековья и Нового Времени, встречаются достаточно редко. Вероятно, это связано с относительно поздним проникновением этого оружия к тюркоязычным племенам Горного Алтая, которое они могли получать от русских и джунгар в течение XVII - XVIII в.

По сведениям, собранным В.В. Радловым в 1860-х гг., луки и стрелы вышли из употребления у разных этнических групп алтайцев уже с начала XIX в. Для охоты алтайские охотники употребляли «алтайские ружья», часто переделанные из «старых русских солдатских» винтовок. «У алтайских ружей – длина обычных мушкетов и длинный, очень узкий приклад из неполированного легкого дерева», снабженный «вилкой», или сошками, которые служили для опоры ружья при стрельбе. «Собираясь стрелять, охотник сначала отгибает вилку назад, вертикально по отношению к стволу, втыкает ее нижней подпоркой в землю, опускается на одно колено и кладет конец приклада на правое плечо». При стрельбе охотник вставляет горящий фитиль в вилку курка и нажимая указательным пальцем на спусковой крючок, перемещает горящий фитиль к полке, наполненной порохом. Ученый отметил, что к середине XIX столетия алтайцы смогли по достоинству оценить преимущества и хорошо освоить огнестрельное оружие. Алтайские охотники «обращаются со своими ружьями очень ловко и умело, заряжают и стреляют очень быстро» [Радлов, 1989. с. 156-157].

В силу своих особых поражающих качеств, возможности поражения цели на значительном расстоянии и пробивания защитных средств, огнестрельное оружие очень высоко ценилось и поэтому не с первых лет своего освоения стало использоваться в ритуальной практике в качестве сопроводительного инвентаря в погребальных обрядах и в виде подношений потусторонним силам. К настоящему времени в разных районах Горного Алтая изучено значительное количество погребений эпохи позднего средневековья и этнографической современности, относящихся к разным этническим группам алтайцев [Борисенко, Худяков, 2003. с. 10-11]. Однако, огнестрельное оружие и принадлежности для стрельбы в подобных памятниках об-

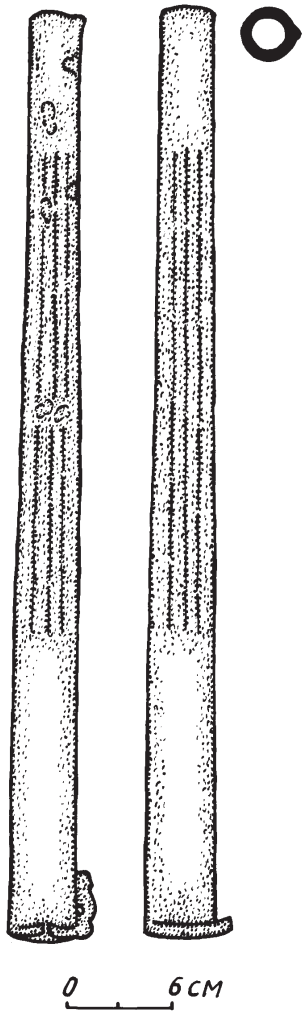
*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00258а).

наружены только в нескольких погребальных комплексах, исследованных в восточных районах Горного Алтая. В трудах исследователей, изучавших заупокойную обрядность теленгитов отмечалось, что ружья, или «турки» с сошками, сумкой для патронов и рожками для пороха и пуль предки этой этнической группы в составе современных алтайцев стали класть в могилы с начала XIX в. [Луценко, 1898. с. 32-34; Дьяконова, 2001. с. 192]. Вероятно, при этом учитывались не только поражающие свойства огнестрельного оружия, но и приписываемые ему магические характеристики [Митько, 2002. с. 94].

Отдельные находки кремневых ружей были обнаружены при раскопках впускных погребений в насыпях древних курганов, относящихся к периоду этнографической современности, в разных районах Горного Алтая. В 1924 г. «ствол фитильного ружья, приспособление для ковки железных пули, пули» были обнаружены С.И. Руденко в одной из впускных могил в насыпи древнего кургана в долине р. Улаган в восточной части Горного Алтая [Дьяконова, 1980. с. 102]. в составе сопроводительного инвентаря Одноствольное кремневое ружье с деревянным цевьем и прикладом было обнаружено в составе сопроводительного инвентаря впускного теленгитского захоронения в насыпи кургана на памятнике Талдура II, расположенном в верховьях р. Чуи в Восточном Алтае [Могильников, Елин, 1983. с. 135]. Иногда ружейные стволы оставлялись участниками погребальной, или поминальной церемонии на поверхности насыпи, в которой было совершено впускное погребение. Подобный случай был зафиксирован одним из авторов настоящего сообщения на могильнике Язула в долине р. Улаган.

Находки предметов, относящихся к огнестрельному оружию, происходят не только из погребений коренного населения, но и из некоторых «оружейных кладов» с территории Горного Алтая. Среди подобных находок можно упомянуть ствол фитильного ружья и спусковой механизм, обнаруженные в составе оружейного клада на окраине с. Джезатор в Южном Алтае [Слюсаренко, Черемисин, 1995. с. 102-103]. Исследователи относят время этого «оружейного клада» к XVIII в. и связывают с проникновением «русского населения в Сибирь, которое происходило как раз в XVII – XVIII вв. и далеко не всегда мирным путем». Обстоятельства, которые привели к созданию данного клада, по мнению исследователей могли быть связаны с «какими-то драматическими событиями» в период джунгарской экспансии [Слюсаренко, Черемисин, 1995. с. 104]. Необходимо отметить, что подобные клады, в которых собраны предметы защитного вооружения, в эпохи развитого и позднего средневековья упрятывались в пещерах, или зарывались в землю в разных районах Саяно-Алтая [Сунчугашев, 1979. с. 133-134; Горелик, 1983. с. 251]. Подобная джезаторской находке конструкция спускового механизма была характерна для «сибирского фитильного ружья с пружинным замком» [Митько, 2004. с. 174].

Еще одна находка обреза, изготовленного из ствола фитильного ружья, происходит из долины р. Эдиган. В процессе полевых исследований Южно-



Обрез фитильного ружья из долины р. Эдиган.

сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в полевом сезоне 2003 г. в расположении экспедиционного лагеря появились местные жители, которые привезли с собой и предложили приобрести «старинное ружье». При осмотре привезенной находки выяснилось, что она представляет собой обрез ствола фитильного ружья. Длина сохранившегося ствола с казенной частью составляет - 53 см, диаметр ствола в месте обреза – 3 см, диаметр казенной части – 4, 5 см, диметр отверстия – 1, 8 см. Ствол цилиндрический в сечении, при подходе к казенной части его внешняя поверхность многогранная. Казенная часть полого расширяется к задней стенке. В верхней части задняя стенка имеет пологое треугольное возвышение с прорезью прицела. С правой стороны казенная часть снабжена неширокой фигурной полкой со сквозным отверстием. Длина полки – 4, 2 см, ширина полки – 1, 9 см. Внешний край полки оформлен в виде трех полукруглых выступов. В центральной части полки у стенки казенной части имеется округлое отверстие. В стенке казенной части, над полкой, расположено затравочное отверстие округлой формы. Ствол обрезан примерно на половине общей длины, неровно, кустарным способом, в результате чего с правой стороны образовался небольшой выступ. Внешняя и внутренняя поверхность ствола образа сильно коррозированы в результате длительного хранения в неподходящих условиях. На поверхности цилиндрической и многогранной частей ствола образовались каверны (см. *рисунок*). Судя по особенностям конструкции ствола и казенной части, обрез был изготовлен из сибирского фитильного ружья российского производства. Данная находка может служить свидетельством использования и переделки оружия в местным алтайским владельцем.

По словам местных жителей, привезших с собой эту находку, обрез ствола «старинного ружья» был найден в пещере, расположенной в горах в верховьях р. Эдиган. Однако указать на точное расположение данного

местонахождения и обстоятельства находки они затруднились. Если эта находка действительно была обнаружена в пещере, ее можно рассматривать в качестве подношения потусторонним силам. Вероятно, эта находка была сделана достаточно давно и длительное время хранилась у одного из жителей, прежде чем они решились предложить ее на продажу людям, ценящим старинные вещи.

Несмотря на превратности длительного хранения и сильную коррозированность, благодаря простоте и надежности конструкции, обрез ствола оказался вполне пригодным для применения по своему назначению в современных условиях. Обрез был приобретен и испытан одним из сотрудников отряда Ю.А. Филипповичем, изготовившим для крепления ствола деревянное цевье с прикладом, закрепившим на нем ствол, и произведшим несколько выстрелов по мишени на расстоянии в три десятка метров.

Список литературы

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение археологических памятников позднего средневековья в долине р. Катунь в Горном Алтае // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. – Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. – С. 10–45.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1983. – С. 244–269.

Дьяконова В.П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 100–107.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 223 с.

Луценко Е.А. Поездка к теленгитам // Землеведение. – 1898. – № 1/2. – С. 32–34.

Митько О.А. Огнестрельное оружие в культовой и обрядовой практике народов Сибири в эпоху позднего средневековья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. пед. ун-та, 2002. – С. 88–95.

Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. – Вып. 1. – С. 165–206.

Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка и литературы, 1983. – С. 127–153.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Находка кольчуг близ с. Джезатор (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1995. – № 3. – С. 100–104.

Сунчугашев Я.И. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1979. – 192 с.

Д.В. Черемисин

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮЖНОГО АЛТАЯ В 2010 ГОДУ

В сентябре 2010 г. автор продолжил изучение наскальных изображений на юге Горного Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Были обследованы высокогорные долины рек Чаган, Ак-Кол, Кара-Оюк и Елангаш. Петроглифы разных эпох от бронзового века до современности в изобилии представлены на скальных выходах и моренных валунах и в разной степени изучены – обнаружены, скопированы, проанализированы и опубликованы (см.: [Окладников и др., 1979, 1980, 1981, 1982; Окладников, Окладникова, 1985; Кубарев, Маточкин, 1992; Черемисин, 2002, 2005, 2004, 2006 и др.]).

В ходе работ были обнаружены ранее неизвестные в данном районе петроглифы, в том числе изображения, достаточно редко встречающиеся среди хорошо изученных, традиционных и широко распространенных наскальных сюжетов. Это композиция с птицами в урочищах Абиджай (скорее всего, здесь воспроизведены журавли) и новая композиция в Елангаше, в которой, очевидно, изображены редкие представители авиафауны высокогорья – улары.

Большой интерес представляют впервые скопированные композиции, выполненные в технике граффити. Изображения относятся к разным эпохам: колесницы выгравированы в эпоху бронзы, а сцены охоты с собаками – в древнетюркскую эпоху. Уточнялись прорисовки известных и опубликованных ранее композиций в местонахождениях петроглифов Соок-Тыт, Елангаш и Абиджай. Среди древнетюркских граффити встречены изображения вооруженных воинов, стреляющих из лука, сцены охоты на горных козлов. Достаточно детально воспроизведены прически, одежда, оружие и экипировка коней. Техника граффити позволяла древним мастерам, использовавшим, очевидно, специальные инструменты, наносить столь тонкие линии и воспроизводить столь миниатюрные фигуры, что скопировать их на транспарантные материалы сегодня очень сложно, так как линия, которую оставляют самые тонкие стойкие маркеры, не соответствуют по толщине тончайшим резным начертаниям на скалах.

Неоднократно зафиксировано сочетание техники выбивки (пикетажа) и тонкой гравировки. Например, у пары антропоморфных или зооантропомрофных персонажей в Елангаше абрис фигур передан выбивкой, а звериные черты (когти на руках и ногах) воспроизведены гравировкой (рис. 1). Нами

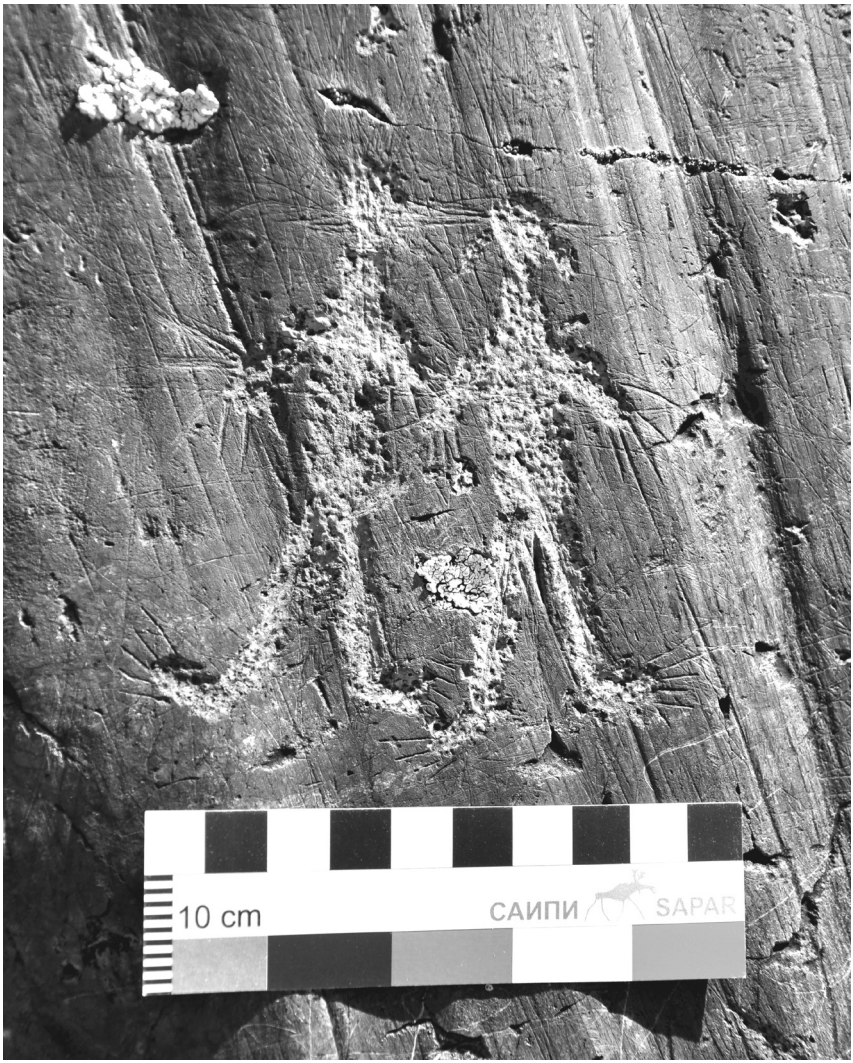


Рис. 1. Петроглифы Елангаша.

зафиксированы случаи гравированных эскизов, по которым впоследствии наносилась выбивка, а также сочетание выбивки и гравировки для персонажей одной многофигурной композиции.

В той же технике гравировки, прочерчиванием или процарапыванием патины, зачастую поверх древних петроглифов на скалах нанесены многочисленные изображения нового и новейшего времени. Интересно включение древних рисунков в позднейшие композиции. Некоторые древние выбитые на скальной поверхности фигуры подновлены путем повторе-

ния первоначального абриса и высвечивания патины древнего рисунка; на одном из петроглифов эпохи бронзы нацарапаны “уточняющая” сюжет изображения надпись “это сарлыг” (як) (рис. 2). “Подписаны” и некоторые другие фигуры, “названы” также другие персонажи древних рисунков. Оригинальные композиции нового времени – батальные сцены с использованием огнестрельного оружия, сцены охоты, перекочевок, воспроизведения домашних животных с тамгами, многочисленны и традиционны для южного Алтая [Черемисин, 2004а].

Новейшие, современные петроглифы демонстрируют, помимо воспроизведения реалий наших дней, большое количество надписей. Среди них наряду с автографами и меморативными краткими записями, встречены и весьма пространные пассажи разнообразного содержания, в том числе настоящие палимпсесты. В них первоначально нанесенные многословные сообщения впоследствии затерты, уничтожены, а их содержание, потерявшее актуальность, впоследствии скрыто.

Таким образом, в 2010 году получены новые материалы об изобразительных традициях населения высокогорного Алтая на протяжении по меньшей мере четырех тысячелетий. В пределах юго-восточного Алтая можно достоверно выделить меняющие друг друга стили. Наиболее отчетливо большим количеством петроглифов представлен пласт наскальных рисунков эпохи бронзы, стиль оленных камней и изображения в скифо-сибирском стиле, выразительный пласт для петроглифов древнетюркской эпохи, а также своеобразные гравюры нового времени и довольно многочисленные современные рисунки.

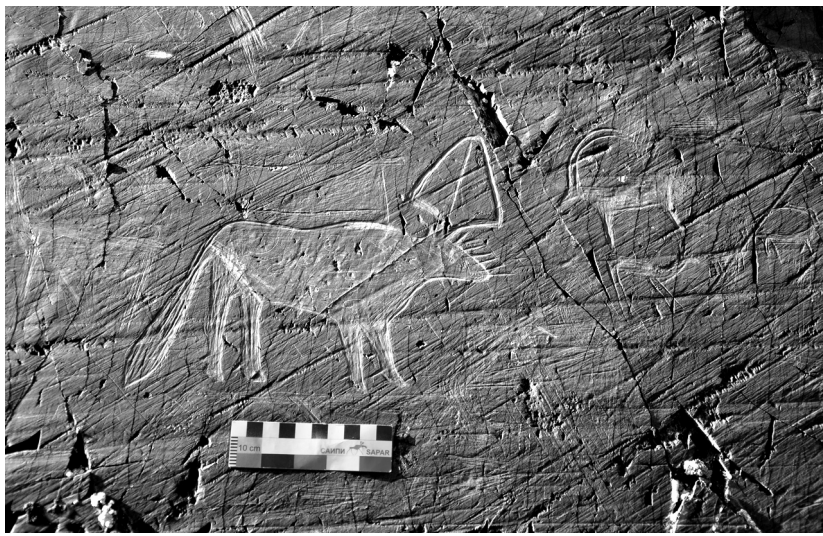


Рис. 2. Петроглифы Абиджая.

Список литературы

Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 120 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы долины реки Елангаш (юг Горного Алтая). – Новосибирск: Наука, 1979. – 137 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1980. – 140 с.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы Чанкыр-Кёля, Алтай, Елангаш. – Новосибирск: Наука, 1981.

Окладников А.П., Окладникова Е.А., Запорожская В.Д., Скорынина Э.А. Петроглифы урочища Сары-Сатак (долина р. Елангаш). – Новосибирск, Наука, 1982.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай (характеристика изобразительных особенностей и хронологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. – (Сб. МАЭ, вып. XLII).

Черемисин Д.В. Петроглифы бассейна р. Чаган: результаты исследований 2002 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 491–496.

Черемисин Д.В. К изучению изображений колесниц в петроглифах Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. 1. – С. 516–520.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004а. – № 1. – С. 40–51.

Черемисин Д.В. К изучению петроглифов Алтая нового и новейшего времени // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: мат-лы тематич. науч. конф. – СПб., 2004б. – С. 346–349.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 485–488.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов юго-восточного Алтая в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 501–504.

П.И. Шульга

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ VIII–III ВЕКОВ ДО Н.Э. В СИНЬЦЗЯНЕ (КИТАЙ)*

Территория Синьцзяна (Восточный Туркестан) непосредственно граничит с Казахстаном, Республикой Алтай, Монголией, а потому давно привлекает внимание российских и зарубежных исследователей. Одни рассматривают Синьцзян как источник крупных миграций, другие – как место смешения разнообразных культур Запада, Севера и Востока. В ходе начавшихся в 80-х гг. прошлого века масштабных археологических исследований получен значительный материал, но раскопки, в основном, проводились в предгорьях Тянь-Шаня, а расположенная к северу Джунгария всё ещё остаётся белым пятном. Тем не менее, на этом материале уже можно сделать несколько значимых выводов, в частности, пересмотреть или дополнить некоторые бытующие положения в китайской и российской археологической литературе.

В последние годы многие исследователи в Синьцзяне предлагают отсчитывать начало раннего железного века не с VI в. до н. э. (как думали ранее), а с XIII-XII вв. до н. э. Данное положение в значительной мере базируется на радиоуглеродных датах из могильника Яньбулакэ (до 1200 г. до н. э.), а также Чаухугоу (до X и даже XIII вв. до н. э.). Действительно, на этих могильниках были обнаружены железные орудия, но, по имеющимся данным, в Чаухугоу они происходят из погребений VI-V вв. до н. э. и лишь один железный нож найден в Чайхугоу-4 в могиле VII в. до н. э. В опубликованных материалах «эпохи бронзы» могильника Яньбулакэ имеются изделия, достоверно датирующиеся по аналогиям из Саяно-Алтая и Синьцзяна VII-VI и V-IV вв. до н. э. Очевидно, железные предметы происходят из поздних могил и включены в раннюю группу погребений необоснованно.

Практически все наиболее ранние погребальные комплексы из исследованных могильников (Чаухугоу, Хабуцихань, Байлециэр, Цзюньбакэ, Кэцзыэр, Янхай и др.) не выходят за рамки VIII-VII в. до н. э. Неправомерное удревнение указанных памятников на 200-500 лет объясняется ориентацией китайских исследователей на радиоуглеродные даты, неразработанностью хронологии инвентаря и крайне слабым знанием археологии Саяно-Алтая и Казахстана. Показательно, что в обобщающих работах по Цзяохэ [Городище Цзяохэ…, 1998], Чаухугоу [Чауху…, 1999] и раннему железно-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 08-01-00309а).

му веку Синьцзяна [Хань Цзянье, 2007] захоронения датируются только по ^{14}C, особенностям погребального обряда и керамике. При этом традиционно используется принятая в Китае историческая периодизация, согласно которой материалы раннего железного века делятся на периоды Чуньцю (770-476 гг. до н. э.), Чжаньго (475-221 гг. до н. э.) и Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.). В поисках аналогий инвентарю также обращаются к материалам из Северного Китая.

Такой подход малоэффективен, поскольку вещевые комплексы VIII-III вв. до н. э. в Синьцзяне тяготеют к Саяно-Алтаю и Казахстану. Как ни странно, на первый взгляд, но пока там не выявлено ни одного представительного погребального комплекса VIII-V вв. до н. э. подобного известным в Северном Китае и Ганьсу. Учитывая большое количество исследованных по Тянь-Шаню памятников, можно констатировать, что с востока на Тянь-Шань значительных миграций не было. Особые погребальный обряд и керамика однозначно указывают на существование в наиболее хорошо изученных районах городов Хами, Турфана и Хэцзина археологических культур, сформировавшихся в VIII в. до н. э. и существовавших без принципиальных изменений примерно до середины V в. до н. э. Наиболее ярко и убедительно эта необычная для степного пояса устойчивость прослеживается на могильниках культур чауху (Чаухугоу-1,2,4,5, Хабуцихань и др.) и субэйси (Янхай-1,2,3). Некоторая преемственность прослеживается и в V-III вв. до н. э., но, на наш взгляд, едва ли можно говорить об их существовании вплоть до рубежа эр, как полагают в Синьцзяне. Стабильность культур объясняется отсутствием на данной территории значительных миграций населения и устойчивостью сформировавшихся хозяйственных типов. Предположительно, уже к VII в. до н. э. в предгорьях Тянь-Шаня близкие в культурном отношении группы населения начинают разделяться на «земледельцев» и «кочевников». Примерно в середине VI в. до н. э. оседлое население Синьцзяна переживает явный кризис, совпадающий во времени с произошедшей тогда резкой сменой культур степного пояса от Причерноморья до Тувы. Так, на детально исследованном могильнике Чаухугоу-4 из 248 погребений после середины VI в. до н. э. было сооружено только пять курганов. Похожая ситуация фиксируется на могильниках Чаухугоу-1 и Хабуцихань, насчитывающих примерно по 700 захоронений VIII-V вв. до н. э. В середине VI в. до н. э. население культуры чауху резко сократилось, огромные могильники почти перестали достраиваться, и концу V в. до н. э. культура прекращает своё существование. Подчеркнём, что изменения форм и типов предметов вооружения, украшений, сбруйной и поясной фурнитуры происходило в чауху в той же хронологической последовательности, как и на Саяно-Алтае.

Из памятников V-III вв. до н. э. особый интерес представляет расположенный неподалёку от г. Турфана могильник Цзяохэ Гоубэй. Китайскими исследователями он был датирован в рамках эпохи Хань (II в. до н. э. – II в. н. э.), но материал из основных погребений оказался более ранним - V-III вв. до н. э. [Кубарев, Шульга, 2007, с. 24; Шульга, Варёнов, 2008].

Дополнительный анализ погребального обряда и инвентаря позволил вычленить из общей массы могилы эпохи Хань, в одной из которых (M01mj) была найдена монета у-чжу. Эти захоронения, действительно, датируются не ранее II в. до н. э. и синхронизируются с погребениями на западном (?) могильнике у Городища Цзяохэ [Молодин, Кан Ин Ук, 2000]. Могилы гуннского времени в Цзяохэ продолжают сохранять широтную ориентацию, но имели иное устройство, а умершие погребались головой в западный сектор, тогда как в могилах скифского времени хоронили головами на ВСВ.

Значимые результаты дал анализ погребального обряда скифского времени. По устройству могилы в курганах M16, M01 Цзяохэ Гоубэй подобны погребениям в подбоях из Янхая-2,3, но имеет особенности, связанные с подхоронениями лошадей и верблюдов. Предварительно выделяется три варианта таких погребений.

Вариант I. В центральной части этих элитных курганов имелась сложенная из саманных кирпичей ограда, по центру которой располагалась основная могила с погребением людей, а к северу от неё устраивалась яма с захоронениями лошадей, иногда верблюдов. Пространство в ограде могло закладываться в один или несколько слоёв саманными кирпичами. Захоронение людей совершалось в подбое, сооружённом в южной стенке. Иногда имелся дополнительный подбой в северной стенке. У входа в подбой устанавливался заслон из брёвен. Умершие, как правило, погребались на спине, вытянуто, головой на В или ВСВ. В рамках этого типа погребений в Цзяохэ зафиксировано ещё два варианта погребального обряда с подхоронениями лошадей.

Вариант II. Прослежен в погребении M16k16, расположенном рядом с элитным курганом M16. В M16k16 у южной стенки могилы находился костяк человека годовой на ВСВ. К северу от человека на том же уровне размещались шкуры двух лошадей, уложенных черепами также на ВСВ.

Вариант III. Представлен в третьем раскопе «тангоу», где исследованы могилы с захоронениями людей головой на восток, но не на дне входной ямы, а в углубленном подбое. Лошадь располагалась к северу от человека на образованном уступе.

Фактически эти погребения являются разновидностями пазырыкского погребального обряда, предполагавшего захоронение ориентированных в восточный сектор человека с лошадью на приступке. Снаряжение многих лошадей в Цзяохэ включало роговые сбруйные наборы, подобные найденным на Алтае, но особенности погребального обряда, керамика и инвентарь не оставляют сомнений в местном характере рассмотренного памятника. Думается, в Цзяохэ Гоубэй зафиксированы захоронения группы населения, входившей в состав общности племён, заселявших в V-III вв. до н. э. Джунгарию, Восточный Казахстан, Горный Алтай и частично юго-западную часть Монголии. Подтверждением тому служит и типично пазырыкское по описанию погребение в кургане 22 могильника Кээрмуци, расположенного в предгорьях Алтая на Севере Джунгарии. Погребённые люди располага-

лись там у южной стенки, головами на восток. В северной части могилы на приступке размещалась лошадь. К востоку от кургана сохранился балбал [Варёнов, 1999, с. 30]. Следует добавить, что в Алагоу (М30) помимо известных серебряных подвесных сбруйных блях с изображениями хищников, имелись четыре накладки на седельные луки седла. Все эти детали находились за северной стенкой сруба. Эта черта обряда также имеет ближайшие аналогии в пазырыкской культуре. Впрочем, о культурной близости и этнической однородности населения северо-западного Синьцзяна и пазырыкцев Горного Алтая писалось ещё на начальном этапе знакомства с материалами из Восточного Туркестана [Полосьмак, 1998, с. 341-342]. Там же было высказано мнение о связях пазырыкцев с населением древнего Синьцзяна, и об использовании ими верблюдов «для дальних переходов через труднопроходимые горные перевалы, через безводные Гоби и Такла-Макан». Судя по всем имеющимся данным, предположения о близости населения этих соседствующих территорий будут получать всё новые подтверждения.

Список литературы

Варёнов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 26–30.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. – 282 с.

Молодин В.И., Кан Ин Ук. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №3. – С. 89–99.

Полосьмак Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. IV. – С. 337–343.

Шульга П.И., Варёнов А.В. Материалы могильника Цзяохэ и проблема синхронизации памятников скифского времени на Саяно-Алтае и в Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 282–286.

Городище Цзяохэ – отчёт об археологических раскопках за 1993–1994 годы. Цзяохэ гучэн – 1993, 1994 няньду каогу фацзюе баогао. – Пекин: Дунфан, 1998. – 206 с. (на кит. яз.).

Хань Цзянье. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного веков (Синьцзян дэ цинтун шидай хэ цзаоци теци шидай вэньхуа). – Пекин, 2007. – 128 с.: ил. (на кит. яз.)

Чауху в Синьцзяне – отчёт о раскопках больших родовых могильников (Синьцзян Чауху – дасин шицзу муди фацзюэ баогао). – Пекин, 1999. – 416 с.: ил. (на кит. яз.).

А.В. Эбель, Ж. Буржуа, В.И. Соёнов, В.Д. Кубарев

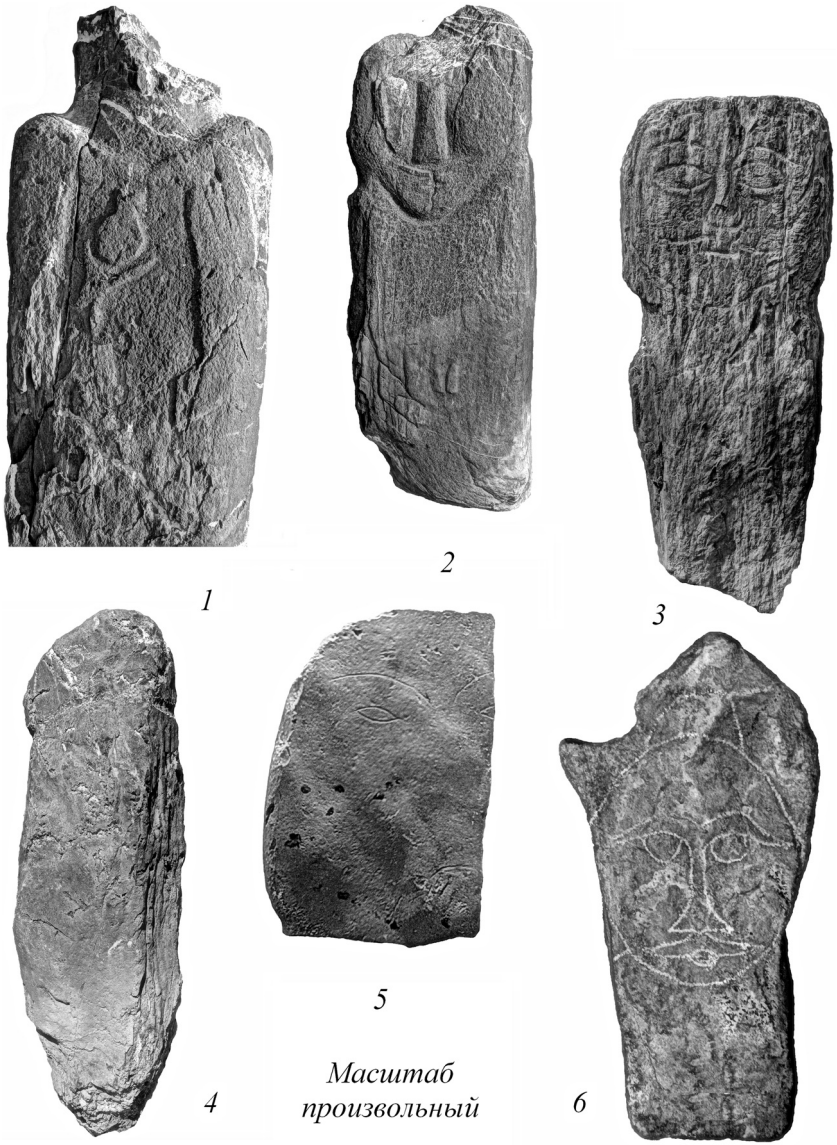
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ СЕБИСТЕЯ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ)

В полевом сезоне 1996 года совместной международной экспедицией Горно-Алтайского государственного университета и Брюссельским Королевским музеем обследовалась долина р. Себистей (Кош-Агачский район Республики Алтай) [Лоранс Каммарат, Вим Ван Хюле, Иньяс Буржуа и др., 1998, с. 229–239]. Она является правым притоком р. Кокозёк. Верхнее течение р. Себистей расположено в межгорной котловине, имеющей только один выход в восточной части. С северной стороны она соседствует с долиной р. Ирбисту, с юга - с долиной р. Кокозёк. Ближайшие населенные пункты: с. Мухор-Тархата и с. Новый Бельтир, находятся в 37 и 30 км к востоку и юго-востоку, соответственно. По типу ландшафтов, долина Себистея относится, как и большинство межгорных котловин Чуйской степи, к высокогорно-степному и высокогорно-тундровому разнотравью.

При проведении научно-исследовательских работ 1996–97 гг., было зафиксировано 17 групп памятников, состоящих более чем из трёхсот объектов различного назначения и принадлежащих к широкому культурно-хронологическому диапазону. Среди основной массы сооружений, древнетюркский период представлен в основном погребальными курганами и поминальными оградками с изваяниями (VII–VIII вв.). Первоначально было открыто только три изваяния. Поскольку цели и задачи экспедиции заключались преимущественно в топографической съёмке древних памятников, в её сферу не входило детальное изучение памятников тюркской эпохи. Они были зафиксированы и нанесены на карту и в последующих публикациях лишь упоминались в небольшом разделе.

Спустя десять лет было обнаружено, еще одно изваяние, что заставило более детально проанализировать новые, не введенные в научный оборот памятники. Нумерация памятников и объектов дана согласно составленному в 1996–97 гг. и опубликованному в Брюсселе реестру [Ignace Bourgeois, Laurens Cammaert, Claire Massart et all, 2000, с. 93–129]. Местность носит название Тыту. Данные были опубликованы на немецком языке.

Изваяние № 1, р. Себистей (см. *рисунок*, *1*). 63х30х25 см. Фигура выделена техникой выбивки из монолита темно-серой сланцевой плиты, показаны плечи и шея. Верхняя часть головы раздроблена сильным ударом, скол покрыт древней патиной. Мужчина изображен в классической для древнетюркских изваяний позе. Правая рука согнута в локте и держит на уровне



Древнетюркские **изваяния VI–VII вв. Алтай.**
1–4 – р. Себистей; *5* – р. Барбургазы; *6* – Шебалинский музей.

груди небольшой сосуд в форме кувшина. Левая рука покоится на рукояти слегка изогнутого палаша, подвешенного к поясу с левой стороны. На поясе изображены бляхи квадратной формы.

Изваяние лицевой частью обращено на восток и расположено у северо-восточной стенки оградки, имеющей ориентацию углами по странам света.

Находится на левом берегу р. Себистей, в 300 м к востоку-северо-востоку от могильника пазырыкской культуры Себистей 12. Географические координаты: 49°46′967″с.ш. 88°22′332″ в.д., высота над ур. м. 2189 м.

Изваяние № 2, р. Себистей (см. *рисунок, 2)*. 52х50х12 см. Голова слабо выделена из монолита плиты зеленого цвета неглубокими выемками. Верхняя часть скульптуры повреждена. На округлом лице обозначены характерные черты: прямой нос, длинные усы, загнутые концами вверх, губы, округлость щек и подбородок. Оно наклонено к северу под углом 80º.

Изваяние входит в комплекс смежных тюркских оградок Себистей 6. Расположено на правом берегу р. Себистей в урочище Тыту, в 50 м к востоку от памятника Себистей 7 и в 60 м к юго-востоку от древних медных выработок [Эбель, 2009, с. 74–75]. Географические координаты: 49°47′750″ с.ш. 88°22′537″ в.д., высота над ур. м. 2149 м.

Изваяние № 3, р. Себистей (см. *рисунок*, *3*). 35х25х11 см. Глубокой выбивкой оконтурено округлое лицо, в аналогичной технике изображены детали лица: дугообразные брови, миндалевидные глаза, прямой нос, небольшие тонкие усы и узкие губы. Находится в 2,5 м к югу от изваяния № 2. Фигура лицевой частью наклонена под углом 45º к земле. Географические координаты: 49°46′964″ с.ш. 88°22′332 ″в.д., высота над ур. м. 2191 м.

Изваяние № 4, р. Себистей (см. *рисунок*, *4*). 38х22х18 см. Схематичное изображение лица на стеле. На нём выбиты: прямой нос, брови, усы и миндалевидные глаза. Так же как и изваяния № 2 и 3 входит в крупный древнетюркский поминальный комплекс в урочище Тату. Находится в 20 м к юго-востоку от изваяния № 2. Географические координаты: 49°47′738″с.ш. 88°22′309″в.д., высота над ур. м. 2198 м.

Изваяние № 5, р. Барбургазы (см. *рисунок*, *5*). 29х19х7 см. Фрагмент головы из серо-зелёного песчаника Глубина гравировки составляет около 2 мм, лицевая часть отшлифована. Голова найдена А.В. Эбелем на нижней террасе левого берега р. Барбургазы, в 200 м вверх по течению от шлюзов ирригационной системы. Возможно, фрагмент головы изваяния принесён с другого места, хотя рядом имеются несколько объектов, которые можно отнести к тюркским поминальным оградкам.

Изваяние № 6, с. Шебалино (см. *рисунок*, *6*). 53х17х18 см. Находится в экспозиции Шебалинского сельского музея. Находчик изваяния и информатор в с. Беш-Озек С.М. Омин. Вероятно, изваяние является подделкой.

Изваяние № 7, р. Катунь. Высота около 100 см. На каменной плите широкой и неглубокой канавкой передан контур лица. Мелкой выбивкой на изваянии также были изображены детали лица (глаза, нос, рот). Есть слабо различимые следы выбивки в нижней части изваяния. Найдено в 2008 г. экспедицией ГАГУ на могильнике Бике III, который расположен на правом берегу Катуни, неподалеку от устья р. Бийке [Соёнов, 2009, с. 22; Ленская, 2009, с. 189].

Рассматривая реалии, изображенные на изваяниях, можно сказать, что они не выразительны. Наиболее реалистичное изваяние из данной серии

показано с сосудом в правой руке. Его левая рука расположена на рукояти слегка изогнутого палаша, подвешенного к поясу с левой стороны. На поясе изображены бляхи квадратной формы, которые могут быть отнесены к типу 1. Пять изваяний относятся к самому распространенному типу (тип 4), представленному лицевыми изваяниями - когда на фигуре изображены только черты лица или силуэта головы [Кубарев, 1984, с. 20–21].

Коллекция каменных изваяний Алтая формировалась в течение многих десятилетий, начиная с 70-х годов прошлого столетия. Первые образцы древнетюркской скульптуры Алтая нашли «приют» в саду, рядом с коттеджем академика А.П. Окладникова, где проводились бесплатные экскурсии для всех желающих прикоснуться к древней истории. В настоящее время древнетюркские изваяния экспонируются во многих городах: Горно-Алтайске, Бийске, Барнауле, Новосибирске, Томске, Москве и Санкт-Петербурге.

Список литературы

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Ленская С.Г. Тюркские изваяния Средней Катуни // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2009. – С. 189–192.

Лоранс Каммарат, Вим Ван Хюле, Иньяс Буржуа, Яри Хинш Миккелсен. Два сезона комплексных бельгийско-российских исследований в долине Себистея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН 1998. – Т. I. – С. 229–239.

Соёнов В.И. Отчет об археологических раскопках на могильнике Бике III в Чемальском районе и разведках на территории Кош-Агачского и Усть-Канского районов Республики Алтай в 2008 году. – Горно-Алтайск – 131 с. // Архив ИА РАН.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитар. науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 115–118.

Эбель А.В. Памятники горнорудного дела в Горном Алтае // Мир Евразии – Горно-Алтайск, 2009. – № 2. – С. 74–77.

Ignace Bourgeois, Jean Bourgeois, Ghent, Laurence Cammaert, Hugo Decleir, Roder Langohr, Jari Hinsch Mikkelsen and Wim Van Huele, et all. Multidisciplinary archeological research in the Sebÿsyei valley 1996-1997 (Kosh-Agash region, Altai Republic) // Eurasia antiqua. – Berlin, 1999. – Bd. 5. – P. 295–389.

Ignace Bourgeois, Lourans Cammaert, Claire Massart, Jari H. Mikkelsen, Wim Van Huele. Ancient nomads of the Altai mountains. Royal museums of art and history. – Brussels, 2000. – P. 93–129.

АНТРОПОЛОГИЯ

А.В. Зубова

ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФАНАСЬЕВЦЕВ АЛТАЯ

Афанасьевская культура является одним из наиболее ярких археологических феноменов на территории южных районов Западной Сибири. Локализуясь в пределах лесостепных и степных районов Алтае-Саянского нагорья, она привлекала внимание широкого круга исследователей сходством с синхронным населением южных районов европейской части России [см. напр. Фрибус, 2006; Солодовников, 2003; 2005; Козинцев, 2009; 2010]. Это сходство настолько ярко выражено, что долгое время мигрантное, восточноевропейское происхождение афанасьевской культуры и появление ее на занимаемом ареале уже в сложившемся виде не вызывало сомнений. Периодически, однако, появляются и альтернативные точки зрения, в соответствии с которыми предполагается вхождение в состав афанасьевцев части местного населения, корни которого связаны либо с неолитическим населением Алтая [Киселев, 1951; Берс, 1974; Чикишева, 2010, с.], либо с постпалеолитическими популяциями Южной Сибири и Центральной Азии, для которых предполагается европеоидная расовая принадлежность [Алексеев, 1989].

В условиях наличия полярных точек зрения на происхождение населения какой-либо культуры или общности необходимым становится проведение исследований, базирующихся на разных системах антропологических признаков, и одонтологической в том числе. В настоящей работе представлены результаты изучения суммарной одонтологической серии афанасьевцев Горного Алтая, в состав которой вошли материалы памятников Ело Баши, Нижний Тюмечин-1, Озерное-2, Теньга-4, Семисарт-2, Кара-Коба-1, Бертек-33, Урускин Лог-1, хранящиеся в КА ТГУ и коллекциях ИАЭТ СО РАН*.

Все материалы были обследованы по общепринятой в нашей стране программе одонтологических исследований [Зубов, 1968; 2006]. Для межгруппового сопоставления использовался набор из восьми важнейших групподифференцирующих признаков, включающий в себя лопатообразность верхних медиальных резцов (баллы 2+3); бугорок Карабелли (бал-лы 2-5) на первом верхнем моляре; редукцию гипоконуса вторых верхних моляров (баллы 3,3+); частоты 4-х и 6-бугорковых первых нижних моляров; 4-бугорковых вторых;

*Приношу благодарность заведующей КА ТГУ М.П. Рыкун за предоставленную возможность работы с коллекциями.

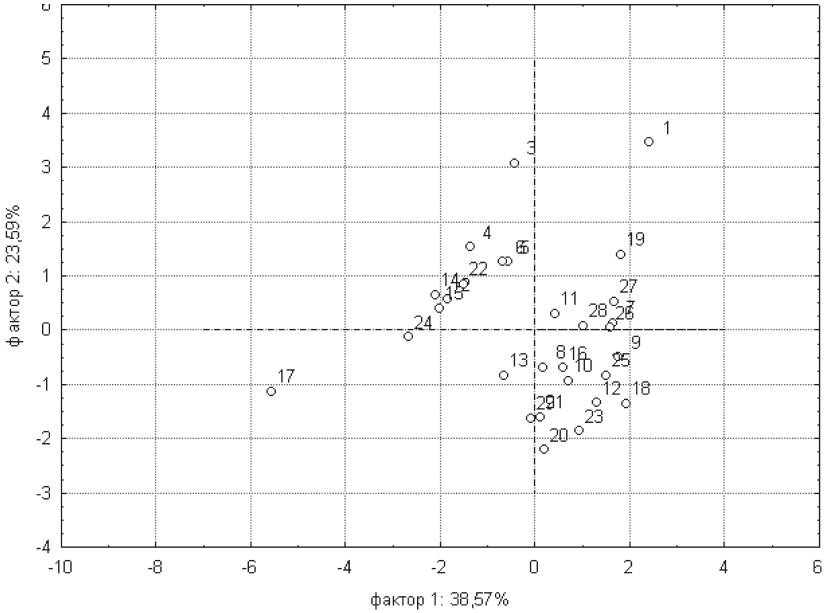
дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида на первом нижнем моляре. Одонтологическая характеристика носителей афанасьевской культуры Горного Алтая складывается из умеренной частоты лопатообразности медиальных и латеральных резцов (16,7%), несколько повышенной частоты бугорка Карабелли (34,8%) и редукции гипоконуса вторых верхних моляров (42,9). Одновременно им свойственна высокая степень грацилизации нижних моляров (17,4%) и слабая представленность признаков «восточного» характера – М1 6 (4,4%), дистального гребня тригонида (6,7%), коленчатой складки метаконида (7,1%) [Чикишева, 2010, табл.16]. Соответственно можно отметить их принадлежность к кругу грацильных популяций западного одонтологического ствола. Автохтонное население алтайских предгорий относится к восточному стволу и это сразу дает дополнительные свидетельства в пользу мигрантного происхождения афанасьевцев Алтая.

Для определения направления генетических связей выборка была сопоставлена методом главных компонент с 28 одонтологическими сериями с территории Евразии. Анализ выполнялся при помощи интегрированной системы статистической обработки данных Statistica for windows, version 6.0.

Результаты представлены на рисунке и в таблице. По итогам анализа были определены два комплекса признаков, обладающие наибольшей дифференцирующей способностью. В состав одного из них, описываемого первым фактором, входят частоты лопатообразности медиальных резцов, 6-бугорковых первых нижних моляров, 4-бугорковых вторых, дистального гребня тригонида и коленчатой складки метаконида. Это комплекс, дифференцирующий популяции по концентрации признаков «восточного» одонтологического ствола («монголоидного» комплекса). Серии с повышенными их частотами попадают в поле высоких отрицательных значений первого фактора, с пониженными - в поле положительных значений. Второй фактор дифференцирует серии по степени выраженности редукционных процессов. В поле положительных

Статистические нагрузки на признаки в составе первых двух факторов.

	Фактор1	Фактор2
Лопатообразность I1 (баллы 2+3)	-0,69	0,5
Бугорок Карабелли М1 (баллы 2-5)	0,19	-0,8
Редукция гипоконуса М2 (баллы 3,3+)	0,49	0,55
6М1	-0,72	-0,02
4М1	0,37	0,66
4М2	0,84	0,17
Дистальный гребень тригонида	-0,75	0,41
Коленчатая складка метаконида	-0,64	-0,2



Распределение одонтологических серий в пространстве первых двух факторов. 1 – большемысская культура (Иткуль, Нижнетыткескенская пещера-1); 2 – Солонцы-5; 3 – Усть-Иша; 4 – неолит Барабинской лесостепи; 5 – усть-тартасская культура Барабинской лесостепи; 6 – одиновская культура Барабинской лесостепи; 7 – ямная культура Калмыкии; 8 – куро-аракская культура Армянского Нагорья; 9 – ямная культура Астраханской области; 10 – ямная культура Украины; 11 – Чаталгуйюк (Анатолия, ранняя выборка); 12 – Трипольская культура Украины; 13 – Олений остров (мезолит севера Европы); 14, 15 – неолит Прибайкалья; 16 – неолит Русской равнины; 17 – Мяоцзигоу (неолит Внутренней Монголии); 18 – культура крашеной керамики Туркмении; 19 – катакомбная культура Калмыкии; 20 – Звейниеки (мезолит) 21 – днепро-донецкая культура Украины; 22 – Джанджалян (неолит Китая); 23 – Васильевка-3 (мезолит Украины); 24 – бронза Прибайкалья; 26 – Мусулар (Анатолия); 27 – Чаталгуйюк (Анатолия, поздняя выборка); 28 – афанасьевская культура Алтая; 29 – Ащикли Гуйюк (Анатолия).

значений попадают серии с высокой частотой редукции гипоконуса и фена М14. В отрицательном поле концентрируются серии с низкими частотами указанных признаков и повышенной встречаемостью бугорка Карабелли.

Афанасьевская выборка на графике распределения серий в пространстве главных факторов локализуется в центре совокупности представителей западного одонтологического ствола, краниологически «европеоидных». Ближе всего к ней оказались ямники Калмыкии и серии с территории Анатолии - Чаталгуйюк и Мусулар. Автохтонные серии населения предгорий Алтая неолитического времени и эпохи раннего металла (Солонцы-5, Усть-Иша, Иткуль и Нижнетыткескенская пещера) продемонстрировали отсутствие статистически значимого сходства с афанасьевцами. Всем этим сериям свойственны очень высокие частоты лопатообразности медиаль-

ных резцов (100%), отсутствие, или умеренная частота бугорка Карабелли (0-20%) и высокий уровень редукции гипоконуса (28,6-60%), при отсутствии коленчатой складки метаконида. Нужно отметить повышенную грацилизацию нижних моляров в сериях из Усть-Иши и Иткуля (20-60% М14), и, наоборот, повышенную матуризованность серии из Солонцов-5 (20% 6М1). В Солонцах-5 и Усть-Ише с высокими частотами наблюдается дистальный гребень тригонида (50%) [Чикишева, 2010, табл. 13].

На графике серия из Солонцов-5 очень тесно сблизилась с неолитическим населением Прибайкалья и неолитическим населением Китая из могильника Джанджалян. Серии из могильников Усть-Иша и Иткуль отделились от всего массива сравниваемых групп по причине гипертрофированно высоких частот редукции гипоконуса и 4М1.

Таким образом, как морфологические характеристики зубной системы автохтонного алтайского населения, так и распределение серий на графике не дают достаточных оснований для того, чтобы уверенно говорить о вхождении в состав алтайских афанасьевцев местного компонента.

По результатам как сравнительно-морфологического анализа так и анализа главных компонент на первый план для афанасьевцев выходят параллели с населением южнорусских степей с одной стороны, и Анатолии с другой. Однако сходство между ямниками и населением Чаталгуйюка по комплексу признаков выше, чем между Чаталгуйюком и афанасьевцами. Это свидительствует о том, что ближневосточный компонент входил, в первую очередь, в состав ямников, а в афанасьевскую среду он попал опосредованно.

Кроме того, в составе одонтологического комплекса носителей афанасьевской культуры есть признаки, присутствие которых не характерно для неолитического и раннебронзового населения переднеазиатского региона. К их числу относится повышенная частота бугорка Карабелли и присутствие некоторого процента дистального гребня тригонида на первых нижних молярах. Сочетание последних двух показателей свойственно населению Восточной Европы — носителям днепро-донецкой и ямной культур Украины, мезолитической популяции из могильника Олений остров, неолитическому населению Русской равнины. Наличие этих признаков свидетельствует о многокомпонентности носителей афанасьевской культуры, наличии в ее составе как морфологически «южного» компонента связанного с населением ямной культуры, а через него с Ближним Востоком, так и субстрата, связанного с доямным населением Восточной Европы. Этот факт позволяет подтвердить выдвинутую К.Н. Солодовниковым точку зрения о том, что «миграция «протоафанасьевцев» с территории Восточной Европы началась на ранних этапах сложения древнеямной общности или в непосредственно предшествующий этому период» [Солодовников, 2006, с.18], когда в антропологическом облике отдельных популяций еще сохранялись черты доямного населения.

Подводя итоги всему сказанному, можно сделать три вывода.

Первый из них – о том, что происхождение носителей афанасьевской культуры Алтая тесно связано с населением Восточной Европы, причем

не только ямным, но и более древним, уходящим корнями в восточноевропейский неолит.

Второй – о двукомпонентности одонтологического состава афанасьевского населения Алтая, который включает в себя не только восточноевропейский субстрат, но и компонент, морфологически связанный с неолитическими популяциями Ближнего Востока. В состав афанасьевцев он вошел опосредованно, через представителей ямной культурно-исторической общности, но влияние его на морфологию зубной системы населения Горного Алтая эпохи раннего металла оказалось очень сильным.

Третий вывод состоит в том, что надежных свидетельств вхождения автохтонного алтайского или центральноазиатского населения в состав носителей афанасьевской культуры по одонтологическим данным пока не наблюдается.

Список литературы

Алексеев В.П. О происхождении древнейшего европеоидного населения Минусинской котловины // Историческая антропология и этногенез. – 1989. – С. 350–355.

Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае в устье р. Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 18–31.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 544 с.

Козинцев А.Г. О древних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. –№ 4. – С. 125–136.

Козинцев А.Г. Ранние индоевропейцы Сибири и Центральной Азии по данным антропологии // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 419–421.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 120–154.

Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: 2003. – № 10. – С. 3–27.

Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр-1. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 120–154.

Солодовников К.Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии: автореф. … дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2006. – 25 с.

Фрибус А.В. К дискуссии о происхождении афанасьевской культуры // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 478–480.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железного века: дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, – 2010. – 746 с.

Е.А. Казакова

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОСМЕРТНЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ С ЧЕРЕПАМИ ИЗ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА

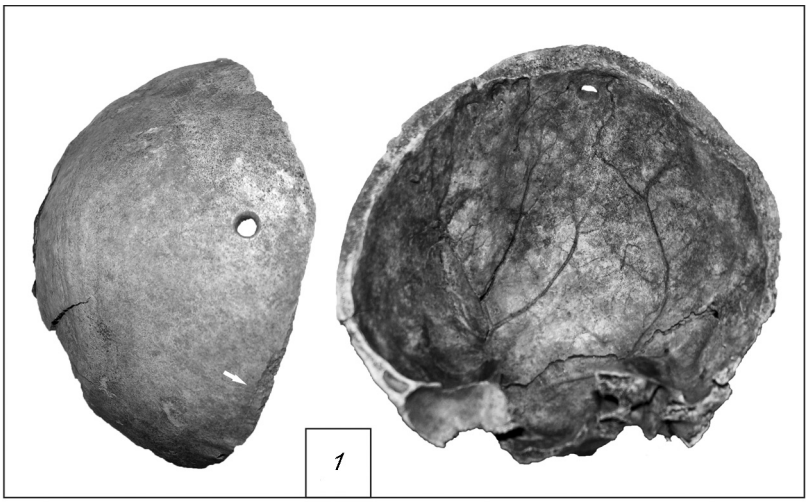
Материал, лежащий в основе данной статьи, был обнаружен в антропологической коллекции, собранной Е.И. Деревянко при раскопках Троицкого могильника в 1969-1974 гг. Троицкий могильник расположен у с.Троицкого Ивановского района Амурской области и является одним из крупнейших известных могильников, оставленных мохэскими племенами. В I **тыс. н.э.** мохэ составляли ядро населения южной части Дальнего Востока, они являлись создателями первого государственного образования на территории Приморья, и, вероятно, были ядром, на основе которого сформировались тунгусо-маньчжурские народы. Мохэсцы принимали активное участие в политической жизни народов Восточной и Северной Азии и были известны своей воинственностью, о чем свидетельствуют как китайские письменные источники, так и многочисленные находки предметов вооружения в погребениях [Деревянко, 1977].

При обработке антропологической коллекции Троицкого могильника были обнаружены свидетельства определенных посмертных ритуалов, проводимых с человеческими черепами. Зафиксированы фрагменты 4 человеческих черепов со следами посмертной перфорации, намеренной фрагментации и скальпирования. Ниже следует подробное описание материалов.

Череп № 1 происходит из материалов раскопок 1969 года, был найден при зачистке бровки в секторе С вместе с фрагментами костей посткраниального скелета. Фрагмент представляет собой правую половину черепа, включающую части лобной, теменной, затылочной костей и височную кость. Черепные швы полностью облитерированы (за исключением чешуйчатого), таким образом, возраст индивида можно определить в интервале 45-55 лет. Пол предположительно мужской, судя по характерному развитию височных и выйных линий. Череп в целом грацильный, брахикранный, резко выраженной башневидной формы, что, возможно, связанно с прижизненной деформацией костей. Кости несут на себе следы патологических процессов, проявляющихся мозаично в виде очень большой толщины кости (особенно в районе обелиона и ламбды) за счет гиперплазии компактного вещества и перестройки структуры губчатого, очагов периостального воспаления в области затылка, cribra orbitalia и следов врастания крупных сосудов. В районе соединения лобной и клиновидной костей расположено небольшое округлой формы отверстие с линиями растрескивания, возможно,

след удара острым предметом. Череп был разрезан по сагиттальной плоскости примерно на 3 см правее сагиттального шва – по краю сохранились следы надрезов. На правой теменной кости, на самой высокой точке башневидного свода просверлено сквозное отверстие диаметром 5-8 мм. Диаметры отверстия на компакте эндокрана и экзокрана несколько больше, чем на уровне диплоэ, вероятно, отверстие сверлилось с двух сторон (рис. 1, *1*).

В секторе А (кв. 1-К, раскопки 1969 года) обнаружены фрагменты 2-х черепов вместе с костями посткраниального скелета. Кости посткраниаль-



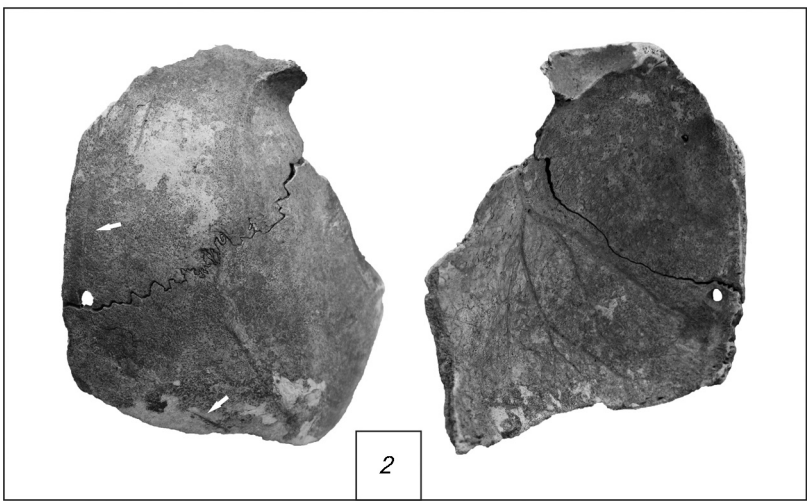


Рис. 1. Череп №1, вид сверху и со стороны эндокрана (*1*); череп №2, вид со стороны экзокрана и эндокрана (стрелками указаны следы порезов) (*2*).

ного скелета, вероятно, не принадлежат ни одному из черепов. **Череп №2** представлен 2 фрагментами: правая часть лобной кости вместе с фрагментом правой теменной и правая височная кость. Исходя из развития височных линий, формы сосцевидного отростка и степени облитерации венечного шва можно установить, что череп принадлежал мужчине 25-35 лет. На лобной кости на расстоянии 0,8 см вправо от сагиттальной линии, вплотную к венечному шву расположено сверленое отверстие. Диаметр перфорации с внешней стороны 5,5 мм, со стороны эндокрана 6,8 мм. Отверстие было просверлено со стороны внутренней поверхности черепа, причем было выбрано место с небольшой естественной впадиной, в которой толщина кости меньше, чем на прилегающих участках. Обращает на себя внимание, что, как и у описанного выше черепа №1, перфорация находится на самой высокой точке свода черепа, которому принадлежал данный фрагмент. На внешней поверхности фрагмента сохранились многочисленные отчетливые следы неглубоких порезов по сагиттальной линии и по обломанному краю теменной кости. По всей вероятности, фрагмент вырезался из еще свежего черепа, когда кожа и мышцы еще не истлели, об этом косвенно свидетельствует наличие отдельной от черепа височной кости, которая в случае проведения манипуляций с полностью мацерированным черепом должна была потеряться (рис. 1, *2*).

Череп №3 локализован в этом же квадрате (раскопки 1969 г., сектор А, кв. 1-К) и представлен 4 фрагментами: часть лобной кости вместе с фрагментом правой теменной, 2 фрагмента левой теменной, фрагмент затылочной кости. Пол индивида установить невозможно, вероятный возраст 25-35 лет. Череп мезокранный, с ассиметрией в зарастании венечного шва – с правой стороны облитерация полностью завершена, с левой шов открыт. После реставрации фрагменты сложились в участок черепной крышки почти правильной овальной формы. Сохранность верхнего слоя компактного вещества и краев фрагмента плохая, поэтому невозможно установить наличие следов порезов. Но правильная форма фрагмента позволяет заключить, что он был намеренно вырезан из черепа. На лобной кости строго по сагиттальной линии на 1,5 см ниже брегмы расположено отверстие. Внешний диаметр перфорации - 6,2 мм, со стороны эндокрана - 7,3 мм. Отверстие было просверлено с внутренней стороны черепа (рис. 2, *1*).

Череп № 4 обнаружен среди материалов из погребения №6 (раскопки 1971 г, сектор А) и представлен тремя фрагментами плохой сохранности: фрагмент левой стороны лобной кости, фрагмент левой теменной кости, фрагмент левой теменной и затылочной костей. Из-за плохой сохранности фрагментов определение пола невозможно, возраст можно определить только как взрослый, но не старческий. Так же из-за нарушения целостности внешнего компактного слоя невозможно установить наличие надрезов. На фрагменте, включающем последнюю треть теменной и часть затылочной костей, примерно на 2 см левее сагиттального шва и чуть кзади от обелиона находится хорошо сохранившееся просверленное отверстие. Диаметр

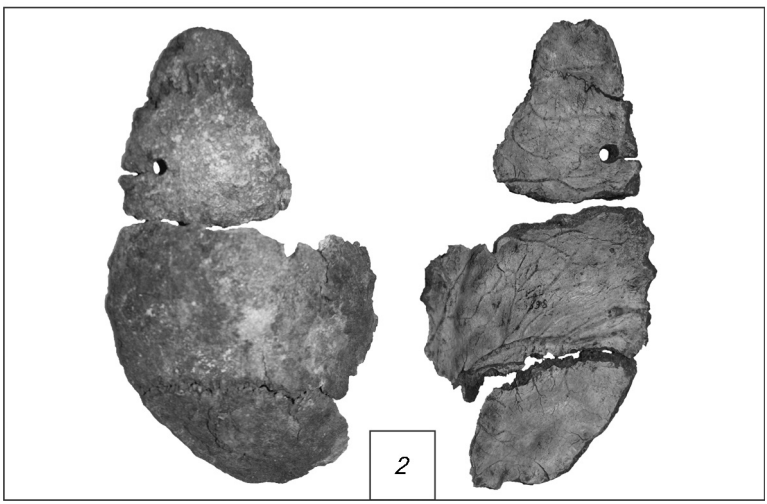


Рис. 2. Череп №3, вид со стороны экзокрана и эндокрана (*1*); череп №4, вид со стороны экзокрана и эндокрана (*2*).

отверстия с внешней стороны черепа 5,8 мм, с внутренней около 8,5 мм, что указывает на то, что отверстие было просверлено со стороны эндокрана (рис. 2, *2*). В погребении череп находился вместе с костями другого индивида (череп и кости посткраниального скелета значительно лучшей сохранности).

Форма и условия, в которых были обнаружены перфорированные фрагменты черепов in situ, позволяют предположить, что данные останки скорее являются ритуальными артефактами, сопровождавшими погребенных, чем

частями их скелетов. Схожие по форме, локализации и способу изготовления отверстия небольшого размера, вероятнее всего, служили для продевания шнура и подвешивания фрагмента черепа. Если это верно, то экспонирование, скорее всего, было недолгим, так как края отверстий четкие, без сильных следов затертости от веревки. Наличие следов порезов и форма, по крайней мере, трех (лучшей сохранности) из четырех экспонатов свидетельствуют о намеренной фрагментации черепов. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с какой-то разновидностью культа черепа, распространенного среди многих народов мира. В книге М.Б.Медниковой, посвященной обычаю трепанирования, собраны свидетельства различных манипуляций с черепами у народов Евразии, известные на настоящий момент, но среди них нет прямых аналогий троицким материалам. Известна традиция экспонирования черепов убитых врагов, как демонстрация воинской доблести и силы, и традиция изготовления амулетов-оберегов из человеческих черепов. Амулеты из костей человеческих черепов на территории Европы известны, начиная с эпохи неолита. Они представляют собой аккуратно выполненные пластинки небольшого размера с отверстиями для подвешивания, и видимо использовались их хозяевами для ношения [Медникова, 2001]. Если троицкие находки являются амулетами-оберегами, то они предназначены для хранения в каком-то месте и, вряд ли, для ношения при себе. По имеющимся фрагментам не представляется возможным определить антропологический тип черепов, из которых они получены. Поэтому нельзя сказать являются ли связанные с ними люди со- или иноплеменниками троицким мохэ. Тем не менее, можно предположить, что данные артефакты могли быть сделаны из военных трофеев, которыми в данном случае являлись головы врагов. В пользу такой трактовки говорит взрослый возраст и мужской пол, как минимум двух из четырех черепов. В любом случае, подобная серия вещей не могла случайно появиться в погребениях. Таким образом, к известным элементам мировоззрения и духовной культуры мохэ, таким как анимизм, культ животных, представления о загробном мире и погребальные традиции [Деревянко,1977], можно присовокупить особое отношение к человеческому черепу.

Список литературы

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 303 с.

В.Е. Медведев, Е.А. Казакова

ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ПЕРЕВАЛ

На неолитическом поселении Перевал, расположенном в 3 км к ЮЗ от с. Владимиро-Александровского Партизанского района Приморского края, в 1972 и 1978 гг. Амуро-Уссурийским отрядом ИАЭТ СО РАН (в то время ИИФФ СО АН СССР) были проведены раскопки трех жилищ полностью и столько же частично [Окладников, Медведев, 1995]. В 1972 г. под руководством В.Е. Медведева осуществлено исследование выделявшееся на поверхности почвы в виде чашевидной западины жилище №1 четырехугольной в плане формы с закругленными углами, относящееся к зайсановской культуре позднего неолита. Основным заполнением котлована жилища служил темный и темно-коричневый гумусированный, преимущественно супесчаный, грунт. Выше него располагался слой коричневой супеси, а над ним – пласт дерна.

В центральной части жилища (в месте пересечения в раскопе линий 7 и З) было обнаружено впущенное в него грунтовое погребение, едва приметное на поверхности почвы в виде лепешковидного бугорка, образованного дерникой. Могильная яма прямоугольной формы размерами 165х55 см, глубиной 85 см от современной поверхности и около 55 см – от основания дерна, где зафиксирован контур могилы [Медведев, 2000, рис.2]. Могильная яма длинными сторонами вытянута с ЮЗ на СВ. На ее дне, практически на полу жилища, зарегистрировано погребение, совершенное по обряду трупоположения. Костяк залегал на спине, обращенный головой на СВ, с вытянутыми вдоль тела руками, кисти которых были направлены к бедрам. Покойный был завернут в два слоя частично истлевшей бересты, нижние края которой у головы были повернуты вверх. В области спины погребенного на бересте частично сохранилась полуистлевшая дощечка шириной 15 см. Погребальные сопроводительные вещи в могиле отсутствовали.

Установлено, что в могиле покоился скелет молодой женщины, умершей в возрасте 20–25 лет. В хорошем состоянии сохранились почти все кости черепа и посткраниального скелета. Отсутствуют только некоторые мелкие кости кистей, стоп и тело грудины. На черепе обнаружены незначительные посмертные повреждения правой височной кости, имеющие естественное происхождение и не связанные с ритуальными манипуляциями или травмой (см. *рисунок*).

Череп из погребения на поселении Перевал.

Скелет в целом очень грацильный, рост женщины не превышал 151 см (151 см по формулам Дебеца; 146 см по Пирсону). При помощи формулы Г.Ф. Дебеца для определения веса живых людей по размерам длинных костей был рассчитан приблизительный вес тела женщины, он составил около 42 кг [Дебец, 1964]. Интермембральный (71, 1), берцово-бедренный (80, 6) и луче-плечевой индексы (71, 3) указывают на брахиморфный вариант пропорций тела, характерный для представителей монголоидной расы.

Характеристика краниологического материала. Кости черепа тонкие и легкие, рельеф выражен слабо. В вертикальной норме череп пентагоноидный, в латеральной – эллипсоидный, в окципитальной – клиновидный, вследствие сильного развития теменных бугров и последующего сужения вертикальных стенок мозговой коробки. Зафиксировано аномальное зарастание черепных швов: все основные швы открыты, что соответствует возрасту умершей, но наступила полная облитерация чешуйчатого шва с правой стороны и, частичная с левой, что может указывать на нарушение гормонального баланса, вызванное патологией. В норме полная облитерация чешуйчатого шва наступает не ранее 60 лет.

Черепная коробка брахикранная, характеризуется средними величинами продольного (170 мм) и поперечного (137 мм) диаметров и малыми величинами высотных диаметров (122 мм от базиона и 107 от порионов). Затылок широкий, слабо выступающий. Сосцевидные отростки крупные. Лоб узкий (110 и 89 мм) и выпуклый, вертикально поставленный (угол профиля лба от назиона 86°). Глабелла сглаженная, надбровные дуги выражены очень слабо. Ширина лица средняя на уровне верхней ширины (100 мм) и широкая на уровне средней ширины лица (101 мм). Лицо высокое (верхняя высота лица 70 мм, полная высота лица – 115 мм). Орто – мезогнатия общего про-

филя лица (85º) сочетается с альвеолярной мезогнатией (легким выступанием челюстей вперед) (угол профиля альвеолярной части лица 72º). Лицо женщины слегка уплощено на верхнем уровне (назомалярный угол 142º) и хорошо профилировано на среднем (зигомаксилярный угол 128º). Орбиты овальные по форме, невысокие (32,5 мм) и среднеширокие (41 мм). Носовое отверстие широкое (27 мм) и средневысокое (49 мм), с острым нижним краем. Носовые косточки широкие и плоские, с малым углом выступания носа (18º). Небо средней длины (43 мм) и широкое (40,5 мм) с гладкой поверхностью. Нижняя челюсть грацильная, с очень низкими, сильно наклонными, ветвями и большой угловой шириной (99 мм), высоким телом (31,5 мм) и симфизом (33 мм), среднеразвитым подбородочным выступом (70º) [Алексеев, Дебец, 1964].

Характеристика одонтологического материала. Сохранность зубов хорошая, посмертно утеряно несколько зубов верхней челюсти (медиальные резцы, правые 1-й премоляр и латеральный резец). Стертость эмали не превышает 2 баллов. Гиподонтия отсутствует, но третьему моляру с левой стороны нижней челюсти не хватило места в альвеолярном ряду и его корень уходит горизонтально в тело ветви. Прикус псалидонтный. К особенностям морфологии зубов относятся: умеренная лопатообразность (балл 2), наличие мезиального бугорка на P^2, отсутствие редукции M^1 и M^2, третьи моляры на обеих челюстях редуцированные, затек эмали (балл 4) присутствует только на вторых молярах, форма оклюзальной поверхности P_2 дифференцированная (балл 4), пятибугорковые моляры нижней челюсти (левый M_1 – узор У, на остальных – узор Х), дистальный гребень тригонида присутствует на обоих M_1. Размеры зубов средние. Наблюдаемое сочетание одонтологических признаков, тяготеет к комплексу синодонтной (континентальной) группы восточного (монголоидного) одонтологического ствола. Не типично для данного комплекса умеренная лопатообразность и Х – узоры коронок M_1 [Зубов, Халдеева,1989; Scott, Turner,1997].

Характеристика патологического статуса. Из патологий зубной системы нужно отметить сильное поражение кариесом (поражены все четыре первых моляра и верхний правый третий моляр). Восприимчивость к заболеванию кариесом зависит от многих факторов: от состава диеты, анатомических особенностей зубов, микроэлементного состава эмали, иммунной реакции организма в целом. Поэтому высокая степень поражения кариесом может указывать на неблагоприятные условия жизни и на наличие хронического заболевания, ослабляющего организм [Бужилова,1998]. Некоторые следы, характеризующие патологический статус, обследуемого индивида, обнаружены на костях черепа в виде резко выраженной cribra orbitalia в обеих орбитах, а также следов эрозивных изменений на нижней суставной поверхности тела III грудного позвонка. Cribra orbitalia (вариант поротического гиперостоза расположенный во внутренней области орбит) в палеопатологии считается признаком хронической анемии, развившейся в детском возрасте. Анемия может возникать как в результате наслед-

ственных заболеваний, так и как следствие недостатка железа в организме, вызванного длительным стрессом, оказываемым на организм инфекционными заболеваниями, патогенной инвазией или нарушением диеты [Бужилова, 2005].

Заключение. Погребение совершено, несомненно, в этнографическое время. Об этом свидетельствует хорошая сохранность костей и удовлетворительное состояние бересты. Сильно истлела лишь древесина, что происходит обычно за 100–150 лет при залегании ее в таком грунте как супесь. Данные этнографии указывают, что в середине XIX в. и позже вдоль западного побережья Татарского пролива и к югу от него обитают орочи, их соседями являются удэгейцы, расселённые по обеим сторонам хребта Сихотэ-Алинь [Очерки…, 1960, с. 339].

Орочи при захоронении умершего обвертывали его берестой. В последней четверти XIX в. орочи перешли от наземного способа погребения к могильному – стали закапывать покойного в землю [Ларькин, 1964, с. 105–106]. Подобный обряд захоронения во многом характерен и для удэгейцев. На сопке Перевал женщина была погребена по обряду, распространенному у орочей и удэгейцев. Скорее всего, район Перевала не был местом ее постоянного проживания. На это указывает одиночное захоронение, а также отсутствие в нем каких-либо погребальных предметов. Можно предположить, что женщина умерла, находясь в пути, или по какой-то причине оказалась вдали от своего обиталища.

При антропологическом анализе не принято давать типологическую характеристику отдельному индивиду, но в данном случае можно сделать определенные предположения. Наблюдаемое сочетание краниологических признаков не типично для представителей байкальской расы, принадлежность к которой предполагается археологическим контекстом погребения (по обряду захоронения орочей или удэгейцев). К особенностям, выделяющим данный материал, относятся тяготеющие к европеоидным или европеоидно-монголоидным метисным группам пропорции лица и его горизонтальная профилировка. С другой стороны не широкое и умеренно уплощенное лицо характерно для представителей дальневосточной расы (китайцы, японцы, корейцы). Таким образом, комплекс краниологических признаков свидетельствует о метисном происхождении индивида. Отсутствие выраженной асимметрии на черепе свидетельствует о том, что, скорее всего, смешение происходило между неконтрастными антропологическими типами. Более вероятно, что мы наблюдаем пример метисации представителей антропологических типов байкальской и дальневосточной расы*.

---

*Для сравнения были использованы материалы Г.Ф. Дебеца [1951].

Список литературы

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1964. – 128 с.

Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. – М.: Старый Сад, 1998. – Гл. 4. – С. 87–146.

Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.

Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этнографии (Нов. сер.). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. – Т. 17. – 264 с.

Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. – М.: Наука,1989. – 232 с.

Ларькин В.Г. Орочи. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Медведев В.Е. Поселение Перевал на юге Приморья // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – С. 40–48.

Окладников А.П., Медведев В.Е. Неолит Южного Приморья (по материалам раскопок поселений) // Асеагомунхуа. – Сеул, 1995. – С. 601–619.

Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 366 с.

Scott G. R., Turner G. Ch. The anthropology of modern human teeth. – Cambridge: Cambridge university press, 1997. – 382 p.

ЭТНОГРАФИЯ

Ю.Ю. Афанасьева

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ ЧИКОЙСКОЙ И БИЧУРСКОЙ ГРУПП СТАРООБРЯДЦЕВ-СЕМЕЙСКИХ

В изучении костюма семейских большую роль сыграла популярность сс. Большого Куналея, Бичуры Республики Бурятия как своего рода оплота традиционной культуры семейских, и костюм семейских описывали, в основном, базируясь на данном материале. Вместе с тем, почти в каждом селе, а тем более районе были свои особенности внешнего облика, конструкции и декорирования костюма, передававшиеся из поколения в поколение. Традиционные виды и комплексы одежды складывалась на протяжении всей многовековой истории народа, и передавались из поколения в поколение, обеспечивая, таким образом, преемственность этнокультурной информации [Фурсова, 1997].

Семейские, как и прочие старожилы Сибири, шили одежду преимущественно из покупных тканей. Об этом писала одна из первых исследовательниц семейского костюма Г.С. Маслова: «Старые колхозники 90 и 100 лет…в Тарбагатае, Бичуре не помнят широкого распространения домашних тканей» [Маслова, 1975]. И далее: «У семейских боле, чем у других, нашли применение китайские ткани: даба, далемба, шелка - бурс, канфа, чесуча и др. И если в Приангарье шелковье вышло из моды и его распродавали и жертвовали в церковь, то здесь старинные шелковые ткани использовались для праздничной одежды и после Октябрьской революции. Бумажные ткани, шелковые платки – атласы и тонкие шерстяные кашемировые шали - изделия русских фабрик – также находили здесь широкий сбыт» [Маслова, 1975]. По замечанию М.Г. Тарусской, костюм семейских по цветовой гамме яркий и многоцветный, но, несмотря на яркость, цвета удавалось гармонично подбирать. «Излюбленные тона семейских – алый, лиловый, зеленый, черемуховый, синий и оранжевый. Это не случайное сочетание тонов, потому что во флоре Забайкалья преобладают цветы такой раскраски…» [Тарусская, 1975].

В ходе проведенной этнографической экспедиции (руководитель д-р ист. наук Е.Ф. Фурсова) летом 2010 г. был собран материал в ранее мало исследованных селениях семейских Красночикойского района Читинской области. Новые данные позволили поставить вопрос об ареально-локальных традициях женского костюма семейских, соответственно выйти на новый уровень обобщения их этнокультурных характеристик.

Основными частями красночикойского костюма, или, по семейскому, «обряда» замужней женщины были: рубаха, сарафан, пояс, запан, кичкообразный головной убор и платок. Традиционной для покроя рубах семейских женщин служила общеславянская поликовая конструкция. Такой крой в прошлом был характерен для всех групп старообрядцев Забайкалья. Однако в 1940-1950 годы у семейских начинают появляться рубахи на кокетке («пелеринке») и с рукавами – «брызжами», что можно рассматривать как заимствование элементов культуры сибиряков-нестарообрядцев, для которых данный покрой более характерен.

Рубаха состояла из верхней части «чехлика», рукавов, «поликов», нижней «станушки» и «ворота». Для изготовления «чехлика» и рукавов обычно использовалась однотонная ткань, станушку изготавливали из старой ткани, по цвету отличавшейся от чехлика. Рукава рубахи во всех исследованных селах были кошеными. По швам соединения «чехлика» с поликами и рукавами в большинстве случаев семейские женщины выполняли узорную орнаментальную полоску-«отстрочку».

Рукава у запястья также украшали орнаментальной строчкой, иногда нашивали полоски из ткани другого цвета, причем нашивались они нитками тонов, контрастирующих с полем ткани. В центре украшения запястья нередко помещалась строченая розетка с шестью лепестками.

Для мастериц Бичурского района также было характерно соединение рукавов с поликами (на праздничных рубахах и мест соединения поликов с чехликом) с помощью «расшивок» - игольного кружева, выполненного цветными нитками. Почти в каждом селе Бичурского района были мастерицы, которые изготавливали «расшивку» на заказ. Существовали две техники «расшивки»: «елочкой» и «змейкой». «Елочка» являлась более сложной по технике изготовления, и девушка, умевшая выполнять такую «расшивку», считалась хорошей мастерицей.

Локальные различия проявлялись и в оформлении ворота. Например, в Мухоршибирском и Тарбагатайском районах мастерицы предпочитали отложной воротник, а в Красночикойском районе наиболее распространен был воротник-стойка, в Бичурском районе в равной степени присутствовали оба этих варианта.

«Сарафан – был основным элементом женской одежды с момента приезда в Сибирь. У богатых невест могло быть по 7-10 кашемировых сарафанов. Как вспоминает информатор из с. Бичура Иванова Г.И.: «Моя свекровка шибко богатая была, кулацкая дочка. Ой, у нее много кашемировых было..» [ПМА 2009]. В Забайкалье сарафан носили поверх рубахи таким образом, чтобы спереди он приподнимался, а сзади несколько опускался. В среде современных информаторов, принято считать, что семейский сарафан должен быть немного длиннее колен, однако более старые сарафаны, хранящиеся в музеях Читинской области, длиннее и почти касаются земли. Укорачивание сарафанов в длину, на наш взгляд произошло в 1930-1940 гг., когда возникла необходимость

женщинам осваивать сельскохозяйственную технику и выполнять мужскую работу.

В конце XIX – начале XX в. в состав бичурского костюма входила нижняя юбка из цветастой ситцевой или бумазейной ткани, которая надевалась поверх рубахи и была видна, так как обычай затыкать за пояс переднюю полу сарафана был очень распространен [Г.С. Маслова]. Стоит заметить, что о таком способе ношения сарафана, действительно, часто упоминают в Бичурском районе, однако у семейских Красночикойского района это не только не находило места, но и вызывало удивление. «Приехали мы как-то в Бичуру выступать, а их бабы сарафан за пояс заткнут и ходют, ишо и на юбку ленты понашивали. Наши-то так не дели пошто-то».

По способу кроя среди сарафанов можно выделить два основных варианта – круглый и кошеный. Круглый сарафан характерен для семейских Бичурского, Мухоршибирского, Тарбагатайского районов, кошеный сарафан еще в середине XX в. бытовал в Красночикойском районе.

Круглый «сарахван на лямках» красночикойские женщины шили из 6-8 полотнищ покупной ткани с выкроенными лямками. Все полотниа ткани одинаковой длины, у «талички» собирались в мелкие плотные складки или боры. В некоторых селах делали разрез на переднем полотнище, который затем застегивался на крючки, запонки или пуговицы местной работы. По подолу с изнаночной стороны пришивали «подбойку» шириной 15-30 см. Количество, ширина, высота пришиваемых по подолу лент зависели от сложившихся традиций. Например, в Тарбагатайском и Мухоршибирском районе пришивали две-три широких ленты довольно высоко (40 см и выше) от края сарафана. В Бичурском районе пришивали одну-две атласных ленты шириной до 10 см на уровне 20-30 см от подола.

Кошеный сарафан в Красночикойском районе шили из трех полотнищ: двух спереди, одного сзади и кошеных по бокам. В соседних бичурских селениях такие сарафаны зафиксированы в качестве погребальной одежды [Маслова, 1975]. Красночикойские женщины далеко не всегда пришивали к сарафану ленты. По этому поводу в селе Кочен пожилые женщины сообщили: «Мы ленты на сарахван не пришивали, это в Урлуке, вот они пришивали».

Сарафан обязательно подпоясывался во всех семейских селениях. Концы пояса затыкали или же, сложив вдвое, скалывали впереди булавкой. Пояса семейских можно разделить на две категории, связанные с локальными группами: семейские Красночикойского района Читинской области и семейские республики Бурятия. В Бурятии пояса ткали из цветных ниток с узором «в перебор» на кроснах; узоры были в большинстве геометрические. В Красночикойском же районе преобладают неорнаментированные тканые пояса шириной 20-45 см и длиной 2-2,5м. По краям пояса прокладывались тонкие продольные цветные полоски контрастных цветов.

Поверх подпоясанного сарафана одевался «запан» – передник с грудкой (в с. Кочен грудку называли «передня»). Подол «запана» шили из двух

кусков ткани, на шее и талии он крепился с помощью тесемок. Этот вид одежды надевали и в будни, и в праздники.

Детский костюм не отличался от взрослого, причем, никакого упрощения не наблюдалось ни в покрое, ни в составляющих костюма. Об особенностях детской одежды писала еще А.М.Попова в 1925-1930 гг.: «…на мальчиках такая же рубашка и штаны как у взрослых, девочки одеты в сарафаны запаны и рукава – точная копия взрослых» [Попова, 1928]. Эти данные были подтверждены современными информаторами: «У девочек такой же сарафан был как у взрослых, такой же крой, также и запаны и рубахи, а на голове платочек» [ПМА 2010]. Наши информаторы в с. Бичура на вопрос, когда девочке впервые одевали костюм, отвечали: « Да как ходить начнет, так и одевали, а куды она без одежи – то» [ПМА 2010]. Однако в Красночикойском районе это не подтвердилось. В с. Кочен информатор 1918 г. р. свидетельствовала о следующем: «На маленьких-то ребятишек каво оденешь, рубашенку да и все, да пояском подпоясать…». Информатор не смогла дать точного ответа на вопрос во сколько же лет девочкам одевали сарафан: «Не помню я во сколько, но еще до школы, в школу-то она у меня уж точно в сарафане бегала».

Погребальная («смеретная») одежда по составным частям не отличалась от повседневной, но на «смеретное» не пришивали ленты, цвета выбирали не яркие, а наоборот, блеклые, спокойные. «Одежду, в которой в гроб кладуть, ее как: носит бабка какая сарафан, приглянулся он ей, она потом его в проточной воде выполоскает, убирает, когда помрет ей его и одевают…».

Таким образом, этнографические материалы по чикойской группе старообрядцев Забайкалья свидетельствуют об определенных отличиях от бичурской и куналейской групп в способе ношения, покрое, украшениях, терминологии женских костюмов, т.е. об их этнокультурных особенностях. Комплексное сравнительно-историческое исследование такой составной части традиционной культуры, как традиционно-бытовая одежда, поможет прояснить вопросы истоков формирования этнографической группы семейских, выявить этнокультурное разнообразие забайкальского старообрядчества, проследить трансформации под влиянием культурного пространства.

Список литературы

Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. II: Забайкалье. – 152 с.

Попова А.М. Семейские (Забайкальские старообрядцы). – Верхнеудинск, 1928.

Тарусская М.Г. Коллекция расписной утвари и одежды семейского населения // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1975. – Ч. II: Забайкалье.

Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 152 с.

Ш.К. Ахметова, И.В. Толпеко

МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ ОЗЕРА ЭБЕЙТЫ

В степной и лесостепной зонах водоемы всегда были и остаются до сих пор местами исключительного притяжения для людей. Соленые озера не были исключением из этого правила. С глубокой древности население осваивало их берега и ближайшие окрестности. Озеро Эбейты расположено на юго-западе Омской области и является самым большим соленым водоемом на ее территории. Административно этот гидрологический объект разделен пополам между двумя районами – Полтавским и Москаленским, а на северо-западе к нему вплотную подходит граница Исилькульского района. Озеро расположено на юге лесостепной зоны. Вода в нем горько-соленая и абсолютно не пригодная для питья. Тем не менее, обследование окрестностей оз. Эбейты показало, что казахское население уже давно и весьма активно осваивает эти удобные места. Самым ярким тому свидетельством являются многочисленные погребальные комплексы.

В ходе Международной казахской археолого-этнографической экспедиции 2010 г. в окрестностях озера Эбейты работа проводилась по разработанной программе комплексного исследования генезиса, эволюции, этнокультурной и хронологической атрибуции мемориальных комплексов казахов юга Западной Сибири. Осуществлялся сбор материалов по погребальному обряду, генеалогии, истории возникновения поселений и могильников.

Значительный массив собранных полевых материалов позволил по иному взглянуть на характер заселения казахами юго-западных районов Омской области. На исследуемой территории живут кереи, подразделения, атыгай, айдабол и караул аргынов, среди которых были зафиксированы алшыны из Младшего Жуза. В разное время пришли они на земли вокруг озера Эбейты. Их привлекали богатые пастбища, довольно обширные лесные массивы. Но главным богатством обширного соленого водоема были многочисленные балки, по которым осуществлялся сток пресной воды в эту огромную котловину. Планиграфический анализ расположения ныне существующих и давно исчезнувших аулов показал, что период первоначального заселения казахами окрестностей озера Эбейты был связан с освоением именно таких мест. Вероятно летовки, а затем и стационарные аулы появились возле каждого такого стока. Для удержания воды сооружались дамбы, некоторым из которых по сообщениям информаторов более сотни лет.

В непосредственной близости от мест проживания возникали кладбища. Поиск и изучение могильников осуществлялись в ходе исследования местности, изучения старых и современных картографических материалов. Очень эффективной оказалась работа с информаторами. О местонахождении, причинах возникновения и последующего забвения некоторых из кладбищ помнят только немногие старожилы этих мест.

Обнаруженные мемориальные комплексы и находящиеся рядом аулы (или места их прежнего расположения для уже не существующих) фиксировались с точной привязкой к местности (с использованием координат). В результате были выявлены и обследованы кладбища аулов Кызылагаш, Тумба, исчезнувших аулов Сага, Караагаш, Шотпай, Кыпшак, Бокен, Керибай, Байгожа, Дюсетай, Макен Москаленского района, исчезнувшего аула Майна Полтавского района Омской области. Некоторые из них расположены непосредственно по берегам озера Эбейты (Сага, Кызылагаш, Караагаш, Майна, два кладбища аула Тумба), другие – в некотором отдалении от него. При этом определенно можно сказать, что самые старые из них находятся у исследуемого водоема.

В размещении кладбищ и аулов на озере была прослежена определенная закономерность. Как правило, погребальные комплексы располагаются выше аулов, вверх по террасе озера (но это не обязательно самое высокое место в округе). С точки зрения санитарно-гигиенических норм такое размещение не совсем понятно. Однако в данном случае при выборе места была задействована совершенно иная мотивация, основанная на особых функциях кладбища и связанных с ним представлениях, свойственных именно казахскому населению. Выявлено, что многие из мемориальных комплексов у озера функционируют на протяжении очень длительного периода времени и остались действующими даже тогда, когда исчезли располагавшиеся рядом аулы. Значительная часть их территории занята полностью археологизированными погребальными сооружениями различных типов и размеров. Такого разнообразия нет ни на одном из кладбищ, расположенных в удалении от озера.

На юго-западном берегу оз. Эбейты, неподалеку от с. Красногорка, был обследован старый, не функционирующий могильник аула Майна. Кладбище не большое по размерам, до недавнего времени было полностью заброшено. На данный момент оконтурено свежим рвом и имеет ворота. Захоронения полностью археологизированы, нет никаких следов оград или надмогильных камней. На поверхности погребения выделяются только по небольшим насыпям, которые в некоторых случаях окруженным ровиками.

На южном берегу озера, в урочище Амринская балка, было обследовано кладбище Сага. Название кладбище получило от располагавшегося рядом аула Сага (ныне не существующего). Могильник функционировал на протяжении длительного времени и содержит большое количество захоронений. Большинство из них полностью археологизированы. Это насыпи различной формы и размеров (овальные, округлые, подпрямоугольные

столообразные, часто с западинами) и остатки полностью разрушенных оградок, вероятно из сырцовых или дерновых кирпичей. Среди современных захоронений выделяется мавзолей. Остальные в большинстве своем представлены традиционными торткулаками. Хорошо выделяются старая и современная части кладбища. Зафиксировано, что кладбище расположено рядом с курганным могильником более раннего времени. Один из курганов находится непосредственно перед воротами кладбища.

К юго-востоку от озера Эбейты, между с. Гвоздевка и с. Новоцарицино, обследовано кладбище аула Кара-Агаш (действующее до сих пор, хотя самого аула давно не существует). Выявлено, что могильник занимает значительную площадь, насыщенную захоронениями. Хорошо выделяются старая (полностью археологизированная) и современные части. На старой, как и на могильнике Сага, представлены насыпи различных форм и размеров и остатки разрушенных оградок. Выделяются несколько больших куполообразных насыпей диаметром до 15 м.

К северо-востоку от озера расположено старое кладбище аула Кызыл-Агаш. Оно также состоит из двух частей – полностью археологизированной (с разнообразными насыпями и оплывшими оградками) и современной. Интересно, что несколько больших насыпей сопровождают стелы, поставленные относительно недавно.

Два казахских кладбища были обследованы к северу от озера Эбейты - у аула Тумба. В этом случае один из могильников расположен выше аула, а другой – ниже по террасе. Оба кладбища состоят из старой (полностью археологизированной) и современной частей. Могильник, расположенный ближе к озеру, больше и разнообразнее по типологии археологизированных насыпей.

Надмогильные сооружения и погребальный обряд казахов озера Эбейты и его окрестностей имеют свои характерные особенности. В отличие от Нововаршавского и Русско-Полянского районов Омской области, здесь распространенным строительным материалом для надмогильных сооружений было дерево. В старину их сооружали в виде юрты, поэтому распространено название *уй*, наряду с названиями *мазар* и *ескерткиш.* Из деревянного штакетника делали оградки, из бревен - срубы. Саманные мазары встречаются реже, для прочности их прокладывали конским волосом. В отличие от юга Омской области, на кладбищах озера Эбейты не удалось обнаружить ни одного сохранившегося мазара из сырцовых или дерновых кирпичей. Зафиксированы лишь остатки полностью разрушенных оградок. Интересно, что в аулах Тумба и Кызыл-Агаш Москаленского района и с. Красногорка Полтавского района глинобитные сооружения вокруг могил называют *корган*. В настоящее время сооружения выполняют из кирпича и металла.

Характерной чертой погребальной обрядности казахов Москаленского района является строительство при кладбище небольшого домика, предназначенного для проведения обрядовых действий с умершим непосред-

ственно перед погребением (Сага, Кара-Агаш, Кызыл-Агаш, Тумба и др.). Во внутреннем убранстве непременно присутствует большой длинный стол – *табыт*, на который укладывают умершего. Вокруг него старики с муллой некоторое время до погребения читают молитвы.

Следует также отметить консервацию некоторых языческих элементов культуры в погребальном обряде. Только с 2008 г. перестали проводить обряд купли-продажи грехов умершего - *дауыр*. На детских могилах родственники оставляют игрушки, есть их изображения и на надмогильных камнях.

На сегодняшний день кладбища озера Эбейты, особенности погребального обряда населения этих мест являются интереснейшим источником не только по погребальной обрядности казахов юга Западной Сибири, но и для изучения других вопросов, связанных, в частности, с расселением казахов, со спецификой освоения населением новых территорий лесостепных и степных зон, удаленных от речных артерий. Проводимым исследованиям способствует сохранение мемориальных комплексов, которое во многом обусловлено традиционным укладом жизни и особым отношением к кладбищам у казахского населения.

А.А. Бадмаев

ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Период первой половины XIX в. в истории жилищно-поселенческого комплекса бурят в силу скудности и ограниченности источников остается практически неизученным. Небольшие литературные заметки, оставленные авторами того времени, не дают полноты картины, поэтому основой изысканий по этому предмету могут послужить лишь делопроизводственные документы степных дум. Согласно Уставу об управлении инородцев 1822 г., бурятское население делилось на два разряда – кочевых и оседлых бурят. Если название "оседлые буряты" было вполне адекватно действительному положению дел и не вызывало вопросов, то выделение второй категории – кочевые буряты - со временем все чаще становилось объектом нападок сторонников отмены системы управления инородцами, выработанной М.М. Сперанским. Под понятие кочевых подпадала доминирующая часть предбайкальских бурят, ведшая полукочевой или даже полуоседлый образ жизни, дважды в году совершавшая перекочевки из зимников на летники и обратно. Главной отраслью комплексного хозяйства таких бурят являлось скотоводство, но в первой половине XIX в. у них получили развитие земледельческие занятия, а также домашние и отхожие промыслы. В условиях трансформации хозяйства предбайкальских бурят не мог не меняться и их жилищно-поселенческий комплекс. Для изучения вопроса ограничимся данными по большинству этнотерриториальных групп предбайкальских бурят.

Традиция оседлости, судя по документам, зародилась у балаганских бурят еще в 1670-е гг. (Национальный архив Республики Бурятии (далее – НАРБ). Ф. 3. оп. 1. Д. 276. Л. 129 об.). В первой половине XIX в. тенденция увеличения оседлого населения в структуре бурят Балаганского ведомства стала более заметной. Если в 1829 г. доля оседлого населения среди них была приблизительно 1,8 %, то к 1840 г. она достигала 15,9 % от общей численности этих бурят; а в 1851 г. - поднялась до 19,2 %. В 1840 г. оседлые буряты, численностью в 3075 чел., проживали в 27 селениях, где располагались 562 дома (в среднем на одно селение приходился 21 дом); средняя численность жителей такого селения составляла более 100 чел. Среди наиболее крупных поселений оседлых бурят можно назвать - Тыретское селение (382 чел.) и Тагнинское (174 чел.). Во многих из этих деревень имелись кузницы и экономические магазины, рядом с некоторыми из них были построены плотинные водяные мельницы.

Между тем в Балаганском ведомстве т.н. кочевые буряты имели в 1840 г. 93 зимних поселения – улуса, в которых было 2757 деревянных юрт (НАРБ. Ф. 3. оп. 1. Д. 276. Л. 57 об.). В одном таком улусе в среднем проживало 175 чел. в 30 деревянных юртах, а это значит, что улусы представляли более крупное поселение, чем деревни оседлых бурят.

При рассмотрении бурятских поселений надо учитывать, что в зимних улусах усадьба являлась комплексом жилых и хозяйственных построек, включавшим, помимо деревянной юрты, иногда и курную избу (называемую бурятами "зимовье"), а также амбар и скотный двор, по периметру усадьба обносилась изгородью. Как для оседлых бурят, так и части кочевых, было наличие во дворе овина для сушки снопов. Для примера, в 1829 г. в ведомстве насчитывалось 1019 овинов, а в 1848 г. - 1642.

Кроме зимних поселений были летники, где буряты жили только в бревенчатых юртах. К сожалению, данные 1840 г. не дают цельной картины. По сведениям 1848 г., в Балаганском ведомстве имелось 2850 юрт на летниках и 3020 юрт – на зимниках (НАРБ. Ф. 3. оп. 1. Д. 508. Л. 47). Указанное в документе число изб – 2329 объединяло как число домов кочевых, так и оседлых бурят, но зная средний состав семьи оседлого бурята – 5 чел. и численность оседлых бурят – 4166 чел., мы можем осторожно предположить о примерно 830 домах, принадлежавших этой категории балаганских бурят. Следовательно, почти 1500 изб находилось на зимних улусах кочевых бурят, тогда как примерное соотношение деревянных юрт и изб на них было 2 к 1, т.е. только каждая вторая семья строила избу на зимнике. По данным же на 1829 г., в ведомстве Балаганской степной думы находилось 3853 зимних и летних юрт, 1238 изб. Учитывая минимальную долю оседлого населения в общей структуре балаганских бурят на то время, о чем говорилось выше, и примерно равное число юрт на зимниках и летниках у кочевых бурят, можно утверждать о существовании у них на зимних поселениях следующего соотношения деревянных юрт и курных изб: 1,5 к 1. Иными словами, в рассматриваемое время у этой этнотерриториальной группы бурят прослеживалось явно выраженное предпочтение бревенчатых юрт перед курными избами. Сравнение статистической информации по сезонным поселениям показывает, что на летниках балаганские буряты жили довольно скученно – в среднем до 7 чел. в одной юрте, зато зимний улус давал им больше жилищного простора.

В 1831 г. в ведомстве Кудинской степной думы значилось 153 оседлых бурята, что составляло чуть более 1 % от всего бурятского населения, в 1843 г. их число уменьшилось до 123 чел. (1 % от кудинских бурят). Доля оседлых в составе этой этнотерриториальной группы возрастала и в 1850 г. она включала 252 чел. (2,1 % кудинских бурят). Оседлые буряты населяли две деревни – Усть-ордынское и Курское. Если в 1843 г. на эти деревни приходилось 25 домов и в одной такой деревне в среднем было 60 чел. и 12 домов, то в 1852 г. деревни разрослись – теперь в среднем в них проживало до 100 чел. и имелось не менее 20 домов.

В 1830-е гг. летние поселения кочевых бурят обычно имели 43 бревенчатые юрты, а зимние улусы – 43 юрты и 26 изб, всего же насчитывалось 88 сезонных поселения. В последующее время на землях кудинских бурят возникали новые улусы – в 1843 г. их стало 112, в 1852 г. – уже 130. Материалы по Кудинской степной думе за 1842 г. показывают, что соотношение летних и зимних поселений в родах, как правило, было или паритетным (в 5-ти родах – 1-м Абаганатском, 2-м Харанутском, 1-м Ашибагатском, 2-м Ашибагатском, Курумчинском) или летники превалировали над зимниками (в 7-и родах) (НАРБ, Ф. 1, Д. 409, Л. 5 Об.). Только в двух случаях (в 4-м Харанутском и Шаралдаевском) число летников было меньше, чем зимников.

Возникновение новых поселений привело к уменьшению средней численности проживавшего в них населения – если в начале 1830-х гг. при неизменном количестве поселений средняя статистическая численность жителей в них выросла с 290 до более 300 чел., то в 1840-е гг. увеличение количества поселений вызвало спад средней численности жителей в них (в 1843 г. эта цифра равнялась примерно 225 чел., в 1852 г. – только 195 чел.), что, конечно, объяснялось малонаселенностью вновь образованных улусов. С другой стороны, происходили подвижки в структуре типов жилищ в бурятских поселениях. В 1843 г. на летнике кудинских бурят было в среднем 41 деревянная юрта, на зимнике – 41 юрта и 38 изб, в 1852 г. соответственно на летнике – 47 юрт, на зимнике – 47 юрт и 34 избы. Очевидно, что в изучаемый период доля юрт на зимних улусах постепенно возрастала, и здесь мы видим проявление того же предпочтения традиционного жилища, что и у балаганских бурят.

Как пишется в одном из отчетов Кудинской степной думы, на зимниках буряты обычно возводили: “… юрты, изгородь для зимней теплоты, хорошего строения “зимовья”” (НАРБ, Ф. 1, Д. 387, Л. 3). При зимних поселениях и деревнях строились кузницы, при некоторых из них имелись экономические магазины, в середине 1830-х гг. в ведомстве появилась первая водяная мельница, а к 1850-м гг. их было уже 8 (НАРБ. Ф. 1. оп. 1. Д. 338. Л. 73 об.).

Наиболее ранние документальные свидетельства по Верхоленскому ведомству датируются началом 1820-х гг.; из них следует, что в это время происходил прирост всех видов жилищ у кочевых бурят:

годы / вид жилища	1823 г.	1824 г.	1826 г.
летние юрты	1977	2031	2326
зимние юрты	1950	2017	2569
избы	1237	1243	1262

Баланс между деревянными юртами и курными избами в этот период изменился в пользу юрт, иными словами, буряты делали выбор за жизнь в многоугольных юртах: если до середины 1820-х гг. это соотношение составляло 1,6 к 1, то во второй половине 1820-х гг. - 2 к 1. Наглядным примером распространения единого типа сезонных поселений у предбайкальских бурят является выдержка из описи недвижимого имущества шуленги 1 Буровскаго рода Халмактана Балтахунова за 1831 г., в которой перечислены: "юрта с зимовьем деревянные, в них полов не имеется, не новая, стоимостью 15 руб., юрта летняя деревянная, в ней полу не имеется – 6 руб." (НАРБ. Ф. 4. оп. 1. Д. 87. Л. 144.).

Как выше упоминалось, кочевые буряты имели более комфортные бытовые условия на зимниках, чем на летниках, это было правомерно и в отношении верхоленских бурят. Любопытно, что количество жильцов, проживавших в одном доме, у оседлых бурят было заметно больше, чем у кочевых бурят; в 1823 г. 635 оседлых бурят данного ведомства жили в 68 избах (НАРБ. Ф. 4. оп. 1. Д. 22. Л. 3), т.е. каждый дом населяли примерно 9 жильцов, в то время как на зимниках кочевые буряты проживали в среднем по 5 чел. Такое скученное проживание оседлых бурят свидетельствует об их принадлежности к малоимущему слою общества, вероятно также, что в одном доме обитали представители одной большой семьи, включавшей все три поколения близких родственников.

В 1823 г. оседлые буряты представляли 3,9 % всех бурят Верхоленского ведомства, правда, к 1835 г. их доля уменьшилась в структуре народонаселения до 2,3 % (НАРБ. Ф. 4. оп. 1. Д. 184. Л. 19 об.). По-видимому, они не выделились из основной массы верхоленских бурят и не смогли образовать самостоятельных поселений, поэтому жили вместе с остальными в зимних улусах и, в отличие от соулусников, не совершали перекочевок на летники.

В 1834 г. в ведомстве Верхоленской степной думы было 32 зимних улуса. Эти поселения в среднем имели 110 - 115 жителей и располагались друг от друга на расстоянии порядка 1 - 5 верст (1,066 - 5,3 км), лишь самые отдаленные Шонтойский улус и 3-й Хурайский улус находились в 14 и 40 верстах (15 и 43 км) соответственно от соседних селений. В улусах, где находились родовые управы и степная дума, были построены экономические магазины, пожарные сараи, ледники, в четырех из них были тюремные избы для временного содержания преступников (НАРБ. Ф. 4. оп. 1. Д. 22. Л. 5). С развитием земледелия появились у верхоленских бурят водяные мельницы; в 1823 г. у них работало 6 таких мельниц (3 были возведены на ключе Хромовском, 2 – на речках, и 1 – на р. Лене).

Первые сведения об оседлых бурятах в Ольхонском ведомстве приходятся на 1831 г., называется цифра – 32 чел. В последующем их численность падает, в 1844 г. насчитывалось всего 23 оседлых бурят (0,4 % ольхонских бурят), которые компактно проживали в одном, Кунтинском селении, состоявшем из трех изб и формально входившем в Манзур-

скую волость. За последующие десять лет деревня немного разрослась - в 1853 г. в ней было 7 домов. В усадьбе, включавшей, кроме жилого дома, амбар и скотный двор, у оседлых ольхонцев были еще и черные бани, это можно вынести, в частности, из документа за 1831 г., в котором пишется о сгоревшей бане ясачно-крещенного Григория Ощепкова (НАРБ, Ф. 12, Оп. 1, Д.20, Л.8).

Аналогично другим предбайкальским бурятам у ольхонцев сложилась система летних и зимних поселений. Судя по архивным данным, до 1830-х гг. у них домовых строений не было: в отчете Ольхонской думы за 1831 г. упоминаются только бревенчатые юрты. Но в документе за 1835 г. утверждается о том, что у некоторых бурят, наряду с юртами, в усадьбах были построены зимовья (НАРБ, Ф. 12, Оп. 1, Д.28, Л.4). В 1831 г. на о. Ольхон имелось 26 зимних улуса, которые в отличие от иных ведомств предбайкальских бурят, были довольно густонаселенными - в среднем в них проживало более 400 чел. в 49 юртах. Возможно, это вызывалось ограниченными пространствами о. Ольхон, где к тому же ощущалась нехватка строительного материала. Расстояние между улусами колебалось от 2 до 40 верст, но в основном они располагались в 2-5 верстах друг от друга. В ряде улусов были кузницы и мукомольные мельницы, установленные, как правило, на местах выхода ключевой воды (лишь одна из восьми мельниц была возведена на речке). В отличие от выше рассмотренных бурятских ведомств Иркутской губернии в Ольхонской степной думе не было ни одного экономического магазина.

Зимние улусы объединяли усадьбы, в большинстве своем состоявшие из бревенчатой шестиугольной юрты с пристроенными сенями, с рядом находившимся небольшим амбаром и загоном для скота.

Динамика развития жилищно-поселенческого комплекса ольхонских бурят была следующая: в 1831 г. в Ольхонском ведомстве было зафиксировано 1286 бревенчатых юрт в 26 улусах, в 1844 г. – 1350 юрт в 30 улусах, наконец, в 1853 г. впервые приводится цифра срубных домов - 83, и 1659 юрт в 29 улусах.

Подытоживая можно констатировать, что в первой половине **XIX в.**, хотя и неравномерно, но увеличилось число поселений у разных групп предбайкальских бурят. Выявляется повсеместно у всех кочевых предбайкальских бурят предпочтение многоугольной бревенчатой юрты перед курной избой. Из рассмотренных этнотерриториальных групп имели более комфортабельные жилищные условия балаганские и кудинские буряты, верхоленские и ольхонские буряты жили в более стесненных условиях. Занятие земледелием и расширение потребления зерновых и мучных продуктов в пище бурят повлияло, в частности, на появлении в поселениях экономических магазинов, водяных мельниц и овинов. Селения оседлых и кочевых бурят заметно отличались как по размерам, планировке, так и по типу жилищ и усадеб.

Е.А. Бельгибаев, Д.В. Папин, А.В. Коротков, Н.Д. Брусник

О ФОРМИРОВАНИИ ДУНГАНСКОГО ЭТНИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА НА АЛТАЕ

Тема миграционных процессов на постсоветском пространстве остается одной из актуальных в этнологической науке. Не углубляясь в тонкости проблематики, связанной со всем спектром движения иноэтнического населения в пределах России и сопредельных территорий отметим, что она не потеряла своей значимости и на Алтае. Одним из новых явлений этого плана стало переселение в последнее десятилетие на территорию края отдельных групп этнических дунган (самоназв. – хуэй). Основная их масса проживает на территории Казахстана (30,2 тыс. чел.) и Кыргызстана (36,9 тыс. чел.), предки которых появились там еще в конце 70-х – начала 80-х гг. XIX в., спасаясь от преследований маньжуро-китайских властей после подавления освободительного движения 1862–1877 гг. [Решетов, 2000].

На территории Алтайского края проживание дунган отмечено всероссийской переписью населения 2002 г. [Национальный состав населения Алтайского края, 2002]. По результатам переписи в регионе проживало 39 чел. дунганской национальности. Миграция дунган не прошло также мимо внимания алтайских журналистов. Так, в краевой газете «Алтайская правда» от 17.06.2010 г. была опубликована заметка Л. Ермолиной «Дунгане прижились в Алтайском селе», где автор отмечает факт пребывания в с. Покровка Баевского района дунганских семей из Кыргызстана и затрагивает некоторые аспекты их социокультурной адаптации на новом месте [Ермолина, 2010]. Именно данная дунганская община стала основным объектом этнографического и этносоциологического обследования, которое проводилось в рамках Кулундинской археолого-этнографической экспедиции в июле 2010 г. (руководитель – Д.В. Папин)

На момент опроса в с. Покровка проживало примерно 14 дунганских семей. Традиционно все они являются многодетными. Фактически были выключены из анкетирования девушки и женщины, поскольку согласно мусульманским нормам им запрещено беседовать с чужими мужчинами. Опрос дунганского населения показал, что все респонденты проживают в селе с 2005–2006 гг. и основная их масса являются гражданами России.

В ходе этнографических работ активно использовалась фото- и видеосъемка. Группой студентов-этнографов была предпринята также поездка в Благовещенский район, где они принимали участие в традиционных

дунганских поминках. Материал был также зафиксирован на видеокамеру. Немаловажные сведения по этнографии дунган имеются в личном архиве директора средней школы с. Покровка Н.Д. Брусника, где помимо всего прочего имеются данные по социокультурной адаптации учащихся из числа дунганской национальности. В ходе сбора этнографического и этносоциологического исследования нами широко также использовались методы наблюдения, беседы, опроса и анкетирования.

В результате работы с информаторами выяснилось, что, по крайней мере, основная их масса является выходцами из Северного Кыргызстана. Как известно, после развала Советского Союза в этой республике сложилась крайне не простая социально-экономическая и политическая ситуация. В этой связи дунгане вынуждены переезжать с семьями в поисках лучшей доли в другие страны. Многие из них хотели бы переселится в Казахстан, однако здесь гораздо сложнее получить гражданство, чем в России. Миграционные настроения дунган стимулируют недавние события на юге Кыргызстана. В настоящее время у многих покровских дунган имеется российское гражданство. Укоренению дунган на алтайской земле способствует наличие частной собственности в виде домов и приусадебных участков.

Традиционно покровские дунгане занимаются поливным овощеводством, которое ориентировано на рынок, поскольку оно является основой существования их семей. В настоящее время выращиваются арбузы, дыни, тыквы, кабачки, капуста, огурцы, томаты, картофель. Реализуя на рынке, полученные продукты, дунгане постепенно увеличивают размеры арендованной или купленной ими земли. Не последнее место в получении хорошего урожая играет редкое трудолюбие и физическая выносливость дунган. Работа на полях занимает весь световой день. При этом, работают все представители семьи, включая детей, которые включаются в трудовую деятельность с пяти лет. Вместе с тем, в последние годы многие дунганские семьи заводят мелкий и крупный рогатый скот, подстраховывая себя в случае плохого урожая на полях. Уже сейчас можно видеть как постепенно в пределах усадеб возводятся хозяйственные постройки для домашнего скота и птицы.

Этнические дунгане в пределах с. Покровка имеют некоторые черты общины (наличие лидера, самоорганизация, взаимопомощь). Лидер выполняет организационные функции и в определённой мере даже надзорные. В наделении функции главы общины для дунган важен не сколько возраст, а социальная активность, способность идти на контакт с другими людьми и успешно вести торговую и организационную деятельность.

Огромную консолидирующую роль в дунганской общине играет ислам. Религиозный фактор оказывает принципиальное влияние на все стороны их жизни. Дунгане соблюдают фактически все религиозные предписания: исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммада, молитвы, пост и т.д. Практически все дунгане не пьют алкогольные напит-

ки, не курят. Большим грехом они считают воровство. Все это резко повышает адаптивные возможности дунган в иноэтнической среде, поскольку в глазах русского населения формируется положительный образ переселенцев. Социокультурной адаптации дунган в немалой степени способствует свободное владение русским языком. Особенно это относится к младшему поколению, которое обучается в местной общеобразовательной школе. Примечательно, что многие из дунган не знают киргизского языка, а языковой фактор в странах Центральной Азии является одним из наиболее острых. Немало дунган среди друзей имеют русских, принимают участие в общероссийских праздниках и даже христианских – масленице, Ивана Купала и др. Дети активно включаются в школьную программу, демонстрируя уникальную культуру дунган, а также принимают участие в постановках русских сказок и басен. При этом они свободно себя чувствуют как в дунганских, так и русских традиционных костюмах.

Вместе с тем дунгане стремятся сохранить свою культуру и язык. В их одежде встречаются элементы традиционного костюма, особенно у женщин. Национальным колоритом отличается пища. Дунганами также строго соблюдаются традиционные обряды жизненного цикла. Надо особенно отметить, что дунганская община глубоко традиционна. В семье велик авторитет отца, вплоть до того, что он сам выбирает невесту для сына, причем только дунганку. Все дунгане свободно владеют родным языком. Русский язык они используют только вне дома, вне семьи. В присутствии иноэтнического населения дунгане разговаривают исключительно на русском языке.

В целом можно с уверенностью говорить о формировании на Алтае дунганского этнического элемента. При этом очевидна тенденция к росту их численности. Этому способствуют направленные в край миграции дунган, при этом они переселяются целыми семьями. Неблагополучная социально-экономическая и политическая ситуация с мест их исхода, видимо, будет стимулировать эти процессы. Росту численности рассматриваемой этнической групп будет способствовать ранние браки и четкая ориентация на многодетность. Кроме того, многие из опрошенных дунган связывают свою дальнейшую судьбу с Россией.

Список литературы

Ермолина Л. «Дунгане прижились в Алтайском селе». – URL: http://www.ap22.ru

Национальный состав населения Алтайского края. – URL: http://worldgeo.ru

Решетов А.М. Дунгане // Народы и религии мира: Энциклопедия. – М.: Большая Рос. энцикл., 2000. – С. 165.

Ф.Ф. Болонев

РУЧНЫЕ ЖЕРНОВА И СТУПЫ В ХОЗЯЙСТВЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАБАЙКАЛЬЯ

Ручные мельницы (жернова) и ступы и связанные с ними технологии рушения и помола зерна появились так же рано, как собирание и потребление злаков. Археология располагает фактами существования в палеолите каменных ступок и цилиндрических пестов. Эволюцию древних зернотерок, ступ, мельниц проследил С.А. Семенов [Семенов, 1974, с. 275-283]. Некоторые вопросы получения круп при помощи зернотерок и ступ в лесной полосе Восточной Европы затронул Ю.А. Краснов [Краснов, 1971, с. 82-85].

В сибиреведческой литературе, посвященной русскому хлебопашеству, эта тема не нашла должного освещения. Небольшое сообщение о ручных мельницах и ступах находим только у томского этнографа П.Е. Бардиной [Бардина, 1995, с. 95-96].

Даже в специальной литературе, посвященной земледелию и ручным мельницам, о них сказано весьма скупо. Так, в Историко-этнографическом атласе читаем: «В крестьянских хозяйствах ручные жернова как пережиток продержались вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции» [Русские..., 1967].

Но по наблюдениям автора в Забайкалье ручные жернова, деревянные ступки, зернотерки использовались в семьях колхозников даже в начале 1950-х гг. Еще в 1970-е гг. ряд образцов ручных мельниц были собраны и переданы в Музей ИАЭТ СО РАН.

В литературе известны описания традиционных технологий обработки зерна. Так, А.А. Лебедева пишет: «В некоторых семьях имелись ручные жернова, которые стояли за печкой, около двери, иногда – даже в подполье. На ручных жерновах размалывали для выпечки хлеба пуд-полпуда просушенного в печке зерна. Для «обрушивания» зерна пользовались и деревянными ступами» [Лебедева, 1969, с. 137].

В работе о трудовых традициях крестьян М.М. Громыко заметила: «В XVIII в. отмечены в Западной Сибири крупяные мельницы. Крестьяне умели вырабатывать из зерна крупу и толокно» [Громыко, 1975, с. 66].

Однако, подобные сообщения не дают наглядного описания орудий для получения круп и муки. Принцип работы ручных жерновов основан на растирании, а ступы – на толчении пестом или толкачом (в Забайкалье принято второе название).

«С самого начала расселения русские в Сибири стремились восстановить здесь традиционную хлебно-мучную основу питания» [Этнография…, 1981, с. 184]. Только через десятки лет колонизации этого огромного края строятся первые водяные мельницы. Так, в обширном Енисейском уезде в 1628 г. было всего четыре мельницы. Население испытывало затруднение при помоле зерна – отчего «многие служилые люди и пашенные крестьяне рожь варят кутьею и едят» [Там же…, 1981, с.186].

Но такое состояние не могло удовлетворять служилых и крестьян. По мере развития русского хлебопашества в Сибири основным продуктом становился ржаной хлеб и крупы из овса, гречки, проса, ячменя. Одним из главных видов пищи являлись каши – одно из древнейших блюд русского народа. В ранние времена она являлась заменой хлебной пищи.

Первоначально каши готовили из целых зерен. Такой едой была кутья. У семейских до сих пор сохраняется в обрядах. Ее готовят из разваренных зерен пшеницы с сытою и с медом. Кутья прежде была главной принадлежностью постного обеда, затем стала обрядовым поминальным блюдом. «Примитивные формы приготовления еды консервируются обрядом, становятся ритуальными» [Чичеров, 1957, с. 82]. Зерна пшеницы в кутье и крупы в кашах служили символом нескончаемого кругооборота жизни.

Для выделки крупы в Сибири использовали ступы и ручные жернова. Старый крестьянский опыт, приобретенный еще в Европейской части России, и смекалка, пришли на помощь и в Сибири, и в Забайкалье. Изготовить ступу из обрубка дерева, а также и пест, труда не составляло. Со временем эти предметы стали принадлежностью каждой крестьянской семьи. Без описания этих важных для крестьянского хозяйства предметов труда восстановление картины быта и народных верований русских крестьян Забайкалья будет неполным.

Ручные жернова могли быть каменными или деревянными. В Забайкалье XIX – XX вв. они были деревянными (рис. 1). Изготовление их было простым: из толстого дерева твердой породы (березы, лиственницы) отпиливали два отрезка 30-35 см. высотой и 40 см. в диаметре. В рабочую поверхность вбивали куски чугуна, которые от центра расходились лучами. В нижний неподвижный жернов в центре вбивали металлический стержень. На этот осевой стержень надевали верхний жернов с проделанным посередине отверстием для засыпки зерна. К нижней его части прибивали металлическую пластину с дырой посередине. Верхний круг изготавливали с ручкой на одной стороне. За эту ручку вращали жернов и получали муку или крупу.

Ручные жернова в крестьянских семьях появлялись чаще всего в годы бедствий, когда сбор урожая хлеба был скудным и его катастрофически не хватало. Ведь несколько килограммов зерна не понесешь на мельницу, а ручные жернова всегда были в доме, под рукой.

Известные в Забайкалье типы ступ изготовлялись чаще из сосны, толкачи или песты - из лиственницы или березы (рис. 2). Углубление в ступе

Рис. 1. Ручная мельница.

Рис. 2. Ступка и толкач.

было около 40 – 50 см. Размер ступки из села Большой Куналей равнялся 82х30 см. Длина толкача была около одного метра и меньше. Посредине песта делалось утоньшение – перехват для удобного удержания. Ударом толкача подсушенное или поджаренное зерно избавляли от оболочки или от плевел (рис. 3.).

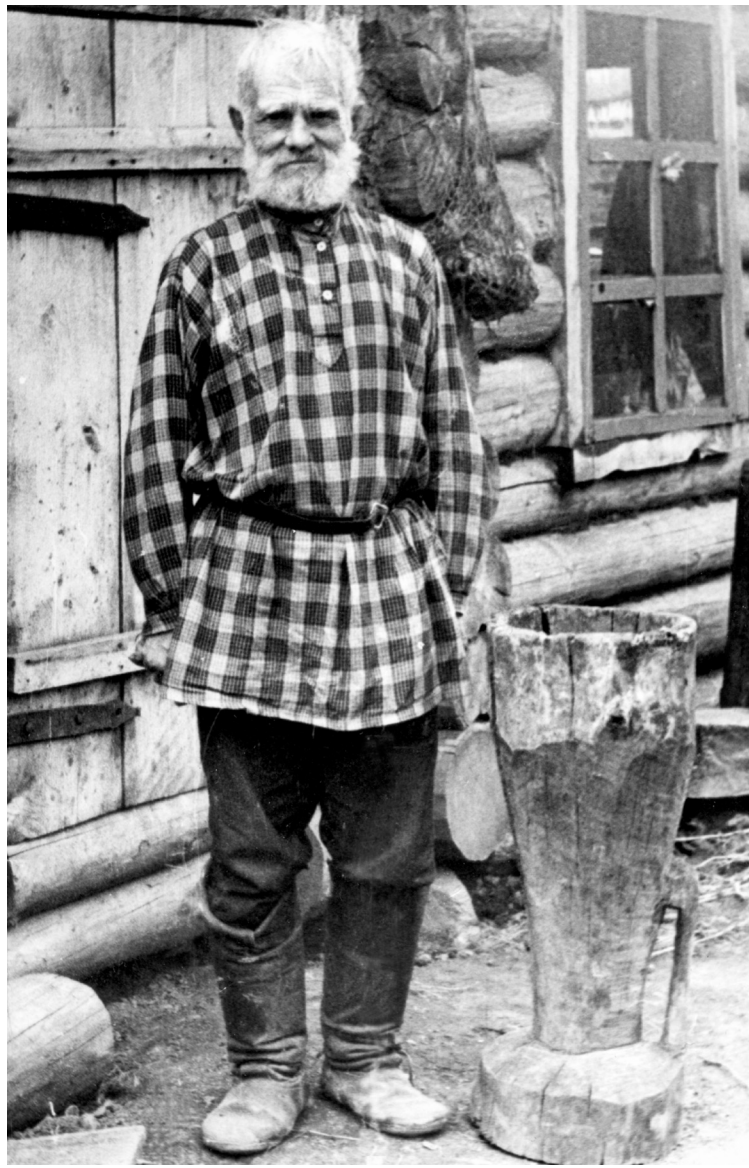


Рис. 3. Хозяин рядом со ступкой. Село Архангельское, Забайкальский кр.

Деревянные ступы имели вид колоды на мощном круглом основании, верх которой по форме напоминал фужер или рюмку. Для каждой ступки изготовляли толкач с округлыми концами. У многих крестьянских дворов ступы были вкопаны в землю, а пест крепился к длинной березовой жерди (очепу), которая с другого конца была прикреплена к столбу с прорезом и соединялась осью, через прорез которого вверху была продета жердь. Получался перевес на длинном отрезке жерди с толкачем. Длина песта равнялась 2,5 метра. Таким способом легко было толочь крупу, пеньку. Благодаря гибкости очепа можно было не применять большой силы, и обрущением зерна могли заниматься дети. Ступа, кроме толчения зерна имела ряд других функций: в ней толкли волокна льна, конопли, соль, кору (рис. 4).

Ступа и толкач как одни из древних орудий для получения круп стали принадлежностью обрядов и мифологии. В славянской сказочной традиции Баба Яга ездит в ступе, пестом погоняет, помелом заметает или себя побивает. В.Я. Пропп, анализируя образ Бабы Яги, выявил его двойственный характер. В эпоху охотничьего хозяйства она руководила церемонией инициаций и была благожелательной колдуньей. Ее образ восходит к тотемному предку по женской линии [Пропп, 1986, с. 76-78]. С этим образом связывают идею плодородия.

Ступа и толкач не только орудия для толчения зерна, но и эротические символы. В русском фольклоре ступа является воплощением женского лона, а толкач – мужской эротический символ [Славянская…, 1995, с. 306-307, 369]. У семейских записана песенка фривольного содержания: «Приходи, кума, на ночь, будем семя мы толочь. Твоя ступка, мой толкач, я з-ну, ты не плачь». Ступка, олицетворяя женское лоно, в фольклоре выступает символом материнства.

Рис. 4. Обрушивание зерна в ступе. Село Осино-Ключи [Этнография..., 1981].

Баба Яга как магическая покровительница плодородия предстает владелицей орудий земледельца. Толчение в ступе – умерщвление зерна, а поедание его в кашах – рождение новой жизни. Таков ее вечный круговорот. Образ Бабы Яги, оказавшейся в ступе, предстает в сказочной двойственной роли.

Список литературы

Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. – 224 с.

Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). – Новосибирск: Наука, 1975. – 350 с.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. – М.: Наука, 1971. – 168 с.

Лебедева А.А. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX – начало XX в.) // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. – М.: Наука, 1969. – 276 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 365 с.

Русские. Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1967. – 119 с.

Семенов С.А. Происхождение земледелия. – Л.: Наука,1974. – 320 с.

Славянская мифология. – М.: Эллис: Лак, 1995. – 415 с.

Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI – XIX веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 82 с.

Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середина XIX в. – М.: Наука, 1981. – 270 с.

В.А. Бурнаков

ОБРАЗ ГУСЯ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХАКАСОВ*

В мировоззрении хакасов существенное место отводилось образу гуся (*хак. хас*). Несмотря на то, что в трудах некоторых исследователей [Катанов, 1907; Дыренкова, 1929; Алексеев: 1984, 1992; Бутанаев: 2006, 2008] имеются небольшие сведения о мифологических представлениях связанных с гусем, стоит признать, что образ этой птицы не становился объектом отдельного изучения. Не претендуя на полноту освящения данной темы, сделаем попытку восполнить образовавшийся пробел.

Известный исследователь Н. Козьмин, затрагивая тему мировоззрения хакасов и других тюрков Южной Сибири, отмечал ритуальную значимость образа гуся в их культуре [1916, с. 103]. Этнограф-тюрколог Н.П. Дыренкова, изучая образ птицы в духовной культуре хакасов, алтайцев и шорцев, обращала внимание на то, что в мифах этих народов гусь наделялся космогонической функцией. Причем, образ гуся имел семантическое единство с образом другой водоплавающей птицы – утки и в мифах нередко был взаимозаменяем. В этой связи, Н.П. Дыренкова сообщала: «Так во всех многочисленных космогонических легендах птицы – божества, плавают они или летают, всегда носятся над бесконечным пространством воды. В одних легендах птицы эти – гуси или утки, в других – они названы просто птицами» [1929, с. 122]. В мифологическом сознании образы водоплавающих птиц – гусей (уток) не случайно выступают в качестве демиургов. Очевидно, на формирование подобных представлений оказали влияния зоологические особенности этих представителей орнитофауны. Из пернатых именно гусь (как утка и др. водоплавающие птицы) имеет возможность свободно перемещаться в трех сферах: по воздуху, по воде, по суше. Эти реалии нашли отображение в следующей хакасской поговорке:

«Дорога гуся просторная,
Путь журавля глухой!»
[Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 359].

Стоит добавить, что воздух, вода и суша в мифологических представлениях являлись основными элементами, из которых была сотворена жизнь на земле. В мифологическом восприятии гусь (утка) воспринимался в ка-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 08-01-00281а).

честве существа, которому подвластны эти стихии [Катанов, 1907, с. 522], что и предопределило его роль демиурга.

Другим важнейшим фактором, оказавшим влияние на мифопоэтическое восприятие гуся в качестве сакральной птицы, явилось отождествление прилета этих птиц с природными ритмами. Гусь – одна из немногих перелетных птиц, которая с зимовки прилетает раньше остальных и при этом позже улетает. С прилетом и отлетом гусей связывалось наступление весны и осени. Эта особенность нашла отражение в идиоматическом выражении хакасов – «с гусиным снегом» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 335]. Соотношение образа этой птицы с сезонным циклом и понятием «время» выявляется в реликтах вредоносной магии хакасов. Так, например, в тексте проклятья (*хааргыс*) опять-таки используется образ этого пернатого:

«До тех пор, пока не прилетят гуси, засохни,
До тех пор, пока не прилетят птицы, высохни!»
[Там же, с. 227].

Со слов нашего информанта «*у хакасов было представление о времени, как о птице. Люди говорили: "Пролетит большая птица, и у человека выпадают волосы". Ведь со временем, когда человек стареет, у него действительно выпадают волосы*» (ПМА-2000, Горбатов В.В., с. Сыры Аскизского района РХ). Не исключено, что этой птицей мог быть гусь.

Наряду с этим, в хакасском фольклоре гусь отчетливо соотносится еще и с солнцем. Н.Ф. Катановым была записана загадка, в которой эта птица олицетворяет данное светило: «Между березами бежит рысью гусь (солнце в то время, когда небо покрыто облаками, идущими вниз реки)» [1907, с. 238]. Реликты представлений о высоком сакральном статусе гуся выявляются в одном из вариантов хакасского мифа о «Совете птиц». В нем сообщается о том, что в качестве предводителя птичьего царства был избран «пестрый гусь». Однако царствовать ему пришлось недолго. Как повествуется в фольклоре, обидев коростеля, он был низвергнут богом с царского трона и превращен в сороку [Совет, 1975, с. 84-85].

Образ гуся имел символическое значение в семейно-родовых обрядах. Так, в прошлом, при сватании невесты жених был обязан исполнить песню своему будущему тестю. В тексте песни опять-таки фигурировал гусь [Катанов, 1907, с. 366]. Кроме того, образ этой птицы был связан с семейным бытом. Причем гусь чаще идентифицировался с мужским началом. Это нашло отражение в следующих идиоматических выражениях и фольклорных текстах: «гусь-вожак» (свекор), «страшный гусь» (свекор), «хас палазы хасха ирке, кізі палазы кізе ирке» – 'гусенок мил гусю, человеческий отрок мил человеку' [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 219, 335], «Отправимтесь в русскую землю! Поймаем-те гусенка! Пусть тот, кто поймает гусенка, будет женщиною, имеющею ребенка!» [Катанов, 1907, с. 259]. Наряду с этим, в народных приметах сна образ гуся символизировал душу человека: «*Когда во сне видишь белого гуся, это означает, что видишь душу девушки,*

женщины или просто хорошего человека» (ПМА-2000, Боргоякова Ф. Е. с. Аскиз РХ).

В мифологическом сознании хакасов с образом гуся могли соотноситься не только отдельные обитателями дома (юрты), но при этом само жилище могло символизировать гнездо. Так, в загадках о юрте, последняя всегда предстает в образе птичьего дома: «гнезда ста птичек на одном месте» (решетка юрты), «большая птица улетела, а гнездо ее осталось» (снятие юрты), «есть птица, которая погремит-погремит и улетит на сарай, расправивши свои крылья (когда откочевывают, то ставят решетку, которую покрывают берестою) [Катанов, 1907, с. 255, 258, 281]. Необходимо добавить, что в хакасском языке одним из вариантов названий семьи и поколения в целом является термин «*уйа*» – ‘гнездо’ [Бутанаев, 1999, с. 162].

Образ гуся – птицы-медиатора, осуществляющего посредничество между небом, землей и водой занял существенное место в шаманизме тюрков Южной Сибири [Радлов, 1989, с. 368; Потанин, 2005, с. 67-68; Дыренкова, 1949, с. 181-184; Потапов, 1968, с. 323; Хлопина, 1978, с. 81; Алексеев: 1984, с. 86, 1992, с. 138-140; Дьяконова, 2001, с. 180]. У хакасов гусь являлся важнейшим *тёсем* – духом-помощником шамана. Полагали, что он имел пестрое оперенье и именовался «*Ынгай-Хоох*» (*Ынгай-Гаах*) [Бутанаев, 2006, с. 60, 96]. С его помощью *кам* отправлялся за душой (*хут*) больного в потусторонний мир. Среди шаманистов гусь слыл умнейшим *тёсем*, превосходно знавшим все шаманские законы и правила. Не случайно в героической эпике хакасов «пестрый гусь» нарекает именем героя и указывает ему жизненный путь, а в трудную минуту приободряет его [Трояков, 1991, с. 253, 275].

Верили, что гусиный *тёс* наделен прекрасными «навигационными» способностями и хорошо ориентируется в Верхнем и Нижнем мирах. Во время камлания он сопровождал шамана и быстро находил верный маршрут, давал ценные советы и предупреждал об опасностях. Считалось, что *Ынгай-Хоох* лучше остальных знает дорогу домой, поэтому возвращение шамана из мистического путешествия осуществлялось при помощи гусиного *тёса*. В связи с этим, не лишена оснований мысль Г.Н. Потанина о том, что «возвращение шамана на гусе, может быть, находится в связи с представлением о возвращении лета вместе с весенним прилетом птиц из теплых краев <…> Не заключается ли в этих чертах тот смысл, что весна и гром должны возвратится с гусями?» [2005, с. 690]. Подобные воззрения о шаманском духе-помощнике гусе имели широкое распространение среди алтайцев и телеутов [Потанин, 2005, с. 67-68; Радлов, 1989, с. 373-374; Дыренкова, 1949, с. 181-184].

Изображение гусиного духа часто встречалось на шаманских бубнах. Как правило, он рисовался белой краской. Птица изображалась летящей в правую сторону с распростертыми ногами (Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Ф. 2. Оп. 3. Д. 51. Л. 70). По материалам же В.Я. Бутанаева, дух гуся «*Ынгай-Хоох*» изобра-

жался белой краской в виде свастики. Поэтому свастика имела название «*хас танма*» – ‘гусиная тамга’ [2006, с. 96].

В шаманской практике хакасов помимо изображений на бубнах, применялись и иные гусиные атрибуты. Так, шаманка Пыйачах Кичеева, проводившая камлания в Аскизском районе в 1980-х гг., использовала крылья домашних гусей, которые прикреплялись к плечам ее одежды [Карачаков, 2004, с. 105]. В прошлом крылья домашних гусей широко использовались не только в утилитарных целях (в качестве веника), но применялись и в обрядовых действах. При помощи гусиного крыла проводился обряд «очищения» человека. Кроме того, в традиционных представлениях отдельные люди, от природы наделенные «*хатыг хуйах*» (т.е. сильные духом) во время сна, подобно шаманам, могли путешествовать в потустороннем мире верхом на гусе (ПМА).

Итак, подытоживая сказанное, необходимо подчеркнуть, что в мифологической системе хакасов гусю отводилось важнейшее место. Гуся, подобно утке почитали, как демиурга. Одновременно с этим, он воспринимался в качестве сакральной птицы, с прилетом которой связывались ритмы природы. Ритуальные функции гуся были широки, но все, же, основная – осуществление посредничества между мирами. Восприятие гуся в подобной ипостаси предопределило включение его образа в мифо-ритуальную практику шаманизма. Сходство мифологического восприятия гуся хакасами с другими тюркскими народами Южной Сибири свидетельствует о тесных историко-культурных связях этих народов в прошлом.

Список литературы

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири (опыт ареального сравнительного исследования). – Новосибирск: Наука, 1984. – 233 с.

Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 238 с.

Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Дыренкова Н.П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. – Баку: Изд-во ВЦК НТА, 1929. – Кн. 4. – С. 119–126.

Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. – 1949. – Т. X. – С. 108–190.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов). − Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001. – 224 с.

Карачаков С. Чоныма одізім айланчам (Возвращаю свой долг). – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2004. – 112 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб.: [б.и.], 1907. – 640 с. – (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; т. IX).

Козьмин Н. «Чернь»: Природа и человек горной тайги // Сибирские записки. – 1916. – № 3. – С. – 95–106.

Потанин Н.Г. Очерки Северо-Западной Монголии. – 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 1026 с.

Потапов Л.П. Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 316–323.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Совет птиц // Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. – Абакан: Краснояр. кн. изд-во, 1975. – С. 84–85.

Трояков П. Многострадальный белый конь // Героический эпос хакасов и проблемы изучения. – Абакан: [б.и.], 1991. – С. 247–271.

Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 70–89.

О.В. Голубкова

ОБРАЗ ЗМЕИ В ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И КОМИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2000-х ГОДОВ)

Со змеями в славянских и финно-угорских верованиях связан целый комплекс представлений, восходящих к одному из наиболее архаичных пластов религиозности. Образ змеи/Змея очень сложен, многогранен и амбивалентен. Негативное восприятие змееобразных персонажей, отчасти связанное со страхом перед этими существами, является также и результатом влияния целого ряда достаточно поздних (вторичных) мировоззренческих систем, наиболее значимой из которых является христианская вера. Змееобразный облик сатаны стал прообразом отрицательных змееподобных персонажей во всем христианском мире. В восточнославянском фольклоре ад нередко представляется как место, где «червь шипит и смола кипит» [Афанасьев, 1990, с. 60] или в виде болота с лягушками и червяками. В аду (в болоте) лежат пьяницы и лентяи, их тела точат лягушки и черви. Женщин, убивших своих детей (не кормивших грудью), сосут ужи [Шейн, 1893, с. 379–383].

Общераспространенными являются воззрения о том, что души ведьм и колдунов – всех тех, кто «продал» дьяволу душу, – имеют облик *гадов*: змей, лягушек, мышей, насекомых и т.д. *Раньше колдовали, по деревне шел слух, была тут одна. Потом, когда умирала, долго мучилась, а как померла, выползла из нее гадюка, большая, серая. Все так и ахнули, не успели ее прибит, змеюку эту. А она скорей уползла под печь. Это душа у нее была такая поганая* (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, с. Зыряновка, 2009). *Колдовство разное бывает. Одни людям помогают, лечат, другие всякие гадости делают, портят людей. Вот те свою душу нечистой силе продали, а вместо души у них в груди змея сидит, злобу точит* (ПМА: Псковская обл., Печорский р-н, с. Лисьё, 2010).

Появление болезней и смерти во многих культурах мыслилось как вторжение в мир людей представителей злобных демонических персонажей нижнего мира, нередко, в облике змеи, червячка, личинки, «живого» конского волоса или насекомого (также приравниваемых к категории *гадов*). Особенно ярко подобные верования проявились в мифологии коми: считалось, что вредоносный дух болезней *шева* проникал в организм человека в упомянутых обличиях, вызывая истерические состояния [Ильина, 2008, с. 73–77]. *Нельзя, чтобы насекомые в рот попадали. Тогда болеть будешь и никто не вылечит, от них самые напасти* (ПМА: Респ. Коми, Прилуз-

ский р-н, с. Ношуль, 2008). *В соседней деревне к одному деду на покосе заползла в рот то ли змея, то ли ящерица. Прилег отдохнуть и уснул, а она к нему заползла. Он после этого заболел, с ума сошел, временами прям бесился, никак вылечить не могли. Изводила его, изнутри съедала, он исхудал весь, как палка тощий стал. А когда помер, у него она из горла выскочила, то ли змея, то ли ящерица, юркая такая, не разобрать* (ПМА: Респ. Коми, Сысольский р-н, с. Визинга, 2008).

В свою очередь, происхождение *гадов* нередко объясняется перевоплощением душ «нечистых» покойников в смертоносных духов, мстящих живым людям за то, что они живы, или стремящихся «утянуть» за собой души из чувства вечного голода. «Умершим, существовавшим в силу объективизации души как самостоятельные существа, приписывались два сильнейших инстинкта: голод и половой голод. (...) на первом месте стоит голод. Смерть-пожирательница древнее других видов смерти» [Пропп, 1996, с. 251]. Олицетворение в змеином облике смерти или ее предзнаменования характерно для славянских и финно-угорских верований. Например, бросившаяся к человеку змея расценивалась знаком скорой гибели; в таком случае говорили, что за ним «гонится смерть» [Грысык, 1992, с. 57–59]. *Если в лесу змею встретишь и не убьешь, значит скоро кто-то из родни умрет* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал, 2005). Иногда в появлении большого числа змей видят дурное предзнаменование. *Нынче змей много развелось. Это все напасти за грехи наши, кара небесная. В Писании сказано, что были египетские казни, с неба на людей змеи сыпались. Вот и сейчас живем, Бога не помним, а он знамение посылает* (ПМА: Псковская обл., Островский р-н, г. Остров, 2010). *Старые люди говорят, что много змей бывает - не к добру. Столько змей, говорили, перед войной было* (ПМА: Псковская обл., Печорский р-н, д. Малы, 2010). *Много змей выползает, значит зимой будет много смертей или голодный год* (ПМА: Псковская обл., Псковский р-н, с. Соловьи, 2010).

В то же время, у различных групп славян (в меньшей степени – финно-угров) сохраняются реликты почитания змей как тотемных предков-покровителей. Больше всего этнографических данных зафиксировано у южных славян, однако существует целый корпус фольклорных и изобразительных источников, дающих основания полагать о вере в защитную силу змеи у других славянских народов. Известно немало легенд и быличек о помощи домашних змей домочадцам (предупреждение об опасности, одаривание богатством). Исчезновение домашней змеи (или, наоборот, ее навязчивое появление) считается знаком скорой кончины хозяина или хозяйки дома [Гура, 1997, с. 273–299]. Связь образов домашнего духа и змеи прослеживается в способности домового менять шкуру. Согласно русским и белорусским поверьям, поселение ужа в доме считалось счастливым предзнаменованием [Криничная, 1992, с. 18–19]. Являясь покровителем дома и хранителем его хозяев, змея предстает одним из олицетворений мифического предка, души умершего.

В связи с тем, что основной функцией мифического предка является забота о продолжении рода [Денисова, 1996, с. 72–73], образ Змея наделяется любовными чарами, а связанные с ним фольклорные сюжеты обретают эротическую окраску [Велецкая, 1988, с. 207; Козлова, 1994, с. 62–63]. Эротика появляется сравнительно поздно и вносится в уже имеющиеся и создавшиеся ранее религиозные воззрения, в частности в представление о смерти как о похищении, когда божество избирает себе возлюбленную (или возлюбленного) среди людей [Пропп, 1996, с. 251]. По восточнославянским поверьям, Змей (*огненный змей*: летающее существо, которое в воздухе выглядит как светящийся шар синего цвета или огненное коромысло) обычно навещает вдов, прилетая к которым, принимает облик покойного мужа. Он мучает свою жертву, сосет ее молоко и кровь, в итоге убивает. Главной причиной домогательств Змея считается нарушение запрета долго оплакивать, голосить по покойному мужу или тосковать по находящемуся в отлучке супругу [Велецкая, 1988, с. 207; Власова, 1998, с. 185, 190–197; Козлова, 1994, с. 62–63]. *Раньше над деревней летали шары огненные, многие видели. От кладбища летит в деревню, а потом обратно, светится в темноте, летит тихо, то выше, то ниже. Так и летал туда – обратно, а потом перестал, не знаю, куда девался. Раз он с кладбища летит, значит это нечистый дух* (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский р-н, д. Кукарка, 2004). *Змей он может по воздуху летать, они ко вдовам шастают. Вот которая вдова тоскует, к ней приходит, она думает, что муж, а это он, Змей нечистый. Нельзя впускать, утянет на тот свет* (ПМА: Псковская обл., Островский р-н, г. Остров, 2010).

Положительное восприятие змеи (образ которой был связан как с солярной, так и с лунной символикой, со способностью воздействовать на плодородие, возрождение и бессмертие) у славянских народов отразилось в изобразительном искусстве: это спираль (змея, свернутая в круг – знак плодородия), амулеты-»змеевики», хоросы с драконами, «змееногие» сирены [Соколов, 1889, с. 339–368; Велецкая, 1988, с. 206–209; Михайлова, 1994, с. 46–47]. В художественной традиции различные пути и варианты трансформации образа змеи приводят от языческих форм «змеевиков» к христианским нагрудным иконкам, где от амулета остается лишь змеевидное окаймление края или помещена надпись «Спаси и сохрани», или же – к дукачам-оберегам с изображением святых на одной стороне и змея – на другой. Устойчивая сохранность «змеевиков» в славяно-балканской традиции в значительной мере определяется поливалентностью символики змеи, существенное место в которой принадлежит знаку регенерации в здоровом, сильном, красивом потомстве. Это связано с изначальным (дохристианским) восприятием змеи как мифического родоначальника, предка-покровителя [Велецкая, 1988, с. 207, 210]. На древнерусских амулетах-»змеевиках» нередко изображалась Богородица в качестве светлых сил, охраняющих владельца амулета от демонов. На обратной стороне такого медальона присутствовала змеевидная композиция, представлявшая собой

изображение змееобразного или окруженного змеями демона [Николаева, Чернецов, 1991, с. 1, 31, 63-70].

Имя Богородицы также нередко упоминается в заговорах против змей, а отпугивающим их средством считается *богородская трава* (чабрец). Иногда заговоры против змей начинаются словами: «Помолимся Господу Богу, Матерь Божью просим…» [Шейн, 1893, с. 549]. Адресация заговоров против змей к Деве Марии и использование ее изображения на соответствующих амулетах, помимо того, что показывает «змееборческие» функции Богоматери (оберегающей от всяких демонов), также обнаруживает сопричастность ее культа (в народно-христианском толковании) и образа змеи. В текстах заговоров Богородица предстает хозяйкой, повелевающей «ползающими гадами». Их образы объединяют мотивы, связанные с плодородием и апотропейной ролью, присущие светлому божеству.

Таким образом, в устнопоэтической традиции образ Змея (дракона) претерпел самые различные переосмысления и напластования, деформируясь из космического божества, мифического предка в различные эпические и сказочные персонажи, преломленные через свойственную той или иной этнической среде, окружающую действительность и фольклорную образность, вплоть до злобных демонов и «летунов» [Велецкая, 1988, с. 207], воплощающих души *заложных покойников*. Фольклорные сюжеты и мотивы, связанные со змееобразными персонажами, сохранили три основных ступени развития этих образов. Первая из них связана с ролью змеи-защитницы и покровительницы рода. Вторая ступень представлена сюжетами о любовной связи женщин со Змеями. Третья, поздняя, ступень характеризуется негативным статусом змееподобных персонажей [Козлова, 1994, с. 63–64]. Все эти сюжеты, в большей или меньшей степени, нашли отражение у русских и коми, что подтверждается материалами современной этнографии.

Список литературы

Афанасьев А.Н. Народные русские легенды А.Н. Афанасьева. – Новосибирск: Наука, 1990. – 270 с.

Велецкая Н.Н. О генезисе древнерусских «змеевиков» // Древности славян и Руси. – М.: Наука, 1988. – С. 206–211.

Власова М.Н. Русские суеверия. Энциклопедический словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Грысык Н.Е. Щука в верованиях, обрядах и фольклоре русских // Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб: Наука, 1992. – С. 56–60. – (Сб. МАЭ, т. XLV).

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 910 с.

Денисова И.М. Обрядность троицкой березки: поиски семантических корней образа // Животные и растения в мифоритуальных системах. – СПб.: ГМИР: РЭМ, 1996. – С. 71–73.

Ильина И.В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, ИЯЛИ, 2008. – 225 с.

Козлова Н.К. Мотивы и сюжеты о беременности и родах женщины от мифического любовника в восточнославянских быличках и поверьях // Русский вопрос: История и современность: мат-лы докл. III Всерос. науч. конф. – Омск, 1994. – Ч. I. – С. 61–64.

Криничная Н.А. Дом: Его облик и душа (к вопросу о тождестве символов в мифологической прозе в народном изобразительном искусстве). –Петрозаводск: Изд-во Карел. НЦ РАН, ИЯЛИ, 1992. – 30 с.

Михайлова Р.Д. Об одной змеевидной композиции и культе змеи // Вещь в контексте культуры: мат-лы науч. конф. – СПб., 1994. – С. 46–47.

Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. – М.: Наука, 1991. – 124 с.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. – 366 с.

Соколов М.И. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // ЖМНП. – 1889. – № 6. – С. 339–368.

Шейн П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. – СПб., 1893. – Т. II. – 589 с.

М.А. Жигунова

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ

Особенность современной социокультурной ситуации заключается в объективном противоречии между возросшим интересом к традиционной культуре и стремительным сужением сферы ее естественного бытования. В настоящее время требуется огромное и всестороннее внимание к проблемам восстановления культурной преемственности, восполнения дефицита информации по особенностям региональных и локальных этнокультурных традиций. Поскольку русские являются самым многочисленным этносом сибирского региона, то знание основ и современных тенденций их самосознания и историко-культурного развития является социально востребованным и необходимым условием для успешной реализации социально-экономической и региональной культурной политики, оптимизации межнациональных отношений.

Трудности исследования русского населения Сибири во многом обусловлены недостаточной изученностью и нехваткой конкретных материалов по доминирующим группам русских. Более 50 лет назад была опубликована первая обобщающая коллективная монография, посвященная этнографии народов Сибири. В ней отмечалось, что «…историкам, этнографам, литературоведам и представителям других специальностей предстоит изучить огромный фактический материал о культуре русского народа в Сибири, еще по существу никем не исследованный…» [Народы …, 1956]. С тех пор прошло немало лет, но культура русских в местах их позднего расселения по-прежнему остается слабоизученной. «Несомненно, что жизнь русских в Сибири была отмечена особой спецификой, она не стояла на месте, а постоянно развивалась. Но в каких формах происходило этническое развитие русского населения в этих местах, какие компоненты материальной и духовной культуры взаимодействовали сильнее, какие оставались без изменения и доминировали в создании той или иной этнографической группы? Пока эти вопросы остаются открытыми» [Болонев, 1998]. Основная часть опубликованных исследований, посвященных культуре русских в Сибири, характеризуется хронологическими рамками конца XIX – начала XX вв., исследования второй половины XX – начала XXI вв. пока довольно немногочисленны и фрагментарны [Томилов, Алисов, Жигунова, 2003]. Представленная работа является некоторым обобщением 25-летних научных историко-этнографических, этносо-

циологических, культурологических и музееведческих изысканий автора. Эти исследования проводились на территории Алтайского края, Кемеровской, Омской, Новыосибирской, Томской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, республики Хакасии, Красноярского края, Северного Казахстана. Материалы собирались студентами омских университетов, сотрудниками Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, Сибирского культурного центра и Омской областной общественной организации «Центр славянских традиций», а также - лично автором. Существенным источником послужили материалы, собранные в 2000-2010 гг. при чтении авторских лекционных курсов: «Русская культура в Сибири: традиции и современность», «Современные этнические процессы у русских Сибири», «Русские сибиряки: проблемы самосознания и культуры».

Исторически складывалось так, что в формировании русского населения Сибири приняли участие выходцы из различных губерний Европейской России и Урала, различные по своему социальному, конфессиональному и этническому составу. На первых этапах заселения преобладали выходцы из северно-русских и приуральских регионов, а с конца XVIII в. возрос удельный вес переселенцев из южнорусских и поволжских губерний. С середины XX в. сюда устремились новые переселенческие потоки, связанные с ее промышленным освоением, разработкой нефтяных и газовых месторождений, целинных и залежных земель. После распада Советского Союза этническая мозаичность сибирского региона возросла не только за счет мигрантов из бывших советских республик, но и различных стран Дальнего Зарубежья. Поэтому современное русское население Сибири отличается довольно высокой гетерогенностью, а традиционно-бытовая культура отдельных групп характеризуется значительным диапазоном вариативности.

В этнографической литературе неоднократно указывалось на тесную взаимосвязь самосознания и культуры этносов. Отдельные итоги наших многолетних исследований этнического, регионального и конфессионального самосознания русского населения Сибири уже опубликованы [Жигунова, 2009], поэтому мы остановимся на основных выводах. Отсутствие стабильности, неуверенность в завтрашнем дне, резкая дифференциация общества, усиление социальной стратификации, непонимание отдельной части населения социально-экономических и политических реформ середины 1980-х гг., вызвали активизацию усилий в поиске защитных механизмов человеческого существования. Это привело к всплеску этнического самосознания, определенному росту этнической консолидации, усилению интереса к истории и культуре своего народа. В ответах на вопрос о самоназвании, начиная с 1990-х гг., четко фиксируется рост вариативности. При опросах встречаются различные виды самоидентификации: биологическая, этническая (национальная, этногрупповая), конфессиональная, региональная, гражданская, социальная, гендерная и др.

Территория Сибири относится к зонам активных этнических взаимодействий. Наряду с русскими здесь проживают представители более 200 различных народов. Самыми многочисленными из них являются немцы, украинцы, казахи, татары, белорусы, чуваши. Для русских в целом характерны положительные установки на межнациональное общение и активные этнокультурные контакты с другими народами (примерно в 70 % семей встречаются родственники других национальностей) [Жигунова, 2010]. При этнической самоидентификации у многих возникают проблемы: «трудно сказать, много в нас всякой крови намешано», «метис», «полукровка», «полурусок» У многих респондентов возникают определенные трудности при самоопределении, зачастую не совпадают самоидентификация и реальная ситуация, языковая и этническая идентичности. Растет число лиц, затрудняющихся четко определить свою этническую и особенно - социальную принадлежность. Это напрямую связано с теми сложными и противоречивыми процессами, которые происходят в современном российском обществе. Активно декларируется религиозная идентичность, гражданская фиксируется слабо, все чаще (особенно – женщинами) используются гендерные характеристики. Региональная идентичность характеризуется положительной динамикой, а топоним «сибиряк» все чаще используется в качестве этнонима.

Специфической чертой для русских является значительный диапазон вариативности традиционно-бытовой культуры, обусловленный разнообразными историческими, политическими, социально-экономическими, природно-географическими, этническими и другими факторами. В связи с этим существует множество локальных региональных и специфических особенностей в культуре отдельных групп русского наеления Сибири. Ранее для каждой из этих многочисленных групп была характерна определенная замкнутость, ограниченность брачного круга. С первой трети XX в. началась активная ломка традиционных устоев, интенсивное смешение представителей различных групп (этнических, этнокультурных, социальных, конфессиональных). Далее мы остановимся не на отдельных специфических локальных этнокультурных характеристиках, а на наиболее общих чертах современной традиционно-бытовой культуры русских.

В сфере материальной культуры прослеживается наибольшее влияние процессов урбанизация и стандартизация быта. Одежда продолжает утрачивать свой ярко выраженный ранее знаковый характер и, практически уже утратила функцию этноразделителя, чему способствует повсеместное распространение одежды и обуви промышленного производства. Этническая специфика прослеживается преимущественно в зимней одежде и обуви. Традиционный народный костюм в обобщенной стилизованной форме используется в качестве сценической одежды фольклорно-этнографическими коллективами и работниками культуры. Наиболее этнически маркированной из материальной культуры оказалась традиционная пища (хотя и подверглась мощным инновационным потокам и поликультурным заимствованиям).

Развитие современной семьи идет по пути дальнейшего увеличения доли малых семей. Территориальная разобщенность, отдельное проживание детей и родителей приводят не только к ослаблению родственных связей, но и к нарушению основного, традиционного способа межпоколенной трансмиссии этнической культуры. Активизирует этот процесс прогрессирующая урбанизация, отток молодого поколения в городскую местность.

Изменение социально-экономических и политических условий привело к существенным сдвигам в обрядовой жизни. Процесс трансформации традиционных праздников, начавшийся с середины XIX в. и обусловленный развитием новых социально-экономических отношений, усилением влияния городских форм культуры, продолжался и в XX в. Он шел по двум основным направлениям: с одной стороны, происходило увеличение зрелищных, развлекательно-игровых форм праздников (соответственно - увеличение роли детей и молодежи), с другой - усиление официальной стороны праздников (церковной и светской). В начале XX в. большинство праздников сохраняли традиционную основу, сложившуюся на основе многовекового синтеза языческих, христианских и общественно-гражданских элементов [Русский народный праздник, 2006].

Современное состояние русской традиционно-бытовой культуры в Сибири характеризуется тесным переплетением традиционных и новых черт. Изменения традиционных форм трансляции культуры, увеличение роли технически опосредованных контактов приводят к усилению позиций профессиональной культуры, которая принимает на себя в настоящий период многие функции фольклорной. В настоящий период времени этническая специфика наиболее стойко сохраняется в области духовной культуры. Основными ее носителями являются сельские жители, а из половозрастных групп - женщины и старшее поколение в целом. Социальная стратификация и поляризация российского общества по уровню доходов и ориентацией на различные традиции – западные или восточные, религиозные и светские, традиционные народные, советские, массовые и т.д. породили существующее многообразие форм современной традиционно- бытовой культуры. Несмотря на это, а также – на разнообразие культурных процессов, наличие многослойных напластований и синкретизм различных традиций, основным направлением социокультурного развития в Сибири является процесс этнокультурной консолидации и выработки общесибирских форм культуры (в русле общенациональных русских традиций). В конце XX – начале XXI вв. усилились региональные исследования, совокупность которых может способствовать переходу к написанию обобщающего коллективного труда, посвященного этнографии русских в Сибири. Используя уже имеющийся положительный опыт, необходимо продолжить научно-исследовательскую, методическую, образовательную, воспитательную и культурно-просветительскую деятельность в данном направлении.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Из опыта этнографического изучения русского населения Сибири // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 16–37.

Жигунова М.А. Идентичность и этнокультурные предпочтения современных русских Сибири (на материалах эмпирических исследований) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 73–77.

Жигунова М.А. Межэтнические контакты и этнокультурные взаимовлияния русских Западной Сибири в середине XX – начале XXI века // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 337–340.

Народы Сибири / под ред. М.Г. Левина и Л.П. Потапова. – М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1083 с.

Русский народный праздник: Научно-методическое пособие для работников культуры и образования / В.Ю. Багринцева, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, В.В. Конаков, Т.М. Репина, О.Г. Сидорская. – Омск: Изд. дом «Наука», 2005. – 284 с. – 2-е изд., испр. – Омск: Изд. дом «Наука», 2006. – 284 с.

Томилов Н.А., Алисов Д.А., Жигунова М.А. Некоторые проблемы и перспективы изучения русской культуры в Сибири // Традиционная культура русских Западной Сибири XIX–XX вв. Очерки истории и быта. – Омск: Изд. дом «Наука», 2003. – С. 7–19.

А.С. Зуев

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТНОЙ ИЕРАРХИИ У КОРЯКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Основной устойчивой социальной и производственной единицей в корякском этносоциуме были общины-кланы, состоящие из нескольких родственных семей. Кланы составляли более крупные объединения: у оседлых коряков – поселок («острожек»), у кочевых – стойбище. Правда, неясно, по какому принципу происходило это объединение: по родовому, территориально-производственному или территориально-родовому. Во главе кланов, по терминологии русских документов, стояли «лучшие мужики/люди», во главе поселков и стойбищ – князцы или тойоны. Источники, относящиеся к XVII – первой половине XVIII в., отмечают, что власть «лучших мужиков», князцов и тойонов не выходила за пределы «своего» объединения и основывалась исключительно на их личном авторитете, сопряженном с материальном достатком, организаторскими и военными способностями, физической силой и удачливостью.

Поселения и стойбища составляли несколько территориальных групп коряков: оседлых – апукинцы, алюторы, кереки, карагинцы, паланцы, пенжинцы и др., и оленных – тайгоносские, пенжинские, анадырские и др. Эти группы, как зафиксировали еще казаки-землепроходцы, различались антропологическими, культурно-бытовыми и языковыми признаками. Но никаких «начальствующих» лиц они не имели. Каждое объединение (поселок, стойбище), входящее в территориальную группу, было вполне независимо от других объединений. Более того, сами объединения не отличались стабильностью, между кланами отсутствовали прочные хозяйственные или родственные связи. Любой клан мог войти в объединение (с согласия его участников – других кланов) или выделиться из него. В случае военных действий могло произойти временное объединение поселков и стойбищ в рамках отдельной территориальной группы и изредко – нескольких территориальных групп (подробнее см.: [Вдовин, 1973; Гурвич, 1966; Зуев, 2002]).

Взаимодействие с такой аморфной социальной и потестарной организацией создавало для русских (с момента их первых контактов с коряками в середине XVII в.) большие сложности, не позволяя в полной мере контролировать территориальные группы коряков и управлять ими: «власть имущих» было много, с каждым из них договариваться надо было отдельно, кроме того, властная иерархия у коряков не была фиксированной и

меняла свою конфигурацию вследствии того, что в объединениях периодически происходила ротация семей, кланов, стойбищ и поселков. В результате указание центральных властей опираться на «родоплеменную» верхушку не смогло дать должного эффекта. Во многом по этой причине подчинение коряков растянулось на столетие, сопровождаясь их упорным вооруженным сопротивлением. Лишь к концу 1750-х гг. коряки, потерпев поражение и понеся значительные людские и материальные потери, пошли на установление мира с русскими. Русская сторона в свою очередь, отказавшись от военных акций, сделала ставку на мирные способы приведения коряков в подданство, в том числе стала предпринимать усилия по созданию у них «вертикали власти».

Инициатива была проявлена Ф. Х. Пленисером – командиром Анадырской партии, занимавшейся подчинением коряков и чукчей. В 1763 г. он встретился с 11 князцами – главами гижигинских и бывших анадырских (откочевавших на р. Гижигу) оленных коряков и обсудил с ними меры по закреплению коряков в российском подданстве. По итогам переговоров Пленисер назначил «надо всеми аленными и пешими каряками главным кнезцем» «лутчего коряка» Энгеля Лехтелева, а для повышения авторитета князцов и старшин (так Пленисер поименовал «лучших людей») в глазах сородичей и русских, а также «в разсуждении их честолюбия» обещал каждому из них пожаловать шпаги. Показательно, что по этому поводу Пленисер в своем «представлении» сибирскому губернатору Ф. И. Соймонову сослался на пример с награждением дарственным оружием зайсанов, тайшей и шуленг забайкальских бурят. [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 1. Д. 10. Л. 9; Ч. 2. Д. 4. Л. 23 об.–24; № 539. Ч. 2. Д. 3. Л. 2 об.].

Выбор Энгеля Лехтелева в «главные князцы» представляется не случайным. Энгель (в документах встречается разное написание его имени – Эгиля, Эйгель, Эигыл, Энгыль, Этель, Енгель, Энгелы) как князец анадырских оленных коряков и союзник русских фигурировал уже в 1730-х гг. В 1747 г. он со старшим братом Иваком, также князцом, на стороне русских участвовал в боевых действиях против чукчей. В дальнейшем в русских документах чаще упоминается Ивака. В 1749 и 1751 гг. он, как знающий русский язык, сопровождал казаков, посланных для сбора ясака к корякам-алюторам. В 1750-х гг., когда большая часть анадырских коряков подняла восстание и откочевала от Анадырского острога, Ивака и Энгель не были отмечены в числе активных «бунтовщиков», хотя вносить ясак перестали. В 1756 г. Ивака вел переговоры о мире с чукчами, в 1757 г. он прибыл в Анадырский острог для уплаты ясака, а в 1758 г. организовал нападение коряков на чукчей [РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2539. Л. 403 об.–404; Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 2. Д. 1. Л. 40–44, 54–57; Д. 3. Л. 12 об.; Д. 7. Л. 16; Д. 9. Л. 30 об., 45–47; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 540; Оп. 113. Д. 1552. Л. 238; Ф. 1095. Оп. 1. Д. 2. Л. 387; Д. 24. Л. 5; и др.]. Таким образом, братья Лехтелевы на протяжении длительного времени сохраняли лояльность русской власти и этим выделялись среди других корякских князцов, которые пери-

одически впадали в «измену». Ивака, как старший из братьев, выступал в главной роли. Но в начале 1760-х гг. он умер, и его позицию занял Энгель.

Инициатива Ф. Х. Пленисснера по времени совпала с кардинальным поворотом правительственной политики в отношении сибирских аборигенов. В 1763 г. был принят ряд законодательных и нормативных актов, которые предполагали реорганизацию порядка сбора ясака: институт ясачных сборщиков упразднялся, практика аманатства отменялась, сбор ясака передавался в руки родоначальников (князцов, тойонов, тайшей, зайсанов и пр.), за исправный платеж ясака стали отвечать не лично ясачноплательщики, а целиком податные ясачные единицы – род, улус, волость [Полное собрание, 1830. Т. 16. № 11749. С. 153–154; Сословно-правовое положение, 1999. С. 69–76; Федоров, 1978. С. 56–58, 115–117, 122–156]. Все это резко ускорило фактическое включение традиционных институтов власти, существовавших у аборигенов, в систему государственного управления и фиска.

31 августа 1764 г. появился указ Сената о назначении Энгеля Лехтелева князцом «коряцкого народа» и о награждении его саблей (вместо шпаги). Согласно указу у коряков планировалось оставить только одного князца: «Всем коряцким лутчим людям тебя (Энгеля. – А. З.) почитать князцом и повеленное тобою к высокой Ея Иимператорскаго Величества службе исполнять неотменно». Поэтому Энгель назван просто «князцом», а не «главным князцом», как предлагал Ф. Х. Пленисснер. По этой же, надо полагать, причине дарственное оружие полагалось ему одному. Из смысла указа следовало, что отныне только через Энгеля должно было выстраиваться взаимодействие русской власти и коряков, и именно он должен был обеспечивать исправное поступление ясака со всех коряков [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 101 об.–102 об.].

Инаугурация Энгеля состоялась в 1766 г. в Гижигинской крепости в присутствии специально приглашенных для этого глав близлежащих корякских поселений и стойбищ. Ему были вручены указ и сабля, специально изготовленная на Тульском оружейном заводе. Ее клинок был из «красного железа» с дарственной надписью на обеих сторонах, а эфес и ножны инкрустированы «серебром с чернью с гербом» [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 528. Ч. 2. Д. 4. Л. 69 об., 101; № 539. Ч. 2. Д. 6. Л. 19; РГВИА. Ф. 14808. Оп. 1. Д. 2. Л. 6]. Изготовление специальной сабли, выступавшей в качестве инсигнии, говорит о том, что русская власть серъезно отнеслась к внешнему оформлению властного статуса Энгеля как своего представителя.

В планировавшуюся перестройку властной иерархии у коряков на практике были внесены существенные коррективы. Энгель, судя по ясачным книгам и переписям, считался главным князцом только над оленными гижигинскими коряками. Но помимо него у них в 1766–1767 гг. отмечены еще два князца. В 1776 г. Энгель умер, и на его место русские власти определили его сына Мункегьи. У других территориальных групп оседлых и оленных коряков до конца XVIII в. сохранялись свои князцы и тойоны.

Число последних, однако, начиная с 1760-х гг., сокращается, звание «лучший мужик/человек» вообще исчезает из делопроизводственной лексики [РГАДА. Ф. 1096. Оп. 1. Д. 16. Л. 30–32; Д. 17, 18; Ф. 199. Оп. 2. № 539. Ч. 1. Д. 17. Л. 7–12 об.; Ч. 2. Д. 6. Л. 41, 44, 45, 59, 98об.; Долгих, 1960. С. 557–558; Косвен, 1962. С. 281–288; Гурвич, 1966. С. 109, 111]. Одновременно русская власть из кланов и клановых объединений начинает конструировать новые социальные образование, которые в исследовательской литературе квалифицируются как «административные роды». Их главы именуются старшинами или старостами [РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 539. Ч. 1. Д. 17. Л. 7–12 об.; Гурвич, 1966. С. 184, 187; Вдовин, 1973. С. 92–93, 200, 217–219]. К началу XIX в. звания «князцов» и «тойонов» исчезают.

Описанный нами сюжет, совершенно, кстати, не нашедший отражение в историко-этнографических исследованиях, важен для понимания того, каким способом русская власть пыталась реорганизовать властную иерархию, бывшую у коряков, адаптируя ее к своему политическому и налоговому режиму.

Список литературы

Вдовин И.С. Очерки этнической истории коряков. – Л.: Наука, 1973. – 302 с.

Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. – М.: Наука, 1966. – 275 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 330 с.

Косвен М.О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. (Публикация) // Сиб. этногр. сб. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 4. – С. 276–291.

Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 16.

Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сб. правовых актов и док. – Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера СО РАН, 1999. – 237 с.

Федоров М. М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI – начало XIX в.). – Якутск: Кн. изд-во, 1978. – 207 с.

Г.В. Любимова

ФЕНОМЕН «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ» В ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА*

С самого начала своего освоения Сибирь воспринималась как богатейшая кладовая природных ресурсов. С точки зрения российских переселенцев, природные богатства Сибири являлись важнейшей притягательной чертой региона. Местные крестьяне, к примеру, называли Алтай «Божьей пазухой» - настолько богат он был дарами природы [Миненко, 1991, С.169]. Подобное восприятие Сибири оставалось актуальным для российского общественного сознания на всех этапах освоения зауральских территорий. Вместе с тем, наличие огромных природных богатств далеко не всегда выступало залогом оптимального экономического развития, что хорошо видно на примере этноэкологической истории сибирского региона.

Рассмотрим, к примеру, ранние системы земледелия Сибири, которые уже в дореволюционных исследованиях получили определение «неразвитых» и «примитивных» по сравнению с системами земледелия европейской части страны. Действительно, придя за Урал с прекрасным знанием трехполья, первые поколения русских поселенцев, как констатировал в свое время В.А. Александров, убедились в трудности его внедрения в местных условиях. По этой причине «сибирский земледелец воспользовался огромными земельными запасами и повсеместно обратился к исторически более ранним экстенсивным системам земледелия», прежде всего, к таким, как залежь и перелог [На путях…, 1989, с. 5–6]. Исходя из того, что «каждая система земледелия» должна определяться «прежде всего, условиями, в которые поставлен земледелец», современные авторы характеризуют подобную систему полеводства как «наиболее (в сибирских условиях) целесообразную и оправданную» [Никитин, 1987, с.115–116].

Проблема исторической оправданности и эффективности ранних сибирских систем земледелия является исключительно сложной и, возможно, на современном уровне развития исторических знаний не решаемой вообще. Вместе с тем, уже на данном примере можно проследить характерную для дальнейшей истории региона закономерность, согласно которой обилие природных ресурсов Сибири неоднократно становилось решающим фактором в пользу экстенсивного развития не только сельскохозяйственного, но и промышленного производства, замедляя переход к интенсивным спо-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 08-01-00333а).

собам ведения хозяйства. Указанная закономерность, выявленная на материалах современного экономического развития стран, богатых природными ресурсами (такими, как нефть, газ, уголь и пр.), получила название феномена «ресурсного проклятия».

Сам термин «ресурсное проклятие» был введен в начале 1990-х годов английским экономистом Ричардом Аути для объяснения парадоксального явления, связанного со значительным падением уровня жизни в странах-экспортерах нефти в 1970 - 1980-е годы. Тогда же было показано, что факт более медленного развития стран, богатых ресурсами, вполне согласуется и с результатами исторического анализа экономического роста: так, в XVII в. бедные ресурсами Нидерланды обогнали богатую драгоценными металлами Испанию, а в конце XIX - начале XX вв. Япония обогнала Россию [Гуриев, Сонин, 2008, с. 61]. При этом особо подчеркивалось, что изобилие природных ресурсов ведет к замедлению темпов экономического роста далеко не всегда, а лишь тогда, когда сочетается со слабыми политическими институтами [Полтерович и др., 2007, с. 4]. Поэтому, несмотря на попытки спекулятивного толкования (см.: [Лопатников, 2007]), основные выводы названной концепции могут, как представляется, быть экстраполированы на этноэкологическую историю сибирского региона.

Одной из причин обращения первых русских поселенцев «к исторически более ранним экстенсивным формам землепользования», как указывал В.А. Александров, была неэффективность применения в сибирских условиях такого органического удобрения, как навоз. Ввиду относительно высокого естественного плодородия почв и слабого развития процесса эрозии, писал автор, сибирская пашня не требовала немедленного удобрения. Более того, на унавоженных пашнях хлеб родился плохой и зарастал сорняками, бороться с которыми было удобнее, применяя залежную систему [На путях…, 1989, с. 6]. По наблюдениям современников, большинство сибирских крестьян были убеждены, что сибирские земли «не принимают удобрений»: повсеместно «считая навоз вредным для полей», старожилы «сбрасывали» его лишь на огороды [Липинская, 1998, с. 197].

Вместе с тем, причина подобных убеждений, по мнению ряда исследователей, крылась не в «слабой восприимчивости сибирской почвы к унавоживанию», а, скорее, в неумелом применении его. Названный вид удобрения, как установлено, хорошо зарекомендовал себя не столько на черноземах (где хлеб после внесения навоза забивался сорными травами), сколько на глинистых, малоплодородных почвах, а также на истощенных старопахотных землях [Миненко, 1991, с. 98 и др.]. Однако разработка свободных непаханых земель, как показал на примере Минусинского округа второй половины XIX в. В.А. Зверев, обходилась крестьянскому хозяйству дешевле, чем внесение удобрений на выпаханные участки [Зверев, 1985, с. 98].

Причиной забрасывания пашни в залежь, как уже упоминалось, могло быть не только истощение земли, но и зарастание ее сорняками. Применительно к условиям Восточной Сибири еще в середине XIX в. отмечалось

такое изобилие земли, что всякий, по словам наблюдателя, «пашет, где ему вздумается… Вместо удобрения парят землю через год, а по прошествии 10 лет бросают пашню и принимаются за новую не потому, что бы она истощилась, но потому что покрылась сорными травами» [Липинская, 1998, с. 197]. Таким образом, в условиях многоземелья крестьянину было удобнее и дешевле периодически обновлять часть пашенных угодий, то есть, используя естественное плодородие почвы, «забрасывать выпаши в залежь и осваивать целину» [Миненко, 1991, с. 91, 101], а не переходить к интенсивным способам земледелия. Сходная картина наблюдалась и в сибирском животноводстве, экстенсивные формы которого с максимальным сроком содержания животных на естественных кормах (характерные и для местных кочевников-скотоводов), были обусловлено не только нехваткой рабочих рук, но и обилием свободных земель [Липинская, 1998, с. 214–215].

Еще более наглядным примером неэффективного использования природных ресурсов Сибири являются данные о развитии пушного промысла. Накануне первой мировой войны, как пишет французский исследователь Базиль Кербле, в сибирской тайге добывалось около 40% всей мировой пушнины, однако сама Россия выступала при этом как крупный импортер мехов. Не располагая развитой химической промышленностью, в том числе, производством красителей для окраски шкурок, страна вынуждена была закупать выделанный мех за границей. Такая торговая схема оборачивалась немалыми финансовыми потерями, поскольку после обработки меха стоили почти в три раза дороже. Не сумев развить соответствующие технологии, считает автор, Россия лишилась того достояния, которое составляло ее богатство как державы [Кербле, 2008, с. 178–180].

Выявленные стратегии взаимодействия с природной средой Сибири продолжают доминировать и в настоящее время, поскольку действующее экологическое законодательство, по оценкам экспертов, поощряет не использование наукоемких технологий, а ускоренную добычу и вывоз из региона природных ресурсов [Марков, 2001, с. 85–86]. Определяя современную парадигму развития российского общества как «ресурсную», «истощительную», О.Н. Яницкий отмечает ее тесную связь с концепцией «ресурсного проклятия»: до тех пор, пока в стране сохраняются крупные легкодоступные ресурсы (целинные и залежные земли, нефть, газ и пр.), политическое руководство не решается проводить качественную экономическую политику. В этом и заключается «проклятие богатства» [Яницкий, 2007, с. 56, 58].

Таким образом, одна из причин длительного отставания России от стран Запада заключается в неэффективном использовании природных ресурсов, богатейшей кладовой которых до настоящего времени остается сибирский регион. Сама же концепция «ресурсного проклятия» может быть полезной при анализе истории взаимодействия этнических и социальных общностей Сибири с природной средой.

Список литературы

Гуриев С., Сонин К. Экономика «ресурсного проклятия» // Вопр. экономики. – 2008. – № 4. – С. 61–74.

Зверев В.А. Изменения образа жизни крестьянства в ходе земледельческого освоения Сибири при капитализме // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). – Новосибирск: НГПУ, 1985. – С. 94–104.

Кербле Б. Охотники и мехоторговцы в России в начале XX в. // Кербле Б. Русская культура. Этнографические очерки / пер. с фр. – СПб.: Европейский Дом, 2008. – С. 145–185.

Липинская В.А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке // Традиционный опыт природопользования в России / под ред. Л.В. Даниловой, А.К. Соколова. – М.: Наука, 1998. – С. 184–225.

Лопатников С. Мифы и легенды политизированной экономики: «ресурсное проклятие» // «Профиль» – деловой журнал. Новости. Политика. Экономика. Финансы. Бизнес. – 2007. – № 34 (542). – URL: http://www.profile.ru/items/?item=24050 (дата обращения 20.10.2010).

Марков Ю.Г. Экологическая наука в стратегии развития сибирского региона // Гуманитарные науки в Сибири. – 2001. – № 3. – С. 83–88.

Миненко Н.А. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири. XVIII – первая половина XIX в. – Новосибирск: Наука, 1991. – 210 с.

На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII – XX вв. / В.А. Александров, И.В. Власова, И.А. Кремлева, Т.А. Листова, Т.С. Макашина, Г.Н. Чагин. – М.: Наука, 1989. – 352 с.

Никитин Н.И. Сибирская эпопея XVII века. Начало освоения Сибири русскими людьми. – М.: Наука, 1987. – 175 с.

Полтерович В., **Попов В.**, **Тонис А.** Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика // Вопр. экономики. – 2007. – № 6. – С. 4–27.

Яницкий О.Н. Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. – М.: Наука, 2007. – 271 с.

А.А. Люцидарская

ТОЛМАЧИ-НОВОКРЕЩЕНЫ (ИЗ ИСТОРИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В СИБИРИ)

Судьбы людей, живших во время начального этапа колонизации Сибири, были богаты приключениями самого разного свойства. Порой они заканчивались трагически, а иногда извилистый жизненный путь приводил к благополучию и заметной известности в своем окружении. В большей мере это утверждение справедливо по отношению к колонистам, однако затрагивало и представителей аборигенного населения Сибири и прилегающих к ней территорий.

Обратим внимание на один сюжет, связанный с жизненными коллизиями толмача томской приказной избы Никиты Чуры. По имеющимся документам известно, что Никита Чура попал к русским в качестве пленного. Джунгары считали его свои ясырем (невольником, рабом), истинную этническую принадлежность которого выявить не представляется возможным. При каких обстоятельствах произошли, эти события остается за кадром исторических реалий. Так же неизвестно в каком возрасте Чура попал к казакам в плен и к какому слою населения он принадлежал. Логично предположить, что Чура стал ясырем в юношеском возрасте, поскольку он сумел быстро и хорошо усвоить навыки русской речи и приобщиться к новой для него культуре. Есть вероятность, что по происхождению Чура принадлежал к родовой элите, т. к. вокруг его личности разыгрались нешуточные страсти [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 85].

Итак, что же произошло в 30-х годах XVII в. с томским толмачом? Достаточно обрусевший, принявший православие и вошедший в служилое сословие Никита Чура толмачил при томской приказной избе. Томск в этом период времени являлся не только значимым военно-административным и торговом центром, но и был опорным пунктом русской дипломатии при сношениях с государствами и государственными объединениями южных территорий Центральной Азии. Из Томска отправлялись посольские миссии и Томск, в свою очередь, не однократно принимал «иноземных посланников». События, связанные с именем томского толмача Н. Чуры развернулись в 1638 г.

В этот год были организованы поездки томских детей боярских Василия Старкова и Стефана Неверова к монгольским правителям, Алтын-хану и его ближайшему окружению. Посольская группа выполняла поставленные перед ней задачи, постоянно сталкиваясь с множеством трудностей.

На обратном пути в Томск путь лежал через «немирные» территории енисейских кыргызов. В посольской группе в это время находился толмач Никитка Чура, который был послан с томским сыном боярским Стефаном Неверовым для переговоров к ламе Даин Мерген-ланзу. Толмач должен был передать ламе государево жалованье и зачитать царский наказ. На обратном пути в Томск, Чура оказался среди спутников В. Старкова [Материалы.., 1974, с. 136].

На территории проживания енисейских кыргызов русскую делегацию ждал неприветливый прием. Отношения с кыргызами русским не удавалось наладить в течение почти всего XVII столетия. В Табунове улусе, по словам главы посольства, «чести никакой не было, и стать близко своего стану юрт своих нам не дали, и велели нам стать от своих юрт за версту». Через некое время в ставку Старкова вторглись «черные калмаки» (джунгары) с угрозами и толмача Чуру забрали с собой [Там же, с. 130]. Эти действия мотивировались тем, что захватившие Чуру люди опознали в толмаче своего беглого холопа. Напрасно Стефан Неверов говорил, что М. Чура послан «для государева посольского дела» в землю монголов и их поступок «не делает чести Алтын-царю и ламе», поскольку енисейские кыргызы являлись данниками Алтын-хана, тем не менее не воспрепятствовали захвату толмача [Там же, с. 147]. Возвращение толмача стало на определенное время камнем преткновения в переговорном процессе с монгольскими правителями.

Русские послы считали, что монгольская сторона должна была оказать влияние на «черных калмаков» в разрешении ситуации с похищением члена посольской группы. Непонятно, было ли похищение толмача инициировано, для того, чтобы осложнить отношения русских с Монголией, или же это произошло спонтанно, однако инцидент приобрел принципиальное значение. Во-первых, было проявлено неуважение к посольской миссии, во-вторых, Никита Чура являлся необходимым и подготовленным для ведения переговоров человеком.

Крайне интересна позиция самого похищенного толмача. Впоследствии он рассказывал, что его хотели увести «в черные калмаки» (в Джунгарию). Чура при этом говорил, *что «он человек русской, природный государев холоп».* Толмач предпочитал смерть возвращению в Джунгарию, заявляя своим похитителям, что «…жив у них быть не хочет» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 85]. Подобное состояние Н. Чуры лишний раз свидетельствует о полной адаптации бывшего ясыря к «русскому» образу жизни и приобщению к когорте служилого казачества.

Сибирская администрация продолжала возвращаться к вопросу о похищении Чуры в течении долгого времени. Весной 1639 г. в Томск прибыли послы Алтын-хана и сопровождающего их посла ламы Мергена Деги. Монгольскую делегацию принимал томский воевода И. И. Ромодановский. Послов встретили с должным почетом и определили на постой в нижнем остроге около Томи и выделили все необходимое, «чем им сытым быть».

В ходе переговоров томичи вновь возвратились к обстоятельствам захвата Н. Чуры, сетуя на то, что «алтыновы люди за него стали», таким образом, не подтверждая своих добрых намерений [Материалы.., 1974, с. 161].

Ситуация, когда в служилом новокрещене мог быть опознан бывший зависимый от какого-либо государственного или родоплеменного объединения человек (их холоп), не являлась для Сибири XVII в. чрезвычайной. Однако в данном случае речь шла о члене посольства и факт похищения приобрел особую окраску. Предполагалось, и в большинстве случаях так и было, что каждый состоящий на царской службе человек вне зависимости от места своего рождения и этнической принадлежности считался, «государевым человеком» и государство защищало и отстаивало его интересы, заранее пресекая возникновение каких-либо притязаний на его личность с третьей стороны. Казус с толмачом Чурой иллюстрирует этот принцип. В результате твердой позиции сибирской администрации и подключению к разрешению вопроса монгольских правителей Чура был отпущен. Захватчики толмача скоро осознали негативные последствия своего поступка. Освободившийся толмач прибыл в Томск, где получил жалованье в размере «7 рублей с четью на подмогу», и продолжил свою «государеву службу» [Материалы.., 1974, с. 159-161]. В Томске Чуру расспрашивали о планах и численности враждебно настроенных народов. Толмач поведал, что «многие люди вскопе, а сколько их числом и он того не ведает» [Бутанаев, 1995, с. 86].

Непрекращающиеся в XVII столетии военные конфликты колонистов с аборигенным населением приводили к тому, что именно из числа захваченных «ясырей» очень часто формировался контингент толмачей-переводчиков. Успеху в таком подборе толмачей должны были сопутствовать два условия: во-первых, способность кандидата в переводчики к усвоению нового для него языка, и, главное, – преданность «новым хозяевам». Для этого ясыря крестили и вводили в состав того или иного гарнизона со всеми привилегиями служилого человека. Как правило, прежде чем бывший пленник получал статус толмача, он исполнял ряд других вспомогательных обязанностей, например, кашевара и т. п. За это время новоявленный служилый приобщался к субкультуре сибирского казачества.

По-видимому, так обстояло дело с уже известным нам Никитой Чурой, а также с тарским толмачем Иваном Ясырем [Материалы.., 1974, с. 27, 28, 176, 245, 254]. Подобных примеров истории в Сибири XVII в. достаточно. В данном тексте речь идет о толмачах определенного статуса: состоящих на «государевой» службе при гарнизоне и получавшим соответствующее своему положению жалованье. Нехватка квалифицированных толмачей в полиэтничном и многоязычном пространстве нередко приводила к тому, что в экономически неразвитых регионах Сибири в роли толмачей использовали зачастую случайных людей, не владевших в должной мере необходимыми навыками перевода. Такие толмачи «однодневки» использовались от случая к случаю. Не зная толком языка и не ориентируясь в обстановке,

они приносили больше вреда, чем пользы, зачастую срывая переговорный процесс. На периферии, преимущественно в Восточной Сибири, практиковалось использование для переговоров «новокрещенных» казачьих жен, которые имели в своем лексиконе лишь минимум слов, преимущественно для бытового общения. Подобные явления происходили в местах, где не была отлажена административная система, что неизбежно приводило к недопониманию противостоящих сторон [Миллер, 2005, с. 200; ДАИ. Т. 5. С. 339].

Попасть в ранг служилого толмача было престижно и выгодно с материальной точки зрения. В качестве примера отметим, что томский толмач «новокрещен» Василий Канаев имел в городе Томске 2 отапливаемых дома, что являлось определенным мерилом достатка, вел активную торговлю, а его сын к началу XVIII в. достиг высокого служилого чина [РГАДА. СП. Кн. 1435].

Главным и самым привлекательным для толмачей из числа автохтонного населения Сибири было приобретение того, что современным языком называем «социальными гарантиями». Это прежде всего защита со стороны государства и стабильное жалованье. Соблюдение подобных условий в полной мере сопутствовали оказавшемуся в непростой ситуации толмачу приказной избы Никите Чуре.

Знающие, квалифицированные толмачи, вне зависимости от их происхождения, на протяжении первоначального этапа колонизационного процесса были востребованы как совершенно необходимое звено для нормализации политической обстановки в полиэтничном регионе.

Список литературы

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVII в. – Абакан: Хакасия, – 1995. – 250 с.

Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636–1654 гг. – М.: Наука, – 1974. – 467с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.: Вост. лит., 2005. м Т. 3. – 592 с.

А.Ю. Майничева

РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕРЕЗОВСКОГО ОСТРОГА 1636 ГОДА

В период активного продвижения казаков-первопроходцев по территории Сибири в XVII – начале XVIII в. одним из видов освоения пространства стало строительство крепостиц, острожков, а впоследствии и городов. Фортификационные сооружения обладали хорошими оборонительными свойствами, их образ приобретал важное символическое значение. Реконструкция Березовского острога по росписи тобольского сына боярского П. Хмелевского, выполненная в данной статье, позволяет внести уточнения в выявление традиционных и новационных форм культурного освоения сибирских территорий.

Березов город - одно из ранних русских поселений в Сибири, возникших как перевалочный пункт, через который русские промышленники могли добраться до Мангазеи, минуя опасный и доступный лишь несколько месяцев в году морской путь. Заложение русскими первой крепостицы можно отнести ко времени похода московского воеводы Семена Курбского «за Камень» в 1499–1500 гг. [Резун, Васильевский, 1989, с. 16, 108]. Острог позволил закрепиться на северных территориях, взять под государственный контроль поток вольнонародной колонизации по основной водной магистрали Мангазейского морского хода, а также беспрепятственно собирать ясак. В 1636 г. в Москву была направлена отписка тобольских воевод князей Михаила Темкина-Ростовского и Андрея Волынского с предложением по строительству Березовского острога [РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Лл. 21 – 42об.; Первое столетие сибирских городов, с. 72–78], в которой указывалось на многочисленные неполадки в конструкциях башен, городен и тына. Чтобы установить объем предстоящей работы, в Березов был послан тобольский сын боярский Павел Хмелевский, который выполнил сметную роспись. Благодаря точности описаний, в которых были указаны не только конструкции, но и размеры, можно реконструировать некоторые постройки Березова.

Первая постройка, с которой начато описание, - проездная городовая Спасская башня. Название ее, говорит о том, что на ее стене была расположена икона с образом Спаса. В плане она являлась четырехугольной с размерами сторон более 6,8 м, была срублена в «обло» с остатком. Сложена из нетолстых бревен диаметром около 21 см. Судя по дальнейшим описаниям это самая мощная и значительная башня, как по всем трем размерам, так и по качеству леса. В башне устроены обламы, что характерно для

традиционной русской острожной архитектуры. Высота стен до обламов около 7,4 м, высота обламов – 3,19 м. Упомянутый в росписи «реж» - вид бесстропильной конструкции для установки кровли и смотровой вышки. Его высота – более 3,4 м. Смотровая вышка в описании не упомянута, но, во-первых, задачей сметчика было не описание башен, а установление их пригодности для дальнейшего использования как в их в собранном виде, так и при разборке на бревна, во-вторых, именно использование конструкции «реж» говорит о наличии вышек. В-третьих, чертеж С. Ремезова 1701 г. косвенно свидетельствует о наличии вышек на всех башнях даже на рубеже XVII-XVIII вв., а уж в первой половине XVII в. в условиях беспокойной в военном отношении ситуации в Приобье они были просто необходимы.

От городовой Спасской башни до Пермской башни была устроена стена из 16 городен, имеющих обламы, расположенных на высоте «*пол второй сажени*», т.е. 1,5 сажен, что составляло около 3,15 м. Высота обламов составляла 2,13 м. Пермская башня не имела ворот. От нее до третьей глухой (т.е. не имевшей проезда) башни, «*что словет Вымская, которая стоит на углу*» были расположены городовые стены. Рядом со стеной был когда-то выкопан ров, обе стенки которого укреплялись тыном. В названиях башен – Пермская, Вымская, отражены направления от Березова – на Пермь и на Вымь. Из росписи следует, что от Вымской башни до четвертой башни города – шестиугольной Круглой («*о шти углах*»), имеющий малые ворота, идет стена размером 23 сажени (49,68 м), что несколько меньше, чем прочие стены города (видимо, строители стремились сделать план города подквадратным), потому что, *«по скаске березовских служилых людей, та круглая башня от берегу переставлена выше, потому что ис-под тое башни берег осыпался в Вагулку-реку».* Вместо городовых стен, таких как между первой Спасской и Пермской – городнями, «*поставлен стоячей острог».* Около стены выкопан еще один ров.

Шестиугольная Круглая башня с воротами стояла на углу острога, строители удачно взаимоувязали все эти особенности, так как в многоугольной башне удобно устройство проезда «с угла», что было уже использовано в восьмиугольной острожной Спасской башне. Не исключено, что и она имела обламы, но вполне возможно, что их не было. Поскольку специальных указаний нет, то башня могла быть срублена как в «обло», так и «в лапу», что в делает устройство шестиугольной призмы более простым.

Обращает на себя внимание многоугольность башни, что выделяет ее из всех остальных. В связи с этим, можно сделать предположение о том, что ее могли использовать в качестве колокольни для уже существовавшей церкви Рождества Богородицы или, по крайней мере, для установки вестового колокола. Шестиугольные колокольни и башни не были редкостью в XV-XVII в. Например, деревянная колокольня тобольского собора Софии Премудрости слова Божьего (1624 г.) [Майничева, 2000, с. 34].

Из описания выясняется также, что в Березове в стену был встроен воеводский двор (рис. 1), который мог примыкать к Спасской городовой башне

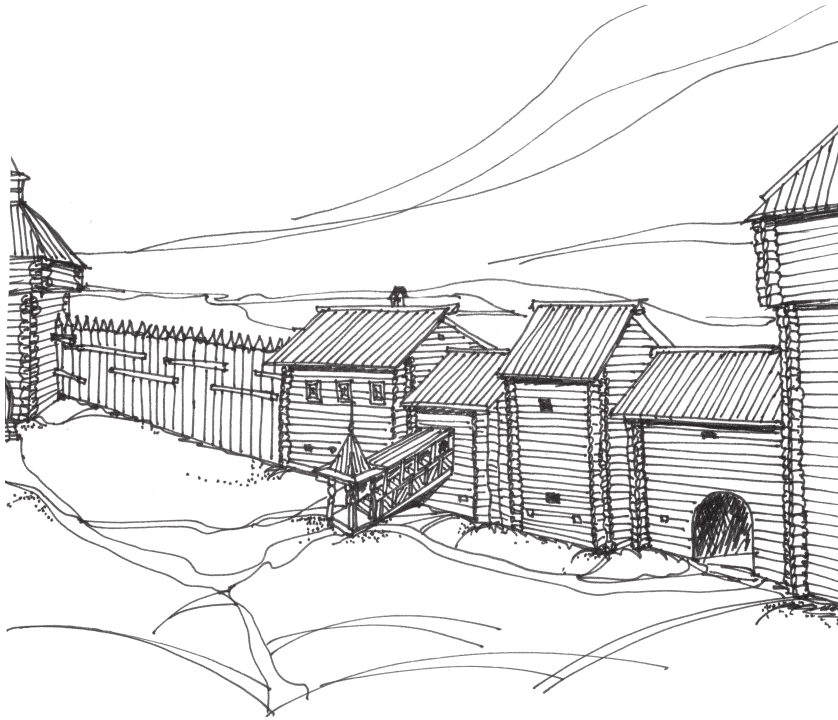


Рис. 1. Воеводский двор в Березове. Реконструкция А.Ю. Майничевой.

через несколько городен, между ним и Круглой башней был поставлен тын, что являлось все-таки отступлением от общих правил, поскольку в дальнейшем было указано «*в городе… воеводцкой двор переставливать на иные места, а воеводцкому двору быть в городе, а не в городовой стене»* [РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Л. 30].

Подробное описание острога дает возможность реконструировать и его (рис. 2). Всего в остроге было 5 башен: 4 с воротами и одна глухая. Первая острожная башня также называлась Спасская. Опять-таки восьмиугольная форма башни заставляет задуматься о ее предназначении. Как и в случае с городовой Круглой башней она стоит на углу, поэтому въезд организован очень удобно. Возможно, и она использовалась как колокольня, например для Троицкой церкви. Далее идет описание всех башен острога с указанием размеров. Из всех острожных башен в наилучшем состоянии были Лесная и воротная наугольная, поэтому при переносе острога могли планировать их оставить. Городовые башни значительно превышали острожные по размерам – у первых сторона составляет 4 с лишним сажени против 2-3 саженей у вторых. Скорее всего, все башни были возведены по единому образцу – с обламами, ряжевой крышей, сторожевыми вышками.

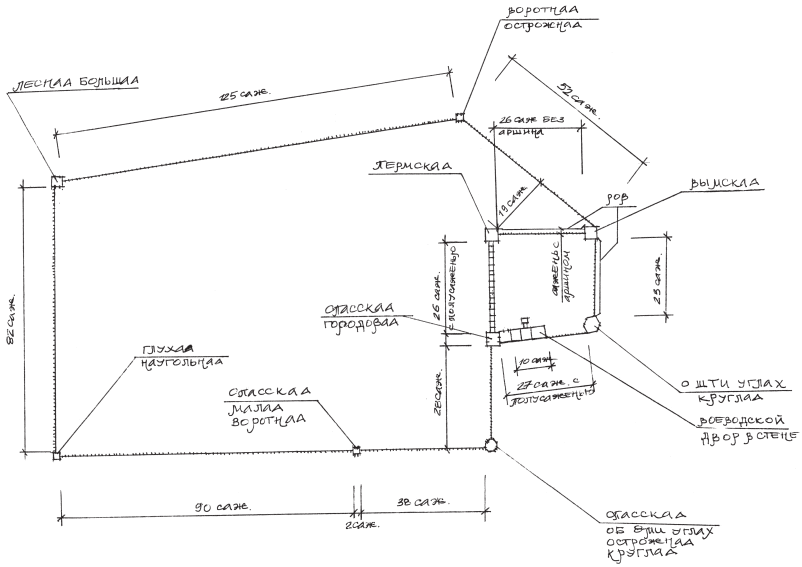


Рис. 2. Расположение башен и стен города и острога Березова (по описанию 1636 г.). Реконструкция А.Ю. Майничевой.

Компактный город с четырьмя башнями, где размещались административные и складские здания, контрастировал с острогом, который имел 5 башен и занимал площадь в 6-6,5 раз превышавшую площадь города. Со стороны реки складывался оригинальный и впечатляющий вид поселения – распластанный острог за тыновыми стенами и редко расположенными невысокими миниатюрными башнями и собранный, плотно застроенный город с мощными высокими башнями, внушительным воеводским двором, стоящим по одной линии с ними. Выразительные силуэты церквей, многоугольные острожная Спасская и городовая Круглая эффектно дополняли друг друга.

Обращает на себя внимание, что острожная Спасская воротная башня может являться аналогом, как по размерам, так и по облику, башен Казымского острога, располагавшегося в том же регионе и, в сибирских масштабах, недалеко от Березова. Отличием является отсутствие у Казымских башен сторожевой вышки, которой могло и не быть и у березовской Спасской башни. Отличием Казымских башен, судя по разрезам, является устройство крыши стропильной, в березовских же башнях, судя по описанию она была ряжевой. Устройство взвоза и ворот обычно было стандартным.

После тщательного описания состояния города и острога Березова Павел Хмелевский в своей сметной росписи сделал вывод: «… *поставити новой город на Березове на том же берегу, где прежней город стоит, толко от берегу городовые стены подвинуть к полю к острогу, что приведен к городовой к науголной башне за воеводцкой двор для тово, что*

тот берег осыпаетца в реку, и в городе съезжую избу и воеводцкой двор переставливать на иные места, а воеводцкому двору быть в городе, а не в городовой стене, а городовым всем четырем стенам быть ровным меж башен по 27 сажен стена, да 4 башни делать четвероуголные таковы ж, каковы были деланы первые городовые башни» [РГАДА. Ф. 214. Ст. 178. Л. 42об.]. Таким образом, Березов должен был остаться практически на прежнем месте, некоторые его башни нужно было несколько отодвинуть от ненадежного берега, придать более простой вид – сделать четырехугольными, а административные здания дать место в городе, а не в стене. Очевидно, что ко времени осмотра П. Хмелевским многоугольные башни Спасская острожная и городовая Круглая уже не использовались в качестве колоколен, так как были построены специальные здания, поэтому их форма должна была быть изменена. Такая стандартизация во многом лишала архитектуру Березова оригинальности, хотя обеспечивала простоту и экономичность построек. Реконструкция позволила установить, что вся архитектура березовского острога XVII в. была связана с традициями крепостного зодчества Сибири, в котором наилучшим образом использовались уже апробированные приемы и правила фортификационного искусства. В арсенале строителей крепости были и возможности конкретной привязки к местности и многофункционального использования построек (например, крепостные башни в качестве колоколен). Речной фасад Березова был выстроен как эффектная панорама, олицетворяющая мощь и значимость русского присутствия на югорском севере.

Список литературы

Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: Формы, символы, образы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 62 с.

Первое столетие сибирских городов. XVII век. – Новосибирск: Сиб. Хронограф, 1996. – 176 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. – Новосибирск: Наука, 1989. – 304 с.

А.Ю. Майничева, Е.И. Глухих

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)*

Приангарье является одним из регионов Сибири, заселявшихся выходцами с Русского Севера. В настоящее время требуется зафиксировать и определить степень сохранности и трансформации традиций их потомками. Данная задача приобретает особую актуальность вследствие физической утраты поселений в ходе экономических преобразований территорий. В целях решения социально-экономических проблем региона, ликвидации его дотационности, укрепления промышленного потенциала, освоения природных ресурсов реализуется проект, предусматривающий строительство каскада гидроэлектростанций. В результате часть территории по берегам р. Ангары будет затоплено, в т.ч. и места расселения старожилов-ангарцев, потомков носителей древней русской культуры, прибывших сюда после походов русских первопроходцев на Енисей и Ангару в XVII в. Полевые исследования 2010 г. позволили собрать новый материал по традициям старожильческого населения Приангарья в организации поселений и домостроительства.

Русские землепроходцы, вышедшие в 1630-х гг. к просторам Средне-Сибирского плоскогорья, точно оценили значение Ангаро–Илимо–Ленского междуречья: «Обосновавшись здесь, русские быстро унизали все речные пути Ангаро-Илимо-Ленского края цепочками деревень, разместив на стыках водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно 18-20 лет, создали здесь, за 5000 верст от Родины, край с прочным земледелием» (**Шерстобоев В.Н.** Илимская пашня. – Иркутск, 2001. – Т. 1. – С. 102). Вплоть до строительства Московского тракта Ангара была необходимым транспортным путем из Монголии и Китая в пределы Российского государства. По реке шли ценные грузы чая, тканей, соболя. Русские поселения были опорными точками торговых путей. Недаром старые поселения по Ангаре расположены на расстоянии одного волока – одного дня пути бурлаков, чтобы обеспечить им отдых и ночлег, о чем старожилам известно и сейчас.

В настоящее время в поселениях проживает старожильческое население, а также потомки переселенцев начала XX в. и спецпоселенцев советского времени (украинцы, белорусы, немцы). В Кежемском районе бытует общее название для всех жителей района – кежмари (*муж*. кежмарь, *жен*. кежмар-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (10-01-00470а).

ка). Старожилы называют себя ангарцы, прозвище – мокчоны (*местн. диал.* - «пескари»). Местные жители использовали пескарей как наживку для ловли крупной рыбы, откуда и пошло прозвание, обидное для них. К старожилам относят также кержаков (старообрядцев) и чалдонов (выходцев из района Усть-Илимска, народная этимология «человек с Дона»). Для системы расселения характерно прибрежное (дд. Паново, Проспихино, Болтурино, Яркино, с. Кежма) и островное расположение на р. Ангаре (д. Фролово и др.). Застройка, как правило, уличная двухсторонняя. Деревни во многих случаях ограничены с одной стороны рекой, а с другой – сопками и тайгой. Почти все они были основаны в XVII - начале XVIII вв. расселяющимися семейными кланами, прибывшими с Русского Севера.

В поселениях преобладает покоеобразная и двухрядная *планировки усадеб*. Имеются и примеры усадеб с крытым двором, примыкающим к жилому дому, но сейчас это редкость, поскольку так строились одни из самых ранних построек. Усадьбы разделяются на передний (чистый) и задний (скотный) двор. На переднем дворе (чистом) размещались дом, зимовьюшка, амбары, погреб, завозня, навесы для утвари («под крышей»), дровяник. На скотном дворе были «стайки», хлева, конюшни, пригоны. Бани размещены на территории усадьбы. Практически вся территория усадьбы ограничивалась постройками, лишь в некоторых местах (как правило, по улице) появлялся бревенчатый или дощатый заплот. Ворота с калиткой выходили на улицу и соединяли расположенные вдоль улицы дом и зимовье. Чистый двор мостили досками.

В наиболее выгодном положении оказывались усадьбы, расположенные вдоль реки и сопок, поэтому деревни имели одну-три протяженные улицы, соединенные несколькими переулками – ведущими к реке. Поскольку в жизни ангарцев большую роль играет река, часто рядом с оградой усадьбы лежат лодки, на берегу реки находятся сараи со снастями.

Жилые дома представлены преимущественно четырехстенками, пятистенками. Шестистенки в форме четырехкамерных домов встречаются крайне редко. Есть несколько домов «со связью» с тремя жилыми комнатами. Кровли вальмовые, двускатные на самцах, а также с дощатым фронтоном. По рассказам, ангарцы строили дома под двускатной крышей, чалдоны – под четырехскатной. В дд. Паново, Кежма, Проспихино сохранилось несколько примеров таких домов, построенных в конце XIX - начале XX в. (рис. 1, 2). В принципах строительства изб наблюдаются традиции Русского Севера –высокий подклет, расположение печей устьем от входа, справа или слева от него. В д. Панова находится дом-четырехстенок, судя по конструктивным деталям, имевший прирубом двор. В нем осталась печь русского типа с полностью сохранившимся припечным деревянным оборудованием с кутной заборкой. В более поздних домах печи ставились посреди дома, разделяя его на части. Помещение рядом с печью отводилась под кухню, напротив устья печи должен был располагаться «красный угол» с иконой, как правило, украшенной рушником. К домам пристраивались до-

щатые сени, лишь в самых старых можно увидеть прирубленные бревенчатые сени. Основными помещениями являлись – сени, кладовка, кухня, спальня, зал или комната. Кроме пристроенных сеней общее пространство дома разделялось дощатыми перегородками, а раньше и не делилось вовсе. В спальнях было одно окно, а в зале (комнате), имевшем две стены на улицу и на чистый двор, окон было много – по два-три в каждой стене. Нередко окна имели полуциркульное завершение и внутренние фигурные наличники. Снаружи окна также были обрамлены нарядными наличниками, иногда имели одно-двухстворчатые ставни. Встречается глубинная резьба в форме ракушки или полусолнца, однако в большинстве случаев фасады украшает пропильная резьба. Рядом с окнами делали небольшое отверстие для вентиляции, которое можно было при необходимости затыкать. Окна стеклили, иногда самолитыми стеклами. В них устанавливались одна рама, позже две. Внутреннюю глухую раму на лето снимали, а внешнюю можно было открывать.

Дом строили из сосновых бревен, окладной венец и первых два-три венца делали из лиственницы. Лес валили на полнолуние, так как считалось, что все соки идут в дерево, которое крепнет. В новолуние («безлуние») соки идут в корень, поэтому для строительства такой лес не годится. Долгое время (до появления леспромхозов) дома ставили из смолистого неподсоченного леса. Первый венец клали прямо на землю, поскольку эта порода дерева устойчива к гниению. В самых хороших старых домах и весь сруб

Рис. 1. Чалдонский дом. Село Паново Кежемского р-на Красноярского края. 2010 г. Фото А.Ю. Майничевой.

Рис. 2. Изба. Начало XX в. Село Паново Кежемского р-на Красноярского края. 2010 г. Фото А.Ю. Майничевой.

(стопу) складывали из «моченого листвяка», который год мочили в Ангаре для придания ему прочности. Венцы рубили «в чашу» с остатком. Чаша располагалась в верхнем бревне. Под первый венец подкладывали монетки для обеспечения богатства в доме. Обычно высота сруба дома складывалась из 11-13 венцов, диаметром 22-27 см. Ряды венцов укладывали попеременно – комель, вершина, чтобы сруб был ровный, это особенно заметно по выпускам – разница между диаметрами срезов составляет до 4 см. Между венцами укладывали мох для утепления. Могли устраивать около нижних венцов завалинку. Когда устанавливали потолочную балку («матку») под нее подкладывали монетку «для счастья, достатка». Крыши делали тесовые в два слоя. Тес для кровли кололи из цельных бревен специальным топором, вбивая в расщелину клинья. Такой тес не поддавался гниению. Позже крыши покрывали рубероидом, а затем шифером. Конек часто выводили с резьбой. Фронтон забирали досками, делали фигурное полуциркульное окошко на чердак.

Первые печи делали глинобитные с дымоходом, потом стали складывать из самодельных кирпичей. Печи русские хлебные, сейчас преимущественно с плитой. Рядом с печью делали лаз в подпол, в крышке люка делали отверстие для кота. Печь и потолок белили. После обтески стен внутри дома их также белили известкой. Пол не красили, а для чистоты скоблили специальными ножами-косарями. Затем стали покрывать олифой и масляной краской. Набор строительных инструментов был разнообразен, позволяя практически каждому крестьянину самому выполнять строительные работы, начиная от валки леса до окон и дверей. В обязательном наборе были

топоры, стружки, пазники, напарии (сверла), пилы. Для выполнения ряда работ могли приглашать специальных мастеров из своей или соседней деревни – для изготовления наличников, кладки печи. Распространена была и работа хозяина под руководством приглашенного мастера.

Таким образом, в системе расселения отмечается характерное для Русского Севера прибрежное и островное расположение поселений. Жители сел из числа старожильческого населения (ангарцев) осознают свою идентичность как русские, объединенные проживанием на реке Ангаре и многовековыми родственными связями. Адаптационный потенциал русского этноса показал высокую степень приспособляемости к условиям проживания. В связи отдаленности и трудной доступностью многих районов Приангарья в культуре русского старожильческого населения в большой степени были законсервированы традиции домостроения, принесенные из мест выхода. Вместе с тем, в традициях возведения зданий, типах домов, хозяйственных постройках наблюдаются как северорусские традиции, так и элементы традиций других территорий, а также модернизационных процессов. Многие элементы традиционной строительной культуры ангарцев являются общими с обычаями и правилами старожилов других регионов Сибири, например, Приобья, Притоболья, Прииртышья.

А.Ю. Майничева, В.П. Мыльников, И.М. Рудая, Е.А. Коваленко

ЭКСПОЗИЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН*

Согласно принятой концепции на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом должна развиваться зона археологических памятников, которые были вывезены в Новосибирск из различных регионов Сибири в 1970-е гг. Часть из них составляла коллекцию А.П. Окладникова. В настоящее время на территории ИАМ сосредоточены каменные изваяния и артефакты различных исторических эпох: от древнекаменного века до нового времени. Они были установлены в 1989-1990 гг. на обширной территории от въездных ворот до обрыва к р. Зырянка. Для оптимизации экскурсионных маршрутов новым зонированием музея предусмотрено размещение всех экспонатов в непосредственной близи от входной зоны.

Участок выбранной площадки уже был занят отдельными экспонатами. Она имеет равнинный характер, там произрастают отдельно стоящие деревья, от ограды она отделена лесополосой. Все это создает уникальные возможности для ее зонирования. За основу размещения экспонатов был принят хронолого-территориально-тематический принцип. Маршрут развивается последовательно – палеолит-неолит, бронзовый век, поздний бронзовый-ранний железный века, средневековье, новое время. В пределах временных границ был определен территориальный признак по местам первоначального расположения артефактов – Нижний Амур, Хакасско-Минусинская котловина, Забайкалье, Тува, Алтай. Всего в экспозиции представлено 76 объектов (см. *рисунок*).

К эпохе палеолита относится 1 памятник – гигантский нуклеус, стоянка Улалинка, Алтай. К периоду конца мезолита–начала неолита - 1 (камень с изображением лося, Нижний Амур). Неолит представлен камнем с изображением масок-личин, Нижний Амур.

Бронзовый век включает объекты, относящиеся к окуневской культуре, Хакасско-Минусинская котловина, - 8 (плоский курган, 3 изваяния, 2 плиты из могильных сооружений, 2 валуна с изображением личины) и к культуре херексуров и оленных камней, Забайкалье, - 6 (оленные камни – 4, изображения воинов – 2). К группе позднего бронзового – раннего железного веков относятся 9 объектов, включая 5 артефактов скифской культуры (стилизо-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (10-01-18121е).

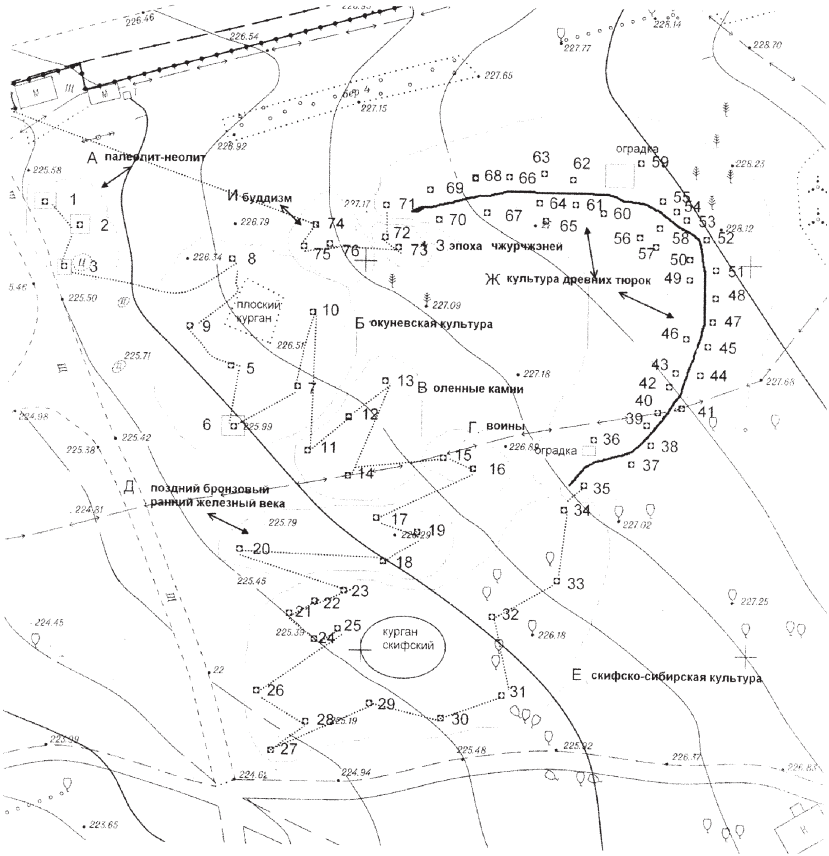


Схема зоны археологии историко-архитектурного музея
под открытым небом ИАЭТ СО РАН. 2010 г.

ванные изображения человека, плита с фигурками людей и лошадей, камни с изображениями оленей).

Раннее средневековье (культура древних тюрок) включает группу из 36 объектов – фигур воинов, являющихся находками из древних культовых комплексов Куюс 1, Куюс 2, Куюс 3, Куюс 4, Теньга, Онгудай, Курота, Нижняя Талда 1, Нижняя Талда 2, Кулада, Айтэны 1, Айтэны 2, Малый Еломан, Кызыл-Мааны. Узун-Язы, Актру, Соокту-Кообы, Макажан 1, Макажан 2, Мухор-Тархаты, Чаган-Баргузы 1, Чаган-Баргузы 2, Чаган-Баргузы 3, Дьер-Тебе, Кара-Дюргун, Терс-Акан, Чадыр 1, Чадыр 2, Юстыд 1, Юстыл 2, Харар-Тей, Алкаак.

Средневековье и новое время представлено эпохой чжурчжэней, Амур (2 объекта – база колонны, базальтовая ступа для обработки зерна и получения муки), и буддистскими изваяниями и артефактами (3 – камни с буддийской надписью, изваяние буддийского божества воды Лубан Жалбо Бурхан).

Маршрут идет от входной части музея около 70 м на юг вдоль существующей дороги от одной группы объектов к другой. Естественной границей зоны археологии с юга является существующая проселочная дорога к Казымскому острогу и группа деревьев. От нее экспозиция развивается на восток на расстояние 25 м, затем на северо-восток 60 м. С востока границей служит группа кедров. Экскурсанты завершают осмотр, вернувшись к его началу, пройдя вдоль существующих лесных насаждений. Особенно вызывает интерес группа экспонатов раннего средневековья, поскольку состоит преимущественно из антропоморфных фигур. Так, изваяние, найденное у зимника, вниз по правому берегу р. Катуни, в 5 км на запад от с. Куюс, выполнено из монолита, голова выделена, показаны шея и плечи. Детали лица в низком рельефе. Правая рука согнута в локте под острым углом на уровне груди поддерживает сосуд. Левая рука, опущенная на пояс, едва прослеживается. Другое изваяние, обнаруженное в окрестностях села Озерное на р. Теньга, выполнено на массивном гранитном блоке с естественным коническом верхом, в котором можно видеть головной убор. На широкой плоскости нанесены детали лица: одним приемом брови и нос, отдельно волнистые усы и одной чертой рот. Глаза раскосые, узкой полосой намечен овал лица. Еще одно оригинальное изваяние, стоявшее у зимника на правом берегу руч. Нижняя Талда, выполнено на плите темно-серой сланцевой породы, которой грубой обивкой приданы очертания человеческой фигуры. Детали лица рельефные. В верхней части головы поперечной линией показан нижний край головного убора. Руки с проработанными пальцами на уровне живота поддерживают большой сосуд. Изваяние, найденное в логу Айтэны на левом берегу р. Малый Ильгумень в 12 км от с. Хабаровка, выполнено из темно-серого бруса, расширяющегося кверху. На гладкой поверхности лицевой стороны камня нанесено изображение головы человека. Абрис лица показан одной овальной полосой. Глаза, нос, усы, загнутые концами вверх, также нанесены в один прием. Брови показаны одной волнистой дугой, рот овальной чертой. Непропорционально большие уши изображены при помощи двух параллельных дугообразных полосок. Изображение правого уха не вместилось на лицевой стороне, и было выполнено на южной боковой грани камня. Изваяние стояло у восточной стороны оградки (3×3 м) и ориентировано лицом на восток. На левом берегу р. Актру (левый приток р. Чуи) в составе комплекса находилось изваяние, выполненное на плите, которой были приданы правильные очертания человеческой фигуры. Выделены голова, слабо обозначены плечи. В невысоком рельефе выполнены детали лица: миндалевидные глаза, нос и пышные усы. Брови показаны двумя бороздками, рот - продолговатой выемкой. Глубокой и широкой выемкой обозначены шея и вырез одежды. Плечи округлые, покатые. Правая рука согнута в локте и поддерживает небольшой сосуд на уровне груди. Левая сколота, но, очевидно, была изображена кистью на поясе, который набран выпуклыми квадратными бляхами. Пояс охватывает фигуру с трех сторон. Слева к поясу подвешена сабля в ножнах. Рукоять короткая,

округлая, перекрестие прямое. На ножнах изображены округлые скобы для подвешивания. Нижний конец ножен заканчивается на левом боку фигуры. На правом боку рельефная сумочка полукруглой формы. Все эти и другие фигуры выглядят очень эффектно и живописно, придавая особый колорит ландшафту.

Одновременно с разработкой тематико-экспозиционного плана и схемы размещения экспонатов были проделаны охранно-реставрационные мероприятия: оценка состояния каждого экспоната; определение видов грибковых наростов и отбор проб для лабораторных анализов; изготовление специальных растворов для обработки грибков-лишайников с целью их уничтожения; составление растворов для консервирующей пропитки поверхностей каменных изваяний, препятствующих образованию грибковых наростов и действия влаги. Было выявлено, что ранее установленные бетонные постаменты хорошо изолируют изваяния от воздействия травяного покрова и тем самым в значительной степени уменьшающим риск повторного заражения каменных поверхностей грибковыми наростами. Особенностью постаментов является их конструкция. Бетонное основание окружает артефакт со всех сторон, являясь одновременно площадкой для осмотра экскурсантами. Вместе с тем, изваяние не имеет контакта с бетоном, а для обеспечения устойчивости нижней частью помещено в углубление, заполненное утрамбованной смесью песка и гравия. Часть артефактов установлена непосредственно на гравийно-песчаную подушку.

Обследование обработанных в 2007-2008 гг. экспонатов показало незначительную степень появления новых образований лишайников и мхов, что говорит об эффективности примененной технологии, которая включает сухую обработку поверхностей каменных артефактов и изваяний, наложение водяных компрессов с последующей очисткой поверхностей щетками с естественной щетиной и деревянными лопатками разбухшей и отмякшей консистенции мхов-лишайников, смывание их водой, естественную сушку поверхностей, их пропитку биозащитными и гидрофобными растворами серии «Оберег». Вместе с тем, требуется очистка остальных артефактов, часть из которых долгое время были погружены в почву и заросли травой. Некоторые изображения на изваяниях и плитах и их отдельные детали скрыты под слоями органических наростов, которые портят не только поверхность каменных основ, но и их структуру, заполняя трещины и щели и размножаясь в них.

В результате проведенных научно-реставрационных работ было выполнено обследование и освидетельствование состояния уже обработанных в 2007-2008 гг. с целью их сохранения экспонатов. Примененная методика показала свою эффективность. Зона археологии была выделена в цельный комплекс, четко выраженная группировка экспонатов по хронологическому признаку облегчает знакомство с ними. Использование особенностей ландшафта позволило создать интересное объемно-пространственное решение для размещения непростых для экспозиции объектов.

О.В. Мальцева

РАБОТА КРАСНОГО КРЕСТА СРЕДИ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ СИБИРИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (1920-е ГОДЫ)

В начале XX в. в полиэтническом сообществе Сибири и Дальнего Востока одним из проводников социалистических идей стала организация Красный Крест. Ее возникновение восходит к середине XIX в. и связано с событиями Крымской войны. Во время обороны Севастополя (в 1854 г.) была создана Крестовоздвиженская община сестер милосердия, позже в 1867 г. переименованная в Российское общество Красного Креста (РОКК). Основополагающий принцип общества – безвозмездная экстренная помощь жертвам войны и гражданскому населению (включающая организацию пожертвований, врачебно-продовольственной помощи, строительство приютов, госпиталей), лег в основу Женевской конвенции 1867 года. Россия ратифицировала это соглашение, став полноправным участником Международного общества Красного Креста, и этим получила возможность заниматься благотворительной деятельностью не только на территории России, но и за ее пределами.

На начальном этапе становления советской власти практический опыт Красного Креста особенно был востребован в решении социальных и национальных вопросов сибирского региона. На огромной территории от Урала до Тихого океана, от побережья Ледовитого океана до границ Китая и Монголии проживало множество народностей, ведущих оседлый, кочевой, полукочевой образ жизни. Неоднородность этнического состава аборигенов Сибири и Дальнего Востока дополнялась различиями их социально-экономических положений. Царское правительство, согласно Указу 1822 г., стояло на позиции невмешательства во внутренние дела «инородцев», тем самым способствовало консервации сложившихся форм отношений. Советское правительство первоначально также придерживалось тактики государственного невмешательства в жизнь аборигенов, сохраняя льготы административного характера и в налогообложении. В 1920-х годах в связи с хлебным кризисом, началом промышленных строек содержание малочисленных народностей за счет Центра оказалось проблематичным. Постепенно увеличивающиеся сборы за пользование оружием, рыболовными и охотничьими угодьями уже к 1923 г. в несколько раз превосходили ясачные поборы времен царизма, что усугубляло и без того нищенское существование сибирских этносов. Следствием этого стали случаи голода и вспышки заразных болезней во многих районах Сибири. Красный Крест,

начавший с 1924 г. работу в рамках Комитета содействия народностям северных окраин, в своих первых отчетах фиксировал наступление голода в районах Васюганья, Нарыма, Шории. В Васюганье голодало 1500 человек, в Кондомском районе – 5000 человек (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 20, л. 14).

В 1926 г. санитарно-эпидемические отряды Красного Креста, в состав которых входили и этнографы, провели экспедиционные исследования в Нарымском крае. Статистические материалы предшествующего века показывали устойчивую тенденцию вымирания *остяцкого* населения. В 1805 г. в крае проживало 7461 человек; в 1898 – 3150 (убыль составила 57 %). Т.е. каждый год убывало 47 человек и причина этому была «бедность, лишения, стеснения со стороны завоевателей, купцов, русского населения» (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 84, л. 2). В списке заболеваний появился сифилис. В обследованных 49 селениях по р. Обь проживало 5345 русских и только 980 *остяков.* Из числа русских больных сифилисом было 46 человек; *остяков* – 72 человека. Занесение венерической болезни в Нарымский край шло через торговые контакты между коренным населением и пришлым. Однако комиссия сделала вывод, что кочевой образ жизни сдерживал распространение недуга. В борьбе за существование *остяки*, ослабленные сифилисом, легко уступали русским свое место «с внедрением последних в остяцкую среду, а сами снимались с своих юрт и уходили в более удобные богатые пушниной места и более отдаленные – вниз по р. Оби» (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 84, л. 4).

Бытовые особенности, традиционная система питания и труда стали причиной распространения малярии, цинги, против которых у «инородцев» не было иммунитета. Большие физические затраты в промысле, осуществлявшегося в холодной воде или тайге, обусловили передачу по наследству сердечных заболеваний и ревматизма. Причина ослабления потомства скрывалась и в нехватке витаминов, минералов при ограниченной диете, когда в рационе преобладали только кислый хлеб, соленая рыба, икра, зелень, ягоды. Для кочующих *тунгусов* в случае эпидемии единственной мерой предосторожности оставалась отправка человека в ближайшее стойбище, чтобы разузнать есть ли в нем больные.

В 1920-е годы многие сибирские районы оставались охваченными эпидемиями оспы, тифа, дизентерии, холеры. Работники Красного Креста отмечали слабость медицинской помощи в аборигенной среде. Их деятельность, развернувшаяся на всей территории Сибири, включала вакцинацию против заразных заболеваний, строительство больниц, акушерских пунктов, формирование штата медицинских сотрудников. Местные осознавали спасительность этих мер, к примеру, у докторов даже спрашивали, нет ли у них прививок (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 84, л. 4). Большое значение придавалось изменению статуса женщины, что влияло на демографические показатели. О высокой смертности детей свидетельствовали следующие данные 1926 г.: на 74 остяцких матерей пришлось 410 беременностей, из них 15 выкидышей, 227 детей умерло, 168 осталось в живых (ГАНО, ф. 354,

оп. 1, д. 83, л. 4-8). Сложная работа предстояла по изменению традиционного порядка жизни. В отчете 3 отряда РОКК оценивалась особенность кочевого уклада: «… неумение жить «с расчетом» всякий раз заканчивается тем, что все добытое потом и кровью зимой – пролетает в самый короткий осенний период времени» (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 83, л. 10).

Мероприятия по изменению жизни аборигенов включали санитарно-просветительскую работу. Члены экспедиции столкнулись с сопротивлением местного населения, когда оно отказывалось воспринимать убеждения, кроме практической помощи. В пропаганде новых форм жизни использовались приемы дипломатии. Персонал Красного Креста выбирал самые гибкие методы. К примеру, для разъяснительной работы под предлогом обследования больного на дому в его жилище собирали жителей деревни. В ходе лечения всем присутствующим давались советы, как уберечься от тех или иных болезней. Лекторы выбирали те вопросы, которые больше всего беспокоили население. В 1926 г. в ходе медико-гигиенической акции было проведено 48 лекций о трахоме, малярии, глазных болезнях, поставлен платный спектакль местными силами при участии сотрудников отряда, сделана выставка картин по сифилису (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 83, л. 17).

В своей сибирской практике работники РОКК встретились с явлением шаманизма. В южных районах и северных – среди алтайцев, шорцев, хакасов, якутов, шаман имел определенный вес в обществе как хранитель традиций и лекарь. Но ослабление его мощи в этот период свидетельствуют факты выбора «туземным» населением врачебной помощи как более эффективного средства в борьбе с заразными и неизлечимыми заболеваниями. «Туземцы» отправлялись лечиться за 200-300 верст, иногда за 500. В Якутской области Амгинский аймачный исполком после 1,5 месяцев работы глазного отряда сделал вывод, что врач сильнее шамана и решил его «символы могущества» передать отряду. Костюм шамана был направлен на санитарно-гигиеническую выставку в г. Вену (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 83, л. 24).

Данные, собранные санитарно-просветительскими отрядами в самых разных уголках Сибири, не согласовались с ранее общепринятыми утверждениями о вымирании малочисленных народов. Отмечалось, что, несмотря на большую заболеваемость «туземцев», они отличаются большой естественной стойкостью и сопротивляемостью. Шорцы, пораженные в больших размерах сифилисом, остаются многосемейными, у них в семьях 4-5 человек детей. То же самое в Якутской области – на 363 мужчин приходилось 333 женщин, детей – 198 мальчиков и 178 девочек. Эти показатели служили подтверждением сохранения воспроизводства аборигенов. Комиссия сделала вывод, только за счет ухудшения экономического состояния, притеснения со стороны русских «инородцы» лишаются источников существования и обрекаются на вымирание. Тогда опустошение среди них производят эпидемические заболевания (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 83, л. 24).

Завершающий 1928 год работы Российского общества Красного Креста среди малых народов Сибири выявил тенденцию сближения их с русскоязычным населением. Появилась новая социальная болезнь – пьянство и как следствие этого насилие, убийство, до этого практически не отмечаемое в среде *тунгусов* и *остяков* (ГАНО, ф. 354, оп. 1, д. 274, л. 1-5). Факты, собранные в течение трех лет, показали противоречивость процесса «оздоровления» коренного населения. С налаживанием системы медицинской помощи проникали «блага» цивилизации, к которым аборигены не были готовы. В целом кампания санитарно-просветительских отрядов подчеркнула необходимость комплексного решения вопроса интеграции коренных народов в современную цивилизацию, что должно происходить по административной и врачебно-культурным линиям. В итоге проведенных мероприятий стали заметны положительные изменения – появилась сеть медицинских учреждений, амбулаторная и стационарная помощь, женщина получила социальные права; новые бытовые, гигиенические условия позволили повысить уровень жизни.

В.В. Николаев

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Этническая идентичность автохтонного населения предгорий Северного Алтая была во многом сопряжена с социальной структурой, которая динамично развивалась в течение XVII–XX вв.

До включения региона в состав России его коренное население являлось частью полиэтничной общности, выступавшей на исторической арене в качестве кыштымов различных политических образований, сферы влияний которых распространялись на территорию Южной Сибири. Эта общность представляла собой конгломерат различных угро-самодийских и тюркских этносов.

Низовым уровнем самоидентификации аборигенного населения являлась большая патриархальная семья (патронимия), что было связано с мобильностью небольших групп населения в рамках Алтае-Саянского региона. Неудивительно, что в XVII в. на административной карте Южной Сибири присутствовали патронимические названия волостей.

Вторым таксономическим уровнем самоидентификации автохтонного населения предгорий Северного Алтая являлся «*сеок*». Сохранение разнообразных древних этнонимов в качестве наименований «*сеоков*» было сопряжено с потребностью самоорганизации отдельных общностей. Уже к XVII в. многие этнонимы не соответствовали происхождению своих носителей [Шерстова, 2005].

О какой-то общей идентичности тюркского населения таежного мира в XVII в. не приходится говорить. Консолидационные процессы по ряду причин имели слабовыраженный характер. Консолидации препятствовала природно-географическая среда, характеризующаяся сложным рельефом и труднодоступностью региона в целом. Не последнюю роль играла низкая плотность населения, обусловленная спецификой освоения природной среды. Процесс осознания аборигенами самих себя через противопоставление «мы–они» был затруднен в силу субстратности этнических групп и схожести их культурного облика.

Определенное влияние на характер этнических процессов в среде кыштымов оказывали сменявшие друг друга сюзерены. Складывание крупной относительно монолитной общности в южносибирском регионе рассматривалось кыргызами, джунгарами и их предшественниками, как потенциальная угроза сложившейся системе владения-подчинения. Появление рус-

ских в Сибири первоначально не предвещало существенных изменений в положении коренного населения региона. Сменился сюзерен, но во многом сохранились сложившиеся к XVII в. формы отношений. Изменение этнополитической обстановки в Сибирском регионе в течение XVIII в. позволило российским властям приступить к реорганизации отношений между государством и подданными в регионе. Новые административные практики получили свое выражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г.

Коренное населения Южной Сибири было разделено на волости (часто по родовому, этническому признаку) и включено на правах «инородцев», или «оседлых инородцев» в социальную стратификацию России. Часть аборигенного населения вошла в состав крестьянских (русских) волостей. Административно-территориальная политика России, направленная на выделение отдельных (этнических) общностей в рамках определенных территорий, спровоцировала консолидационные процессы. Их усиление было вызвано уплотнением автохтонного населения в процессе крестьянской колонизации Южной Сибири. В ходе расширяющихся межэтнических контактов разворачивались ассимиляционо-аккультурационными процессами, способствовавшие формированию противопоставления «мы-они» в религиозном, культурном и иных планах.

Вследствие этого в течение XVIII - XIX вв. происходило умножение и трансформация существующих идентичностей у аборигенного населения предгорий Северного Алтая.

Самый низкий таксономический уровень самоидентификации - патронимический – постепенно нивелировался. Аилы пополнялись пришлым населением и превращались в улусы; шло преобразование аильной общины в территориальную. Одновременно в ходе механического прироста населения происходила трансформация «*кровнородственного сеока»* в *«сеок-волость»,* или административный род.

Видимо, в XIX в. происходит закрепление самоназваний: «тадаркижи», «тадарлар» (кумандинцы); «йыш-кижи» (тубалары); «куу-кижи» (челканцы). Со второй половины XIX в. исследователи обратились к дифференцированным описаниям коренного населения предгорий Северного Алтая. Так, В.И. Вербицкий разделил алтайцев на северных и южных, ссылаясь на различия хозяйственных занятий, культур и языков и т.д [1993]. В.В. Радлов писал уже о конкретных этносах: кумандинцах, черневых и лебединских татарах [1989].

Аналогичные этнонимы можно встретить в документах Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела РГО начала XX в. По данным неизвестного исследователя коренное население Верхне- и Нижне-Кумандинских волостей именует себя «татарами и кумандинцами», отделяя от черневых татар и алтайцев по языку (ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 43. Л. 10об.).

Изначально данные этнонимы восходят к обобщенному названию тюркоязычных народов Российской империи - татары. Широта данного термина обусловила появление словосочетаний в виде географического,

или административного уточнения: «бийские татары», «черневые татары» и т.д. Официальная легитимность этнонима «татары» в государственных документах и на бытовом уровне обусловила его распространение среди автохтонного населения предгорий Северного Алтая.

Другим квазиэтнонимом стал социальный таксон «инородцы». Его официальное утверждение, связанное с принятием «Устава об управлении инородцев», обусловило формирование сословного («инородческого») самосознания. Его актуализация, наравне с этническим самосознанием сказалось на характере этносоциальных процессов в предгорьях Северного Алтая и в целом в Сибири. Кодификации этого квазиэтнонима способствовали практики христианизации региона, особенно активно развернувшиеся во второй половине XIX в.

В начале XX в. государство активизировало свои действия в отношении уравнения сословных прав «инородцев» и «крестьян». Государство ориентировалось на создание единого податного сословия. «Устав об управлении инородцев» хотя и не был отменен, фактически игнорировался при проведении земельной реформы 1912–1914 гг. В 1916 г. было аннулировано последнее право на освобождение от воинской повинности и аборигенное население было мобилизовано на тыловые работы. Политические события февраля 1917 г. окончательно стерли сословные границы. Но к этому времени особый социальный статус стал частью менталитета аборигенов. Уравнивание в правах с крестьянами, рассматривалось ими как утрата гарантированных государством прав [Славнин, Шерстова, 2008].

Несмотря на социально-политические изменения первой половины XX в., память коренного населения предгорий Северного Алтая сохраняла данный квазиэтноним, в том числе и как свидетельство былых преференций. В похозяйственных книгах некоторых сельских советов в границах предгорий Северного Алтая (например, Сузопский с/с) вплоть до 1940-х гг. в графе национальность часто указывалось – «инородец».

Многоуровневый характер этнического самосознания коренного населения региона отразился в материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. В ходе учета населения переписчики регистрировали сословную и национальную принадлежность главы семьи со слов респондента. Если с сословной идентичностью аборигены определялись четко: «инородец» или «крестьянин» (иногда в графе сословие фиксировалась национальность, что можно связать с невнимательностью корреспондента), то следующая графа предлагает весь спектр этнонимов Алтая: «алтаец», «кумандинец», «инородец», «татарин», «верхний или нижний кумандинец», «кузен» и т.д. Как видно приведенные наименования относятся к разным таксономическим уровням идентичности этнических групп предгорий Северного Алтая.

На основе имеющихся сведений можно реконструировать ареалы распространения тех или иных этнонимов. Так, в Тайнинской и Троицкой волостях все автохтонное население назвалось «татарами», как и в соседней Нижне-Кумандинской волости, где проживали «кумандинцы» (только

в а. и с. Пильно), реже «теленгиты» и «алтайцы». В Урунской волости распространены были этнонимы «алтайцы», инородцы» и «татары». Количество последних преобладало. В Сузопской, Озеро-Куреевской и Паспаульской волостях превалировали «алтайцы», а также «кумандинцы» (в Озеро-Куреевской также «верхне- и нижне-кумандинский»), «татары» (только а. Тебенда Сузопской волости), «инородцы» (Паспаульская волость). В Верхне-Бийской волости помимо «алтайцев» фигурировали «калмыки», «теленгиты», «кумандинцы». Наиболее «полиэтничной» была Лебедская волость: «алтайцы», «верхне-кумандинские инородцы», «комляш», «кузены», «кузнецкие татары», «кумандинцы», «теленгиты», «тиргеш», «чалганы», «чалканцы», «шелканские инородцы» (ЦХАФ АК. Ф. 233. Оп. 1, 1а, 1б, 5).

Таким образом, для разных групп аборигенного населения был актуален тот или иной уровень идентичности. В аборигенных поселениях Северного Алтая сохраняло устойчивость родовое и этническое самосознание, а в поселениях с этнически смешанным населением на первый план выходили квазиэтнонимы: «инородец», «татарин». Усложнение самосознания происходило в условиях активизации этносоциальных, в том числе миграционных процессов в регионе. Многоуровневый характер идентичности указывал на сложность и незавершенность процессов консолидации коренного населения предгорий Северного Алтая в начале XX в.

Список литературы

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. – Л.: Наука, 1969.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989.

Славнин В.Д., Шерстова Л.И. Народы Северного Алтая: некоторые проблемы этногенеза и этнической истории // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. – СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005.

М.А. Овчарова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ 1990–2000-х ГОДОВ)*

Тюменская область – один из полиэтничных регионов России: здесь проживают представители 140 этносов. По данным на 2002 г. безусловно доминирующим этносом в ней являются русские – 2 336 520 чел.; значительна доля татарского населения – 242 235 чел., а также украинцев – 211 372 чел., башкир - 46 575 чел., азербайджанцев – 42 359 чел. Коренное населении: ненцы занимают 8 позицию в этнодемографической структуре области (27 965 чел.), ханты – 10 (26 694 чел.), манси – 18 (26 694 чел.), коми – 19 (10 055 чел.) Многочисленные программы и организации, действующие в пределах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, ориентированы на интересы коренного населения в области сохранения его культурного наследия.

С начала 1990-х гг. в Тюменской обл. активно развивается национально-культурное движение. В 1991 г. здесь был создан комитет по делам национальностей. С 1995 г. при администрации Тюменской обл. создаются и начинают действовать областные центры национальных культур. Принятие Федерального закона «О национальных культурных автономиях» в 1996 г. послужило толчком в создании в области национальных культурных автономий и национальных общественных объединений. С 1996 г. комитет по делам национальностей разрабатывает программу реализации Концепции национальной политики Тюменской обл. (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 55. Л. 19–20).

В 1996 г. был создан Областной координационно-методический центр национальных культур и народного творчества, куда вошли 23 национально-культурные организации и 5 национальных центров (славянских, тюркских, финно-угорских и немецкой культур). Областной центр объединил структуры, представляющие интересы 11 этносов (русские, украинцы, татары, ханты, немцы, финны, осетины, чуваши, евреи, азербайджанцы, корейцы) (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.).

К 1997 г. на территории Тюменской обл. действовало 17 областных национальных общественных объединений (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 55. Л. 5). В мае 1997 г. на совместном совещании комитетов по культуре и по делам национальностей был сделан вывод об отсутствии единства нацио-

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 09-01-00396а, 10-01-000574м).

нальных общественных движений действующих на территории области. Результатом стало объединения всех центров в составе Дома национальных культур (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 55. Л. 8–9).

Новая структура позволила сделать работу в сфере сохранения культурного наследия более эффективной. К началу 2001 г. национально-культурными объединениями Тюменской обл. было создано более 20-ти творческих коллективов; были отсняты циклы этнографических фильмов, изданы книги об этносах региона; был открыт историко-этнографический музей «Поляки в Тюменском крае»; появился литературный музей, связанный с творчеством татарского поэта Я. Ярми.

К началу третьего тысячелетия в области стали регулярными национальные фестивали и праздники. В рамках полиэтничного сообщества последовательно реализовалась программа культурного развития, целью которой являлось сохранение самобытности национальных культур.

В июне 2001 г. Областной координационно-методического центр национальных культур и народного творчества приказом комитета по культуре был ликвидирован и его полномочия были переданы Областному дворцу национальных культур, в состав которого вошли 11 отделов с базовыми художественными коллективами: татарский, русский, украинский, польский, белорусский, чувашский, казахский, немецкий, коренных малочисленных народов Севера, кавказский, полинациональный отдел с двумя секторами: корейский и еврейский. Из отдела русской культуры выделился сектор казачьей культуры (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 104. Л. 17–18)

После 2002 г. в области была создана сеть опорных пунктов национальных культур в местах локального расселения их носителей. Это национально-культурные объединения, отделы национальных культур районных домов и центров национальных культур, национальные отделы районных библиотек с фондами книг на языках народов проживающих в Тюменской обл. и тд.

В 2004 г. в Тюменской обл. был предпринят ряд мер, направленных на государственную поддержку национально-культурных автономий и иных общественных объединений при реализации ими общественно значимых программ национально-культурного развития - вышел закон Тюменской обл. «о государственной поддержке национально-культурных автономий и иных общественных объединений в Тюменской области»; постановление «о порядке отбора общественно полезных программ национально-культурных автономий и иных общественных объединений». В настоящее время законы и программы реализуются под контролем Комитета по делам национальностей Тюменской обл. Это определяет перспективы в развитии национально-культурных объединений и национальной политики в целом.

Особое значение при этом придается комплексным проектам национально-культурного развития, имеющим большой общественный резонанс. Стал постоянным областной фестиваль «Мост дружбы», на котором

проходит смотр результатов работы национальных организаций, конкурсы национальных художественных коллективов, национальных подворий, национальной кухни. К фестивалю приурочены этнографические выставки национальных костюмов, промыслов и ремесел, выездные концерты в районах области, творческие лаборатории, мастер – классы и тд.

Большой резонанс в области и за ее пределами имеют фестивали: детских творческих коллективов тюркских народов «Тан йолдызы», фестивали «Радуга» и казачий «Благовест». Традиционными стали массовые праздники «Сабантуй» (татары), «Курултай» (казахи), «Акатуй» (чуваши), «Дни славянской письменности и культуры», «Вороний день» (коренных малочисленных народов Севера), «Утренняя звезда» (тюркские народы) и др.

Традиционным в Тюменской обл. стало проведение недель национальных культур: русской, татарской, польской, казахской, украинской, чувашской, белорусской, немецкой, еврейской, народов Кавказа, коренных народов Севера и др. В рамках этих акций проходят концерты, кинопоказы, фотовыставки, читательские конференции, семинары, литературно-музыкальные вечера, встречи с деятелями национальных культур. Одним из центров пропаганды этнокультурного наследия является клуб национального киноискусства «Ковчег».

Сложившиеся традиции и высокий престиж в области имеют: «Дни славянской письменности и культуры»; «Сулеймановские чтения»; Стеллеровские чтения»; Украина-Западная Сибирь: диалог народов и культур»; «Бичуринские чтения»; «Россия-Беларусь: Союзная общественная палата».

Координирующую роль в сфере национально-культурных процессов играет Областной дворец национальных культур. В настоящее время он объединяет около 30 различных национально-культурных организации, при которых существует более 50 клубных объединений и 77 региональных организаций. При отделах национальных культур созданы многочисленные творческие коллективы. Например, отдел коренных малочисленных народов Севера имеет ансамбль танцев народов Севера «Угряночка», а также вокальную группу финно-угорских народов. В отделе чувашской культуры действует фольклорный ансамбль чувашской песни «Таван». Многие коллективы являются лауреатами и дипломатами, международных, региональных, областных, городских фестивалей, конкурсов.

В 2007 г. в Тюменской области была зарегистрирована новая общественная организация «Центр культуры и творчества финно-угорских народов», по статусу являющейся некоммерческим негосударственным региональным общественным объединением. Она выделилась из Отдела коренных малочисленных народов Севера. Основной целью организации было объявлено сохранение и развитие национальной культуры финно-угорских народов и их духовного наследия. Традиционным стало проведения Фестиваля ремесел финно-угорских народов «Юрга», который приобрел международный статус.

С 2002 г. в Тюменской обл. начал издаваться альманах «Национальная культура региона»; с 2003 г. выходит журнал «Мир национальностей», газета «Гражданская трибуна Тюменской области». В этих изданиях публикуются материалы по истории, демографии, культуре этносов проживающих в регионе, информация о работе отделов национальных культур, общественных движений, сценарии, программы преподавания национальной словесности, репертуар народных коллективов и др.

Юридической базой развития национального образования в области являются законы РФ: «Об образовании», «О языках народов России», «О национально-культурной автономии», Постановление Правительства РФ «О мерах по сохранению и развитию языков народов России».

В 2002 г. в области было зарегистрировано 126 образовательных учреждения, в которых преподавали национальные языки: из них в 119 изучали татарский язык, 4-х башкирский, 2-х чувашский (ГАТО. Ф.Р. 2331. Оп. 1. Д. 55. Л. 21–22). Преподавание национальных языков осуществляется в лингвистическом центре «Этнос» (казахский, армянский, татарский, чувашский и др. языки), в кружках любителей национальной словесности, в приходах и миссиях международных организаций (Германия, Польша) во время летних образовательных лагерей.

В области помимо этого существуют национальные издания и программы: газета «Янарыш» (на татарском языке); газета «Таван» (на русском и чувашском языках); газета «Голос Украины в Западной Сибири» (на русском и украинском языках); теле- радиопередачи «Очрашулар» и «Дусларга сукмак» (на русском и татарском языках). Страница «Жизнь национальностей» выходит в областной газете. Тюменское телевидение ведет передачу «Родина». На областном радио существует передача «Жизнь национальностей».

Таким образом, в Тюменской обл. накоплен большой опыт в реализации Концепции национальной политики Российской Федерации и Федерального закона «о национально-культурной автономии». Содержание национальной политики региона определяют тенденции сохранения культурного наследия всех народов Тюменского края с одной стороны и интеграция деятельности национально-культурных организаций на основе принципов межэтнического сотрудничества и толерантности с другой.

И.В. Октябрьская, С.К. Сураганов

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ТРАДИЦИОННЫХ УЗОРНЫХ ВОЙЛОКОВ КАЗАХОВ ЮЖНОГО АЛТАЯ

Данная работа опирается на материалы экспедиции, проведенной в июне 2010 г. в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (РА) в рамках Соглашения о сотрудничестве ИАЭТ СО РАН (РФ, г. Новосибирск) и ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, г. Астана) от 9.11.2009 г. В ходе экспедиции были зафиксированы и обработаны материалы из коллекций Музея с. Жана-Аул и Музея средней школы с. Тобелер, а также из семейных собраний 13 мастериц сел Кош-Агач, Жана-Аул и Тобелер – в общей сложности более 300 изделий.

Отмечая угасание народных (домашних) промыслов по изготовлению художественного текстиля на всей территории современного Казахстана, исследователи, тем не менее, выделяют несколько ареалов его распространения. Это - Западный Казахстан, Северный, Центральный и Восточный, Южный Казахстан, Сырдарья и Жетысу [Асанова,2009].

За пределами основного этнического массива традиции изготовления художественного текстиля до настоящего времени сохраняются у казахов Южного Алтая. Впервые в сферу исследовательских интересов этот этнолокальный промысел попал в 1950-е гг. [Каплан, 1961; Коновалов,1986]. Системное описание художественного текстиля алтайских казахов было предпринято в ходе комплексных экспедиций ИАЭТ СО РАН второй половины 1990-х гг. [Октябрьская, Черемисин, 2000]. Сравнительный анализ материалов во временном интервале 1990-2010 гг. позволил определить основные тенденции в развитии этого вида производства.

Традиционно в казахской культуре изготовление художественного текстиля и прежде всего узорных войлоков входило в структуру женских промыслов, связанных с переработкой животного сырья. Среди казахов Южного Алтая до настоящего времени обработка шерсти, изготовление войлоков и вышивка имеют характер домашнего производства. Но в последнее десятилетие обозначилась тенденция профессиональной специализации. Появилась категория мастериц, работающих на заказ, на продажу.

В ходе экспедиции были изучены хранящиеся в семьях коллекции вещей, технологии и стилистические приемы наиболее известных мастериц Чуйской степи. Те, кто сегодня продолжают сохранять традиции изготовления художественного текстиля, принадлежат преимущественно к среднему и старшему поколению. Их изделия высоко ценятся земляками. Многие мастерицы являются участницами районных, республиканских и международных вы-

ставок и фестивалей. Их творчество является предметом изучения в средних школах Кош-Агачского р-на РА. Промысел, безусловно имеет престижный характер, и все более приобретает характер товарного производства.

Репертуар традиционных войлоков казахов Чуйской степи не остается неизменным. Видимо, к середине XX в. в регионе прекращается изготовление бытовых предметов из войлока (сумки, футляры и проч.), чуть позже - войлоков для покрытия юрты. В последние десятилетия новые юрты приобретаются у казахов пограничных районов Монголии, где их производство поставлено на промышленную (кустарную) основу.

Меняются стандарты бытовой культуры, а искусство узорных войлоков остается актуальным для алтайских казахов. Но при сохраненииии традиционных технологий (стрижка, очистка, промывка, прядение, крашение, валяние шерсти; раскрой и сшивание войлоков) качество изделий меняется, т.к. в результате смешения поголовий алтайских тонкоруных и монгольских грубошерстных овец, меняются характеристики сырья.

Из войлочных постилочных ковров у казахов Южного Алтая до настоящего времени бытуют – *текеметы*, *тосек киизы, сырмаки*. Широко распространенные прежде *текеметы* - войлоки, украшенные вкатанным узором, становятся редкими. Новых текеметов в Кош-Агачском р-не РА сегодня не производят. Их исключили из состава приданного. Оставшиеся экземпляры хранятся в домах как семейные реликвии.

В последние десятилетия была модифицирована техника и стилистика изготовления *тосек киизов* – постельных войлоков, остающихся обязательным элементом супружеской постели. *Тосек киизы* также известны казахам граничащих с Российским Алтаем районов Китая и Монголии. Прежде *тосек кииз* казахов Южного Алтая представлял собой матрас из черной и белой войлочных пластин, простеганных и обшитых по краю кумачом. Сегодня войлочная основа матраса зашивается в глухой чехол из дорогой ткани (атласа, велюра и тд.) и украшается вышивкой или тканевой аппликацией.

Наиболее устойчивым видом узорных войлоков казахов Южного Алтая остаются *сырмаки*. *Сырмак* – постилочный ковер, соединенный из двух пластин войлока путем простежки; его верхний слой декорирован в технике инкрустации, или накладной аппликации полихромными орнаментальными мотивами, место соединения которых закрывается шерстяным шнуром.

В настоящее время *сырмаки* изготавливают прямоугольными, квадратными, круглыми, овальным. Круглые *сырмаки,* по мнению исследователей, появились в Кош-Агаче в 1950-1960-е гг. под влиянием художественных стандартов китайской культуры. На протяжении нескольких десятилетий эта форма была интегрирована в традиционную культуру алтайских казахов. Круглые *сырмаки* (до 2 м диаметром) сегодня широко используются в декорировании жилища. Они имеют одночастные концентрические композиции и отличаются крупными полихромными узорами.

Практически все мастерицы Кош-Агачского р-на РА делают сегодня небольшие (1 м в диаметре) *сырмаки* - *маяуза* и *тизе сырмак.* Они также ха-

рактерны для монгольских и китайских казахов. Коврики предназначаются для пожилых людей. Название *маяуза* связано, возможно, с их изготовлением из верблюжьей шерсти (*мая*/«верблюдица»), или с обычаем складывать войлочные ковры стопкой (*мая*/«стог»). Изготовление миниатюрных сырмаков связано с сохранением традиционного быта, когда домочадцы во время ритуальных трапез или отдыха сидят на расстеленных на полу ковриках.

В последние годы наряду с круглыми сырмаками появились ковры овальной и квадратной формы (как подражание фабричным образцам), декорированные в традиционном стиле. Но преобладающими среди казахов Южного Алтая остаются все же традиционные прямоугольные сырмаки. Они имеют преимущественно средние размеры(1х2 м, 1.20х2.50 м); декорируются с использованием простежки (имеющей самостоятельное декоративное значение), инкрустации, шнуровой вязи, аппликации.

В XX в. из обихода казахов Алтая исчезли *кестели сырмак* («вышитые *сырмаки*»). *Сырмаки,* выполненные в технике *битпес* – расшивкой шерстяным шнуром (*жиек*) стали большой редкостью, но еще сохраняются в домах и создаются наиболее опытными мастерицами Кош-Агачского р-на РА. В обиходе по-прежнему используются маленкие лоскутные коврики – *курак сырмак,* которые, по всей видимости, имеют древнее происхождение в кочевых культурах.

Стилистику *сырмаков* определяют замкнутые и открытые композиции. Ранее у казахов Южного Алтая преобладали *сырмаки* с пятичастной композицией (*бес болиги бар)* с выделением: *орта/*«середины»; *еки басы*/«две головы», или *еки алаканы* /«две ладони» – двух коротких бордюров; *екі жаны/*«два бока» – двух длиных бордюров. Бордюр традиционно окаймляет центральное поле, которое в алтайских войлоках не доминирует, в отличие, например, от войлоков Центрального Казахстана. Бордюры одного ковра представляют зеркальные варианты одного мотива со сменой позитива и негатива. К скомпанованному из пяти частей ковру пришивается край (*шет)*. Подобные *сырмаки* и сегодня преобладают на Алтае. Они были также характерны для Восточного Казахстана, хотя в настоящее время войлочное производство в этом регионе практически исчезло.

Сравнение материалов конца 1990-х гг. с современными позволяет говорить о значительном увеличении в обиходе казахов числа сырмаков с одночастной открытой композицией при одновременном укрупнении узоров. Также в отношении сырмаков казахов Южного Алтая можно говорить об изменении их орнаментального и цветового строя. По-прежнему популярными орнаментальными мотивами являются: *куш мурун* (птичий клюв), *жылан басы* (голова змеи), *кошкар муиз (бараний рог)*. Опрос кош-агачских ковровщиц показал, что различные вариации роговидного узора занимают доминирующее положение в их репертуаре.

Современные кош-агачские сырмаки отличает полихромность. Цветовое разнообразие пришло на смену традиционной для казахов гамме: *ак*

ала сырмак (бело-пестрый), *кызыл ала сырмак (*красно-пестрый сырмак*), кара ала сырмак* (черно-пестрый сырмак). Сырмаки с использованием шерсти натуральных тонов в Кош-Агачском р-не почти перестали делать уже в 1990-е гг., но они и сегодня сохраняются в казахских домах. В конце XX в. наиболее престижными на юге Алтая были ковры в желто-красно-зеленой гамме. Современные сырмаки отличаются смелостью цветовых решений – сочетанием контрастных розовых, бирюзовых, оранжевых, голубых, фиолетовых и проч. тонов.

Одной из характерных особенностей современных узорных войлоков казахов Южного Алтая является распространение накладной аппликации *(бастырма*). Одновременно происходит расширение репертуара изделий за счет появления аппликационных ковров из ткани – сукна, вельвета и проч. В их оформлении преобладают традиционные орнаментальные мотивы.

Из общего ряда выделяется настенное панно А.Туякбаевой в с. Тобелер – на его зеленом поле алым бархатом выполнен орнаментальный сюжет, в который включены изображения хищных птиц с трилистником в клювах. Тенденция смены орнаментальной композиции реалистичными изображениями лишь обозначилась в современном ковроделии казахов Южного Алтая. Однако подобные формы, еще в 1980-1990-е гг. были характерны для настенных тканевых аппликационных гобеленов казахов Восточного Казахстана.

В целом, оценивая технические и стилистические характеристики узорных войлоков Южного Алтая, следует отметить их наибольшую близость традициям ковроделия именно Восточного Казахстана, откуда еще в XIX в. вышла значительная часть родов алтайских казахов.

В настоящее время узорные войлоки имеются в каждом казахском доме Кош-Агачского р-на РА. Непременными атрибутами приданого невесты являются: 2-3 *сырмака,* 1 *тосек кииз*, 1 *тускииз*. Изготовление узорных войлоков по-прежнему является одним из наиболее характерных проявлений этнической культуры казахов Южного Алтая. Бытования этого традиционного производства определяют не только материальные условия, но и наличие общественных санкций, которые в условиях иноэтничного окружения придают вещи качество этнического символа.

Список литературы

Асанова Б.Е. Казахский художественный войлок как феномен кочевой культуры: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Алматы, 2009.

Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. – М.: Гос. изд-во мест. пром-ти и худож. промыслов РСФСР. – 1961. – 95 с.

Коновалов А.В. Казахи Южного Алтая: проблемы формирования этнической группы. – Алма-Ата, 1986. – 168 с.

Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Узорные войлоки Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 109–117.

И.В. Октябрьская, З.К. Сураганова

КУРАК И ЖЫРТЫС В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Данная работа опирается на материалы экспедиции, проведенной в июне 2010 г. в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (РА) в соответствии с Соглашением о сотрудничестве ИАЭТ СО РАН (РФ, г. Новосибирск) и ЕНУ им. Л.Н.Гумилева МОН РК (Казахстан, г. Астана) от 9.11.2009 г.

В ходе полевых исследований, ориентированных на изучение традиционной культуры алтайских казахов, был выявлен и описан класс вещей – образцов традиционного текстиля, выполненных в лоскутной технике – войлочные *сырмаки*, постилочные тканевые коврики *(курак корпеше*), большие покрывала (*курак корпе*) и покрывала на детские зыбки (*бесик корпе*).

Казашки Кош-Агачского р-на РА, используя обрезки цветного войлока и тканей, вплоть до настоящего времени делают красочные лоскутные изделия. Для войлочных лоскутных ковров характерна замкнутая композиция, где центральное поле – *кол* («озеро») и цельная кайма – *корган* («укрепление», «защита»), *коршау* («окружение», «ограждение»). Из тканевых лоскутов шьют большие и малые покрывала, используя принцип мозаичной композиции. Традиционно для техники *курак* казахи используют однотонные контрастные ткани. Из цветных лоскутов составляют различные композиции – *тумар курак* (амулетная), *ши курак* (чиевая)*, жулдуз курак* (звездная). В *тумар курак,* по мнению исследователей, доминирует геометрический элемент в виде треугольника – *тумар*, имеющего смысл магической защиты [Галимжанова и др., 2006, с.116]. Миниатюрные лоскутные коврики и подушки оформляются по принципу медальонной композиции с использованием ромбических мотивов.

В традиционной казахской культуре практики лоскутного шитья (*курак*), безусловно, имеют рациональные обоснования. Выбрасывать лоскутки казахи до сих пор считают грехом [Тохтабаева, 2008. С.75]. Однако производство лоскутных вещей определяется не только бережливостью хозяек или (некогда существовавшим) дефицитом текстильного сырья, но, прежде всего, соотнесенностью вещей и технологий с традиционным мировоззрением этноса и системой культурных ценностей.

Слово *курак* (от *куру*) в казахском языке имеет ряд значений: «умирать», «исчезать», «уничтожаться» и одновременно – «создавать», «составлять», «строить» [Бектаев, 1999, с. 301]. Соединение в одном понятии *курак* противоположных смыслов «разрушения» и «созидания» во многом опреде-

ляет семантику лоскутных вещей. В традиционной казахской культуре они были задействованы в семейных ритуалах и имели большое значение в человеческой жизни.

Различали лоскуты, полученные в результате кройки и шитья*: пушак, кикым, комыт* – и лоскуты *жыртыс* (от *жырту* – «разрывать»), использовавшиеся в обрядовых практиках. *Жыртыс* (от 30х30 см до 50х50 см) правильной квадратной или прямоугольной формы раздавали на свадьбах, во время похоронно-поминальных торжеств, на праздниках, связанные с рождением ребенка и достижением им сорокадневного и годовалого возраста и т.д.

Дележ в казахском традиционном обществе выглядел как распределение долей в границах социального целого – семьи, клана, рода. *Жыртыс* у казахов представлял собой долю (*улес*), полученную в результате дележа. Лоскут ткани, оторванный от целого полотнища, рассматривался в качестве дара и имел сакрализованный характер. Лоскуты заключали в себе часть счастья своих владельцев – выдающих замуж дочь, празднующих появление наследника и т.д. В *жыртыс*, по представлениям казахов, заключалась удачливость, богатство и плодовитость их хозяев. Исследователи не раз замечали, что казашки старались собрать обрезки тканей у счастливых, многодетных, удачливых женщин. Согласно существующему мнению, это способствовало «приходу в дом благодати» [Тохтабаева, 2008, с. 116].

Жыртыс старались использовать в формировании приданого дочери (*жасау*). Лоскутные подушка и одеяло, предназначенные молодым, должны были способствовать быстрому их привыканию друг к другу и прочности брачных уз. В качестве подарков в приданое входили *корпеше* – постилочные коврики, *атжабу* – попона на лошадь и *корпе* – одеяло для родителей жениха [Тохтабаева, 2008, с. 117].

Жыртыс и в настоящее время в больших количествах раздаются на свадьбах казахов Южного Алтая во время осмотра приданного и обмена церемонными подарками. Они отличаются богатством и качеством фактуры и оцениваются как показатели достатка хозяев и выражение их добрых намерений. В рамках свадебной обрядности казахов *жыртыс* является одним из важнейших подарков – *каде* (от араб. «основа, правило, принцип, образец») [Рустемов, 1989. С.130] В казахском языке *каде* означает - «обычай, традицию, ритуал»; производное от него *каделе* – «уважение, почтение, чествование», [Толковый словарь казахского языка, т. 4]. Обязательность дарения *каде* стороне невесты отмечена в пословицах: *Калынсыз кыз болса да, кадеиіз куйеу жок – «*Даже если есть невеста без калыма, без каде – невесты нет»; *Калынсыз кыз болса да, кадесиз куйеу болмас – «*Без калыма девушка есть, без каде нет жениха». [Аргинбаев, 1973, с. 191].

Раздача *жыртыс* была и остается обязательной частью погребально-поминальной обрядности казахов и на основной территории проживания и в границах Российского Алтая. Исследователи рассматривают раздачу лоскутов на похоронах как эволюцию обычая разрывания одежды покойного

и форму жертвенного уничтожения. Показателен в этом отношении ритуал *тул,* который некогда был повсеместно известен в казахской среде, но в настоящее время в полном объеме сохранился лишь среди казахов Южного Алтая. *Тул* – это воссоздание образа умершего, восходящие к древним заупокойным ритуалам. Казахи Чуйской степи после смерти человека убирают его постель как свадебное ложе; на ней укладывают всю его одежду, личные вещи, в том числе – часы, седло, плеть, оружие; вешают фотографии. *Тул* стоит в течении года. Весь год вдова и близкие поминают покойного. А во время ритуала, приуроченного к годовщине со дня смерти, оплакав коня, оседланного и накрытого одеждой покойного, его забивают для поминального пира, в ходе которого раздают все вещи, принадлежавшие умершему. Раздача *жыртыс* является органичной частью этого ритуала. При этом дележ включает в себя социальные аспекты, поскольку связывает всех участников ритуала негласным договором, обязывающим обеспечить постоянное движение сакральных и материальных ценностей.

Жыртыс, полученные на похоронах, по наблюдениям исследователей, выражают связь живых с покойным. Процедура раздачи *жыртыс*, одежды, ювелирных украшений, личных вещей на похоронах и поминках до настоящего времени подразумевает приобщение к долголетию и социальному положению покойного. По сведениям начала XIX в., после похорон казахи раздавали «на память лоскутки разрезанного платья покойника» [Назаров, 1968, с. 25]. Согласно традиционным представлениям, с помощью оторванного кусочка одежды благодатная сила (*касиет*) умершего передавалась оставшимся в живых. Прежде так поступали с одеждой умерших, перешагнувших 60-летний рубеж.

Использование *жыртыс* считается предпочтительным в изготовлении первой рубашки младенца (*ит койлек*). Из лоскутков шьют головные уборы, чтобы малыши жили долго, как старики, и как они заслужили бы уважение окружающих [Казахи.., 1995, с. 258]. У казахов Алтая до настоящего времени сохранилась практика изготовления лоскутной одежды для детей, подверженных «сглазу». Курточка, сшитая из *жыртыс* и украшенная раковинами каури, выступает в качестве надежного оберега и навсегда остается в семье. В домах казахов Алтая лоскутные одеяльца *бесик корпе* закрывают и защищают детские колыбели от «нечистой силы», особенно в те моменты, когда они стоят пустыми. Цветная мозаика вещи «аккумулирует» силу и благополучие семьи, клана и рода, воплощенные в *жыртыс.*

Таким образом, лоскутная техника – *курак* является частью культурного универсума казахского этноса, где технологии формировались и развивались в креационной мировоззренческой парадигме, которую определяла дихотомия смерти–рождения и разрушения–созидания. Символом баланса противоположностей казахской культуры стала яркая мозаика лоскутных ковров, которые украшают дома в Чуйской степи, внося гармонию в обыденную жизнь.

Список литературы

Аргинбаев Х.А. Брак и семья у казахов. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – 328 с.

Бектаев К. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. – Алматы: Алтын Казына, 1999. – 704 с.

Галимжанова А.С., Глаудинова М.Б. История искусств Казахстана. – Алматы: Маркет, 2006. – 248 с.

Казахи. Историко-этнографическое исследование. – Алматы: Казахстан, 1995. – 352 с.

Назаров Ф. Записки о некоторых народах в землях средней части Азии. – М.: Наука, 1968. – 77 с.

Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 320 с.

Толковый словарь казахского языка. – Алма-Ата: Гылым, 1979. – Т. 4. – 672 с.

Тохтабаева Ш.Ж. Шедевры Великой степи. – Алматы: Дайк-Пресс, 2008. – 240 с.

А.Ю. Охотников

НЕМЕЦКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СООБЩЕСТВЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ В XX–XXI ВЕКАХ

В 1906-1909 гг. в северной части Кулундинской степи (южные районы современной Новосибирской области) были основаны девять немецких поселков, семь из них – на «кабинетских» землях, в 1888 г. предоставленных Александром III казахам. «Кабинетская» часть Кулундинской степи до 1906 г. не знала волостного деления, а земледельческая колонизация засушливых территорий вплоть до начала столыпинской аграрной реформы представлялась делом рискованным. Опыт кулундинских казахов по распашке небольших участков под пшеницу наряду с новейшими изысканиями имперских землеустроителей стал одним из рациональных доводов в пользу начала масштабной колонизации Кулунды; казахские стада послужили основным ресурсом тяглой силы – коней и волов для хозяйств переселенцев из европейской России. «На [переселенческое] пособие [(50 рублей на семью в год)] можно было сразу четыре лошади купить», - отмечал старожил с. Октябрьское (Гоффенталь) П.Я. Май (ГАНО, Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 2. Л. 20).

Прибывшая в 1910 г. в пятнадцатилетнем возрасте в поселок Орловка Купинской волости Л.Г. Краус отмечает недружелюбие казахов по отношению к новоселам: «Вокруг жили казахи, пахотной земли не было… Казахи не хотели нас, защищались, все дикий народ вокруг был» (ГАНО, Ф. Р-537. Оп. 1. Д. 1. Л. 18). Однако немецкие колонисты чрезвычайно быстро пришли к компромиссу с соседями-казахами: распаханная земля и сенокосы находилась в собственности орловской общины, а выпас арендовался «у киргизов». «Землю распределяли на мужчин, пашню навсегда, а сенокос ежегодно. Каждый крестьянин имел свою землю в 17 разных участках (цугах) и, кроме того, ещё двор. 18-м участком было пастбище, киргизская степь» (ГАНО, ф. Р-537, оп. 1. д. 1, Л. 13).

Помимо деловых отношений, информанты отмечают и дружеские связи между колонистами и местным казахским населением, характерные уже в 1920-е гг. «У каждого хозяина был друг-казах. Мой отец к ним в гости ездил. И они у нас невесту прятали» (ПМА, Эдель В.В., 1922 г. рожд. (Купинский р-н, 2001)).

Казахов и немцев связывали обменные отношения. Основой тягла в немецких хозяйствах вплоть до нач. 1940-х гг. оставалась лошадь. Сибирские немцы были искушены в вопросах коневодства, держали сильных, вынос-

ливых лошадей, впрягавшихся в двух- и трёхлемешный плуг – нагрузка на такую лошадь доходила в среднем до семи га, в то время как средний показатель по Славгородскому окр. составлял 4,5 га (ГАНО, Ф. П-2. Оп. 2. Д. 406. Л. 99.). Помимо использования для работы и выезда, лошади служили средством обмена, либо предметом дарения при деловых контактах с казахским населением Северной Кулунды.

В Андреевском районе Славгородского округа Сибкрая в состав Шейндорфского сельского совета входили «русских – 7, немцев – 5, киргиз – 2» (ОАС администрации Карасукского р-на, Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л.1.)., на территории сельсовета находился аул Акпан, «по сельсовету выписывается всяких газет немецких, русских, киргизских 38 экземпляров и 4 журнала» (Там же, Л. 1об.).

В начале 1930-х гг. немецко-казахские отношения в Кулундинской степи проходили испытание на прочность. Казахи-беженцы от голода были вынуждены обратиться к более сохранным ресурсам немецких колхозов. В частности, в 1933 г. счетовод колхоза «Нацмен» (д. Цветное Поле (Блюменфельд)) был обвинен в торговых сделках с беженцами-казахами («казахам меняли хлеб на всевозможные предметы»), в то время как «члены артели страдали голодом». Чаша терпения односельчан переполнилась, когда администратор «даже нонешний год справил хату» (ГАНО, ф. Р-393, оп. 1, д. 27.).

В свою очередь, не поладившие с районным начальством специалисты немецких колхозов нередко находили работу в казахских хозяйствах. В частности, Ф. Вернер, основатель первого колхоза в Андреевском районе, в 1934 г. убыл к другу – председателю казахского колхоза, трудоустроился счетоводом «из-за несогласия с политикой районного руководства» (ПМА, Вернер Ф.Ф., 1924 г.р. (Карасукский р-н, 2009)).

В военные годы казахское население Кулунды имело больше возможностей для выживаеия, нежели их славянские и немецкие соседи. Попытки фискальных органов организовать «правильный» учет и изъятие продуктов овцеводства встречали хорошо организованное «непонимание» казахов. «Жили казахи на острове, на озере [Студеное]. Колхоз «Жана Жол». В пустоши сделали специально для себя, для казахов – посевы, до 500 га площадью. У них конеферма была: председатель рысаков давал по блату, не считая. Жили-то они там – налог надо было платить за всю скотину. А у них 700 голов отара, с которой ни прибыли, ни налогов …» (ПМА, Мартыко М.В., 1925 г. рожд., Карасукский р-н, 2001). Помимо рыбы и картофеля, население переселенческих сёл, и прежде всего наиболее нуждавшихся сибирских и поволжских немцев, в 1940-е гг. выручала пшеница, которую можно было выменять или купить у казахов.

«В апреле месяце (1945 г. Андреевский. – **Авт.**) РК ВКП(б), Райисполком и РайЗО предложили колхозникам из бывших немецких колхозов выехать в русские колхозы, а кто не желает – устраиваться там, где они сочтут нужным» (ГАНО, ф. П-4, оп. 34, д. 233, Л. 162.). Население немецких колхозов разместили по переселенческим сёлам: «Людей (из Гоффенталя. – **Авт.**)

повыселяли в Калачи, Ивановку, Новоивановку. В Анисимовке тоже много наших» (ПМА, Бендер Я.Я., 1932, Карасукский р-н, 2001). Немцы из Шендорфска были принуждены к переезду в окрестные деревни и аулы, в свою очередь, казахское население – к перемещению в оставленные немцами дома. Районные администраторы повторяли грубейшие ошибки «сталинской колонизации», производили «физическое» перемещение населения без технической, финансовой, моральной поддержки. За исключением с. Октябрьского (бывш. Гоффенталь), сибирско-немецкие сёла севера Кулунды до конца 1950-х гг. находились в составе совхозов и «укрупненных» колхозов – русско-украинских или казахских по основному этническому составу. В 1947–1948 гг. Шейндорф и Гоффенталь «в соответствии с пожеланиями трудящихся» (Отдел архивной службы администрации Карасукского р-на. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 61.) были переименованы в Павловку и Октябрьское. Единственной данью реальному положению дел, изменившейся национальной структуре, была смена статуса поселения – в 1957 г. Павловка еще именовалась аулом (Отдел архивной службы администрации Карасукского р-на. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 219.), до начала 1960-х гг. там преобладало казахское население.

Традиционная, дистантная модель казахско-немецких отношений нашла свое отражение в хозяйственной жизни немецкого национального колхоза им. Тельмана (с. Орловка Купинского р-на) в 1960-1980-х гг. Увеличение товарности производства здесь происходило за счет аренды выпасных и сенокосных угодий у казахстанских хозяйств: «Коней казахам продавали. На их территории сено косили, а им подешевле да получше лошадей продавали. Нахлебниками мы им не были» (ПМА, Эдель В.В., 1922 г. рожд., Купинский р-н, 2001).

Бывшие спецпереселенцы-поволжские немцы контактировали по преимуществу с отдельными казахскими семьями, расселившимися в 1930-е гг. по русским и украинским селам Северной Кулунды. В 1950-е гг. поволжские немцы были вынуждены осваивать и те профессии, которые ранее были предметом «этнической специализации» казахов – работали пастухами, чабанами, сакманщицами. Результатом немецкого подхода к животноводству явились стабильно высокие результаты и быстрый профессиональный рост. «Ведь и года не прошло, как Ирина Вейде была ученицей 7 класса, а теперь она лучший чабан совхоза» (Кочковская районная газета «Трудовая жизнь» от 28.02.1958.). Сами немцы склонны скромно оценивать «этнические» успехи в овцеводстве. По мнению информантов, немцы-чабаны просто не утаивали шерсть и овец, как это делали «природные» овцеводы – казахи. С оптимизацией оплаты чабанского труда и ужесточением контроля за продукцией, чабаны - казахи начинают соревноваться по общим правилам. И выигрывают, занимая первые три результата по Краснозёрскому району, показывая и в среднем б***о***льшие значения настрига и привеса, чем немцы, русские, украинцы. (Краснозерская районная газета «Кулундинская правда» от 16.09.1963).

Сравнивая отношение соседей ко времени, информант-поволжский немец отмечает: «Немец все рассчитывает на три дня вперед. Русский живет одним днем. Для казаха времени как будто не существует» (ПМА, Эльшайдт О.С., 1924 г. рожд. (Купинский р-н, 2001)).

Поволжские немцы отмечают исключительное дружелюбие, оптимизм, религиозность и верность традициям казахов-соседей. При весьма скептическом отношении к нормам гигиены в казахском доме, информанты-немцы с восхищением воспринимают казахский образ жизни. Информантов, чей хозяйственный опыт предусматривал тотальное подавление природы и развитые конкурентные отношения, завораживала его эффективность – казахский результат достигался при минимуме трудовых усилий, без вторжения в природу и с сохранением идеальных отношений с соседями.

Уникальным опытом в становлении казахско-немецких взаимодействий стали практики тамырства – побратимства, которые до сих пор связывают ряд казахских и немецких семей региона.

Таким образом, при значительном дистанцировании немецкой и казахской традиционной культур, реальные социально-исторические и политические условия развития российских сибирских провинций в XX-XXI вв. предопределили конкретные формы межэтнических взаимодействий, построенных на практиках социо-культурной адаптации с элементами интеграции и билингвизме на основе формирующейся поликультурной компетенции.

Е.Ю. Павлова

НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ НИИХП)*

Начало нового этапа в развитии промыслов и ремесел народов России относится ко второй половине 1950-1970-х гг. Объявленное торжество социализма предполагало создание мощного индустриального потенциала страны и повышение материального благосостояния народа как подготовку окончательной стадии слияния этнических культур в высшем коммунистическом единстве. Достижения на этом пути требовали творческого переосмысления этнокультурных традиций и достижений мировой культуры в контексте современности. В этом контексте в России и в Сибири происходило оживление традиционных центров ремесел и создание новых.

В 1965 г. промыслы были причислены к местной промышленности. Постановление 1968 г. «О мерах по дальнейшему развитию народных художественных промыслов», постановление 1974 г. «О развитии народных художественных промыслов», приказ Министерства 1982 г. «О дальнейшем развитии народных художественных промыслов РСФСР» и др. предусматривали осуществление широкой системы мер по организации и развитию традиционного народного творчества.

Опираясь на эти постановление, сотрудники Научно-исследовательского института художественной промышленности (НИИХП) активизировали работу по выявлению действующих центров народных промыслов в различных регионах СССР. Осуществлялась научно-исследовательская и творческо-экспериментальная работа в области прикладного искусства СССР; шло изучение истории и современного состояния народных художественных промыслов, сбор и описание лучших образцов и создание новых образцов народного творчества и тд. (ГАРФ, ф. 643, оп. 1, д. 372, л. 1-2).

В 1960-1970-е гг. сотрудниками НИИХП был осуществлен ряд научных экспедиций: в Усть-Ордынский округ Иркутской обл. (1957 г.), в Бурят-Монгольскую АССР (1957 г.), Тувинскую АССР (1962 г., 1976 г.), Красноярский край (Эвенкийский, Долганский округа) (1964 г., 1965 г.), в Якутскую АССР (1964 г.), Новосибирскую обл. (1979 г.), Алтайский край (1979 г.), Кемеровскую обл. (1978 г.), Красноярский край (Хакасский округ) (1978 г.), в Чукотский и Корякский округа (1976, 1977 гг.).

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 09-01-00396а).

Изделия народных мастеров Севера, Сибири и Дальнего Востока привлекали внимание самобытностью, основанной на специфике национального мировосприятия, совмещением утилитарности и декоративности. Насыщенность орнаментом превращали многие из этих изделий в предметы подарочного назначения; они органично вписывались в контекст современности.

Задача разработки программ по дальнейшему развитию местных художественных традиций стояла перед участниками экспедиции в Туву в 1962 г. Отчет полевого исследование Бай-Тайгинского, Барун-Хемчикского, Дзун-Хемчикского, Улуг-Хемчикского, Эрзинского р-в Тувинской АССР показал, что производства художественных изделий в системе местной промышленности нет (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 39, л. 41). Было установлено изготовление по отдельным заказам Министерства культуры художественных изделий местными мастерами-кустарями, а также широкое применение в быту тувинского населения разнообразных художественных изделий, изготовление предметов быта и утвари домашним способом в сельских районах (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 39, л. 7).

Тем не менее в регионе существовали предпосылки развития отдельных видов народного декоративного искусства. Согласно отчету Е.Г. Яковлевой, это были богатые сырьевые ресурсы и своеобразие изделий художественного ремесла тувинцев. Отмечаются такие виды искусства, как резьба и роспись по дереву; резьба по камню; аппликация и тиснение по коже, шитье войлока, изготовление национальной одежды, металлообработка, развивающие древние художественные традиции (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 39, л. 7-26).

В заключение Е. Г. Яковлева делает вывод о том, что «в период современных культурно-бытовых преобразований в республике, роль народного декоративного искусства очень велика. Выработанное многими поколениями народное искусство воплощает в пластической и орнаментальной форме образы окружающей природы, представляет ценнейшие черты культурного наследия» (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 39, л. 26). По результатам экспедиции 1962 г. вышло Постановление Совета Министров Тувинской АССР «Об организации художественных промыслов в Тувинской АССР» (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 39, л. 68). Итогом командировки 1976 г. явились согласованные с Управлением Местной промышленности Тувинской АССР «Рекомендации по организации выпуска художественных изделий из дерева с росписью, меха и ткани с традиционными видами на предприятиях Тувинской АССР».

Были проведены творческие лаборатории на Кызыльской мебельной фабрике и Шагонарском комбинате по определению ассортимента современных декоративно-прикладных изделий из кожи, тканей и меха с традиционно-тувинскими видами отделки. При этом учитывались национальные традиции, требования современного покупателя и возможности существующей технологической и сырьевой базы. В ассортимент изделий,

проектируемых и внедряемых лабораторией, вошли: женские шапки и варежки, женские кожаные пояса, сумки, кошельки, сундуки с росписью, резные шкатулки, декоративная мелкая пластика из дерева (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 139, л. 7).

В план научной экспедиции по изучению и развитию народных художественных промыслов Алтайского края 1979 г. входило обследование Бийского, Колыванского, Усть-Канского, Онгудайского р-в. Было установлено, что в условиях домашнего ремесла в регионе бытует художественное ткачество, выделка художественных войлоков и изготовление национального костюма (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 197, с. 5). «В настоящее время народное искусство на Алтае существует в следующих формах: 1) домашнее ремесло – народное искусство алтайцев, русское народное старожильческое искусство, народное искусство поздних переселенцев русских, украинцев и др. народов. 2) цеха художественной обработки дерева и бересты при лесхозах. 3) предприятия, выпускающие художественные изделия» (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 197, л. 11).

Художественные изделия лесхозов из дерева и бересты (деревянная резная скульптура, посуда с росписью, туески и берестяные бутылки) были широко представлены в местной торговой сувенирной сети. Однако, художественный уровень этих изделий оценивался очень невысоко: «отсутствует оригинальная стилистическая направленность, народные художественные традиции края совсем не используются» (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 197, л. 17).

В ходе исследований НИИХП к предприятиям художественной промышленности был отнесен Колыванский камнерезный завод им. И.И. Ползунова и Бийский многоотраслевой комбинат (организованное при нем производство художественной керамики). Ассортимент Колыванского завода (художественные изделия из камня - письменные приборы, пепельницы и др., ювелирные изделия), к 1970-м гг., несмотря на производимые закупки и реализацию через торговые сети, не имели успеха. Тем не менее, сотрудники НИИХП сделали заключение о перспективах роста завода – «на производстве есть условия для качественной работы. Может быть налажен выпуск крупногабаритных и мелких вещей, изделий среднего размера. Можно сочетать камень с металлом. Необходимо возродить производство уникальных крупногабаритных ваз». Керамические изделия Бийского комбината (кружки, кувшины, пепельницы) пользовались спросом, но нуждались в налаженном рынке сбыта (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 197, л. 32-33).

Результаты полевого исследования НИИХП Бейского, Аскизского, Ширинского и Орджоникидзенского районов Хакасской автономной обл. (1978 г.) позволили сделать его сотрудникам следующие выводы: «Народное декоративно-прикладное искусство продолжает жить в творчестве народных мастеров, наиболее полно и ярко проявляясь в искусстве художественной вышивки, в создании национальной хакасской одежды. Высокая

орнаментальная культура, техническое совершенство исполнительского мастерства вышивки отличает большинство работ. Народное хакасское декоративно-прикладное искусство условно можно отнести к трем категориям: 1) к классике хакасского народного декоративно-прикладного искусства: старинные одежду, пого, седла, чепраки, курительные трубки, кресала, ювелирные украшения, деревянную и металлическую посуду, деревянные сундуки, – т.е. вещи, которые бережно сохраняют хакасские семьи как память о прошлом. Сюда же следует отнести национальную одежду и вышивку, выполненную современными мастерами, строго следующими традициям. 2) Модернизированные вещи, но сохраняющие в своей основе близость традиционным классическим образцам в композиционных, цветовых и орнаментальных решениях, высокую технику исполнительского мастерства. 3) Вещи, выполненные на уровне самодеятельного искусства, сомнительные по своим художественным достоинствам (стилизованные модели народной одежды и обуви, изделия из бересты). Изделия подобного рода встречались экспедицией в основном в поселках городского типа» (ГАРФ, ф. 643, оп. 2, д. 192, л. 13).

В Хакасии изучался опыт передачи приемов и навыков традиционного художественного ремесла в областной национальной школе г. Абакана, в районных школах, где занятия вели народные мастера. С 1970-х гг. Хакасский государственный педагогический университет начал выпуск специалистов факультета общественных профессий, изучающих хакасское народное декоративно-прикладное искусство.

В рамках работы НИИХП утверждается представление о целостности народного искусства, ориентированного на традиции и преемственность с учетом запросов современности. Процессы, зафиксированные его сотрудниками в сфере народного искусства Саяно-Алтая на протяжении второй половины XX в., имели динамичный характер. Художественное производство было ориентировано на выпуск актуальной сувенирной продукции с национальным колоритом. В Туве, в Хакасии и на Алтае развернулась масштабная деятельность по поддержке существующих художественных промыслов и открытию новых предприятий.

Однако, включение художественного ремесла в промышленные и рекреационные схемы, сближение его с профессиональным творчеством, обязательный отбор, производимый специалистами-искусствоведами и общественными деятелями в соответствии с современным пониманием природы канонов художественного творчества, актуализировал проблему этнической традиции. Судьба традиционного народного искусства во второй половине XX в. оставалась проблематичной.

И.В. Сальникова, В.В. Николаев

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АВТОХТОННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Этнографические коллекции являются источником для изучения материальной и духовной культуры народов, реконструкции традиций жизнеобеспечения автохтонного населения Сибири и Дальнего Востока.

Цель статьи обратиться к истории комплектования этнографического собрания, назвать имена исследователей, которые внесли огромный вклад в формирование коллекций, дать краткую характеристику и оценить степень изученности этнографических коллекций Южной Сибири.

Основное ядро коллекций это результат этнографических экспедиций 60-70-х годов XX века в местах компактного проживания коренных народов Южной Сибири. Коллекция предметов, иллюстрирующий кочевой образ жизни алтайцев собрана Е.М. Тощаковой в местах проживания алтайцев, теленгитов, телеутов, кумандинцев, тубаларов. Экспедиционные исследования Е.М. Тощаковой в рамках Алтайского отряда Дальневосточной экспедиции СО АН СССР охватили территории современного Алтайского края, Кемеровской области, Республики Алтай, а также отдельные хакасские улусы.

В 1965 – 1967, 1969, 1970, 1972 гг. исследовательница посетила Кош-Агачский, Онгудайский и Улаганский районы Алтая. В 1966 и 1969 гг. – исследовала телеутов в Беловском районе Кемеровской области; в 1969 г. – кумандинцев в Красногорском района Алтайского края; 1970 и 1974 гг. – тубаларов и алтайцев г. Горно-Алтайска; в 1967 – 1970 гг. – хакасов Аскизского района Хакасии. Ею были собраны коллекция, включающая орудия труда, бытовую утварь, одежду и обувь, украшения, музыкальные инструменты, предметы убранства жилища, охотничье снаряжение и конская упряжь.

Несмотря на то, что коллекция формировалась во второй половине XX века, время изготовления некоторых предметов относится к середине XIX в. (например, войлочный ковер и вязаные льняные чулки из сборов Е.М. Тощаковой).

Коллекция стала объектом исследования. В монографии Е.М. Тощаковой [Тощакова, 1978] описаны колыбели, привезенные исследовательницей с территории традиционного проживания теленгитов. Важным является тот факт, что исследователь подчеркивает, что в традиционной культуре вещи имели не только бытовое, но ритуальное, игровое значение. Подробная характеристика бытовой утвари (кожаная, деревянная, бе-

рестяная) и техника ее изготовления отражена в статьях Е.М. Тощаковой [Тощакова, 1976].

В 1977 году дополнили алтайскую коллекцию материалы А.П. Окладникова 1977 г. (огниво и металлический сосуд – алтай-кижи).

Значительный вклад в формировании этнографических коллекций тюркоязычных народов Южной Сибири внесла А.П. Погожева, посетившая места традиционного проживания телеутов и шорцев в Беловском и Таштагольском районах Кемеровской области в 1978году. Исследовательница пополнила коллекцию предметами охотничьего снаряжения, предметами одежды, постельными принадлежностями, ритуальными предметами. Особый интерес представляют три набора ритуальных предметов (кукол, (*эмегендеров*), модель бубна) которая исследовательница как магические обрядовые предметы, призванные охранять здоровья детей. Автор ритуальных предметов 1899 г рождения, свидетельствовала о том, что данные предметы передаются по материнской линии.

Ценность экспедиционных исследований трудно переоценить, поскольку они содержат сведения о бытовании предметов и традиций, с ним связанных, о технологии изготовлении, назначении и использования предметов традиционного быта.

В конце 80 - 90-х годах возобновилось комплектование алтайской коллекции. Этот период связан с экспедиционной деятельностью И.В. Октябрьской в разные регионы Южной Сибири. В 1989, 1990, 1995 гг. исследовательница посетила с. Койбалы современной Республики Хакасия; в 1994 – 1997 гг. – казахов Кош-Агачского района Республики Алтай; в 1989, 1990, 1995 гг. – телеутов Кемеровской области. Коллекция была пополнена предметами быта, украшениями, одеждой и обувью, сформирован казахский комплекс, который включает в себя: предметы конского снаряжения комплект приданого невесты, постельные принадлежности, войлочные ковры. Казахская коллекция интересна тем, что пролеживается тенденция применения новых материалов при сохранении традиций в покрое, декорировании в изготовлении предметов традиционного быта и одежды.

И.В. Октябрьская [Октябрьская, 1985, 2000] давала подробный анализ изделиям из кожи, рассматривала узорные ковры Алтая. [Октябрьская, 2000]

Отдельные поступления: Ю.В. Полумисков (пороховница – шорцы),

Е.С. Богданов 2001 г. (котел – казахи Алтая) и А.П. Бородовскй 2004 г. (рукояти шаманских бубнов – алтай-кижи).

Последний значительный вклад в музейное собрание – это дар А.Г. Козинцева – д. и.н, вед. н.с. Института антропологии и этнографии РАН, бубен алтайского шамана Кондрата Танашева.

Всего в коллекции насчитывается около 150 предметов. Распределение неравномерное, больше всего представлено памятников материальной культуры алтайцев и теленгитов (около ста предметов), в данном комплексе преобладает посуда и бытовая утварь, сделанная из традиционных ма-

териалов, предметы конского снаряжения, охоты, малочисленны предметы одежды, украшения, ритуальные.

Вторая группа – телеуты (40) представлены в основном предметами одежды, быта, ритуальные. Тоже количество предметов из казахского комплекса, кумандинцы –(8) одежда, тубалары-(3) хакасы - (13), данный комплекс включает в себя одежду, колыбель, седло, шорцы – (7) : одежда и обувь охотника, постельные принадлежности.

Необходимо отметить, что коллекция формировалась не только силами исследователей института, в 1972 году была передана этнографическая коллекция из фондов Новосибирского краеведческого музея. Коллекция включала экспедиционные сборы Е.Н. Орловой (сибирский этнограф, была участницей этнографических экспедиций: в 1922 г. - по Тазовской губе, в 1925 г. в Нарымский край, в 1926 и 1930 гг. в Хакасию, 1927 к селькупам р. Кети, в 1928 на Алтай, в 1929 в Карагасию) и Н. Н. Нагорская (1895-1983 гг.), (выезжала в этнографические экспедиции в Хакасию, на Алтай, в Горную Шорию). К сожалению, не все предметы сохранились, но часть алтайской коллекции, в частности тажауры, посуда из вымени коровы, детская обувь, элементы одежды удалось идентифицировать и они дополнили алтайскую коллекцию.

Краткий анализ коллекций показал, что не все предметы вошли в научный оборот, требуется их более глубокое комплексное осмысление.

Описание и выявление предметов алтайской коллекции продолжается. Таким образом, этнографическая коллекция отражает различные стороны культуры, жизни и быта полиэтничного населения Южной Сибири. Наименее освещенной осталась сакральная и ритуальная часть традиционной культуры.

Список литературы

Октябрьская И.В. К семантике изображений на ташауре – кожаной фляге алтайцев // Рериховские чтения 1984 г. К 110-летию Н.К. Рериха и С.Н. Рериха: матлы конф. – Новосибирск: Новосиб. гос. худож. музей, 1985. – С. 209–221.

Октябрьская И.В., Черемисин Д.В. Узорные войлоки Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 109–117.

Октябрьская И.В. Кожаная утварь алтайцев. Реалии кочевой культуры Центральной Азии. Проблемы генезиса и типологии // Этнография народов Сибири и Монголии. – Улан-Батор; Улан-Удэ, 2000. – С. 257–290.

Тощакова Е.М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976. – С. 182–197.

Тощакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.

Е.В. Самушкина

ТЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)*

В современном гуманитарном дискурсе важное место занимают проблемы культурной и социальной памяти. Предметом исследований является роль памяти в конструировании культурных и политических идентичностей национальных и этнических сообществ. Символы, праздники, мемораты, согласно заключению Э. Смита, являются мощными актуализирующими факторами в культуре и судьбе отдельных сообществ [Смит, 2004, с. 348–349].

С методологической точки зрения важно отметить, что прошлое, принятое настоящим и «прогнозирующее» будущее, имеет историческую (естественную) и сконструированную (изобретенную) составляющие. Подобные подходы, апробированные при анализе различных этноисторических и этносоциальных ситуаций, представляется целесообразным использовать при анализе символьных практик, получивших распространение в Республики Алтай в постсоветский период.

Современное восприятие прошлого во многом определяет понятие «наследие». Так, согласно определению Э. А. Баллера, культурное наследие – это «совокупность доставшихся человечеству от прошлых эпох культурных ценностей, критически осваиваемых, развиваемых и используемых в контексте конкретно-исторических задач современности в соответствии с объективными критериями общественного прогресса» [Алякина, 2005, с. 319].

К культурно-историческому наследию относят предметы материальной культуры, культурные и природные ландшафты, образ жизни той или иной этнической группы, фольклор, обычаи, которые могут быть сохранены только в «живом» пространстве сознания и культуры.

В настоящее время в Республике Алтай (РА) происходит обращение к теме историко-культурного наследия. Проблема его сохранения декларируется в программах и законодательных актах, среди которых закон «Об историко-культурном наследии Республики Алтай»; программа «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры РА»; закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай»; «Об охране объектов культурного наследия Республики Алтай».

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 090100396а).

В законодательных актах в соответствие с Федеральным законодательством приводится категория культурного наследия, которое определяют как «результаты жизнедеятельности людей в исторической перспективе, представляющие собой материальную, духовную, интеллектуальную ценность и выступающие в виде материальных объектов». К объектам культурного наследия относятся памятники, ансамбли и достопримечательные места, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Особое внимание уделяется нематериальному наследию. Принятый в 2009 г. закон «О регулировании отношений в области развития нематериального культурного наследия Республики Алтай» декларирует практики выявления, возрождения, сохранения и использования объектов нематериального культурного наследия; устанавливает полномочия органов государственной власти в данной области, предполагает создание государственного реестра объектов нематериального культурного наследия.

Согласно документа, культурное наследие определяется как обычай, форма представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, не имеющие индивидуального авторства. Явления духовной культуры должны быть признаны сообществами, группами или и индивидами, передаваться из поколение в поколение, воссоздаваться сообществами в определенном экологическом пространстве; формировать у этнических групп, проживающих в республике, «чувство самобытности», вырабатывать чувство уважение к культурному разнообразию региона.

Основными видами нематериального культурного наследия в Республике Алтай названы традиции, исполнительские искусства, обычаи, обряды, народные праздники, знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами, являющиеся культурными ценностями народов Республики Алтай.

Идеологической базой для создания и распространения идей сохранения культурного наследия служат образы прошлого тюркоязычного населения, обозначенные в конце XX – начале XXI в. С ними связано создание упорядоченных пространств и историко-культурного ландшафта. В эту деятельность активно включились учреждения культуры, в том числе музеи и центры алтайской культуры.

Одним из них стал Региональный культурный центр алтайской культуры Чемальского р-на РА, открытый в 2005 г. Музей был создан главой родовых старшин Алтая - ага-зайсаном А. К. Бардиным и Т. П. Бардиной. Музейный комплекс, состоящий из нескольких юрт, посвящен истории и культуре тюркоязычного населения района.

Согласно концепции создателей, музей предназначен быть центром возрождения и развития духовных ценностей. Его основными задачами являются: изучение истории, традиций, духовной культуры алтайцев; развитие их этнической, культурной и языковой самобытности; вовлечение молодежи в активную познавательную деятельность; укрепление дружбы и культурных связей между народами.

Первая юрта комплекса была построена еще в 1999 г. по чертежам художника Г. И. Чорос-Гуркина [Открытие…].

Вторая юрта посвящена главам родов, которые добровольно вошли в состав России. В ней можно увидеть герб и знамя рода кара-майман, представителем которого и является А. К. Бардин. Согласно его авторской версии, у алтайцев рода кара-майман знамя имеет три цвета: красный – символ огня, желтый – символ солнца, синий – символ неба. Трехцветное полотнище заканчивается тремя языками, обозначающими прошлое, настоящее и будущее [Масеева, 2002, с. 4].

Рядом с экспозицией, посвященной людям, внесшим вклад в духовное развитие региона, установлен флаг Алтайской Горной управы, изготовленный по эскизу Г.И. Чорос Гуркина. Этот символ дополняют государственный флаг РФ и государственный флаг РА, знак ага-зайсана – орлиноголовый грифон.

Третье строение комплекса – «Юрта мира, дружбы и согласия». Главное ее предназначение – «*в единении народов, живущих под небом Алтая, как под крышей одной юрты, где люди, представляющие разные культуры, разные веры, могли бы встречаться и обсуждать свои проблемы*» [Дружбы…, 2005, с. 4]. Центральной инсталляцией этой юрты является презентация религий, представленных в пределах республики (бурханизм, ислам, шаманизм, православие).

Сотрудники музея проводят экскурсии, посвященные прошлому Алтая, традиционной культуре коренного тюркоязычного населения, историко-культурному и археологическому наследию региона. Эта деятельность способствует формированию образа прошлого у жителей и гостей республики, актуализации региональной и этнической идентичности. Музей становится своеобразной формой материализации искусства памяти.

Разработка темы культурного наследия в этнонациональном дискурсе РА предполагает: удревнение этнической культуры, идентификацию своего этноса с различными археологическими культурами или фольклорными образами, утверждение исторического приоритета некоторых культурных или политических достижений, стремление расширить этнополитические границы в территориальных и временных рамках, представление о том, что Саяно-Алтай являлся колыбелью цивилизации.

В настоящее время в Республике Алтай активно происходит переосмысление роли и места культурного наследия в определении перспектив развития региона. Наблюдается уникальная ситуация объединения культурных традиций прошлого и современности в едином культурном пространстве.

Список литературы

Алякина К.В. Культурное наследие как гипертекстуальное пространство // Контексты социального знания: межкафедр. сб. науч. ст. к 15-летию социолог. фак. Самар. гос. ун-та. – Самара: Универс-групп, 2005. – С. 317–326.

Дружбы и согласия много не бывает // Звезда Алтая. – 2005. – № 93. – С. 4.

Масеева Г. Он знает свой род до 14-го колена // Постскриптум. – 2002. – № 34. – С. 4.

Открытие культурного Центра в Чемальском районе // Республика Алтай. Официальный интернет-портал. – URL: www.altai-republic.com/print.php?sid=1484 &POSTNUKESID=80b02191988294d5231d8ac38fb118e8 - 5k (14.11.2006).

Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 458 с.

Эдоков В.И. Возвращение мастера. – Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова, 1994. – 239 с.

А.С. Севостьянов

ТУВИНСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В РОССИЙСКИХ МУЗЕЯХ*

Привлечения музейных материалов традиционно является частью этнографических исследований народов Сибири. Этот источник представляет огромный интерес при описании традиционной культуры тувинцев - одного из самых многочисленных народов края.

Несмотря на то, что Тува стала частью России лишь в 1944 г., активный интерес российских исследователей к этому региону проявился в конце XIX – начале XX в. К концу первого десятилетия XX в. было собрано большое количество материалов, хранящихся сегодня в музеях гг. Санкт-Петербурга, Казани, Томска, Минусинска, Иркутска. В данной статье предпринята попытка сделать обзор тувинских этнографических коллекций конца XIX — начала XX в. в российских музеях.

Одна из самых больших тувинских коллекций хранится в отделе этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день Тува в МАЭ представлена несколькими коллекциями. Самой обширной является коллекция В.Н. Васильева. Он был командирован музеем с целью сбора коллекций к карагасам и сойотам в 1908 г. Эта поездка охватила бассейны рек Бирюсы, Уды, Ии и Оки, Тункинский район, озера Косогол и Ильчир, Саянский хребет, Урянхайский край и бассейн р. Теси в северо-западной Монголии. Кроме карагсов и сойотов, ученый частично обследовал монголов и тункинских бурят. Результатом поездки была большая коллекция по карагасам и сойотам и небольшая – по монголам. Это собрание насчитывало более шестисот предметов. В нем широко были представлены предметы культуры, одежды, быта, ремесленные инструменты и приспособления, религиозные принадлежности и многое другое.

Также в МАЭ Туву представляют коллекции Н.Ф. Катанова (1889), Н.М. Ядринцева и А.В. Адрианова (1897), Г.М. Осокина (1897), П.Е. Островского (1898).

Большое значение имеют материалы Этнографического отдела Российского этнографического музея. В нем хранится одно из самых крупных этнографических музейных собраний России – коллекция Ф. Я. Кона. Она была собраны в 1902-1903 г. Коллекция насчитывает порядка 1300 пред-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-18121е).

метов и охватывает практически все стороны материальной и духовной культуры тувинцев: земледелия, охота, рыболовство, костюм, украшения, посуда и утварь, жилище и убранство, домашние ремесла, скотоводство, табакокурение, образцы пищи, орудия пытки и наказания игрушки, предметы искусства, медицина и гигиена, ламаизм, шаманизм.

Помимо центральных музеев, этнографические материалы, касающиеся Тувы, достаточно обширно представлены и в других центрах, в частности, в этнографическом музее Казанского университета. В 1913 г. этнографом и археологом С.А. Теплоуховым в Восточной Сибири была собрана большая коллекция (свыше 220 названий), состоящая из бытовых и культовых предметов народов Сибири. В коллекции имеются тувинские мужские и женские халаты. О широком развитии в то время в Туве разнообразных ремесел свидетельствует набор орудий кузнечного производства, а также орудия по обработке кожи. Широко представлена кожаная и металлическая посуда, шкатулки, скамеечки, разрисованные ярким национальным орнаментом, принадлежности для курения и другие бытовые вещи*.

В коллекции С.А. Теплоухова имеются деревянные резные шахматы; тонкой работы статуэтки из дерева и агальматолита, изображающие всадников в национальной одежде, шаманов, различных животных; искусно выполненная табакерка; музыкальные инструменты. Большую ценность представляет собрание предметов и средств народной медицины (хирургические инструменты, корни и семена растений, дозировочная ложка и др.). Много в коллекции и культовых принадлежностей. Это костюм шамана, бубны, медные зеркала, таблички с буддийскими религиозными надписями, культовые изображения людей и различных животных.

В Томске этнографические коллекции хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Тувинская коллекция МАЭС ТГУ насчитывает 191 предмет. Она включает собрания Г. П. Сафьянова и А. В. Адрианова, а также другие сборы. Большая часть коллекции была собрана Г.П. Сафьяновым в верховьях р. Енисея и передана музею в 1888 г. Она насчитывает 66 предметов и охватывает основные стороны бытовой культуры тувинцев. В коллекции представлены предметы земледелия, ремесел, одежды, быта и т.д.

Коллекция А. В. Адрианова менее обширна. Она состоит из 20 с лишним предметов, а также нескольких наборов шахмат (каждая шахматная фигура числится как отдельный экспонат). Собрание включает в себя: домашнюю утварь (представленную двумя чайными чашками); несколько музыкальных инструментов; предмет охоты - манок, который присутствует в нескольких видах; несколько фигурок животных и людей.

Минусинский краеведческий музей также располагает значительным тувинским собранием. Оно насчитывает более 250 предметов, характе-

---

***Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П., Зорин Н.В.** Тувинские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета // СЭ. – 1957. – № 3. – С. 164–167.

ризующих различные стороны культуры и быта тувинцев. Согласно тематическому классификатору, в коллекции выделяется группа предметов, характеризующих культуру первичного производства - земледелия, животноводства, охоты, различных ремесел. В группе предметов, характеризующих культуру жизнеобеспечения, представлены: элементы построек, костюм, украшения, пища, утварь для питания и курения, посуда, средства передвижения и транспортировки. Предметы, характеризующие соционормативную и гуманитарную культуру - это вещи религиозного культа (шаманизм, буддизм, ламаизм), предметы, употребляемые в игровой деятельности и музыкальном творчестве, презентирующие народные знания.

Иркутский областной краеведческий музей является старейшим музеем Сибири. Его этнографическое собрание по Туве состоит из коллекций Д.А. Клеменца, Ф.Я. Кона, Н.М. Мартьянова. В них представлены интересные материалы, касающиеся разных сторон жизни и быта тувинцев, однако наиболее значимой является коллекция Ф.Я. Кона, собранная в 1902-1903 гг. Наиболее многочисленно и разнообразно представлены в ней предметы, рассказывающие о народном искусстве сойотов–камнерезов - 25 фигурок животных на подставках, выполненных в характерной статичной манере; четыре шахматные фигурки; игра Толи (домино) – 115 шашек, вырезанных из серого агальматолита. В коллекции имеются изображение женщины в традиционном костюме (халат, безрукавка) и мужчины–охотника с винтовкой в руках. Коллекция дает представления о способах обработки кожи, дерева, бересты, камня среди тувинцев. Предметов из дерева и кожи насчитывается 34 единицы - это прежде всего утварь и предметы, используемые для приготовления пищи; преобладают емкости, используемые для хранения и транспортировки жидкостей (воды, молока, спиртных напитков и др.). Ремесло и промыслы представлены 4 предметами. В собрании также есть два седла и элементы седельного набора.

Таким образом, на сегодняшний день этнография Тувы представлена в музеях России богатыми и информативными коллекциями, однако изучение их сопряжено со значительной разрозненностью материалов и отсутствием научных каталогов.

С.Г. Скобелев, А.В. Выборнов

ДЕМОГРАФИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ: ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Изучение динамики численности коренного населения Сибири продолжает представлять особый интерес в связи с возрождением в последние десятилетия в отечественной историографии негативистской традиции в оценке последствий пребывания региона в составе России, включая и дореволюционный период [Вуд, 1998]. Ее повторное появление иногда связывается с освобождением науки от, якобы, идеологических пут, имевших место в советское время. Известно, что данное течение в науке и публицистике сформировалось во второй половине XIX [Дамешек, 1990]. Тон здесь задавался учеными и публицистами, представлявшими господствовавшее на то время областническое направление в сибиреведении. Они считали все беды края явлениями, привнесенными извне и созданными искусственно. На этих посылках обосновывалась и главная цель областников – отделение Сибири от России.

Современные отечественные последователи демографических концепций областничества, в отличие от зарубежных, предложений об отделении Сибири, как правило, уже не делают, однако период второй половины XIX – начала XX в., ставший начальным в утверждении капитализма в России, представляют одним из самых тяжелых в демографии коренного населения. Определенные демографические проблемы советского времени характеризуются как закономерное следствие бед предшествующего периода. Предтечей таких представлений можно считать Е.И. Титова, писавшего об эвенкийском населении Западной Сибири: «Факторы вымирания действуют не со вчерашнего дня; мы расхлебываем наследство почти трехвекового господства разврата и угнетения; многие племена угасают из года в год» [Титов, 1928, с. 153]. В связи с этим важно показать действительную картину историографических представлений о демографическом развитии коренных жителей Сибири во времена первого пришествия капитализма в Россию.

В первую очередь следует отметить, что авторы, представляющие негативистское направление в сибиреведении, игнорируют тот факт, что возникшая на слабости источниковой базы демографическая концепция областничества оказалась несостоятельной в своих выводах еще до

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 08-01-00332а).

революции. Так весьма позитивно оценивали последствия включения в состав России народов Азии (включая Сибирь) ведущие ученые-ориенталисты И.Н. Березин и В.В. Григорьев [Березин, 1858; Григорьев, 1875]. А.П. Щапов с демократических позиций дал, в целом, положительную оценку взаимовлияний русского и коренных народов Сибири [1906, с. 415–425; 1937, с. 202, 206, 235]. В.С. Арефьев (под псевдонимом А-в О.) на конкретном примере ангарских эвенков показал несостоятельность мнения о биологической предопределенности неизбежного вымирания народностей Севера [1900]. С критикой распространенного мнения о вымирании аборигенов Сибири выступал Д.А. Клеменц [1907, с. 53–54]. А.А. Кузнецова и П.Е. Кулаков указывали почти на полуторный рост числа минусинских и ачинских «инородцев» с 1840 по 1896 г. [1898, с. 12–13]. С.П. Швецов на цифровых данных показал, что при всей тяжести положения, о которой сообщали многие авторы, не приходилось говорить о вымирании алтайцев [1900, с. 43–44]. Н.Н. Козьмин на материалах Абаканского и Аскизского ведомств также показал, что анализ статданных конца XIX – начала XX в. не подтверждает выводы о вымирании коренных жителей. По его мнению «миграция является главной причиной предположений о вымирании»; наряду с фактами уменьшений численности имеются такие территории, где «население в короткое сравнительно время удваивается и утраивается» [1916, с. 100–101). С выходом в свет работ С.К. Патканова [1910; 1911–1912], где на конкретных цифрах переписи 1897 г. показывался значительный рост числа коренных жителей, несостоятельность областнической традиции была подтверждена на основе статистических материалов в общесибирском масштабе. Считается, что областническая концепция основана на взглядах двух ее крупнейших представителей – Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева. Однако следует отметить, что конкретные факты заставляли Н.М. Ядринцева еще в 1873–1876 гг. неоднократно отмечать положительные явления в истории Сибири и даже выступать в поддержку цивилизаторской деятельности России [1919, с. 85–86, 92, 113–115, 120–121, 128, 130–137].

Таким образом, можно сделать вывод, что получившее основное развитие в советской науке в 60–80 гг. XX в., направление, в целом, положительно характеризовавшее демографическое развитие коренного населения Сибири, не зародилось искусственно. Его представители отнюдь не выполняли установки партийного руководства страны и не навязывали представления о том, что нынешнее благополучие в сфере демографии коренных жителей связано с благотворным влиянием со стороны русского народа, имевшим место всегда, включая и период капитализма. В действительности, это направление обладало своими объективными предпосылками и научными предшественниками (включая даже одного из основоположников областнического направления), успешно разрабатывавшими такую тематику задолго до 1917 г.

Список литературы

А-в О. О прошлом и настоящем ангарских аборигенов // Сибирский сборник: прил. к газете «Восточное обозрение». – Иркутск, 1900. – Вып. I. – С. 131–132.

Березин И.Н. Метрополия и колония // Отечественные записки. – 1858. – № 3–5.

Вуд А. Сибирский регионализм: Прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. – М., 1998. – Вып. 24. – С. 203–217.

Григорьев В.В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // Журн. М-ва нар. просвещения. – 1875. – № 3 (март). – С. 1–27.

Дамешек Л.М. Историография и источниковедение истории народов Сибири эпохи капитализма. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 82 с.

Клеменц Д.А. Население Сибири // Сибирь. Ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908. – С. 37–78.

Козьмин Н.Н. К вопросу о «вымирании» инородцев // Сибирские записки. – 1916. – № 2. – С. 99–108.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения). – Красноярск: Тип. Енисейского губ. упр., 1898. – Ч. 3. – 298 с.

Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. – СПб.: Изд-во Акад. наук, 1910. – 210 с.

Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): в 3 т. – СПб.: Тип. Ш. Буссель, 1911–1912.

Титов В.И. Очередные задачи тунгусоведения // Тр. Первого Сиб. кр. науч.-исслед. съезда. – Новосибирск, 1928. – Т. V. – С. 144–154.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. – Барнаул: Типо-литогр. Гл. упр. Алт. окр., 1900. – Т. I, вып. 1: Кочевники Бийскаго уезда. – 561 с.

Щапов А.П. Сочинения. – СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1906. – Т. 2. – 620 с.

Щапов А.П. Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. – Иркутск: Вост.-Сиб. обл. изд-во, 1937. – 129 с.

Ядринцев Н.М. Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов: Из газет «Камско-Волжское слово», «Сибирь» и «Восточное обозрение» за 1873–1884 гг. – Красноярск: Изд-во журн. «Сиб. записки», 1919. – 223 с.

Е.Ф. Фурсова

СЕВЕРОРУССКИЕ И УРАЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОРНАМЕНТАЦИИ ПРЯЛОК КРЕСТЬЯН-СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ*

Достаточно обширна искусствоведческая и этнографическая литература, касающаяся вопросов выявления центров русского прялочного производства, династий мастеров-прялочников, а также осмысления художественных и семантических особенностей этого вида народного творчества. В контексте решения общих проблем специфики народного искусства, эстетического осмысления природы в произведениях мастеров рассмотрены мезенские, городецкие, вологодские прялки Т.М. Разиной [Разина, 1970]. В исследовании В.А. Шелег проанализированы орнаментации прялок, намечены основные этнокультурные ареалы на территории Европы [Шелег, 1992]. Одной из первых этнографических работ, посвященных символике прялок и их места в этнической картине мира крестьян Русского Севера, является статья Т.А. Бернштам [Бернштам, 1992].

Н.И. Каплан собран материал по расписным предметам домашнего обихода, стенным росписям Алтая, осуществлен сравнительно-исторический анализ с учетом бытования традиций в конкретных этнокультурных группах [Каплан, 1961]. В 1980-1990 гг. новосибирские, омские и алтайские исследователи на региональных материалах показали связи местных художественных традиций с наиболее архаичными северорусскими узорами, с искусством отхожего малярного промысла вятских красильщиков, уральских мастеров и кармацких «петушников» из Тюмени [Гончарик, 1998; Русакова, 1983]. В ходе многолетних экспедиций 1977 – 2010 гг. автором было выявлено значительное разнообразие вариантов традиционно-бытового творчества русских сибиряков, прежде всего, резных и расписных предметов утвари (прялки, посуда).

В комплексе орудий производства домашнего прядения и ткачества конца XIX – начала XX вв. прялка относилась к числу древнейших, привезенных в Сибирь еще первыми поселенцами. Процесс прядения являлся наиболее трудоемким, занимавшим все свободное время крестьянских женщин и девушек; в семьях, имевших недостаток в дочерях, привлекались и мальчики. В Западной Сибири, как и в Европейской России, в масляничных катаниях использовались не только санки, ледянки, но

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 10-01-00470а).

и донца прялок. В публикациях уже было показано, что в Сибири этот обычай фиксируется в среде российских переселенцев из Рязанской губернии, которые катались на донцах, чтобы «лен уродился» [Фурсова, 1998]. Прялки сопровождали женщину на всем жизненном пути: маленькую прялочку дарил отец или дедушка в детстве, с прялками приходили девушки и женщины на супрядки, прялку приносила девушка в дом мужа в качестве приданого.

Корпус просмотренных сибирских прялок дает информацию о вариантах конструкции (цельные, изготовленные из одного корня, или составные), орнаментальной композиции и технике ее исполнения. Практически не встречаются прялки с подписями мастера или владельца, дарственными надписями. Отметим, что орнаментированные прялки в зависимости от техники нанесения узоров можно разделить на резные и расписные, а также на предметы, сочетающие обе техники. Расписные прялки чаще встречались на юге Западной Сибири, особенно на Алтае, резные и смешанной техники – в Среднем и Верхнем Приобье, Барабе. Многие из этих предметов быта связаны с более ранними прототипами, бытовавшими в семьях или в ближайшем окружении. В зависимости от этнокультурных особенностей изучаемой группы варьировались названия прялок: «прялки», «пресницы», «прясницы», пресилки» и пр.

Прялки, орнаментированные в технике глубинно-выемчатой резьбы, представляются типологически наиболее ранними. В них присутствует геометрический орнамент, магическое и символическое значение которого неоднократно пытались раскрыть этнографы, археологи, искусствоведы. Композиции таких прялок сложные, изобилующие многими геометрическими фигурами и их сочетаниями, за которыми скрывается содержание, доступное пониманию даже не изготовившему их мастеру, а поколениям гораздо более ранних эпох. На лопастке одной из таких прялок барабинского происхождения пространство систематизировано крестом, в центре которого лучистый круг. Подобные элементы хорошо известны в орнаментации прялок Русского Севера [Разина, 1970], встречаются в оформлении прялок семейских Забайкалья [Болонев, 1980], а также в Алтайском крае.

В Среднем Приобье встречаются прялки смешенной техники орнаментации, когда резные композиции дополнялись раскрашиванием отдельных элементов. На лопастке «прясницы» из д. Пеньковой Маслянинского района Новосибирской области изображены разнообразные круги: с вписанными розетками, с исходящими лучами – прямыми или изогнутыми. Интересно, что мастеривший прялку отец А.С. Огневой (1911 г.р.) использовал традиционные приемы «оживки» солярных знаков в виде уголков-«лучиков», насечек, зигзагообразных линий аналогично описанной выше резной прялке. Наверху вырезан круг с вписанной в него шестилепестковой розеткой, по бокам от которой расположены два круга поменьше с осевой симметрией скривленных линий (слева против часовой стрелки, а справа – по часовой стрелке).

Наиболее распространенными видами орнаментации прялок в западно-сибирском регионе следует признать роспись растительными узорами, нередко включающими птиц – сюжет, получивший широкое распространение в русском народном искусстве XIX в. Для урало-сибирских росписей характерен живописно-графический стиль, в котором сплавились воедино народные традиции и приемы старообрядческой иконописи (перистые ветви, живописные цветы, белильные оживки-пробелы) [Барадулин, 1988].

Основу орнамента прялки из д. Загора Маслянинского района Новосибирской области составляет дерево, проросшее не только ветвями и листьями, но и огромными цветами, кружкам-«ягодками». В XVIII – начале XX вв. русская традиция устного творчества предоставляла многочисленные свидетельства сохранения текстов о чудесном дереве (как бы его ни называли – Мировом древе, дереве Жизни) в крестьянской среде. Люди, которые становились творцами прялок, трепал, ткацких станков и прочей домашней утвари, не жили вне фольклорного творчества. Мотив дерева отчетливо звучал не только в песенной, но и заговорной традиции.

Другим вариантом растительных орнаментов в прялках являются изображения, сочетающие такие мотивы с птицами. На полевой зарисовке прялки из д. Коробиха Катон-Карагайского района Восточно-Казахстанской области (ныне Республики Казахстан), принадлежавшей бухтарминским старообрядцам начала XX в., растительные композиции сложнее вышеописанных и кажутся другими по смыслу: изображения нераскрывшихся бутонов, листьев, плодов и сидящих наверху двух птиц. Среди массива расписных прялок встречаются и нарисованные известным «вятским приемом», маховым мазком.

Грубый, неумелый рисунок, выполненный также явно не профессиональным мастером, видим на прялке из с. Чемское Искитимского района Новосибирской области. На лопастке читается образ дерева, заключенного в пространство, ограниченного волнистыми линиями. Исследователи-искусствоведы рассматривают орнаментальные мотивы в виде куста, растущего из вазона, как наиболее старинные, восходящие к XVII веку [Каплан, 1961]. В данном случае растение исходит из крина, возможно, впоследствии как раз и сменившегося у мастеров вазоном.

Многие исследователи уже отмечали высокие художественные достоинства росписей Алтая [Каплан, 1961; Гончарик, 1998 и др.], что даже дало основание говорить об отдельной алтайской школе [Барадулин, 1988]. Н.И. Каплан удалось работать в большей степени с солонешенскими прялками старообрядцев-«поляков». В ходе экспедиций 1978-1979 гг. и 1988, 1997 гг.* автором были сделаны зарисовки прялок, в основном принадле-

*Экспедиции были организованы Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН (1978–1979 гг. – рук. Л.М. Русакова; 1988, 1997 гг. – рук. Е.Ф. Фурсова).

жавших потомкам бухтарминских старообрядцев. Для жителей сел по р. Бухтарме характерны растительные мотивы, заключенные в круги или выстроенные в определенном порядке по лопастке. Однако по Бухтарме встречаются и иные, оригинальные, с точки зрения композиции, росписи с концентрическими кругами, которые отличаются от Урала и Приуралья также техническими приемами исполнения. В данном случае следует говорить о совсем других приемах обобщения, ритмическом строе.

Оригинальной и единичной в своем роде является прялка из д. Базой Томской области, которую можно отнести не только к категории дарственных, но и «портретных». Возможно, здесь мастер сделал попытку изобразить не традиционные композиции, но саму дарительницу, для которой прялка предназначалась. Изображение, можно сказать, близко к светскому портрету, так как налицо попытка придать образу конкретные черты. Улыбающаяся дама, одетая далеко не в крестьянское платье, приветливо помахивает ридикюльчиком.

Роспись и резьба прялок Сибири сложилась, видимо, под влиянием переселившихся сюда носителей северорусской традиции, принесших из Вологды, Каргополья, Вятки, Прикамья живописные приемы и характерные композиции, мотивы, терминологию. Если в уральской росписи разработанные приемы и композиции стали функционально универсальными для всех видов домашней утвари, то в Сибири такие общие очаги декорирования предметов утвари и, прялок, в частности, были разбросаны и перекрывались другими традициями – северными, поволжскими. Материалы свидетельствуют о разнообразии и, в ряде случаев, своеобразии художественных приемов и композиций прялок Южного Алтая, что подтверждает наблюдения А.Е. Ащепкова [Ащепков, 1950].

Список литературы

Ащепков Е.А. Русское народное зодчество Западной Сибири. – Л.: АН СССР, 1930. – 205 с.

Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья. Крестьянский расписной дом. – Л.: Художник РСФСР, 1988. – 199 с.

Бернштам Т.А. Прялка в символическом контексте культуры (по русским памятникам в музеях) // Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб.: Наука, 1992. – С. 14–43. – (Сб. МАЭ; вып. XLV).

Болонев Ф.Ф. Прядение, ткачество и вязание у семейских Забайкалья (XIX – начало XX в.) // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 139–163.

Гончарик Н.П. Народные росписи Алтая в ГФМАК // Народное искусство Южного Урала. – Челябинск: Челяб. дом печати, 1998. – С. 80–87.

Каплан Н.И. Очерки по народному искусству. – М.: Гос. изд-во мест. пром-ти и худ. промыслов РСФСР, 1961. – 95 с.

Разина Т.М. Русское народное творчество. – М.: Изобразительное искусство, 1970. – 255 с.

Русакова Л.М. Прикладное искусство // История крестьянства Сибири. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 246–361.

Фурсова Е.Ф. Обычаи и обряды, связанные с льноделием // Русские Сибири: культура, обычаи, обряды. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 102–130.

Шелег В.А. Севернорусская резьба по дереву: ареалы и этнические традиции (опыт картографирования геометрической и зооморфной резьбы) // Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 127–147.

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

БОГУЧАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ: ТРЁХЛЕТНИЕ ИТОГИ (2008–2010)

Насущной задачей современной фазы социально-экономического развития российских территорий является сохранение историко-культурного наследия России, находящегося в зонах строительства и иного хозяйственного использования участков, на которых расположены объекты культурного наследия.

Одним из наиболее ярких примеров разрушающего воздействия на памятники археологии являются водохранилища построенных или строящихся гидроэлектростанций. Отличительной особенностью ситуации с объектами археологии, которым грозит затопление при наполнении водохранилищ, является невозможность каких-либо обходов или перетрассировок. Наличие археологических и других памятников истории и культуры и ранее учитывалось при строительстве гидроэлектростанций – достаточно вспомнить строительство Асуанской ГЭС в Египте, когда из зоны затопления переносились целые храмовые комплексы эпохи Древнего Египта (4–5 тысяч лет тому назад). Не стала исключением и строящаяся на р. Ангаре Богучанская ГЭС.

Здесь, на территориях Кежемского района Красноярского края и Усть-Илимского района Иркутской области, археологами обнаружены более 200 объектов археологии – поселений, стоянок, могильников и культовых мест древнего ангарского населения, проживавшего в этих местах на протяжении сорока тысяч лет.

В 2007 г. было начато активное исследование и охранно-спасательные археологические раскопки в зоне затопления. Работы велись в рамках государственных контрактов, основным исполнителем в которых выступал Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН). Для реализации этих задач была создана Богучанская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН (научный руководитель – академик А.П. Деревянко, начальник экспедиции – д.и.н. профессор Н.И. Дроздов, заместители начальника – д.и.н. Д.Г. Коровушкин и д.и.н. профессор Г.И. Медведев).

В охранно-спасательных работах Экспедиции в зоне затопления в 2008, 2009 и 2010 гг. (рис. 1–3) работали, соответственно, 24, 29 и 32 полевых археологических отряда, сформированных сотрудниками ИАЭТ СО РАН и его лабораторий и филиалов в Абакане, Кемерово, Иркутске, Красноярске,

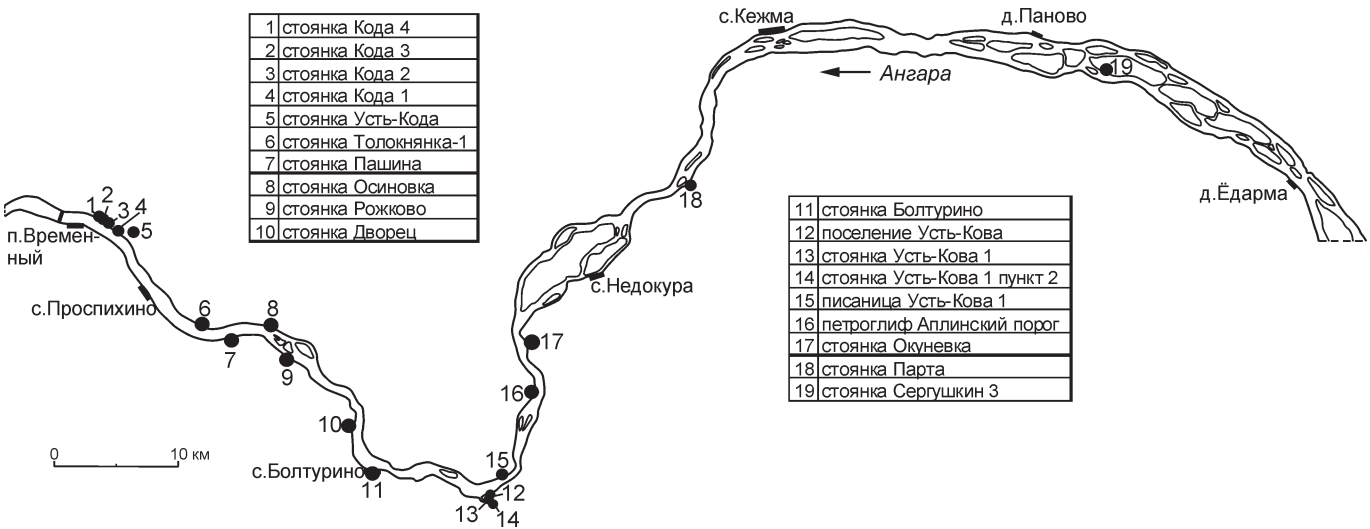


Рис. 1. Карта-схема охранно-спасательных работ на памятниках в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2008 г.

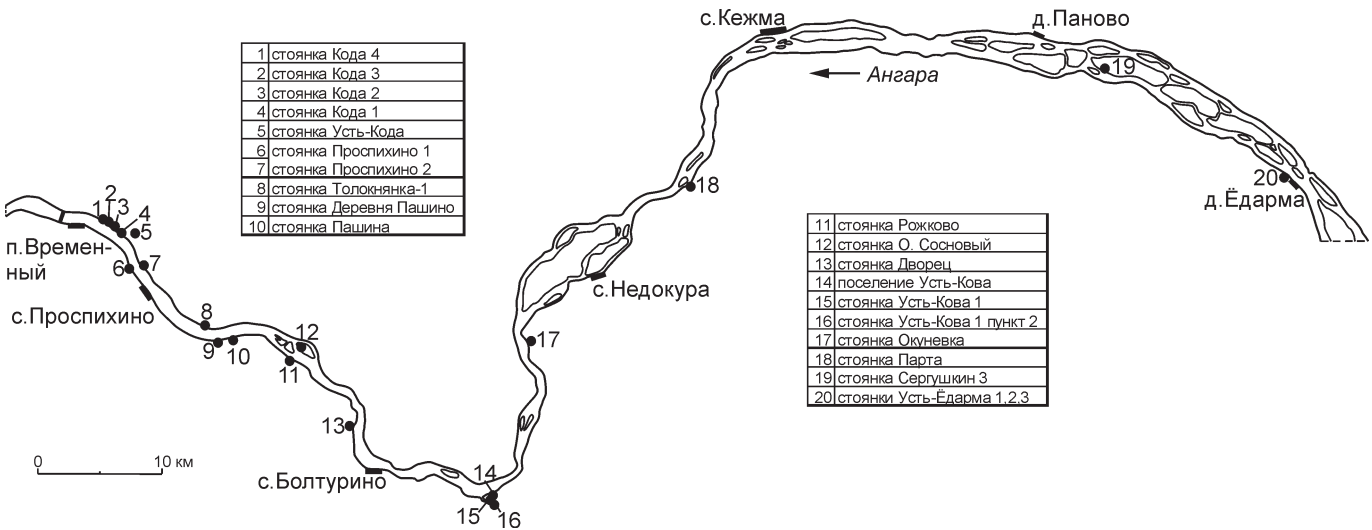
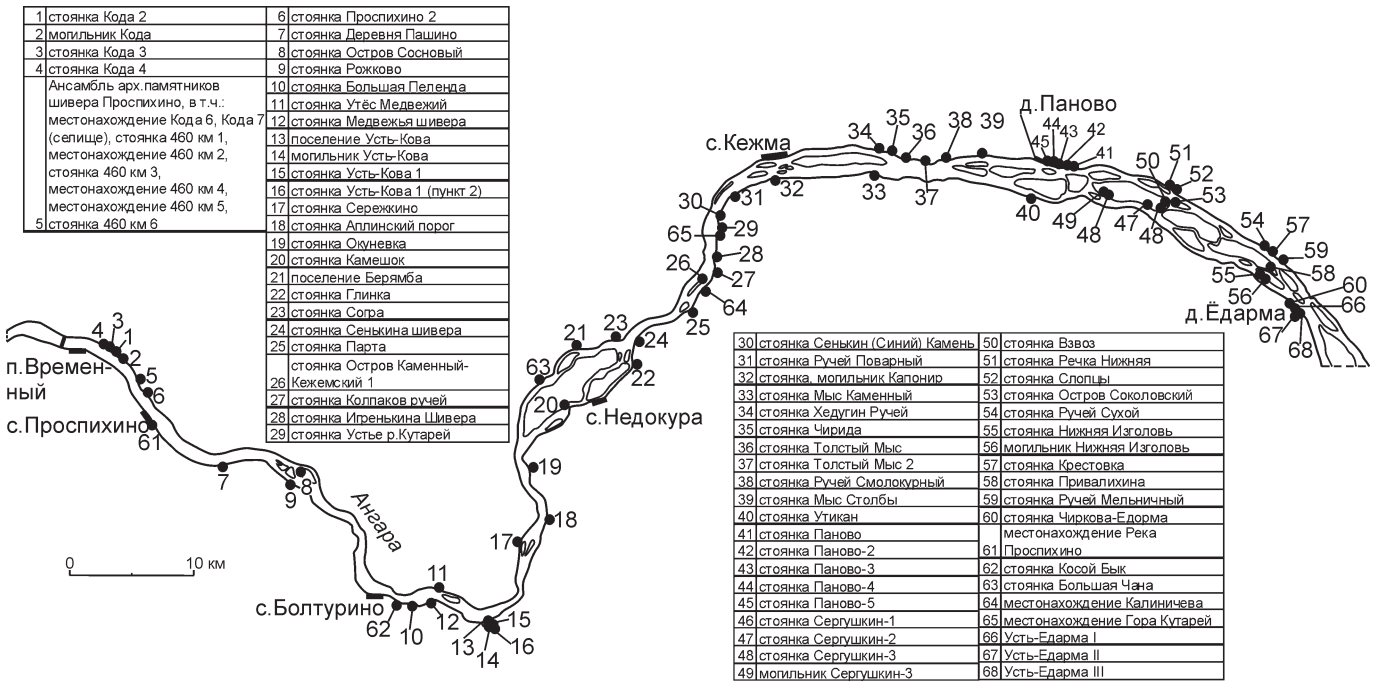


Рис. 2. Карта-схема охранно-спасательных работ на памятниках в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2009 г.



1	стоянка Кода 2	6	стоянка Проспихино 2
2	могильник Кода	7	стоянка Деревня Пашино
3	стоянка Кода 3	8	стоянка Остров Сосновый
4	стоянка Кода 4	9	стоянка Рожково
	Ансамбль арх.памятников шивера Проспихино, в т.ч.: местонахождение Кода 6, Кода 7 (селище), стоянка 460 км 1, местонахождение 460 км 2, стоянка 460 км 3, местонахождение 460 км 4, местонахождение 460 км 5,	10	стоянка Большая Пеленда
		11	стоянка Утёс Медвежий
		12	стоянка Медвежья шивера
		13	поселение Усть-Кова
		14	могильник Усть-Кова
		15	стоянка Усть-Кова 1
		16	стоянка Усть-Кова 1 (пункт 2)
		17	стоянка Сережкино
5	стоянка 460 км 6	18	стоянка Аплинский порог
		19	стоянка Окуневка
		20	стоянка Камешок
		21	поселение Берямба
		22	стоянка Глинка
		23	стоянка Сопра
		24	стоянка Сенькина шивера
		25	стоянка Парта
		26	стоянка Остров Каменный-Кежемский 1
		27	стоянка Колпаков ручей
		28	стоянка Игренькина Шивера
		29	стоянка Устье р.Кутарей

30	стоянка Сенькин (Синий) Камень	50	стоянка Взвоз
31	стоянка Ручей Поварный	51	стоянка Речка Нижняя
32	стоянка, могильник Капонир	52	стоянка Слопцы
33	стоянка Мыс Каменный	53	стоянка Остров Соколовский
34	стоянка Хедугин Ручей	54	стоянка Ручей Сухой
35	стоянка Чирида	55	стоянка Нижняя Изголовь
36	стоянка Толстый Мыс	56	могильник Нижняя Изголовь
37	стоянка Толстый Мыс 2	57	стоянка Крестовка
38	стоянка Ручей Смолокурный	58	стоянка Привалихина
39	стоянка Мыс Столбы	59	стоянка Ручей Мельничный
40	стоянка Утикан	60	стоянка Чиркова-Едорма
41	стоянка Паново		местонахождение Река
42	стоянка Паново-2	61	Проспихино
43	стоянка Паново-3	62	стоянка Косой Бык
44	стоянка Паново-4	63	стоянка Большая Чана
45	стоянка Паново-5	64	местонахождение Калиничева
46	стоянка Сергушкин-1	65	местонахождение Гора Кутарей
47	стоянка Сергушкин-2	66	Усть-Едарма I
48	стоянка Сергушкин-3	67	Усть-Едарма II
49	могильник Сергушкин-3	68	Усть-Едарма III

Рис. 3. Карта-схема охранно-спасательных работ на памятниках в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в 2010 г.

Новосибирске, Омске, Тобольске, Томске. В работе приняли участие сотрудники и студенты Красноярского, Новосибирского и Тобольского государственных педуниверситетов, Абаканского, Алтайского, Братского, Иркутского, Кемеровского, Новосибирского, Омского и Томского государственных университетов, Сибирского федерального университета, Красноярского краевого музея. Численность личного состава экспедиции неуклонно росла: 500 человек в 2008, более 750 в 2009, 980 человек – в 2010 г.

За эти три года общий объём археологических раскопок методом сплошного вскрытия с полной выемкой грунта составил более 70 тыс. кв. м.

В результате проведённых работ сотрудниками Экспедиции практически полностью исследованы и будут рекомендованы к исключению с учёта более 100 объектов, паспортная площадь которых составляет не менее 65 % от всей площади объектов только в красноярской части зоны затопления.

Тем не менее, десятки археологических памятников в границах Кежемского района Красноярского края, безусловно, потребуют дальнейших полевых исследований. Особое беспокойство вызывает богатейшее историко-культурное наследие в иркутской части зоны затопления. Из десятков памятников лишь три попали в программу работ 2009 – 2010 гг.

Научные результаты работ впечатляют: масштабные археологические раскрытия позволяют в новых красках увидеть 40-тысячелетнюю историю Ангары. Комплексный мультидисциплинарный подход к археологическим работам, одномоментные раскопки на десятках памятников в русле единого научно-методического руководства позволили получить новые результаты, значительно расширяющие фундаментальное научное знание об истории Приангарья, миграциях и культурных связях древнего населения Северной Евразии, древних технологических традициях и мировоззрении, явленном через образцы изобразительного искусства, достойные лучших музеев. На некоторых исследуемых объектах количество археологических артефактов исчисляется десятками тысяч. Обнаружены уникальные для высоких широт поселенческие (Хедугин Ручей и Медвежий Утёс) и погребальные комплексы (Шивера Проспихино). На части объектов (Косой Бык, Большая Пеленда) археологическими исследованиями выявлено значительное удревнение, вплоть до эпохи палеолита, и увеличение числа культуросодержащих слоев.

Статьи, представленные в этом разделе сборника, иллюстрируют проделанную сотрудниками экспедиции работу, позволяют по-новому увидеть сорокатысячелетнюю историю Ангары, раскрыть новые горизонты исторического знания.

Д.Г. Коровушкин

А.А. Адамов, П.Г. Данилов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ СЕРЕЖКИНО В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Археологические исследования в зоне затопления Богучанской ГЭС (Кежемский район Красноярского Края) на стоянке Сережкино проводились отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством А.А. Адамова в июле, августе 2010 года.

Стоянка Сережкино расположена на правом берегу р. Ангары в 551 км от ее устья, на левом берегу Сережкинского ручья.

Карта координат (в системе WGS-84) углов поворота памятника Сережкино

Пункт поворота	Северная широта	Восточная долгота
1	58°25’31.1	100°25’26.2
2	58°25’29.8	100°25’30.0
3	58°25’25.5	100°25’23.1
4	58°25’27.0	100°25’19.3

В соответствии с техническим заданием на памятнике было заложено три раскопа, общая площадь которых составила 847 кв. м при глубине раскопов 0,6 – 0,7 м. Первый раскоп – 436 кв. м; второй раскоп – 171 кв. м; третий раскоп – 240 кв. м. Связано это было с большой изрезанностью рельефа местности (перепад высот на памятнике составлял до 6 м) и задачей охватить исследованиями возможно большую площадь памятника. Для всех раскопов был установлен единый репер. Был составлен подробный топографический план памятника с нанесением на него всех трех раскопов. Во всех археологических раскрытиях на памятнике обнаружена идентичная стратиграфическая ситуация. Под почвенно-растительным слоем, толщина которого колеблется в пределах 5 – 10 см, выявлена светло-серая супесь мощностью 10 – 20 см, в которой было найдено основное количество находок. Под светло-серой супесью залегал слой темно-красной глины, насыщенной большим количеством темно-красного камня.

Каких либо остатков жилых сооружений или остатков долговременных сооружений в раскопах не было обнаружено. На стоянке Сережкино были

открыты два скопления находок, связанных с металлургической деятельностью. В первом раскопе скопление состояло из шлака и разрушенных стенок металлургического горна. Во втором раскопе были исследованы остатки металлургической печи – горна, от которого сохранились (частично) боковые стенки из хорошо обожженной глины, поставленные на большой ромбический камень, являвшийся основанием горна. Кроме шлаков и остатков разрушенных стенок горнов на памятнике были выявлены и многочисленные фрагменты глиняных сопел, часть из которых орнаментирована. Для дробления руды использовались тяжелые камни, опоясанные небольшим желобком, судя по всему, для крепления рукояти.

Во всех трех раскопах собрана неплохая коллекция изделий из камня, представленная каменными топорами с ушками, без следов шлифовки. Близкие топоры с ушками встречены в неолитических памятниках Прибайкалья [Асеев И.В., 2003]. Другие изделия из камня представлены рубящими орудиями из нефрита, наконечниками стрел и копий, скребками, нуклеусами и пластинами, отщепами. Каменный инвентарь датируется, скорее всего, широким хронологическим отрезком – от эпохи неолита до раннего железного века.

На стоянке Сережкино в раскопах достаточно часто встречались целые скопления фрагментов керамики. Предварительно можно выделить по крайне мере три керамических комплекса. Самый ранний представлен фрагментами с текстильным орнаментом (или ложнотекстильным). Этот комплекс можно датировать в рамках неолита. Вторая группа это сосуды с гребенчатым орнаментом. Аналогии керамическому комплексу с гребенчатым орнаментом представлены на сосуде из погребения на памятнике Шивера Проспихино в Северном Приангарье, датируемого широким хронологическим отрезком [Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., 2009]. Третий керамический комплекс представлен керамикой с валиками (большей частью – налепными). Предварительно этот комплекс можно датировать в пределах эпохи средневековья, что подтверждают находки на стоянке железных изделий, среди которых железные ножи с кольцом на конце, железные остроги и небольшой вильчатый наконечник стрелы. Кольчатый нож и аналогичный наконечник стрелы были найдены на поселении Адома в Северном Приангарье, чуть ниже плотины Братской ГЭС, в одном слое с керамикой с налепными валиками. Слой датирован авторами в пределах VII – X вв. н. э. [Роговский Е.О. и др., 2007].

В результате работ было установлено, что культурный слой образовался в результате неоднократных кратковременных посещений данного участка р. Ангары. Материал относится к широкому хронологическому отрезку от эпохи неолита до средневековья. Раскопами были исследованы все самые удобные для проживания человека участки памятника.

Список литературы

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 63.

Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е. Новое погребение железного века в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 260.

Роговский Е.О., Новосельцева В.М., Кустов М.С., Швецов Д.Л. Многослойное поселение Адома в Северном Приангарье (краткий обзор результатов работ в 2006 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 360.

Е.В. Акимова, О.А. Горельченкова, Е.Н. Кукса,
И.В.Стасюк, Е.А.Томилова, В.М. Харевич

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I В 2010 ГОДУ

Стоянка Усть-Кова I является элементом комплекса геоархеологических объектов в устье р. Кова. Памятник открыт в 1977 г. Н.Х. Сейфулиным [Сейфулин, 1978]. Раскопки велись в конце 1970-х – 1980-х гг. экспедицией КГПИ под руководством Н.И. Дроздова [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия…, 1990]. С 2008 г. работы на Усть-Кове I ведутся в рамках работ по сохранению объектов культурного наследия в зоне строительства Богучанской ГЭС. Общая паспортная площадь памятника составляет более 20000 кв.м., исследованиями последних лет подтверждено 3500 кв.м.

В 2010 г. на стоянке Усть-Кова I была вскрыта площадь в 1022 кв.м.

В раскопе повсеместно выявлены два культурных слоя и только на локальном участке площадью около 50 кв.м. удалось зафиксировать культурный слой, получивший обозначение «1А». Культурный слой 1 содержит смешанные материалы, датированные в пределах мезолита – русского времени; культурные слои 1А и 2 – материалы эпохи мезолита.

В результате раскопок получена коллекция археологического материала общей численностью 8291 экз., в т.ч. в культурном слое 1 – 1476, в культурном слое 1А – 252, в культурном слое 2 – 6563 предметов.

На всех участках памятника, изучавшихся как в 1977-85 гг., так и в ходе последних трех лет, общее строение толщи отложений, за исключением отдельных деталей, в целом идентично.

Наиболее полный разрез террасы, на которой расположен памятник, был вскрыт траншеей на северной границе раскопа:

1. Современный почвенный комплекс, включает почвенно-растительный горизонт мощностью 0,02-0,04 м; пахотный горизонт современной почвы; содержит археологический материал культурного слоя 1 – 0-0,45 м.

2. Пески серые, тонкозернистые, пылеватые, неслоистые (по стенке зачастую не фиксируется, но в виде отдельных линз мощностью до 0,05 м отмечается при плановой зачистке на отдельных участках раскопа). К юго-восточной части памятника мощность слоя увеличивается. Содержит археологический материал культурного слоя 1А.

3. Суглинки красновато-коричневые, уплотненные; содержит археологический материал культурного слоя 2 – 0,45-0,53 м.

4. Суглинки коричневые, уплотненные до средних – 0,53-0,89 м.

5. Суглинки коричневато-серые, лессовидные, плотные, неслоистые, включают сажистые прослойки, пятна и натеки карбонатов – 0,89-1,4 м.

6. Сложное переслаивание светло-серых песков с вкраплениями мелких угольков и галек и плотных буро-коричневых мелкокомковатых супесей – 1,4-2,2 м (мощность видимая). Слой 6, по-видимому, представляет собой аллювий пойменной фации II ковинской террасы.

а. На поселении Усть-Кова I фиксируются следы неоднократного заселения данной территории на протяжении всей эпохи голоцена. Однако основным и определяющим является культурный слой, содержащий мезолитическую индустрию.

Основой сырьевой базы производства каменных изделий были кремни разного происхождения, внешнего облика и качества. Более трети всех кремней имеют полосчатые текстуры, в ряде случаев использована замещённая кремнистой массой ископаемая древесина. Реже встречаются полупрозрачный халцедон, в основном светлых розоватых и желтоватых тонов, окремнённые алевролиты или аргиллиты, бело-серый жильный кварц высокого технического качества, сероватый микрокварцит. Фрагменты бесспорной галечной поверхности на каменных артефактах почти не встречаются, чаще наблюдаются участки естественной поверхности без явных следов водной транспортировки. Вероятно, часть кремней взята в непосредственной близости от коренных выходов (определение Ю.М. Махлаевой).

Культурный слой 1 может быть датирован в широком хронологическом диапазоне: от эпохи мезолита до русского времени, являясь результатом сплошной перепашки земли в XX веке. В составе коллекции каменный инвентарь неолита и мезолита, включающий разнообразные нуклеусы: от микроформ до крупных призматических и клиновидных, грубо оббитые галечные топоровидные орудия, в том числе с ушками и перехватом, шлифованное тесло, орудия на микропластинах (острия, резцы, резчики, вкладыши), скребки на отщепах и пластинах. К эпохе раннего железа и средневековья отнесены фрагменты неопределимых железных изделий, многочисленные металлургические шлаки и обломки стенок плавильных сооружений. Из железа выполнено изделие в виде двух небольших колец с перекрученным соединением между ними. Подобные предметы были ранее найдены в ритуальных захоронениях в первом культурном слое поселения Усть-Кова и датированы 8-12 в. н.э. [Хроностратиграфия, 1990, с 155-158; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Гревцов, 1989; Леонтьев, 1999, Леонтьев, Дроздов, 1996]. Уникальной также является находка изображения гагары из тонкой железной пластины, традиционного для эвенкийского шаманского костюма. К русскому времени относятся кованые гвозди, скобы, обломки неопределимых железных изделий.

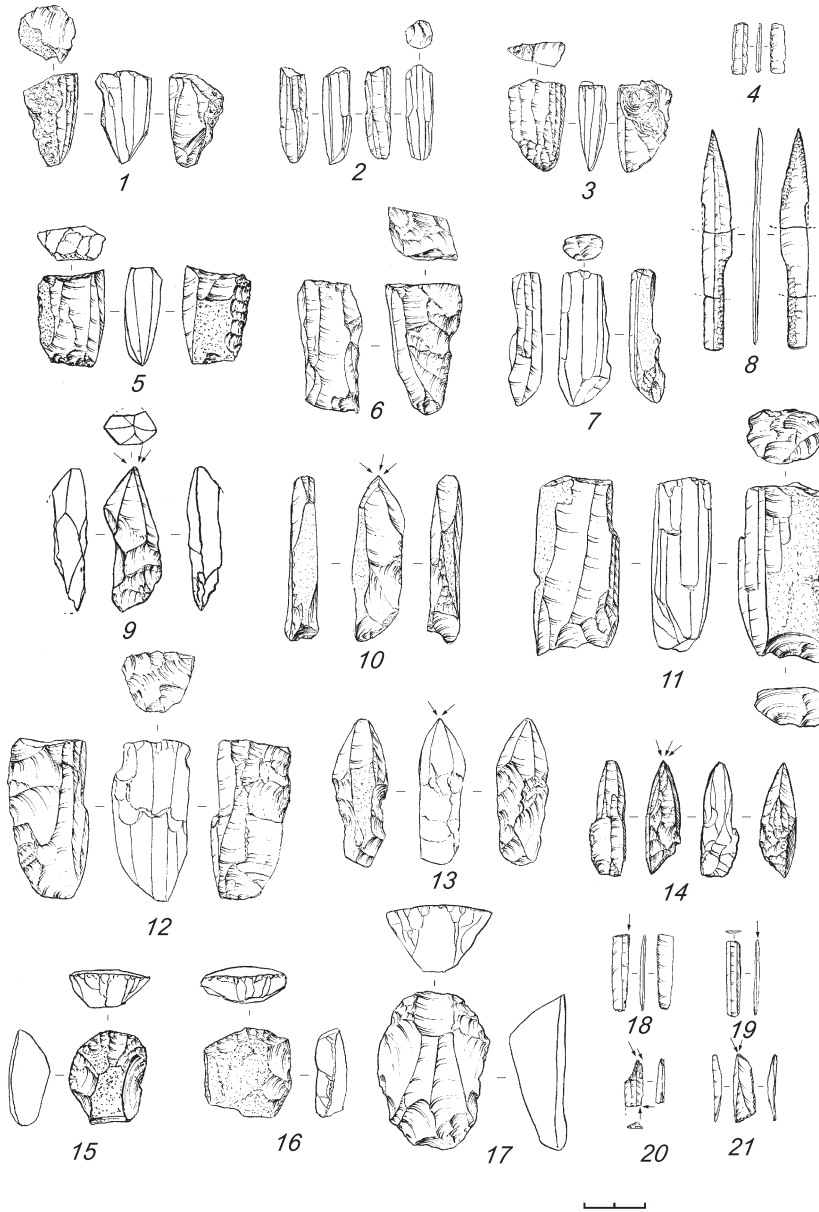
Набор керамики первого культурного слоя отражает его разновременность: присутствуют фрагменты сосудов с оттисками гребенчатого штампа, тонкостенных сосудов с обмазкой и налепным валиком, глазурованных сосудов.

Культурный слой 1А был выявлен только на одном участке раскопа. Археологический материал залегал в легком сероватом песке, явно не потревоженном поздней перепашкой. По характеру инвентаря слой почти идентичен слою 2. Здесь широко представлены микропластины, обломки и сколы с нуклеусов, обломки орудий. Из мезолитического облика слоя явно выпадает только шлифованное тесло. Вопрос о природе и возрасте данного слоя остается открытым.

Культурный слой 2 по совокупности характеристик стратиграфического положения (ранний голоцен), особенностей каменной индустрии (развитая микролитическая индустрия с широким спектром вариаций микрорасщепления) при отсутствии керамики, шлифованных изделий из камня может быть отнесен к мезолиту (10-7 тыс. л.н.). В конце 1970-х гг. для слоя была получена дата 7250 (КРИЛ-378) [Хроностратиграфия…, 1990].

Особенностью первичного расщепления во втором культурном слое является использование огня для прокаливания нуклеусов, как на стадии заготовки, так и на стадии непосредственного расщепления. Об этом свидетельствует обилие расколотых вдоль нуклеусов с ячеистой плоскостью раскола (растрескивания?) (см. *рисунок, 1, 3*), многочисленные отщепы и сколы с подобными следами пирогенного воздействия, единичные крупные нуклеусы с измененной внутренней структурой – от края к центру.

Сам набор нуклеусов очень выразителен. В коллекции 2 культурного слоя присутствуют микронуклеусы (преобладают) и нуклеусы для пластин средних размеров (единичны) различных типов: клиновидные, удлиненные конические, призматические, плоские одноплощадочные монофронты, торцовые одно- двухплощадочные и моно- и бифронты (см. *рисунок, 1-3, 5-7, 11, 12*). В орудийном комплексе присутствуют скребки концевые на массивных и относительно плоских отщепах и средних по размеру пластинах (см. *рисунок, 15-17*), режущие (скребущие, скоблящие) орудия на пластинах, оформленные чешуйчатой ретушью, а также относительно немногочисленные остроконечники, долотовидные орудия, угловые и боковые резцы на пластинах и отщепах. Наконечники стрел единичны, имеют классическую (неолитическую) двухстороннюю обработку стелющейся ретушью или плоской краевой ретушью по периметру с бифасиальной обработкой только острия. В единственном экземпляре найдено остроконечное орудие (наконечник) на длинной пластине с вентральной стелющейся ретушью по острию и двусторонней ретушью вдоль выемчатого удлиненного насада (см. *рисунок, 8*). Впервые получена выразительная серия многофасеточных объемных резцов, так называемых «нуклеусов-дрилей», традиционно являющихся репером мезолитических комплексов Ангары (см. *рисунок, 9, 10, 13, 14*). Присутствуют крупные грубо оббитые топоровидные орудия на крупных гальках. Микротехника представлена многочисленными пластинками с ретушью (см. *рисунок, 4*), как преднамеренно нанесенной, так и возникшей в результате утилизации, дислоцированной как по



Каменный инвентарь культурного слоя 2 стоянки Усть-Кова I:
1–3, *5–7*, *11–12* – микронуклеусы; 4 – фрагмент микропластины с ретушью; *8* – наконечник; *9*, *10*, *13*, *14* – нуклеусы-дрили; *15–17* – скребки, *18–21* – резцы на микропластинах.

краям, так и по усеченному дистальному концу, а также угловыми и боковыми резцами, резчиками и проколками (см. *рисунок, 18-21*).

Стоянка Усть-Кова I на сегодняшний день является единственным памятником Северного Приангарья, где мезолитический горизонт установлен, доказан и изучен на большой площади. Именно мезолитический комплекс Усть-Ковы I позволяет получать информацию о культурном развитии региона в эпоху раннего голоцена. Открытие культурного слоя 1А расширяет наши возможности в области внутренней периодизации и хронологии этапа мезолита и раннего неолита (?) Северного Приангарья.

Список литературы

Артемьев Е.В. Мезолитическая стоянка Усть-Кова I // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – С. 55–56.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Гревцов Ю.А. Средневековый погребальный комплекс стоянки Усть-Кова – шаманский могильник // Проблемы краеведения (Арсеньевские чтения). – Уссурийск, 1989. – С. 15–17.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 24 с.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре / Гуманитар. науки Сибири. Сер. Археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 39–46.

Сейфулин Н.Х. Новая мезолитическая стоянка Усть-Кова 1 // Археология и этнография Восточной Сибири – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1978. – С. 12–14.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) (экскурсия № 2). Путеводитель междунар. симпоз. «Хроностратиграфия палеолита Сев., Центр., Вост. Азии и Америки (палеоэкол. аспект)» / Дроздов Н.И. и др. – Новосибирск: [б.и.], 1990. – 184 с.

Е.В. Акимова, О.А. Горельченкова, Е.Н. Кукса,
И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, В.М. Харевич

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I, ПУНКТ 2 В 2010 ГОДУ

Стоянка Усть-Кова I (пункт 2) является элементом комплекса геоархеологических объектов в устье р. Кова (Красноярский край, Кежемский район, Дворцовский с/совет, в 17,4 км к ЮВ от п. Болтурино). Памятник открыт в 1979 г. экспедицией КГПИ под руководством Н.И. Дроздова. Раскопки велись в 1979-1980 гг. [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия…, 1990]. С 2008 г. изучение стоянки ведется в рамках работ по сохранению объектов культурного наследия в зоне строительства Богучанской ГЭС.

Общая площадь, вскрытая раскопом 2010 г. составила 500 кв. м. Для, уточнения границ распространения культуросодержащих отложений в 60 м юго-восточнее раскопа заложена рекогносцировочная траншея площадью 20 кв.м.

В раскопе выделены два условных культуросодержащих горизонта. Первый залегает в пахотном горизонте современного почвенного комплекса и содержит разнородный археологический материал, датируемый в диапазоне от неолита до русского времени включительно. Второй залегает в толще гумусированных суглинков и содержит материалы неолитического времени с включением более позднего материала эпохи раннего железного века.

Коллекция археологического материала, полученного в раскопе, составляет 14128 экз., в т.ч. в первом культурном горизонте – 9703, во втором – 4425 предметов. В траншее получено 653 экз., соответственно, 46 и 607 предметов.

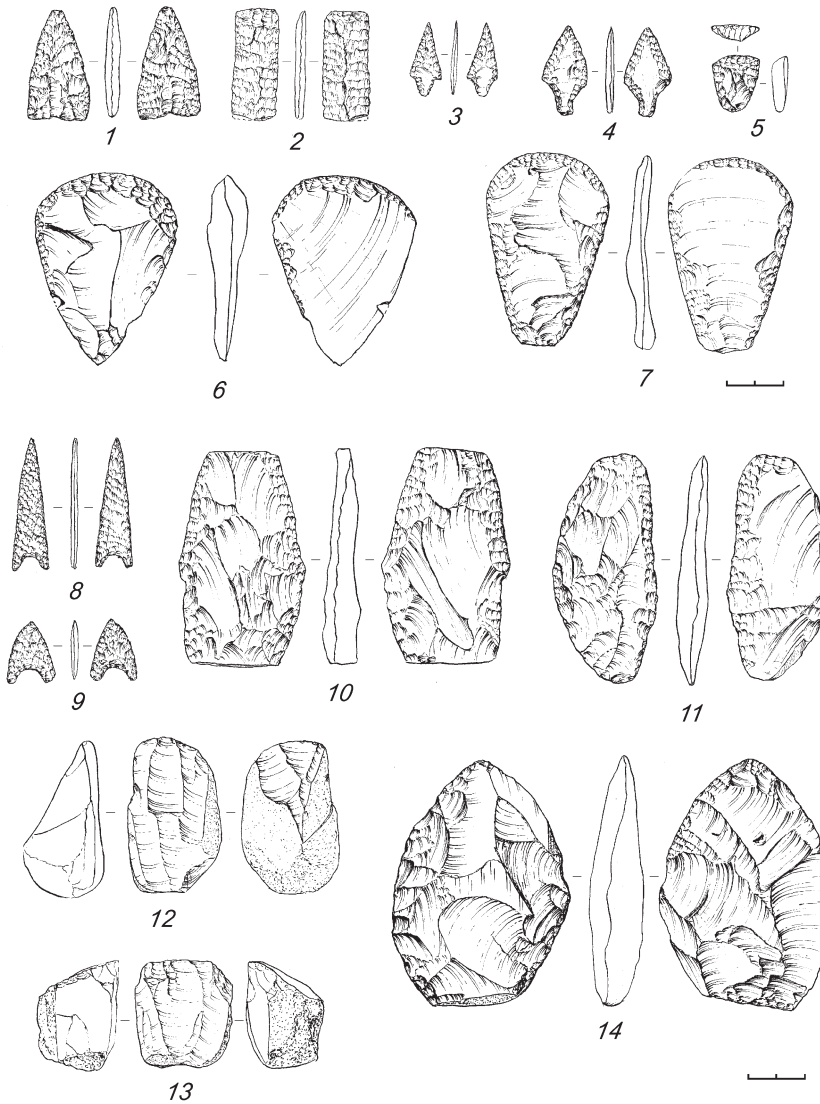
Сырьевая база каменной индустрии полностью соответствует голоценовым комплексам Усть-Ковинского комплекса местонахождений. В ее составе кремни разного происхождения, внешнего облика и качества. Реже встречается полупрозрачный халцедон. В меньшей степени использовалась замещённая кремнистой массой ископаемая древесина. По структурно-текстурным особенностям в составе артефактов присутствуют частично окремнённые алевролиты или аргиллиты, а также мелкопорфировые или миндалекаменные кислые эффузивы (матасоматиты?), слабоокремнённые алевролиты, однотипный сероватый микрокварцит (определение Ю.М. Махлаевой).

Культурный горизонт 1, не образуя устойчивой системы скоплений, залегает непосредственно под почвенно-растительным слоем на глубине

0,1-0,4 м от современной дневной поверхности в пахотном горизонте современной почвы. В результате многолетней вспашки стратиграфическое положение археологических предметов нарушено, слой содержит разнородные материалы, типологически относимые к разным эпизодам голоцена: от русского времени (глазурованная керамика, металлические изделия) до раннего железного века (керамика с лепным валиком и пальцевыми защипами, орнитоморфная металлическая подвеска). Весьма вероятно, что пахотой затронуты и отложения эпохи неолита, о чем свидетельствуют часть керамического комплекса и характерные каменные изделия: наконечники стрел (см. *рисунок, 1, 3, 4*), скребки (см. *рисунок, 5*), крупные вкладыши-бифасы (см. *рисунок, 2*), ножевидные орудия на крупных пластинчатых сколах (см. *рисунок, 6, 7*). В то же время, на отдельных участках археологический материал, залегающий в подошве второго слоя, остался непотревоженным, о чем свидетельствуют развалы керамических сосудов. На всей вскрытой площади выявлен только один объект, представляющий собой остатки производственной площадки в виде скопления артефактов (3919 экз.), большую часть которого составляют отщепы и чешуйки. Площадь скопления составляет порядка 3 кв. м, при мощности до 13 см.

Культурный горизонт 2 залегает на глубине 0,25-0,55 м от современной дневной поверхности в слое темно-коричневых плотных гумусированных тяжелых суглинков. Накопление отложений на бровке террасы происходило первоначально за счет интенсивного сноса с вышележащей террасы за счет склоновых процессов. В дальнейшем, в течение второй половины голоцена, процессы денудации и переноса материала на нижележащие участки в пределах, собственно, I ковинской террасы, преобладали над процессами аккумуляции. Это привело к тому, что на данном участке отложения, содержащие материалы от неолита до раннего железного века, не могут быть расчленены литологически. Археологические материалы распределены по площади раскопа неравномерно, не образуя устойчивой системы скоплений. Исключением является два объекта. В 7 секторе выявлен «клад» нуклеусов, представляющий собой компактное скопление (10 экз.) заготовок нуклеусов и нуклеусов в начальной стадии использования (см. *рисунок, 12, 13*). В 6 секторе расчищена подпрямоугольная в плане кладка (77 х 90 см), состоящая из крупных галек (более 50 экз.) со следами пирогенного воздействия. Интересно отметить, что кладка залегает непосредственно под вскрытой в культурном горизонте 1 производственной площадкой. Назначение описанного объекта на данный момент не установлено.

Культурный горизонт 2 содержит преимущественно каменную индустрию неолитического облика. В составе коллекции призматические и торцовые нуклеусы (см. *рисунок, 12, 13*), бифасиальные изделия на разных стадиях оформления и утилизации (см. *рисунок, 10, 11*), тесловидные и топоровидные орудия, наконечники стрел с выемчатым, овальным или черешковым насадом (см. *рисунок, 8, 9*), скребки на отщепах. В то же время керамический комплекс, где присутствуют фрагменты с оттисками наклонного



Каменный инвентарь стоянки Усть-Кова **I, пункт II.**
1–7 – раскоп, культурный слой 1; *8–13* – раскоп, культурный слой 2;
14 – траншея, культурный слой 2.
1, 3, 4, 8, 9 – наконечники стрел; *2* – вкладыш; *5* – скребок; *6, 7* – ножевидные орудия;
10, 11, 14 – бифасы; *12, 13* – нуклеусы.

и прямого гребенчатого штампа, отступающей лопатки, прочерченными линиями, с обмазкой и лепным валиком, не может быть однозначно идентифицирован как неолитический. Вполне вероятно, что малая мощность и особенности генезиса культуросодержащих отложений привели к внедрению в древний горизонт более позднего компонента.

Иная ситуация прослеживается в культурных напластованиях, вскрытых в траншее, заложенной выше по течению р. Кова на участке памятника площадью около 2000 кв. м, разделяющем раскопы 1978-2008 гг. и раскоп 2010 года. В траншее степень переотложения материала ниже и археологические комплексы более однородны: культурный горизонт 1 содержит материалы от раннего железного века до русского времени включительно, культурный горизонт 2 – материалы эпохи неолита. Предполагается, что исследования памятника на данном участке позволят интерпретировать коллекции раскопок 2010 г. на ином качественном уровне.

Список литературы

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея) (экскурсия № 2): путеводитель междунар. симпоз. «Хроностратиграфия палеолита Сев., Центр., Вост. Азии и Америки (палеоэкол. аспект)» / Дроздов Н.И. и др. – Новосибирск: [б.и.], 1990. – 184 с.

П.Б. Амзараков, О.В. Ковалева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ СТОЯНКА РОЖКОВО И ОСТРОВ СОСНОВЫЙ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Стоянка Рожково расположена на первой надпойменной терраске левого берега р. Ангара в 500 м к ЗЮЗ от бывшей одноименной деревни, в 40 км к востоку от г. Кодинска Кежемского района Красноярского края. Памятник был открыт в 1972 г. разведочным отрядом КАЭ ИГУ под руководством Н.И. Дроздова. В последующие годы неоднократно обследовался отрядами САЭ КГПИ. В 1985 г. памятник обследован отрядом по паспортизации памятников археологии КАЭ КГПИ. Памятник паспортизирован, Законом Красноярского края № 14-526 от 24 июня 1997 г. поставлен на государственную охрану. В 2005 г. совместным отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева и ИАЭТ СО РАН на памятнике были проведены раскопки на площади 100 м^2.

В полевые сезоны 2008, 2009, 2010 г. Рожковским и Сосновским отрядами Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН в рамках проекта по обеспечению сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара, на памятнике проводились стационарные охранно-спасательные археологические раскопки. В работах отрядов принимали участие выпускники и студенты Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова.

В полевом сезоне 2010 года было исследовано 1555,5 м^2 площади. Всего с 2008 по 2010 год была исследована площадь в 4769,5 м^2, на которой было найдено свыше 25 тысяч археологических находок, а также выявлено 8 древних сыродутных железоделательных горнов.

Площадь вскрывалась 3 раскопами. Первый раскоп располагался на первой надпойменной террасе высотой около 5 метров над уровнем среднегодового уреза воды р. Ангара на правом берегу устья ручья Рожковка. Второй – был разбит на береговом увале первой надпойменной террасы р. Ангара высотой 7-10 м. Третий раскоп находился на высокой (свыше 15 м) береговой террасе р. Ангара.

На памятнике было зафиксировано 5 культурных слоев, которые условно можно отнести к следующим хронологическим периодам: неолит-энеолит, эпоха бронзы, ранний железный век, гунно-сарматское время и раннее средневековье. При этом стратиграфически слои фиксировались только на первом раскопе в устье реки Рожковка, где надпойменная ситуация и мощ-

ность голоценовых напластований в сочетании с тяжелым грунтом позволяла производить горизонтальное разделение культурных слоев. В раскопах 2 и 3 легкий грунт (супесь) и небольшая мощность голоценового слоя демонстрировали отсутствие четкого вертикального разграничения культурных слоев.

Слой эпохи неолита представлен находками каменной индустрии и керамики с оттисками сетки-плетенки.

Слой эпохи ранней бронзы характеризуется керамикой орнаментированной одним, или чаще, двумя рядами жемчужин, расположенных под венчиком.

В слое эпохи раннего железа основная масса находок представлена фрагментами керамических сосудов «цепаньского» типа. Этот тип керамики отождествляется с цепаньской археологической культурой раннего железного века. Возникшая на территории Северного Приангарья в VIII веке до н.э., цэпаньская культура прошла в своем историческом развитии два этапа. Хронологические рамки первого этапа: VIII-V вв. до н.э., второго: IV-II вв. до н.э. [Привалихин, 1993, с.21].

Цэпаньские сосуды – фигурные, закрытые и круглодонные. Изготавливались они ручным способом и орнаментировались по зонам. Орнамент располагался на венчике, шейке и частично охватывал тулово сосуда. Придонная часть сосуда и донышко не украшались. Характерной особенностью цэпаньской керамики является наличие на внешней стороне сосудов широкой налепной ленты (валика) [Привалихин, 1993, с.19,20].

Кроме этого к эпохе раннего железа относятся и находки некоторых бронзовых предметов, обнаруженных в раскопах с неявной стратиграфической ситуацией. Особо стоит отметить бронзовую четырехлепестковую бляшку с петелькой на внутренней стороне. Такого рода предметы иногда встречаются в инвентаре тагарской археологической культуры. Они использовались в качестве украшений головных уборов [Кириллов, 1983, с.63, рис.16].

Слой гунно-сарматского времени маркируют многочисленные находки тонкостенной обмазочно-валиковой керамики. Эта керамика изготавливалась ленточным способом. С наружной стороны она покрывалась тонким слоем жидкой глины-обмазки. Слой размазывался по стенке пальцами, отчего образовывались тонкие треугольные в сечении валики. Валики на тулове строятся в мотив горизонтальной или вертикальной елочки [Мандрыка, 1997, с.213].

Посуда с таким декором тулова появляется на Ангаре и Нижнем Енисее на рубеже эр, позднее распространяется в Красноярско-Канской лесостепи [Мандрыка, 1997, с. 214-216.].

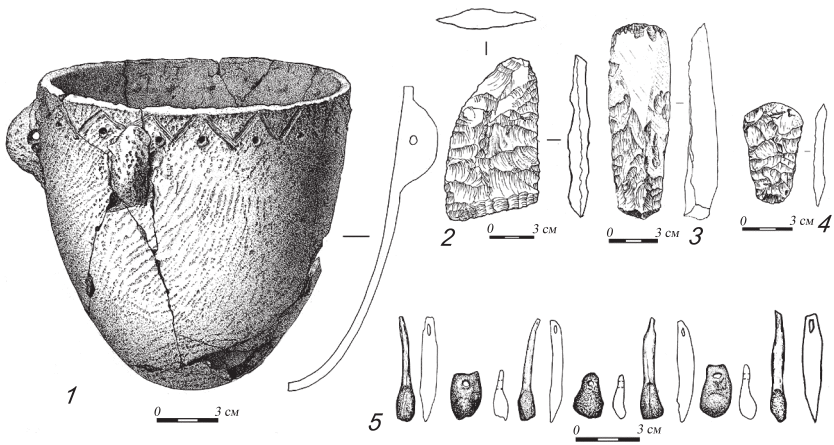
К этому культурному слою относятся многочисленные отходы и продукты железоделательного производства. Зафиксированы остатки сыродутных горнов. Отмечены находки изделий из кости (наконечники стрел, дротиков, проколки «грифельные» кости и др.).

Для слоя эпохи средневековья характерны находки валиковой керамики с толстыми стенками орнаментированной различными вариантами зубчатого и гладкого штампа изделия из железа представленными наконечниками стрел различных типов, пластинчатыми ножами, трубчатой подвеской и т.д.

В 2010 году в 5 м к юго-востоку от юго-восточного угла 3-го раскопа на лесозаготовительном участке 2009 года были обнаружены остатки разрушенного неолитического погребения ребенка. Захоронение было полностью уничтожено в результате работы тяжелой гусеничной трелевочной техники. Остатки костей младенца и фрагменты керамики были разбросаны на площади около 10 м². Кроме этого удалось найти несколько изделий из камня и большую часть ожерелья, состоящего из клыков и резцов марала и косули (см. *рисунок*). Кости, керамика и украшения сохранили следы охры. Каменный инвентарь состоял из двух каменных тесел и большого подтреугольного ножа-бифаса. Удалось почти полностью восстановить керамический сосуд. Он представлял собой остродонную «банку» открытого типа с прямым венчиком, орнаментированную оттисками сетки-плетенки, под венчиком сосуд был украшен прочерченной зигзагообразной линией и небольшими ямочными вдавлениями. С одной стороны у сосуда имелись две маленькие овальные налепные ручки со сквозным отверстием посередине. Предположительно сосуд являлся дымокуром. Больше ничего из погребального инвентаря обнаружить не удалось.

Параллельно с исследованием стоянки Рожково в 2009-2010 годах Рожковским и Сосновским отрядом были проведены охранно-спасательные раскопки на территории памятника Остров Сосновый.

Археологическая стоянка Остров Сосновый находится на территории бывшей деревни Сосновка на нижней оконечности острова Сосновый, кото-



Предметы из разрушенного детского погребения
1 – керамический сосуд; *2* – каменный нож-бифас; *3, 4* – каменные тесла;
5 – украшения из зубов марала.

рый расположен ниже Глухой шиверы по течению Ангары напротив бывшей д. Рожково. Памятник дислоцируется на островной террасе высотой до 14 м. Площадь памятника на момент паспортизации составляла 316 100 кв. м. Отметка высоты, к которой приурочен памятник – 150 м (минимальная), 157 м (максимальная). Памятник был открыт в 1969 г. отрядом КАЭ ИГУ под руководством Г.И. Медведева. Повторно обследован в 1972 г. отрядом КАЭ ИГУ. В последующие годы памятник неоднократно осматривался отрядами САЭ КГПУ. В 2006 году обследовался отрядом ЛАиЭС СФУ под руководством П.В. Мандрыки. В результате работ были выявлены объекты Сосновый 2-4, входящие в площадь объекта Остров Сосновый.

Основной задачей работ 2009 года стало уточнение границ распространения культурного слоя на острове Сосновый. С этой целью по береговой линии острова была разбита сетка из 138 рекогносцировочных раскопов общей площадью 207 м² а также раскоп №1 размерами 3х7 метров.

Раскопки 2009 года позволили уточнить границы распространения культурного слоя на памятнике, выявить перспективные места для исследования. Всего было найдено 102 артефакта различного рода.

По итогам работ 2009 года в полевом сезоне 2010 г были произведены раскопки наиболее перспективных участков общей площадью 550 м². Наличие культурного слоя было отмечено на объектах Сосновый 1, 3, 5. На объекте Сосновый-4 было исследовано 10 древних хозяйственных ям при отсутствии археологического материала, что затрудняет датировку выявленных объектов. Ямы подобного типа использовались в этнографическое время для квашения рыбы.

Стратиграфическая ситуация объекта Сосновый-1 продемонстрировала полное уничтожение культурных слоев в результате хозяйственной деятельности русской деревни Сосновка. Археологический материал фиксируется в переотложенном состоянии и представлен находками фрагментов керамики, отходами и продуктами каменной индустрии, остеологическим материалом. На объекте Сосновый-3 на площади 50 кв м. были зафиксированы находки фрагментов трех керамических сосудов. Отсутствие какого-либо иного археологического материала позволяет интерпретировать эти находки как случайные, вне культурного слоя. На объекте Сосновый-5 в результате раскопок 2009-2010 гг. на площади 79 м² был выявлен слабо выраженный культурный слой, представленный немногочисленными находками отходов и продуктов каменной индустрии, а также фрагментов керамических сосудов с оттисками сетки плетенки. Общий характер материала позволяет интерпретировать объект как кратковременная стоянка эпохи неолита-ранней бронзы.

В целом, исследования многослойных стоянок Рожково и о. Сосновый позволили получить интересные разнородные материалы, дополнившие наши представления об этнокультурных процессах, происходивших на территории Северного Приангарья с эпохи неолита до раннего средневековья.

Список литературы

Кириллов Е.Л. Раскопки тагарского кургана в г. Шарыпово // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 61–64.

Мандрыка П.В. Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка или к вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в Красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – С. 209–216.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Н.В. Басова

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА НА СТОЯНКЕ КОДА-2

В полевой сезон 2010 г. Кодинским археологическим отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические исследования.

Объектом исследования выступал ОАН, состоящий на государственной охране, расположенный в 11 км к северу от г. Кодинск и в 6 км к востоку от створа Богучанской ГЭС в Кежемском районе Красноярского края – стоянка Кода 2. Координаты объекта Кода 2: 58°41’10” с.ш., 99°17’50” в.д. На осень 2008 г. памятник имел площадь 217 218 кв. м, которая значительно сократилась из-за лесосвода 2009 г.

Работы 2010 г. явились продолжением исследований 2008-2009 гг. В 2008 г. была вскрыта площадь стоянки в размере 1319,5 кв. м. В 2009 г. Ангарским археологическим отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН под руководством А.В. Постнова было раскопано 2800 кв. м. и найдено более 14 тысяч экземпляров артефактов, отнесенных к эпохе неолита и раннего железного века [Постнов…, 2009, с. 237].

Археологические исследования 2010 г. были направлены на полное исследование ОАН стоянки Кода 2. В результате работ было вскрыто 2300 кв. м, обнаружен яркий и разнообразный археологический материал эпох неолита и средневековья.

В конце размеченного раскопа, на площади стоянки, было зафиксировано четыре грунтовых средневековых погребения, расположенных вблизи друг от друга, что позволило отнести их к одному могильнику. Слой могильника нарушен склоновыми процессами. Это обстоятельство привело к разрушению частей могильных ям и смещению погребений. Кроме того, могильник был сооружен на стоянке эпохи неолита, что явилось следствием обнаружения в одном археологическом слое разновременного материала.

Погребение 1 расположено в юго-восточной части сектора. Размеры могильного пятна – 0,5х0,9 м, мощность заполнения 0,12-0,15 м. Погребение овальной формы, представлено линзой костей, перемешанных с погребальным инвентарем. Часть погребения разрушена в результате склоновых гравитационных процессов. Находки располагались в могильном пространстве скученно, среди кальцинированных костей. Сопроводительный инвентарь состоял из предметов вооружения: стрел, массивных и небольших ножей, украшений – крестообразных бляшек, фрагментов керамики одного сосуда. В обрыве, под погребением, была найдена китайская монета «кай-юань тун-

бао» (см. *рисунок, 1*) и металлическая игла. Очевидно, эти предметы выпали из могильного пространства в результате склоновых процессов. Находка монеты позволяет определить нижнюю хронологическую дату захоронения – не ранее 708 г. н.э. (время начала хождения монеты).

Погребение 2 расположено в юго-восточной части сектора. Размеры могильного пятна – 0,4х0,9 м, мощность заполнения 0,12-0,25 м. Погребение овальной формы, представлено линзой костей, перемешанных с погребальным инвентарем. Часть погребения разрушена в результате склоновых гравитационных процессов. Находки располагались в могильном пространстве скученно, среди кальцинированных костей. Погребальный инвентарь включал копье, наконечники стрел (двухлопастные, трехлопастные), массивные ножи, бляшки, скобы, пронизки, две спиралевидные серьги, развал одного керамического сосуда. Находки позволяют отнести погребение к первой половине II тыс. н.э.

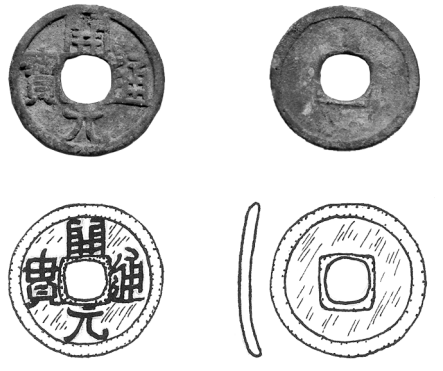
Погребение 3 расположено в юго-западной части сектора. Размеры могильного пятна – 0,3х1 м, мощность заполнения 0,15-0,27 м. В западной и восточной частях от линзы костей находились два крупных камня. На дне могильного пространства была зафиксирована плохо сохранившаяся береста. Весь материал находился ближе к западной части могилы. С северного и южного контуров могильного пространства располагались два копья, остальные находки и кальцинированные кости находились между ними. Погребальный инвентарь представлен наконечниками стрел разных форм, двумя копьями, пряжками, бляшками, ажурной пряжкой с берестяной подкладкой (см. *рисунок, 2*), развалом одного керамического сосуда. Находки позволяют отнести погребение к первой половине II тыс. н.э.

Погребение 4 расположено в центральной части сектора. Размеры могильного пятна – 0,6х8 м, мощность заполнения 0,14-0,24 м. По периметру могильного пятна прослеживались мелкие угольки. Среди кальцинированных костей были обнаружены украшения (крестовидные бляшки, овальная пряжка), развал одного керамического сосуда, изделие из кости. Находки позволяют отнести погребение к первой половине II тыс. н.э.

Несмотря на то, что культурный слой двух погребений был нарушен в ходе склоновых процессов, большая часть погребального инвентаря сохранилась.

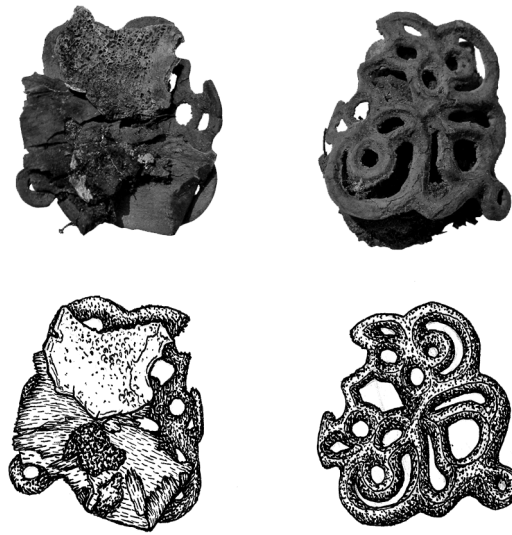
По одинаковому обряду погребения (трупосожжение на стороне), набору погребального инвентаря в могилах, можно говорить об единой этнической группе погребенных, в соответствии с обычаями и традициями которой они и были захоронены.

Следует отметить, что средневековые могилы, с описанным обрядом погребения и набором инвентаря, не редко встречаются на территории Приангарья. Они были зафиксированы в 80-х гг. XX в. в средневековом могильнике многослойного поселения Усть-Кова [Леонтьев, Дроздов, 1996]. Некоторые предметы из этих погребений, например, железные ножи, ременные пряжки, рифленые пронизки аналогичны изделиям из могильника на стоянке Кода 2.



1

0 3 см



2

0 3 см

Находки из погребений стоянки Кода-2.
1 – монета «кай-юань тун-бао»; *2* – ажурная накладка.
1 – медь; *2* – медь, береста.

По устным сообщениям И.А. Грачева, А.Е. Гришина, Ю.Н. Гаркуши, П.В. Германа, П.В. Мандрыка, проводивших исследования в 2010 г. на памятниках археологии в Северном Приангарье, подобные погребения обнаружены на стоянке Окуневка, в могильниках Капонир (погребения 3, 4), Сергушкин 3 (погребения 10–12, 14). Практически идентичный материал, зафиксирован в погребениях комплекса могильника Проспихинская Шивера –IV, включавшего 43 могилы с трупосожжением на стороне. Некоторые исследователи отмечают, что рассмотренный сопроводительный инвентарь из погребений находит аналогии среди этнографических материалов кетов [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 46]. Дальнейшие интерпретации, станут возможными после окончательной обработки материалов, полученных при охранно-спасательных работах в Северном Приангарье в 2010 г.

Список литературы

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитар. науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 39–46.

Постнов А.В. Отчет об археологических раскопках неолитической стоянки Кода-2 Кежемского района Красноярского края в 2009 г. // Архив ИАЭТ СО РАН.

Н.В. Басова

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ НА СТОЯНКЕ СЕНЬКИНА ШИВЕРА В 2010 ГОДУ

В полевой сезон 2010 г. Кодинским археологическим отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки на территории Северного Приангарья. Объектом исследования выступил ОАН, состоящий на государственной охране, расположенный в Кежемском районе Красноярского края, в 16 км от д. Верхняя Недокура – стоянка Сенькина Шивера. Географические координаты памятника: 58°42’18.28” с.ш., 100°44’27.61” в.д., высота над уровнем моря составляет 175 м.

Задачами полевого сезона 2010 г. явились исследования объекта рекогносцировочными раскопами (150 кв. м) и раскопом сплошной площадью (500 кв. м). Площадь объекта, определенная при его паспортизации в 1997 г. составляла 30 880 кв. м. В ходе разведки 2008 г. площадь была уточнена до 11 986,75 кв. м. В 2008 г. объект был обследован разведочным отрядом ИАЭТ СО РАН, под руководством – д-ра ист. наук А.Н. Зенина. В ходе разведки для уточнения мощности культурного слоя на прибрежном участке террасы длиной около 1,5 км были заложены шурф и выполнено 2 зачистки береговых обнажений, обнаружен археологический материал, представленный 23 экземплярами артефактов.

Для уточнения границ распространения культурного слоя и выявления степени разрушения ОАН в 2010 г. было заложено и исследовано 47 рекогносцировочных раскопов и 1 зачистка береговых обнажений размерами от 1 х 1 м до 2 х 3 м (общей площадью 160 кв. м, глубиной – 0,7 – 2,2 м). Зачистка береговых обнажений позволила определить стратиграфическую ситуацию памятника. Было выделено 5 стратиграфических подразделений:

Слой 1 – современный почвенно-растительный горизонт, представленный темно-серой супесью. Структура пористая, текстура однородная. Во включениях корни растений и деревьев, угольки. Граница с нижележащим слоем резкая, неровная, проведена по изменению цвета и гранулометрического состава. Мощность 0,03 – 0,1 м.

Слой 2 – легкая супесь коричневого цвета. Структура пористая, текстура однородная, с прослоями супеси темно-серого цвета. Во включениях корни деревьев, угольки. Присутствуют следы прокала. Граница с последующим слоем неясная, неровная, проведена по изменению цвета. Мощность слоя 0,6 – 0,62 м.

Слой 3 – светло-серая легкая супесь. Структура пористая, текстура однородная. Слой пронизан корнями деревьев. Граница с последующим слоем четкая, неровная, проведена по изменению цвета. Мощность слоя 0,08 – 0,13 м.

Слой 4 – темно-коричневая средняя супесь. Структура пористая, текстура однородная. Слой пронизан корнями деревьев, во включениях мелкие угольки. Подошва слоя карбонатизирована. Граница с нижележащими отложениями четкая, ровная, проведена по изменению цвета и гранулометрического состава, а также по текстурным признакам. Мощность слоя 0,3 – 0,33 м.

Слой 5 – представлен темно-коричневыми средними суглинками с прослоями светло-серых суглинков. Структура пылеватая, текстура слоистая. Во включениях корни деревьев. Кровля слоя затронута процессом карбонатизации, мощность слоя с новообразованиями достигает 0,15 м, а также пронизывает практически всю толщу вместе с корнем дерева. Вскрытая мощность слоя составляет 1,15 м.

Таким образом геологическая обстановка на территории памятника следующая: геологические слои с 1 по 4 относятся к субаэральному комплексу, включающему в себя современный почвенный горизонт и эоловые перевеянные пески, отложения слоя 5 относятся к пойменным. Переслаивание темных и светлых слоев носит сезонный характер.

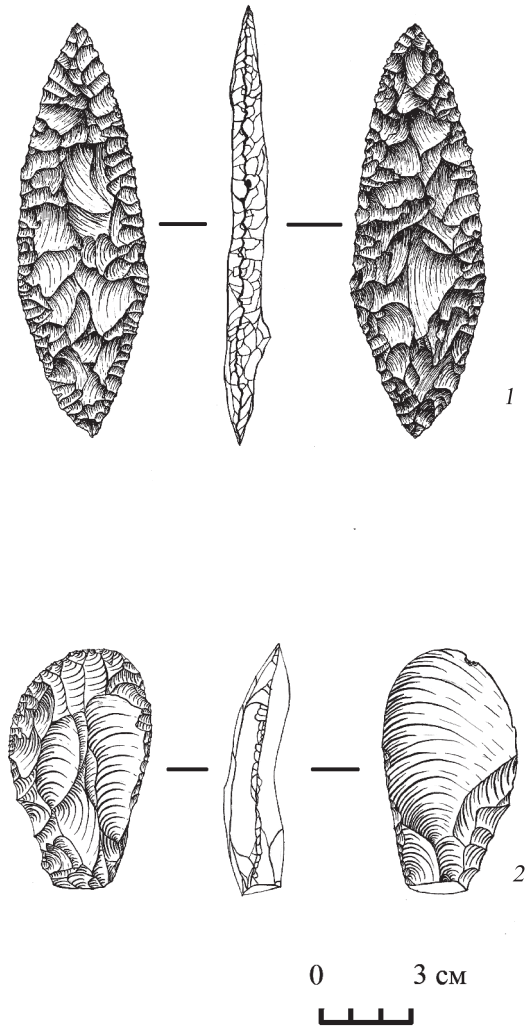
Рекогносцировочные раскопы и зачистки позволили выявить перспективные участки памятника. Последние были развернуты в раскопы общей площадью, имевшие различный размер и увеличивавшиеся за счет массовости материала.

Рекогносцировочные раскопы позволили определить на памятнике границы распространения культурного слоя с высокой насыщенностью археологическим материалом. Из 47 рекогносцировочных раскопов №№3–5, 14, 18, 24 отличались большой концентрацией находок и были развернуты в четыре раскопа сплошной площадью.

Первый из них имел площадь 225 кв. м, глубиной 0,5-0,7 м (в раскопе находился рекогносцировочный раскоп 2008 г., содержавший 16 артефактов). На площади раскопа выявлено 1150 экземпляров каменных и керамических изделий. Второй раскоп общей площадью 120 кв. м, глубиной 0,5–0,7. В раскопе зафиксировано 272 артефакта. В третьем раскопе – 25 кв. м, глубиной 0,5–0,7 м, выявлено 32 экз. находок. Работы, произведенные на четвертом раскопе, показали большую концентрацию артефактов в культурном слое. На 140 кв. м пришлось 1029 находок.

В процессе археологических работ в 2010 году на памятнике Сенькина Шивера, с площади раскопа в 670 кв. м., была получена коллекция артефактов в количестве 2498 экз. Материалы подразделяются следующим образом: находки из камня (см. *рисунок*) – 1909 экз., находки керамики – 575 экз., кость – 14 экз. Материал относится к неолитическому времени.

Каменные артефакты представлены нуклеусами (простые, клиновидные, конусовидные, призматические, нуклеусы на крупных гальках), от-



Наконечник (*1*) и скребок (*2*).

щепами (мелкими, средними, крупными), пластинами, микропластинами, обломками, осколками, орудийными формами (скребла, скребки, ножи, отщепы с ретушью, пластины с ретушью, изделия с бифасиальной обработкой, ножи, наконечники, шлифованные изделия).

Керамическая коллекция включает орнаментированные и неорнаментированные фрагменты лепных сосудов. Археологически целых форм керамических сосудов не обнаружено. Орнаментальные мотивы изделий следующие: оттиск параллельных линий, образующих фон и покрывающих всю поверхность сосуда, поверх которого нанесён орнамент из параллельно

прочерченных относительно друг друга линий, проведенных под углом к венчику; оттиски сетки-плетенки, покрывающие всю поверхность сосуда; овально-подтреугольные вдавления, выполненные штампом с параллельными насечками.

Проведенные исследования на памятнике показали, что находки в раскопе расположены неравномерно, зачастую в скоплениях. Такая концентрация артефактов свидетельствует о многоразовом кратковременном посещении территории стоянки памятника для различных производственных нужд. Проведение планиграфического анализа не позволило выделить каких-либо жилищных структур на раскопанной площади. Отсутствуют котлованы жилищ, столбовые ямы, очаги. Представляется, что стоянка была местом для изготовления орудий труда, в отдельных частях памятника встречались целые производственные площадки с большой концентрацией каменного инвентаря: заготовок, отщепов, нуклеусов. Такие кратковременные сезонные стоянки в Северном Приангарье не являются редкостью (например, стоянка Окуневка)*. Обнаруженные в процессе раскопа многочисленные развалы сосудов также могут быть остатками жизнедеятельности, свидетельствующими о кратковременном посещении территории памятника.

***Васильевский Р.С., Березин Д.Ю., Дроздов Н.И.** Археологические исследования в зоне Богучанской ГЭС // Обозрение" 93. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1993. – С. 150–153.

А.В. Выборнов

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (КОДА-4, СЕНЬКИН КАМЕНЬ, ГОРА КУТАРЕЙ, РУЧЕЙ ПОВАРНЫЙ)

В 2010 г. на территории ложа водохранилища БоГЭС Кутарейским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены полевые исследования ряда памятников, располагавшихся от створа плотины до руч. Поварного. Полевые исследования осуществлялись сотрудниками и аспирантами ИАЭТ СО РАН, ИЦИГ СО РАН, ИГМ СО РАН, студентами НГУ, НГПУ и других университетов г. Новосибирска, а также привлеченными рабочими.

В полевой сезон 2010 г. Кутарейский отряд выполнял задание по разведочному и раскопочному изучению стоянок Кода 4, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, а также местонахождения Гора Кутарей. В результате выполнения задач получены сведения о характере культурного слоя на памятниках, площади его распространения и современного состояния.

Стоянка Кода 4, входит в состав Ансамбля археологических памятников Кода, состоит на государственной охране. Площадь памятника является завершающей, северо-западной оконечностью Ансамбля, который протянулся вдоль края террасы р. Ангара от устья р. Кода на северо-запад до района строительства плотины. Со времени открытия памятника в 1937 г. А.П. Окладниковым, на стоянке неоднократно проходили разведочные и раскопочные работы. Согласно предшествующим исследованиям, памятник многослойный. Здесь на различных участках фиксировались культурные слои различных эпох: неолита, бронзового и железного веков. В 2009 г. разведка под руководством А.В. Постнова установила сохранившиеся участки культурного слоя (общей площадью 12 619 кв. м), который значительно пострадал в ходе лесосводных работ последних десятилетий и в особенности второй половины 2009 – 2010 гг.

В 2010 г. на стоянке Кода 4 был заложен раскоп сплошной площадью 695 кв. м. Раскопки представили стратиграфический профиль, в котором уверенно выделяются два слоя. Первый слой (почвенно-растительный горизонт) имеет техногенный генезис, образовался в результате лесосводных работ последних десятилетий и вызванных ими эоловых процессов. Второй слой, практически однородный по всей толще, представлен светло-коричневой, охристой супесью, нарушенный выворатами корней сгоревших и упавших деревьев. Условно, в данном слое выделяются культуросодержащий (в кровле, верхних 10 см слоя) и «стерильный» (остальная толща слоя) го-

ризонты. Культуросодержащий горизонт представляет разрозненный археологический материал. Получена коллекция из 1879 артефактов. Абсолютное большинство находок – результат первичного расщепления камня – осколки, обломки, сколы, отщепы. Обнаружено несколько отщепов со следами утилизационной ретуши. В ряде случаев каменные находки представляют скопление, которое можно считать производственной площадкой. Керамические находки, как правило, располагаются отдельно и представлены фрагментами лепной неорнаментированной керамики. Один фрагмент керамики орнаментирован сеткой-плетенкой. Обнаружены фрагменты венчика сосуда с орнаментом в виде «внешней жемчужины», слабопрофилированные, с пальцевыми защипами по кромке горловины. Обнаружено два развала археологически целых круглодонных сосудов, орнаментированных неглубокой жемчужиной. Среди находок выделяется фрагмент каменной рыбы-приманки. Обнаружена «голова» приманки, напоминающая налима. Изделие демонстрирует разнообразную технику производства, которым владел древний мастер: резка, шлифовка, биконическое сверление.

Общий итог работы на стоянке Кода 4 демонстрирует минимальное количество орудийных форм, небольшую концентрацию находок. Материал разрознен, археологические объекты разрушены техногенным воздействием и естественным обрушением края террасы. Культурно-хронологическая интерпретация осложнена отсутствием четкой стратиграфической привязки. Поиск аналогий позволяет относить основную часть археологического материала к периоду неолита – эпохе бронзы, условно датируя V – началом I тыс. до н.э.

Второй район работ Кутарейского отряда, располагался на левом берегу р. Ангара в северной части исследуемого региона и прилегал к устью р. Кутарей. Здесь были изучены следующие памятники (снизу вверх по течению р. Ангара): местонахождение Гора Кутарей, стоянка Сенькин Камень, стоянка Ручей Поварный.

Местонахождение Гора Кутарей прилегает к подошве г. Кутарей, в 1,5 км ниже устья р. Кутарей по течению р. Ангара. До 2010 г. площадь определена не была. Кутарейским отрядом проведены рекогносцировочные исследования. 15 рекогносцировочных раскопов общей площадью 60 кв. м. показали, что распространение археологического материала на территории памятника неоднородно и обусловлено, в первую очередь, ландшафтом участка. Памятник условно разбивается на три части, привязанных к конкретному элементу местности.

Первый участок расположен на первой надпойменной террасе р. Ангара. Это узкая (не более 10-12 м) полоска вдоль, часто неясного, размытого и сближенного с поймой, края террасы и подножия скального обрыва г. Кутарей. Данный участок ограничивается с севера – каменными осыпями горы, с юга – пойменным понижением. Культурный слой залегает на относительно большой глубине – минимальные отметки по сои абсцисс – 1,8 м. Обнаруженный археологический материал относится к эпохе неолита – ранней бронзы.

Второй участок распространения культурного слоя расположен в тальвеге сухого лога, представляющим собой русло пересохшего и временного потока (ручья?). Здесь залегал перемешанный разнокультурный материал, вынесенный со склонов.

Третий участок распространения культурного слоя на памятнике располагается на относительно ровной площадке, совпадающей с подножием безымянной горы, отделенной от г. Кутарей сухим логом. В настоящее время, это выделяющаяся терраса, которая на участке распространения культурного слоя не имеет контакта с современным ангарским руслом. Данный участок приурочен к различным уровням левого «берега» сухого лога и покрыт густым смешанным лесом.

Концентрация находок на третьем участке весьма высока (более 100 находок на 1 кв.м.), большая вероятность обнаружить сооружения, конструкции, другие археологические объекты поселенческого комплекса эпохи неолита-начала раннего железного века.

Стоянка Сенькин Камень (согласно учетной карточке предлагается наименование «Сенькин (Синий) Камень») располагается в 1,5 км от устья р. Кутарей выше по течению р. Ангара и прилегает к южной подошве г. Сенькин Камень. Разведка ИАЭТ СО РАН 2008 г. уточнила площадь стоянки в размере 81 290 кв. м.

В 2009-2010 гг. на площади памятника прошли лесосводные работы с использованием тяжелой техники, которая нарушила почвенные слои террасы и склонов на глубину до 1 м. На большей части памятника это привело к полному переносу и обнажению слоев, подлежащих культурному горизонту. Сборы подъемного материала на территории памятника позволили определить два важных положения для характеристики изучаемого объекта. Во-первых, ареал распространения подъемного материала достаточно точно обнажил бывшие границы памятника. Во-вторых, количество и качественный набор находок позволяет считать объект местом временного, но достаточно частого посещения (стоянкой) на протяжении долгого археологического периода от неолита до этнографической современности. Отдельные находки могут быть приурочены к более ранним периодам.

На площади памятника были проведены рекогносцировочные раскопки (общей площадью 236 кв. м), которые подтвердили визуально зафиксированные разрушения. Благодаря им были выявлены участки с наименьшими повреждениями, что позволило заложить на них раскопы широкой площадью (общей площадью 900 кв. м). В результате последних, был получен материал (685 находок), свидетельствующий о многослойном характере памятника, его стояночном определении, высокой насыщенности и выразительности предметного комплекса бывшего культурного слоя стоянки Сенькин Камень.

Стоянка Ручей Поварный расположена в 625 км от устья р. Ангара, на территории, прилегающей к обоим берегам ручья Поварного, в 9 км ниже по течению от с. Кежма, в 4,5 км выше по течению от г. Сенькин Камень.

Разведка ИАЭТ СО РАН 2008 г. определила площадь стоянки в размере 16 090 кв. м.

В 2010 г. проведены рекогносцировочные исследования – 49 раскопов общей площадью 198 кв. м., зафиксировавшие концентрацию культурного слоя на обоих берегах ручья Поварного. Большая часть культурного слоя с высокой концентрацией находок сосредоточена на первой и второй надпойменных ангарских террасах на левом берегу ручья. В целом, концентрация находок не велика и не превышала 2-3 находок на квадратный метр. Однако материал представителен и характеризуется большим процентом орудий, датируемых эпохой позднего неолита – ранней бронзы. Встречается также керамика, относящаяся к периоду раннего железного века и средневековья. В одном из рекогносцировочных раскопов был обнаружен череп мужчины старше 45 лет, признаки погребальной конструкции сомнительны, сопроводительный инвентарь отсутствует. Археологический материал распространен неравномерно, полевые исследования определили несколько участков распространения культурного слоя, перспективных для изучения раскопом сплошной площадью. Широкие раскопки позволят более четко определить характер и хронологию культурных слоев.

Итогом спасательных археологических работ Кутарейского отряда в зоне затопления ложа водохранилища БоГЭС в 2010 г. стало широкомасштабное исследование культурного слоя разрушенных лесосводом стоянок Кода 4 и Сенькин Камень. Полученный материал, является, возможно, последним источником по истории местного населения в период неолита-средневековья. Разнохарактерный культурный слой на памятниках Гора Кутарей и Ручей Поварный, напротив, пока сохраняет цельность и содержит уникальный, стратифицированный археологический материал.

П.В. Герман, С.Н. Леонтьев

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКАХ СЕРГУШКИН-3 И ВЗВОЗ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В период с 15 июля по 4 сентября 2010 года Первым Сергушкинским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились спасательные археологические работы на памятниках Сергушкин 3 и Взвоз (Кежемский район Красноярского края), входящих в состав ансамбля археологических памятников остров Сергушкин.

Стоянка и могильник эпохи неолита – средневековья Сергушкин 3 открыта в 1974 году В.И. Привалихиным, расположена на аллювиальной террасе левого берега о. Сергушкин, в 2,5 км выше его нижней оконечности. Площадь памятника 9919 кв. м, координаты: 58°54’51.69” с.ш., 102° 2’35.7” в.д. Спасательные работы на объекте ведутся с 2009 года. В текущем году на памятнике Сергушкин 3 вскрыто 631 кв. м, из которых 581 кв. м сплошная площадь исследования (раскопы №1 и2), и 50 кв. м рекогносцировочные раскопы (№1-3). Таким образом, к настоящему моменту на территории памятника Сергушкин 3 раскопами исследована площадь 1744 м.

Для данного участка острова Сергушкин характерно наличие эоловых аккумуляций, закрепленных редколесьем. В связи с этим, первый этап работы на памятнике включал в себя выборку стерильного эолового слоя толщиной до 1,3 м. Вслед за эоловыми отложениями следовал слой черной гумусированной супеси мощностью до 0,08 м, после чего начинался слой желто-серой супеси толщиной до 0,55 м (культуросодерожащий слой). Слой желто-серой супеси включал в себя многочисленные изделия из камня, керамики, кости, железа и бронзы. Керамический комплекс обнаруженный в слое включает: фрагменты с обмазочно-валиковым декором, характерным для средневекового времени; отдельные фрагменты и развалы сосудов с формованными валиками (цэпаньская культура раннего железного века), керамика с отпечатками рубчатой лопаточки (глазковская культура) и сосуды, орнаментированные оттисками сетки-плетенки, относящиеся к серовскому (?) времени.

Среди изделий из камня, помимо отходов производства, в большом количестве встречены отщепы и пластины с эпизодической ретушью и резцы. Среди орудий, оформленных покрывающей сильномодифицирующей ретушью, обнаружена серия наконечников стрел и дротиков, ножей, вкладышей. Кроме этого найдено несколько топоров с ушками и серия шлифованных изделий из камня (тесла, ножи).

Помимо отдельных находок в слое было исследовано 19 объектов, большая часть из которых представляет собой ямы, заполненные обломками и целыми экземплярами каменных орудий, и многочисленными отходами их производства, фрагментами керамических сосудов, мелкими костями животных, угольками. Исследованные ямы, предположительно, имели хозяйственное назначение. Кроме этого, было изучено 8 разновременных погребений. В 1978-1985 и 2009 годах на памятнике Сергушкин 3 было вскрыто девять погребений. Нумерация погребений исследованных в текущем году была продолжена.

Погребения 15 и 16 – единственные зафиксированные по могильным пятнам красно-коричневого цвета (до 220×80 см), глубиной 15-16 см. Кости погребенных располагались в виде хаотичного скопления, частично обгорели. Большая часть костей погребенных отсутствовала, среди костей попадались фрагменты горелой бересты. Погребальный инвентарь (бронзовый рыболовный крючок) обнаружен только в погребении №16. Предварительная датировка погребений – конец бронзового – начало раннего железного века.

Наибольший интерес представляет погребение №13. Могильная яма имела форму прямоугольника сориентированного по линии северо-восток – юго-запад, перпендикулярно реке. Размер ямы – 222×70 см, глубина – до 14 см. Погребение совершено по обряду ингумации, вытянуто на спине, головой на юго-запад (к реке). Среди костей погребенного (взрослый мужчина) и рядом обнаружено большое количество разнообразного сопроводительного инвентаря из бронзы (эссовидная и бабочковидная бляшки с изображениями хищной птицы), железа (фрагменты плоского изделия), кости (наконечники стрел, обоймы, накладки на лук) и каменные наконечники стрел. Кроме этого у правой берцовой кости находился череп соболя (?). Большинство найденного в погребении инвентаря имеет аналогии в цэпаньских погребальных комплексах [Привалихин, 1987; 1989; 1993]. Изделие из железа в подобном контексте встречено впервые.

Четыре погребения (№10-12 и 14) относятся к эпохе средневековья. Захоронения совершены по обряду трупосожжения на стороне. Жженые кости располагались в небольших (до 60×45×40 см) грунтовых ямах. Среди костей обнаружены куски горелого дерева и бересты. Погребальный инвентарь: бляшки и подвески из бронзы, бронзовое кольцо, железные ножи и тесла, лом железных изделий. Большая часть изделий из бронзы и железа находят аналогии в средневековых погребениях на памятниках Усть-Чадобец, Сергушкин 3 (раск. 1981 г.), Отико и др. [Привалихин, Фокин, 2010] и датируются в пределах **X-XIII вв. н.э.**

Датировка погребения №17 затруднена в связи с отсутствием инвентаря и потревоженности могилы более поздней (?) ямой. От погребенного сохранились череп с нижней челюстью, ключица и фрагменты длинных костей рук. На черепе обнаружены следы от режущего орудия, что позволяет предположить факт скальпирования.

Стоянка эпохи неолита – средневековья Взвоз открыта в 1988 году В.И. Привалихиным, находится на 4-5 метровой пойменной террасе правого берега о. Сергушкин, в 1 км ниже его верхней оконечности. Памятник имеет площадь 74910 кв. м, координаты: 58°54’4.00” с.ш., 102°13’44.00” в.д. На памятнике вскрыто 150 кв. м, из которых 100 кв. м сплошная площадь исследования (раскоп №1) и 50 кв. м рекогносцировочные раскопы (№1-5).

В недавнем прошлом почти вся территория памятника использовалась жителями с. Усольцева для сельскохозяйственных нужд (покос, небольшие участки пашни). В настоящее время территория памятника густо заросла молодым хвойно-лиственным лесом. Вся площадь памятника покрыта дерном, сформированным лесной подстилкой из перегноя палой листвы и иголок лиственницы, древесной трухой и пр. Мощность дернового слоя колеблется в пределах 6-12 см, в отдельных случаях достигает 20 см. Повсеместно между дёрном и культурным слоем фиксируется мощный слой эоловых аккумуляций, сложенный из светло-серых супесей, мощностью до 1 м. Слой интенсивно насыщен корнями деревьев и мелкой речной галькой. Следом залегал слой комковатого влажного гумусированного суглинка коричневато-бурого цвета мощностью до 0,5 м. В этом слое встречен археологический материал конца эпохи раннего железа – начала средневековья, представленный фрагментированной керамикой цэпаньского типа и обломками посуды с обмазочно-валиковой орнаментацией. Среди прочего материалы были обнаружены: небольшой молот из гальки, бронзовый трехлопастной наконечник стрелы с обломанным черешком и железная поясная бляшка тисненная золотым листом.

Ниже залегал слой плотного слоистого влажного суглинка желтовато-коричневого цвета мощностью около 20 см. Находки в этом слое единичны и происходят из предшествующего или последующего слоев. Его подстилает слой комковатого влажного гумусированного суглинка темно-коричневого (до черного) цвета мощностью до 30 см. Встреченный здесь материал образовывал пять четко выраженных скоплений (объектов). *Объекты №1 и 2* представляли собой компактные развалы обломков двух керамических сосудов. В плане они имели форму двух смыкающихся друг с другом неправильных овалов размерами 90×70 см (объект №1) и 110×45 см (объект №2), вытянутых по линии запад – восток. На той же глубине в 0,5 м к юг-юго-западу от первого скопления было встречено три каменных наконечника стрелы. *Объект №3,* располагавшийся в 3 м к северо-западу от объекта №2, включал еще одно скопление обломков двух керамических сосудов. Менее компактное, чем два предыдущих, оно имело вид неправильного овала площадью 150×85 см, вытянутого по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. В западной части скопления, ближе к его геометрическому центру, среди керамических фрагментов были расчищены залегавшие на расстоянии 10-15 см друг от друга три каменных предмета: трапециевидное тесло, листовидный наконечник копья и жезл со скульптурным навершием в виде головы медведя (рис. 1). В 30 см к северо-востоку от скопления керами-

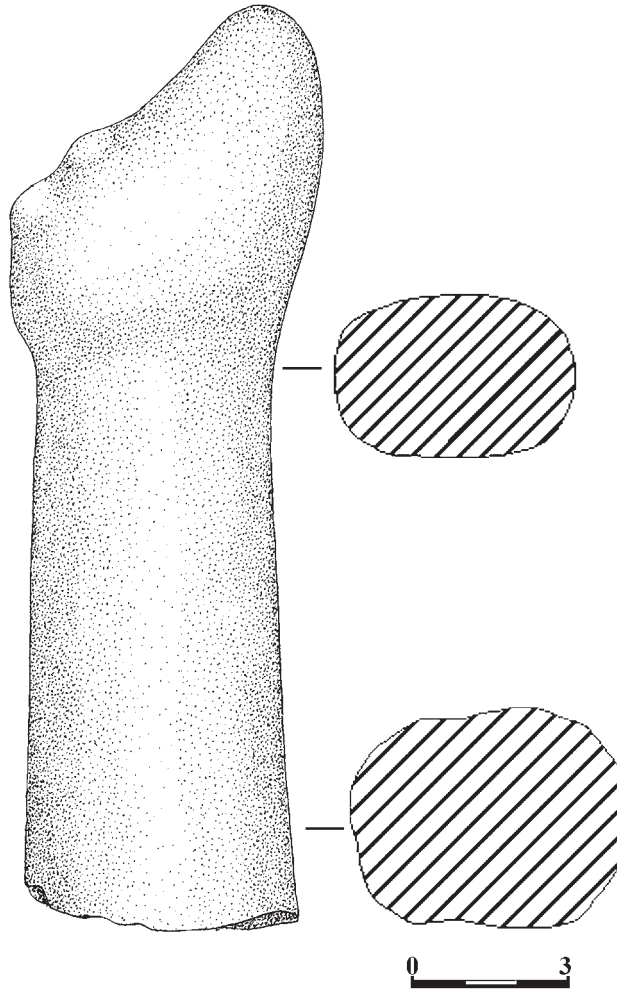


Рис. 1. Стоянка Взвоз. Каменный жезл с головой медведя.
Рисунок Д.А. Хмелевцевой.

ческих фрагментов были встречены две каменные фигуры двуглавых рыб (рис. 2). Они залегали совместно, образуя V-образную фигуру, обращенную углом к юго-западу. В 0,8 м к северо-западу от них обнаружен каменный топор трапециевидной формы. В 1,8 м к северо-западу от предшествующего объекта было выявлено плотное скопление обломков костей животных, в т.ч. со следами обработки и фрагментов костяных изделий неясного назначения, среди которых костяная пластина с навершием в виде головы лося (*объект №4*). Здесь же находились три клыка и резец медведя, а так же обломок нижней челюсти медведя со следами обработки. Скопление име-

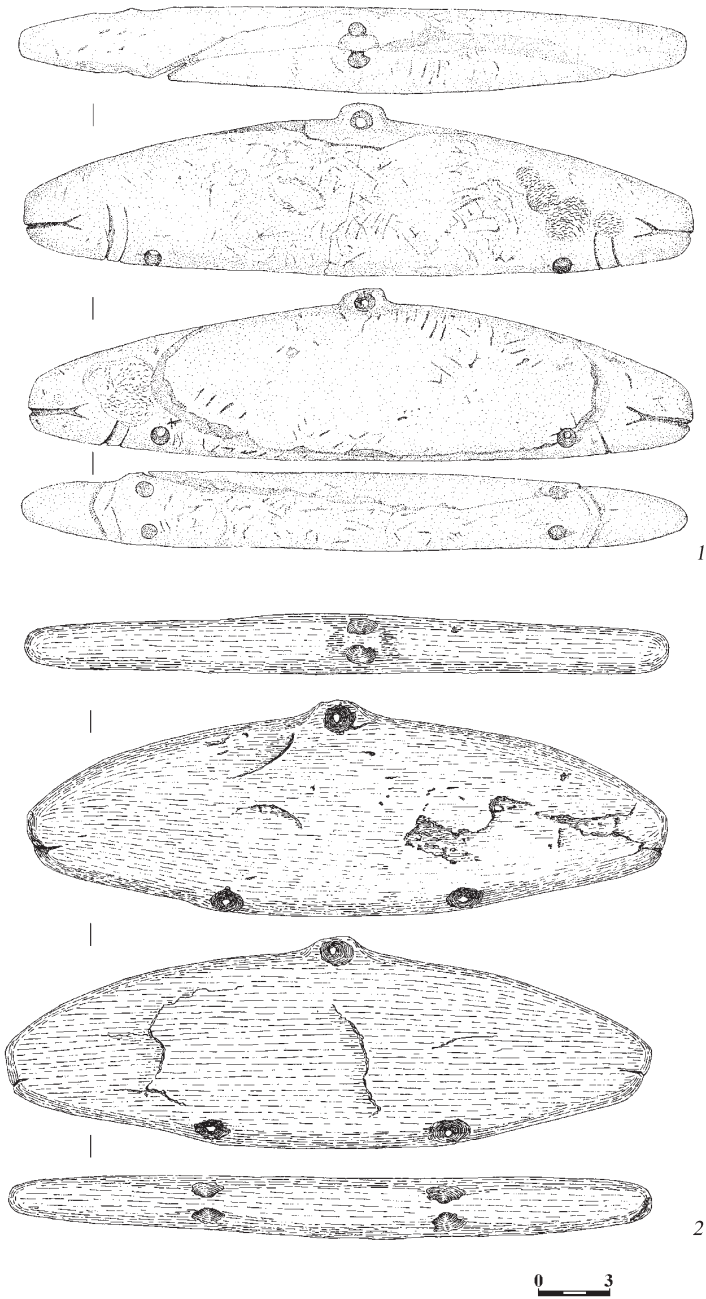


Рис. 2. Стоянка Взвоз. Каменные фигуры двуглавых рыб.
Рисунок Д.А. Хмелевцевой.

ло форму неправильного овала размерами 65×42 см, вытянутого по линии северо-запад – юго-восток. В центре объекта сразу под обломками костей было найдено каменное шлифованное четырехгранное долото. В 2,4 м к западу от объекта №3 и в 2,2 м к юго-западу от объекта №4 было выявлено небольшое (70×40 см) аморфное скопление обломков трех керамических сосудов (*объект №5*).

Все указанные скопления археологического материала объединены как стратиграфией залегания, так и культурно-хронологической принадлежностью. Орнаментальные композиции, представленные на керамических сосудах, обнаруживают аналогии с серовской погребальной посудой [Горюнова, 1996]. Наиболее вероятно, исследованные объекты маркируют собой остатки одного неолитического комплекса, который, судя по присутствию предметов сакрального характера (скульптурные изображения медведя, лося и рыб, обработанные медвежьи кости), был связан с проведением ритуально-обрядовых действий.

Список литературы

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 112 с.

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кем. гос. ун-та, 1987. – С. 90–95.

Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. – Красноярск: Кн. изд-во, 1989. – С. 189–198.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И., Фокин С.М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2010. – Вып. 4. – С. 318–336.

И.А. Грачев

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТОЯНКЕ ОКУНЕВКА В 2010 ГОДУ

В июне-августе 2010 г. Окуневский отряд Богучанской археологической экспедиции проводил спасательные археологические работы на стоянке Окуневка в устье р. Курейка на правом берегу р. Ангара.

Стоянка расположена в 20 км к юго-западу от с. Недокура Кежемского района Красноярского края. Памятник ограничен с южной стороны устьем р. Курейка, с запада обрывом берега р. Ангара.

Памятник был открыт в 1937 году А.П. Окладниковым [Окладников, 1939]. В 1978 – 1979 гг. отрядом САЭ КГПИ под руководством Н.И. Дроздова на памятнике проведены полевые исследование и раскопано погребение железного века [Дроздов и др., 1979]. В 1986 – 89 гг., 1992 – 94 гг. и в 2000 г. стационарные раскопки на стоянке проведены отрядом Ангарской экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством Д.Ю. Березина и И.В. Асеева [Васильевский и др., 1988; Васильевский и др., 1993]. В 2008 – 2009 году работы проводил отряд ИАЭТ СО РАН под общим руководством Е.П. Рыбина. В результате работ 2008 – 2009 г. исследовано погребение раннего железного века и погребение эпохи неолита, обнаружен клад железных изделий, относящихся к периоду средневековья. Материалы стоянки относятся к периоду неолита – позднего средневековья, предварительно датируемые IV тыс. до н.э. – II тыс. н.э.

В 2010 году целью работ было дальнейшее изучение памятника. Работы велись сплошным раскопом, в границах которого были размечены участками 5х10м. Общая исследованная площадь составила 3250 кв.м. Длинной стороной раскоп был ориентирован по линии север – юг, с небольшим отклонением к западу. Вскрытие участков происходило послойно.

В стенках участков, которые одновременно являлись и стратиграфическими разрезами, читалась следующая ситуация: гумусированный слой серого цвета мощностью 0,14 – 0,22 м, слой черного цвета насыщенный мелкими вкраплениями древесных углей мощностью 0,01 – 0,24 м, светло-серая супесь мощностью 0,20 – 0,63 м. После снятия находкосодержащего слоя, на всей площади делался контрольный прокоп. Глубина исследования участков составила не менее 0,70 – 0,90 м от уровня современной дневной поверхности. Верхние слои, на всей площади раскопа были частично нарушены в ходе распашек и лесозаготовок прошлых лет.

Находки были представлены отходами и орудиями каменной индустрии, обломками керамических лепных сосудов, изделиями из кости, бронзы и железа, а так же кухонными остатками в виде фрагментов костей животных.

Каменный инвентарь включал в себя серии наконечников стрел, скребков, тесел, топоров, абразивов.

Керамический материал стоянки весьма разнообразен. Орнаментальные мотивы представлены: сеткой-плетенкой, накольчатым, редко прочерченным и зубчатым штампами.

Из ярких индивидуальных находок на стоянке были обнаружены костяной наконечник дротика, проколки из грифельных костей лося, заготовки для рыболовных крючков, бронзовая литая бляха, в виде двух геральдических головок грифонов с петелькой на оборотной стороне, бронзовый ременной наконечник со стилизованным изображением птицы, бронзовая пронизка с ребристой поверхностью, пуговица, вогнутый нож с усиленной спинкой, трехлопастной бронзовый наконечник стрелы. Железные предметы представлены черешковыми ножами с прямым обухом, серией черешковых наконечников стрел и фрагментами неопределимых изделий.

Также на площади раскопа были зафиксированы очаги, выложенные небольшими речными камнями, отходы металлургического производства, в виде шлаков и бронзовых всплесков. Особый интерес представляли обнаруженные здесь же углежогные ямы и остатки разрушенных сыродутных горнов.

На площади раскопа были обнаружены три погребения.

Первое погребение с трупосожжением, в ямке диаметром 0,4м, на глубине 0,4 м от уровня современной дневной поверхности, перекрытой несколькими небольшими камнями. Под камнями имелись следы бересты. Погребение находилось в южной части раскопа.

Второе погребение располагалось в центральной части раскопа. Могильная яма овальной в плане формы, размерами 1,4 – 0,8 м. Могильная яма была вытянута по линии З-В. В заполнении ямы находилась супесь с большим количеством светло – бордовой охры, и вкраплениями древесных угольков. На дне были обнаружены кости скелета человека. Кости располагались в неправильном анатомическом порядке, часть костей отсутствовала. В могиле были найдены две костяные проколки, нефритовый нож серовского типа, кремневое тесло.

Третье - детское погребение с плохо сохранившимися костями было обнаружено в северной части раскопа.

В результате работ 2010 г. была подтверждена первоначальная датировка памятника. Новым открытием следует считать, обнаружение производственных комплексов, связанных с металлообработкой. Дальнейшие работы на памятнике позволят более тщательно изучить историю металлургии района и вполне вероятно обогатят отечественную науку новыми важными фактами.

Список литературы

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ. 1937 г. // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Дроздов Н.И. Работы Североангарской экспедиции // АО 1979 года. – М.: Наука, 1980. – С. 203–204.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Василевский Р.С., Березин Д.Ю., Дроздов Н.И. Археологические исследования в зоне Богучанской ГЭС // Обозрение”93. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1993. – С. 150–153.

Ю.А. Гревцов, Д.Н. Лысенко, Л.Л. Галухин

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ БЕРЯМБИНСКОГО ОТРЯДА БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИАЭТ СО РАН В 2010 ГОДУ

В июне – сентябре 2010 года в составе Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН принимал участие в проведении спасательных археологических раскопок Берямбинский отряд. В соответствии с техническим заданием отряд производил работы на следующих памятниках: стоянке Толстый Мыс, стоянке Хедугин ручей, стоянке Чириде и поселении Берямба.

Поселение Берямба вскрыто сплошным раскопом 1000 кв.м. площади памятника в устьевом участке реки Берямба, как наименее пострадавшем от глубокой вспашки в 20-70е годы XX столетия. С целью уточнения границ объекта рекогносцировочными раскопами вскрыто 200 кв.м. площади памятника.

В сплошном раскопе зафиксированы находки, относящиеся к трем культурным слоям: средневековью (VI – XII вв. н.э.), раннему железному веку (I тыс. до н.э.) и эпохе неолита.

Эпоха средневековья представлена комплексом металлургических сооружений (14 шт.) для производства железа. Все домницы являются однотипными и отличаются лишь размерами, представляют собой полуназемные сооружения из вкопанных вертикально каменных плиток с закрепленными на них керамическими трубчатыми соплами. Сооружения имеют подпрямоугольную форму в горизонтальном сечении и яйцевидную в вертикальном. Замечательно, что в четырех случаях зафиксированы элементы конструкции домниц из органических материалов. В одном случае это деревянные колышки-плашки, использовавшиеся для фиксации каменных плиток в вертикальном положении, в трех случаях берестяные хомуты-стяжки.

Кроме трубок-сопел, закрепленных в готовых плавильных сооружениях, зафиксированы многочисленные находки в виде целых трубок вне домниц и их фрагментов. Причем, часть данных находок не имела следов высокого температурного воздействия и следов ошлаковки, что позволяет говорить о производстве сопел здесь же. Все плавильницы имели разрушенные своды – результат выемки выплавленной кричной массы.

Интересна находка ямы, заполненной необожженной белой глиной, по-видимому, для обмазки плавильных камер. Очевидно, что глина была перемещена с удалённого места, так как этого материала в слоях исследуемой террасы нет. Скопления мелко дробленых костей животных и птиц в

непосредственной близости от плавильных камер имели чёткую овальную форму, как в плане, так и в разрезе. Что позволяет предположить, что они были заключены в эластичные ёмкости (мешки?). Можно предположить, что этот материал предназначался для производства кальциевого катализатора при выплавке металла.

На многочисленных валунах-останцах на площади памятника имеются следы использования их в качестве наковален при дроблении руды, это подтверждают и находки рядом с ними фрагментов крупных каменных молотов.

Таким образом, на площади 1000 кв.м. зафиксирован полный технологический плавильный комплекс от дробления и отжига руды до сооружения плавилен и выплавки металла.

Берямбинский комплекс металлургических сооружений на текущий момент является наиболее крупным и полным из известных на территории Нижнего Приангарья.

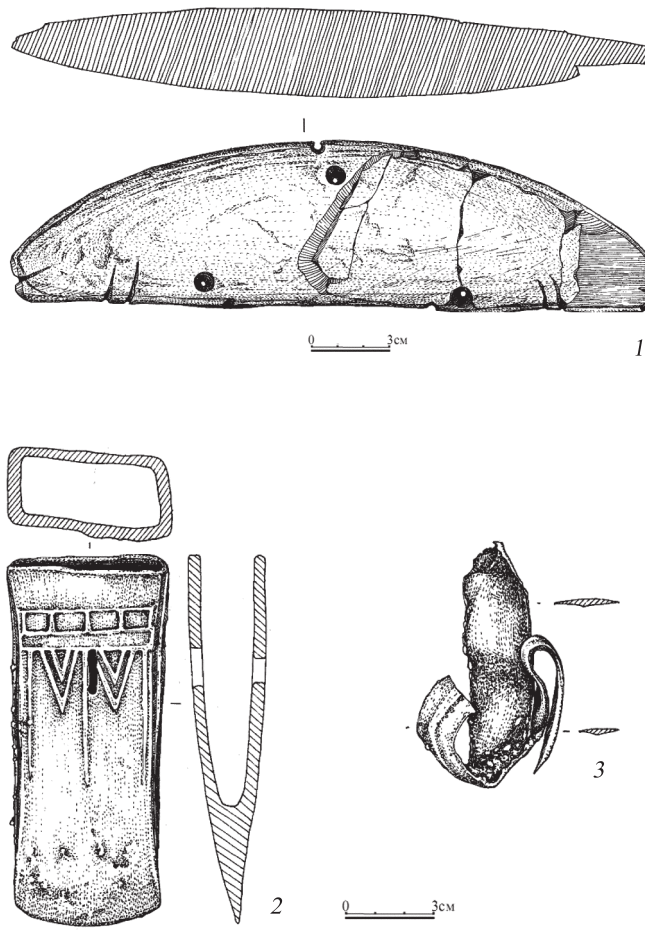
Эпоха раннего железного века представлена, в основном, керамическими материалами. Фрагменты и развалы лепных керамических сосудов цэпаньского (IV – III века до н.э.) типа являются вторым по массовости видом находок после отщепов и сколов. На одном из фрагментов при венчиковой части имеется анропоморфное изображение, нанесенное зубчатым штампом.

Металлический инвентарь эпохи раннего железного века представлен фрагментами орудий и изделий со следами утилизации (фрагменты лезвий и насадов). В одном случае найдено целое изделие – обоюдоострый миндалевидный клинок.

К этому же периоду относится богатая коллекция изделий из кости и рога. Здесь выделяются из общего ряда крупные наконечники.

Эпоха неолита представлена большим набором орудий труда и оружия из камня. Особо следует выделить два «клада» орудий для обработки дерева. В одном случае – это три шлифованных тесла, изготовленных из различных пород камня и имеющих различные формы и углы заточки лезвий. В другом случае – это пять тёсел, изготовленных из траппа имеющих одинаковых угол заточки и различающихся только шириной лезвий и массивностью. Обращает внимание высокая степень и качество заточки лезвий. Здесь же был найден крупнозернистый песчаниковый брусок-абразив. Набор орудий данного «клада», очевидно, не являлся предметом ежедневной необходимости. Качество изготовления тесел указывает на высокую сложность и качество производимых посредством их работ. Видимо, данные «клады» являются местами временного укрытия инструмента для проведения работ по дереву календарного порядка.

К наиболее значимым относится находка скульптурного изображения рыбы «приманки» (см. *рисунок, 1*). Изделие имеет три сквозных биконических отверстия, скульптурно выполнены две головки рыб сиговой породы с четко вырезанными линиями, означающие рты и жаберные щели. Имеют-



«Рыба-приманка» (*1*); бронзовый топор-кельт (*2*); бронзовый клинок (*3*).
1 – поселение Берямба, раскоп № 1; *2*, *3* – стоянка Чирида, раскоп № 1.

ся следы ремонта «приманки» - вторично просверлено отверстие подвески, предположительно, для регулировки центровки. Пластичность сланцевой породы, из которой вырезано изделие, позволяет изучить качества режущего инструмента использовавшегося древними мастером. Характерные следы на площади «приманки», во всяком случае при последнем ее ремонте, не оставляют сомнений, что работа велась инструментами имеющими металлические лезвия.

Любопытны условия находки. Изделие находилось в углублении с двумя рыбьими костями: позвонком и жаберной крышкой. На самой приманке имеются следы преднамеренного разрушения, прослеживается место нанесения удара в центральной части, что привело к разделению предмета на

фрагменты. Тот факт, что все фрагменты сохранились, может свидетельствовать о том, что предметы были в древности погребены грунтом.

При уточнении границ памятника в трех рекогносцировочных раскопах в восточной части памятника на глубине 70 см от дневной поверхности в слое бурого суглинка найдены фаунистические материалы, относящийся к эпохе плейстоцена и артефакты палеолитического облика. Каменный материал представлен чоппером и отбойником.

Примечательно, что в контрольных шурфах на площади сплошного раскопа этот геологический слой не зафиксирован. По-видимому, периферийный участок с палеолитическими находками представляет собой останец разрушенной более древней террасы.

В ходе работ на **стоянке Чирида** было вскрыто общим раскопом 600 кв.м., рекогносцировочными раскопами 200 кв.м. Зафиксированы находки, относящиеся к трем культурным слоям: средневековью, раннему железному веку и эпохе неолита.

Наиболее интересными находками являются «клад» бронзовых изделий, относящихся к раннему железному веку и неолитическое жилище полуземляночного типа. «Клад» представлен бронзовым топором-кельтом клиновидной формы (см. *рисунок, 2*), украшенным геометрическим орнаментом и расчлененным обоюдоострым кинжаловидным клинком (см. *рисунок, 3*). Клинок преднамеренно разломан на две части, согнут в нескольких местах, и компактно помещен внутрь кельта. И кельт, и клинок имеют следы высокого температурного воздействия и деформации.

Жилище, предположительно отнесенное к эпохе неолита, представляло собой котлован, читающийся на современной дневной поверхности на глубину 5- 10 см. При расчистки третьего условного горизонта, в материковом слое было зафиксировано пятно неправильной прямоугольной формы размерами 4,50 х 4,50 м. При зачистке была выявлена глубина жилищного котлована - до 0,20 м. В восточной части зафиксированы три столбовых ямы круглого сечения диаметром 15–18 см. При зачистке дна жилищного котлована, были найдены фрагменты деревянной сожженной кровли(?) сооружения, представляющие собой лаги диаметром сечения10-12 см. расположенные концентрично. В заполнении котлована собраны следующие артефакты: наконечники стрел и тесло из камня со следами сильного термического воздействия, фрагменты придонной части круглодонного лепного керамического сосуда с орнаментом в виде солярного знака.

В ходе работ на **стоянке Толстый Мыс** было вскрыто общим раскопом 200 кв.м., рекогносцировочными раскопами 100 кв.м. Зафиксированы находки, относящиеся к трем культурным слоям: средневековью, раннему железному веку и эпохе неолита.

Особый интерес представляют находки, относящиеся к эпохе неолита. На всей площади раскопа зафиксированы 8 хозяйственных ям глубиной до 1 м. По форме вертикального сечения ямы могут быть разделены на два типа – грушевидной и воронковидной формы. В трех случаях на дне ям зафикси-

рованы фрагменты и целые черепа хищников (соболь, медведь, росомаха), кости конечностей в анатомическом порядке. В заполнениях ям собрана коллекция орудий труда и оружия из камня и кости, фрагменты лепных керамических сосудов. В одном случае на дне ямы найден развал крупного керамического сосуда посольского типа. Обращает на себя внимание факт массовых находок скоплений фрагментов щепленной кости животных, птиц и рыб. Вероятно, есть основания связывать функциональное назначение данных сооружений с процессом заготовок продовольственного припаса древнего населения Ангары. Видимо, ямы являются элементами жилищного комплекса. Элементами данного комплекса могут являться и ямы-котлованы жилищ, позже обнаруженные на дневной поверхности при расчистке от леса восточной части памятника. Котлованы имеют прямоугольную и круглую формы. Видимая глубина до 25 см. от дневной поверхности. Площадь от 6 до 15 кв.м. Расположены цепочкой, параллельно кромке Ангарской террасы. Визуально читаются 6 котлованов.

В ходе расчистки неолитического горизонта раскопа зафиксировано погребение, совершенное по обряду трупоположения. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела, ноги прямые. Погребение ориентировано по линии З-В головой вниз. В области черепа зафиксировано пятно охры розового цвета. Погребальный инвентарь был представлен круглодонным керамическим сосудом, орнаментированным «сеткой-плетёнкой» и нуклевидным желваком. Примечательно, что могильная яма перекрывает собой одну из вышеописанных хозяйственных ям.

На памятнике **Хедугин Ручей** в ходе выполнения технического задания отряда было вскрыто общим раскопом 96, рекогносцировочными раскопами 104 кв.м. Зафиксированы находки, относящиеся к двум культурным слоям: средневековью и эпохе неолита.

При осмотре террасы реки Ангара, на которой располагался объект, были зафиксированы два пересекающихся ряда западений дневной поверхности круглой и подпрямоугольной формы по 3 и 5 в ряду, глубиной от 10 до 50 см от дневной поверхности, площадью от 12 до 24 кв. м.

На дне лога, рассекающего террасу, зафиксированы 6 западений правильной прямоугольной формы глубиной до 70 см от дневной поверхности и площадью от 15 до 18 кв. м. Западения расположены перпендикулярно течению реки.

Сплошным раскопом было вскрыто периферийное западение, имеющее минимальную глубину и диаметр. Западение визуально фиксировалось с уровня дневной поверхности и представляло собой котлован размером 3 на 4 м, глубиной 0,5м. через который была пропущена поперечная бровка. В результате разбора площади раскопа по пластам мощностью до 15 см на уровне условного горизонта 4, при зачистке материковой поверхности стал выделяться котлован подквадратной формы размером 4,5х5,3 м и глубиной от материка 0,2 м, в центре которого располагался очаг. В заполнении котлована жилища зафиксирован развал керамического сосуда и каменное

лощило. В привходовой части зафиксированы обломки трех костяных гарпунов и наконечники стрел. В котловане жилища встречено небольшое количество отщепов и колотой кости.

На основании материалов раскопанного жилищного котлована можно утверждать, что на данном памятнике зафиксирован жилищно-хозяйственный комплекс эпохи неолита – эпохи бронзы. Точное количество жилищ на памятнике может быть выявлено при расчистке площади террасы и лога от леса и проведении масштабных раскопок.

Замечательно, что памятник не разрушается в результате деятельности человека и не имеет следов разрушения в прошлом. На текущий момент стоянка Хедугин ручей является самым крупным жилищным комплексом эпохи неолита – эпохи бронзы на территории Нижнего Приангарья.

Таким образом, Берямбинским отрядом в 2010 году были исследованы памятники, представленные жилищно-хозяйственными комплексами, дающими представление о традиционной материальной и духовной культуре древнего населения Нижнего Приангарья.

А.Л. Заика

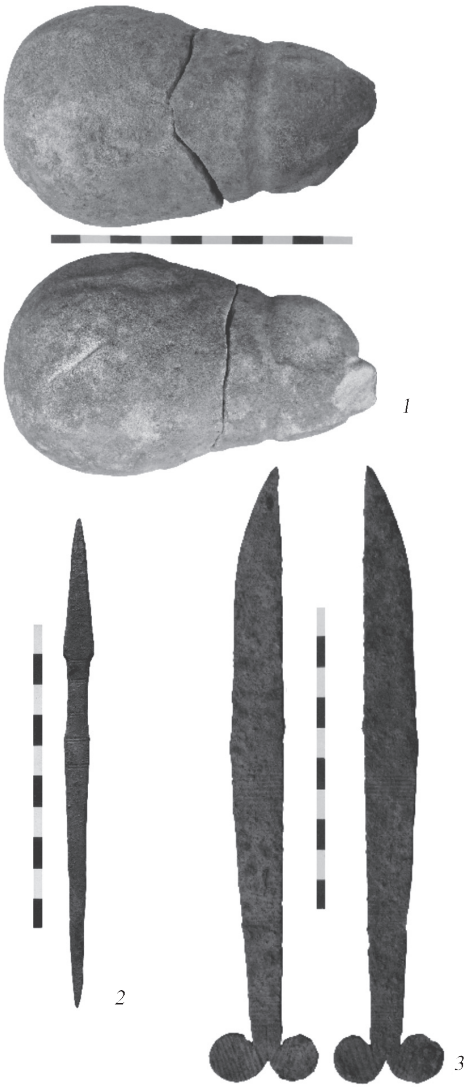
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ АПЛИНСКИЙ ПОРОГ В 2010 ГОДУ

В течение августа-сентября Петроглифическим отрядом Богучанской археологической экспедиции были проведены охранно-спасательные работы в зоне затопления Богучанской ГЭС на стоянке Аплинский порог. Памятник расположен на левом берегу р. Ангары в 66 км к ЮЗ от с. Кежма Кежемского района Красноярского края, в 555 км от устья р. Ангары, на уплощенной вершине скальных обнажений (скалы Аплинские), напротив Аплинского порога.

Высота над уровнем моря составляет – 206 м (максимальная), 178 м (минимальная). Высота над урезом воды в р. Ангаре составляет 13 - 41 м.

Стоянка открыта в 2001 г. разведочным отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева под рук. В.И. Макулова [Леонтьев и др., 2001]. Выявленный объект археологического наследия (ОАН) «стоянка Аплинский порог» был обследован участниками археологической разведки ИАЭТ СО РАН в 2008 г. [Научно-технический отчет..., 2008, с. 220- 222]. Во время исследований в южной оконечности памятника было заложено 3 шурфа (1х1 м), в одном из которых (№ 2) был зафиксирован на глубине 0,3-0,41 м относительно современной поверхности культурный горизонт, мощностью до 0,11 м. Выявленные артефакты были представлены остатками каменной индустрии (2 скола, 3 отщепа). Условия залегания археологического материала предполагали его неолитический возраст [Научно-технический отчет..., 2008, с. 221].

В 2010 г. на территории стоянки Аплинский порог была вскрыта спасательными археологическими и рекогносцировочными раскопами площадь 600 кв. м на глубину 0,7 м. Площадь спасательных археологических раскопов (раскопы 1, 2) составила 570 кв. м, 26 рекогносцировочных раскопов – 30 кв. м. В результате работ выявлено 6999 артефактов в виде нуклеусов, каменных и металлических орудий, отходов каменной индустрии (отщепы, сколы, пластины) и железоплавильного производства (шлаки, остатки домниц), фрагментов керамики. Обнаруженные находки дифференцируются по двум культурным слоям, во втором культурном слое был также выделен нижний уровень залегания археологического материала (КС- 2 н.у.). Условия их нахождения позволили датировать памятник Аплинский порог в широком хронологическом диапазоне; неолит (культурный слой-2, 2 н.у.), железный век-средневековье (культурный слой-1).



Находки на стоянке Аплинский порог. Раскоп 2.
1 – фаллическое изделие (п/о № 25, н/о 9 см).
Сектор 4, культурный слой 2;
2 – наконечник стрелы (п/о № 1, н/о 131 см).
Сектор 3, культурный слой 1;
3 – нож железный (п/о № 2, н/о 206 см).
Сектор 1, культурный слой 1.

Практически весь археологический материал зафиксирован на северной оконечности территории памятника Аплинский порог в границах раскопа 2 и прилегающей к нему территории, что позволяет уточнить границы памятника и определить перспективную площадь для дальнейших археологических исследований.

Интерес представляют произведения древнего искусства, в частности, фаллические изделия из камня. У одного из них навершие оформлено в виде головы животного (медведь?) (см. *рисунок, 1*). Металлические изделия представлены ножом, наконечниками стрел. Предметы декорированы параллельными горизонтальными и диагональными нарезками по металлу (см. *рисунок, 2, 3*). Примечательно, что на территории памятника зафиксировано большое количество конкреций красной охры и сопутствующие им каменные плитки-терочники для их растирания. Интерес также представляют привнесенные естественные каменные конкреции зоо- и антропоморфного вида, некоторые из них покрыты охрой.

Памятник «стоянка Аплинский порог» является перспективным для дальнейшего археологического

исследования и требует продолжения проведения на его территории спасательных раскопочных работ.

Список литературы

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Археологические исследования в зоне водохранилища Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т.VII. – С. 350–353.

Научно-технический отчет по итогам выполнения работ по договору 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС». Материалы к разделу проекта «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». Ч. 1, 2008 // Архив ИАЭТ СО РАН.

А.Л. Заика

АНСАМБЛЬ ПАМЯТНИКОВ ОСТРОВ КАМЕННЫЙ-КЕЖЕМСКИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2010 ГОДУ)

Ансамбль археологических памятников Остров Каменный-Кежемский эпохи неолита и железного века (V тыс. л. до н.э., I тыс. л. н.э.) расположен на острове Каменный–Кежемский в 20 км к ЮЮЗ от с. Кежма Кежемского района Красноярского края, в 610 км от устья р. Ангары. На территории острова было выявлено 3 стоянки (выявленные ОАН) – Остров Каменный-Кежемский 1,2,3, площадь которых составляла 14 362,73 кв.м, 45 409,16 кв.м и 2 697,94 кв.м соответственно, наскальные рисунки (петроглиф Остров Каменный-Кежемский). Общая площадь ансамбля памятников составляла 63 540 кв.м. [Научно-технический отчет…, 2008, с. 204].

Окружающая местность представляет собой таёжную зону с холмистым рельефом (абсолютные отметки 360-600 м.) право- и левобережья р. Ангары. Береговая линия представлена отвесными утёсами, сложенными известняками, песчаниками и траппами. Утёсы невысокие (15-40 м) с уплощённой залесованной вершиной, часто разделены обширными участками слабозадернованных осыпей.

«По реке Ангаре во многих местах имеются высокие острова, сложенными коренными породами и часто оконтуренные отвесными скалистыми обрывами. Острова эти соответствуют характерным для Ангарской долины древним террасам и обычно достигают 15-30 м высоты. К вершинам таких «каменных островов» примыкают участки, соответствующие террасам более низкого уровня.» [Окладников, 1949, с. 46]. Подобным островом является о. Каменный-Кежемский, сложенный траппами. Он имеет вытянутую в меридиальном направлении форму (длина 8 км, ширина 0,4-0,6 км). Вершина острова залесована и представляет собой высокую древнюю террасу.

В южной оконечности острова («охвостье», нижний оголовок) отчетливо выражена следующая терраса, высотой 6 м над урезом воды . В 1937 г. А.П. Окладниковым здесь были обнаружены следы стоянок «неолитического типа и эпохи поздней бронзы или раннего железа» [Окладников, 1939, с. 183; 1949, с. 46; 1950, с. 198]. В результате раскопочных работ им были выявлены «остатки неолитической мастерской, расположенной у очага, должно быть вблизи жилища» [Окладников, 1949, с. 53]. В результате разведочных работ 2008 г. археологический материал на данном местонахождении (стоянка Остров Каменный-Кежемский 3. Координаты памятника 58° 46’ 11,68” с.ш., 100° 53’ 18,86” в.д. высота над уровнем моря –

175 м (минимальная), 185 м (максимальная) не был обнаружен. Признаки наличия культурного слоя также не были зафиксированы [Научно-технический отчет …, 2008, с. 209].

Стоянка эпохи неолита Остров Каменный-Кежемский 2 приурочена к 12–14-м террасе левого берега острова в 1 км от его верхней оконечности. Координаты памятника 58°47’50,09” с.ш., 100°55’12,48” в.д. Высота над уровнем моря составляет – 175 м (минимальная), 185 м (максимальная). В 70-х гг. 20-го в. на данном участке острова проводил археологические работы научный сотрудник Красноярского краевого краеведческого музея В.И. Привалихин. В 2008 г. шурфовка территории памятника не принесла положительных результатов [Научно-технический отчет …, 2008, с. 207-209].

Стоянка Остров Каменный-Кежемский 1 располагается в северной оконечности острова Каменный-Кежемский на площадке скального утеса верхней оконечности острова. Координаты памятника -58° 47’ 37,40” с.ш., 100° 55’ 50,64” в.д. Высота над уровнем моря составляет – 188 м (минимальная), 199 м (максимальная).

В 2008 г. на территории памятника было заложено 4 шурфа, в одном из которых (шурф №2) был обнаружен археологический материал, что явилось основанием для проведения на данном местонахождении стационарных исследований [Научно-технический отчет ..., 2008, с. 206, 210]. В 2010 г. на территории стоянки Остров Каменный-Кежемский 1 была вскрыта стационарными и рекогносцировочными раскопами площадь 150 кв. м на глубину 0,7 м. Выявлено 2 культурных слоя (железный век, неолит), получено 84 артефактов в виде нуклеусов, скребловидных орудий, отходов каменной индустрии (отщепы, сколы, пластины), фрагментов керамики. Интерес представляет каменное топоровидное изделие.

Учитывая, что основную массу находок представляют отходы каменной индустрии (сколы, отщепы, пластины), беря во внимание слабую концентрацию артефактов на вскрытой площади, можно сделать вывод о невысокой перспективности дальнейшего исследования памятника Остров Каменный-Кежемский 1. Археологическом исследования необходимо провести на территории стоянок Остров Каменный-Кежемский 2,3, раскопки которых не предполагались в 2010 г.

Петроглиф Остров Каменный-Кежемский. В 1978 г. научным сотрудником Красноярского краевого краеведческого музея В.И. Привалихиным при осмотре скального утеса верхней оконечности острова в 1 м от уреза реки (высота над уровнем моря – 170 м), на поверхности одной из скальных плоскостей был обнаружен петроглиф. В 2005 г. археологическим отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева под рук. автора отчета были обследованы скальные обнажения острова, но высокий уровень воды в реке не позволил детализировать поиски на уровне нижних ярусов скальных выходов [Заика и др., 2005]. В 2008 г. осмотр каменных плоскостей также не дал абсолютно достоверной информации о наличии петроглифов. В результате обследова-

ния в 2010 г. скальных обнажений по периметру о. Каменный-Кежемский (10 км) информация о наличии древних наскальных рисунках не подтвердилась. Выявленные на верхнем оголовке острова (северная оконечность острова) наскальные изображения(силуэтный рисунок рыбы и контурное изображение рыбака в лодке) есть не что иное, как плод современного творчества в период после 2005 года (в 2005 г. данные рисунки нами не были зафиксированы). Авторство рисунков обозначено монограммой «В». Рисунки на высоте 2м и 4м обращены на восток, выполнены путем протирки (скобление камнем скальной поверхности) и точечными ударами камня (без посредника) по скальной плоскости до уровня цветового контраста с общим скальным загаром скалы.

В общем плане, скальные обнажения острова Каменный-Кежемский подвержены естественным эрозийным процессам, которые приводят к растрескиванию и осыпанию скальных пород. Нижние ярусы скалы по причине интенсивного воздействия воды и льда также не могут сохранить свидетельства какого-либо древнего творчества. Соответственно, свидетельства предшественников о наличии древних петроглифов на данном местонахождении вызывают определенные сомнения.

Список литературы

Заика А.Л., Дроздов Н.И., Березовский А.П., Ключников Т.А., Каява А.В., Емельянов И.Н. Исследования в Северном Приангарье в 2005 г. (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. **XI, ч. I. –** С. 310–312.

Научно-технический отчет по итогам выполнения работ по договору 27/09/07/ ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС». Материалы к разделу проекта «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара». Ч. 1, 2008 // Архив ИАЭТ СО РАН.

Окладников А.П. Неолитические находки в низовьях Ангары (к итогам работ 1937 г.) // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 181–186.

Окладников А.П. Мастерская каменного века на острове Каменном-Кежемском // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. – 1945. – Вып. 13, № 85. – С. 46–53.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I/II. – 412 с. – (МИА; № 18).

С.В. Колонцов, П.В. Карповская

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИАЭТ СО РАН)

Культурное наследие всегда служит фундаментом духовного развития поколений: без его сохранения и осмысления невозможна трансляция исторического опыта, что ведёт к потере национальной идентичности.

Важной частью отечественного культурного достояния являются археологические объекты и памятники, они хранят в себе ключ к пониманию исторических процессов, служат незаменимым источником для изучения материальной и реконструкции духовной культуры древних коллективов.

Реалии современности заставляют археологов уделять особое внимание взаимосвязи археологических исследований и экономического освоения регионов.

Благодаря исследованиям в зонах новостроек, к настоящему времени изучено огромное количество археологических объектов и памятников, накоплено множество археологического материала.

В этой связи особенно важным представляется изучение опыта российской археологии в проведении спасательных археологических исследований в зонах новостроек.

В Российской Федерации гарантируется сохранность объектов культурного наследия; их государственная охрана является одной из приоритетных задач органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления (преамбула Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», действующего в ред. от 18.10.2010 г.; далее – Закон № 73-ФЗ).

Проектирование и проведение землеустроительных, земляных, строительных, мелиоративных и иных работ допускается при отсутствии на данной территории объектов культурного наследия, включенных в реестр объектов культурного наследия, либо при обеспечении заказчиком работ требований к сохранности расположенных на данной территории объектов культурного наследия; финансирование мероприятий по сохранению объектов культурного наследия производится за счет заказчика таких работ (пп. 1, 4 ст. 36 Закона № 73-ФЗ). Земли ОАН отнесены к категории земель историко-культурного значения, используемых строго в соответствии с их целевым назначением, в том числе с возможным запретом любой хо-

зяйственной деятельности. Соблюдение требования сохранения ОАН – один из принципов законодательства о градостроительной деятельности (п. 10 ст. 2 Градостроительного кодекса РФ). В ст. 1 данного нормативного акта вводится понятие «зона охраны объектов культурного наследия», детализированное в Положении о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315, в ред. от 05.10.2010 г.). Зоны охраны устанавливаются в целях сохранности ОАН от прямого или косвенного негативного воздействия при осуществлении хозяйственной деятельности.

Законодательство предписывает проведение государственной историко-культурной экспертизы до начала проектных, землеустроительных, хозяйственных и иных видов работ, осуществление которых может оказать прямое или косвенное воздействие на объект культурного наследия (ст. 31 Закона № 73-ФЗ). Объектами экспертизы, в частности, являются: 1) объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия; 2) земельные участки, подлежащие хозяйственному освоению; 3) проекты зон охраны объектов культурного наследия; 4) документация, обосновывающая проведение работ по сохранению объектов культурного наследия (ст. 30 Закона № 73-ФЗ). Заключение экспертизы об отсутствии объектов культурного наследия является основанием для принятия уполномоченным органом по охране объектов культурного наследия решения о возможности проведения хозяйственных работ (ст. 32 Закона № 73-ФЗ).

Работы по сохранению ОАН выполняются на основании задания государственного органа по охране объектов культурного наследия (ст. 45 Закона № 73-ФЗ). После завершения спасательных археологических работ государственному органу по охране объектов культурного наследия предоставляется заключение (акт) об исследовании археологического объекта и отсутствии предмета охраны. Данное заключение служит основанием для согласования государственным органом по охране объектов культурного наследия выполнения строительных работ и хозяйственной деятельности на испрашиваемом участке.

Определяя объем исследований в зоне планируемого водохранилища, следует принимать во внимание, что утрачены будут не только те объекты, которые попадут непосредственно в зону затопления, но и те, которые будут находиться в зонах берегопереработки и берегообрушения, строительных работ, работ по лесоочистке и иных сопутствующих работ. Важно обратить внимание и на перспективное освоение территорий, прилегающих к водохранилищу. Принятие решения о том или ином подходе к исследованию объекта принимается на основе определения значимости объекта.

Соответственно спасательные археологические полевые работы производятся, как правило, на основании договора, в котором «археологическая сторона» выступает исполнителем. Если заказчиком является бюджетное учреждение, договор приобретает форму государственного (муниципального) контракта. В свою очередь, археологическое учреждение – в нашем

случае ИАЭТ СО РАН – заключает различные контракты с поставщиками товаров, исполнителями услуг, арендодателями имущества для обеспечения нужд экспедиций.

В течение нескольких десятилетий Институт археологии и этнографии СО РАН, также принимает участие в археологических разведках и спасательных раскопках объектов и памятников археологии при реализации крупных проектов хозяйственного освоения в Азиатской России – строительстве Бурейской, Зейской, Красноярской и Усть-Илимской ГЭС, строительстве автодорог и линий связи и электропередач, строительстве нефте- и газопроводов. Работа эта продолжается и сегодня.

Приказом директора Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук в октябре 2007 г. для выполнения археологических охранно-спасательных работ, на археологических объектах и памятниках в зоне затопления Богучанской ГЭС, (территория Красноярского края и Иркутской области) создана постоянно действующая Богучанская археологическая экспедиция.

Предварительное археологическое обследование всей зоны затопления ложа водохранилища, включающее полный комплекс разведочных работ, определенных Инструкцией отдела полевых исследований Института археологии РАН, проведено в 2007–2008 гг. Охранно-спасательные археологические работы 2008 – 2010 гг. призваны максимально полно изучить памятники археологии, расположенные в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС, и дать рекомендации об их перспективах, включая возможность затопления этих объектов.

Богучанская археологическая экспедиция начала свою работу в 2007 году разведок в зоне затопления БоГЭС (Красноярский край и Иркутская область).

В 2008 году разведки продолжены, а также были проведены и охранно-спасательные раскопки, в которых участвовало 24 полевых отряда, общей численностью 500 человек.

В 2009 году охранно - спасательные археологические раскопки в Кежемском районе Красноярского края и в Усть-Илимском районе Иркутской области осуществляли 29 экспедиционных отрядов, а общая численность личного состава экспедиции достигла 752 человек.

В 2010 году в работе экспедиции приняли участие 31 полевой археологический отряд, работавшие в Кежемском районе Красноярского края и в Усть-Илимском районе Иркутской области, численностью - 980 человек.

Значительный масштаб проводимых полевых археологических работ в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС потребовал, не только создания и развития научно-организационной и материально-технической базы для проведения научных исследований, но и разработки пакета документов по научно-методическому и правовому обеспечению работы Богучанской археологической экспедиции.

Пакет документов, регламентирующих работу БАЭ, включает следующее: 1) договор о выполнении САПР между заказчиком и ИАЭТ СО РАН; 2) Положение о Богучанской археологической экспедиции, включающее как приложение Регламент работы начальника отряда; 3) Правила безопасности при проведении полевых экспедиционных работ; 4) приказ об утверждении Положения и Правил на очередной период, о количестве отрядов, назначении начальника экспедиции, его заместителей, начальников отрядов и их заместителей; 5) разрешения (открытые листы) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия; 6) утвержденные приказом технические задания на САПР каждому отряду; 7) доверенности лицам, указанным в 4; 8) договоры о материальной ответственности с начальниками отрядов; 9) типовой договор подряда с физическими лицами, работающими в отряде; 10) документация к контрактам с поставщиками и подрядчиками, предусмотренная законодательством о поставке товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных нужд.

В целях проведения спасательных археологических полевых работ в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции было разработано и утверждено Положение о Богучанской археологической экспедиции, регламентирующее научные цели и задачи деятельности, структуру экспедиции, компетенцию начальника экспедиции, его заместителей, начальников и заместителей экспедиционных отрядов и порядок организации работы экспедиции.

Утверждены Правила безопасности при проведении полевых экспедиционных работ включающие разделы:

- соблюдение охраны труда при организации полевых экспедиционных работ;
- обязанности и ответственность руководителей экспедиций за безопасную организацию и проведение работ;
- меры пожарной безопасности в лагере;
- требования охраны труда при использовании автотранспортных средств;
- требования охраны труда при использовании средств речного транспорта;
- требования охраны труда при ведении земляных работ;
- меры безопасности на воде.

Для успешного проведения спасательных археологических полевых работ в зоне затопления Богучанской гидроэлектростанции, было разработано и выдано каждому начальнику экспедиционного отряда техническое задание на спасательные археологические исследования (раскопки) и рекогносцировочные раскопки в зоне затопления БОГЭС, с учетом культурной принадлежности, глубины и характера залегания культурного слоя, временной принадлежности и других особенностей каждого археологического объекта и памятника попадающего в зону затопления.

Техническое задание включает:

- информацию о Заказчике и Исполнителе;
- правовое обоснование для выполнения спасательных археологических исследований (раскопок);
- цель, задачи, сроки и объемы спасательных археологических исследований на том или ином археологическом объекте (памятнике):
- содержание, состав и перечень основных спасательных археологических работ;
- научно–методические требования к проведению охранно-спасательных археологических раскопок в соответствии с действующей нормативной базой и инструкциями о порядке проведения данного вида работ;
- требования к подготовке финансового отчета;
- требования к подготовке, составлению и оформлению научно-технического и научного отчетов о проделанной работе;
- требования к безопасности выполняемых работ.

Для решения текущих вопросов перевозок персонала и грузов экспедиции, снабжения, складского хранения и учета, технического обслуживания оборудования и научно-методического руководства спасательными археологическими работами в 2009 - 2010 гг. в работе Богучанской археологической экспедиция принимал участие отряд организационно-методического обеспечения.

Участие в работе Богучанской археологической экспедиция отряда организационно-методического обеспечения позволило снять часть организационных задач с начальников экспедиционных отрядов и уделять им больше внимания научной организации спасательных археологических раскопок, а также способствовало более спокойной работе полевых отрядов, разбросанных на значительном протяжении течения р. Ангары.

Уровень научно-методического и правового обеспечения спасательных археологических работ в зоне, подлежащей затоплению при строительстве Богучанской ГЭС, позволяет проводить данные работы на высоком научном уровне с должным экономическим эффектом и соблюдением всех требований комплексного законодательства об охране объектов археологического наследия.

Д.Г. Коровушкин, И.В. Чернова

ИТОГИ РАБОТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2010 ГОДУ

Кежемский район Красноярского края и собственно село Кежма на протяжении многих десятилетий привлекали внимание исследователей – не только археологов, но и этнографов, филологов и культурологов. Интересен он своими жителями, их говором и бытом, всей, без малого четырёхсотлетней, историей.

В связи с грядущим окончанием строительства Богучанской ГЭС и затоплением ложа ее водохранилища вопрос этнографического изучения остатков некогда многочисленного населения, его хозяйственных и бытовых традиций, приобрел особую остроту. Наряду со спасательной археологией в зону затопления пришла и спасательная этнография, призванная зафиксировать оставшиеся явления уходящей кежемской этнографической действительности, стремительно исчезающей на наших глазах.

За время экспедиции была проведена работа в селах Кежма, Болтурино, Паново и Проспихино, в ходе которой собирались полевые материалы по истории населенных пунктов, хозяйству и верованиям, бытовавшим у населения данных территорий. Кроме того, проводилась работа по сбору и описанию предметов культуры и быта.

Если говорить о тематической классификации материалов, то следует отметить, что наиболее обширный массив информации касается хозяйственных занятий населения (охота, рыболовство, пища, частично народные знания, предметы быта: утварь, орудия труда), далее идут материалы, освещающие верования (колдуны, народные знания, представления, связанные с погребальным обрядом) и историю населенных пунктов (история села, история населения, взаимоотношения между разными группами внутри населенных пунктов). Особняком стоят материалы, посвященные ситуации переезда и прощания с Ангарой.

Коллекция предметов быта насчитывает более 150 предметов, собранных, в основном, в селах Кежма, Паново и Проспихино. К сожалению, часть из них не полностью атрибутирована, т.к. они были обнаружены на подворьях заброшенных домов. Однако, при соотнесении их с полевыми материалами, есть возможность чётко идентифицировать их этническую принадлежность и хронологическую привязку бытования.

Полученные этнографические материалы показывают, что Кежма и Кежемский район воспринимается местными жителями в качестве своего рода

центра, границы между территориями, расположенными выше и ниже по течению. Многие из опрошенных нами «кежмарей» высказывались следующим образом по этому поводу: «А вообще, есть у нас «верховские» и «низовские». Верховские – это те, что жили выше по течению Ангары от Кежмы, а низовские – вниз по течению Ангары. Верховские считались, что ли, «лучше». Иногда верховских называли «верхними», а низовских «нижними»: «Верхние они более гостеприимные, вот мама моя, помню, говорила: «Человеку много не надо, хлеба, крышу да чаю». У нас можно было безо всего приехать – накормят, напоят и еще в дорогу дадут. А нижние даже чаю не нальют».

Кежмари стоят особняком среди ангарского населения, о них отзываются почти всегда уважительно. Население других населенных пунктов отмечает хозяйственную смекалку и любовь к порядку кежмарей. Кроме того, фиксируется их сплоченность между собой, которая видна даже в быту. Приведем для например воспоминания Нелли Зоновой, главного редактора газеты «Советское Приангарье», которая некоторое время жила в Кежме: «вообще, кежмари, конечно, отличаются от остальных, даже в быту. Вот, например, пригласили меня на праздник родственники мужа, приехали мы, а у них большой длинный такой стол накрыт, а там много-много мисок. В них все отдельно лежит – рыжики соленые отдельно, огурцы – отдельно, рыба – отдельно, картошка – отдельно. Только вилки лежат на столе. Каждый берет вилкой, что ему надо, да в рот тянет. А я сижу, мне как-то неудобно. Хозяйка заметила это и принесла мне тарелку, так я одна с тарелкой и сидела… В Кежме хозяйки смотрели друг на друга, очень ценилась чистота. В любое время года белье полоскали на реке. Особенно зимой, обязательно ходили на прорубь, а потом белье вывешивали на самом видном месте во дворе, чтоб соседи видели какое оно белое».

Помимо кежмарей встретилось нам и еще одно обозначение ангарских жителей – «макчоны» (мокчоны). Самим ангарцам обозначение «макчон» не нравится, они считают его пренебрежительным и оскорбительным. «Макчон» в переводе с эвенкийского – пескарь, который в изобилии водился вдоль берега Ангары.

Но традиционно именно кежмари поражали своей непохожестью, необычностью во всем: в языке, культуре и быте. Филологи и активисты зафиксировали особый ангарский говор [Новоселова, 1991; Самотик, 2001]. Отмечают его отличие от других и сами местные жители: «В Кежме говор был «тянучий». Бабушка моя ругалась раньше: «Ты куды пошла к лешаку?», или если я куда-то не туда залазила, то она говорила: «Ты почево там залезла?» («почево» – зачем? куда?)».

Собранные материалы в очередной раз подтверждают тезис о превалировании северо-русского типа культуры у русского населения на данных территориях, что отражается как в традициях домостроительства (высокие избы с подклетью, наличники, украшения и т.п.), так и в говоре, представлениях и верованиях [Быт и искусство…, 1971; Сабурова, 1967].

В силу схожих природных условий население данных территорий объединяет хозяйственный комплекс, характеризующийся важной ролью рыболовства и охоты в хозяйстве. Охотились здесь в основном на соболя, сохатого, белку, был подледный лов. Ставили ловушки, добывали щуку, ельцов и другую рыбу. Нередко рыбачили с острогой – лучили рыбу. Широко распространены были самоловы. Ангарцы четко держались своих промысловых территорий, нельзя было заходить на чужую территорию, а уж тем более нельзя было охотиться. За это наказывали, могли даже убить. Но могли и по-другому страшно наказать, например, снять и украсть дымовую трубу в охотничьем домике на твоей территории.

В пищевом рационе большой популярностью пользовалась рыба, особенно «рыба с душком», или «рыба-медовуха», как зовут ее в здешних местах (здесь конечно, не обошлось и без влияния аборигенного населения – эвенков, – на традиционную кухню русского населения региона). Заготавливали ее и на зиму – «солили в кадушках». Некоторые жители, даже переехав в город, пытаются приготовить «рыбу с душком», правда, «чтоб соседи не видели». Зимой из рыбы с душком делали подобие строганины.

Природно-географические условия повлияли и на поселения в данной местности. Основу составил приречный тип заселения, при котором населенные пункты располагались вдоль реки. Яркое доказательство тому – Кежма, вытянувшаяся вдоль Ангары примерно на 7 км. Кроме того, близость реки не могла не проявиться и в народных верованиях, например, в бытовании рассказов о русалках. Приведем один из них: «Однажды в Усольцевой (быв. д. Усольцево) вышел на берег мужчина, один пошел да перепугался. Прибежал, говорит: «Я видел русалку… Пошел я на Ангару, там на берегу бревно большое лежало, а она сидела на одном конце бревна и расчесывала волосы. Волосы у нее длинные, до другого конца бревна были они. Он когда зашумел в кустах, она испугалась и исчезла». Вскоре мужик тот женился, а у жены у его были длинные волосы. Может и знак это был. А русалок у нас называли волхитками. Мне бабушка раньше говорила, когда я ходила по дому с не расчесанными волосами: «Чё ходишь, как волхитка!?»».

Близость тайги фиксировалась уже на уровне языка, его образ прочно вошел в народный обиход, и даже превратился в широко распространенное ругательство: «А, чтоб тебя лешак увел». Кроме того, нестабильность таких видов хозяйства, как собирательство и охота, способствовали бытованию большого количества суеверий, связанных с опаской хвастовства добычей: «Кежмари никогда не хвастались добычей и места ягодные, рыбные или охотничьи не показывали никому, так-то они не жадные, сами наберут да тебя угостят, но чтобы показать – никому. Сглазить боялись. Спросишь у кежмаря: “Ну как улов?” или “Как добыча?”. Он никогда не скажет хорошо, а скажет: “В этом году-то как-то не очень, вот в прошлом году хорошая была”, на следующий год опять то же самое скажет».

Помимо воспоминаний о прошлом, была собрана информация и о современных жизненных реалиях. Наибольший резонанс вызывает вопрос об

отношении к такой важной части традиционной культуры, как перезахоронение погребений родственников. Многие жители категорически против данного процесса, особенно, люди пожилого возраста. Часть из них предлагает все могилы оставить как есть и не трогать, а часть предлагает залить их бетоном, «чтоб из-под воды покойники не всплыли».

К сожалению, ограниченный формат сообщения не позволяет детально проанализировать все собранные материалы, которые в части исследования традиционной культуры подтверждают выводы, сделанные в ходе более ранних изысканий сотрудниками местных научно-исследовательских организаций, о том, что данные территории – это место проживания старожильческих групп населения, в культуре которых сильно влияние природно-географических условий, с одной стороны, и аборигенных групп – с другой. Территория Кежемского района – это место компактного проживания достаточно замкнутой группы кежмарей, близких к поморам, а также немцев (Паново) и украинцев (Проспихино), которые в ходе постоянного взаимодействия оказывают влияние друг на друга. На наш взгляд, требуется более тщательное изучение современных реалий в части отношения к ситуации переезда и трансформации традиционной культуры, а также механизмов ее сохранения и передачи.

Список литературы

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири / отв. ред. И.В. Маковецкий, Г.С. Маслова. – Новосибирск: Наука, 1971. – Ч. I: Приангарье. – 192 с.

Новоселова Н.А. Локальные черты устно-поэтической традиции Приангарья // Фольклор: Песенное наследие. – М.: Наука, 1991. – С. 132–145.

Сабурова Л.М. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX в.). – Л.: Наука, 1967. – 279 с.

Самотик Л.Г. Русский язык на Среднем Енисее // Науч. ежегодник Краснояр. гос. пед. ун-та. – Красноярск, 2001. – Вып. 2, т. 1. – С. 207–225.

Е.Н. Кукса

ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УСТЬ-КОВИНСКОГО КОМПЛЕКСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2010 ГОДУ)

В ходе охранно-спасательных археологических работ, проводимых в 2010 году на стоянках Усть-Кова I и Усть-Кова I, пункт 2, было обнаружено свыше двадцати четырех тысяч артефактов, среди которых – два предмета мобильного искусства, относящихся к категории орнитоморфных скульптурных изображений.

Оба предмета были зафиксированы в пахотном горизонте современного почвенного комплекса, вмещающего первые культурные слои обоих памятников и содержащие археологические материалы от каменного века до русского времени, включая инвентарь эпох раннего железного века, средневековья и этнографии. В обоих случаях, археологический контекст залегания находок был утрачен.

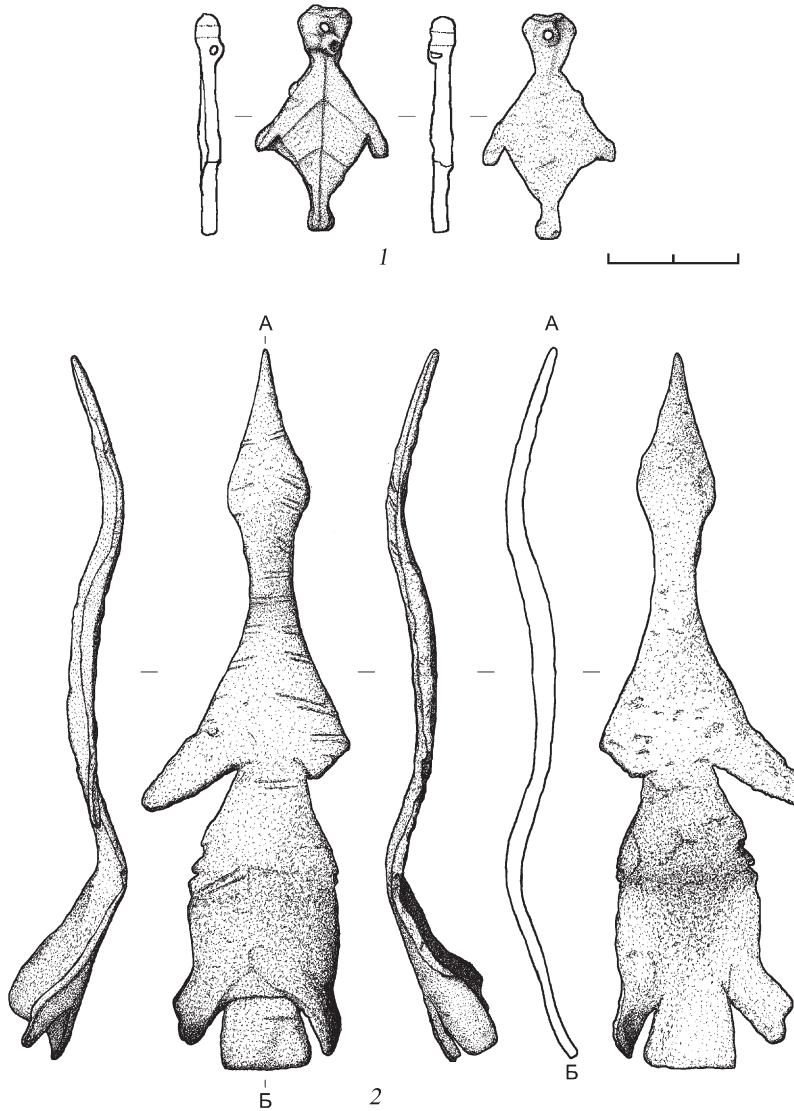
Изделие №1 (см. *рисунок, 1*), обнаруженное на стоянке Усть-Кова I, пункт 2 представляет собой орнитоморфное (антропоморфное?) изображение, выполненное из белого серебристого сплава (серебро?). Размеры изделия: 3,5х2,05х0,4 (0,25) см.

Тулово симметричной фигурки имеет ромбическую форму, верхние рудиментарные конечности опущены вниз по линии верхней части тулова. Головная часть – подтреугольной формы со срезанными углами; с двумя цилиндрическими отверстиями диаметром до одного миллиметра, перекрестно направленными по профилю и по фасу фигурки. Нижняя часть фигурки (хвост ?) представляет собой небольшое подтреугольное уширение.

Изделие выполнено в технике плоского литья в песчано-глиняной открытой форме, вероятней всего, с формовкой по деревянной (?) модели с последующей прорисовкой скелетовидного орнамента лицевой поверхности в форме. Дальнейшая обработка поверхности отливки не производилась, о чем свидетельствуют сохранившиеся остатки облоя.

Отверстия в головной части изделия получены непосредственно в процессе литья, о чем свидетельствуют характерные валикообразные приливы по обоим фасам отверстий. Одним из способов получения такого рода отверстий может быть помещение в форму металлического стержня соответствующего диаметра.

Определение культурно-хронологической принадлежности изделия представляется затруднительным, в связи с отсутствием точных аналогий. С одной стороны, иконографический контекст изображения близок к



Предметы мобильного искусства Усть-Ковинского комплекса.
1 – стоянка Усть-Кова I, пункт 2; *2* – стоянка Усть-Кова I.

некоторым петроглифам Ангары эпохи бронзы [Заика, 2003, 2005]. С другой стороны, сочетание антропоморфных и орнитоморфных черт, характер орнаментации, технология производства указывают на Западную Сибирь эпохи раннего железного века — средневековья [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980; Молодин, Равнушкин, 1978; Косарев, 1984; Троицкая, Новиков, 2004].

Изделие № 2 (см. *рисунок, 2*), обнаруженное на стоянке Усть-Кова I, представляет собой изображение летящей гагары, выполненное из железа. Размеры изделия: длина – 11,05 см, ширина – 3,3 (предполагаемая ширина изделия в целом виде 4 см), толщина – 0,2-0,4 см.

Голова ромбическая, слабовогнутая в профиле, с хорошо выраженным приостренным клювом, плавно сопряженная с шеей. Шея и грудной отдел утолщенные, слабовыгнутые. Крылья небольшие, подтреугольной формы (одно не сохранилось). Задняя часть туловища сильно вогнута, образуя ложковидное углубление. Лапки близко расположены к хвосту и отогнуты вниз. Хвост с небольшим расширением, задняя кромка прямая, непрофилированная.

Фигура вырублена из металлической полосы, ковкой выполнено утолщение в области шеи и приострение клюва.

Верхняя сторона изделия несет следы плохо сохранившейся орнаментации в виде парных параллельных насечек, частично покрывающих заднюю часть фигурки и полностью – голову и грудной отдел.

Интерпретация изделия в качестве подвески к шаманскому костюму не вызывает сомнений. Подобные же предметы были широко распространены в качестве атрибута шаманского костюма и использовались в культовой практике эвенков, якутов, долган, нганасан, кетов, манси и ряда других народов Северной Евразии [Иванов, 1970; Прокофьева, 1971].

Предположительно, данная подвеска крепилась к шаманскому костюму шейным и хвостовым отделами, а под ложковидной выемкой мог располагаться другой (валикообразный) элемент костюма.

Культурно-хронологическая интерпретация основывается на двух составляющих. Во-первых, основную массу коренного населения на территории Северного Приангарья вплоть до первой четверти XX века составляли эвенки (тунгусы) [Василевич, 1969; Белоусова, 2007]. Во-вторых, техника исполнения и орнаментация фигурки свидетельствует, что она была изготовлена в период утраты коренным населением навыков кузнечного ремесла вследствие массовой колонизации бассейна Ангары русским населением (устное сообщение М.С. Баташева). Следовательно, датировка данного предмета возможна в пределах середины XVIII – начала XX вв., а определение этнокультурной принадлежности находки с большой долей вероятности должно быть решено в пользу эвенкийской версии.

Список литературы

Белоусова Г.Г. О взаимоотношениях русского и эвенкийского населения на территории Кежемского района // Страницы истории земли кежемской. – Красноярск: Бизнеспрессинформ, 2007 г. – С. 43–67.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.

Заика А.Л. Вопросы семантики и хронологии антропоморфных изображений в виде личин (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2001. – Вып. 2. – С. 48–58.

Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2005. – Вып. 4. – С. – 96–109.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX века. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Молодин В.И., Равнушкин В.Н. Новые находки кулайского облика из Айдашинской пещеры // Ранний железный век Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 43–50.

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. – Л.: Наука, 1971. – С. 5–100.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: Учебное пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ун-т: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 136 с.

В.П. Леонтьев, А.С. Вдовин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В 2010 ГОДУ

Летом 2010 года отрядами археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН, совместно с КГПУ им. В.П. Астафьева были продолжены исследования на стоянке Усть-Кова, в Северном Приангарье.

Многослойная стоянка Усть-Кова находится в зоне будущего водохранилища строящейся Богучанской ГЭС, является объектом археологического наследия, стоящим на государственной охране. В хронологическом отношении памятник датируется эпохой палеолита – железного века – средневековья.

Стоянка расположена на второй надпойменной левобережной террасе р. Ангары, между Ковинской шиверой и устьем р. Ковы.

Высота террасы в районе стоянки достигает 14 – 17 метров, ширины 0,4 км. Выше по течению р. Ангары терраса постепенно сужается и выклинивается, а ниже по течению соединяется со второй надпойменной террасой р. Ковы, которая тянется вдоль правого берега реки на расстоянии до 1,5 км.

Поверхность второй террасы первично неровная, в притыловой ее части, примыкающей к крутому (20 - 30 градусов) коренному склону горы Седло, наблюдается узкий (0,1 - 0,2 км) террасоувал.

Отметка высоты, к которой приурочен памятник – 160 м (минимальная), 180 м (максимальная). Координаты: 58°17’56.28 с.ш., 100°19’21.65” в.д.

Впервые стоянка Усть-Кова была открыта и осмотрена в 1937 г. А.П. Окладниковым во время разведочных работ на р. Ангаре. Вторично стоянка была обследована в 1969 г. археологической экспедицией Иркутского государственного университета под руководством Г.И. Медведева.

С 1976 г. по настоящее время в устье р. Ковы археологическими экспедициями Лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАиЭ СО РАН и Красноярского государственного педагогического института (с 1993 г. - университета) под руководством Н.И. Дроздова проводятся совместные исследования.

В 2008 г. изучение памятника проводили д.и.н. Г.И. Медведев, к. и. н. Е.А. Липнина, научный сотрудник Е.О. Роговской.

В 2009 г. охранно-спасательные археологические раскопки на стоянке Усть-Кова проводились отрядами под руководством В.П. Леонтьева и Е. В.Артемьева.

В 2010 году в западной, приустьевой части стоянки, на второй ангарской террасы был заложен раскоп площадью 560 м.кв. в котором выявлены и изучены три культурных слоя, относящиеся к различным хронологическим эпохам.

Первый культурный слой обнаружен под почвенно-растительным слоем в пачке буровато-серой супеси, на глубине 0,20 - 0,45 м от современной дневной поверхности. Археологический материал культурного слоя датируется эпохой железного века - средневековья (I тыс. до н. э. - XV век н. э.).

Стратиграфическое наблюдение позволяет предполагать, что культурный слой на отдельных участках площади раскопа был нарушен перекопами в процессе хозяйственной деятельности населения деревни в прошлом веке. Древних кострищ, очажных пятен, следов каких бы то ни было сооружений, на раскапываемой площади, в слое не обнаружено.

Археологический материал представлен: железными черешковыми ножами, теслами, фрагментами не орнаментированной толстостенной керамики, фрагментами венчиков и тулов керамических сосудов, украшенных рассеченными налепными валиками и оттисками плоского и овального штампа, прочерченными широкими линиями.

Железные ножи представлены двумя целыми экземплярами. Клинки изделий имеют прямой обушок, двухстороннюю заточку и отделены от насада глубоким плавным уступом и выемкой. Подобные изделия в эпоху железного века на территории Северного Приангарья имел довольно широкое распространение, и были зафиксированы ранее на стоянках Пашино и Чадобец [Гладилин, 1985].

Железные тесла удлиненной формы с разомкнутым насадом и прямым клинком с односторонней заточкой в разные годы были обнаружены в погребениях и ритуальных захоронениях вещей на стоянке Усть-Кова [Дроздов, Чеха, Лаухин и др., 1990].

Из керамической коллекции первого культурного слоя наибольший интерес представляет скопление фрагментов круглодонного сосуда открытой формы на коническом поддоне.

Венчик сосуда с внешней стороны утолщен трапециевидным налепом, орнаментированным четырьмя рядами оттисков вертикального плоского штампа. Верхний срез венчика украшен двумя парным и двумя одиночным вертикальными треугольными налепами с оттисками того же штампа, расположенными друг напротив друга. Орнаментальная композиция на тулове сосуда выполнена двумя параллельными прочерченными линиями шириной 1см. каждая. Пересекаясь между собой, линии образуют геометрические фигуры в виде ромбов и треугольников. Диаметр сосуда по венчику – 18см., диаметр поддона – 9см., толщина стенок сосуда 0,3см. Следует отметить, что фрагменты аналогичного сосуда на коническом поддоне, был найдены ранее в одном из ритуальных захоронений стоянки Усть-Кова. Внутри этого сосуда были обнаружены фрагменты костяных трехгранных и ромбических в сечении наконечников стрел и костяной на-

кладки лука с гравировкой. Все изделия носили следы пребывания в огне [Хроностратиграфия…, 1990].

В этом же слое обнаружены орнаментированные фрагменты миниатюрного керамического сосуда. Профилированный венчик изделия имеет отогнутый наружу верхний край, украшенный двумя рядами наклонных оттисков плоского штампа. Плечики сосуда орнаментированы горизонтальным поясом вертикальных вдавлений этого же штампа, вниз от которого нанесен орнамент в виде вертикальных полос, образованных этим же штампом. Диаметр сосуда по венчику – 5см.

Второй культурный слой, относящийся к эпохе неолита, зафиксирован в толще коричневой супеси на глубине 0,40 – 0,70-0,85 м от современной дневной поверхности.

Среди изделий из камня наконечники стрел, ножи, призматические и конические нуклеусы, концевые, боковые и комбинированные скребки, обломки тесел, наконечники дротиков, пластины, заготовка массивного топора, отбойники и отщепы.

Керамический комплекс второго слоя, представлен фрагментами черепков с оттисками «сетки-плетенки», личиночными и ямочными вдавлениями. В одном из скоплений керамики были обнаружены фрагменты круглодонного керамического сосуда с ушками открытой формы. Стенки сосуда слегка заужены к венчику, косо срезанному вовнутрь и орнаментированному наклонными оттисками овального штампа, ниже которых, с внутренней стороны расположен ряд округлых вдавлений, образовавших на внешне поверхности сосуда «жемчужины». Ниже «жемчужин», орнаментальную композицию дополняют наклонные линии, образующие треугольники, выполненные узкой отступающей лопаткой. Верхние ушки сосуда расположены в 2,5 см. ниже верхнего края венчика, между ушками нанесен орнамент из трех горизонтальных рядов, образованных круглыми вдавлениями. Орнаментальную композицию этой части сосуда завершают два перекрещенные линии, нанесенные по тулову сосуда от верхних ушек к придонной части сосуда, где находится нижнее ушко. Высота сосуда – 15см., диаметр по венчику – 10см., толщина стенок сосуда – 0,4см. Необходимо отметить, что сосуды с ушками, находимые на стоянке ранее отличаются от настоящего изделия своими размерами, они более массивны, скупо орнаментированы, имели толстые стенки, верхние ушки, как правило, располагались у среза венчика.

Третий культурный слой, относящий к эпохе палеолита, приурочен к трем литологически разнородным отложениям: коричневому суглинку (глубина 0,80 - 1,50 м от дневной поверхности) – поздний комплекс артефактов; карбонатизированному суглинку (глубина 0,80 – 1,75 м от дневной поверхности) – средний комплекс артефактов; гумусированной почве (глубина до 3 м от дневной поверхности) – ранний комплекс артефактов.

Рельеф культурного слоя характеризуется криогенными деформациями, осложнен солифлюкцией и мерзлотным растрескиванием, которое приве-

ло к образованию на поверхности слоя полигональных (мерзлотобойных) трещин шириной до 1,4 м и глубиной до 1,5 – 2м.

Каменный инвентарь и фаунистические остатки фиксируются только по бортам мерзлотобойных трещин в виде скоплений и отдельных находок.

Кострищ или очагов, скоплений углей на всей площади раскопа не зафиксировано. Каменный инвентарь, в целом является «традиционным» для палеолитических слоев данной стоянки и представлен: нуклеусами торцевыми, бессистемного принципа снятия, а также дисковидными нуклеусами радиального принципа расщепления. Орудийный набор состоит из скребел, концевых и боковых скребков, долотовидных орудий, обломка каменного ножа. Основную массу каменного инвентаря составляют отщепы и сколы.

На площади раскопа по бортам мерзлотобойных трещин зафиксированы фаунистические скопления представленные остатками костей и бивней мамонта. Фрагментов рога и бивня мамона со следами обработки не обнаружено.

Слабая насыщенность слоя на данном участке памятника, отсутствие очажных пятен может свидетельствовать о периферийном участке стоянки.

Список литературы

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167–180.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (Бассейн Енисея) (экскурсия № 2): путеводитель Междунар. симпоз. «Хроностратиграфия палеолита Сев., Центр., Вост. Азии и Америки (палеоэкол. аспект))» / Дроздов Н.И. и др. – Новосибирск: [б.и.], 1990. – 183 с.

Е.А. Липнина, Д.Н. Лохов, Г.И. Медведев,
В.М. Новосельцева, Е.О. Роговской

РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ УСТЬ-ЁДАРМА I–III В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС В 2010 ГОДУ

В августе-сентябре 2010 г. в зоне затопления будущего Богучанского водохранилища на территории Усть-Илимского района Иркутской области были продолжены спасательные археологические работы на трех многослойных геоархеологических местонахождениях Усть-Ёдарма I-III, входящих в состав Ёдарминской геоархеологической площади.

Работы выполнялись четырьмя отрядами Лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН. Общее научное руководство осуществлял зам. начальника Богучанской археологической экспедиции по Иркутской области д.и.н., профессор Г.И. Медведев. Раскопки явились продолжением спасательных работ 2009 г. [Лохов, 2009а; Лохов, 2009б; Лохов, 2009в; Лохов, 2010].

Река Ёдарма является левым притоком р. Ангары. Местонахождение Усть-Ёдарма I расположено на левом приустьевом участке р. Ёдарма с абсолютными отметками 188-196 м (от Уровня Мирового Океана) и относительными – 3-12 м (от уреза Ангары). По результатам рекогносцировочных работ 2007 года в предварительных границах площадь ОАН Усть-Ёдарма I к началу работ 2009 года составляла 441 000 м^2. В территорию ОАН Усть-Ёдарма I входили три различные по гипсометрии террасовидные пологие безлесные поверхности, являвшиеся до недавнего времени пахотными угодьями д. Ёдарма. Сообразно геоморфологическим позициям территория объекта в 2009 г. была подразделена на три сектора: восточный, западный и южный.

При спасательных работах 2010 года был заложен раскоп 3, площадью 314 м^2 соединивший ранее исследованные площади в раскопах 1 и 2. Как и в 2009 г. ориентация раскопа была: север-юг, при строгом совпадении стенок со сторонами света.

Всего было вскрыто 13 пикетов в пикетной сетке: 295, 296, 275, 276, 255, 256, 235, 236, 215, 195, 176, 197, 217. Общая вскрытая площадь на местонахождении Усть-Ёдарма I составила 314м^2.

Раскопочными работами 2010 г. на местонахождении Усть-Ёдарма I, зафиксировано 6 уровней отложения культурных остатков. По предварительной оценке в 6 уровне позднекаргинских палеопочв (30 – 28 тыс. л.н.) зафиксирована плейстоценовая фауна, 5 уровень определяется ранним этапом эпохи бронзы – финальной стадией неолитического периода (3 - 2 тысяче-

летие до н.э.) Четвертый и третий уровни культуры могут соответствовать различным этапам эпохи бронзы (2 – 1 тысячелетие до н.э.). Два верхних уровня, вероятно, относятся к раннему железному веку и, возможно, периоду этнографической современности.

Во всех уровнях суммарно зафиксировано 11 кострищ, и несколько плотных скоплений, как керамики, так и камня.

По предварительным подсчетам коллекция собранного археологического материала насчитывает 2834 предмета из камня, керамики, металла и остатков фауны.

Геоархеологический объект Усть-Ёдарма II находится на правобережном приустьевом мысу, обращенном своим острием – стрелкой точно на север. Практически весь мыс, кроме самой его конечности, подвергнут современному антропогенному воздействию, которое насчитывает уже более 300 лет, тем самым сформировав ископаемый деревенский слой. Здесь в 2010 г. была заложена 2-я очередь раскопа спасательных работ с тремя контрольными траншеями – двумя поперечными и продольной относительно ангарского берега, площадью 1 500 м^2; один шурф № 7 (3 х 3 м) – 9 м^2. Общая вскрытая площадь на объекте в полевом сезоне 2010 г. составила 1509 м^2, из них 390 м^2 были пройдены на всю глубину залегания культуросодержащих уровней (2,8-3 м), в юго-юго-восточном углу раскопа шурфом 2 х 2 м на глубину 4 м, остальные 1 110 м^2 на глубину 0,7 м. В раскопе были вскрыты две толщи геологических образований: 1) позднего голоцена (Hl_2) – 1.10-1.30 м и 2) раннего голоцена (Hl_1) – 1.90 – 1.70 м. В толщах зафиксированы 9 уровней отложения ископаемой культуры. В слое бурого суглинка (глубине залегания 2,20-2,40 м), подстилающего 9 уровень культуры, были зафиксированы остатки костей млекопитающих, позволившие выделить десятый уровень. По предварительным данным суглинок маркирует границу плейстоцен-голоцена. Археологические предметы здесь пока не фиксированы.

Археологический материал зачищался по площади во всех 9 уровнях вскрытия и фиксировался пятнами скоплений и сосредоточениями вокруг «архитектурных единиц» - кострищ с обкладками и каменных выкладок. Общее количество учтенных артефактов из раскопа составило 12 543 единицы. В составе археологической коллекции представлены: фрагменты керамических сосудов, изделия из камня, дебитажи литопроизводства, изделия из кости и рога и их фрагменты, костные остатки ихтиофауны, авиафауны и териофауны. Уникальными можно считать находки двух скульптурных изделий, интерпретированных условно как голова лося, выполненная из рога (6 уровень), и фрагмент головы медведя из кости. В коллекции присутствует и фрагмент кости птицы с проделанным отверстием в районе эпифиза.

Во всех уровнях суммарно зафиксировано 52 кострища, часть которых сопровождалась искусственными обкладками.

IX уровень культуры предварительно был отнесен ко времени позднего мезолита – раннего неолита (8 тыс. лет). Для VIII, VII, VI и V уровней были получены радиоуглеродные даты, маркирующие эти уровни разными эта-

пами эпохи неолита: 5380±80 лет (СОАН-8097) - V уровень; 5945±100 лет (СОАН-8094) и 6090±110 лет (СОАН-8099) – VI уровень; 6705±85 лет (СОАН-8095) и 6780±95 лет (СОАН-8098) – VII уровень; 7725±85 лет (СОАН-8096) – VIII уровень. IV уровень определен переходным от эпохи неолита к раннему бронзовому веку (5-4 тыс. лет). Третий уровень был датирован эпохой бронзового века (4-3 тыс. лет). Два верхних уровня отнесены соответственно к раннему железному веку – раннее средневековье (2,5 тыс. лет – XVII в.). Также был зафиксирован деревенский (0) уровень, содержащий в себе культурные остатки от жизнедеятельности первого русского и местного аборигенного населения XVIII-XX веков.

Местонахождение Усть-Ёдарма III находится на южной окраине д. Ёдарма, в 270 м выше по течению от места впадения реки в р. Ангару, на выположенной, низкой платообразной поверхности с превышением летней межени р. Ангары (185,6 м) до 21-22 м – 206-207 м УМО. Здесь был трассирован раскоп, общей площадью 982 м^2 и рекогносцировочная выработка (врезка) на краю скального уступа на отметке 207 м УМО площадью 12 м^2. Глубина прохождения поисковых выработок в раскопе и врезкой – 0,7-2,5 м. Коренные породы читаются на глубине 0,5-2,5 м. Общее количество учтенных артефактов из раскопа - 1647 единиц, в рекогносцировочном раскопе археологического материала не зафиксировано.

В трассированном раскопе рыхлые отложения плейстоцен-голоценового времени чрезвычайно маломощны и нигде не превышают 1 м. Они представлены суглинками среднего и тяжелого типа, под которыми без переходов читаются сильно деформированные отложения древних кор выветривания, находящиеся между собой в различных сочетаниях переотложений.

В раскопе всего зафиксировано 3 культуросодержащих уровня залегания археологического материала. Первый уровень зафиксирован в остатках фрагментарно сохранившейся голоценовой светло-бурой подзолистой почвы, в планиграфии представлен фрагментами, пятнами, карманами. Возможно, материал был распространен по всей палеоповерхности, но по большей части площади был уничтожен перепашкой. Предварительно уровень отнесен к эпохе неолита.

II уровень был зафиксирован на глубине 30-80 см от дневной поверхности в слое светло-бурого суглинка, содержащего галечно-гравийный материал, в прослое которого и были зафиксированы артефакты и фаунистические остатки. Археологический материал, включенный в рыхлые отложения, был затянут в криогенные трещины. Археологический материал второго уровня переотложен в результате флювиально-делювиальных процессов. Зафиксированная часть артефактов имеет следы эоловой дефляции разных степеней, большая часть – некоррадированные артефакты, многие каменные артефакты – патинизированы. На основании выделенных двух степеней эоловой корразии археологического материала, а, также учитывая, что часть материала вообще не имеет следов эоловой корразии на поверхности, предварительно можно сказать, что археологический материал 2 уровня

разновозрастной и имеет как минимум три хроногенерации. Самый древний неоднократно оказывался на открытой поверхности и лишь в сартанское (Sr) время был включен в состав рыхлых отложений и погребен вместе с более поздним материалом.

III уровень залегания археологического материала в стратиграфии зафиксирован на кровле элювиальных отложений – коры выветривания скального основания, представленных щебнистым и дресвяно-щебнистым материалом туфов и долеритов.

Собранные коллекции археологических материалов на геоархеологических местонахождениях Усть-Ёдарма I-III позволяет соотнести вскрытые уровни отложения культуры с рядом местонахождений Байкальской Сибири и провести аналогии с рядом синхронных объектов Прибайкалья, Енисея, Верхней Лены.

Список литературы

Лохов Д.Н. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Ёдарма I Усть-Илимского района Иркутской области в 2009 г. – Т. 2. 2009а. // Архив ИАЭТ СО РАН.

Лохов Д.Н. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Ёдарма II Усть-Илимского района Иркутской области в 2009 г. – Т. 2. 2009б. // Архив ИАЭТ СО РАН.

Лохов Д.Н. Отчет об археологических раскопках многослойной стоянки Усть-Ёдарма III Усть-Илимского района Иркутской области в 2009 г. – Т. 2. 2009в. // Архив ИАЭТ СО РАН.

Лохов Д.Н. Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2009 г.) // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 152–153.

Д.Е. Лунева

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ АНГАРЫ В 2010 ГОДУ

В рамках Богучанской археологической экспедиции, стало возможным проведение геологического изучения некоторых стоянок и памятников среднего течения Ангары.

За полевой сезон 2010 г. автором были осуществлены работы на таких археологических объектах, как Деревня Пашино, Игренькина Шивера, Большая Пеленда, Медвежья Шивера, Медвежий Утес, Косой Бык. Усть-Кова, Копанир и Проспихина Шивера.

Основная работа автора заключалась в подробном лито-стратиграфическом описании геологических разрезов вскрытых археологическими раскопами, в том числе и описание подстилающих горизонтов. По каждому из объектов были отобранны геологические образцы на ряд лабораторных анализов, в том числе и образцы на проведения радиоуглеродного датирования. В задачи автора входило так же выявление приуроченности археологических объектов, к тем или иным геоморфологическим структурам.

Таким образом, по итогам работ 2010 г., можно заключить следующее: большая часть из изученных памятников и археологических стоянок привязаны ко II-ой и I-ой, а в редком случае и к III-ей (?) правобережным и левобережным Ангарским террасам.

Главным образом, изученные геологические разрезы, были сложены осадочным материалом, накопленным в результате речной деятельности (отложения русловой и пойменной фаций аллювия), продуктами ветровой деятельности (лессовидные супеси, в том числе дюнные образования), и в меньшей степени встречаются продукты гравитационных процессов (таких как обвалы, оползни и др.), представленные обломками и глыбами горных пород.

Наиболее часто в геологических разрезах встречаются такие литологические группы пород как - пески, глинястые-пески, суглинки, супеси, а в редких случаях гравийно-галечные и щебнистые разности. Кроме того для данного района в отдельных случаях наблюдается высокая карбонатизация некоторых осадочных толщ, генезис образования которых, для автора, до сих пор является дискуссионным. (неясным)

Наиболее полным и представительным разрезом для верхней части II н.п.т. среднего течения Ангары можно считать разрез, вскрытый раскопочными работами на археологическом объекте Медвежий Утес. Ниже представлено его краткое описание (сделанное сверху вниз):

Слой 1: гумусированная почва – современный почвенный горизонт (дерн и буро-коричневая супесь). Ср. И.М. ~ 0,07 – 0,15 м

Слой 2: толща, сформированная в процессе эоловой переработки нижележащих пойменных отложений (перевеянные пески, перешедшие в супесь). Т.о. толща сложена рыже-коричневой пылеватой супесью. Текстура в основном массивная с проявлением пятнистости за счёт углистых включений (сгоревшая древесина). К низу слоя супесь переходит в тонко-мелкозернистый песок с сохранением цвета (рыже-коричневый), но исчезают углистые включения. Главным образом, переход от одной литологической разности к другой связан с уровнем 0,35 – 0,4 м ниже кровли. При этом происходят изменения в плотностях осадка с плотного на более или менее рыхлый. Общий оттенок слоя рыже-коричневый, но его верхняя часть имеет заметный бурый оттенок (первые 0,1 м), а к низу заметно его осветление. Ср. И.М ~ 0,57 м. Подошва неровная и нечеткая, постепенно переходит в нижележащие отложения.

Слой 3: Пойменный аллювий, сложенный серым (светло-серым) тонко-мелкозернистым песком с еле заметным зеленоватым оттенком. Текстура от массивной до тонко-линзовидно-слойчатой (?). По всей видимости, данный слой был накоплен с незначительным перерывом в осадконакоплении с нижележащей толщей. Таким образом, на поверхности нижележащей толщи успела образоваться маломощная почва, которая впоследствии была затоплена при паводке (?) и в большей своей части смыта, а некоторая ее часть была замыта в морозобойные клинья (?). Подошва слоя 3 очень неровная, иногда с трудом прослеживается, но в большей степени хорошо читается по границе распространения морозобойных клиньев (?) и замытой в них почвы (?) с высокой степенью карбонатизации. Слой имеет незначительную истинную мощность и она в среднем достигает ~ 0,2 м.

Слой 4: толща в большей своей степени имеет пойменно-прирусловой генезис образования и сложена линзовидно-слойчатыми разно-зернистыми (преимущественно средне-мелкозернистыми) песками: светло-коричневого и серо-коричневого цветов. В некоторых линзочках отмечается незначительная доля глинистой составляющей – типичные отложения для пойменной и прирусловой фации. Кровля слоя разбита многочисленными морозобойными клиньями (?) с максимальной шириной клина в устье 0,25–0,3 м и при максимальной глубине проникновения 0,3–0,5 м (?). Внутренняя часть клиньев имеет высокую степень карбонатности и заполнена белесым материалом по литологическому составу напоминающий алеврит(?).

Вполне возможно это остатки замытой (забитой в них) поверхностной почвы, которая могла в зачатках своего формирования быть сорвана паводковыми водами с участка поймы. Материал имеет желтовато-розовато-белесый оттенок с редким фиолетово-серым оттенком(?). По морозобойным трещинам бурно развиты корневища современных растений в отличие от всего объема толщи слоя. Это может объясняться тем, что растения выбирали почву с меньшей плотностью и могли проникать в нее с целью мине-

рального питания карбонатами. В.М. слоя ~ 0,8 – 0,9 м. Нижняя часть разреза не пройдена. И представляет собой склон.

Строение разрез 1-ой надпойменной террасы автор рассматривает на примере памятника Б. Пеленда (описание производилось сверху вниз):

Слой 1: представлен современным почвенным горизонтом (дерн с остатками растительности и серо-черная супесь). И.М. ~ 0,07 – 0,1 м. Подошва неровная, но четкая.

Слой 2: представлен черно-серой супесью, переходящей к основанию слоя в мелкозернистый песок буро-коричневого цвета. По всей видимости, эта толща имеет пойменный генезис образования. Подошва слоя имеет очень нечеткие и рваные границы с западинами. В верней части слоя (первые 0,15 – 0,2 м) встречаются включения угольков, а на уровне 0,25 – 0,3 м встречаются фрагменты керамики (со средними размерами 2 х 4 см). В толще встречаются единичные включения хорошо окатанного гравия и небольшой гальки (до Ø 4 см) – что еще раз доказывает аллювиальное происхождение данного осадка. Вся толща очень гумуссированна, чем и объясняется её насыщенный, почти черный, цвет. Подошва слоя неровная, (субгоризонтальная) и как следствие не выдержанная И.М. (истинная мощность) меняющаяся в диапазоне 0,55 – 0,6 – 0,73 м. Отложения согласно перекрывают нижележащую толщу, без видимого перерыва. Но четкой линии перехода между ними не отмечается.

Слой 3: представлен тонко-слойчатыми (линзовидно-слойчатыми) аллювиальными отложениями, сложенными мелкозернистым песком и глинистым мелко-зернистым песком желто-рыже-коричневого цвета.

К основанию зачистки последние 0,2 – 0,3 м (В.М) – отложения имеют более выраженную слойчатость, при И.М. слойков ~ 0,5 – 1 см. Толща типичного пойменно-прируслового генезиса. На уровне 0,6; 0,45 – встречаются белесые пятна карбонатизации (Ø ~ 5 – 8 см) – как следствие постседементационного изменения толщи. К кровле слоя приурочено скопление больших глыб долеритов, появление которых в разрезе связанно с гравитационными процессами (обвалами)(?). Глыбы могут проникать в слой на 0,1 – 0,2 м (в зависимости от своих габаритов) и перекрываются в свою очередь вышележащими отложениями. Наиболее вероятно это погребенный палеобвал в прирусловую часть водоема. Глыбы имеют размеры (от 0,4 х 0,3 х 0,5 м до 1 х 1,5 х 1 м в пределах раскопа). Вполне возможно это результат мощного сейсмообвала повлекший за собой обрушение большого количества горной породы. Глыбы имеют полуокатанный облик – следствие физического выветривания и частичное «окатывание» водой в период затопления поймы.

В.М. > 1,3 м

В среднем высота I н.п.т Ангары, в районе работ, составляет 5 – 8 м (от уреза воды); высота II н.п.т. меняется в широком диапазоне от 12 – 20 м, но в среднем её высота составляет 14 – 15 м. Такой разброс в высотах для II н.п.т. связан с тем, что верхняя часть данной геоморфологической струк-

туры сложена образованиями дюнного типа. Поверхность их достаточно неровная и характеризуется значительным перепадом в высотах. Терраса, предположительно относящаяся к III (?) н.п.т. по высоте (от уреза воды) превышает 21 м. Но, в настоящее время автору удалось изучить разрез такого типа, только на одном объекте (Косой Бык). Поэтому автор оставляет за собой право отмечать эту террасу как III (?) н.п.т.

В результате полевых работ 2010 г., как уже упоминалось выше, автором было отобрано порядка 100 геологических образцов, для проведения разного рода лабораторных анализов. Автор считает, что исследование некоторых из них, может решить проблему с датированием геологического возраста толщь, а в некоторой степени данный материал послужит хорошей основой для проведения палеогеографической реконструкции среды, на момент формирования геологических толщ, в том числе и культурных горизонтов.

Н.П. Макаров, М.В. Быкова, М.С. Баташев

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ТОЛСТЫЙ МЫС-2 В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС

В июле-августе 2010 г. Мысовой отряд Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН проводил охранно-спасательные работы на стоянке Толстый Мыс 2, расположенной в зоне затопления Богучанской ГЭС.

Основной задачей работы было исследование сплошным раскопом культурного слоя памятника в объеме 700 квадратных метров.

Стоянка Толстый Мыс 2 расположена в Кежемском районе Красноярского края между деревнями Мозговая и Панова на правобережной

8-10 метровой террасе берега р. Ангары близ вдающегося в реку скального массива. Памятник открыт в ходе первых археологических разведок в Северном Приангарье в 30-х гг. XX столетия А.П. Окладниковым [Окладников, 1937]. Вторично стоянка исследовалась в ходе разведок по паспортизации и инвентаризации археологических памятников в зоне затопления Богучанской ГЭС отрядами ИАЭТ СО РАН и КГПУ в 2006 и 2008 гг. Географические координаты стоянки Толстый Мыс 2 определены 58° 57’ 38,6” с.ш. и 101° 33’ 34,9” в.д.

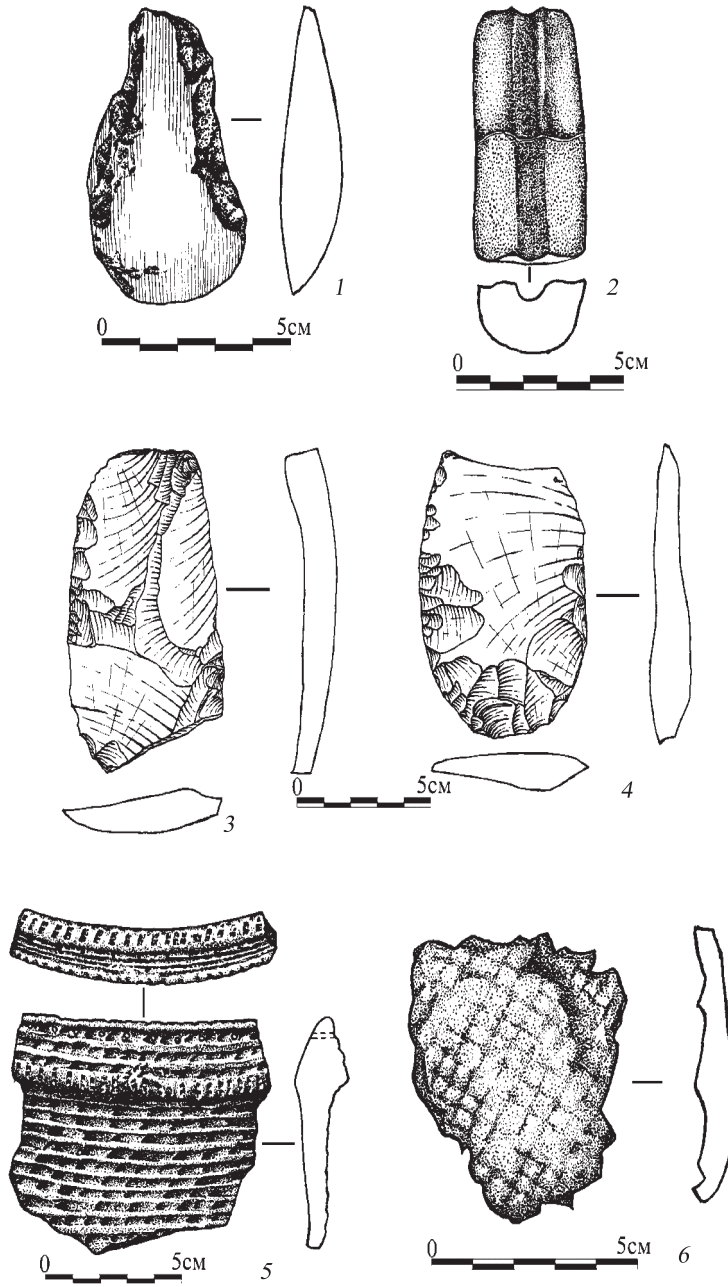
Археологические исследования 2010 г. продолжают разведочные работы предшествующих лет и впервые произведены на памятнике двумя стационарными раскопами общей площадью 700 м. кв.

Культурный слой стоянки приурочен к коричневой супеси на глубине 18 – 47 см от современной дневной поверхности. Общее количество находок - более 700, из которых отходы производства в виде отщепов, сколов и пластин составляют 58 %.

Группа выразительных изделий немногочисленна и насчитывает 27 орудий. Основная их часть концентрируется близ очажных пятен, зафиксированных в раскопе. Среди орудий небольшое теслецо из зеленого нефрита размерами 6,6 х 4,3 см. Изделие в плане подтрапециевидной формы с зауженным обушком и дугообразно выпуклым лезвием. Обе поверхности орудия по спинке и брюшку, включая лезвие, тщательно зашлифованы. Исключение составляют боковые края орудия, сохраняющие негативы ударной ретуши.

Наиболее представительна группа скребков и скребел – 18 экз. Изделия подразделяются на 2 типа - боковые и концевые. Все орудия выполнены на отщепах серого кремнистого сланца средних и крупных размеров.

Ряд отщепов, вероятно, служил и в качестве ножей, о чем свидетельствует рабочая ретушь по краям изделий. В целом, отщепы в три раза



Неолитические изделия со стоянки Толстый Мыс-2.
1 – нефритовое тесло; *2* – выпрямитель древков стрел из песчаника;
3, 4 – каменные скребла; *5, 6* – фрагменты керамики.

численно преобладают над микропластинами. На ряде пластинок также фиксируются фасетки ретуши, что говорит об их использовании в качестве вкладышей. Материалом для получения пластин и отщепов служили окремненные речные гальки, о чем свидетельствуют сочетание негативов снятий и сохранившиеся части галечной корки на нуклеусах. Несколько пластинок имеют дополнительную обработку дистального края формирующих острый конец изделий, служивших, вероятнее всего, проколками или провертками.

Из пластинок изготавливались и каменные наконечники стрел, найденные в раскопе лишь в обломках, что затрудняет определение их формы и размеров. Единственный целый экземпляр найден в подъемном материале в осыпи террасы у раскопа № 2. Он небольшой по размерам, треугольной формы с вогнутой базой.

Среди каменных изделий присутствует выпрямитель древков стрел из песчаника.

Костяные орудия представлены массивным наконечником копья размерами 20 х 3,8 см.

40 % всех находок стоянки Толстый Мыс 2 составляет керамика – 285 фрагментов. Абсолютно преобладают фрагменты с техническим орнаментом в виде сетки плетенки. Черепки коричневого цвета, без какой либо дополнительной орнаментации по внешней поверхности. В осыпи террасы у раскопа № 2 найден фрагмент венчика «посольского типа». У верхнего края венчик имеет треугольный в сечении налеп украшенный оттисками зубчатого штампа и пояском мелких сквозных отверстий нанесенных по всей длине опоясывающего желобка. Под налепом фрагмент украшен параллельными желобками оттисков горизонтально отступающей лопаточки. Оба типа керамики находят аналогии в памятниках неолита Ангары [Окладников, 1950; Васильевский, Бурилов Дроздов, 1988] Подобная керамика обнаружена ранее на соседних стоянках Толстый Мыс и Чирида [Макаров, 1977]. Неоднократно встречена она и на других памятниках Ангары, Енисея и Прибайкалья. [Макаров, 1985, 1986].

По современным представлениям аналогичная керамика на сопредельных территориях с Ангарой датируются V - IV тыс. до н.э. [Макаров, 2005, 2006]. Не противоречат этой дате описанные находки нефритового топора и серии каменных скребков и скребел.

Таким образом, археологический материал культурного слоя стоянки Толстый Мыс 2 датируется эпохой неолита в пределах V-IV тыс. до н.э.

Список литературы

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Макаров Н.П. Новая неолитическая стоянка Толстый мыс в Кежемском районе // Научно-теоретическая конференция: тез. докл. – Иркутск, 1977. – С. 12–14.

Макаров Н.П. К вопросу о культурных связях древних племен Среднего Енисея и Нижней Ангары // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1985. – С. 96–98.

Макаров Н.П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 121–124.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаб. древних технологий. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2005. – С. 149–171.

Макаров Н.П. Неолит Енисея // Современные проблемы археологии России: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т.1. – С. 281–283.

Окладников А.П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.) // СА. – 1937. – № 4. – С. 319–322.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).

П.В. Мандрыка, П.О. Сенотрусова

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА IV НА АНГАРЕ

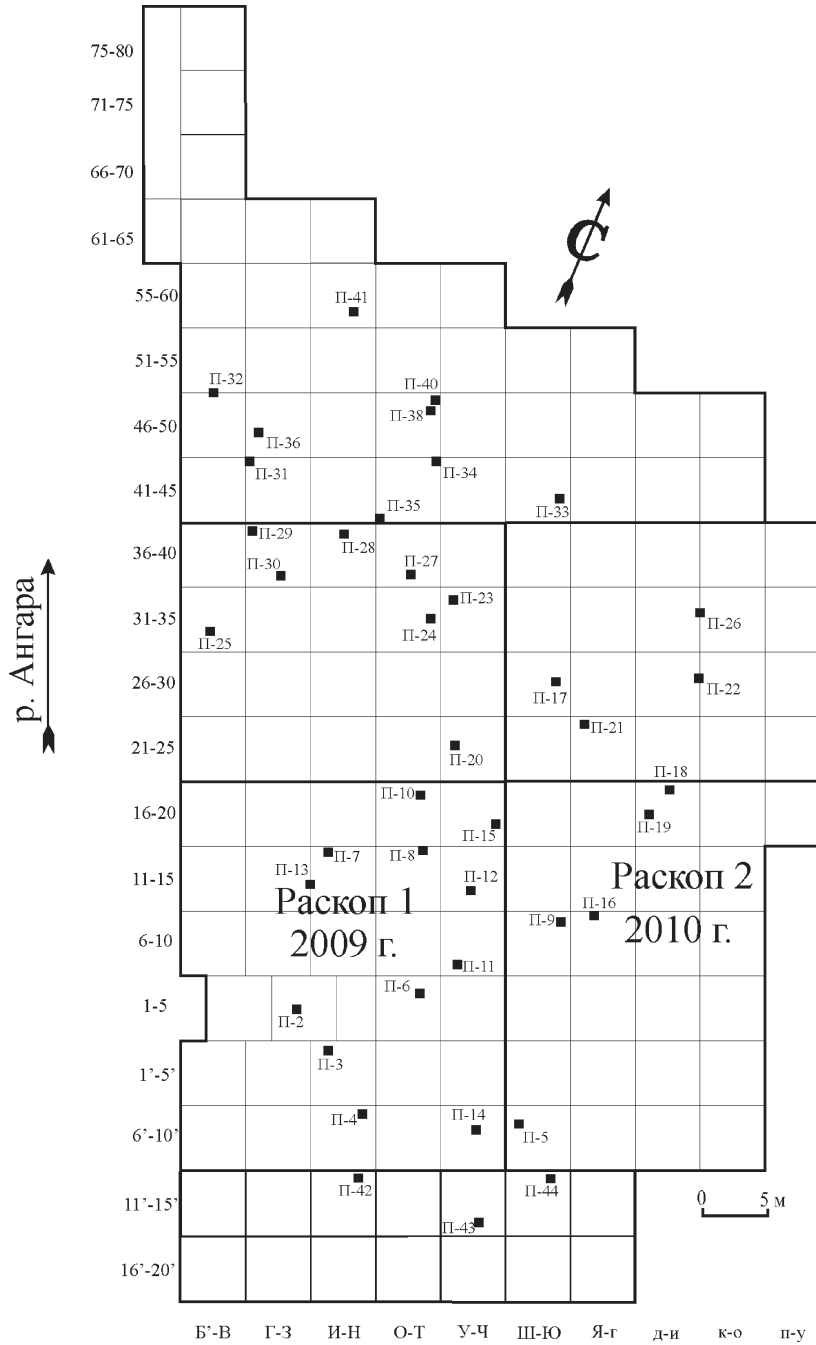
Средневековая история таежных районов Приенисейской Сибири во многом продолжает оставаться слабоизученной. Отсутствие письменных источников, незначительное число имеющихся археологических материалов не позволяют в полной мере проследить культурогенетические процессы, приведшие в итоге к формированию сибирских народов. В этой связи важными являются материалы, полученные при изучении средневекового могильника на комплексе Проспихинская Шивера-IV.

Данный комплекс расположен в Северном Приангарье в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС на 15-метровой террасе правого берега р. Ангары в 1,1-1,2 км выше (юго-восточнее) устья р. Кода. В результате двухлетних работ 2009-2010 года Проспихинского отряда Богучанской археологической экспедиции было вскрыто 3707 кв. м площади памятника и найдено 43 средневековых захоронения (см. *рисунок*).

Могильник приурочен к первому культурному слою памятника, который представлен темно-серой поддерновой песчаной супесью распространенной по всей площади раскопа. Мощность слоя от 5 до 20 см. На многих участках раскопа слой частично поврежден, в результате лесосводных работ прошлого века.

Некрополь располагается в основании мысовидной поверхности террасы на ее возвышенном участке. Строгой системы в расположении погребений на могильнике не выявлено, тем не менее, могилы располагаются своеобразными «кустами», где «ряды» могил ориентированы в северном направлении. Погребения находятся как у края террасы, на русловом валу, так и за русловым валом, на поверхности в глубине террасы, до 40 м от края.

Все погребения грунтовые, место размещения могил рельефно не выражено. Из-за современного антропогенного повреждения дневной поверхности зафиксировать существование наземных погребальных конструкций достоверно не удалось. Очевидно, с ними связаны крупные камни, расположенные с западной и восточной сторон от каждого захоронения, на уровне древней поверхности. На гребне руслового вала погребения располагались в углублениях между камнями. В одном случае (погребение № 7), удалось выявить темное пятно от наземного сооружения прямоугольной формы (деревянный «домик мертвых»?). С надмогильными сооружениями связаны и



План-схема планиграфии некрополя Проспихинская Шивера IV.

часто встречаемые железные скобы, огибавшие прямоугольные детали деревянных конструкций.

Погребения выполнены по одному обряду – трупосожжению на стороне. При этом в элементах погребальной обрядности наблюдается заметная вариативность. Захоронения устраивались в ямах квадратной, прямоугольной или округлой формы, их размеры варьируют от 20х20 см до 60х80 см. В ямах размещалось различно количество кальцинированных костей человека – от 0,1 до 2,5-3 кг. Отмечается вариативность и во фрагментах костей скелета – встречаются обломки черепа, туловища, конечностей.

Погребения различны по количеству и составу сопроводительного инвентаря, что, по всей видимости, объясняется как половозрастным различием погребенных, так и разновременностью могил. Так в северной части некрополя выделяется группа небольших по размеру погребений, в которых инвентарь представлен единичными предметами. В то же время в центральной части могильника располагаются захоронения, где количество сопровождавших предметов превышает сотню экземпляров. В целом, погребальный инвентарь достаточно разнообразен, он включает оружие, орудия труда, элементы конского снаряжения, наборные пояса, детали одежды, украшения и т.д. Всего коллекция предметов из захоронений составляет 1332 экземпляра. Проспихинские материалы выделяются на общем фоне не только своим количеством, но и качеством. Для них характерно достаточно большое количество «престижных» предметов, большинство которых на территории нижней Ангары являются «импортными». К ним относятся наборные пояса, многочисленные украшения из цветных металлов, некоторые виды оружия.

В эпоху средневековья погребения, выполненные по обряду трупосожжения на стороне, известны как на территории нижнего течения р. Ангары [Гревцов, 1988; 1989; Леонтьев, Дроздов, 1996; 2003; Леонтьев, Ермолаев, 1992; Привалихин, 1993; Лысенко, Гревцов, 2006 и др.], так и на сопредельных территориях [Мандрыка, 2006; Мандрыка, Фокин, 2005; Скобелев, Митько, 2007 и др.]. При этом, по ряду признаков (наличию надмогильных камней, размеру могил, составу инвентаря и др.) они близки к изученным погребениям на комплексе Проспихинская Шивера-IV, что позволяет уже сейчас говорить о существовании единой культурной общности на достаточно обширной территории южно-таежной зоны Средней Сибири в средние века.

Для этого района большинство исследователей отмечали значительную роль южного влияния, связанного с кыргызской экспансией на север в таежную зону [Леонтьев, Дроздов, 1996; 2003; Леонтьев, Ермолаев, 1992; Привалихин, 1993; Мандрыка, Фокин, 2005; Лысенко, Гревцов, 2006], что нашло отражение в погребальном обряде трупосожжения на стороне. Однако, новые данные позволяют говорить и о других возможных направлениях культурных контактов нижнеангарского населения, прослеженных как по деталям обряда, так и по предметному комплексу. В число этих территорий

следует включить южно-таежную зону Западной Сибири и Урала, Алтай и Дальний Восток. Определение характера и особенностей этих связей станет задачей дальнейших исследований.

В настоящее время вопрос датировки могильника еще не решен до конца, но уже понятно, что функционировал он не одно столетие, что подтверждается как его планиграфией, так и наборами погребальных комплексов. По всей видимости, нижняя хронологическая граница некрополя устанавливается не древнее VIII в. н.э. и захоронения производились на нем до XIV в. включительно. Важно отметить, что известен он был местному населению и гораздо позже. На это указывает находка русских монет XVIII в. на поминальных(?) комплексах могильника. Нельзя исключить, что этот могильник был указан на «Чертеже земли Енисейского города», составленном С. Ремезовым в 1701 году [Чертежная…, 1882, л. 16].

Таким образом, материалы могильника Проспихинская Шивера-IV охватывая период развитого и частично позднего средневековья, являются на сегодняшней день наиболее информативным комплексом на территории Северного Приангарья. Дальнейшие исследования результатов полевых работ позволят существенно дополнить имеющуюся информацию об истории данного региона.

Список литературы

Гревцов Ю.А. Материалы кладов железного века со стоянки Усть-Кова // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита: Изд-во Читин. гос. пед. ун-та, 1988. – С. 74–76.

Гревцов Ю.А. Материалы средневекового шаманского могильника Усть-Кова // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1989. – С. 90–91.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитар. науки в Сибири. – 1996. – №3. – С. 39–46.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Новые материалы железного века со стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX. – С. 408–410.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1992. – Т. 2. – С. 16–19.

Лысенко Д.Н., Гревцов Ю.А. Погребения по обряду трупосожжения могильника Усть-Тасеева // Археология, этнология, палеоэкология Северной Азии и сопредельных территорий: мат-лы 46-й Регион. археол.-этногр. конф. студ. и мол. учен. Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 2006. – Т. II. – С. 47–48.

Мандрыка П.В. Позднесредневековое погребение по обряду трупосожжения на стороне в енисейской тайге // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Вып. 2. – С. 150–158.

Мандрыка П.В., Фокин С.М. Погребение средневекового воина на северной периферии кочевого мира // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – С. 60–65.

Привалихин В.И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н.э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. – С. 101–103.

Скобелев С.Г., Митько О.А. Погребения по обряду трупосожжения на реке Кача под Красноярском и их место в культурной традиции средневекового населения Енисея // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. – С. 212–220.

Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. – СПб.: Тип. А. М. Котомина и К°, 1882. – 32 л.

Г.И. Марковский

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНОК КОДА-2, РУЧЕЙ СМОЛОКУРНЫЙ, МЫС СТОЛБЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В 2010 г. в ложе затопления Богучанской ГЭС Смолокуринским отрядом Богучанской археологической экспедиции СО РАН проводились археологические работы на памятниках Кода 2, Ручей Смолокурный, Мыс Столбы. Сроки полевых работ отряда: начало июня – конец сентября 2010 г.

Задачей Смолокуринского отряда в полевом сезоне 2010 г. было проведение рекогносцировочных работ и раскопок сплошной площадью на стоянках Кода 2, Ручей Смолокурный и Мыс Столбы.

В период с начала июня, по конец июля отряд проводил археологические работы на памятнике Кода 2, который располагается в 6 км к востоку от створа Богучанской ГЭС и в 2 км от устья р. Кода. Стоянка входит в состав Ансамбля многослойных разновременных археологических памятников Кода, и состоит на государственной охране. Со времени открытия памятника в 1937 г. А.П. Окладниковым, на стоянке неоднократно проводились разведочные и раскопочные работы.

Целью спасательных работ 2010 г. на стоянке Кода 2 было проведение вскрышных работ сплошной площадью. По итогам полевых работ предыдущих лет, включивших в себя раскопки сплошными площадями (около 4300 м. кв), закладку рекогносцировочных раскопов (около 200 м. кв), неоднократный визуальный осмотр территории стоянки и растущих техногенных нарушений (на июль 2010 г составлявших около 90% всей площади памятника), для закладки раскопа был определен участок с высокой концентрацией археологического материала и незатронутым техногенными процессами культурным слоем.

Работы 2010 г. проводились одним раскопом, вписанным в локальную систему координат, установленную на памятнике 2008 г. Площадь раскопа составила 1168 м кв. Глубина раскопа от дневной поверхности варьировалась от 0,5 до 1,5 м. В полученном стратиграфическом профиле четко прослеживаются три литологических подразделения. Слой первый – почвенный горизонт А современной почвы представлен супесью темной, гумусированной. Содержит археологический материал. Мощность – от 0,1 до 0,3 м. Второй слой представлен легкой, палевой супесью. Слой включает редкий мелкий щебень и гравий, углистые пятна и отдельные угольки. Содержит археологический материал. Генезис слоя – эоловый. Мощность варьируется в пределах 0,3 – 0,7 м. Слой третий представлен светлым, жел-

товато-палевым песком, не содержит археологических находок. Видимая в обрыве террасы мощность – 1,5 – 2 м.

Выявлены три культурных горизонта. Первый приурочен к темной супеси слоя 1, содержит фрагменты керамических сосудов и редкие находки из железа; предварительно датирован периодом средневековья. Второй горизонт тяготеет к кровле слоя 2, содержит каменные артефакты, многочисленные фрагменты керамических сосудов и редкие застывшие бронзовые капли, а также куски шлака с бронзовыми вкраплениями; датирован периодом позднего неолита – ранней бронзы. Третий культурный горизонт приурочен к средней и нижней частям слоя 2, содержит многочисленные каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов, орнаментированных «сеткой-плетенкой». Горизонт предварительно датирован периодом неолита.

За время работы на стоянке Кода 2 собрана коллекция находок общим числом более 7 тыс. экз. Наиболее широко представлены каменные артефакты, составляющие более 60% от общего числа находок. Среди орудий из камня присутствуют: скребки концевые на отщепах и пластинах, часто с бифасиальной подработкой дорсала и вентрала, скребки боковые двусторонние (с дорсальной и вентральной ретушью по противолежащим краям), концевые высокой формы, резцы, шиповидные орудия на отщепах, ножи на крупных пластинах с притупляющей аккомодационной ретушью по противоположному краю, ножи на отщепах с обушком-гранью, пластины с ретушью, наконечники стрел и дротиков, изделия с бифасиальной обработкой, шлифованные изделия (тесла, стамески, пест), и самые многочисленные – ретушированные отщепы. Керамическая коллекция памятника Кода 2 насчитывает около 2 тыс. фрагментов сосудов. Основываясь на сюжете и способе орнаментации, а так же на принадлежности к одному из культурных горизонтов коллекция может быть разделена по хронологическому признаку на четыре категории: керамика периода неолита, эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья.

По итогам работы на стоянке Кода 2 можно констатировать среднюю концентрацию находок, а так же орудийных и нуклевидных форм. Стратиграфическая картина получается нечеткой из-за характера отложений, содержащих археологический материал. Поиск аналогий позволяет соотнести основную часть находок с периодом неолита – эпохой бронзы, условно датируя V – началом I тыс. до н.э.

В период с конца июля, по конец сентября Смолокуринский отряд проводил археологические работы на стоянках Ручей Смолокурный и Мыс Столбы. Объекты располагаются между утесом Толстый мыс на западе и мысом Столбы на востоке, в 10 км на запад от села Паново, разделены участком высокой поймы протяженностью 1,5 км. Абсолютная высота стоянки Ручей Смолокурный по Балтийской системе высот – 188 – 195 м, стоянки Мыс Столбы 192 – 204 м. Совокупная протяженность памятников вдоль фронта террасы 6 км.

Стоянка Мыс Столбы открыта в 1975 г. В.И. Привалихиным, памятник Ручей Смолокурный обнаружен при проведении разведочных работ отрядом КГПУ им. В.П. Астафьева в 2006 г. Оба объекта были исследованы разведочным отрядом ИЭАТ СО РАН под руководством А.Н. Зенина в 2008 г, тогда и были намечены примерные границы памятников.

Задачей спасательных работ 2010 г. на обеих стоянках была закладка необходимого числа рекогносцировочных раскопов для уточнения площади распространения культурного слоя, его сохранности и насыщенности, а также проведение вскрышных работ сплошной площадью.

Для уточнения границ археологических объектов было заложено 150 рекогносцировочных раскопов общей площадью 600 м. кв. В результате территория стоянки Мыс Столбы сократилась в 3 раза, стоянки Ручей Смолокурный в 4 раза, по сравнению с площадями, намеченными в 2008 г.

Вскрышные работы на стоянке Ручей Смолокурный проводились одним раскопом, вписанным в локальную систему координат. Площадь раскопа составила 300 м кв. Глубина раскопа от дневной поверхности варьирует от 0,3 до 0,9 м. В полученном стратиграфическом профиле четко прослеживаются три литологических подразделения. Слой первый – почвенный горизонт А современной почвы представлен супесью темной, гумусированной. Содержит археологический материал. Мощность – от 0,05 до 0,12 м. Второй слой представлен тяжелым суглинком серого цвета иногда с коричневатым оттенком. Слой содержит археологический материал. Мощность слоя 0,2 - 0,4 м. Третий слой представлен супесью серого цвета с коричневым оттенком. Во включениях встречается мелкий гравий и галька. Не содержит археологических находок. Слой прокопан на глубину 0,2 - 0,4 м.

Выявлены два культурных горизонта. Первый приурочен к темной супеси слоя 1, в горизонте обнаружены редкие фрагменты керамических сосудов, железный нож; предварительно датирован периодом средневековья. Второй полностью совпадает со слоем 2, содержит многочисленные каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов. Горизонт предварительно датирован периодом неолита.

В результате работы на стоянке Ручей Смолокурный собрана коллекция находок общим числом более 8 тыс. экз. Наиболее широко представлены каменные артефакты, составляющие более 75% от общего числа находок. Краткая характеристика категории орудийных форм: топоры «с ушками», скребки, зубчатые орудия на толстых отщепах, ножи на пластинах, пластины с ретушью, изделия с бифасиальной обработкой, наконечники стрел, проколки на пластинах и микропластинах, ретушированные отщепы. На стоянке широко представлены грубые крупные рубящие орудия с бифасиальной обработкой рабочего края, выполненные на прямоугольных и треугольных плитках песчаника. По характеру обработки орудия близки к топорам, в частности к топорам «с ушками», два из которых имеют лишь краевую обработку по периметру, не захватывающую центральную часть латерали изделия. Керамическая коллекция стоянки насчитывает около

1,5 тыс. фрагментов сосудов, и по хронологическому признаку может быть разделена на две категории: керамика периода неолита и эпохи бронзы.

Раскопки сплошной площадью на стоянке Мыс Столбы проводились одним раскопом, вписанным в локальную систему координат. Площадь раскопа составила 375 м кв. Глубина раскопа от дневной поверхности варьирует от 0,6 до 1,2 м. В полученном стратиграфическом профиле четко прослеживаются три литологических подразделения. Слой первый – почвенный горизонт А современной почвы представлен супесью темной, гумусированной. Мощность – от 0,05 до 0,15 м. Второй слой представлен супесью светло серого цвета с коричневатым оттенком. Слой содержит археологический материал. Мощность слоя 0,4 - 0,7 м. Третий слой представлен песком светло-серого цвета, прокапывался на глубину 0,02 - 0,25 м.

Выявлены два культурных горизонта: первый тяготеет к кровле слоя 1, содержит немногочисленные фрагменты керамических сосудов; второй приурочен к средней части и подошве слоя 2, содержит исключительно каменные артефакты. Горизонт предварительно датирован периодом мезолита.

За время работ на стоянке Мыс Столбы собрана коллекция находок общим числом более 4 тыс. экз. Наиболее широко представлены каменные артефакты, составляющие более 95% от общего числа находок. Среди орудий присутствуют: скребки, ножи на пластинах, пластины с ретушью, разнообразные изделия с бифасиальной обработкой, крупные грубые орудия на гальках с бифасиальной обработкой рабочего края, проколки на пластинах и микропластинах. Керамическая коллекция стоянки насчитывает около 200 фрагментов сосудов, отельные фрагменты по типу орнаментации могут быть датированы ранним железным веком.

В результате работ Смолокуринского отряда на территории стоянок Ручей Смолокурный и Мыс Столбы 2010 г. были получены сведения о состоянии культурного слоя, об участках с высокой концентрацией находок, их площади и границах. Для обеспечения сохранности от разрушения тяжелой техникой в результате работ по лесоочистке границы объектов были обозначены на местности маркирующей лентой и предупредительными табличками.

Ж.В. Марченко, А.Е. Гришин, Ю.Н. Гаркуша

РАБОТЫ 1-го И 2-го ПАШИНСКИХ ОТРЯДОВ В 2010 ГОДУ (КЕЖЕМСКИЙ РАЙОН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

В рамках археологической подготовки будущего ложа Богучанской ГЭС двумя экспедиционными отрядами ИАЭТ СО РАН исследовались четыре памятника Северного Приангарья – стоянках Деревня Пашино, Слопцы, Речка Нижняя и стоянке, могильнике Капонир.

Стационарные раскопки на стоянке *Деревня Пашино* были начаты в 2009 г. [Гришин, Гаркуша, Марченко, 2009]. Тогда была обнаружена часть котлована древнего сооружения. По древесному углю из котлована были получены две радиоуглеродные даты, позволяющие отнести его к эпохе неолита (конец V – середина IV тыс. до н. э.*). В 2010 г. остатки конструкции были изучены полностью, а в непосредственной близости был выявлен близкий по характеристикам и находкам котлован еще одного сооружения. Представляется необходимым продолжить исследование памятника Деревня Пашино, т.к. для Северного Приангарья наличие ранних поселенческих комплексов имеет принципиальное значение на данном этапе формировании культурно-хронологической шкалы.

Стоянка *Слопцы* была открыта А.П. Окладниковым, на протяжении нескольких лет ее исследовал В.И. Привалихин. Подтвердились три основных культурных горизонта: эпоха средневековья, ранний железный век и период бронзового века-неолита. Обнаружено разрушенное погребение раннего железного века. Отметим три небольшие выкладки из камней среднего и крупного размера. Одна перекрывала искусственное углубление, в котором обнаружен только фрагмент кости животного плохой сохранности. Под двумя другими выкладками выявить ямы не удалось. Датировать данные комплексы и определить их функцию однозначно пока невозможно, хотя внешне они напоминают надмогильные сооружения эпохи бронзы [Привалихин, 2009].

Стоянка *Речка Нижняя* была известна по уникальному кладу заготовок и орудий из рога и кости диких животных, который был датирован В.И. Привалихиным II тыс. до н.э. [Привалихин, Оводов, Мартынович, 2003]. В прошедший полевой сезон было выяснено, что практически весь культурный слой на памятнике разрушен хозяйственной деятельностью в XX – XXI вв. Тем не менее, удалось зафиксировать и изучить небольшой непотревожен-

*Датирование выполнено в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00005а.)

ный участок стоянки. Помимо керамического материала эпохи средневековья было обнаружено компактное скопление более чем 30 каменных изделий: скребла, остроконечники скребловидные орудия, заготовки и крупные сколы. Вопрос о датировке комплекса каменных предметов пока остается открытым.

Более подробно остановимся на некоторых итогах исследований стоянки и могильника *Капонир*. В.И. Привалихин активно изучал памятник в 1980-90-х гг. [Васильевский, Березин, Привалихин, 1996]. Им исследованы два погребения (раннего железного века и ранней бронзы). В результате работ этого года, выяснено, что на территории, непосредственно прилегающей к предыдущим раскопам, культурный слой уничтожен полностью. Поиск непотревоженных участков на периферии памятника дал положительный результат. В рамках двух раскопов была исследована значительная часть сохранившихся культурных напластований. Были обнаружены остатки двух разрушенных средневековых погребальных комплексов. Они представляли собой остатки неглубоких ям с кальцинированными человеческими костями и железными сопроводительными предметами. Кроме того, был обнаружен более ранний своеобразный комплекс керамики и каменных предметов, на котором остановимся подробнее.

В раскопе 5, на площади 90 кв. м. было исследовано три скопления отходов каменного производства в виде отщепов, чешуек, обломков, технических сколов*. Они локализовались компактно на одном уровне, на расстоянии 2 - 4 м друг от друга. Можно выделить места, где снимались крупные отщепы (возможные заготовки для орудий), и где производилась вторичная обработка (мелкие отщепы, чешуйки). Среди материалов одного из скоплений залегал развал одного и крупный фрагмент стенки другого сосуда (сосуды 2 и 3). Важно отметить, что эта посуда находилась на одном уровне друг с другом, а каменный материал лежал как непосредственно на самой керамике, так и под ней. Таким образом, каменные и керамические предметы мы считаем синхронными друг другу. Кроме того, в сходном контексте залегания (тот же горизонт в слое) были обнаружены фрагменты еще двух сосудов, типологически близких посуде из скопления (сосуды 1 и 4).

Сосуд 1, красноглиняный, представлен развалом стенки (рис. 1, *2*). Орнамент нанесен только на верхней части ёмкости наколами, орнаментир - палочка с круглым окончанием, диаметр оттиска 0,7 см. Композиция – горизонтальный пояс из нескольких параллельных рядов наколов вдоль венчика и ниже – разряженные сложные вертикальные фигуры. *Сосуд 2*, баночный, красноглиняный, толстостенный, представлен крупным фрагментом стенки (0,07-0,09 м) (рис. 1, *3*). Горизонтально поставленной цепочкой оттисков мелкой восьмизубой гребенки орнаментирована только верхняя часть, включая венчик, Декор расположен горизонтальным поя-

*Общее количество отходов каменного производства в раскопе 5 составляет 3729 экз., орудий – 49 экз.

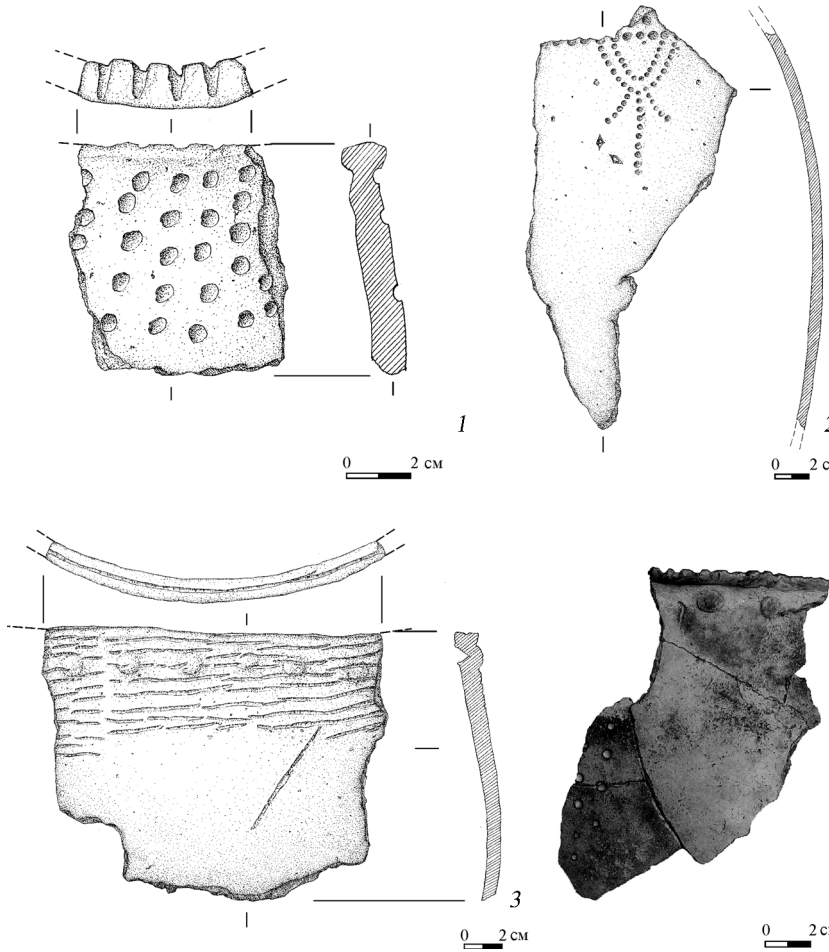


Рис. 1. Стоянка Капонир. Керамика.

сом (8-11 сплошных линий). Под срезом венчика – ряд «жемчужин». Ниже по тулову прослежена одна несимметричная прямая линия, отходящая от горизонтального пояса диагонально. Линия состоит из цепочки последовательных гребенчатых оттисков. Край венчика плоский, орнаментирован вдоль сплошной прочерченной линией, проходящей вдоль него. *Сосуд 3* представлен фрагментами всех частей баночной круглодонной ёмкости (рис. 1, *4*). Черепок красноглиняный, тонкостенный (0,2-0,4 см). Срез уплощен в виде карниза боковой округлой стороной палочки, направленной перпендикулярно краям среза. Орнамент беден: под срезом ряд «жемчужин» и разряженные вертикальные ленты, состоящие из рядов округлых точек, спускающихся до середины изделия. *Сосуд 4* красноглиняный, толстостенный (0,6-1,2 см), баночный (рис. 1, *1*). Срез украшен глубокими оттиска-

ми бокового края палочки, в результате этого уплощен и слегка отогнут во внешнюю сторону. Орнамент занимает 1/2 или 1/3 верхней части сосуда и состоит из четырех-пяти горизонтальных рядов из глубоких округлых отпечатков конца палочки.

Эти четыре сосуда в типологическом отношении отражают единые гончарные традиции и, по-видимому, образуют единую культурно-хронологическую группу. Общие черты – сосуды баночные, закрытого типа, круглодонные, красноглиняные. Большие по объему ёмкости изготовлены из лент толщиной до 1 см и более. Формовочная масса практически всех изделии содержит примесь слюды. К числу общих декоративных моментов можно отнести плоский орнаментированный срез венчика, бедную композицию декора, занимающую только верхнюю часть сосуда. Орнамент состоит из ямочных наколов, реже – оттисков гребенки. Расхождение в толщине черепка и некоторых других деталях, вероятнее всего, продиктовано назначением изделий (столовая или кухонная посуда, для хранения или готовки пищи).

В непосредственной близости от описанных скоплений каменных предметов и керамического материала, в сходной стратиграфической позиции обнаружены наборы каменных артефактов, содержащих помимо продуктов дебитажа, выразительную коллекцию орудий. Наиболее представительными типами являются скребки различных модификаций (рис. 2, *1, 2, 8*), продольные скребла, ретушированные остроконечники (рис. 2, *3*), одно- и двулезвийные долотовидные изделия (рис. 2, *4*), стамески (рис. 2, *5*), заготовки бифасиальных изделий, а также комбинированные орудия (рис. 2, *6, 7*). Все изделия были выполнены на сырье одного типа. В оформлении изделий преобладает отжимная ретушь и чешуйчатая подтеска. Для ретуширования скребков характерна вентральная обработка. Кроме упомянутых формальных орудий обнаружено более 20 ед. неформальных орудий. Преимущественно это крупные отщепы, ретушированные как при изготовлении, так и при использовании. Большинство орудий имеет макросследы, отражающие их использование, в том числе и очень интенсивное.

Один вид сырья, сходный тип заготовок (крупные отщепы и средние пластинчатые сколы), одинаковые приемы вторичной обработки позволяют предварительно отнести каменные артефакты к одной культурной традиции. Возможно, что в этой части памятника нами обнаружены как следы производственной площадки, предназначенной для изготовления каменных изделий, так и место, где орудия и керамика активно использовались. Следы жилых комплексов не зафиксированы. Примечательно, что находки другого времени на этом участке практически отсутствуют и смешение материала исключено. Таким образом, это единовременный комплекс. Вопрос о его датировке пока остается открытым.

---

*Выражаем благодарность к.г.-м.н., с.н.с. ИАЭТ СО РАН Н.А. Кулик и к.и.н., с.н.с. ИАЭТ СО РАН К.А. Колобовой за помощь в предварительном анализе коллекции каменных предметов.

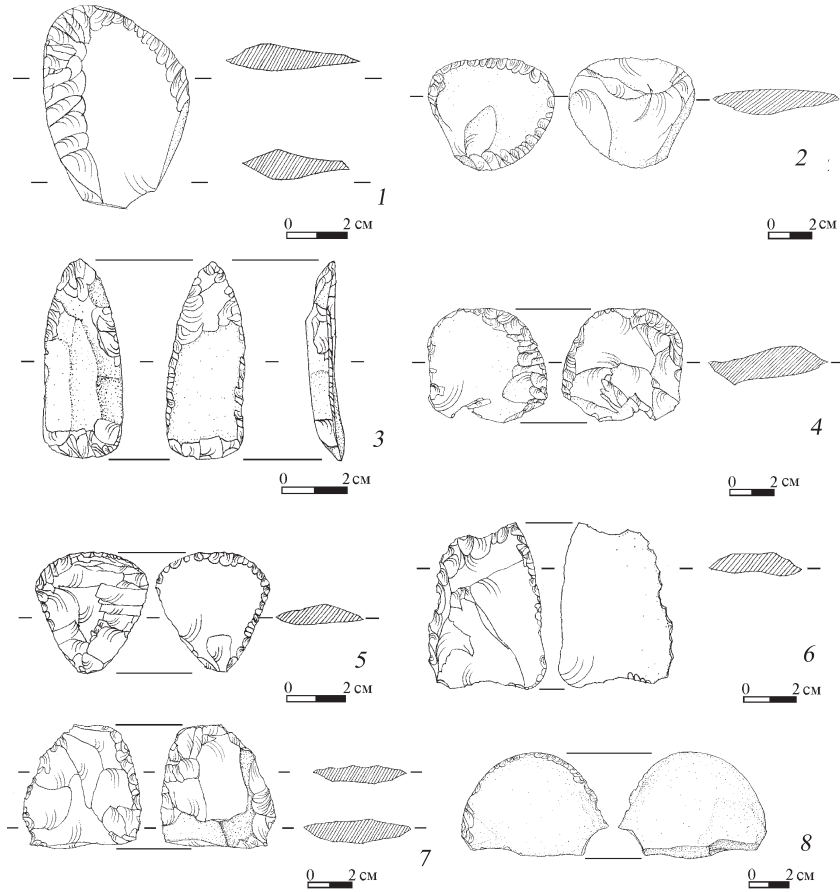


Рис. 2. Стоянка Капонир. Каменные орудия.

Таким образом, в 2010 г. при работе на поселенческих, стояночных и погребальных комплексах был получен достаточно информативный массив источников, позволяющий в перспективе продвинуться в деле формирования и детализации культурно-хронологической шкалы Северного Приангарья.

Список литературы

Васильевский Р.С., Березин Д.Ю., Привалихин В.И. Стоянка и могильник Капонир // Гуманитар. науки в Сибири. – 1996. – № 3. – С. 32–39.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 224 с.

Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В. Результаты полевых работ 2009 года на памятниках в устье р. Верхняя Кежма (Северное Приангарье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XV – С. 262–266.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Краснояр. кр. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Привалихин В.И., Оводов Н.Д., Мартынович Н.В. Нижнереченский клад орудий и изделий из рога и кости раннего бронзового века Северного Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – Красноярск: РИО Краснояр. гос. пед. ун-та, 2001. – Вып. 2. – С. 75–77.

А.В. Постнов

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ БОЛЬШАЯ ПЕЛЕНДА

Многослойный памятник Большая Пеленда палеолит-средневекового возраста находится в Кежемском районе Красноярского края, в двух тысячах семистах метрах восточнее деревни Косой Бык и северо-западнее от Медвежьего утеса, отметка 319 м. Стоянка расположна в среднем течении реки Ангара, на левом ее берегу, по обоим берегам устья реки Большая Пеленда, прорезающей надпойменную террасу р. Ангара.

Местонахождения Большая Пеленда и стоянка Утес Медвежий были обнаружены в 1977 г. участниками Северо-Ангарской археологической экспедиции*. В 2008 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.Н. Зенина с целью уточнения границ памятника и расположения культурных слоёв проведен осмотр территории стоянки со сбором подъемного материала и шурфовкой.

С востока и запада памятник ограничен естественным повышением рельефа. Северная граница проходит по бровке террасы. Южная границы памятника проведена по естественному повышению рельефа.

В 2010 г. Ангарским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились археологические работы на памятнике. В результате этих работ было выявлено три участка распространения культурного слоя. Первый участок располагается на надпойменной террасе р. Ангара на левом берегу р. Ангара и на левом берегу р. Большая Пеленда. Границами участка являются с востока и севера прибровочные уступы террас рек Большая Пеленда и Ангара соответственно, а с запада и юга соответственно крутые склоны выходящих кореных пород. На этом участке был заложен раскоп №1 275 кв. м. глубиной 3.5 м. В раскопе зафиксировано 7 культурных слоев от палеолита до средневековья. Участок раскопан не полностью и требует продолжения работ в следующем году. Второй участок расположен на надпойменной террасе р. Ангара на правом берегу р. Большая Пеленда. Границами участка являются с запада и севера прибровочные уступы террас рек Большая Пеленда и Ангара соответственно, а восточная и южная границы проведены по исчезновению остатков культурных отложений в рекогносцировочных раскопах. На этом участке были заложены только рекогносцировочные рас-

*__Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.__ Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

копы. По результатам работ видно, что этот участок необходимо изучать раскопками на широкой площади. Третий участок расположен на первой террасе р. Ангара на правом берегу р. Большая Пеленда. Границы участка были определены рекогносцировочными раскопами. На этом участке был заложен раскоп №2 325 кв. м, глубиной до 2.3 м, где в трех литологических горизонтах выделено два культурных слоя, относящихся к эпохе бронзы и средневековья. Раскопами и рекогносцировочными раскопами полностью вскрыта вся площадь этого участка.

Раскоп № 1 вскрыл восемь литологических горизонтов. Получен стратифицированный археологический материал всего периода голоцена. Разрез по мощности составил 3.5 м. Стратиграфия разреза сверху вниз включает следующие отложения:

Слой 1. Легкая супесь серая гумусированная, структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает археологический материал, окатанный обломочный материал: гравий, мелкую гальку 3–4 класса окатанности, корни растений. Новообразования отсутствуют. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность – до 0.3 м.

Слой 2.1. Легкая супесь темно-серого цвета, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, обломочный материал: гравий, мелкую и среднюю гальку, крупные валуны разной степени окатанности, угли, дресву. Новообразования отсутствуют. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом. Мощность – 0.2–0.6 м.

Слой 2.2. Легкая супесь темно-серого цвета, более темная плотная и влажная, чем вышележащий слой. Структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, обломочный материал: гравий, мелкую и среднюю гальку, угли, дресву, глыбы размером до 0.7 м. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом, сменой мехсостава. Мощность — до 0.45 м.

Слой 2.3. Средняя супесь темно-серого цвета, более темная, чем вышележащий слой. Структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Слой незначительно нарушен ходами землероев. Включает археологический материал, обломочный материал (гравий, мелкую и среднюю гальку, угли, дресву, валуны, глыбы). Нижняя граница неточная ясная, обусловлена цветовым переходом и сменой мехсостава и текстуры. Мощность – до 0.45 м.

Слой 3.1. Легкая супесь, серо-коричневая, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая субгоризонтально-слоистая с линзами щебня и гравия. Включает археологический материал, гумусированные линзы до 0.03 м, залегающие субгоризонтально, обломочный материал от гравия до глыб. Новообразования отсутствуют. Слой нарушен ходами землероев до 5% проектной мощности. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом. Мощность слоя – 0.1–0.3 м.

Слой 3.2. Супесь легкая желтовато-коричневая, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, обломочный

материал: гальку разных фракций от мелкой до крупной, валуны. Нижняя граница неточная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность слоя — 0.12–0.6 м.

Слой 3.3. Супесь легкая коричневая, структура пятнистая, текстура однородная. Включает археологический материал, обломочный материал. Мощность слоя — 0.15–0.4 м.

Слой 4. Супесь легкая желтовато-коричневая, структура пористая, текстура косослоистая, слоистая с прослоями средней супеси, более желтой. Содержит обломочный материал: гальку, валуны, линзы щебня и средней гальки, гравий. Видимая мощность до 0.3 м.

Археологический материал первого культурного слоя включил 134 находки: 76 артефактов (изделия из железа – 3 экз., фрагментов керамических сосудов 59 экз., изделий из камня 14 экз.), а так же остатки шлака и фаунистический материал (57 экз.). Изделия из железа представлены одним украшением и двумя крючками. Каменный инвентарь содержал четыре орудия (бифас, концевой скребок, нож и выямчатое), отщепы и обломки. Предварительная датировка материала – позднее средневековье – этнографическое время.

Находки слоя 2.1 составили коллекцию из 2 267 предметов. Свидетельства использования и производства металла зафиксированы в находке пластины из железа кусков шлака и обломков железной руды. Керамические фрагменты сосудов составили коллекцию из 1 674 экз. Среди находок из камня отмечены две бусины, двадцать пять нуклеусов и их обломков, сорок два орудия, сто восемьдесят сколов и двести пятьдесят шесть предметов неклассифицируемой части каменного инвентаря, включающей обломки, осколки и колотые гальки. Коллекция фрагментов остатков фауны крупных млекопитающих насчитывает 74 экземпляра.

Слой 2.2. содержал 1705 находки. Среди них изделие из бронзы аморфной формы, фрагменты керамических сосудов 841 экз. Каменный инвентарь составили 19 нуклеусов и 54 орудия.

Слой 2.3. включал 1 041 находку. Фрагменты керамических сосудов составили 291 экз. Изделия из камня представлены нуклеусами и их обломками (26 экз.), орудиями (60 экз.), сколами, включая микропластины (385 экз.) и неклассифицируемой частью каменного инвентаря (261 экз.). Орудийный состав включает бифасы, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки, острия, ретушированные пластины, выемчатые и зубчатые, скребла, абразивы и отбойники. Предварительная хронологическая интерпретация слоев 2.2 и 2.3 может относиться к эпохе бронзы.

Слой 3.1 содержал 470 находок. Фрагменты керамических сосудов – 129 экз. Каменный инвентарь представлен 5 экз. нуклеусов и 45 орудиями.

Слой 3.2 включал 299 находок. Среди них фрагменты керамических сосудов, нуклеусы, орудия. Предварительная культурно-хронологическая интерпритация слоев 3.1 и 3.2 – эпоха неолита.

Слой 3.3 содержал артефакты позднепалеолитического облика. Среди орудий – скребок, ретушированная пластина и отщеп с ретушью, 15 экз.

сколов, включающих микропластины, 6 обломков и 6 осколков. Материал располагался вокруг кострища. Отобранные образцы угля из кострища несомненно способствуют уточнению возраста этих артефактов.

Раскоп №2 был разбит на первой террасе р. Ангара на левом берегу р. Ангары и на правом берегу р. Большая Пеленда. Разрез, мощностью 2 м сверху-вниз вскрыл следующие отложения:

Слой 1. Легкая супесь темно-серого цвета, структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает археологический материал, обломочный материал. Новообразования отсутствуют, нижняя граница субгоризональная точная неясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстуры. Мощность – 0.2–0.4 м.

Слой 2. Легкая супесь серо-коричневого цвета, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, валуны, корни, обломочный материал. Нижняя граница субгоризонтальная точная ясная, обусловлена цветовым переходом, сменой текстуры и мехсостава. Мощность – 0.2–0.7 м.

Слой 3. Средняя супесь ярко-коричневого цвета. Структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает валуны, песчаные линзы. Новообразования представлены линиями ожелезнения. Видимая мощность – 0.2–0.7 м.

Археологический материал фиксировался в слое 1 и 2. В слое 1 зафиксировано 1 530 находок. Железный нож, остатки шести плавилен, каменные молоты, остатки глиняной обмазки печей, многочисленные куски шлака и обломки руды говорят об интенсивном производстве железа. Фрагментов керамических сосудов найдено 921 экз, каменных артефактов – 607 экз.

В слое 2 зафиксировано 7 713 находок. Среди них изделия из железа и бронзы, фрагменты керамических сосудов (3 274 экз.), бусина из камня, 117 нуклеусов, 283 орудия, 1868 сколов, 1910 обломков и осколков. Среди находок несколько комплексов – плавильни и одно вторичное захоронение. Находки в слое представлены смешенным комплексом эпохи бронзы и железного века. Более детальная интерпретация будет возможна после получения результатов прямого датирования.

Таким образом, на памятнике была зафиксирована толща последовательных литологических напластований, насыщенная культурным материалом, включающая весь период голоцена. В инситном состоянии зафиксированы культурные слои эпохи бронзы, расчищено погребение эпохи бронзы. Кроме единичных находок было в раскопе зафиксированы хозяйственные комплексы: ямы, прокалы, плавильни.

Уточнение границ памятника позволило определить, что культурный слой на Стоянке Большая Пеленда распространяется на площади 2853 кв. м.

А.В. Постнов

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

В 2010 г. в ложе затопления Богучанского водохранилища Ангарским отрядом ИАЭТ СО РАН проводились археологические работы на археологических памятниках Согра и Камешок, а так же на вновь выявленных объектах: Стоянка Большая Пеленда, Стоянка Утес Медвежий, Стоянка Медвежья Шивера и Стоянка Глинка.

Состав работ на всех шести объектах составил вскрытие 4 234 кв.м. Из них спасательными археологическими раскопками сплошной площадью – 3 756 кв. м, а рекогоносцировочными раскопами – 478 кв. м. При этом проводилось визуальное обследование площадей археологических объектов (памятников) со сбором подъемного материала, изучением микрорельефа местности, разбивкой локальной системы координат; определением границ памятника и границ внутри территории археологических памятников между участками с непотревоженным культурным слоем и разрушенным культурным слоем, включая обмеры участков с уничтоженным культурным слоем и прочими работами, предусмотренными требованиями к полевым археологическим исследованиям.

Информативными и важными для науки объектами оказались стоянки Большая Пеленда, Утес Медвежий и Камешок. Стоянки Согра, Глинка и Медвежья Шивера оказались на момент работ сильно разрушены техногенным воздействием. Наиболее интересным результатом раскопок явилось обнаружение поселенческих комплексов на памятниках Учес Медвежий и Камешок.

Стоянка Утес Медвежий располагается по обоим берегам ручья Медвежий, прорезающего надпойменную террасу левого берега р. Ангары в 9,1 км к востоку от поселка Болтурино. Границы памятника: с востока и запада памятник ограничен естественным повышением рельефа. Северная граница проходит по бровке террасы. Южная границы памятника поведена по понижению концентрации находок. До разведки 2008 года границы объекта не были определены. Высота над уровнем моря составляет – 166 м (минимальная), 174 м (максимальная). Координаты памятника 58°19’ 40.37“ с.ш., 100°10’ 14.57“ в.д.

Местонахождение обнаружено в 1977 г. участниками Северо-Ангарской археологической экспедиции. В 2008 г отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.Н. Зенина с целью уточнения границ

памятника и расположения культурных слоёв проведен осмотр территории стоянки, поиск подъемного материала, заложено 2 шурфа.

В рамках спасательных археологических работ 2010 г. было вскрыто тремя раскопами общей площадью 965 квадратных метров. Кроме этого заложено 8 рекогносцировочных раскопов общей площадью 60 кв. м. Места закладки раскопов определялись с учетом ранее установленных границ памятника и геоморфологических условий местности. В результате проведения работ получен плохостратифицированный археологический материал эпохи неолита и бронзы. Результатом исследования Стоянки Утес Медвежий явилось выявление поселений неолитического и бронзового времени. В пределах площади раскопа исследовано три жилища. Расчищено парное погребение неолитического времени.

Стратиграфическая ситуация в различных раскопах сохраняла определенную последовательность и характер отложений. В результате раскопок выделено 4 литологических горизонта. Принципиальная стратиграфическая схема отложений следующая:

Слой 1. Супесь темно-серая, структура мелкокомковатая, текстура однородная. Включает корни растений. Новообразования отсутствуют. Нижняя граница точная ясная, обусловлена цветовым переходом и сменой мехсостава, характер полого-волнистый. Мощность – 0.05–0.15 м.

Слой 2. Средняя супесь светло-серого цвета, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, корни растений, угли, растительный детрит. Новообразования представлены линиями ожелезнения. Нижняя граница слоя неточная, ясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстура, характер полого-волнистый. Мощность – 0.05–0.5 м.

Слой 3. Средняя супесь красновато-коричневого цвета, структура мелкокомковатая, текстура пятнистая. Включает археологический материал, корни растений, угли, растительный детрит. Новообразования представлены линиями ожелезнения. Нижняя граница слоя точная, ясная, обусловлена цветовым переходом и сменой текстура, характер полого-волнистый. Мощность – 0.23–0.55 м.

Слой 4. Легкая супесь светло-палевая, зеленоватая, структура пористая, текстура однородная. Включает растительный детрит. Новообразования отсутствуют. Мощность – 0.04–0.2 м.

Раскоп 1 расположен по левому берегу ручья Медвежий, прорезающему 15-метровую надпойменную террасу р. Ангара на левом ее берегу. Границами участка являются с востока и севера прибровочные уступы террасы реки Ангара и ручья Медвежьего, а с запада и юга границы проведены условно по отсутствию в рекогносцировочных раскопах культурного материала.

Археологический материал из раскопа 1 представлен смешанным комплексом неолита – бронзового века. В раскопе 1 зафиксировано 6 275 находок. Изделия из бронзы представлены ножем и топором, находки керамики представлены в 1 684 фрагментах сосудов, каменный инвентарь насчитывает 4 535 экз. Каменный инвентарь представлен нуклеусами (75 экз.), ору-

диями (459 экз.) среди которых бифасы, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки, острия, резцы, долотовидные, ретушированные пластины в макро и микро исполнении, выемчатые и зубчатые, скребла, топоры, тесла, абразивы, выпрямители и отбойники.

В раскопе 1 выявлено и разобрано одно жилище шестиугольной формы. Площадь овального внешнего контура жилища (5,95х4,83 м) составила 23.33 кв. м. В центре округлое углубление диаметром 3,6 м, площадью 10,72 кв.м с очагом овальных очертаний в плане. По периметру от внешнего контура на расстоянии 0,15 – 0,3 м расположено шесть столбовых ям диаметром ок. 0,2 м и глубиной 0,2 – 0,25 м. Вход жилища был ориентирован в восточном направлении.

Раскоп №2 расположен по левому берегу ручья Медвежий, прорезающему 15-метровую надпойменную террасу р. Ангара на левом ее берегу на участке №2 Стоянки Утес Медвежий.

Археологический материал из раскопа 2 представлен смешанным комплексом неолита – бронзового века. В раскопе 2 зафиксировано 1 410 находок. Украшения из кости представлены аморфной фигуркой с орнаментом, кольцом и подвеской. Изделия из керамики включают в 171 фрагмент сосудов. Каменный инвентарь насчитывает 1 228 экз. Каменный инвентарь представлен нуклеусами (4 экз.), орудиями (24 экз.) среди которых скребки, ножи, проколки, долотовидные, ретушированные пластины в макро и микро исполнении, выемчатые и зубчатые, тесла, отбойники и наковальни.

В раскопе 2 выявлено и разобрано одно жилище шестиугольной формы. Площадь овального внешнего контура жилища (6,9х5,84 м) составила 34.55 кв. м. В центре округлое углубление диаметром 2,7 м, площадью 6,82 кв.м с очагом овальных очертаний в плане. По периметру от внешнего контура на расстоянии 0,15 – 0,3 м расположено шесть столбовых ям диаметром ок. 0,2 м и глубиной 0,2 – 0,25 м.

Раскоп 3 расположен по левому берегу ручья Медвежий, прорезающему 15-метровую надпойменную террасу р. Ангара на левом ее берегу на участке №2 Стоянки Утес Медвежий.

Археологический материал из раскопа 3 представлен смешанным комплексом предположительно неолита – бронзового века. В раскопе 3 зафиксировано 442 находки. Изделия из керамики включают в 120 фрагмент сосудов. Каменный инвентарь насчитывает 302 экз. Каменный инвентарь представлен нуклеусами (5 экз.), орудиями (44 экз.) среди которых бифасы, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки, долотовидные, ретушированные пластины, выемчатые и зубчатые, тесла и рубящие.

В раскопе 3 выявлено и разобрано одно жилище шестиугольной формы. Площадь овального внешнего контура жилища (3,85х2,81 м) составила 9 кв. м. В центре округлое углубление (2,85х2,42 м), площадью 5,2 кв. м с очагом овальных очертаний в плане. По периметру от внешнего контура на расстоянии 0,15 – 0,3 м расположено шесть столбовых ям диаметром ок. 0,2 м и глубиной 0,2 – 0,25 м.

Уточнение границ памятника позволило определить, что культурный слойна Стоянке Утес Медвежий распространяется на площади 8005 кв. м, где визуально обнаруживаются около 50 жилищных западин.

Стоянка Камешок расположена на левобережной части острова Тургенев, в 9.5 км от его нижней оконечности, в урочище Берёзовый лог и имеет площадь по паспортизации 31 076 кв. м. Географические координаты памятника: 58 36’ 41.18” с.ш., 100 32’ 53.49” в.д., высота над уровнем моря – 170 м (минимальная), 172 м (максимальная). Островная терраса, к которой приурочен памятник, высотой 8–10 м, сложена супесями и песками, покрыта смешанным лесом. Протяженность площади распространения материала около 1.5 км. Значительная часть памятника разрушена землеройной техникой и сплавным участком.

Стоянка открыта в 1980 г. отрядом САЭ КГПИ под руководством Н.И. Дроздова*. В 1985-87 гг. поселение осматривалось отрядами по паспортизации археологических памятников КАЭ КГПИ. Памятник паспортизирован, Законом Красноярского края № 14-526 от 24 июня 1997 г. поставлен на государственную охрану. В2008 г отрядом Института археологии и этнографии СО РАН под руководством А.Н. Зенина произведена зачистка обнажения береговой террасы, заложен шурф, произведен сбор подъемного материала.

В отчетный период работ было вскрыто раскопом сплошной площадью 1691 квадратных метров. Кроме этого заложено 20 рекогносцировочных раскопов общей площадью 105 кв. м. Места закладки раскопов определялись с учетом ранее установленных границ памятника и геоморфологических условий местности.

Археологический материал эпохи неолита и бронзы залегал в литологических слоях 2 и 3. В раскопах 1 и 2 зафиксировано 2 656 находок. Изделия из керамики включают в 1 180 фрагментов сосудов. Каменный инвентарь насчитывает 1 319 экз. Каменный инвентарь представлен нуклеусами (20 экз.), орудиями (172 экз.) среди которых бифасы, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки, долотовидные, ретушированные пластины, выемчатые и зубчатые, топоры, тесла абразивы и отбойники.

Результатом исследования Стоянки Камешок явилось выявление поселений неолитического времени. В пределах площади раскопа исследовано шесть жилищ различной конструкции. Расчищено погребение неолитического времени.

Уточнение границ памятника позволило определить, что культурный слой на Стоянке Камешок распространяется на площади 52103 кв. м, где визуально обнаруживаются более 70 жилищных западин.

***Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И.** Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

С.И. Рудковский

РАБОТЫ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС НА ОСТРОВАХ СЕРГУШКИН И СОКОЛОВСКИЙ

С 15 июля по 5 сентября 2010 г. 2-м Сергушкинским отрядом Института археологии и этнографии СО РАН проводились археологические раскопки на ряде памятников Среднего Приангарья (Красноярский край, Кежемский район).

Археологические исследования проводились на трех памятниках: стоянки Сергушкин 1, 2 и Остров Соколовский. Стоянка Сергушкин 1 расположена в верхней оконечности острова Сергушкин на его левом берегу, на пойменной (высотой 6 –7 м) и первой надпойменной террасе р. Ангары (высотой 10 – 12 м). Площадь памятника при постановке на учет: 261 362 кв. м. В 2008 г. на памятнике производились раскопки под руководством В.И. Привалихина. Стоянка Сергушкин 2 находится на левом берегу о. Сергушкин в его центральной части и приурочена к высокой надпойменной террасе (10-12 м). Площадь памятника на момент паспортизации – 618 614 м кв. Уточненная в ходе разведки 2008 года площадь памятника: 300 700 кв. м. Стоянка Остров Соколовский находится на одноименном острове, который находится между островами Бурнауль и Сергушкин. Памятник приурочен к 6-8 метровой террасе нижней оконечности острова.

В результате полевых исследований на памятнике Сергушкин 2 была вскрыта площадь 524 м^2, из которых 412 м^2 сплошная площадь исследования (Раскоп №1) и 112 м^2 рекогносцировочные раскопы (№1 – 5). На стоянке Сергушкин 1 отрядом исследовано 192 м^2 площади (раскоп №1 – 152 м^2; рекогносцировочные раскопы №1, 2 – 40 м^2). Памятник Остров Соколовский был изучен с помощью трех рекогносцировочных раскопов общей площадью 50 м^2. Таким образом, общая площадь раскрытий, выполненных 2-м Сергушкинским отрядом составила 766 м^2.

При исследовании стоянки Сергушкин 2 раскоп №1 был заложен на стрелке мыса, образованного коренной террасой и левым бортом лога. Глубина раскопа колебалась на разных участках от 0,65 до 1,15 м. Культурные отложения перекрыты слоем эолового стерильного песка мощностью от 0,05 до 0,55 м. Мощность культурных напластований составляет 0,5 – 0,6 м. Культурный слой не стратифицирован.

В раскопе зафиксированы и исследованы две очажные выкладки, а также крупная выкладка неизвестного назначения. Общее количество находок в раскопе составило 2015 единиц. Артефакты представлены крупными обломка-

ми керамических сосудов, изделиями из камня (топоры, наконечники стрел, скребки), заготовками и отходами камнеобработки. Изделий из металла не обнаружено. Керамический комплекс обнаруженный в слое включает посуду глазковской культуры и сосуды орнаментированные оттисками сетки-плетенки, относящиеся к серовскому периоду неолита Северного Приангарья.

Все найденные артефакты укладываются во временной промежуток неолита – бронзового века.

Для уточнения границ распространения культурного слоя на стоянке Сергушкин – 2 на памятнике были проведены рекогносцировочные раскопки. На протяжении пятисот метров было разбито пять рекогносцировочных раскопов общей площадью 112 кв. м. В трех из них зафиксирован культурный слой, содержащий древние артефакты. Находки представлены обломками керамических сосудов, изделиями из камня и отходами камнеобработки.

Для исследования культурного слоя стоянки Сергушкин 1 на краю террасы р. Ангары был заложен раскоп №1. Глубина раскопа колебалась на разных участках от 0,5 до 0,7 м. Мощность культурных напластований составляет 0,4 – 0,5 м. Культурный слой не стратифицирован.

Верхний горизонт культурного слоя насыщен отходами металлообработки (шлаки, фрагменты крицы, обломки сопел). Общее количество находок (без включения обломков шлака и крицы) в раскопе составило 562 единицы. Артефакты представлены обломками керамических сосудов, изделиями из камня, заготовками и отходами камнеобработки.

Все найденные артефакты укладываются в широкий временной промежуток от неолита до средневековья.

Для уточнения границ распространения культурного слоя на стоянке Сергушкин – 1Б на памятнике были проведены рекогносцировочные раскопки. На северной периферии памятника свободной от завалов деревьев было разбито два рекогносцировочных раскопа. В каждом зафиксирован слабый культурный слой, содержащий древние артефакты. В рекогносцировочном раскопе №1 найден 1 артефакт (каменный скребок), в раскопе №2 всего две находки (каменный отщеп и пластина). Мощность культурного слоя не превышает 0,5 м.

Для изучения стоянки Остров Соколовский на краю террасы р. Ангары в центральной части стоянки на значительном удалении друг от друга было заложено три рекогносцировочных раскопа. Глубины раскопов колебались на разных участках от 0,7 до 1,0 м. Антропогенных объектов и артефактов в раскопах не зафиксировано. Подъемного материала также не обнаружено. Площадь памятника, охваченная раскопами и визуальным осмотром, составила около 7000 кв. м – культурный слой не выявлен. Все найденные артефакты относятся к новейшему времени – битое стекло, фарфор.

Таким образом, материал изученных памятников разновременный – от неолита (V тыс. до н.э.) до средневековья. Большая часть полученного в ходе раскопок материала и выявленных объектов относится к эпохе неолита и глазковской культуре раннебронзового века.

Е.П. Рыбин, А.А. Кубан, М.Н. Мещерин, Я.В. Фролов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СТОЯНКАХ ИГРЕНЬКИНА ШИВЕРА И КОЛПАКОВ РУЧЕЙ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС

С 22 июня по 18 сентября Колпаковский отряд участвовал в спасательных археологических работах в зоне затопления Богучанской ГЭС. Отрядом исследовались две стоянки: Игренькина Шивера и Колпаков Ручей.

Стоянка ***Игренькина Шивера*** располагается на первой надпойменной террасе, на левом берегу р. Ангара в 17,8 км к юго-западу от поселка Кежма в створе шиверы Игренькиной. Географические координаты памятника: 58°49’9.21” с.ш., 100°57’42.50” в.д., высота над уровнем моря составляет – 178 м (минимальная), 181 м (максимальная). Площадь памятника, определенная в результате разведки 2008 года составила 2006 м.

Территория памятника связана с террасовидной площадкой узкой и протяжённой. Её размеры составляют 5-10 м в ширину (по линии Восток-Запад) и около 200 метров в длину (по оси Юг – Север). С Юга и Севера площадку ограничивают коренные отроги сопок, протянувшиеся перпендикулярно долине Ангары и оканчивающиеся на берегу скалистыми утёсами. Восточный склон, обрамляющий территорию памятника, регулярно крутой (более 30^0). Основные гипсометрические уровни и морфологические признаки позволяют предварительно определять форму рельефа с дислокацией стоянки как аккумулятивно-аллювиальную террасу р. Ангары с высотой у бровки её уступа 7-8 м. Таким образом, описанное урочище представляет собой определённо локализованное пространство, ландшафт которого типичен для тайги Средней Сибири.

Памятник открыт В.И. Привалихиным в 1974 году. В 1995 году им же было проведено повторное обследование и произведена зачистка естественных обнажений борта террасы. В результате этих работ материалы данного объекта были отнесены к эпохе неолита (V-III тыс. до н.э.). В ходе разведки 2008 года на памятнике был проведен визуальный осмотр территории, предпринят поиск поверхностно залегающих артефактов, заложено 2 шурфа.

Полевые исследования, запланированные на 2010 г., являлись первыми крупномасштабными археологическими работами, проводимыми на ОАН Игренькина Шивера, известном до настоящего времени только по фрагментарным зачисткам и шурфовке. В результате работ 2010 года на стоянке Игренькина Шивера сплошным раскопом было вскрыто 685 м.кв,

рекогносцировочными раскопами – 50 м.кв. Территория памятника была изучена полностью.

Особенности геоморфологии памятника и требования технического задания обусловили выбор методики: с целью исследования памятника был заложен один сплошной раскоп 1, занявший практически всю возможную для исследования площадь надпойменной террасы.

Раскопом вскрыто 6-7 литологических слоёв и несколько их подгоризонтов. Стратиграфическая картина протяженного раскопа на разных участках имеет вариации. Археологические находки зафиксированы в четырёх верхних литологических слоях (рис. 1).

Литослой I подразделяется на горизонты «а» и «б».

Iа – почвенно-растительный гумусовый горизонт. Его мощность неравномерна – 2-7 см.

Iб – горизонт светло-жёлтого цвета. Сложен разнозернистыми пылеватыми песками, разреженными включениями мелкого гравия и мелкой гальки. Мощность горизонта варьирует от 3-5 до 40-50 см. Слой содержит артефакты первого культурного горизонта и погребённые антропогеновые конструкции (плавильные печи).

Литослой II – каштановая (красно-коричневая) пылеватая супесь с разреженными включениями дресвы и отдельными крупными кусками грубообломочного склонового материала (траппа). Мощность непостоянная от 3-5 до 15 - 20 см. В слое встречены находки каменных изделий с микротехникой, фрагменты тонкостенной орнаментированной керамики, кусок шлака с проявлениями окисла меди. Уровень находок получил обозначение культурного горизонта 2.

Литослой III делится на два горизонта «а» и «б»:

Горизонт «а» - жёлто-серые супеси, насыщенные гравием.

Горизонт «б» - сложен мелкими фракциями разнозернистых песков, замещающих дресву и гравий. Литологический слой содержит артефакты третьего культурного горизонта - каменные орудия (в том числе с элементами шлифовки), фрагменты керамики. Зафиксированные выше находки палеометаллургии в литологическом слое III «а» и «б» отсутствуют.

Литослой IV – имеет общий жёлто-коричневый цвет, темных оттенков в верхней части и осветлённый к подошве. Подразделяется на 3 горизонта – «а», «б» и «в».

На участке на контакте горизонта «а» и литологического слоя III в зоне солифлюкционных деструкций обнаружен археологический материал - каменные изделия без керамики. Данный уровень находок условно отнесен к культурному горизонту 4.

Литологический слой V зафиксирован местами на первых участках раскопа в северной части. Он представлен алевритистым осадком белёсого цвета, сильно карбонатизированным.

В ходе работ на Раскопе 1 были выявлены следующие особенности планиграфии слоя: насыщенность слоя имеет наибольшую степень концент-

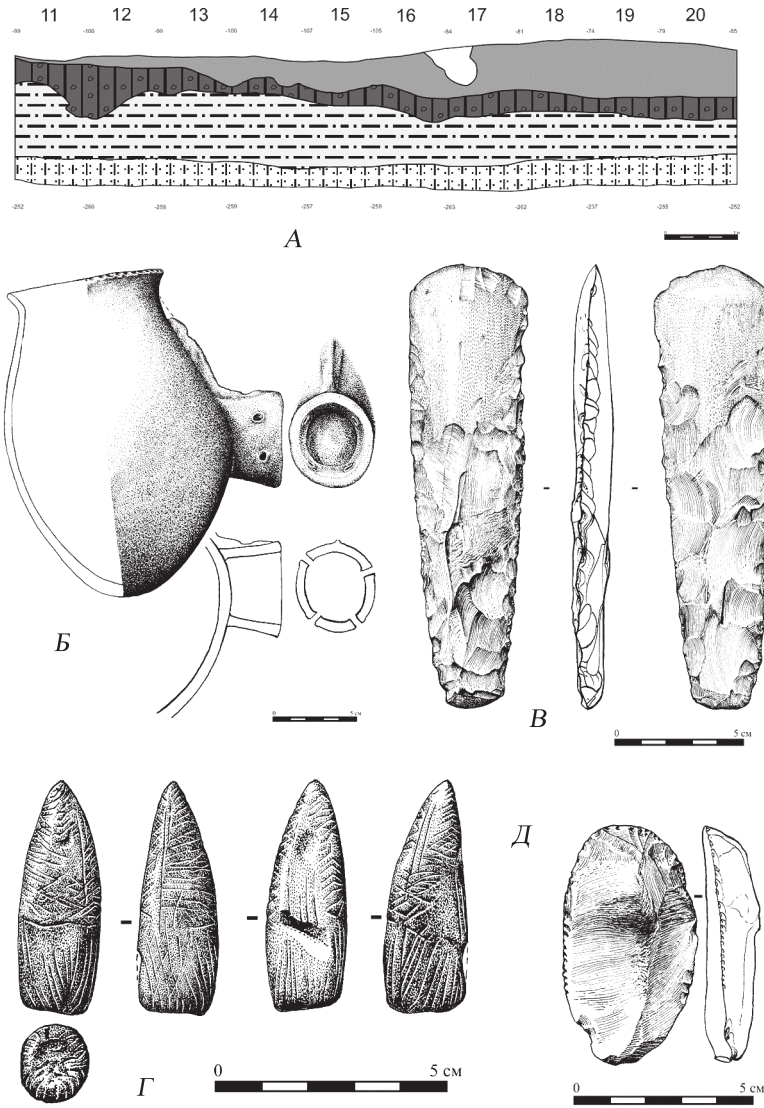


Рис. 1. Стоянка Игренькина Шивера.
А – схематический стратиграфический разрез восточной стенки участка 4 раскопа1; *Б* – керамический сосуд (реконструкция); *В* – шлифованное тесло; *Г* – предмет неутилитарного назначения (камень); *Д* – скребок.

рации в северной части раскопа, примыкая к логу временного водотока. По мере удаления от ручья и увеличения крутизны склона количество находок в южной части памятника постепенно сходит на нет.

При раскопках стоянки были обнаружены две плавильные печи. Обе печи имеют сходную конструкцию. Их малые размеры свидетельствуют о самом раннем (примитивном) их типе. В Южной Сибири (Горный Алтай, Хакассия) характерны для гунно-сарматского времени и эпохи раннего средневековья. На Ангаре могли использоваться и позднее. Предварительная датировка - начало I тыс. н.э.- конец I тыс. н.э. Значительная часть артефактов происходила из компактно залегавших скоплений, характерных для всех, начиная с 3-го, условных горизонтов. Так, в скоплении №74, залегавшем на контакте 5 и 6-го условных горизонтов было обнаружено около 4000 находок, представленных преимущественно отходами каменной индустрии. Скорее всего, эти скопления отражали ситуацию первичного раскалывания камня, так как количество орудий, обнаруженных в их пределах очень невелико.

Общее количество находок, обнаруженных при раскопках стоянки составило 22557 экземпляров. В отложениях стоянки Игренькина Шивера может быть выделено несколько культурно-хронологических комплексов. Первый культурный горизонт залегает в отложениях литологического слоя I, в котором были обнаружены погребённые антропогеновые конструкции (плавильные печи), аморфные, грубые каменные отщепы и фрагменты неорнаментированной и орнаментированной керамики со следами гребенчато-зубчатого штампа и пальцевыми защипами. Вероятно, данный слой относится к раннему средневековью. В литологическом слое II встречены находки каменных изделий с микротехникой, фрагменты тонкостенной орнаментированной керамики, кусок шлака с проявлениями окисла меди, можно предположить, что данный комплекс относится к раннему железному веку. Литологический слой III содержит артефакты третьего культурного горизонта - каменные орудия (в том числе с элементами шлифовки), редкие фрагменты керамики, украшенные орнаментом «сетка-плетенка», предмет неутилитарного назначения – галька с абстрактным геометрическим узором. Этот горизонт представляет эпоху неолита (V-III тыс. до н.э.). В литологическом слое IV в зоне солифлюкционных деструкций обнаружен археологический материал - каменные изделия без керамики, вероятно относящийся к эпохе «бескерамического неолита». Показательным является постоянное и стабильное уменьшение доли фрагментов керамических сосудов в составе инвентаря стоянки. Если в отложениях литологического слоя I (1-2 условные горизонты) доля фрагментов сосудов среди артефактов достигает 60%, то в отложениях, содержащих находки из условных горизонтов 5-7 (культурный горизонт 3) она не превышает 0,29% всех находок, попавших в состав седиментов по корневой системе деревьев.

Таким образом, анализ археологических комплексов стоянки Игренькина Шивера позволяет реконструировать особенности развития человеческой культуры в данном регионе на протяжении всего периода голоцена.

Стоянка ***Колпаков Ручей*** находится в Кежемском районе Красноярского края, на 25 км ниже пос. Кежма, на левом берегу р. Ангары и по обоим берегам Колпаковского ручья, в 3-х километрах ниже по течению от стоянки Игренькина Шивера. Площадь памятника: 12 287,91 кв. м, координаты: 58°47'33.51" с.ш., 100°57'18.04" в.д. Отметка высоты, к которой приурочен памятник – 176 м (минимальная), 181 м (максимальная). С севера памятник ограничен скальным утёсом (в районе расположения створного знака), с запада - бровкой террасы р. Ангары, с востока – повышением, с юга – проселочной дорогой, идущей вглубь террасы от береговой черты р. Ангары. Общая протяженность стоянки вдоль фронта террас составляет до 0,7 км. С юга и севера стоянка ограничена скалистыми сопками, опускающимися к самой воде (р. Ангаре). Восточной границей служат заболоченные верховья Колпаковского и двух безымянных ручьев.

Стоянка открыта в 1974 году В.И. Привалихиным. В 1985–87 гг. поселение осматривалось отрядами по паспортизации археологических памятников КАЭ КГПИ. В 1995 году археологическая экспедиция ККМ и ИИФиФ СО РАН под руководством Д.Ю. Березина провела на стоянке Колпаков Ручей в пункте А на участке террасы, находившемся севернее устья ручья стационарные раскопочные работы. Вскрыто 40 м.кв. площади памятника. В результате стационарных археологических раскопок было выявлено два горизонта залегания археологического материала, имевших мощность до 0,5 м и давших очень многочисленные находки. Первый горизонт был отнесен к раннему железному веку, второй к неолиту.

В результате работ 2010 года на стоянке Колпаков Ручей сплошным раскопом было вскрыто 1025 м.кв, рекогносцировочными раскопами – 100 м.кв.

С целью исследования наиболее перспективных участков памятника было заложено 3 сплошных раскопа, расположенных в южной (Раскоп 1) и северной частях памятника (Раскопы 2 и 3).

Наиболее показательный стратиграфический разрез был получен при изучении Раскопа 3 (рис. 2):

Литологический слой I - почвенно-дерновый слой почвы. Мощность слоя в среднем составляет до 18 см. Литологический слой I содержит артефакты, относимые к широкому хронологическому диапазону от раннего железного века до средневековья и исторической этнографии.

Литологический слой II - каштановая супесь. Имеет мощность от 3 – 16 см. Артефакты могут быть отнесены к бронзовому веку и позднему неолиту. Встречаются на всем протяжении слоя.

Литологический слой III Жёлто-серые супеси пылеватые мелкозернистые неслоистые. Имеет мощность от 30 до 45 см. Артефакты обнаружены в верхней части литологического слоя на контакте с литологическими слоем II.

Литологический слой IV представлен двумя горизонтами.

А-горизонт сложен серо-жёлтыми лессовидными супесями. Максимальная мощность до 43 см.

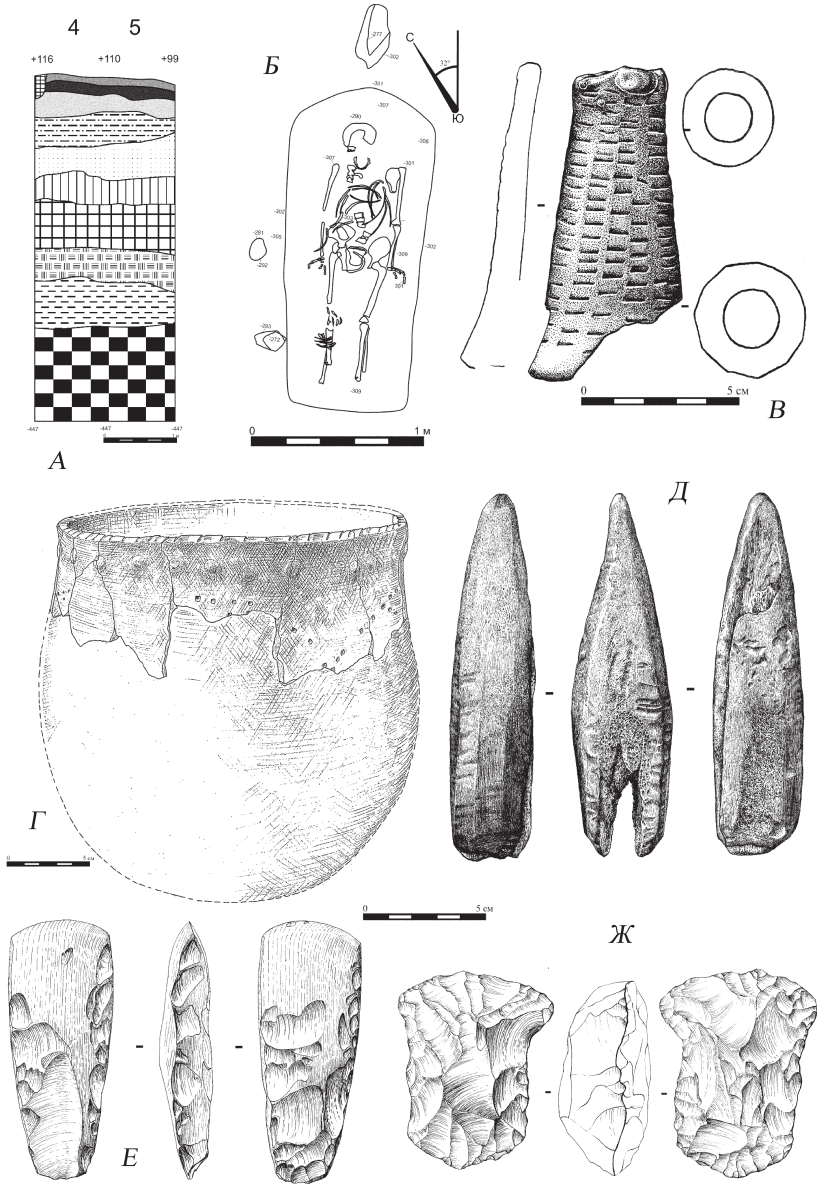


Рис. 2. Стоянка Колпаков Ручей.
А – схематический стратиграфический разрез восточной стенки участка 2 раскопа 3; *Б* – погребение № 1; *В* – сопло плавильной печи; *Г* – керамический сосуд (реконструкция); *Д* – костяной наконечник; *Е* – шлифованное тесло; *Ж* – топор с «ушками».

Б-горизонт – уровень почвообразования. Мощность от 14 до 25 см. Обнаружены 3 каменных артефакта.

Литологический слой V – гравелитистые пески и суглинки серовато-розоватого цвета. Слой представлен гумусированными текстурами горизонтального простирания. Подошва горизонтальная. Мощность – до 12 см.

Литологический слой VI – мелкослоистые пески серовато-розового цвета. Слоистость параллельная горизонтальная. Границы по кровле и подошве отчётливые. Мощность до 136 см.

Данный слой содержит находки палеолитического облика. Все они несут следы корразии и окатанности. Среди них: отщепы с субпараллельной и конвергентной огранкой – 12 экз., фрагмент полуреберчатой пластины – 1 экз., расколотые гальки – 5 экз., мелкие обломки – 3 экз., лопатка крупного млекопитающего – 1 экз.

Литологический слой VII – розоватый суглинок, насыщенный разнозернистой породой, дресвой, гравием, мелкой галькой, щебнем и слабоокатанными обломками местной скалы. Мощность слоя 8 - 15 см.

Литологический слой VIII – толща красноцветных отложений, сложенная красновато-коричневатыми-розовыми, чёрными и белёсо-желтоватыми осветлёнными прослойками. Мощность от 6 до 40 см.

Литологический слой IX – горизонтально-слоистые пески и супеси с оглеением, желтовато-розоватые. Вскрыто на глубину 12-45 см.

Общее количество находок, полученное при проведении археологических работ, составило 25004 экземпляра. Было выявлено несколько последовательно залегавших культурно-хронологических комплексов: а)этнографическое время – эпоха позднего средневековья; б) ранний железный век, представленный двумя металлоплавильными печами, шлаками и крицами; фрагментами неорнаментированной керамики с узкими валиками, образованными путем защипов пальцами сырого теста в местах стыковки жгутов, с широкими налепными валиками в месте перехода от шейки к тулову, украшениями из бронзы, металлическими орудиями; в) эпохи ранней бронзы – финального неолита, представленного безынвентарным погребением, фрагментами керамики как без орнамента, так и с орнаментом в виде налепных валиков, «сетки-плетенки», отступающей лопаточки, многочисленными каменными артефактами, в том числе микропластинами, шлифованными теслами, топорами с «ушками» и перехватом, костяными орудиями; г) впервые выделенным на данном памятнике палеолитическим комплексом, который может быть датирован в хронологическом промежутке от 30 до 40 тыс. лет назад.

Этот обширный объект (почти километр длиной и до 40-50 м шириной) можно воспринимать как единую стоянку или совокупность стоянок средне-позднеголоценового времени, гомогенных в культурном отношении, но с локальными вариациями фациального распределения зон культурно-хозяйственной активности.

А.Н. Савин

КЕРАМИКА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ПАРТА

В полевом сезоне 2010 г. было продолжено исследование многослойной стоянки Парта. За период с 2008 по настоящее время было исследовано 1797 м.кв. площади памятника, накоплена значительная коллекция материалов позволяющая судить о характере залегания культурных напластований памятника.

Стоянка Парта расположена в Кежемском районе Красноярского края в районе среднего течения р. Ангара на первой речной террасе высотой 6-12 м. С северо-запада терраса окружена устьевым валом реки Ангара, а с юго-запада устьевым валом р. Парта. С северо-востока территория памятника ограничена подножьем сопки. На уровне дневной поверхности площадь памятника не имеет признаков археологического объекта, что отчасти связано с проводившимися в 90-е г. на территории памятника лесозаготовительными работами. В результате этого верхние культурные горизонты памятника были разрушены гусеницами треволочных тракторов. Техногенные нарушения затронули всю территорию памятника и отчетливо фиксируются в виде крупных рытвин и канав. Тем не менее, в результате работ удалось выделить отдельные участки незатронутые техногенными нарушениями позволившие исследовать хроностратиграфическую колонку памятника.

В результате исследований памятника было выявлено три культурных горизонта различной мощности, залегающие на глубину до 1,2 м. В основном археологические материалы были обнаружены при исследовании второго и третьего стратиграфических горизонтов.

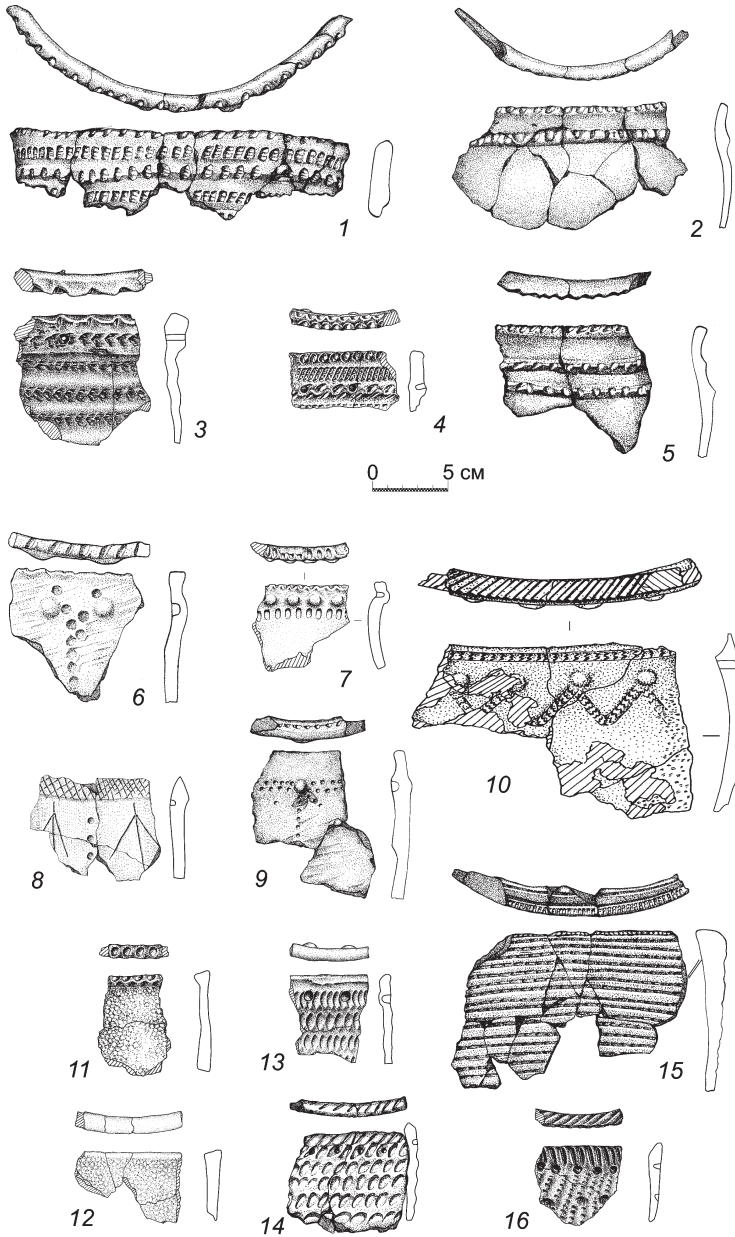
Второй стратиграфический слой представлен гуммусированной супесью черного цвета плавно сменяющейся в центральной части террасы гуммусированным суглинком черного цвета. Стратиграфический слой 2 имеет мощность от 0,12 м. до 0,29 м и оказался наиболее поврежденным техногенными нарушениями, корнями деревьев и норами грызунов. Различного рода повреждения стратиграфического слоя привели к тому, что обнаруженные при его исследовании материалы были сильно фрагментированы, концентрируясь в толще слоя небольшими скоплениями. При исследовании второго стратиграфического слоя были обнаружены фрагменты керамики, отщепы, сколы, шлаки, изделия из железа.

Керамика, обнаруженная при исследовании второго стратиграфического слоя в основном представлена обломками круглодонных, профилированных

сосудов с выраженным шейкой и туловом. В орнаментации керамики второго стратиграфического слоя можно выделить три устойчивых типа. Первый тип представлен на сосудах с прямым венчиком, как правило, утолщенным налепленной с внешней стороны широкой лентой и орнаментированной оттисками поставленного под углом зубчатого штампа в ряде случаев в сочетании с защипами пальцев (см. *рисунок*, *1, 3, 4*). Орнаментация покрывает устье сосуда и захватывает верхнюю часть тулова, тогда как нижняя часть сосуда не орнаментировалась. Второй тип так же представлен на профилированных сосудах, край венчика которых утолщен налепным жгутом. Как и в предыдущем случае орнаментировалась верхняя треть сосуда, тогда как нижняя часть оставалась без орнаментации. Орнаментация этих сосудов однотипна и представлена горизонтальными рядами оттисков прямо поставленного гладкого штампа прямоугольной реже квадратной формы. Третий тип орнаментальной композиции представлен на круглодонных, профилированных сосудах с тонким сильно отогнутым наружу венчиком. По тулову сосуда или чуть выше, как правило, располагается налепной валик, рассеченный защипами пальцев или оттисками штампа (см. *рисунок*, *2*). В ряде случаев орнаментальная композиция состоит из нескольких таких валиков (см. *рисунок*, *5*). Вероятно выделенные три типа орнаментальных композиций керамики обнаруженной при исследовании второго стратиграфического слоя могут быть датированы широким периодом эпохи железного века. Ближайшие аналогии этой керамики можно обнаружить в материалах памятников Капонир [Привалихин, 1992, с. 75, таб 1, рис. 2], Сергушкин 3 [Привалихин, 1987, с. 93, рис. 2, *1-2*], поселение Нижнепорожинское 1 [Мандрыка, 2007, с. 81, рис. 1, *5-14*]

Третий стратиграфический слой стоянки Парта представляет супесь буроватого цвета, постепенно сменяющуюся в центральной части террасы светло серой суглинистой почвой. Мощность слоя колеблется от 0,02 до 0,32 м. При исследовании третьего стратиграфического слоя был обнаружен комплекс, состоящий из двух металлургических печей, прокала очага, скопления фрагментов керамики и развала керамического сосуда. Также было обнаружено большое количество разрозненных находок, производственные площадки обработки камня, скопления фрагментов керамики и развалы сосудов.

Керамика, обнаруженная при исследовании третьего стратиграфического слоя, представлена фрагментами круглодонных, слабопрофилированных сосудов, закрытой формы. Край венчика, как правило, приострен, скошен наружу или внутрь сосуда, реже срез венчика прямой. Обязательным условием орнаментальной композиции керамики третьего стратиграфического слоя является декорирование венчика прочерченными линиями или оттисками округлой палочки (см. *рисунок, 6-10*). Еще одним обязательным элементом является наличие горизонтального ряда «жемчужин» расположенного на лицевой поверхности сосуда сразу под венчиком. Остальные элементы орнаментации могли варьироваться, располагаясь зонально в



Керамика многослойной стоянки Парта.

1–5 – керамика эпохи железного века (стратиграфический слой 2); *6–10* – керамика эпохи бронзового века (стратиграфический слой 3); *11–16* – керамика эпохи неолита (стратиграфический слой 4).

верхней трети сосуда. Наиболее часто встречается орнамент в виде вертикально расположенных геометрических фигур стрельчатой формы, выполненных круглыми вдавлениями оттисков палочки или прочерченными линиями. Также довольно часто встречается орнамент в виде горизонтально расположенной прочерченной полосы зигзага или выполненной оттисками отступающего двузубчатого штампа. В ряде случаев можно проследить дополнительную обработку лицевой поверхности сосудов протащенной гребенкой с последующим лощением. Керамика, обнаруженная при исследовании третьего стратиграфического слоя поселения Парта, предположительно может быть отнесена к периоду позднего бронзового века.

Четвертый стратиграфический слой представлен супесью желтого цвета в центральной части террасы сменяющуюся светло-желтой суглинистой почвой. Слой 4 имеет мощность от 0,1 до 0,3 м, при его исследовании в основном были обнаружены изделия из камня и отходы каменной индустрии, тогда как керамика представлена сравнительно небольшим комплексом находок. Обнаруженную при исследовании четвертого стратиграфического горизонта керамику можно разделить на две группы. Первая представлена фрагментами слабопрофилированных, круглодонных сосудов с прямым, реже чуть скошенным внутрь сосуда срезом венчика (см. *рисунок, 11-12*). В некоторых случаях край венчика орнаментировался круглыми вдавлениями палочки. Ниже венчика на лицевой стороне как правило располагался горизонтальный ряд круглых ямок. Вся лицевая часть сосуда покрыта ложнотекстильным орнаментом, появившемся в результате выбивки лицевой поверхности сосуда. Керамика этого типа в материалах стоянки Парта представлена единичными фрагментами. Ближайшие аналогии ей можно найти в материалах серовского этапа эпохи неолита [Окладников, 1950, с. 206-214].

Вторая группа керамики, обнаруженная при исследовании четвертого стратиграфического слоя, представлена более крупной коллекцией. В основном это фрагменты слабо профилированных сосудов, закрытой формы, со скошенным внутрь или наружу, чуть утолщенным срезом венчика, реже срез венчика имеет округлую форму (см. *рисунок, 13-16*). Вся лицевая поверхность сосуда имеет богатую орнаментацию и в основном представлена горизонтальными рядами отступающих оттисков. В качестве орнаментира могла использоваться лопаточка с округлым рабочим концом, круглая палочка, угол дощечки или зубчатый штамп. Обязательным орнаментальным элементом этой группы керамики является одинарный или двойной горизонтальный ряд круглых ямочных углублений расположенный сразу под венчиком сосуда. Судя по аналогичной орнаментации, данная группа керамики относится к так называемому усть-бельскому типу эпохи неолита, выделенному на основании материалов многослойного поселения в устье речки Белой, правого притока реки Ангара [Савельев, Медведев, 1973, с. 56 - 64]. Вероятно, этот тип керамики относятся к широкому периоду эпохи неолита.

Таким образом, на основании комплекса керамики обнаруженного при исследовании многослойной Парта, возможно, выделить три крупных хронологических периода существования стоянки. При этом отчетливые стратиграфические напластования и взаимосвязанные с ними керамические комплексы стоянки Парта дает возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем внесет существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения реки Ангара.

Список литературы

Мандрыка П.В. Каменский тип керамики в южной тайге Средней Сибири // Этноистория и археология Северной Евразии: теория, методология и практика исследования. – Иркутск; Эдмонтон: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. – С. 80–85.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (МИА; № 18).

Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово: Изд-во Кемеров. гос. ун-та, 1987. – С. 90–95.

Привалихин В.И. О наличии головного убора с рожками и ушками у таежного населения Северного Приангарья в раннем железном веке // Проблемы археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1992. – Т. 2. – С. 72–76.

Савельев Н.А., Медведев Г.И. Ранний неолитический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 56–64.

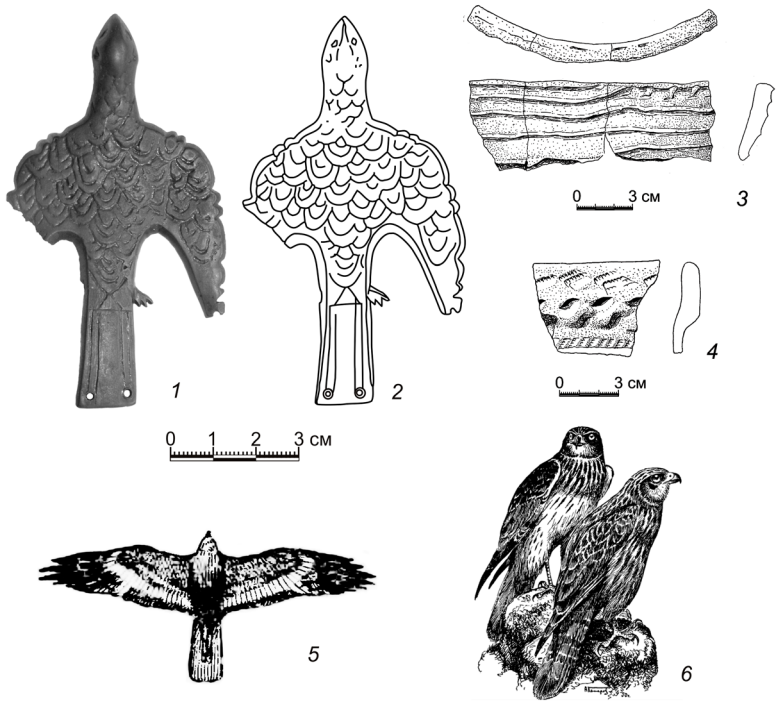
А.Н. Савин, В.С. Славинский, Е.А. Казакова, О.В. Солодская

БРОНЗОВАЯ ФИГУРКА ПТИЦЫ СО СТОЯНКИ УСТЬ-КОДА

В 2009 г. в рамках проекта обеспечения сохранности объектов археологического наследия, в зоне строительства БоГЭС Усть-Кодинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН была исследована стоянка Усть-Кода, расположенная в Кежемском районе Красноярского края. В процессе исследования первого стратиграфического горизонта была обнаружена фигурка птицы, выполненная из медно-бронзового сплава (см. *рисунок, 1, 2*). На одном уровне с фигуркой были обнаружены, фрагменты металлургических шлаков и керамики раннего железного века (см. *рисунок, 3, 4*).

Металлическая фигурка птицы, изготовленная из медно-бронзового сплава, высотой 91 мм шириной 50,2 мм. Толщина отливки в различных ее участках колеблется от 1 до 3,3 мм. Фигурка крепилась к основе с помощью двух литых петелек прямоугольной формы расположенных на оборотной стороне изделия. Два сквозных отверстия диаметром 1,5 мм расположенные на самом краю хвостовой части фигурки птицы могли использоваться как для дополнительного крепления предмета, так и для крепления к фигурке различных подвесок.

Фигурка передает изображение хищной птицы в состоянии полета. Предмет выполнен объемно, с его внутренней стороны имеется полость глубиной 2 мм ограниченная небольшим ребром. Лицевая поверхность фигурки богато декорирована сложной орнаментальной композицией из сочетания арочных линий. Арочные линии покрывают шею и крылья фигурки передавая оперение птицы, при этом орнаментирована не только поверхность фигурки, но и край крыльев, оформленный небольшими волнистыми прорезями придавая фигурке ажурность. Хвостовая часть фигурки птицы украшена четырьмя параллельными полосами передающими структуру хвостового оперения. У фигурки сохранилась одна трехпалая лапка птицы. Голова птицы чуть приподнята над плоскостью основной части отливки. На голове фигурки выполнено два круглых глаза и ушки, переданные небольшими ломаными линиями. Клюв птицы широкий, приостренный, чуть загнутый вниз. В целом фигурка выполнена реалистично максимально полно передавая отличительные черты конкретного вида птицы. На основании формы головы, крыльев фигурки птицы, орнаментальных элементов передающих раскраску оперения, запечатленный в фигурке образ возможно отнести к семейству ястребиных, предположительно определив род – лунь



Орнитоморфное изображение со стоянки Усть-Кода,
аналоги и сопутствующие материалы.

1 – орнитоморфная фигурка, слой 1 (фото); *2* - орнитоморфная фигурка, слой 1 (рисунок); *3, 4* – находки со стоянки Усть-Кода (слой 1); *5* – болотный лунь, общая схема раскраски оперения (вид снизу); *6* – болотный лунь (по: [Флинт В.Е. и др., 1967]).

(см. *рисунок, 5, 6*). Различные виды луней распространены на широкой территории в том числе на всей территории Красноярского края [Птицы … с. 155-160; Дементьев, 1951, с. 199-221]

Наиболее близкие аналогии орнитоморфной фигурке из стоянки Усть-Кода можно обнаружить в материалах эпохи раннего средневековья Западной Сибири [Чиндина, 1991; Троицкая, Новиков, 1998] и Прикамья [Оборин, 1976]. На некоторые общие черты в стилистике оформления фигурки из Усть-Коды с материалами раннего средневековья Урала и Западной Сибири, обращает внимание сочетание объемных и плоскостных элементов изображения. Принципиально от аналогичных изделий культур раннего средневековья Западной Сибири фигурку из Усть-Коды отличает положение запечатленного образа в пространстве. Орнитоморфное изображение передано таким образом, что наблюдатель видит ее как бы сверху, со стороны спины. Именно этот стилистический признак сближает находку из Усть Коды с группой орнитоморфных изображений **X-XIII в.н.э. Прикамья** [Оборин, 1976, рис. 9б, 10, 11в, 12а].

Аналогичную стилистику в передаче запечатленного образа можно обнаружить в материалах кулайской культуры раннего железного века Приобья [Мягков, 1929, таб. 2, рис. 11; Яковлев, 2001, с. 66]. Тем не менее, эта стилистическая манера является универсальной и широко встречается как в археологических материалах других регионов, так и материалах этнографических культур [Анучин, с. 138-148, рис. 11].

Фигурка из Усть-Коды была выполнена методом объемного литья в двухчастной, двухсторонней литейной форме, на что указывают тщательно подработанные литейные швы и заливы, расположенные кромке изделия (порок № 1111) [Атлас…, 1958, с. 41]. Литейная форма для изготовления предмета была выполнена из тонкодисперсной глиняной формовочной массы по оттиску пластичной, восковой модели. На использование пластичной модели указывает целый ряд отпечатков следов работы острого орудия по мягкому материалу, перешедшие на форму, а впоследствии отчетливо фиксируемые на отливке. Первоначально пластичной заготовке модели расположенной на ровной поверхности с помощью острого орудия ножа или резца с шириной рабочей части до 2 мм придавали форму будущего изделия. Вероятно с помощью этого же орудия в последствии прочерчиванием были нанесены все элементы орнамента на поверхности модели. Судя по сохранившемся следам на поверхности отливки, толщина рабочей части орудия достигала 0,4 мм. После этого приступали к формированию профиля фигурки, голова птицы была отогнута, в результате этого врезной орнамент на поверхности мягкой модели был частично заглажен. На этом этапе полученная модель не имела внутренней полости.

В процессе изготовления литейной формы модель погрузили в мягкую формовочную массу, перед просушкой снабдив литниковыми каналами для заливки металла в форму. После просушки полученной створки литейной формы с отпечатком лицевой стороны изделия приступали к формированию полости модели. Для этого с помощью орудия с уплощенным рабочим краем шириной до 3 мм выбиралась часть пластичной модели. В полученной полости закреплялись модели крепежных петель после чего вся полость заполнялась глиняной формовочной массой. В процессе просушки формовочная масса подвергалась линейной деформации, что привело к растрескиванию части литейной формы и вместе образовавшейся трещины к формированию небольшого залива металла. После высыхания форма могла обжигаться, в результате чего восковая модель выплавлялась. Так как полученная отливка тщательно дорабатывалась проследить место расположения литниковых каналов и их конструкцию в настоящее время возможно только на основании косвенных признаков. Вероятно, литниковый канал располагался в хвостовой части фигурки птицы, на что указывают форма линии подтеков металла и небольшое скопление газовых раковин, дефекта наиболее часто встречающегося в непосредственной близости от литниковых каналов. По всей видимости, помимо литникового канала форма была снабжена выпорами удаляющими газы, образовавшиеся в рабочей камере формы.

Металл заливался, вероятно, в разогретую литейную форму, что в целом сделало возможном изготовление тонкостенной отливки сложной конфигурации, а также позволило избежать целого ряда литейных браков. Тем не менее, возникшие при остывании изделия внутренние линейные напряжения привели к образованию сквозной термической трещины отливки (пороки № 3221) [Атлас…, 1958, С. 131, 145].

После выемки предмета, практически вся поверхность отливки за исключением внутренней полости была подвергнута доработке. На краю хвостовой части фигурки было просверлено два круглых сквозных отверстий использующихся для крепления предмета или подвесок дополнительных элементов. Литейные швы, образовавшиеся по контуру изделия, первоначально были подрезаны острым орудием, а затем тщательно подработаны мелкозернистым абразивом. Лицевая поверхность также обрабатывалась абразивным камнем и впоследствии полировалась, что придавало отливки яркий блеск. Вероятно, в процессе использования лицевая часть изделия также подвергалась полировке, тогда как на оборотной стороне фигурки следы полировки крайне невыразительные.

Таким образом, орнитоморфная фигурка, обнаруженная при исследовании стоянки Усть-Кода, имеет целый ряд общих черт с изделиями металлопластики раннего средневековья Приобья и Урала получившего общее название урало-сибирский звериный стиль. Сходство находки из Усть-Коды с предметами урало-сибирского литья прослеживается как в технологических приемах изготовления отливки, так и в стилистическом оформлении запечатленного образа. Общие черты с предметами металлопластики Приобья объясняются либо проникновением импорта изделий, либо культурным влиянием тюркоязычных племен юга в период X-XIII вв.н.э. [Леонтьев, Ермолаев, 1992, с. 19].

Список литературы

Анучин Д.Н. К истории искусства и верований у Приуральской Чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний. – М.: [б.и.], 1899. – Т. III. – С. 87–161.

Атлас литейных пороков. Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. – М.: Центр. бюро науч.-технич. информации тяжелого машиностроения, 1958. – Т. II. – 228 с.

Дементьев Г.П., Гладков Н.А., Птушенко Е.С., Спагенберг Е.П., Судиловская А.М. Птицы Советского Союза. – М.: Сов. наука, 1951 – Т. 1. – 652 с.

Леонтьев В.П., Ермолаев А.В. Погребение с трупосожжением со стоянки Усть-Кода // Проблемы археологии, истории краеведения и этнографии Приенисейского края. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей: Краснояр. гос. ун-т, 1992. – С. 16–19.

Мягков И.М. Древности Нарымского края // Тр. Том. краевед. музея. – Томск, 1929. – Т. 2. – С. 51–86.

Оборин А.В. Древнее искусство народов Прикамья. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. –152 с.

Флинт В.Е., Бёме Р.Л., Костин Ю.В., Кузнецов А.А. Птицы СССР. – М.: Мысль, 1967. – С. 637.

Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 273 с.

В.С. Славинский, Е.А. Казакова, К.И. Милютин

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ УСТЬ-КОДА

В 2009г. в ложе затопления Богучанского водохранилища Усть-Кодинским отрядом проводились спасательные археологические работы на памятнике Усть-Кода.

Памятник Усть-Кода расположен в Кежемском районе Красноярского края, на правом берегу р. Кода, в 1350м. от ее устья, на расстоянии 15 км к юго-востоку от г. Кодинск. Памятник приурочен к 6-10-метровой террасе правого берега р. Ангара. Координаты памятника Усть-Кода – 58°40’29.58” с.ш., 99°21’4.74” в.д. Памятник входит в комплекс Кода, включающий следующие памятники: Усть-Кода, Кода 1 (участки а, б, в), 2, 3, 4, могильник Кода. Ансамбль Кода расположен на правом берегу Ангары, в непосредственной близости от створа строящейся Богучанской ГЭС, к западу от устья Коды, на 1-й надпойменной террасе, с высотами соответственно 12-13 м. Экспозиция террасы южная. В пункте Усть-Кода террасу прорезают два глубоких оврага. Почти вся поверхность поселения покрыта хвойным и лиственным лесом.

Раскоп был разбит вдоль края террасы р. Кода, ориентированный вдоль среза обрыва террасы (СЗ – ЮВ). Раскоп в северо-западной части продолжает раскопы 1990 и 2008 гг. Общая площадь раскопа 1990 г. – 34 кв. м, 2008 г. – 120 кв. м, 2009 г. – 2040 кв.м. Вся площадь раскопа 2009 г., с прилегающими к нему раскопами 1990 и 2008 г., расположена вдоль относительно плоского (со слегка заметным понижением в направлении В – З) вытянутого фрагмента террасы. Данная поверхность представлена останцовой террасовидной плоскостью (нетронутый эрозией остаток 1-й надпойменной террасы), ограниченной с одной стороны террасовидным береговым уступом, с остальных сторон относительно плавным понижением к плоскостям более низких геоморфологических уровней. В итоге, раскопками было покрыто около половины данной останцовой поверхности (от 150м в длину и 15-20м в ширину) и вскрыта, видимо, основная площадь распространения культурных отложений памятника. Остальная поверхность памятника исследована большой серией шурфов и зачисток, в подавляющем большинстве не содержащих археологического материала.

В процессе работ 2009 г. выяснилось, что техногенные нарушения культурных отложений памятника незначительные по площади, однако имеют значительную глубину, превосходящую уровень залегания самого нижнего культурного слоя памятника. Данные нарушения фиксировались в двух

местах раскопа – юго-западной (следы лесосводной деятельности) и восточной (котлован землянки) общей площадью около 70м.

Глубина раскопа от дневной поверхности варьирует от 0,45 до 2 м. Принципиальная стратиграфия раскопа была получена по контрольным, значительно углубленным участкам раскопа, где сверху вниз вскрыты следующие отложения:

Дерн. Мощность 0,03 – 0,05 м.

Слой 1. Супесь темная, гумусированная, структура пористая, текстура однородная. Включает растительный детрит, корни растений, мелкие угольки. Нижняя граница пологоволнистая субгоризонтальная, четкая, ясная, иногда с неглубокими затеками в нижележащий слой. Выделяется по резкому цветовому переходу. Генезис слоя – почвенный горизонт. Мощность – от 0,1 до 0,25 м. Археологический материал редок, встречается, как правило, в кровле и подошве слоя.

Слой 2. Супесь средняя, в кровле слоя светло коричневая, к подошве постепенно темнеет и приобретает красноватый и рыжеватый оттенок. Структура пористая, текстура пятнистая, с пятнами и линзами более светлой супеси, приуроченной к кровле слоя. Слой включает, корни растений и их реликты, углистые пятна и отдельные угольки. Новообразования представлены одной или двумя, реже несколькими линиями ожелезнения. Нижняя граница слоя извилистая, четкая ясная. Проведена по цветовому переходу осадка. Генезис слоя – эоловый. Мощность варьируется в пределах 0,8 – 1,2 м. Археологический материал многочислен, залегает в кровле слоя, как правило, не глубже 0,2-0,3 м от границы со слоем 1.

Слой 3. Песок тонкозернистый, ясно слоистый, коричневый, с более темными и более светлыми прослоями. Структура слоя пористая, текстура неоднородная, нередки прослои средней супеси. Генезис слоя – кровля пойменных отложений рр. Ангара и Кода. Слой пройден на глубину 0,6 – 0,8 м. Археологический материал отсутствует.

В раскопе разбор отложений проходил до глубины залегания археологического материала и затем прокапывался на 0,2 м.

В процессе археологических работ в 2009 году на памятнике Усть-Кода была получена коллекция артефактов в количестве 2557 экз. Материалы подразделяются следующим образом: находки керамики – 1333 экз.; находки из камня – 1198 экз.; находки из металла – 7 экз.; находки из кости – 11 экз.; образцы шлака – 8 экз.

Обнаруженные археологические материалы относятся к различным эпохам – неолиту, бронзовому веку, раннему железному веку, средневековью, этнографической современности. Возможно, материалы являются разновременными и в рамках отдельно взятых эпох. Уточнить эти данные позволит дальнейшее лабораторное планиграфическое, стратиграфическое, технико-типологическое изучение и исследование археологического материала в рамках метода ремонтажа.

Общее количество фрагментов керамики – 1333 экз., из них четыре артефакта обнаружены в слое 1, остальные находки в слое 2. Керамика представлена тремя периодами времени: неолитом, ранним железным веком и эпохой средневековья.

К неолитическому комплексу относятся круглодонные сосуды с псевдотекстильным орнаментом и единственный гладкостенный сосуд. Керамика раннего железного века представлена слабопрофилированнными гладкостенными сосудами с прямым или отогнутым наружу венчиком. Близки керамике «карабульского типа», родственной цэпаньской культуре раннего железного века. Средневековый комплекс представлен круглодонными слабопрофилированнными гладкостенными сосудами с обмазочными налепными валиками. Возможно, керамика относится к ковинскому типу.

Общее количество каменных артефактов – 1198 экз., из них один артефакт найден в слое 1 (скребло двойное на пластине), остальные в слое 2: гальки (46 экз.), абразивный материал (16 экз.), нуклеусы и нуклевидные обломки (15 экз.), отщепы (57 экз.), пластины и микропластины (84 экз.), технические сколы (327 экз.), чешуйки и осколки (582 экз.), обломки (46 экз.), находки с неопределимым типом исходной заготовки (22 экз.). Из них вторично преобразованы в орудия 47 изделий, представленных следующими типами: отбойники (2 экз.), ретушер, скребло, скребки (2 экз.), выемчатые (3 экз.), шиповидное, нож, долотовидное изделие, комбинированное изделие, отщепы с ретушью (6 экз.), пластинчатые отщепы с ретушью (2 экз.), пластины с ретушью (2 экз.), обломок с ретушью, двусторонне обработанные изделия (2 экз.), наконечники стрел (2 экз.), шлифованные изделия (5 экз.), топор с «ушками», тесла (4 экз.), абразивные инструменты (9 экз).

Общее количество металлических артефактов – 7 экз., из них один артефакт найден в слое 1, остальные в слое 2. Находки представлены следующими разновидностями: наконечники стрел (2 экз.), рыболовный крючок, гвозди (3 экз.) и одна нашивка-подвеска в виде литой фигурки птицы.

Все костяные находки представлены фрагментами трубчатых неопределимых костей. Все находки из кости обнаружены в слое 2.

Проведенные исследования на памятнике показали, что находки в раскопе расположены неравномерно, в виде пятен концентрации (или макроскоплений) распространяющихся относительно узкой полосой вдоль террасового уступа реки. Подобные скопления свидетельствуют о многоразовом кратковременном посещении территории памятника для различных производственных нужд. Признаки сезонной стоянки или долговременного поселения в рамках границ памятника Усть-Кода, как показали раскопки и разведывательная шурфовка, отсутствуют. Проведение планиграфического анализа не позволило выделить каких-либо жилищных структур на раскопанной площади. Отсутствуют котлованы жилищ, столбовые и хозяйственные ямы, очаги. Скорее всего, это было место, занятое под разовые производственные площадки представленные местами расщепления нуклеусов, а также производства и подправки крупных орудий (топоры, тесла и т.д.).

Обнаруженные в процессе раскопа многочисленные развалы сосудов также являются остатками жизнедеятельности, свидетельствующие о кратковременном посещении территории памятника - отсутствие в планиграфии системных признаков хранения и утилизации керамических сосудов; относительно большое расстояние между ними; отсутствие признаков их производства на месте, все керамические сосуды, в той или иной степени, имеют следы бытового использования.

Многослойный памятник Усть-Кода в сезоне 2009 года, с учетом работ предыдущих лет, раскопан более чем на половину установленной разведочными шурфами и зачистками площади, при этом изучению подверглись наиболее насыщенные культурными отложениями участки памятника.

В.С. Славинский, Е.А. Казакова, К.И. Милютин,
А.А. Анойкин, А.Г. Рыбалко, В.А. Гулевская

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ КОДА-3

Многослойный памятник Кода-3 расположен в Кежемском районе Красноярского края, на правом берегу Ангары, в 4 километрах вверх по течению реки от створа строящейся Богучанской ГЭС. Объект относится к ансамблю памятников Кода (стоянки Усть-Кода, Кода 1-4, могильник Кода). Памятник Кода-3 многослойный. Здесь на различных участках фиксируются культурные слои разных эпох: неолита, бронзового и железного веков, а также материалы средневековья.

Ансамбль кодинских памятников был открыт А. П. Окладниковым в 1937 г. В 1970-1974 гг. изучался отрядами ИГУ и КГПИ. В 1976-1978, 1980-1982, 1985 гг. в районе работали археологические отряды КГПУ. В 2001 году работала экспедиция Красноярской Лаборатории археологии и палеогеографии Средней Сибири ИАЭТ СО РАН и КГПУ. В 2006 г. археологической экспедицией КГУ на памятнике проводились разведочные изыскания. В 2007 г. в качестве предварительных охранно-спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС была проведена разведка экспедиции ИАЭТ СО РАН. Стационарные работы на объекте ведутся с 2008 г. В полевом сезоне 2009 г. установлено, что техногенным нарушениям подверглась большая площадь памятника.

В 2010 г. памятник исследовался Пановским отрядом Ангарской экспедиции ИАЭТ СО РАН, было вскрыто 2675 кв. м площади памятника.

Раскоп был разбит на краю террасы р. Ангара, на относительно плоском (со слегка заметным понижением в направлении СЗ-ЮВ) вытянутом ее фрагменте и ориентирован вдоль среза террасового обрыва (СВ-ЮЗ). Глубина раскопа от дневной поверхности варьирует от 0,45 до 2 м. Принципиальная стратиграфия раскопа была получена по отдельным, значительно углубленным участкам раскопа, где сверху вниз вскрыты следующие отложения:

Дерн. Мощность 0,03 - 0,05 м.

Слой 1. Супесь темная, гумусированная, структура пористая, текстура однородная. Генезис слоя - почвенный горизонт. Мощность - от 0,1 до 0,25 м. Археологический материал редок, встречается, как правило, в подошве слоя.

Слой 2. Супесь средняя, в кровле слоя светло коричневая, к подошве постепенно темнеет и приобретает красноватый и рыжеватый оттенок.

Структура пористая, текстура пятнистая, с пятнами и линзами более светлой супеси, приуроченной к кровле слоя. Генезис слоя - эоловый. Мощность варьируется в пределах 0,8 - 1,2 м. Археологический материал многочислен, залегает в кровле слоя, как правило, не глубже 20-30 см от его верхней границы.

Слой 3. Песок тонкозернистый, ясно слоистый, коричневый, с более темными и более светлыми прослоями. Структура слоя пористая, текстура неоднородная, нередки прослои средней супеси. Генезис слоя - кровля пойменных отложений рр. Ангара и Кода. Слой пройден на глубину 0,6 - 0,8 м. Археологический материал отсутствует.

Основная часть археологического материала связана с кровлей слоя 2 и контактной зоной между ним и вышележащим литологическим подразделением. Материал находится в перемещенном состоянии и его стратиграфическая позиция не позволяет расчленить находки по культурно-хронологическим группам. Смешанный характер исследуемого комплекса предполагает сводный анализ всех полученных археологических материалов, с последующим выделением, на основе типологических, технических и других характеристик, из общего массива находок отдельных предметов и их комплексов, относящихся к строго определенному культурному или хронологическому интервалу.

Общее количество находок полученных в результате раскопочных работ 2010 г., составляет 8603 экз., включая 4576 экз. каменного инвентаря, 3988 фрагментов керамики, 4 изделия из металла, 22 куска шлака, 2 изделия из кости и 5 единиц костного материала, а также два каменных предмета и два изделия из металла зафиксированных в погребении.

При разборе слоя 2 на глубине 50-52 см от современной дневной поверхности был обнаружено погребение. Скелет человека ориентирован по линии Ю-С и, вероятно, является единым комплексом с расположенными рядом двумя группами камней. Зафиксировать границы ямы оказалось невозможно вследствие однородности слоя. На дне ямы, в основном in situ, в анатомическом порядке располагался скелет взрослого мужчины (30-40 лет). Судя по положению сохранившихся костей, погребенный был уложен на спину с согнутыми в коленях ногами, головой на юг. Среди костей зафиксированы многочисленные крупные и мелкие фрагменты обожженной бересты, причем фрагменты располагаются непосредственно на костях (крупный сохранившийся фрагмент закрывал лицо). За черепом обнаружен каменный наконечник, другой наконечник лежал на грудной клетке, оба обращены остриями на восток. В погребении были обнаружены также две бронзовые бабочковидные пряжки с сильно стилизованными изображениями грифонов.

Общее количество артефактов выполненных из камня составляет 4576 экз., в том числе 65 галек и плиток, 124 нуклевидные формы, 119 пластин, 55 микропластин, 2281 отщеп, 213 технических сколов, 360 обломков и осколков, 1232 чешуйки и 127 сильномодифицированных, неопределимых

орудийных основ. Среди перечисленных предметов 362 экз. относятся к орудийным формам. Орудийный набор (362 экз.) представлен следующими основными категориями: бифасиальные изделия, включая бифасы, их заготовки и т.д. (22 экз.), наконечники (33 экз.), вкладыши, ретушированные и нет (14 экз.), ножи (20 экз.), скребки (38 экз.), скребла (14 экз.), комбинированные изделия, среди рабочих элементов которых также преобладают различные формы скребущих лезвий (7 экз.), топоры и тесловидные изделия (36 экз.), долотовидные (4 экз.) и зубчато-выемчатые (15 экз.) изделия, различные формы перфораторов (шиповидные, шилья и т.д.) (12 экз.), инструментарий (отбойники, точила и т.д.) (19 экз.), песты (4 экз.), различные сколы и обломки с ретушью (70 экз.), а также заготовки (19 экз.) и фрагменты (31 экз.) орудий. Резцы, орудия с черешком и грузила представлены единичными предметами.

Технико-типологический облик коллекции каменных артефактов, и, в первую очередь, характер орудийного набора, позволяет утверждать присутствие в материалах памятника значительной неолитической составляющей. Представленные в составе орудий основные типы изделий и их процентное соотношение, свидетельствуют об активной промысловой, в первую очередь охотничьей, деятельности, осуществлявшейся в древности населением данной территории, а также о существовании здесь развитых традиций деревообработки.

Керамический комплекс памятника Кода 3 включает в себя 3988 фрагментов. Имеющийся керамический материал позволяет идентифицировать 54 сосуда различных культурно-хронологических периодов. Все материалы керамического комплекса отражают его специфику, связанную с длительным бытованием на данной территории Нижнего Приангарья определенной технологической традиции изготовления круглодонных лепных сосудов кострового обжига, изготовленных ленточным способом.

Керамический комплекс памятника Кода 3 включает в себя сосуды, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью. К неолитическому комплексу относятся 2 фрагмента круглодонных сосудов с оттисками по всей поверхности. Оттиски на первом сосуде несколько крупнее, но в целом имеют сходную форму, Отпечатки ткани или сетки на данных сосудах, видимо, нанесены специальным инструментом-лопаточкой, обмотанной тканью, либо просто куском ткани, прижатым ладонью. К комплексу бронзового века относятся 16 крупных частей сосудов, восстановленных из развалов и 23 отдельных фрагмента с орнаментом. Они относятся к 39 гладкостенным сосудам, орнамент на которых локализован в районе венчика и верхней части сосуда, обращенной к зрителю. К раннему железному веку относится сосуд с антропоморфным изображением и два фрагмента: венчик сосуда с широким налепным валиком и венчик сосуда с желобками. Данная керамика близка к цэпаньской культуре раннего железного века. К раннему средневековью относятся четыре круглодонных слабопрофилированнных сосуда с обмазочными налепными валиками и от-

дельный фрагмент подобного сосуда. Общими признаками для этого типа сосудов являются вытянутая яйцевидная форма тулова, слегка отогнутый наружу или прямой венчик, круглое дно и характер орнамента - обмазочные валики, покрывающие всю поверхность сосуда, за исключением дна. Ко времени позднего средневековья относятся два небольших сосуда. Первый сосуд со слегка отогнутым венчиком, рядом жемчужин и поясом из вертикальных оттисков. Второй сосуд представлен венчиком, по которому проходит пояс из четырех рядов ногтевых оттисков.

Коллекция металлических изделий с памятника Кода-3 представлена четырьмя предметами (за исключением двух бронзовых бляшек из погребения). Все предметы представляют собой мелкие фрагменты изделий из железа, более точная идентификация которых не возможна.

Костяной инвентарь представлен крупным составным крюком, выполненным из рога оленя и состоящим из трех элементов, а также заготовкой типологически близкого изделия, выполненной также из рогового материала.

Находки остатков животных представлены единичными костями (5 экз.) и были распределены по всей площади раскопа без какой-либо закономерности. Среди данной категории предметов определен коренной зуб крупного жвачного животного, клык взрослой особи бурого медведя (Ursus arctos), а также фрагменты трубчатых костей, не поддающиеся более точной идентификации.

Полученный в 2010 г. на памятнике археологический материал, в целом, подтверждает культурно-хронологическую принадлежность, определенную авторами исследований предыдущих лет: памятник относится к культурно-хронологическому интервалу неолит - позднее средневековье. Наиболее важными представляются следующие результаты этого года полевого изучения объекта: 1) Обнаружено и исследовано погребение раннего железного века. Получен новый археологический материал, созвучный находкам цэпаньской культуры; 2) Получен большой объем археологических материалов широкого культурно-хронологического диапазона, отражающих все основные этапы заселения человеком данной территории.

В.С. Славинский, Е.А. Казакова, К.И. Милютин,
И.О. Кербс, А.Г. Рыбалко, А.А. Анойкин

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АНСАМБЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПАНОВО

В 2010 г. в ложе затопления Богучанского водохранилища Пановским отрядом проводились спасательные археологические работы на комплексе стоянок Паново (Паново-1-5).

Ансамбль стоянок Паново расположен в окрестностях одноименного села, на участке 680-675 км правого берега р. Ангары от ее устья, на 1-й надпойменной террасе, с высотами 7-18 м от уровня реки, соответственно. Экспозиция террасы южная. Верхняя часть пачки сложена покровными супесями, ниже лежит аллювий, который покоится на коренных породах - гранитах. Культурно-хронологически ансамбль археологических памятников Паново относится к эпохе неолита - средневековья (VIII тыс. до н.э. - X-XIV вв. н.э.) и включает пять стоянок (Паново-1-5).

Первые находки на территории комплекса были сделаны в 1882 г. Н.И. Витковским. В 1921 г. стоянку повторно обследовал А.Я. Тугаринов, сотрудник Музея Приенисейского края. В 1937 г. памятник обследовал А.П. Окладников. В связи с началом строительства БоГЭС в 1970-80-е гг. проводили исследования археологические отряды КАЭ ИГУ, САЭ КГПИ и ККМ, в числе других археологических объектов ими осматривался и пановский комплекс стоянок. В 2005 и 2006 гг. памятник был обследован разведочными отрядами КГПУ. В 2008 г., с целью уточнения границ памятников проведена разведка экспедиции ИАЭТ СО РАН.

В 2010 г. ансамбль памятников Паново исследовался Пановским отрядом Ангарской экспедиции ИАЭТ СО РАН. Тремя линиями рекогносцировочных раскопов 1х2 м, равномерно распределенных вдоль обрыва 1-й надпойменной террасы р. Ангара на протяжении 5 км, вскрыто 200 кв. м. Кроме этого, методом сплошного вскрытия изучена площадь 2016 кв. м.

Результаты разведочных работ на ансамбле памятников Паново подтвердили и уточнили выводы по итогам разведки 2008 г., о том, что стоянки Паново 1-5 представляют один нерасчленимый археологический ансамбль. Наиболее перспективным, по итогам рекогносцировочных исследований 2010 г., для проведения археологических раскопочных работ был признан участок террасы, включающий памятник Паново-4.

Раскоп был разбит на краю террасы р. Ангара, на относительно плоском вытянутом ее фрагменте и ориентирован вдоль среза террасового обрыва (СВ - ЮЗ). Глубина раскопа от дневной поверхности варьирует от 0,5 до

2 м. Принципиальная стратиграфия была получена по отдельным, значительно углубленным участкам раскопа:

Дерн – современный почвенно-растительный слой. Мощность 0,08-0,1 м. Археологический материал отсутствует;

Слой 1 - темно-серая гумусированная супесь. Структура пористая, текстура однородная. Генезис слоя - почвенный горизонт. Мощность - 0,1-0,3 м. В подошвенной части присутствуют единичные артефакты;

Слой 2 - желтовато-коричневая однородная легкая супесь, более светлая в подошвенной части. Структура пористая, текстура пятнистая, с пятнами и линзами более темной супеси. Генезис слоя - эоловый. Мощность варьируется в пределах 0,3 – 0,6 м. Многочисленный археологический материал залегает в кровле слоя, как правило, не глубже 20-30 см от его верхней границы;

Слой 3 – светло-серая легкая и средняя супесь, тонкозернистая, уплотненная, бесструктурная. Текстура пятнистая, с пятнами и линзами белесого цвета. Генезис слоя – смешанный, в основном эоловый, с элементами почвообразования. Мощность варьируется в пределах 0,4 - 0,7 м. Археологический материал отсутствует;

Слой 4 – светло-коричневая легкая и средняя ясно слоистая супесь пойменной фации с включением мелкой аллювиальной гальки. Генезис слоя - кровля пойменных отложений р. Ангара Слой пройден на глубину 0,2 - 0,4 м. Археологический материал отсутствует.

Основная часть археологического материала связана с кровлей слоя 2 и контактной зоной между ним и вышележащим литологическим подразделением. Материал находится в перемещенном состоянии и его стратиграфическая позиция не позволяет расчленить находки по культурно-хронологическим группам, опираясь на их положение во вскрытых отложениях относительно простирания слоев, а также друг друга. Исключение составляют отдельные сохранившиеся локальные многоэлементные археологические объекты, такие как два погребения.

Помимо искусственных сооружений (погребения и связанные с ним выкладки камней) во время раскопочных работ 2010 г. на памятнике Паново-4 было обнаружено 66 углублений (ям) в разных частях раскопа. Данные планиграфии этих элементов, а также стратиграфические разрезы не позволяют предполагать для всех из них искусственное происхождение. Вместе с тем, состав находок в некоторых из обнаруженных ям, позволяет трактовать эти углубления как искусственные сооружения хозяйственного назначения. Часть ям, исходя из их формы, глубины и характера заполнения, видимо использовались как очажные места.

Общее количество находок полученных в результате раскопочных работ 2010 г. (включая материал из рекогносцировочных раскопов, а также ям и погребений), составляет 23901 экз., включая 13799 экз. каменного инвентаря, 8561 фрагментов керамики, 29 изделий из металла, 96 кусков шлака, 8 изделий из кости и 1408 единиц костного материала.

На изучаемой площади памятника было обнаружено два погребения.

На краю береговой террасы при разборе слоя 2 на глубине 54–56 см от современной дневной поверхности был обнаружен скелет человека. Зафиксировать границы пятна не удалось, из-за однородного состава заполнения ямы и окружающего слоя. Донная часть ямы углублена в светло-серую мелкую супесь (слой 3). Погребение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. На дне ямы in situ в анатомическом порядке располагался скелет взрослого мужчины (25-30 лет) (скелет №1). Судя по положению костей, погребенный был уложен на левый бок с согнутыми в коленях ногами, головой на северо-запад. Верхние конечности согнуты в локтях, кисти лежат возле лица. Возле согнутой правой ноги погребенного располагались два человеческих черепа (!) значительно худшей сохранности, чем кости скелета №1. Череп №2 принадлежал молодой женщине 20-25 лет, определить половую принадлежность черепа №3 в настоящий момент затруднительно, но он принадлежал человеку пожилого возраста (55-65 лет). Других костей скелетов этих людей в погребении не обнаружено, что позволяет предположить, что черепа были перезахоронены вместе с мужчиной.

Многочисленный погребальный инвентарь включает изделия из бронзы, кости и камня. Каменные изделия представлены диском с отверстием из мягкого камня, располагавшимся за головой погребенного, и небольшим шлифованным ножичком, лежавшим в нижней части грудной клетки. В погребении были обнаружены мелкие бусины из мягкого камня (372 шт.), локализованные в районах запястий, вероятно, они украшали рукава одежды погребенного. В районе шейных позвонков лежал фрагмент браслета из бронзовой проволоки, а на груди погребенного подвеска из медвежьего клыка. В погребении обнаружен бронзовый кинжал в ножнах из бересты. Изделия из кости представлены сломанным вкладышевым кинжалом, швейной иглой в игольнице, пронизкой и фрагментами двух предметов непонятного назначения. Аналогии этим изделиям, в частности, каменные диски, бусины, браслеты и подобные бронзовые и костяные кинжалы, встречаются среди материалов глазковской культуры.

Второе погребение было обнаружено при разборе слоя 2 на глубине 74 см от современной дневной поверхности. Погребение ориентировано по линии СЗ-ЮВ. На расстоянии 50 - 70 см к западу от скелета, на 7 - 10 см глубже уровня залегания костей скелета, находился фрагмент позвоночника (частично в сочленении) крупного животного. Скелет человека (предположительно женщины) представлен лишь частично, сохранилась половина черепа с нижней челюстью, и длинные кости левой руки и ноги. Сохранность и положение костей указывает на то, что данный погребальный комплекс подвергся сильному разрушению.

Общее количество артефактов выполненных из камня составляет 13799 экз., в том числе 29 галек и плиток, 130 нуклевидных форм, 1711 пластин, 394 микропластины, 110 пластинчатых отщепов, 6583 отщепа, 340 технических сколов, 1703 обломка и осколка, 2515 чешуек и 284 силь-

номодифицированных, неопределимых орудийных основ. Среди перечисленных предметов более 300 экз. относятся к орудийным формам.

Орудийный набор представлен следующими основными категориями: бифасиальные изделия, наконечники, вкладыши; ножи, скребки, скребла, топоры и тесловидные изделия, зубчато-выемчатые и шиповидные формы, отбойники, точила, резцы, песты, различные сколы и обломки с ретушью.

Керамический комплекс памятника Паново 4 включает в себя 8561 фрагмент керамики. Имеющийся керамический материал позволяет идентифицировать 32 сосуда различных культурно-хронологических периодов. Керамический комплекс памятника Паново 4 включает в себя сосуды, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью.

Коллекция металлических изделий с памятника Паново-4, помимо вещей из погребения 1, представлена 25 предметами. Практически все предметы представляют собой мелкие фрагменты изделий из железа, более точная идентификация которых не возможна. Исключение составляет небольшого размера кованная плоская фигурка птицы.

Костяной инвентарь, помимо изделий из погребения 1, представлен 3 предметами - это ложка и ее фрагмент, представленный частью ручки, а также небольшой брусок, являющийся видимо заготовкой для какого-то небольшого орудия.

Находки остатков животных представлены единичными костями их фрагментами (1408 экз.) и были распределены по всей площади раскопа без какой-либо закономерности.

Характер распространения находок на изученной площади ансамбля Паново и анализ стратиграфической ситуации в целом, в совокупности с данными рекогносцировочных работ этого года и предыдущих лет, позволяет говорить о необходимости дальнейшего изучения всех памятников ансамбля методом сплошного вскрытия (раскопом), т.к. участки концентрации археологического материала выходят за границы вскрытого раскопом в 2010 г. участка памятника.

А.Л. Субботина

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩА БОГУЧАНСКОЙ ГЭС ПО РЕКЕ АНГАРЕ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2010 ГОДУ

В 2010 г. Толокнянским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН были проведены уточняющие разведочные и рекогносцировочные археологические работы на территории затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в Кежемском районе Красноярского края.

Ранее – в 2008 г. – комплексные разведочные работы на территории Кежемского района Красноярского края были проведены Кежемским отрядом ИАЭТ СО РАН под руководством д-ра ист. наук А.Н. Зенина. В результате этих работ впервые выполнено комплексное предварительное археологическое обследование всей зоны затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара в границах Кежемского района Красноярского края. Проведены масштабные археологические работы, включавшие натурное обследование территории, описание, закладку шурфов и зачистку обнажений, фото- и графическую фиксацию всех известных объектов археологического наследия (ОАН); уточнение их географических координат и границ. При производстве разведочных работ были обследовано подавляющее большинство объектов археологического наследия, расположенных в границах проектируемого водохранилища БоГЭС на территории Кежемского района Красноярского края, за исключением объектов, находящихся на территории действовавших режимных объектов ГУИН РФ [Научно-технический отчет…, 2008].

Благодаря разведке, проведенной в 2008 г., был получен большой объем новой информации об объектах археологического наследия (ОАН), расположенных в границах проектируемого водохранилища БоГЭС. Однако за прошедшие после разведки 2 года многие ОАН подверглись интенсивному техногенному воздействию вследствие проведения на их территории работ по подготовке ложа водохранилища БоГЭС к затоплению.

В силу изложенных выше обстоятельств, возникла необходимость в проведении дополнительных археологических разведок. Их цели и задачи определяются необходимостью уточнить сведения об ОАН и определить перечень мероприятий по обеспечению их сохранности.

В качестве объектов исследований 2010 г. были выбраны состоящие на государственной охране и вновь выявленные ОАН (50 объектов), локализующиеся по обоим берегам р. Ангара и на речных островах, на участке от г. Кодинска (плотины БоГЭС) до административной границы с Иркутской областью [Научно-технический отчет..., 2007; 2008].

Ставшие объектами исследований 2010 г. ОАН можно разделить на 3 группы в соответствии с категорией их историко-культурной ценности. К первой группе относятся 13 ОАН, состоящих на государственной охране: стоянки Проспихино 1, Осиновка, Осиновка 1, 505 км, Монастырь, Алешкино, Заимка, Мозговая 1 – 3, Нижняя Изголовь, Большая Чана и могильник Нижняя Изголовь. Ко второй группе принадлежат 17 выявленных ОАН: стоянки Чиркова-Ёдорма, Привалихина, Ручей Мельничный, Ручей Сухой, Крестовка, Утикан, Мыс Каменный, Болтурино, Ручей Сухой (Западный), Недокура, Село Кежма, Мозговая 4 – 6, Карадима, Остров Сосновый-Селенгинский и Остров Бурнаул. В третью группу включены 20 объектов, обладающих признаками объектов археологического наследия (ООПОАН). Это местонахождения подъемного археологического материала Нижняя Кежма, Маланьина Щель, Верхняя Осиновка, Шивера Кашина, Железные Поля, Курейский Камень, Чана, Малая Чана, Река Черная, Игамба, Аталанда, Савинское, Ручей Исток, Ермака, Дзикака, Душина, Деревня Фролово, Остров Петухов, Онисячий и Река Чиркова.

Представленная выше классификация показывает, что большинство обследованных в 2010 г. объектов относятся к категории местонахождений, ранее не изученных с помощью археологических вскрытий (разведочных шурфов и раскопов сплошной площадью), поэтому границы распространения культурного слоя на этих объектах и их техническое состояние определены не были.

Археологическая разведка 2010 г. на территории ложа проектируемого водохранилища БоГЭС в Кежемском районе Красноярского края включала три основных вида работ: визуальный осмотр территории ОАН, поиск подъемного археологического материала и закладку рекогносцировочных раскопов (размерами от 2 х 2 м до 2 х 3 м). Кроме того, в ходе разведки проведена топографическая съемка участков местности, на которых локализуются ОАН, созданы топографические и ситуационные планы ОАН с привязкой к ним всех, в том числе и проводившихся ранее, археологических раскрытий.

В результате проведенной археологической разведки уточнены сведения о ранее выявленных на указанной территории ОАН. Установлено, что большая часть обследованных ОАН (43 объекта) в настоящее время не имеет историко-культурной ценности в качестве памятников археологии.

По результатам разведки 2010 г. стало возможным разделить все обследованные объекты на 3 группы в соответствии с их современным техническим состоянием.

К первой группе относятся объекты, не содержащие археологического материала. Это местонахождения, поставленные ранее на учёт на основании находок подъемного материала. В настоящее время на этих объектах археологический материал отсутствует как в подъемном залегании, так и в археологических вскрытиях. В археологических вскрытиях признаки культурного слоя не выявлены (например, объекты Душина, Дзикака, Ермака и т.д.).

Ко второй группе принадлежат ОАН, разрушенные в результате техногенного воздействия. Она включает объекты, на которых археологический

материал обнаружен в подъемном залегании, однако отсутствует в археологических вскрытиях. В рекогносцировочных раскопах и зачистках естественных и техногенных обнажений на данных объектах признаки культурного слоя не выявлены. При этом четко фиксируются следы техногенного воздействия – работ по лесоочистке ложа проектируемого водохранилища БоГЭС, хозяйственной и бытовой деятельность и пр. (например, объекты Игамба, Аталанда, Чиркова-Ёдорма и др.).

В третью группу выделены ОАН, принадлежность которых к категории объектов историко-культурного наследия подтвердилась в результате разведки 2010 г.

К данной категории относятся 6 ОАН: стоянки Нижняя Изголовь, Ручей Мельничный, Привалихина, Крестовка, Мыс Каменный, Утикан, Ручей Сухой, Остров Бурнауль, Малая Чана.

Кроме того, для всех обследованных в 2010 г. определен перечень мероприятий по обеспечению их сохранности. Две первых категории объектов не нуждаются в стационарных и рекогносцировочных археологических исследованиях.

Проведение дальнейших археологических исследований на стоянках Ручей Сухой и Утикан, отнесенных к третьей категории, не целесообразно в связи с незначительной площадью распространения культурного слоя (не более 280 кв. м и не более 500 кв. м соответственно) и крайне низкой его насыщенностью археологическим материалом (менее 1 экз. на 1 кв. м). Объекты Мыс Каменный, Остров Бурнауль и Малая Чана нуждаются в дополнительных рекогносцировочных археологических исследованиях на площади, определенной разведкой 2010 г. По результатам рекогносцировочных работ можно будет определить участки для проведения стационарных археологических раскопок. В результате археологической разведки 2010 г. для стоянок Нижняя Изголовь, Ручей Мельничный, Крестовка и Привалихина были уточнены границы распространения культурного слоя и определены участки для проведения стационарных археологических раскопок в последующие годы.

Список литературы

Научно-технический отчет о выполненных работах по 1-му периоду выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС», раздел проекта «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара», 2007 // Архив ИАЭТ СО РАН.

Научно-технический отчет по итогам выполнения работ по договору № 27/09/07/ИАЭТ. Проект «Водохранилище Богучанской ГЭС», раздел проекта «Обеспечение сохранности объектов археологического наследия, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на р. Ангара», 2008 // Архив ИАЭТ СО РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Анойкин А.А., Борисов М.А.
ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТИНИТ-1 (ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН) В 2010 ГОДУ 4

Бобров В.В., Марочкин А.Г. , Юракова А.Ю.
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ АВТОДРОМ-2 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В 2010 ГОДУ 9

Васильев С.К., Зенин А.Н.
ОСТАТКИ МЕГАФАУНЫ ИЗ ПЕЩЕРЫ СТРАШНАЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ АЛТАЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2009 ГОДУ) 15

Васильев С.К. , Шуньков М.В.
ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ГОЛОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ И ЮЖНОЙ ГАЛЕРЕЯХ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 21

Васильев С.К., Шуньков М.В., Цыбанков А.А.
ОСТАТКИ КРУПНЫХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ (МАТЕРИАЛЫ 2009–2010 ГОДОВ).....28

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Вашукевич Н.В., Арсланов Х.А., Рыжов Ю.В.
КАРГИНСКИЙ МЕГАИНТЕРСТАДИАЛ ПРИБАЙКАЛЬЯ: ХАРАКТЕР ОТЛОЖЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ.....33

Гладышев С.А., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Табарев А.В.
РАСКОПКИ МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ТОЛБОР-15 В 2010 ГОДУ 37

Гладышев С.А. , Попов А.Н., Табарев А.В.
НОВЫЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ПО РАЗВЕДКАМ 2010 ГОДА).....41

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А.
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2010 ГОДУ) 47

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М.
ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2010 ГОДУ 52

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С.
ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН) В 2010 ГОДУ 58

Деревянко А.П., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Маркин С.В.
СТРОЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ДОЛИНЫ РЕКИ ЧАРЫШ В РАЙОНЕ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ 63

Деревянко А.П., Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Исламов У.И., Милютин К.И., Харевич В.М., Звинц Н., Павленок К.К., Мухтаров Г.А.
ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДОДЕКАТЫМ-2 В 2005–2010 ГОДАХ.....67

Деревянко А.П., Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Лукьянова Г.Д., Исламов У.И., Мухтаров Г.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК В 2010 ГОДУ 73
Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкина В.С., Зыкин В.С., Антипов А.С., Кунгуров А.Л.
КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (ОБЪЕКТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ) В 2010 ГОДУ 79
Деревянко А.П., Ульянов В.А., Шуньков М.В.
СТРОЕНИЕ РАЗРЕЗА ЧЕРНЫЙ АНУЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ АЛТАЯ 83
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Ульянов В.А., Кривошапкин А.И., Меденица И.
ИЗУЧЕНИЕ ПЕЩЕРЫ ТРЛИЦА В РЕСПУБЛИКЕ ЧЕРНОГОРИИ 88
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М.
ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЛОЖЕНИЙ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 93
Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Колташов М.С., Кулик Н.А.
НОВЫЙ АШЕЛЬСКИЙ КОМПЛЕКС В ДОЛИНЕ РЕКИ ДАРВАГЧАЙ (ДАГЕСТАН) 99
Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.М.
ИНДУСТРИЯ СЛОЯ 23 СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2010 ГОДА 105
Кулик Н.А., Маркин С.В.
К ВОПРОСУ О ПЕТРОГРАФИЧЕСКОМ СОСТАВЕ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ИНДУСТРИИ СЛОЯ 6В/1 ЧАГЫРСКОЙ ПЕЩЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ 2008 ГОДА) 111
Н.А. Кулик, М.В. Шуньков
ПЕТРОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОЛЬЦА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ 117
Ларичев В.Е.
ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ РАННЕГО ЭТАПА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (РЕКОНСТРУКЦИЯ ПЕРВЫХ КАЛЕНДАРНЫХ СИСТЕМ *HOMO SAPIENS* ЮГА КОНТИНЕНТА) 121
Медведев В.Е., Краминцев В.А., Малявин А.В.
ИССЛЕДОВАНИЕ ГРУППЫ ПАМЯТНИКОВ НА РЕКЕ КИЕ В 2010 ГОДУ 127
Рудая Н.А.
ПАЛИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЛОЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ЧАГЫРСКАЯ ПЕЩЕРА (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ) 132

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Алкин С.В., Нестеренко В.В.
РАБОТЫ НА УСТЬ-ЧЁРНИНСКОМ ГОРОДИЩЕ В 2010 ГОДУ 138
Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Батракова Н.А.
РАСКОПКИ У КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В ИРКУТСКЕ 145
Бобров В.В., Марочкин А.Г.
РАСКОПКИ У НОВОРОМАНОВСКОЙ ПИСАНИЦЫ (ЮЖНЫЕ РАЙОНЫ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ) 149

Бобров В.В., Моор Н.Н.
РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НА ПАМЯТНИКЕ ЛОЖКА-6 (2010 ГОД) 154
Бородовский А.П.
АРТЕФАКТЫ ПРОГРЕССИВНОГО БРОНЗОЛИТЕЙНОГО
ПРОИЗВОДСТВА ЭПОХИ РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ
НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.....158
Бородовский А.П., Горохов С.В.
РАННИЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДЕРЕВЯННЫХ
ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РУССКИХ ОСТРОГОВ.....164
Гирченко Е.А.
ПЕРИОДИЗАЦИЯ КУЛЬТУРЫ САНЬСИНДУЙ
ПО БРОНЗОВЫМ МАТЕРИАЛАМ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ.....170
Гольдберг Е.Л., Купер К.Э., Слюсаренко И.Ю.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕТОДА ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ РЕНТГЕНОВСКОЙ ТОМОГРАФИИ
ДЛЯ АНАЛИЗА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДЕРЕВЯННЫХ ИЗДЕЛИЙ 176
Горюнова О.И., Новиков А.Г., Лбова Л.В.
РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ХАДАРТА IV
НА ПОБЕРЕЖЬЕ ОЗЕРА БАЙКАЛ 181
Грушин С.П., Шайхутдинов В.М., Мерц И.В.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ
РАННЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА НА АЛТАЕ 186
Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Грушин С.П.,
Чемякина М.А., Михеев О.А.
АРХЕОЛОГО-ГЕОФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКА ТЕЛЕУТСКИЙ ВЗВОЗ I 191
Дядьков П.Г., Тикунов С.Ю., Чемякина М.А., Позднякова О.А.,
Степаненко Д.В., Полосьмак Н.В., Богданов Е.С.
РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА КУРГАНАХ
В СУЗУНСКОМ РАЙОНЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ.....196
Киреев С.М., Ойношев В.П., Чевалков Л.М., Кубарев В.Д.
РАСКОПКИ В ЧЕМАЛЬСКОМ И УСТЬ-КАНСКОМ РАЙОНАХ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ.....202
Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Фролов Я.В.
ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ И РАННЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В АЛТАЙСКОМ ПРИОБЬЕ И СТЕПНОМ АЛТАЕ 206
Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА III
В 2010 ГОДУ.....211
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Айткулова А.Х.
ХРАМ «СОЛНЦЕ В ЛОДКЕ» И СВЯЗАННЫЕ С НИМ
АСТРОПУНКТЫ НАБЛЮДЕНИЯ СВЕТИЛ
(К ИННОВАЦИОННОЙ МЕТОДИКЕ ОЦЕНОК СЕМАНТИКИ
НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СВЯТИЛИЩ
ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ).....217
Миклашевич Е.А.
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
ПОВРЕЖДЕНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ ТОМСКОЙ ПИСАНИЦЫ.....223
Миклашевич Е.А., Бове Л.Л.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ГОРЫ ТОРГУН
В ОНГУДАЙСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ.....229

Молодин В.И.
ПЕТРОВСКАЯ КУЛЬТУРА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 234
Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А.
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО РАДИОУГЛЕРОДНОЙ ХРОНОЛОГИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ МОГИЛЬНИКА СОПКА-2 ЭПОХИ РАННЕЙ – РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ 240
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нескоров А.В.
ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТАРЫЙ САД В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ 247
Молодин В.И., Позднякова О.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Борзых К.А.
КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ПРЕОБРАЖЕНКА-6 В 2010 ГОДУ.....251
Молодин В.И., Слюсаренко И.Ю., Пилипенко А.С., Поздняков Д.В.
КОРРЕЛЯЦИЯ ДАННЫХ ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ И ПАЛЕОГЕНЕТИКИ ДЛЯ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЛОСКОГОРЬЯ УКОК И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ 256
Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.Л., Ковыршина Ю.Н., Нестерова М.С.
ТАРТАС-1 – ОТКРЫТИЯ 2010 ГОДА 262
Мыльников В.П.
РЕЗЬБА ПО ДЕРЕВУ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРТЕФАКТОВ ИЗ МУЗЕЕВ БЕРЛИНА И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА).....267
Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю.
КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ КУРГАНА 1 МОГИЛЬНИКА АК-АЛАХА-1 273
Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П.
ГОНЧАРНАЯ КЕРАМИКА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО 280
Номоконова Т.Ю., Батракова Н.А., Горюнова О.И.
КОСТИ ЛОШАДИ В ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ XVII–XIX ВЕКОВ ПРИОЛЬХОНЬЯ (ОЗЕРО БАЙКАЛ) 285
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В.
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ ЧАГАНБУРГАЗЫ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ).....289
Семибратов В.П., Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Демин М.А.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ БИРЮЗОВАЯ КАТУНЬ-7 В 2010 ГОДУ.....294
Соловьев А.И.
ЕЩЕ РАЗ О ПАНЦИРЕ С ЗУБЧАТЫМИ ПЛАСТИНАМИ: ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....297
Соловьева Е.А., Табарев А.В., Табарева Ю.В.
ДОГУ: СТРАНИЦЫ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ДЗЕМОНА 303
Степанова Н.Ф.
ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЙ АФАНАСЬЕВСКОЙ КЕРАМИКИ ИЗ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ГОРНОГО АЛТАЯ 307

Татауров С.Ф.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ГОРОДА ТАРЫ В 2010 ГОДУ 312
Татаурова Л.В.
РУССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
XVII–XVIII ВЕКОВ АНАНЬИНО I.....316
Худяков Ю.С.
ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ИЗ АРАБСКИХ
ИСТОЧНИКОВ О НЕОБЫЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ, ПРОИСХОДИВШИХ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ
ВОСТОКЕ, ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ ПРИРОДНЫХ
АНОМАЛИЙ И КАТАСТРОФ НА ЕВРАЗИЙСКОМ КОНТИНЕНТЕ 319
Худяков Ю.С., Филиппович Ю.А.
ОБРЕЗ ФИТИЛЬНОГО РУЖЬЯ, ОБНАРУЖЕННЫЙ
В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭДИГАН 323
Черемисин Д.В.
ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ЮЖНОГО АЛТАЯ В 2010 ГОДУ 327
Шульга П.И.
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ VIII–III ВЕКОВ ДО Н.Э. В СИНЬЦЗЯНЕ (КИТАЙ) 331
Эбель А.В., Буржуа Ж., Соёнов В.И., Кубарев В.Д.
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ СЕБИСТЕЯ
(ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ).....335

АНТРОПОЛОГИЯ

Зубова А.В.
ОДОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
АФАНАСЬЕВЦЕВ АЛТАЯ 340
Казакова Е.А.
СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОСМЕРТНЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ С ЧЕРЕПАМИ
ИЗ ТРОИЦКОГО МОГИЛЬНИКА 345
Медведев В.Е., Казакова Е.А.
ПОГРЕБЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ПОСЕЛЕНИИ ПЕРЕВАЛ 350

ЭТНОГРАФИЯ

Афанасьева Ю.Ю.
ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ОДЕЖДЫ ЧИКОЙСКОЙ
И БИЧУРСКОЙ ГРУПП СТАРООБРЯДЦЕВ-СЕМЕЙСКИХ 356
Ахметова Ш.К., Толпеко И.В.
МЕМОРИАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ОСОБЕННОСТИ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ОКРЕСТНОСТЯХ ОЗЕРА ЭБЕЙТЫ 360
Бадмаев А.А.
ПОСЕЛЕНИЯ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 364
Бельгибаев Е.А., Папин Д.В., Коротков А.В., Брусник Н.Д.
О ФОРМИРОВАНИИ ДУНГАНСКОГО
ЭТНИЧЕСКОГО ЭЛЕМЕНТА НА АЛТАЕ 369

Болонев Ф.Ф.
РУЧНЫЕ ЖЕРНОВА И СТУПЫ
В ХОЗЯЙСТВЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАБАЙКАЛЬЯ 372
Бурнаков В.А.
ОБРАЗ ГУСЯ В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ХАКАСОВ 378
Голубкова О.В.
ОБРАЗ ЗМЕИ В ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И КОМИ
(ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2000-х ГОДОВ) 383
Жигунова М.А.
РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ: ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ
СОВРЕМЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ И КУЛЬТУРЫ 388
Зуев А.С.
РЕОРГАНИЗАЦИЯ ВЛАСТНОЙ ИЕРАРХИИ У КОРЯКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА.....393
Любимова Г.В.
ФЕНОМЕН «РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ»
В ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО РЕГИОНА 397
Люцидарская А.А.
ТОЛМАЧИ-НОВОКРЕЩЕНЫ (ИЗ ИСТОРИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
КОНТАКТОВ В СИБИРИ) 401
Майничева А.Ю.
РЕКОНСТРУКЦИЯ БЕРЕЗОВСКОГО ОСТРОГА 1636 ГОДА 405
Майничева А.Ю., Глухих Е.И.
СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И ПОСТРОЙКИ РУССКОГО
СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ
(НА ПРИМЕРЕ КЕЖЕМСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ) 410
Майничева А.Ю., Мыльников В.П., Рудая И.М., Коваленко Е.А.
ЭКСПОЗИЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ
НА ТЕРРИТОРИИ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН.....415
Мальцева О.В.
РАБОТА КРАСНОГО КРЕСТА СРЕДИ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ
СИБИРИ: ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ (1920-е ГОДЫ) 419
Николаев В.В.
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ
СЕВЕРНОГО АЛТАЯ (XVII – НАЧАЛО XX ВЕКА) 423
Овчарова М.А.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
ДВИЖЕНИЯ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ 1990 – 2000-х ГОДОВ).....427
Октябрьская И.В., Сураганов С.К.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ТРАДИЦИОННЫХ
УЗОРНЫХ ВОЙЛОКОВ КАЗАХОВ ЮЖНОГО АЛТАЯ 431
Октябрьская И.В., Сураганова З.К.
КУРАК И ЖЫРТЫС В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....435
Охотников А.Ю.
НЕМЕЦКО-КАЗАХСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОЛИЭТНИЧНОМ
СООБЩЕСТВЕ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КУЛУНДИНСКОЙ
СТЕПИ В XX–XXI ВЕКАХ 439

Павлова Е.Ю.
НАРОДНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ
ЮЖНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ НИИХП) 443
Сальникова И.В., Николаев В.В.
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ АВТОХТОННОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ
И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 447
Самушкина Е.В.
ТЕМА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) 450
Севостьянов А.С.
ТУВИНСКИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ
В РОССИЙСКИХ МУЗЕЯХ 454
Скобелев С.Г., Выборнов А.В.
ДЕМОГРАФИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ:
ХАРАКТЕР ОТРАЖЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 457
Фурсова Е.Ф.
СЕВЕРОРУССКИЕ И УРАЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ В ОРНАМЕНТАЦИИ
ПРЯЛОК КРЕСТЬЯН-СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ 460

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

БОГУЧАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ:
ТРЁХЛЕТНИЕ ИТОГИ (*Коровушкин Д.Г.*) 466
Адамов А.А., Данилов П.Г.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
СТОЯНКИ СЕРЕЖКИНО В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 471
Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н.,
Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I В 2010 ГОДУ 474
Акимова Е.В., Горельченкова О.А., Кукса Е.Н.,
Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА I, ПУНКТ 2 В 2010 ГОДУ.....479
Амзараков П.Б., Ковалева О.В.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ СТОЯНКА РОЖКОВО
И ОСТРОВ СОСНОВЫЙ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....483
Басова Н.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО
МОГИЛЬНИКА НА СТОЯНКЕ КОДА-2.....488
Басова Н.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ
НА СТОЯНКЕ СЕНЬКИНА ШИВЕРА В 2010 ГОДУ 492

Выборнов А.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ (КОДА-4, СЕНЬКИН КАМЕНЬ, ГОРА КУТАРЕЙ, РУЧЕЙ ПОВАРНЫЙ) 496
Герман П.В., Леонтьев С.Н.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКАХ СЕРГУШКИН-3 И ВЗВОЗ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ....500
Грачев И.А.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТОЯНКЕ ОКУНЕВКА В 2010 ГОДУ....506
Гревцов Ю.А., Лысенко Д.Н., Галухин Л.Л.
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ БЕРЯМБИНСКОГО ОТРЯДА БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИАЭТ СО РАН В 2010 ГОДУ....509
Заика А.Л.
РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ АПЛИНСКИЙ ПОРОГ В 2010 ГОДУ....515
Заика А.Л.
АНСАМБЛЬ ПАМЯТНИКОВ ОСТРОВ КАМЕННЫЙ-КЕЖЕМСКИЙ (РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2010 ГОДУ)....518
Колонцов С.В., Карповская П.В.
НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СПАСАТЕЛЬНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИАЭТ СО РАН)....521
Коровушкин Д.Г., Чернова И.В.
ИТОГИ РАБОТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА БОГУЧАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2010 ГОДУ....526
Кукса Е.Н.
ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УСТЬ-КОВИНСКОГО КОМПЛЕКСА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ В 2010 ГОДУ)....530
Леонтьев В.П., Вдовин А.С.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В 2010 ГОДУ....534
Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. , Новосельцева В.М., Роговской Е.О.
РЕЗУЛЬТАТЫ СПАСАТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ УСТЬ-ЁДАРМА I–III В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС В 2010 ГОДУ....538
Лунева Д.Е.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ АНГАРЫ В 2010 ГОДУ....542
Макаров Н.П., Быкова М.В., Баташев М.С.
ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ТОЛСТЫЙ МЫС-2 В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС....546
Мандрыка П.В., Сенотрусова П.О.
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОГИЛЬНИК ПРОСПИХИНСКАЯ ШИВЕРА IV НА АНГАРЕ....550

Марковский Г.И.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНОК КОДА-2, РУЧЕЙ СМОЛОКУРНЫЙ, МЫС СТОЛБЫ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ 555
Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н.
РАБОТЫ 1-го И 2-го ПАШИНСКИХ ОТРЯДОВ В 2010 ГОДУ (КЕЖЕМСКИЙ РАЙОН КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ) 559
Постнов А.В.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ БОЛЬШАЯ ПЕЛЕНДА 565
Постнов А.В.
СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ 569
Рудковский С.И.
РАБОТЫ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС НА ОСТРОВАХ СЕРГУШКИН И СОКОЛОВСКИЙ 573
Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мещерин М.Н., Фролов Я.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА СТОЯНКАХ ИГРЕНЬКИНА ШИВЕРА И КОЛПАКОВ РУЧЕЙ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ БОГУЧАНСКОЙ ГЭС 575
Савин А.Н.
КЕРАМИКА МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ПАРТА 582
Савин А.Н., Славинский В.С., Казакова Е.А., Солодская О.В.
БРОНЗОВАЯ ФИГУРКА ПТИЦЫ СО СТОЯНКИ УСТЬ-КОДА 587
Славинский В.С., Казакова Е.А., Милютин К.И.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ УСТЬ-КОДА 592
Славинский В.С., Казакова Е.А., Милютин К.И., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Гулевская В.А.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ПАМЯТНИКЕ КОДА-3 596
Славинский В.С., Казакова Е.А., Милютин К.И., Кербс И.О., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А.
РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА АНСАМБЛЕ ПАМЯТНИКОВ ПАНОВО 600
Субботина А.Л.
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ВОДОХРАНИЛИЩА БОГУЧАНСКОЙ ГЭС ПО РЕКЕ АНГАРЕ В КЕЖЕМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 2010 ГОДУ 604

Научное издание

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2010 года

ТОМ XVI

Технический редактор *М.В. Геращенко*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 05.12.2010 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 38,5. Уч.-изд. л. 39. Тираж 300 экз. Заказ № 267.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.